Сондерс Фрэнсис Стонор

ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны

Предисловие от издателей----3

Введение----5

1. Изысканный труп----10

2. Избранники судьбы----28

3. Марксисты в «Вальдорфе»----37

4. Деминформ демократии----45

5. Идея - крестовый поход----57

6. Операция «Конгресс»----66

7. «Сладости»----81

8. Американский праздник----87

9. Консорциум----99

10. Кампания правды----112

11. Новый консенсус----120

12. Журнал «X»----126

13. Святоши Вилли----144

14. Музыка и истина, ma non troppo----161

15. Команда Рэнсома----177

16. Бумагомаратели-янки----191

17. Фурии на страже----212

18. Когда рак на горе свистнет----230

19. Ахиллесова пята----238

20. Культурный НАТО----247

21. Цезарь Аргентины----260

22. ПЕН-друзья----271

23. Литературная «бухта Свиней»----278

24. Вид с «Крепостного вала»----287

25. Дурное предчувствие----295

26. Невыгодная сделка----307

Эпилог----314

Примечания----322

Источники----323

Книга британской журналистки и режиссёра-документалиста Фрэнсис Стонор Сондерс впервые представляет шокирующие свидетельства манипуляций ЦРУ в сфере культурной политики в годы холодной войны. На основе скрупулёзно собранной архивной информации автор описывает деятельность ЦРУ по финансированию и координации левых интеллектуалов и деятелей культуры в Западной Европе и США с целью отдалить интеллигенцию от левых идей, склонить её к борьбе против СССР и привить симпатию к «американскому пути». Созданный и курируемый ЦРУ Конгресс за свободу культуры с офисами в 35 странах являлся основным механизмом и платформой для этой работы, в которую были вовлечены такие известные писатели и философы, как Раймонд Арон, Андре Мальро, Артур Кёстлер, Джордж Оруэлл и многие другие.

Предисловие от издателей

Книга историка и журналистки из Великобритании Фрэнсис Стонор Сондерс «ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны» впервые раскрывает подробности того, как Соединённые Штаты выстраивали свою «мягкую силу» в 1950-1960-е годы. «Лучшая пропаганда - это её отсутствие» - под таким лозунгом в обстановке строжайшей секретности вело работу в области культуры ЦРУ, тщательно маскируя своё финансирование нагромождением подставных фондов.

Автор книги на протяжении нескольких лет штудировала документы более чем 30 американских и британских архивных собраний, проанализировав огромный массив информации. После Второй мировой войны европейские коммунисты, мужественно защищавшие свои страны от фашизма, пользовались огромной популярностью среди населения и во многих государствах должны были прийти к власти. Вашингтон не мог допустить этого. Наряду с прямым вмешательством в избирательные кампании, как в Италии и во Франции в 1948 году, американские стратеги разработали долгосрочные программы культурного и интеллектуального воздействия на элиты этих стран.

Цель работы над умом и сознанием европейской интеллигенции была двоякая. Во-первых, требовалось сделать левых «некоммунистическими», то есть сдвинуть их ближе к центру, поскольку избавиться от левых взглядов не представлялось возможным. Во-вторых, необходимо было «оторвать» их от Советского Союза, сделать антисоветскими.

В сфере культуры Советский Союз представлял настолько убедительные аргументы, что американский истеблишмент мучился неспособностью сформулировать контраргументы и предложить свою моральную и духовную силу.

Огромный успех советского Дома культуры в Берлине, открытого в 1947 году, вызвал у американских «рыцарей холодной войны» настоящую панику. Ведь для Европы американской культуры как таковой не существовало. С европейской точки зрения, Америка была «культурной пустыней», нацией жующих жвачку обывателей, чьим национальным девизом могли служить слова американского журналиста и критика Дуайта Макдональда: «Я получил своё, и пошёл ты, Джек!».

Основным инструментом культурного фронта холодной войны являлся Конгресс за свободу культуры (Congress for Cultural Freedom) с отделениями в 35 государствах, десятками изданий и программ. Многочисленные издания, симпозиумы, выставки, концерты и программы Конгресса должны были убедить европейцев, что «Америка и американцы достигли полного триумфа во всех сферах человеческого духа, общих и Старому и Новому Свету».

Для сокрытия финансирования и участия в деятельности Конгресса за свободу культуры ЦРУ создало разветвлённую систему фондов, служивших каналами для проведения средств. Эта система позволяла ЦРУ финансировать неограниченное количество тайных программ в отношении молодёжных групп, профсоюзов, университетов, издательских домов и других организаций с начала 1950-х годов. Популярной стала шутка: если какая-нибудь американская благотворительная или культурная организация внесла слова «независимая» или «частная» в свои документы, она, скорее всего, является прикрытием ЦРУ. Автор книги не является приверженцем России или ранее Советского Союза. Фрэнсис Стонор Сондерс - одна из тех людей на Западе, кто пытается добраться до истины и не приемлет огромную систему обмана, отстроенную государственным аппаратом для манипуляции общественным мнением.

<sndrf002.jpg>

Фрэнсис Стонор Сондерс - действительно независимый журналист и историк, в истинном, не вашингтонском, понятии этого слова.

Вероника Крашенинникова, генеральный директор Института внешнеполитических исследований и инициатив

Введение

«Лучший способ вести пропаганду - это никогда не выглядеть ведущим пропаганду». Ричард Кроссман (Richard Crossman)

В разгар холодной войны правительство США вложило громадные средства в секретную программу культурной пропаганды в Западной Европе.

Центральным аспектом программы было распространение утверждения о том, что её не существует. Руководство пропагандой осуществлялось в обстановке строжайшей секретности Центральным разведывательным управлением.

Средоточием этой тайной кампании являлся Конгресс за свободу культуры, который с 1950 по 1967 год возглавлял агент ЦРУ Майкл Джоссельсон (Michael Josselson). Его достижения, несмотря на непродолжительное время существования, были весьма значительны. На пике своей активности Конгресс за свободу культуры имел отделения в 35 странах, его персонал насчитывал десятки работников, он издавал более 20 престижных журналов, владел новостными и телевизионными службами, организовывал престижные международные конференции, выступления музыкантов и выставки художников, награждал их призами. Его задачей было отвлечь интеллигенцию Западной Европы от затянувшегося увлечения марксизмом и коммунизмом и привести её к воззрениям, более подходящим для принятия «американского образа жизни».

Привлекая обширное и очень влиятельное сообщество интеллектуалов, политических стратегов, корпоративной элиты, а также старые университетские связи «Лиги плюща» (Ivy League; общее название для самых старых и престижных университетов США. - Прим. ред.), это начинание ЦРУ стартовало в 1947 году с создания консорциума, чья двойная задача состояла в том, чтобы привить мир от коммунистической заразы и облегчить продвижение интересов американской внешней политики за рубежом. Результатом стало создание сплочённого сообщества людей, работавших рука об руку с ЦРУ для распространения одной идеи: мир нуждается в Pax Americana (американский мир, мир по американскому образцу. - Прим. ред.), новой эпохе Просвещения, которая могла бы называться «американским веком».

Созданный ЦРУ консорциум, состоявший из тех, кого Генри Киссинджер (Henry Kissinger) характеризовал как «аристократию, посвятившую себя служению нации на основе принципа беспристрастности», являлся скрытным оружием Америки в холодной войне, применение которого имело обширные последствия. Нравилось им это или нет, знали они об этом или нет - в послевоенной Европе оставалось совсем немного писателей, поэтов, художников, историков, учёных и критиков, чьи имена не были бы связаны с этим тайным предприятием. Никем не оспариваемая, так и не обнаруженная в течение более чем 20 лет, американская разведка управляла изощрённым, надёжно обеспеченным культурным фронтом на Западе, рады Запада, под предлогом свободы

выражения. Определяя холодную войну как «битву за человеческие умы», она запаслась обширным арсеналом культурного оружия: журналами, книгами, конференциями, семинарами, выставками, концертами, премиями.

Среди членов консорциума была смешанная группа бывших радикалов и левых интеллектуалов, чья вера в марксизм и коммунизм оказалась подорвана свидетельствами о сталинском тоталитаризме. Берущее начало в «розовом десятилетии» 1930-х годов, оплаканном Артуром Кёстлером (Arthur Koestler) как «искусственно прерванная революция духа, безрезультатный Ренессанс, ложная заря истории» [1], их разочарование сопровождалось готовностью примкнуть к новому консенсусу, утвердить новый порядок, восполнив израсходованные силы. Традиция радикального диссидентства, согласно которой интеллектуалы брали на себя исследование мифов, ставили под сомнение прерогативы учреждений и тревожили самодовольство властей, была прервана ради поддержки «американского проекта». Поощряемая и субсидируемая могущественными организациями, эта антикоммунистическая группа стала таким же «картельным сговором» в интеллектуальной жизни Запада, каким был коммунизм за несколько лет до этого (и включал зачастую тех же самых людей).

«Приходит время... когда, по-видимому, жизнь теряет способность устраивать саму себя, - говорит Чарли Ситрин, рассказчик в «Даре Гумбольдта» Сола Беллоу (Saul Bellow, Humboldt's Gift). - Она была устроена. Интеллектуалы брались за это, как за свою работу. Со времён, скажем, Макиавелли до наших дней устроение жизни было грандиозным, великолепным, мучительным, обманчивым, гибельным проектом. Человек, подобный Гумбольдту - вдохновенный, проницательный, увлекающийся, был вне себя от восторга с открытием того, что человеческое предприятие, такое величественное и бесконечно разнообразное, отныне будет руководимо выдающимися личностями. Он был выдающейся личностью и, следовательно, приемлемым кандидатом для власти. Что ж, почему бы и нет?» [2]. Подобно этому, многие Гумбольдты - интеллектуалы, преданные ложным идолам коммунизма, - теперь обнаружили себя внимательно изучающими возможность построения нового Веймара, американского Веймара. Если правительство и его тайная рука ЦРУ были готовы содействовать этому проекту - почему бы и нет?

То, что бывшие левые должны были идти в одной связке с ЦРУ, участвуя в общем деле, не так невероятно, как кажется. В холодной войне на культурном фронте существовала подлинная общность интересов и убеждений между Управлением и нанятыми интеллектуалами, даже если последние и не догадывались об этом. Выдающийся либеральный историк Америки еврейского происхождения Артур Шлезингер (Arthur Schlesinger) отмечал, что влияние ЦРУ было не только «реакционным и зловещим... По моему опыту, его руководство было политически просвещённым и

[1]Arthur Koestler in Richard Crossman (ed.). The God That Failed: Six Studies in Communism (London: Hamish Hamilton, 1950).
[2]Saul Bellow. Humboldt's Gift (New York: Viking, 1975).

утончённым» [3]. Взгляд на ЦРУ как на прибежище либерализма являлся мощным стимулом к сотрудничеству с ним или хотя бы оправдывал миф, что сотрудничество мотивировано хорошими намерениями.

Тем не менее, такое восприятие сталкивалось с большими неудобствами из-за репутации ЦРУ как беспощадного агрессора и пугающе опасного инструмента американских сил в холодной войне. Это была организация, которая руководила свержением премьер-министра Мосаддыка (Mossadegh) в Иране в 1953-м, устранением правительства Арбенса в Гватемале в 1954-м, гибельной операцией в заливе Свиней на Кубе в 1961-м, пресловутой программой «Феникс» во Вьетнаме. Она шпионила за десятками тысяч американцев, преследовала демократически избранных лидеров в других странах, планировала убийства, отрицала свою деятельность в Конгрессе и вдобавок ко всему подняла искусство лжи на новую высоту. Посредством какой же замечательной алхимии смогло ЦРУ преподнести себя таким возвышенным интеллектуалам, как Артур Шлезингер, в качестве золотого вместилища лелеемого либерализма?

Глубина, которой американская разведка достигала в своём проникновении в культурные дела западных союзников, действуя в качестве непризнанного посредника в самом широком спектре творческой активности, ставя интеллектуалов и их работу в положение шахматных фигур в большой игре, остаётся одним из самых будоражащих вопросов в наследии холодной войны. Защита, выстроенная покровителями ЦРУ в тот период, покоящаяся на утверждении, что существенные финансовые средства выделялись без дополнительных условий, никем ещё не была серьёзно оспорена. В интеллектуальных кругах Америки и Западной Европы продолжают с готовностью принимать за правду то, что ЦРУ всего лишь проявляло заинтересованность в расширении возможностей для свободного и демократического культурного самовыражения. «Мы просто помогли людям сказать то, что они сказали бы в любом случае, - так беспроигрышно выстраивается эта линия защиты. - Если получатели средств из фондов ЦРУ не были осведомлены об этом факте, если их образ действий не изменился впоследствии, значит, их независимость как критически мыслящих индивидов не была затронута».

Однако официальные документы, относящиеся к культурному фронту холодной войны, подрывают этот миф об альтруизме. Люди и организации, оплачиваемые ЦРУ, были готовы выполнять свою роль участников широкой кампании убеждения, кампании пропагандистской войны, в которой пропаганда определялась как «любое организованное усилие или движение, направленное на распространение информации или конкретной доктрины посредством новостей, специальных аргументов или призывов, предназначенных для влияния на мысли и действия любой данной группы» [4].

---

[3]Arthur M. Schlesinger, Jr. A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House (London: Andre Deutsch, 1965).

[4]National Security Council Directive, 10 July 1950, цитата из Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to I ntelligence Activities (Washington: United States Government Printing Office, 1976).

Жизненно важной составляющей этих усилий была психологическая война, которая определялась как «планомерное использование нацией пропаганды и действий, отличных от военных, которые сообщают идеи и информацию, предназначенные для влияния на мнения, позиции, эмоции и поведение населения других стран, с целью поддержки осуществления национальных задач». А наиболее эффективный вид пропаганды достигается, когда «субъект движется в желательном для вас направлении, веря, что руководствуется собственными мотивами» [5]. Бесполезно отрицать эти определения. Они разбросаны по всей правительственной документации, это данность американской послевоенной культурной дипломатии.

Несомненно, маскируя финансовые вложения, ЦРУ действовало, исходя из предположения, что приглашение к сотрудничеству может быть отвергнуто, если делается открыто. Какой вид свободы может распространяться таким обманным путём? Свобода любого вида, безусловно, не стоит на повестке дня в Советском Союзе, где писатели и интеллектуалы, ещё не отправленные в лагеря, подневольно служат интересам государства. Было бы, конечно, справедливо противостоять такой несвободе. Но какими средствами? Существовали ли какие-либо основания для того, чтобы считать невозможным возрождение принципов западной демократии в послевоенной Европе в соответствии с некоторыми внутренними механизмами? Или для того, чтобы не считать, что демократия может быть более сложным явлением, чем предполагает прославленный американский либерализм? До какой степени приемлемо для другого государства тайно вмешиваться в фундаментальный процесс естественного интеллектуального роста, свободных дискуссий и несдерживаемого потока идей? Не было ли здесь риска создать вместо свободы разновидность недо-свободы (ur-freedom), когда люди думают, что действуют свободно, в то время, как на самом деле они ограничены силами, над которыми не имеют контроля? Вступление ЦРУ в войну на культурном фронте ставит и другие вопросы.

Могла ли финансовая помощь исказить процесс становления интеллектуалов и распространения их идей? Были ли люди отобраны для занимаемого ими положения на основаниях, отличных от их интеллектуальных заслуг? Что имел в виду Артур Кёстлер, когда высмеивал научные конференции и симпозиумы как «разъезды международных академических девочек по вызову»? Обеспечивалась ли защита репутации или её улучшение членам консорциума по культуре ЦРУ? Сколько писателей и учёных, получивших доступ к международной аудитории для распространения своих идей, были в действительности второстепенными публицистами-однодневками, чьи труды обрекались пылиться в подвалах букинистических магазинов? В 1966 году в «Нью-Йорк Таймс» (New York Times) вышла серия статей, продемонстрировавшая широкий размах тайной деятельности, осуществлявшейся американской разведкой. О том, что как только истории о попытках государственных переворотов и политических убийствах (по большей части неумело совершённых) выливаются на первые полосы газет, ЦРУ приходит в состояние, напоминающее отбившегося от стада слона, ломящегося через джунгли мировой политики, круша всё на

[5]Там же.

своём пути, не ограниченного никакой ответственностью. Среди этих драматических шпионских разоблачений появлялись и подробности того, каким образом американское правительство демонстрировало себя западным жрецам культуры, обеспечивавшим интеллектуальный авторитет его действиям.

Предположение, что многие интеллектуалы действовали под диктовку американских политиков, а не в соответствии с собственными принципами, порождает всеобщее отвращение. Моральный авторитет, которым пользовалась интеллигенция в разгар холодной войны, теперь серьёзно подорван и зачастую осмеян. Консенсократия развалилась, её основа не смогла удержаться.

Да и сама история стала фрагментированной, частичной, видоизменённой, иногда вопиющим образом - благодаря силам как правым, так и левым, которые хотели бы исказить правду ради достижения собственных целей. По иронии судьбы обстоятельства, которые сделали возможными разоблачения, сами способствовали тому, чтобы затушевать их истинное значение. Когда безумная антикоммунистическая кампания во Вьетнаме поставила Америку на грань социального коллапса, когда последовали скандалы уровня «документов Пентагона» или Уотергейта, стало трудно поддерживать интерес к делу о культурной борьбе (Kulturkampf) или испытывать возмущение по этому поводу - на фоне всего остального оно казалось лишь второстепенной оплошностью.

«История, - писал Арчибальд Маклейш (Archibald MacLeish), - подобна плохо спроектированному концертному залу с мёртвыми зонами, где не слышно музыки» [6]. Эта книга представляет собой попытку выявить и зафиксировать такие мёртвые зоны. Она ищет особую акустику, мелодию, отличную от той, что исполняется официальными виртуозами эпохи. Это тайная история, поскольку она верит в действенность силы личных отношений, «мягких связей» и сговоров, в значение салонной дипломатии и будуарного политиканства. Книга бросает вызов тому, что Гор Видал (Gore Vidal) описывал как «официальные фикции, которые согласовываются слишком многими и слишком пристрастными сторонами, каждая со своей тысячей дней, за которые строятся собственные вводящие в заблуждение пирамиды и обелиски, претендующие показывать время по солнцу». Любая история, которая исходит из изучения этих «согласованных фактов», неизбежно становится, по словам Цветана Тодорова (Tzvetan Todorov), «актом профанации. Речь идёт не о содействии в создании культа героев и святых, а о максимально возможном приближении к правде. Это часть того, что Макс Вебер (Maks Weber) называл «расколдовыванием мира», того, что находится на противоположном крае от идолопоклонства. Речь об освобождении правды ради самой правды, а не об извлечении образов, которые считаются полезными для настоящего» [7].

---

[6]Archibald MacLeish. New York Times, 21 January 1967.
[7]Tzvetan Todorov. The Communist Archives, Salmagundi, Summer 1997.

1.Изысканный труп

«Место это неприветливое во времена прежние и в будущем в тусклом свете». Т.С. Элиот, «Сожжённый Нортон»

Европа пробудилась на морозной послевоенной заре. Зима 1947 года была самой холодной за всё время наблюдений. Она открыла свой фронт, проходящий через Германию, Италию, Францию, Британию и с января по конец марта вела наступление без всякой жалости. В Сен-Тропе выпал снег, штормовые ветра вызвали непроницаемые метели, плавучие льды достигали устья Темзы, поезда с продовольствием примерзали к рельсам, баржи, везущие уголь в Париж, вмерзали в лёд. Философ Исайя Берлин (Isaiah Berlin) ужасался скованному стужей городу, «покинутому, пустому и мёртвому, словно изысканный труп».

По всей Европе водоснабжение, канализация и большинство других коммунальных удобств перестали функционировать, снабжение продовольствием сократилось, запасы угля упали до самого низкого уровня за все времена, поскольку шахтёры с трудом справлялись с намертво смерзавшимися подъёмными механизмами. За непродолжительными оттепелями опять следовали морозы, сковывавшие каналы и дороги толстым слоем льда. В Британии количество безработных выросло на один миллион за два месяца. Государственное управление и промышленность буквально застряли в снегу и льдах. Казалось, что замерзала и сама жизнь: более 4 миллионов овец и 30 тысяч коров погибли.

Вилли Брандт (Willy Brandt), будущий канцлер, видел Берлин, охваченным «новым ужасом», этот город в наибольшей степени символизировал коллапс Европы. Жуткий холод «нападал на людей как дикий зверь, загоняя их в дома. Но и там они не находили передышки. В оконных проёмах не было стёкол, их наспех заколачивали досками и гипсовыми панелями. Стены и потолки были в трещинах и дырах, люди затыкали их бумагой и тряпками. На отопление шли скамейки из парков… старики и больные сотнями замерзали насмерть в своих постелях» [8].

В качестве крайней меры каждой германской семье было выделено одно дерево на отопление. В начале 1946 года берлинский зоосад оказался уже полностью вырублен, его статуи стояли посреди пустыря, в окружении замёрзшей грязи; зимой 1947 года леса в знаменитом Грюневальде были уничтожены. Метели, засыпавшие развалины разрушенного бомбардировками города, не могли скрыть страшное наследие гитлеровской маниакальной мечты о Германии. Берлин, подобно разрушенному Карфагену, приводил в отчаяние, холодный, полный призраков, побеждённый, завоёванный, оккупированный.

Погода жестоко убеждала в физической реальности холодной войны, прокладывавшей себе путь в новой, послеялтинской топографии Европы, национальные территории которой были расчленены и прежний состав населения насильственно изменён. Оккупационные администрации

[8]Willy Brandt. Цитата из The Big Chill, Sunday Times, 5 January 1997.

союзников во Франции, Германии, Австрии и Италии бились над тем, чтобы как-то справиться с 13 миллионами бездомных, демобилизованных и перемещённых лиц. Растущие ряды персонала союзных администраций, прибывающего на оккупированные территории, усугубляли проблему. Всё большее число людей, вынужденных покинуть свои дома, присоединялись к тем, кто уже ночевал в общественных зданиях, подъездах, подвалах и бомбоубежищах. Кларисса Черчилль (Clarissa Churchill), бывшая гостем Британской контрольной комиссии (British Control Commission) в Берлине, вспоминала, что была «защищена как географически, так и материально от воздействия хаоса и нищеты, царивших в городе. Я ходила по тёплой спальне в бывшем доме какого-то нациста, лежала на обшитых кружевом простынях, изучала его полки с книгами - даже эти простые действия позволяли мне почувствовать привкус исступлённого торжества завоевателя, который, впрочем, немедленно исчезал, стоило только немного прогуляться по улицам или посетить неотапливаемую немецкую квартиру» [9].

Для победителей это было головокружительное время. В 1947 году блок американских сигарет стоил 50 центов на американской военной базе, тогда как на чёрном рынке он оценивался в 1800 рейхсмарок, что равнялось 180 долларам по легальному обменному курсу. За четыре блока сигарет можно было нанять на вечер немецкий оркестр, а за двадцать четыре блока - приобрести «Мерседес-бенц» 1939 года выпуска. Пенициллин и сертификаты Persilscheine (Белее белого), которые гарантировали, что владелец не имел никаких связей с нацистами, стоили дороже всего. Благодаря таким чудесам экономики простые солдаты из рабочих семей Айдахо могли жить как новые цари.

Подполковник Виктор Ротшильд (Victor Rothschild), первый британский военный, прибывший в Париж в день освобождения в должности специалиста по обезвреживанию неразорвавшихся бомб, вернул свой фамильный дом на улице Мариньи, который был отобран нацистами. Там он угощал молодого офицера разведки Малкольма Маггериджа (Malcolm Muggeridge) марочным шампанским. Старый семейный дворецкий, работавший в доме и при немцах, заметил, что ничего не изменилось. Отель «Риц», реквизированный миллионером и офицером разведки Джоном Хэем Уитни (John Hay Whitney), принимал Дэвида Брюса (David Bruce), друга Скотта Фицджеральда (F. Scott Fitzgerald) по Принстонскому университету. Брюс, явившись вместе с Эрнестом Хэмингуэем (Ernest Hemingway) и целой армией освободителей, отправил управляющему заказ на 50 коктейлей с мартини. Хэмингуэй, как и Дэвид Брюс, служивший в Управлении стратегических служб (Office of Strategic Services) - американской секретной службе времён войны, вместе со своими бутылками виски обосновался в «Рице» и там в алкогольном помутнении принимал в гостях нервного Эрика Блэра (Eric Blair; он же Джордж Оруэлл) и более уравновешенную Симону де Бовуар (Simone de Beauvoir) вместе с её возлюбленным Жан-Полем Сартром (Jean-Paul Sartre; который, как он впоследствии писал, напился до забытья и пережил худшее похмелье в своей жизни).

[9]Clarissa Churchill. Berlin Letter, Horizon, vol. 13/75, March 1946.

Философ и офицер разведки Э.Дж. «Фредди» Эйер (A.J. «Freddie» Ayer), автор книги «Язык, истина и логика», стал легко узнаваемой персоной в Париже, поскольку разъезжал с шофёром на большом «Бугатти», укомплектованном армейской радиостанцией. Артур Кёстлер со своей подругой Мамэн Паже (Mamaine Paget) «скудно обедали» вместе с Андре Мальро (Andre Malraux) блинами с икрой, балыком, водкой и souffle siberienne. Опять-таки в Париже Сьюзан Мэри Олсоп (Susan Mary Alsop), молодая жена американского дипломата, устраивала вечеринки в своём «восхитительном доме, полном обюссоновских ковров и хорошего американского мыла». Но когда она выходила из дома, то встречала «только суровые, изнурённые и полные страданий лица. Людям нечего было есть, за исключением тех, кто мог позволить себе покупать продукты на чёрном рынке, да и там их было не так много. Кондитерские магазины пустовали, на их витринах, как, например, в кафе Румпльмайера, можно было увидеть искусно сделанное картонное пирожное или пустую коробку из-под шоколада с надписью «модель», и больше ничего. В витрине магазина на улице Фобур-Сент-Оноре могла гордо демонстрироваться пара ботинок с этикеткой «настоящая кожа» или «модель» в окружении отвратительных на вид вещей, сделанных из соломы. Как-то, будучи не на территории «Рица», я выбросила сигаретный окурок - и хорошо одетый пожилой джентльмен сразу схватил его» [10].

Примерно в то же время молодой композитор Николай Набоков, двоюродный брат писателя Владимира Набокова, выбросил окурок в советском секторе Берлина: «Когда я пошёл назад, из темноты выскочила фигура и подняла брошенную мной сигарету» [11]. Поскольку сверхраса была занята выискиванием в помойках окурков, топлива и еды, развалины бункера фюрера мало привлекали берлинцев. Зато американцы, служившие в военной администрации, по субботам исследовали с помощью фонарей подвалы разрушенной рейхсканцелярии Гитлера и растаскивали экзотические находки: румынские пистолеты, толстые пачки полусожженных банкнот, железные кресты и другие ордена. Один мародёр открыл женский гардероб и подобрал там несколько латунных петлиц от мундиров с выгравированными нацистским орлом и словом Reichskanzlei (Рейхсканцелярия). Фотограф журнала Vogue Ли Миллер (Lee Miller), бывшая когда-то музой Мана Рэя (Man Ray), позировала одетой в ванной гитлеровского бункера.

Однако веселье вскоре иссякло. Разделённый на четыре сектора, подобный наблюдательному пункту на мачте корабля посреди моря контролируемой Советским Союзом территории, Берлин стал «травматической синекдохой холодной войны» [12]. Работая с нарочитой солидарностью в Союзной комендатуре (Kommandatur) над задачами «денацификации» и «переориентации» Германии, четыре державы боролись

[10]Susan Mary Alsop. To Marietta from Paris 1945-1960 (New York: Doubleday, 1975). См. также: Antony Beevor and Artemis Cooper. Paris After the Liberation, 1944—1949 (London: Hamish Hamilton, 1994).

[11]Nicolas Nabokov. Old Friends and New Music (London: Hamish Hamilton, 1951).

[12]James Burnham. Цитата из Peter Coleman, The Liberal Conspiracy: The Congress for Cultural Freedom and the Struggle for the Mind of Postwar Europe (New York: The Free Press, 1989).

с усиливавшимися идеологическими ветрами, обнажавшими всю шаткость международной обстановки. «Я не чувствовал враждебности к Советам, - писал Майкл Джоссельсон, американский офицер эстонско-русского происхождения. - В то время я был фактически аполитичным, и это очень облегчало мне поддержание прекрасных личных отношений с большей частью советских офицеров, которых я знал» [13]. Однако помимо «дружественно» позиционирующей себя администрации советской зоны влияния существовала реальность массовых показательных процессов и переполненных лагерей в самой России, которая подвергала суровому испытанию дух сотрудничества.

Зимой 1947-го, меньше чем через два года после того, как американские и русские солдаты обнимались на берегах Эльбы, отношения переросли во враждебность. «Только после того как советская политика стала открыто агрессивной, когда сообщения о зверствах, происходящих в советской зоне оккупации, стали появляться ежедневно... и когда советская пропаганда стала грубо антизападной, тогда моя политическая сознательность пробудилась» [14], - записал Джоссельсон.

Штаб-квартира Управления военной администрации США была известна как OMGUS (Office of Military Government US), причём немцы сначала решили, что так пишется слово «автобус» по-английски, поскольку эта аббревиатура была нарисована на двухэтажных автобусах, реквизированных американцами. Время, не занятое шпионажем за тремя другими державами, офицеры OMGUS проводили за конторскими столами, заваленными огромными стопками вездесущих Fragebogen (анкет), которую каждый немец, ищущий работу, обязан был заполнить, отвечая на вопросы о гражданстве, вероисповедании, судимостях, образовании, профессиональной квалификации, гражданской и военной службе, о том, что писал и с какими речами выступал, о доходах и имуществе, поездках за границу и, конечно, о членстве в политических организациях. Проверка всего населения Германии на наличие даже малейших следов «нацизма и милитаризма» была неэффективной бюрократической затеей. В то время как какой-нибудь уборщик мог находиться в чёрном списке за то, что подметал коридоры в рейхсканцелярии, многие гитлеровские промышленники, учёные, администраторы и даже высокопоставленные офицеры незаметно возвращались на свои места союзными властями, отчаянно пытавшимися уберечь Германию от коллапса.

Для Майкла Джоссельсона заполнение бесконечных бланков было не тем методом, с помощью которого следовало разбираться со сложным наследием нацистского режима. Он применил другой подход. «Я не знал Джоссельсона тогда, но слышал о нём, - вспоминал философ Стюарт Хемпшир (Stuart Hampshire), работавший в то время на МИ-6 в Лондоне. - Его слава разошлась по тайным каналам связи всех европейских разведок. Он был большим мастером, человеком, который мог взяться за любое дело. Любое. Если вы хотели пересечь русскую границу, что было практически

[13]Michael Josselson. The Prelude to My Joining the Outfit (MJ/HRC).
[14]Там же.

невозможно, Джоссельсон мог это организовать. Если вам был нужен симфонический оркестр, Джоссельсон мог это устроить» [15].

Бегло говорящий на четырёх языках без малейшего акцента, Майкл Джоссельсон был ценным кадром в рядах американского оккупационного офицерства. К тому же он знал Берлин изнутри. Родившийся в Тарту (Эстония) в 1908-м, сын еврейского лесоторговца, он впервые приехал в Берлин в начале 1920-х, увлечённый волной эмиграции балтийской диаспоры, последовавшей за революцией 1917 года. Большинство членов его семьи были убиты большевиками, и возвращение в Тарту не представлялось возможным.

Он стал членом того поколения, которое Артур Кёстлер назвал «отбросами земли» - выкорчеванными людьми, чьи жизни были разбиты XX веком и чьё единство с родиной разорвано. Джоссельсон учился в Берлинском университете, но покинул его до получения степени и устроился работать закупщиком в сеть американских универмагов Gimbels-Saks, став их представителем в Париже. В 1936-м он эмигрировал в Штаты, где вскоре получил американское гражданство.

Джоссельсон был призван в армию в 1943 году. Опыт жизни в Европе делал его очевидным кандидатом для работы в разведке либо в структурах, занимающихся психологической войной. Он был определён в разведывательный отдел Управления психологической войны (Psychological Warfare Division - PWD) в Германию, где вошёл в состав особой допросной группы из семи человек (неофициальное название Kampfgruppe Rosenberg - боевая группа Розенберга, в честь лидера капитана Альберта Г. Розенберга, Albert G. Rosenberg). Задачей группы было проведение допросов сотен немецких заключённых еженедельно с целью «быстрого отделения убеждённых нацистов от ненацистов, лжи - от правдивых показаний, разговорчивых личностей - от молчаливых» 9. Демобилизовавшись в 1946 году, Джоссельсон остался в Берлине в американской военной администрации в качестве чиновника по вопросам культуры, затем работал в Государственном департаменте и Верховном комиссариате США чиновником по связям с общественностью. В этой должности он занимался «проверкой личных дел» работников германской прессы, радио и развлекательных передач, причём любое СМИ могло быть закрыто «на время удаления нацистов».

В то же управление был назначен Николай Набоков, русский белоэмигрант, живший в Берлине до 1933 года, когда он переехал в Соединенные Штаты. Высокий, красивый, открытый человек, легко находивший друзей и очаровывавший женщин. В 1920-х годах его квартира в Берлине была центром эмигрантской культурной жизни, интеллектуальным салоном, в котором вращались писатели, учёные, художники, политики и журналисты. Среди этой космополитической группы изгнанников был и Майкл Джоссельсон.

В середине 1930-х Набоков уехал в Америку, где создал, по его собственному скромному определению, «первый американский балет» Union

[15]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.

Pacific вместе с Арчибальдом Маклейшем. В Нью-Йорке он делил маленькую студию с Анри Картье-Брессоном (Henri Cartier-Bresson), когда у них не было денег. Набоков позднее писал, что «для Картье-Брессона коммунистическое движение было двигателем истории, провозвестником будущего человечества... Я разделял многие его взгляды, но, несмотря на сильную тоску по моей российской родине, я никогда не мог принять увлечение коммунизмом, свойственное многим западноевропейским и американским интеллектуалам. Я чувствовал, что они были странным образом слепы к реалиям российского коммунизма, что они таким образом просто реагировали на волну фашизма, обрушившуюся на Европу в начале Депрессии. До определённой степени я чувствовал, что коммунистические настроения в середине 1930-х годов являлись преходящим увлечением, умело питаемым мифами о русской большевистской революции, создававшимися советским агитпропом» [16].

В 1945 году вместе с У.Х. Оденом (W.H. Auden) и Дж.К. Гэлбрайтом (J.K. Galbraith) Набоков вошёл в состав Отдела по моральным вопросам (Morale Division) Подразделения по исследованию стратегических бомбардировок (US Strategic Bombing Survey Unit) в Германии, где встречался с сотрудниками, занимавшимися вопросами психологической войны. Позднее вместе со своим старым знакомым Майклом Джоссельсоном он перешёл в Отдел информационного контроля (Information Control Division). Как композитор Набоков был определён в музыкальный отдел, где он рассчитывал «создать годное психологическое и культурное оружие, с помощью которого можно будет уничтожить нацизм и приблизить желанное рождение демократической Германии» [17]. Его задачей было «выкинуть нацистов из немецкой музыкальной жизни и позволить работать тем (предоставив им право на занятие профессией), кого мы считали «чистыми» немцами», а также «контролировать программы германских концертов и следить, чтобы они не превращались в националистические манифестации». Представляя Набокова на вечеринке, один американский генерал сказал: «Он спец по музыке и говорит фрицам, что с ней нужно делать» [18].

Джоссельсон и Набоков составили подходящую, как это ни странно, пару. Набоков был эмоционально экстравагантным, внешне представительным и вечно нерасторопным; Джоссельсон - скрытным, высокомерным, дотошным. Но их объединяли общий язык изгнанников и преданность новому миру - Америке, которая, как они оба верили, является единственным местом, где будущее старого мира находится в безопасности. В них обоих находили отклик драма и интрига послевоенного Берлина, предоставлявшие широкий простор для приложения их талантов и творческих способностей.

Работая вместе, как отметил Набоков, они «добились больших успехов в охоте за нацистами и отстранили на время от работы некоторых известных

---

[16]Michael Josselson. Цит. произв.
[17]Nicolas Nabokov. Bagazh: Memoirs of a Russian Cosmopolitan (London: Seeker Sc Warburg, 1975).
[18]Benno D. Frank. Chief, Theater Sc Music Control, OMGUS Education Sc Cultural Relations Division, 30 June 1947, Cancellation of Registration for German Artists (OMGUS/ RG260/NARA).

дирижёров, пианистов, певцов и симфонических музыкантов (большинство из которых этого вполне заслужили, а некоторые не должны бы выступать и сейчас)» [19]. Часто действуя вопреки официальным установкам, они выработали свой прагматичный взгляд на денацификацию. Они отвергали подход, согласно которому действия людей искусства при нацистском правлении трактовались как явление suigeneris и суждения выносились только на основании анкетных данных. «Джоссельсон искренне верил, что оценка роли, которую играли интеллектуалы в очень трудной ситуации, не должна выноситься скоропалительно, - объяснял позднее его коллега. - Он понял, что нацизм в Германии был одуряющей фантасмагорией. А большинство американцев ничего не понимали. Они просто приходили и показывали пальцем» [20].

В 1947 году дирижёр Вильгельм Фуртвенглер (Wilhelm Furtwangler) стал объектом особенного посрамления. Хотя в своё время он открыто противостоял клеймению Пауля Хиндемита (Paul Hindemith) как «дегенеративного музыканта», позднее ему удалось достичь взаимовыгодного соглашения с нацистским режимом. Фуртвенглер, назначенный государственным советником Пруссии, занимавший и другие высокие посты, предоставленные ему нацистами, руководил Берлинским филармоническим оркестром и Берлинской государственной оперой на протяжении всего времени существования Третьего рейха. Спустя полтора года после его падения, в декабре 1946-го, его жизненный путь впервые привлёк внимание Союзной контрольной комиссии (Allied Control Commission), в результате чего дирижёр предстал перед трибуналом для работников искусства, собранным в Берлине. Дело слушалось в течение двух дней. Добиться ясности не удалось, и трибунал засел за изучение документов ещё на месяц. Затем совершенно неожиданно Фуртвенглер узнал, что Союзная комиссия оправдала его, и с 25 мая 1947 года он снова может управлять Берлинской филармонией в реквизированном американцами «Титания Паласте» (Titania Palast).

Среди бумаг, оставленных Майклом Джоссельсоном, есть заметка, проливающая свет на его участие в том, что осведомлённые люди называли «соскакиванием» Фуртвенглера. «Я играл важную роль в избавлении от унижения великого немецкого дирижёра Вильгельма Фуртвенглера, которого намеревались подвергнуть процедуре денацификации, несмотря на то, что он никогда не состоял в нацистской партии», - писал Джоссельсон [21]. Этот манёвр был осуществлён с помощью Набокова, хотя годы спустя они оба уже плохо помнили детали той истории. «Интересно, ты не помнишь, когда примерно Фуртвенглер приехал в Восточный Берлин и дал там пресс-конференцию, где грозился, что уедет в Москву, если мы его тотчас не оправдаем? - спрашивал Набоков Джоссельсона в 1977 году. - Кажется, я припоминаю, что ты имел какое-то отношение к его доставке из советского сектора на мою квартиру (было такое?). Помню, генерал Макклур (McClure)

[19]Nicolas Nabokov. Old Friends and New Music.
[20]Там же.
[21]Michael Josselson. Цит. произв.

{руководитель Отдела информационного контроля) был в тихой ярости от поведения Фуртвенглера» [22].

Один американский чиновник гневно отреагировал на реабилитацию фигур, подобных Фуртвенглеру. В апреле 1947 года Ньюэлл Дженкинс (Newell Jenkins), курирующий театр и музыку в американской военной администрации Баден-Вюртемберга, потребовал объяснений, «каким образом случилосьтак, что многие видные нацисты в области музыковедения всё ещё активны». Как и Фуртвенглер, Герберт фон Караян (Herbert von Karajan) и Элизабет Шварцкопф (Elisabeth Schwarzkopf) были вскоре оправданы Союзной комиссией, несмотря на наличие обличающих их свидетельств. В случае фон Караяна это было совершенно бесспорно: он состоял в партии с 1933 года и без колебаний открывал свои концерты исполнением любимой нацистами «Песни Хорста Весселя». Враги называли его «полковником СС фон Караяном». Однако, несмотря на то что он был любимцем нацистского режима, фон Караян быстро вернул себе лавры неоспоримого короля Берлинской филармонии, которая в послевоенные годы строилась в качестве символического бастиона против советского тоталитаризма [23].

Элизабет Шварцкопф выступала с концертами для войск СС на восточном фронте, снималась в пропагандистских фильмах Геббельса и была включена им в список артистов, «благословлённых Богом». Она имела партбилет национал-социалистической партии с номером 7548960. «Должен ли пекарь перестать печь хлеб, если ему не нравится правительство?» - спрашивал её аккомпаниатор, наполовину еврей, Петер Геллхорн (Peter Gellhorn), который сам убежал из Германии в 1930-х годах. Конечно, нет. Шварцкопф была оправдана Союзной контрольной комиссией, и её карьера пошла в гору. Впоследствии она удостоилась ордена Британской империи.

Вопрос о том, каким именно образом артист должен нести ответственность за участие в политической жизни своего времени, если таковой вообще уместен, никогда не был разрешён непродуманной программой денацификации.

Джоссельсон и Набоков ясно осознавали ограниченность такой программы, и нарушение ими её процедуры может быть рассмотрено как гуманный, даже смелый поступок. С другой стороны, они оказались жертвами моральной коллизии: необходимость создания символических пунктов сбора сил для борьбы с коммунизмом вынуждала к неотложному и скрытному принятию политического решения об оправдании тех, кто

[22]Nicolas Nabokov to Michael J osselson. 28 October 1977 (MJ/HRC).

[23]25 марта 1946 г. на встрече Специальной комиссии в Министерстве образования по оценке политических взглядов артистов, певцов, музыкантов, дирижеров и продюсеров, работающих независимо или планирующих трудоустройство в федеральных театрах в Вене, было согласовано, «что из-за печально известного недостатка первоклассных дирижеров необходимо, чтобы Караян работал в австрийской музыкальной среде, особенно на фестивале в Зальцбурге 1946 г., тем более учитывая то, что к настоящему моменту приглашения, высланные четырем выдающимся дирижерам мирового уровня (Тосканини, Бруно Вальтеру, Лорду Бичему, Эриху Клайберу), были отклонены. Также не вызывает сомнений то, что Караян должен быть представлен в качестве первого дирижера Европы» (NN/HRC).

подозревался в оказании услуг нацистскому режиму. Это приводило к терпимому отношению к тем подозреваемым в близости к фашизму, кто мог быть использован против коммунизма - в качестве дополнительного орудия против Советского Союза.

Письмо Набокова к Джоссельсону 1977 года показывает, что они на самом деле вырвали Фуртвенглера из рук Москвы (ему было предложено место дирижёра в Государственной опере на Унтер-ден-Линден в Восточном Берлине), в то время как он сам использовал обе стороны для достижения своих целей. Его концерт в «Титания Паласте» в мае 1947 года послужил ясным сигналом, что союзники не дали СССР обойти себя в «войне оркестров». В 1949-м Фуртвенглер был в числе немецких артистов, ездивших в заграничное турне в рамках спонсируемой США культурной программы. В 1951-м он дирижировал на вновь открытом Байройтском фестивале, право организации которого было возвращено семье Вагнера, несмотря на официальный запрет на исполнение Рихарда Вагнера (Richard Wagner) за национализм.

Уильям Донован (William Donovan), глава американской разведывательной службы времён войны, однажды сказал: «Я бы стал платить Сталину зарплату, если бы был уверен, что это поможет нам победить Гитлера» [24]. Он отметил, что ситуация с лёгкостью перевернулась, и теперь немцы «стали нашими новыми друзьями, а спасители-русские - врагами». Для Артура Миллера (Arthur Miller) это было «постыдным делом»: «В последующие годы мне казалось, что этот резкий поворот, эта перемена табличек «Добро» и «Зло» между двумя нациями способствовала ослаблению истинного понятия о мире, хотя бы теоретически моральном. Если тот, кто был другом, может всего за месяц стать врагом, то какую же степень реальности будут иметь понятия добра и зла? Нигилизм - даже хуже, безразличное легкомыслие - по отношению к понятию морального императива, которое станет клеймом на культуре международных отношений, родилось в эти восемь или десять лет преобразований, последовавших за смертью Гитлера» [25].

Конечно, имелись веские причины для противостояния Советскому Союзу, который быстро продвигался вместе с фронтом. В январе коммунисты пришли к власти в Польше. В Италии и Франции ходили слухи о готовящемся коммунистами государственном перевороте. Советские стратеги быстро научились использовать огромный потенциал нестабильности послевоенной Европы. С энергией и изобретательностью, показавшими, что сталинский режим при всей его монолитной неподатливости может преследовать свои цели с впечатляющей силой, не имеющей соответствия у западных правительств, Советский Союз развернул батарею особых орудий, предназначенных для того, чтобы проникнуть в сознание европейцев и подготовить их мнение в свою пользу. Была создана обширная система центров влияния, частью новых, частью возрождённых из спящего состояния, в которое они впали после гибели в 1940 году Вилли

[24]William Donovan. Цитата из R. Harris Smith. OSS: The Secret History of America's First Central Intelligence Agency (Los Angeles: University of California Press, 1972).
[25]Arthur Miller. Timebends: A Life (London: Methuen, 1987).

Мюнценберга (Willi Munzenberg), руководителя секретной кремлёвской довоенной пропаганды. Профсоюзы, женские организации, молодёжные группы, культурные учреждения, пресса, издательства - все были целью атаки.

Имея большой опыт в использовании культуры как орудия политической пропаганды, СССР предпринял очень многое для того, чтобы сделать культурный вопрос центральным в холодной войне. Лишённый экономической мощи Соединённых Штатов и, что важнее, всё ещё не обладающий ядерным оружием, сталинский режим сосредоточил усилия на достижении победы «в битве за человеческие умы». Америка, хотя и занималась масштабным наведением порядка в области искусств в период «нового курса», была неопытна в ведении международной культурной борьбы. Ещё в 1945 году один из офицеров разведки предсказывал возможность использования нетрадиционной тактики, которую позднее освоила Москва. «Изобретение атомной бомбы привело к изменению баланса между мирными и воинственными методами оказания международного давления, - рапортовал он начальнику Управления стратегических служб генералу Донована - И мы должны ожидать заметного увеличения значения мирных методов. Наши враги будут более чем когда-либо свободны в ведении пропаганды, организации переворотов и диверсий и оказании иного давления на нас, а мы сами будем стараться терпеть эти вызовы и потакать этим методам - в нашем стремлении избежать трагедии открытой войны любой ценой; мирные техники станут более действенными в спокойное довоенное время, актуальными во время явной войны и в период послевоенных манипуляций» [26].

Этот доклад демонстрирует его предвидение. Он предлагает определение холодной войны как психологического противостояния, возможность достижения положительных результатов мирными методами, использование пропаганды для ослабления позиций врага. И, как это полностью продемонстрировала открытая «вылазка» в Восточный Берлин, оперативным оружием стала культура. Холодная война на культурном фронте началась.

Итак, получалось, что посреди всеобщей деградации искусственно созданная культурная жизнь сидела на привязи у ног оккупационных сил, поскольку те соревновались друг с другом за получение пропагандистских очков. Уже в 1945 году, «когда зловоние от человеческих трупов ещё висело над руинами», русские подготовили блестящее открытие Государственной оперы постановкой «Орфея» Глюка в прекрасно освещённом, обитом красным бархатом «Адмирал Паласте» (Admiral Palast). Коренастые набриолиненные русские полковники с высокомерной ухмылкой взирали на служащих американской военной администрации, когда они вместе смотрели постановку «Евгения Онегина» или антифашистскую интерпретацию «Риголетто», и звучание музыки перемежалось позвякиванием медалей [27].

---

[26]Gregory Bateson. Research & Analysis, OSS, to General Donovan, 18 August 1945 (CIA. HSC/RG263/NARA).

Одним из первых заданий Джоссельсона стали поиск и доставка нескольких тысяч костюмов, принадлежавших бывшей Германской государственной опере (единственному серьёзному сопернику Российской государственной оперы), которые были бережно складированы нацистами на дне соляной шахты, находящейся теперь в американской зоне оккупации. В один унылый дождливый день Джоссельсон с Набоковым отправились за костюмами. На обратном пути в Берлин джип Джоссельсона, который ехал впереди реквизированного «мерседеса» Набокова, на полной скорости врезался в советский блокпост. Джоссельсона, без сознания и всего покрытого порезами и ушибами, отправили в русский военный госпиталь, где советские женщины-врачи зашили его раны. Когда уже достаточно хорошо себя чувствовал, Джоссельсон вернулся в свою квартиру в американской зоне, которую он делил с амбициозным актёром Петером ван Эйком (Peter van Eyck). Не позаботься о нём советские доктора, Джоссельсон мог не выжить и не стать Дягилевым американской антисоветской культурной пропаганды. Советский Союз спас человека, который на протяжении последующих двух десятилетий сделал очень многое для того, чтобы сорвать попытки СССР по установлению культурной гегемонии.

В 1947 году русские произвели ещё один «залп», открыв Дом культуры на Унтер-ден-Линден. Это событие поразило великолепием одного из служащих британского Министерства культуры, который с завистью сообщал, что мероприятие «превзошло всё, что делали другие союзники, и совершенно отодвинуло в тень наши жалкие попытки в этой области... Интерьер был самым роскошным - хорошая мебель, среди которой много старинной, ковры в каждом зале, великолепные люстры, почти плавящиеся и все заново окрашенные... русские просто реквизировали всё, что хотели... там были бар и комната для курения... которая, с её мягкими коврами и канделябрами, выглядела наиболее привлекательно, почти шикарно... Это грандиозное культурное мероприятие достигнет широких масс и сделает очень многое для нейтрализации общепринятой здесь идеи, что русские нецивилизованны. Их последняя инициатива просто подавит - настолько, чтобы чувствительно задеть наши интересы, а возможность нашего влияния очень мала: один информационный центр и несколько читальных залов, которые и так должны быть закрыты из-за нехватки угля!.. Это вступление русских в культурную борьбу должно подстегнуть нас к ответной реализации такого же смелого плана ради достижения Британией новых успехов здесь, в Берлине» [28].

Пока британцы испытывали нужду в угле для отопления читального зала, американцы, набравшись смелости, предприняли ответный шаг, открыв Американский дом (Amerika-Hauser). Создаваемые в качестве «аванпостов американской культуры», эти заведения предоставляли

[27]Richard Mayne. Postwar: The Dawn of Today's Europe (London: Thames & Hudson, 1983). Книга Майна является яркой реконструкцией материального и психологического состояния Европы после падения фашизма. Я признательна ему за его главу про Берлин во время оккупации союзными войсками.

[28]R.E. Colby. British Control Commission, Berlin, to Montague Pollock, 19 March 1947 (BCCB/F0924/PR0).

убежище от жестокой непогоды в комфортабельных меблированных читальных залах, где показывались фильмы, исполнялась музыка, читались лекции и устраивались художественные выставки - всё это с «Америкой в качестве главной темы». В речи, озаглавленной «Выбираясь из-под обломков», начальник Управления по образованию и культурным связям (Director of Education and Cultural Relations) так вырисовывал перед работниками Американского дома эпический размах их задачи: «Немного найдётся людей, которые были бы удостоены чести быть участниками миссии более важной, более перспективной или изобилующей большими трудностями, чем ваша. Вы избрали своей целью помогать в достижении интеллектуальной, нравственной, духовной и культурной переориентации побеждённой, завоёванной и оккупированной Германии». Однако далее он заметил, что «несмотря на огромный вклад, сделанный Америкой в области культуры, он всё ещё не признан даже в Германии, как и в остальном мире. Наша культура считается материалистической, и часто можно слышать высказывание: «У нас есть мастерство и мозги, а у вас - деньги» [29].

Во многом благодаря русской пропаганде Америка представлялась в мире культурной пустыней, нацией жующих жвачку, разъезжающих на «шевроле», одетых от «Дюпон» обывателей, и Американский дом многое делал для изменения этого негативного стереотипа. «Одно абсолютно ясно, - писал восторженный администратор Американского дома, - привезённые сюда из Соединенных Штатов печатные материалы... оставят сильное впечатление среди тех кругов в Германии, которые на протяжении поколений считали Америку культурно отсталой, и среди тех, кто осуждал целое из-за недостатков отдельных частей». Старые клише, основанные на историческом «предрассудке о культурном отставании Америки, были разрушены благодаря программе «хороших книг», и те круги, которые ранее держались пренебрежительно, теперь, как сообщается, сильно впечатлёны» [30].

Некоторые клише оказалось особенно трудно отбросить. Когда один из лекторов Американского дома излагал свою точку зрения о «современном положении негров в Америке», на него посыпались вопросы, некоторые из которых «не были продиктованы доброй волей». Лектор «стал решительно разбираться, кто из говоривших мог быть коммунистом». К счастью для организаторов, сразу после лекции «началось выступление «цветного» квинтета. Негры продолжали петь ещё долго после официального завершения мероприятия и... впечатление от этого выступления осталось столь благоприятным, что было принято решение пригласить эту негритянскую группу на повторное представление» [31].

Проблема расовых взаимоотношений в США активно эксплуатировалась советской пропагандой, и многие европейцы пребывали в сомнениях относительно способности Америки осуществить на практике ту

[29]Alonzo Grace. Director, Education Sc Cultural Relations Division, Out of the Rubble: An Address on the Reorientation of the German People, Berchtesgaden, undated (OMGUS/ RG260/NARA).
[30]W.G. Headrick. OMGUS Information Control Division, Facts About the US Information Centers in Germany, 19 August 1946 (OMGUS/RG260/NARA).
[31]Amerika-Haus Review, July 1950 (OMGUS/RG260/NARA).

демократию, которую она теперь декларативно несла всему миру. Выступления афроамериканцев в Европе должны были развеять эти разрушительные опасения. Доклад американской военной администрации в марте 1947 года содержал планы «привлечь американских «чёрных» вокалистов высокого уровня для исполнения концертов в Германии... выступление Мариан Андресон (Marian Anderson) или Дороти Мэйнор (Dorothy Maynor) перед немецкой аудиторией будет иметь огромное значение» [32]. Поддержка чернокожих артистов стала одним из приоритетов для американских бойцов культурного фронта.

Теперь ответное наступление Америки на культурном фронте начало набирать темп. Полный арсенал современных американских достижений был отправлен в Европу и демонстрировался в Берлине. Новые оперные таланты привозились из самых знаменитых американских академий: Джульярд (Juilliard), Кёртис (Curtis), Истман (Eastman), Пибоди (Peabody). Оккупационная администрация взяла под контроль 18 немецких симфонических оркестров и почти столько же оперных коллективов. Притом что многие местные композиторы находились под запретом, рынок американских представителей экспоненциально рос: Сэмюэл Барбер (Samuel Barber), Леонард Бернстейн (Leonard Bernstein), Эллиотт Картер (Elliott Carter), Аарон Копланд (Aaron Copland), Джордж Гершвин (George Gershwin), Джанкарло Менотти (Gian Carlo Menotti), Вирджил Томсон (Virgil Thomson) - эти и многие другие американские композиторы представляли свои работы в Европе при правительственном содействии.

По согласованию с американскими академиками, драматургами и директорами театров была также запущена обширная театральная программа.

Пьесы Лилиан Хеллман (Lillian Hellman), Юджина О'Нила (Eugene O'Neill), Торнтона Уайлдера (Thornton Wilder), Теннесси Уильямса (Tennessee Williams), Уильяма Сарояна (William Saroyan), Клиффорда Одетса (Clifford Odets) и Джона Стейнбека (John Steinbeck) представлялись воодушевлённой аудитории, толпившейся в заледеневших театрах, где с потолков угрожающе свисали сосульки. Следуя принципу Шиллера, согласно которому театр является моральным учреждением (moralische anstalt), где человек видит на сцене воплощение главных законов жизни, американские власти составили список желанных моральных уроков. Так, под рубрикой «Свобода и демократия» шли «Пер Понт» Ибсена (Ibsen), «Ученик дьявола» Шоу (Shaw) и «Эйб Линкольн в Иллинойсе» Роберта Шервуда (Robert Sherwood). «Сила веры» проявлялась в «Фаусте», пьесах Гёте (Goethe), Стриндберга (Strindberg), Шоу.

Послание о «Равенстве людей» извлекалось из пьесы «На дне» Максима Горького и «Медеи» Франца Грильпарцера (Franz Grillparzer). Под рубрикой «Война и мир» шла «Лисистрата» Аристофана (Aristophanes), «Конец путешествия» Р.К. Шерриффа (R.C. Sherriff), «На волосок от гибели» Торнтона Уайлдера (Thornton Wilder) и «Колокол Адано» Джона Герси (John

[32]OMGUS Education Sc Cultural Relations Division, Theater Sc Music Section, Periodic Report, March 1947 (OMGUS/ RG260/NARA).

Hersey). «Порочность и справедливость» были признаны темой «Гамлета», «Ревизора» Гоголя, «Женитьбы Фигаро» Бомарше и большинства работ Ибсена. И всё в таком же духе, от «Преступление никогда не приносит выгоды», «Нравственность, хороший вкус и поведение», «Стремление к счастью» до менее обязательного «Разоблачения нацизма». Неподходящими «для современного умственного и психологического состояния немцев» были сочтены «все пьесы, допускающие слепую покорность судьбе, что неизбежно приводит к разрушению и саморазрушению, как у греческих классиков». Также были внесены в чёрный список «Юлий Цезарь» и «Кориолан» - прославление диктатуры, «Принц фон Хомбург» Клейста (Kleist) - шовинизм, «Живой труп» Толстого - справедливая критика общества, приводящая к антиобщественным выводам, все пьесы Гамсуна (Hamsun) - явная нацистская идеология и все произведения любого другого автора, если он «с готовностью перешёл на службу нацизму» [33].

В соответствии с установкой Дизраэли (Disraeli): «Книга может быть такой же великой вещью, как и битва» - стала осуществляться обширная литературная программа, имеющая своей целью прежде всего «представление немецкому читателю американской прозы наиболее эффективным способом из всех возможных». Оккупационная администрация старалась привлечь коммерческие издательства, которым гарантировался стабильный поток заказов на «важнейшие книги», поскольку они считались «более приемлемыми, чем издания, оплаченные правительством, так как не обладали налётом пропаганды» [34]. Впрочем, отказываться от пропаганды они вовсе не собирались. Список переводимых произведений утверждался исключительно Управлением психологической войны (Psychological Warfare Division) американской военной администрации, в него вошли сотни наименований - от «Гражданина Тома Пэйна» Говарда Фаста (Howard Fast) до «Нового курса в действии» Артура М. Шлезингера-младшего (Arthur M. Schlesinger Jr.) и «Построено в США» Музея современного искусства (Museum of Modern Art, MOMA, Нью-Йорк). Были там и немецкие издания книг, «подходящих для детей в наиболее восприимчивом возрасте», такие как «Чудесные истории» Натаниэля Готорна (Nathaniel Hawthorne), «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» Марка Твена (Mark Twain) и «Маленький домик в прериях» Лауры Ингаллс Уайлдер (Laura Ingalls Wilder).

Послевоенная репутация многих американцев в Германии (и на других оккупированных территориях) значительно помогла издательской программе.

И престиж штампа «американская культура» заметно вырос с распространением работ Луизы Мэй Олкотт (Louisa May Alcott), Перл Бак (Pearl Buck), Жака Барзена (Jacques Barzun), Джеймса Бэрнхама (James Burnham), Уиллы Катер (Willa Cather), Нормана Казинса (Norman Cousins),

[33]Lionel Royce. Theater Sc Music Section, OMGUS Education Sc Cultural Relations Division, to Hans Speier, Office ofWar Information, Washington, 12 May 1945 (OMGUS/RG260/NARA).
[34]Douglas Waples. Publications Section, OMGUS Information Control Division, Publications for Germany: Agenda for Pyschological Warfare Division and Office of War Information Conference, 14 April 1945 (OMGUS/RG260/NARA).

Уильяма Фолкнера (William Faulkner), Эллен Глазгоу (Ellen Glasgow), Эрнеста Хэмингуэя (Ernest Hemingway), Мэтьессена (F. O. Matthiessen), Рейнхольда Нибура (Reinhold Niebuhr), Карла Сэндберга (Carl Sandburg), Джеймса Тэрбера (JamesThurber), Эдит Уортон (Edith Wharton) и Томаса Вольфа (Thomas Wolfe).

Европейские авторы также получали содействие, участвуя в откровенно антикоммунистической программе. Пригодными были тексты «с любой критикой советской внешней политики и коммунизма как формы правления, которую мы сочтём объективной, убедительно написанной и уместной» [35].

Соответствующими этим критериям оказались рассказ Андре Жида (Andr Gide) о разочаровавшем его опыте жизни в России «Возвращение из Советского Союза», «Слепящая тьма» и «Йог и комиссар» Артура Кёстлера и «Хлеб и вино» Игнацио Силоне (Ignazio Silone). Для Кёстлера и Силоне это был первый, но отнюдь не последний опыт сотрудничества с американским правительством. Некоторые книги не были утверждены для публикации. Одним из первых пострадавших стал Джон Фостер Даллес (John Foster Dulles) за своё ставшее анахроничным произведение «Россия и Америка: мирные соседи».

В области искусства миссис Мохой-Надь (Moholy-Nagy) выступала перед немецкой аудиторией с лекцией о работе её умершего мужа Ласло и рассказывала о новом захватывающем направлении - «Новом баухаусе», развивающемся в Чикаго. Её лекция, как писал один симпатизирующий журналист, «была очень информативным вкладом в наше неполное представление об американских культуре и искусстве» [36]. Это представление пополнилось и благодаря выставке абстрактной живописи из Музея Гуггенхайма (Guggenheim Museum). Для нью-йоркской школы, известной как школа абстрактного экспрессионизма, это был первый опыт правительственного спонсирования.

Чтобы публика не оказалась сразу повергнута в шок, её подготовили чтением лекции «Фундаментальные представления о современном искусстве», в которой примеры из привычной средневековой живописи использовались для введения в мир «абстрактных возможностей художественного выражения».

Поскольку память о выставках «дегенеративного искусства» и последующем отъезде многих художников в США была всё ещё болезненно свежа, многим казалось, что европейская культура, сметённая варварской волной фашизма, нашла убежище на берегах новой Византии - Америки. Публика, прошедшая через опыт многолюдных съездов нацистской партии в Нюрнберге, как рассказывают, со страхом слушала одного лектора, который «говорил об огромных симфонических концертах на открытом воздухе в ночное время, где будет собираться столько людей, сколько обычно приходит на стадионы во время важных спортивных событий» [37].

---

[35]Via Moeser. OMGUS Information Control Division, Political Education Program, undated (OMGUS/RG260/NARA).
[36]Цитируется в «Америка-Хаус Ревью», июль 1950 г. (OMGUS/RG260/NARA).
[37]Там же.

Не все подобные мероприятия проходили на высоком уровне. Выпуск немецкого «Журнала тайн Эллери Куин» (Ellery Queen's Mystery Magazine) оставил людей, подобных Майклу Джоссельсону, совершенно равнодушными. Также отнюдь не все были убеждены, что Йельский хор (Yale Glee Club) являлся лучшим средством продемонстрировать «огромную важность занятий искусством в университетах как противоядия от коллективизма» [38]. Даже начало деятельности Дармштадтской школы (Darmstadt School) было омрачено неприятными происшествиями. Смелая инициатива американской военной администрации - Дармштадтские летние курсы новой музыки - едва не закончилась беспорядками, после того как споры о новой музыке переросли в открыто враждебное противостояние. Одно официальное заключение гласило: «Общепризнанно, что большая часть этой музыки никуда не годится, и лучше бы она осталась несыгранной. Чрезмерное внимание к двенадцатитоновой музыке достойно сожаления. Один критик писал об этих концертах как о «триумфе дилетантизма»... Французские студенты сторонятся остальных и ведут себя как снобы. Их учитель Лейбовиц (Leibowitz) преподносит им и полагает стоящим только наиболее радикальный вид музыки, а ко всем остальным питает открытое презрение. В этом ему подражают его студенты.

Все считают, что курс следующего года должен иметь иной, более разносторонний характер» [39]. Дармштадт, конечно, за несколько лет стал цитаделью прогрессивной экспериментальной музыки.

Однако все симфонические концерты, театральные постановки и выставки не могли скрыть истины, ставшей очевидной в эту долгую суровую зиму: Европа рушилась. Необузданный чёрный рынок, общественные беспорядки и серия серьёзных забастовок, организованных в основном коммунистическими профсоюзами, стали причиной такой степени деградации и нужды, какую люди переживали только в самые суровые моменты войны. В Германии деньги обесценились, получить медицинскую помощь или купить одежду было практически невозможно, целые семьи жили в подземных бункерах без воды и света, а молодые девушки и юноши предлагали американским солдатам секс в обмен на плитку шоколада.

5 июня 1947 года генерал Джордж Кэтлетт Маршалл (George Catlett Marshall), который во время войны был начальником штаба американских войск, а теперь - госсекретарём Трумэна, объявил план по преодолению «великого кризиса». План был провозглашён на 296-й Гарвардской церемонии, где присутствовали физик-атомщик Роберт Оппенгеймер (Robert Oppenheimer), генерал Омар Брэдли (Omar Bradley), командовавший высадкой в Нормандии, и Т.С. Элиот (T.S. Eliot) (все они, как и Маршалл, были награждены почётными степенями). В десятиминутной речи Маршалл отметил критический момент в судьбе послевоенной Европы. Предостерегая, что «весь мир и... привычный нам образ жизни буквально балансируют на грани равновесия», он призвал Новый Свет выступить с действенной программой финансового кредитования и широкомасштабной

[38]Ralph Burns. Chief, OMGUS Cultural Affairs Branch, Review of Activities, July 1949 (OMGUS/RG260/NARA).
[39]Там же.

материальной помощи, которая предотвратит коллапс Старого Света. «Там повсеместная нестабильность. Там готовятся планы по изменению известного нам облика Европы, изменению, противоречащему интересам свободного человечества и свободной цивилизации, - заявил Маршалл. - Если мы оставим Европу без поддержки, то уже невозможно будет избежать экономического спада столь мощного, социального недовольства столь яростного и политической неразберихи столь повсеместной, что историческая основа западной цивилизации, интегральной частью которой мы являемся в соответствии с нашими верой и наследием, примет новую форму, подобную той тирании, которую мы уничтожили в Германии» [40].

Произнося эти слова, генерал Маршалл рассматривал лица студентов, собравшихся под лучами весеннего солнца, и, как Джон Кроу Рэнсом (John Crowe Ransom) до него, увидел «The youngling bachelors of Harvard / Lit like torches, and scrambling to disperse / Like aimless firebrands pitiful to slake» (Молодые холостяки из Гарварда / Зажжённые как факелы, стремящиеся в жизнь, / Как бесцельные смутьяны, жалкие, если добьются своего) [41]. То, что он решил произнести свою речь именно здесь, а не на какой-нибудь официальной правительственной трибуне, не было простой случайностью. Здесь находились люди, готовые осуществить «предназначение» Америки, элита, обязанная организовать мир вокруг ценностей, на которые грозила опуститься коммунистическая тьма. Исполнение «Плана Маршалла», как он стал называться, было их судьбой.

Выступление Маршалла организовывалось для усиления эффекта от идеологического воззвания президента Трумэна, прозвучавшего несколькими месяцами ранее и немедленно ставшего известным как «Доктрина Трумэна».

Обращаясь к Конгрессу в марте 1947 года по поводу положения в Греции, где существовала угроза прихода коммунистов к власти, Трумэн в апокалиптических тонах призвал к началу новой эпохи американского вмешательства: «В настоящий момент мировой истории каждая нация должна сделать выбор между двумя альтернативными путями, - заявил он. - Выбор нечасто бывает свободным. Один путь основан на воле большинства... Второй... на воле меньшинства, силой навязавшего себя большинству. Оно полагается на террор и угнетение, контроль прессы и радио, фиктивные выборы и подавление личной свободы. Я уверен, что политикой США должна стать поддержка свободных людей, которые сопротивляются попыткам вооружённого меньшинства подчинить их или борются с давлением извне. Я уверен, что мы должны помочь свободным людям осуществить их собственное предназначение на их собственном пути» [42].

---

[40]George C. Marshall. Harvard Commencement Address, 5 June 1947, напечатана в Foreign Relations of the United States, vol. 3, 1947 (Washington: United States Government Printing Office, 1947).

[41]John Crowe Ransom. Address to the Scholars of New England (Harvard Phi Beta Kappa Poem), 23 June 1939, Selected Poems (New York: Knopf, 1964).

[42]Harry S. Truman. Address to Congress, 12 March 1947, напечатана в Harry S. Truman. Memoirs: Year of Decisions (New York: Doubleday, 1955).

После речи Трумэна государственный секретарь Дин Эйчесон (Dean Acheson) говорил конгрессменам: «Мы пришли к ситуации, не имевшей аналогов со времён античности. В эпоху противостояния Рима и Карфагена произошла не просто поляризация сил, действовавших на мировой арене.

Две великие державы были разделены непреодолимой идеологической пропастью» [43]. Джозеф Джоунс (Joseph Jones), чиновник Государственного департамента, который готовил текст речи Трумэна, осознал огромное впечатление, произведённое словами президента: «Все препятствия, стоявшие на пути решительных действий, были сметены». Политики почувствовали, что «открылась новая глава всемирной истории, и они были удостоены чести стать участниками грандиозных событий, какие редко случаются даже на протяжении долгой жизни великой нации» [44].

Возвышенный смысл, следовавший из судьбоносной роли Америки в послевоенном мире, вызванный к жизни выступлением Трумэна, предоставил риторический контекст для последующей, не столь явно антикоммунистической речи генерала Маршалла. Их комбинация - пакет мер экономической помощи, соединённый с идеологической установкой, - недвусмысленно давала понять: будущее Западной Европы, если она вообще имела будущее, отныне неразрывно связано с Pax Americana.

17 июня 1947 года советская ежедневная газета «Правда» обрушилась на предложения Маршалла как на дальнейшее развитие трумэновского «плана политического давления долларом и программы вмешательства во внутренние деладругихгосударств» [45]. Хотя СССР был приглашён Маршаллом к участию в его всеевропейской программе восстановления, это приглашение, как сказал Джордж Кеннан (George Kennan), «было неискренним и заведомо оформленным так, чтобы быть отвергнутым» [46]. Как и ожидалось, Советский Союз отказался участвовать в плане. Возможно, этот отказ был чрезмерной реакцией, но, по существу, СССР совершенно правильно воспринял гуманитарные намерения плана в связи с закамуфлированными политическими задачами.

Будучи далёким от воображаемого сотрудничества с Советским Союзом, план был составлен в соответствии с целями холодной войны и давал возможность вбить клин между Москвой и зависимыми от неё режимами [47]. «Всегда была очевидной важность того, чтобы не дать коммунистам возможности совать свои руки в эти страны, - писал впоследствии участник «Плана Маршалла» Дэннис Фитцджеральд (Dennis Fitzgerald). - Всегда выдвигался аргумент, что если мы потерпим неудачу в правильном понимании условий X, Y и Z, то в данной ситуации коммунисты получат преимущество в продвижении своих интересов» [48].

---

[43]Dean Acheson. Цитата из Joseph Jones. Fifteen Weeks (New York: Viking, 1955).
[44]Joseph Jones. Там же.
[45]Правда, 17 июня 1947 г.
[46]George Кеппап. Цитата из Walter L. Hixson. George F. Kennan: Cold War Iconoclast (New York: Columbia University Press, 1989).
[47]Walter L. Hixson. Там же.
[48]Dennis Fitzgerald. Цит. произв.

Заместитель руководителя «Плана Маршалла» Ричард Бисселл (Richard Bissell) поддерживал эту точку зрения: «Даже до того как разразилась Корейская война, было хорошо понятно, что «План Маршалла» никогда не представлялся делом чистого альтруизма. Была надежда, что стабилизация экономики увеличит значение стран Западной Европы как членов НАТО, и в конечном счёте позволит им взять на себя военные обязательства для поддержки наших усилий в холодной войне» [49]. Втайне же расчёт был на то, что эти страны примут на себя и другие обязательства «для поддержки усилий в холодной войне», и для этих целей средства «Плана Маршалла» вскоре стали перекачиваться на обеспечение культурной борьбы на Западе.

5 октября 1947 года Коммунистическое информационное бюро провело в Белграде своё первое собрание. Сформированный в Москве в сентябре предыдущего года Коминформ был новой оперативной базой Сталина для ведения политической борьбы, заменившей закрытый ранее Коминтерн.

Собрание в Белграде использовалось для того, чтобы бросить вызов «Доктрине Трумэна» и «Плану Маршалла», которые осуждались как «агрессивные ухищрения, призванные удовлетворить американское стремление к мировому господству» [50]. Андрей Жданов, архитектор сталинской жёсткой политики в области культуры, говорил коммунистам Западной Европы, что «если они готовы возглавить все силы, стремящиеся защитить дело национального достоинства и независимости в борьбе с попытками подчинить их страны экономически и политически, то никакой план покорения Европы не будет иметь успеха» [51].

Подобно тому, как Маршалл выбрал для произнесения своей речи интеллектуальное сердце Америки, Жданов призвал мировую интеллигенцию поставить свои перья под знамя коммунизма и пустить чернила в бой с Американской империей. «Коммунистические партии Европы добились значительных успехов в работе среди интеллигенции. Подтверждением служит тот факт, что в этих странах лучшие люди науки, искусства и литературы состоят в коммунистической партии, возглавляют прогрессивную борьбу среди интеллигенции и своей созидательной и неустанной работой привлекают всё большее число интеллектуалов к делу коммунизма» [52].

Позднее в том же месяце идеологические штурмовые отряды Коминформа собрались в Восточном Берлине на конгрессе писателей, проходившем в театре «Каммершпиль» (Kammerspiel Theatre). Пока шли «дебаты» (конечно, не являющиеся таковыми на самом деле) молодой американец с заострённой бородкой, странно напоминающий Ленина, прорвался на трибуну и схватил микрофон. Говоря на безупречном немецком, он удерживал свою позицию в течение 35 минут, превознося тех

---

[49]Melvin Lasky. The Need for a New, Overt Publication, 7 December 1947 (OMGUS/RG260/NARA).

[50]Richard Bissell. Reflections of a Cold Warrior: From Yalta to the Bay of Pigs (New Haven: Yale University Press, 1996).

[51]Цитата из Americans for Intellectual Freedom, Joint Statement on the Cultural and Scientific Conference for World Peace, March 1949 (ACCF/NYU).

[52]Andrei Zhdanov. Report on the International Situation, Politics and Ideology (Moscow: 1949).

писателей, которые имели мужество высказываться против Гитлера, и показывая сходство между нацистским режимом и новым коммунистическим полицейским государством. Это были опасные минуты. Прервать заседание и испортить проведение учений по коммунистической пропаганде - поступок либо безумный, либо отважный. Или и тот, и другой вместе. На сцене появился Мелвин Ласки.

Мелвин Джон Ласки (Melvin Jonah Lasky) родился в 1920 году в Бронксе и рос под присмотром своего говорившего на идише деда, бородатого учёного человека, который растил юного Ласки на историях из еврейских легенд.

Один из «лучших и подающих надежды» студентов нью-йоркского Сити-колледжа, Ласки вышел из его бурных идеологических дебатов убеждённым антисталинистом, со вкусом к интеллектуальному, а иногда и физическому, противостоянию. Он поступил на государственную службу и работал гидом при статуе Свободы, а потом стал сотрудником антисталинистского журнала Сола Левитаса (Sol Levitas) «Нью Лидер» (New Leader). Призванный на армейскую службу, он стал боевым историком Седьмой армии США, действовавшей во Франции и Германии, а потом демобилизовался в Берлине, где работал германским корреспондентом «Нью Лидер» и «Партизан Ревью» (Partisan Review - «Обзор сторонников»).

Невысокий и коренастый Ласки ходил, расправив плечи и выпятив грудь, будто готовый к драке, и бросал убийственные взгляды исподлобья. В бесцеремонной атмосфере Сити-колледжа он набрался дурных манер, которые редко покидали его. В своём воинствующем антикоммунизме он был, характеризуя его собственным эпитетом, которым он награждал некоторых, «недвижим, как скала Гибралтар». Деятельный, с твёрдым характером, Ласки стал силой, с которой приходилось считаться, поскольку он играл собственную роль в культурной кампании холодной войны. Своим экспрессивным протестом на Восточно-Германском конгрессе писателей он заслужил титул «Отца холодной войны в Берлине». Его акция даже привела в негодование американские власти, которые грозились вышвырнуть его вон. Поразившись нерешительности своего начальства, он сравнил Берлин с «приграничным городком в Штатах середины XIX века: индейцы на горизонте, и всё, что у тебя есть под рукой, - это винтовка, а если её нет, то ты лишишься скальпа. Но в те дни приграничный городок был полон тех, кто сражается с индейцами... Здесь очень немногие люди имеют мужество, а если они делают что-то, то обычно не знают, куда надо целиться из винтовки» [53].

Впрочем, Ласки знал шерифа и, вовсе не собираясь убегать из городка, был взят под опеку военным комендантом генералом Люсиусом Клэем (Lucius Clay). Ласки говорил ему, что в то время как советская ложь путешествует по миру со скоростью молнии, правда ещё только надевает ботинки. Он изложил свои взгляды в документе, представленном 7 декабря 1947 года в офис Клэя, где пылко призывал к радикальной реорганизации американской пропаганды. Этот документ, известный как «Предложения

[53]Там же.

Мелвина Ласки», излагает его собственный проект ведения культурной холодной войны: «Благородные надежды на мир и международное единство не позволяли нам заметить тот факт, что политическая война против США уже начала готовиться и осуществляться, и интенсивнее всего в Германии. Те же самые старые антидемократические и антиамериканские формулы, на которых воспитывались многие поколения европейцев и которые были взяты на вооружение нацистской пропагандистской машиной Геббельса, теперь используются снова.

А именно: мнимый экономический эгоизм США (Дядя Сэм, как Шейлок), крайняя политическая реакционность (корыстная капиталистическая пресса и т.д.), отсутствие глубины и серьёзности в культуре (джаз- и свинг-мания, реклама по радио, «пустота» Голливуда, фотографии полуодетых девушек), моральное лицемерие (негритянский вопрос, испольщина, «оки» - Okies) и многое другое» [54].

Своим необычным языком Ласки продолжал формулировать проблему: «Проверенная временем американская заповедь «Зажги свет, и люди сами отыщут свой путь» только увеличила возможности для лёгкого перехода из одного лагеря в другой в Германии (и в остальной Европе)... Было бы глупостью надеяться отучить примитивного дикаря от веры в мистическую силу лесных трав, просто распространяя современную научную медицинскую информацию... Мы не достигли успеха в борьбе с различными факторами - политическими, психологическими, культурными, которые действовали против американской внешней политики, в особенности против осуществления «Плана Маршалла» в Европе. То, что нам сейчас нужно, так это активная правда, достаточно решительная для того, чтобы погрузиться в противостояние, а не та, что взирает на всё с олимпийским спокойствием. Будьте уверены, сущность холодной войны в большой степени имеет культурный характер.

Именно здесь существует серьёзный пробел в американской программе, и его в наибольшей мере используют враги американской внешней политики... Этот пробел... реален и важен» [55].

«Реальный и важный пробел», о котором говорит Ласки, это неудача «в завоевании симпатий образованных и культурных классов, которые, в конечном итоге, осуществляют моральное и политическое руководство обществом».

Этот недостаток, по его утверждению, может быть частично восполнен изданием нового журнала, который, «с одной стороны, служил бы конструктивным стимулом для развития германо-европейской мысли, ас другой - показывал бы, что за спиной официальных представителей американской демократии находится великая и прогрессивная культура с богатыми достижениями в искусстве, литературе, философии и тех аспектах культуры, которые объединяют свободные традиции Европы и Америки» [56].

---

[54]Melvin Lasky to Dwight Macdonald. 10 October 1947 (DM/STER).
[55]Там же.
[56]Там же.

Два дня спустя Ласки представил «Проспект для «Американ Ревью», в котором говорил о необходимости «поддержать осуществление главных целей американской политики в Германии и Европе, показав основу, включающую идеи, умственную деятельность, литературу и интеллектуальные достижения, из которой американская демократия черпает своё вдохновение». «Американ Ревью», утверждал он, должно демонстрировать, что «Америка и американцы достигли полного триумфа во всех сферах человеческого духа, общих и Старому, и Новому Свету», и таким образом осуществить первую серьёзную попытку «освобождения значительной части немецкой интеллигенции от коммунистического влияния» [57].

Результатом активности Ласки стал ежемесячный журнал «Монат» (Der Monat - «Месяц»), предназначенный для наведения идеологического моста между немецкими и американскими интеллектуалами, и, как ясно высказался Ласки, для облегчения проведения интересов внешней политики США путём поддержки «главных целей американской политики в Германии и Европе».

Журнал был основан при поддержке генерала Клэя 1 октября 1948 года, и его главным редактором стал Ласки. Он печатался в Мюнхене и перевозился в Берлин союзными грузовыми авиарейсами, от которых город зависел во время блокады. Сначала «Монат» финансировался из «секретного фонда» «Плана Маршалла», потом из казны Центрального разведывательного управления, затем из Фонда Форда и снова долларами ЦРУ. Даже если исходить только из финансирования, журнал был продуктом - и прекрасным образцом - американской стратегии на культурном направлении холодной войны.

«Монат» стал храмом для тех, кто верил, что образованная элита способна повести послевоенный мир путём, на котором она избежит исчезновения. Эта вера и сотрудничество с американской оккупационной администрацией были тем, что объединяло Ласки, Джоссельсона и Набокова. Как и Жан Кокто (Jean Cocteau), который вскоре после этих событий предупреждал Америку: «Вас не спасут ни оружие, ни деньги, но только думающее меньшинство, потому что мир угасает, когда совсем перестаёт думать (pense) и просто расходует (depense) своё время» [58], они понимали, что одних только долларов из фондов «Плана Маршалла» будет недостаточно: финансовая поддержка должна быть дополнена разработанной программой культурной войны. Этот любопытный триумвират - политический активист Ласки, бывший закупщик универмага Джоссельсон и композитор Набоков - теперь балансировал на лезвии бритвы, пытаясь осуществить одну из самых амбициозных секретных операций холодной войны: привлечение западной интеллигенции к воплощению американских намерений.

---

[57]Melvin Lasky. Towards a Prospectus for the American Review, 9 December 1947 (OMGUS/ RG260/NARA).

[58]Jean Cocteau. Цитата из Serge Guilbaut, Postwar Painting Games, Reconstructing Modernism (Cambridge: MIT Press, 1990).

2.Избранники судьбы

«Невинность не существует. Самое лучшее, что можно получить, - это невинность, тронутую чувством вины». Майк Хаммер в пьесе Майки Спилейн «Поцелуй меня насмерть»

Американские намерения уже были сформулированы в «Доктрине Трумэна» и «Плане Маршалла». Теперь, с созданием Центрального разведывательного управления - первой американской разведывательной организации мирного времени, - началась новая фаза холодной войны. Созданному Законом о национальной безопасности от 26 июля 1947 года Управлению первоначально было поручено координировать военную и дипломатическую разведывательную деятельность. Однако решающим моментом, выраженным крайне неясным языком, стало предоставление полномочий на осуществление неопределённых «работ общего характера» и «также иных функций и обязанностей», которые Национальный совет безопасности (созданный тем же законом) может предписать. «Нигде в Законе 1947 года ЦРУ в явном виде не уполномочивается на сбор разведданных или на тайное вмешательство в дела других государств, - утверждалось позднее водном правительственном докладе. - Но гибкая фраза «также иные функции» была использована последующими президентами для того, чтобы подвигнуть Управление к шпионажу, тайным акциям, военизированным операциям и сбору сведений с помощью технических средств» [59].

Создание ЦРУ знаменует кардинальный пересмотр традиционных парадигм американской политики. Те условия, которые были заданы при учреждении Управления, способствовали утверждению концепций «необходимой лжи» и «правдоподобного отрицания фактов» (plausible deniability) в качестве легитимных стратегий мирного времени и на долгое время создали невидимый правящий слой, чей потенциал злоупотреблений как внутри страны, так и за её пределами не сдерживался ни ответственностью, ни подотчётностью.

Опыт обладания неограниченными полномочиями был проиллюстрирован героем, давшим своё имя грандиозному роману Нормана Мэйлера (Norman Mailer) «Призрак Харлота». «Мы затычка в каждой бочке, - говорит Харлот. - Если хороший урожай является инструментом внешней политики, значит, мы обязаны знать погоду на следующий год. Те же самые требования касаются всего, что мы видим: финансов, СМИ, трудовых отношений, экономики, вопросов, обсуждаемых по телевидению. Где вообще проходит та грань, на которой заканчивается легитимная сфера наших интересов?.. Никто не знает, сколько у нас есть каналов влияния в разных полезных местах - сколько важных шишек в Пентагоне, морских капитанов, конгрессменов, профессоров в разных исследовательских центрах,

[59]Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities (Washington: United States Government Printing Office, 1976). Далее на этот доклад ссылка как на «Final Report of the Church Committee», 1976, по фамилии сенатора Фрэнка Черча (Frank Church).

специалистов по эрозии почвы, студенческих лидеров, дипломатов, юристов корпораций, да много кого ещё! Все они вносят свой вклад» [60].

Владея авиалиниями, радиостанциями, газетами, страховыми компаниями и недвижимостью, ЦРУ за несколько десятилетий так непомерно увеличило своё участие в мировых делах, что люди начали подозревать его присутствие за каждым кустом. «Подобно тому, что говорила Дороти Паркер (Dorothy Parker), на долю ЦРУ выпадает и хвала, и порицание как за то, что оно делает, так и за многие вещи, которые оно даже и не думало делать», - жаловался позднее один из служащих Управления [61]. Безуспешные операции, вроде высадки в заливе Свиней, не сильно улучшили имидж ЦРУ. Негативный стереотип о ЦРУ рисует организацию, полную безжалостных, иезуитских, мерзких американцев, чья картина мира искажена множеством зеркал.

Несомненно, дальнейшая история только подтвердила эту версию. «Доктрина Трумэна» и инспирированный ею Закон о национальной безопасности санкционировали агрессивную политику и вмешательство в иностранные дела. Однако размах имперских авантюр скрыл до некоторой степени менее опасные истины о ЦРУ. Сначала его работники были воодушевлены сознанием поставленной задачи - «сохранить западную свободу от коммунистической тьмы», которую один сотрудник сравнил с «атмосферой внутри рыцарского Ордена тамплиеров» [62]. Преобладающее влияние в ранний период оказывали «аристократия» восточного побережья и «Лига плюща» - братство утончённых англофилов, которые находили убедительное оправдание своим действиям в традициях Просвещения и принципах, закреплённых Декларацией независимости.

В этом отношении ЦРУ унаследовало черты своего предшественника военного времени - Управления стратегических служб (УСС; Office of Strategic Services, OSS), учреждённого в 1941-м после атаки на Перл-Харбор и распущенного в сентябре 1945-го президентом Трумэном, заявившим тогда, что не хочет иметь дело с «гестапо» в мирное время. Этот примитивный страх мало отражал реальное положение в УСС, аббревиатуру которого в шутку расшифровывали Oh So Social (Ах, так социально) благодаря царившей в нём клубной коллегиальной атмосфере. Обозреватель Дрю Пирсон (Drew Pearson) называл его «одной из самых причудливых компаний, какую только видел Вашингтон, состоящей из дипломатов-дилетантов, банкиров с Уоллстрит и детективов-любителей» [63]. «Каждый сотрудник УСС носил ранец с карабином, несколькими гранатами, несколькими золотыми монетами и пилюлей с ядом, - вспоминал Том Брейден (Tom Braden), тесно сотрудничавший с шефом УСС Вильямом «Диким Биллом» Донованом (William «Wild Bill» Donovan; это прозвище он заслужил своими подвигами в борьбе с Панчо Вильей). Однажды Донован забыл свою ядовитую пилюлю в ящике стола в отеле «Дорчестер» и заставил Дэвида Брюса телеграфировать из Франции, чтобы горничная взяла её

[60]Norman Mailer. Harlot's Ghost (London: Michael Joseph, 1991).
[61]Цитата из New York Times, 25 April 1966.
[62]William Colby. Honorable Men: My Life in the CIA (New York: Simon & Schuster, 1978).
[63]Drew Pearson. Цитата из R. Harris Smith. OSS.

оттуда и выслала почтой. Он был оригинальным человеком, Билл Донован, легендой своего времени. Однажды он сказал мне: «Брейден, если ты вдруг окажешься в трудном положении, хватай свой нож и режь врага прямо по яйцам» [64].

Руководствуясь законодательством, которое мало что запрещало и практически всё разрешало, сотрудники УСС, странствуя по охваченной войной Европе, ощущали себя кем-то вроде проконсулов древних времён. Первый сотрудник УСС, попавший в Бухарест после ухода оттуда немцев осенью 1944-го, стал постоянным гостем на заседаниях румынского кабинета министров. Он хвастался перед коллегами: «До того как они начнут любое голосование, они спрашивают, что я думаю... Они принимают все предложенные мной постановления единогласно. Я никогда не думал, что управлять страной так легко» [65].

Но управление страной было как раз тем, для чего готовились большинство сотрудников УСС. Набирая людей в самом сердце американского корпоративного, политического, академического и культурного истеблишмента, Донован создал элитный корпус, укоренённый в самых влиятельных учреждениях и семьях Америки. Члены семьи Меллон занимались шпионажем в Мадриде, Лондоне, Женеве, Париже. Пол Меллон (Paul Mellon) сотрудничал с Управлением специальных операций в Лондоне. Его сестра Эйлса (однажды получившая известность как самая богатая женщина в мире) была замужем за его начальником, шефом лондонского отдела УСС Дэвидом Брюсом, сыном американского сенатора, самостоятельно ставшим миллионером. Оба сына Дж.П. Моргана (J.P. Morgan) служили в УСС. Семейства Вандербильт, Дюпон, Арчбольд (Стэндард Ойл), Райэн (Equitable Life Insurance), Уэйл (универмаги Мэйси), Уитни - все были представлены в рядах секретной армии Донована.

Рекрутами УСС были также издатель путеводителей Юджин Фоудор (Eugene Fodor), журналист из Нью-Йорка Марчелло Гирози (Marchello Girosi), позднее ставший продюсером знаменитой итальянской и американской киноактрисы Софи Лорен; Илья Толстой, эмигрировавший внук прославленного писателя, который был членом миссии УСС в Лхасу; Джулия Маквильямс Чайлд (Julia McWilliams Child), впоследствии известная телеведущая, которая хранила документы разведки в Чжункине. Раймонд Гест (Raymond Guest), знаменитый игрок в поло и двоюродный брат Уинстона Черчилля, ярко проявил себя во время операций во Франции и Скандинавии. Антуан де Сент-Экзюпери был близким другом и сотрудником Донована, как и Эрнест Хэмингуэй, чей сын Джон тоже состоял в УСС.

Хотя один критик жаловался, что многие сотрудники «кажутся юнцами-студентами, которым УСС, наверное, представляется способом избежать рутины военной службы и ещё одним видом развлечения» [66], существовала также возможность того, что каждый член высших эшелонов службы Донована «рискует своим будущим положением банкира, попечителя или

[64]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.
[65]R. Harris Smith. Цит. произв.
[66]Там же.

высокопоставленного политика, будучи отождествляем с чем-то незаконным и выходящим за рамки общепринятого» [67]. После роспуска УСС многие из этих будущих банкиров, попечителей и политиков вернулись к гражданской жизни. Аллен Даллес, помощник Донована, ответственный за операции УСС в Европе, вернулся к своей адвокатской практике в Нью-Йорке, где стал центральной фигурой группы неформальных сотрудников продолжавшей существовать американской разведывательной службы. Получившая прозвище «Ковбои с Парк-авеню», эта группа включала Кермита «Кима» Рузвельта (Kermit «Kim» Roosevelt), внука президента Теодора Рузвельта, Трэйси Бэрнса (Tracy Barnes, который помог Аллену Даллесу получить знаменитые дневники Чиано у его вдовы графини Чиано), Ричарда Хелмса (Richard Helms) и Фрэнка Уизнера (Frank Wisner), доставлявших секретные сведения из военной разведки в оккупированной Германии, а также Ройалла Тайлера (Royall Tyler), вскоре ставшего главой парижского отделения Всемирного банка.

Будучи весьма далёкими от того, чтобы рисковать своим будущим положением, эти люди за время работы в УСС приобрели новые связи, которые вкупе с прежними знакомствами привели их к лидирующим позициям. Вместе с наличием опыта незаконной и сомнительной деятельности это превратило их в богатый ресурс для ЦРУ. Историческая основа его элиты - члены «Лиги плюща» теперь использовали своё влияние для пополнения рядов начинающего деятельность Управления, отбирая кадры в американских советах директоров, академических учреждениях, важнейших газетах и других СМИ, юридических фирмах и администрации. Многие из них происходили из примерно сотни обитавших в Вашингтоне семейств, названных «пещерными людьми» за то, что выступали за сохранение значения епископальной и пресвитерианской церквей, окормлявших их предков. Воспитанные на принципах интеллектуальной мощи, спортивной удали, благородного обхождения и твёрдой христианской этики, они брали пример с людей, подобных Реверенду Эндикотту Пибоди, чья Гротонская школа вместе с Итоном, Хэрроу и Винчестером являлась альма-матер многих национальных лидеров.

Выученные в духе христианских добродетелей и почтения к привилегиям, они вышли в мир с верой в демократию, но с подозрением к несдержанному эгалитаризму. Перефразируя торжественное заявление Вилли Брандта: «Мы не избранные, но народные избранники», можно сказать, что они были избранными, которых никто не избирал.

Те, кто не служил в УСС, во время войны поднимались по карьерной лестнице в Государственном департаменте и Министерстве иностранных дел. Они вращались вокруг фигур вроде Чарлза «Чипа» Болена (Charles «Chip» Bohlen), который впоследствии стал послом во Франции. В начале 1940-х годов его дом на Дамбертон-авеню в Джорджтауне был средоточием интеллектуального брожения, в центре которого находились Джордж Кеннан и Исайя Берлин, уже почитавшийся в вашингтонских кругах как «пророк». Один обозреватель описывал Болена, Кеннана и Берлина как

[67]Там же.

«однородное конгениальное трио». Болен был одним из основателей нового научного направления - советологии. Он жил в России, знал её правителей и бюрократов, изучал её идеологическую литературу и мог цитировать её классиков. Он был очевидцем чисток и процессов конца 1930-х и разрушительного воздействия «культурной политики» Жданова. Существовали две знаменитые фразы, которые Болен любил повторять: «Алкоголь не действует на меня» и «Я понимаю русских».

Для лучшего понимания он обратился к Исайе Берлину и Николаю Набокову, который потом работал в Министерстве юстиции. Болен характеризовал Набокова как «психологическое сокровище», и Набоков отвечал на этот комплимент, называя Болена «моим образцом и наставником».

«У этих новых друзей было мало иллюзий, если они вообще были, насчёт «Дяди Джо», - писал позднее Набоков. - В некотором отношении они были в те годы анахроничной группой в Вашингтоне, а возможно, и во всей Америке. Америка находилась в состоянии эйфории советолюбия, которую в доме на Дамбертон-авеню никто не разделял. Основная часть американского общественного мнения дважды в течение трёх лет меняла своё отношение к России. Сначала она была против - после раздела Польши и «злодейской» Финской войны. В газетных карикатурах Сталин изображался в виде отвратительной смеси волка с медведем. Потом внезапно общественное мнение стало за Россию - после нацистского вторжения в 1941 году. Сталин вдруг стал красивым, его изображали в виде рыцаря в доспехах, защищающего Кремль от тевтонской орды, или воспроизводили его утончённый и боготворимый профиль с фотографий Маргарет Бурк-Уайт (Margaret Bourke-White).

И затем, в 1943 году, просоветские настроения были усилены Сталинградом.

«Вы увидите, - утверждали доверчивые американцы, - коммунизм никогда не вернётся в Россию в прежнем виде. После войны это будет другая страна. Разве не Сталин вернул патриарха из изгнания? А писатели и поэты? И разве не Сталин восстановил офицерские звания и возродил культ исторических национальных героев, даже некоторых царей и святых, таких как Александр Невский и Пётр Великий?» Но скептики с Дамбертон-авеню были другими.

Они знали, что, как сказал однажды Кеннан, сталинизм не изменяем» [68].

К скептикам с Дамбертон-авеню присоединились Дэвид Брюс, Аверелл Гарриман (Averell Harriman), Джон Макклой (John McCloy), Джозеф и Стюарт Олсопы (Joseph and Stewart Alsop), Ричард Бисселл, Уолтер Липпманн (Walter Lippmann) и братья Банди (Bundy). В долгих разговорах, подогреваемых интеллектуальной страстью и алкоголем, их видение нового мирового порядка начало обретать форму. Ориентированные вовне, исполненные духа соревнования, резкие, эти люди обладали неколебимой

[68]Nicolas Nabokov. Bagazh.

верой в свою систему ценностей и долг предложить её другим. Они были патрициями современной эпохи, паладинами демократии и не видели в этом никакого противоречия.

Это была элита, которая направляла американскую внешнюю политику и формировала законодательство внутри страны. Через интеллектуальные центры, фонды, правления, членство в джентльменских клубах эти мандарины были прочно связаны друг с другом как принадлежностью к организациям, так и общей верой в своё превосходство. Их задачей было установление, а затем оправдание послевоенного Pax Americana. И они были верными сторонниками ЦРУ, которое стало быстро укомплектовываться их школьными друзьями, товарищами по бизнесу, а также старыми бойцами из УСС.

Главным выразителем общих взглядов американской элиты был Джордж Кеннан - учёный, дипломат, архитектор «Плана Маршалла» и, как директор Штаба политического планирования (Policy Planning Staff) Госдепартамента США, один из отцов-основателей ЦРУ В 1947 году он выступал за прямое военное вмешательство в Италии, которой предсказывал неизбежное падение в гражданскую войну, развязанную коммунистами: «Это, вероятно, привело бы к эскалации насилия и, возможно, к военному разделу Италии, докладывал он в Государственном департаменте, - но это могло бы быть предпочтительнее бескровной победы на выборах, которой мы не стали бы противодействовать и которая дала бы коммунистам возможность захватить весь полуостров одним ударом и вызвала бы волны паники, захлестнувшие все прилегающие регионы» [69].

Трумэн, к счастью, не согласился с этим безрассудным предложением, но вместо этого санкционировал скрытое вмешательство в итальянские выборы. К июлю 1947 года Кеннан подкорректировал свои взгляды - не о природе советской угрозы, а о том, как справиться с ней. В своей знаменитой «Статье X» в журнале «Форин Аффэрс» (Foreign Affairs) он сформулировал тезис, который оказывал преобладающее влияние в первые годы холодной войны. Утверждая, что Кремль стремится к доминированию «в каждом доступном закоулке и в каждой щели… мирового пространства» с его «фанатичной идеологией», он предложил политику «устойчивого противодействия» и «твёрдого и бдительного сдерживания». В рамках этой политики он выступал за «максимальное развитие пропаганды и техник политической борьбы» [70], как директор Аппарата политического планирования (целью которого был надзор над идеологией и политикой сдерживания в Европе) он находился в идеальных условиях для реализации данных планов. «Весь мир лежал у наших ног», - писал он позднее об этом ведомстве.

Именно Кеннан в своей речи в Национальной военной академии (National War College) в декабре 1947 года ввёл понятие «необходимой лжи» (The necessary lie) в качестве существенной составляющей американской

[69]George Kennan. Цитата из Walter L. Hixson.
[70]George Kennan (writing as X). The Sources of Soviet Conduct, Foreign Affairs, vol. 26, July 1947.

послевоенной дипломатии. Коммунисты, говорил он, завоевали «сильные позиции в Европе, так безмерно превосходящие наши собственные... благодаря беззастенчивому и искусному использованию лжи. Они сражались с нами с помощью нереальности, иррационализма. Можем ли мы успешно бороться против этой нереальности при помощи рационализма, правды, при помощи честной, исполненной благих намерений экономической помощи?» [71]. Нет, Америке необходимо вступить в новую эпоху тайной войны для достижения её демократических целей вопреки советской хитрости.

19 декабря 1947 года политическая философия Кеннана получила легальное воплощение в директиве СНБ-4 (NSC-4), выпущенной трумэновским Советом по национальной безопасности (National Security Council, NSC).

Сверхсекретное приложение к этой директиве СНБ-4А предписывало директору ЦРУ развернуть «тайную психологическую деятельность» в поддержку американской антикоммунистической политики. Удивительно непрозрачное в отношении того, какие процедуры должны соблюдаться при санкционировании и координации подобной деятельности, это приложение стало первым послевоенным официальным одобрением секретных операций. Вместе с заместившей её в июне 1948 года новой, подробнее разработанной директивой СНБ-10/2, также подготовленной Джорджем Кеннаном, они стали документами, направляющими американскую разведку в непостоянных водах тайной политической борьбы на десятилетия вперёд.

Подготовленные в обстановке строжайшей секретности, эти директивы «приняли экспансивную концепцию требований безопасности {Америки), в которой мир был существенно подогнан под их собственный образ» [72]. Исходя из предпосылки, что Советский Союз и его страны-сателлиты приступили к осуществлению программы «порочной» тайной активности, направленной на «дискредитацию и поражение целей и деятельности Соединенных Штатов и других западных держав», СНБ-10/2 давала высочайшую санкцию правительства на множество тайных операций: «пропаганду, экономическую войну, превентивные прямые действия, включая саботаж, антисаботаж, меры по уничтожению и эвакуации; подрывную деятельность против враждебных государств, включая помощь подпольным движениям, партизанам и освободительным группам в изгнании» [73]. Все эти мероприятия, согласно СНБ-10/2, надлежало «спланировать и осуществить таким образом, чтобы любое участие правительства США в них было неочевидно для непосвящённых, а если и будет обнаружено, то правительство США должно иметь возможность правдоподобно опровергнуть любую ответственность за них» [74].

---

[71] George Kennan. National War College Address, December 1947. Цитата из International Herald Tribune, 28 May 1997.
[72] Deborah Larson. The Origins of Containment: A Psychological Explanation (New Jersey: Princeton University Press, 1985).
[73] National Security Council Directive 10/2, цитата из Final Report of the Church Committee, 1976.
[74] Там же.

Директива СНБ-10/2 создавала специальное подразделение для тайных операций, входившее в состав ЦРУ, но курировавшееся и пополнявшееся кадрами из Штаба политического планирования Госдепартамента (другими словами, находившееся под контролем Кеннана). Это подразделение в итоге было названо Управлением координации политики (Office of Policy Coordination, УКП), предназначенным «для того, чтобы обеспечивать правдоподобность, при этом не выявляя практически ничего из своих целей» [75]. Секретные операции определялись как любая «нелегальная деятельность, имеющая целью влияние на иностранные правительства, события, организации или лица для поддержки американской внешней политики, осуществляемая таким образом, что причастность правительства США не являлась бы очевидной» [76].

Практически неограниченное по своим возможностям и секретности УКП не имело прецедентов в Америке мирного периода. Это было подразделение по грязным делам, за создание которого боролись Аллен Даллес и ковбои с Парк-авеню. Фрэнк Уизнер оставил свою прежнюю должность для того, чтобы возглавить это новое предприятие. Он был выбран из списка кандидатов, предложенного Джорджем Кеннаном.

Фрэнк Уизнер, бывший адвокат с Уолл-стрит, отличавшийся миссисипским говором и необычными физическими качествами, благодаря которым он стал чемпионом университета Вирджинии по бегу с барьерами, был ветераном европейских кампаний УСС и главой его Секретного разведывательного отдела (Secret Intelligence Branch). Продолжая работать в военной разведке после окончания войны, он отвечал за поддержание связи с «Организацией Гелена» (Gehlen Organization) - разведывательным подразделением немецкой армии, которое американцы сохранили в нетронутом виде для того, чтобы шпионить за Россией. Моральным соображениям в расчётах Уизнера не было места.

Как позднее объяснял Гарри Розицке (Harry Rositzke), его близкий коллега по УСС, а затем и по ЦРУ: «Это было нашим внутренним делом - использовать любого ублюдка, если тот был антикоммунистом» [77]. «Не надо его спрашивать про методы работы», - комментировал Аллен Даллес отношения Уизнера с генералом СС Рейнхардом Геленом (Reinhard Gehlen) [78].

Уизнер с гневом покинул военную разведку после того, как начальство однажды придралось к заявке на дополнительные велосипеды для его офицеров. Потом он поступил на службу в Государственный департамент, откуда продолжал руководить тем, что было фактически его персональной разведывательной сетью, состоящей из ряда сплочённых групп, глубоко запрятанных в недрах правительственной бюрократии. Именно эта сеть вошла теперь в состав ЦРУ под названием Управления координации политики (УКП).

---

[75]Там же.

[76]Там же.

[77] Harry Rositzke. Цитата из Evan Thomas. The Very Best Men: The Early Years of the CIA (New York: Touchstone, 1996).

[78] Allen Dulles. Цитата из Evan Thomas. Там же.

Практика привлечения на службу нацистов была продолжена Уизнером, когда тот встал во главе УКП. «После войны Уизнер привёл с собой множество фашистов, некоторые из них были просто отвратительными людьми.

Он мог это сделать, потому что обладал большим влиянием [79], - пояснял позднее один его коллега по ЦРУ. - Он был ключом к очень многим вещам, выдающимся, увлечённым человеком с огромным обаянием, воображением и убеждённостью в том, что всё - всё, что угодно, - может быть осуществлено, и осуществлено именно им» [80].

Под руководством Уизнера УКП стало самым быстрорастущим подразделением ЦРУ. По словам Эдгара Эпплуайта (Edgar Applewhite), заместителя генерального инспектора ЦРУ (Deputy Inspector General), его сотрудники «присвоили себе абсолютную, ничем не сдерживаемую власть. Они могли делать всё, что хотели, если только «высшая власть», как мы называли президента, определённо не запрещала этого. Они были очень аристократичны в своём высокомерии, очень ограничены в отношениях с противоположным полом, очень романтичны и самонадеянны. У них были ниспосланные свыше обязательства и соответствующие возможности! Эти возможности поглощали их» [81].

Для облегчения операций УКП Конгресс США принял Закон о Центральном разведывательном управлении 1949 года, который давал возможность директору ЦРУ тратить средства без предоставления отчёта о расходах. В течение нескольких следующих лет масштаб операций УКП, его кадровый состав и бюджет расширялись. Общая численность персонала выросла с 302 человек в 1949-м до 2812 человек в 1952-м, не считая 3142 иностранных работников по контракту. Его бюджет за тот же период увеличился с 4,7 до 82 миллионов долларов. Одним из факторов, способствовавших этому росту, была организационная структура, которая создавала внутренний спрос на проекты. Деятельность УКП была спланирована не вокруг финансовой системы, а вокруг проектов. Это приводило к важным, и, в конце концов, вредным внутренним эффектам: «Внутри УКП сотрудник оценивал свою производительность и оценивался другими по важности и количеству проектов, которые он инициировал и которыми руководил. В результате возникала конкуренция между сотрудниками и подразделениями УКП по созданию наибольшего числа проектов» [82].

На первых порах штаб-квартира ЦРУ находилась в нескольких беспорядочно расположенных временных строениях, известных как «сараи», разбросанных вокруг Капитолия и Вашингтонского торгового центра. Там, в

---

[79] Tom Braden. Interview, Virginia, August 1996.

[80] Harrison E. Salisbury. Without Fear or Favor: The New York Times and its Times (New York: Ballantine, 1980).

[81] Edgar Applewhite. Цитата из Evan Thomas. Цит. произв.

[82]Final Report of the Church Committee, 1976. Победителями в отделе Уизнера были те управляющие, которые смогли создать наибольшее количество проектов. Моделью для него была юридическая фирма: чем больше клиентов и дел, тем выше награда (Evan Thomas. Цит. произв.).

пыльных коридорах, новобранцы очаровывались «атмосферой военного времени и безотлагательной мобилизации. Залы были полны серьёзными и озабоченными мужчинами и женщинами, стремящимися на совещания, обсуждающими что-то на ходу, дающими чёткие инструкции ассистентам, которые старались поспеть за ними. Полные энтузиазма новички смешивались с ветеранами УСС, выпускники Джедбургского (Jedburgh) колледжа - с элитой послевоенной эпохи, только что вышедшей из кампусов «Лиги плюща», в твидовых пиджаках, курящей трубки и полной смелых, новаторских идей, - все они стекались в Управление как наиболее эффективное место для некоммунистических либералов, готовых сражаться с коммунистической угрозой» [83].

Линия фронта этой борьбы проходила, конечно, не в Вашингтоне, а в Европе. Учреждая свой офис на территории военно-воздушной базы «Темпельхоф» (Tempelhof), расположенной в получасе езды от Берлина, УКП наводнила своими сотрудниками Германию. Вдобавок к другим подразделениям ЦРУ к немецкому отделу тогда были прикреплены 1400 агентов.

Одним из первых новобранцев УКП в Германии был Майкл Джоссельсон. В заметках к своим мемуарам (которые так и не были закончены) он писал: «Моя служба... завершалась в 1948 году. Но мысль о возврате к гражданской жизни, который для меня означал возвращение в мир закупок для американских универмагов - совсем неинтересного занятия, наполняла меня отчаянием. Американский друг, который работал в разведке, познакомил меня тогда с одним из руководителей «подразделения» в Германии. Затем последовали два или три собеседования в Вашингтоне, заполнение бесконечной анкеты и очень долгое ожидание, пока ФБР в своей топорной манере пыталось выяснить, было ли что-нибудь предосудительное в моей жизни.

Осенью 1948 года разрешение было получено, и я присоединился к «подразделению» в качестве начальника Берлинского отдела по тайным операциям, который отличался от отдела по шпионажу. За исключением аспекта секретности, он был практически прямым продолжением подразделения психологической войны, только на этот раз обращённой против Советов и коммунистов в Восточной Германии. Это был оборонительный ход, так как Советы уже давно начали психологическую холодную войну» [84].

Человеком, завербовавшим Джоссельсона, был Лоуренс де Новилль (Lawrence de Neufville), сотрудник УСС, прибывший в Германию с первой волной американских войск в 1944 году. До начала 1948-го он работал консультантом в гражданской администрации Берлина. Затем с ним связался Джон Бейкер (John Baker), один из первых сотрудников ЦРУ в Германии, позже прославившийся тем, что был объявлен Советским Союзом персоной нон фата «за систематическое нарушение норм поведения для дипломатических представителей» (то есть за шпионаж), когда работал

[83]William Colby. Цит. произв.
[84]Michael Josselson. The Prelude to My Joining the Outfit (MJ/HRC).

вторым секретарём посольства США в Москве. «Я не писал заявление о вступлении в ЦРУ или что-нибудь подобное, - вспоминал позднее де Новилль. - Я был совершенно счастлив на своём месте, работая над конституцией, помогая утвердиться правительству Аденауэра. Это было захватывающе. Но однажды в мой кабинет вошёл Джон Бейкер и спросил, не хочу ли я работать в Управлении» [85]. Де Новилль принял это предложение и был назначен работать под прикрытием в офисе американского верховного комиссара (High Commissioner) Джона Макклоя. Его первым делом стала вербовка Джоссельсона, после работы в Берлине слывшем чем-то вроде легенды в кругах разведки.

Знал ли Николай Набоков о новой работе друга? Майкл Джоссельсон был чрезвычайно скрытным человеком, идеально подходящим для мира разведки. Когда каким-то родственникам, жившим в Восточном Берлине, удалось разыскать его в начале 1949 года, он грубо выставил их, сказав, чтобы те не связывались с ним больше. Обидно, но они подумали, что «американизированный» кузен считает их ниже себя. На самом деле он беспокоился за их безопасность. Наличие родственника в американской секретной службе ставило восточных берлинцев в ситуацию непосредственной опасности. Но Набоков, вероятно, имел неплохое представление о новой сфере деятельности Джоссельсона. В то время в Берлине было больше шпионов, чем исправных велосипедов, и Набоков работал рядом со многими из них.

Набоков также был приглашён работать на ЦРУ. В 1948-м он подал заявление на службу в правительстве (working for the government - стандартное выражение в США, означающее работу в специальных службах. - Прим. ред.). Не являясь бюрократом по натуре, он вряд ли интересовался работой в Государственном департаменте (которая презиралась многими новобранцами ЦРУ: «одна политика и никаких отжиманий»), а поскольку в его заявлении упоминался Аллен Даллес, было бы разумно предположить, что он пытался получить службу в разведке. Однако заявление Набокова не возымело действия, и он не получил разрешения. Его поручитель Джордж Кеннан в глубоком замешательстве советовал ему отозвать своё заявление: «Я даю вам этот совет (который вызывает у меня большую печаль и настоящее беспокойство) только потому, что я сам для себя не в состоянии прояснить этот вопрос и не могу гарантировать вам свободу от дальнейших неприятностей, если вы продолжите добиваться работы в правительстве... Я могу только сказать, что, на мой взгляд, все действия правительства в этом вопросе в целом являются непродуманными, недальновидными, несправедливыми и совершенно несовместимыми с каким бы то ни было желанием использовать услуги восприимчивых, умных и ценных людей... Я думаю, что правительство утратило какие-либо права на использование ваших советов, и если я был на вашем месте, то бросил бы всё это дело» [86]. По крайней мере, на данный момент Набокова оставили в дураках.

А что насчёт Мелвина Ласки? Разве он не был идеальным кандидатом для того, чтобы пополнить растущие ряды ЦРУ? Позднее будут утверждать,

[85]Lawrence de Neufville. Telephone interview, February 1997.
[86]George Kennan to Nicolas Nabokov. 14 July 1948 (NN/HRC).

что Ласки стал агентом. Сам он упорно это отрицал. Как и Тэкстеру (Thaxter) в «Даре Гумбольдта», слухи «изрядно добавили ему загадочности». Его постоянное присутствие на передовой цереушного культурного фронта холодной войны в течение следующих двух десятилетий не могло остаться незамеченным.

3.Марксисты в «Вальдорфе»

«Я так скажу, фашизм или коммунизм - неважно, я выбираю сторону любви и смеюсь над идеями мужчин». Анаис Нин (Anais Nin)

Нью-Йорк, 25 марта 1949 года, промозглый и слякотный вторник. Около отеля «Вальдорф Астория», на пересечении Парк-авеню и 50-й улицы, проходил маленький нестройный пикет. Люди, в большинстве своём одетые в серые габардиновые пальто, стояли неровным кружком на тротуаре. Внутри же отеля царило бешеное движение. Несмотря на спокойное время года, отель был переполнен, и регистрация требовала больших усилий.

Из номера 1042 на десятом этаже, где находились роскошные свадебные апартаменты, каждый день приходили многочисленные и срочные заказы.

За требованием установить дополнительные телефонные аппараты следовал шквал телеграмм, диктовавшихся сотрудникам телеграфного отдела отеля: нужно было больше настольных ламп, и вообще больше всего. Вызовы в номер обслуги следовали с постоянством канонады: бутерброды, салаты, бифштексы по-татарски, гарниры, бутылки красного вина, пива, ведро льда. Совсем не то, что бывает в обычный медовый месяц.

Когда официанты заходили в номер, их встречала странная сцена. Комната была опутана телефонными шнурами, и на конце каждого провода, завершавшегося телефонной трубкой, шёл оживлённый разговор. Все доступные поверхности были заняты людьми или качающимися стопками бумаг. Висел густой сигаретный дым. Два секретаря диктовали ассистенту, работавшему с мимеографом, который был установлен в ванной комнате. Пола её не было видно из-под громоздящихся стопок писчей бумаги. Бесконечный поток посетителей вливался в этот беспорядок и вытекал обратно.

Посреди этого ажиотажа некоторые присутствующие с тревогой наблюдали за официантами, балансирующими с огромными подносами на краях кроватей и ожидающими чаевых. Кто будет оплачивать счета? Сидни Хук (Sidney Hook), философ из Нью-Йоркского университета, который бронировал номер, казался совершенно равнодушным ко всё возрастающей стоимости мероприятия. Вместе с Хуком в свадебных апартаментах находились: писательница Мэри Маккарти (Магу McCarthy) со своим третьим мужем журналистом Боуденом Броадвотером (Bowden Broadwater); романист Элизабет Хардвик (Elizabeth Hardwick) и её муж поэт Роберт Лоуэлл (Robert Lowell); Николай Набоков; журналист и критик Дуайт Макдональд (Dwight Macdonald); итальянский журналист и бывший соратник Мюнценберга Никола Кьяромонте (Nicola Chiaromonte); Артур Шлезингер; редакторы «Партизан Ревью» Уильям Филлипс (William Phillips) и Филип Рав (Philip Rahv); Арнольд Бейхман (Arnold Beichman), репортёр, дружный с лидерами антикоммунистических профсоюзов; Мел Питцеле (Me1 Pitzele), специалист по рабочему вопросу; Дэвид Дубински (David Dubinsky) из профсоюза «Лэдиз Гармент» (Ladies Garment Workers Union).

Несмотря на род занятий, Дубински выглядел отлично и держался непринуждённо в этом маленьком хаотичном парламенте интеллектуалов.

Внизу, в актовом зале «Вальдорф Астории», утомлённый персонал отеля заканчивал последние приготовления к проведению конференции. Вазы с цветами были расставлены вокруг сцены, расположенной полумесяцем в дальнем конце зала. Шла проверка микрофонов: раз-два, раз-два. На стене позади трибуны висел огромный транспарант «Культурная и научная конференция за мир во всём мире». Некоторые из тысячи приглашённых делегатов конференции уже прибыли для регистрации. Стоящие снаружи демонстранты набрасывались с ругательствами на гостей, когда те проходили через двери отеля в фойе. «Слабаки!» - кричали они Лилиан Хеллман, Клиффорду Одетсу, Леонарду Бернстейну и Дэшилу Хэмметту (Dashiell Hammett). Особенно презрительные насмешки ожидали миллионера и члена «Лиги плюща» Корлисса Ламонта (Corliss Lamont), который исполнял роль спонсора конференции.

Сын президента инвестиционного банка J.P. Morgan & Co, учившийся в Академии Филлипса (Phillips Academy) и Гарварде, Ламонт обладал достаточно аристократическим воспитанием, чтобы игнорировать оскорбления, бросавшиеся ему негодующими участниками пикета.

Протестная акция у дверей отеля была организована правым альянсом, в который вошли «Американский легион» (American Legion) и группа католических и патриотических организаций. Их претензия к конференции, спонсируемой Национальным советом по искусству, науке и профессиям (National Council of the Arts, Sciences and Professions), состояла в том, что она была просто очередной подставной организацией Москвы, что коммунисты преследовали не бескорыстные цели интеллектуального обмена между Соединёнными Штатами и Советским Союзом, как они заявляли, а стремились наладить пропагандистскую работу в Америке. В сущности, они были правы.

Конференция проводилась по инициативе Коминформа и являлась дерзкой попыткой манипулирования общественным мнением в тылу у Америки.

Советская делегация, возглавляемая А.А. Фадеевым, председателем Союза советских писателей, гордостью которой был композитор Дмитрий Шостакович, с комфортом расположилась в номерах «Вальдорфа». Их кагэбэшные «няньки» и партаппаратчики могли поздравить себя с удавшимся театральным эффектом. Протестовавшие перед входом в отель уловили суть: красные были уже не просто под кроватью, они залезли в саму кровать.

«Все газеты облетела новость о том, что каждый вход в «Вальдорф Асторию» будет блокирован шеренгой монашек, молящихся о душах участников, которым угрожает сатанинский соблазн, - писал Артур Миллер, принявший приглашение занять место ведущего одной из дискуссий на конференции. - И действительно, в день конференции утром, подходя к дверям «Вальдорфа», я миновал двух смиренных сестёр, стоящих на коленях

на тротуаре. Ещё долгое время размышления над символическими действиями и высказываниями такого рода приводили меня в замешательство» [87].

Хотя Сидни Хук и группа из апартаментов для новобрачных публично отмежёвывались от пикетирующих: «Самое опасное, что мы можем сделать... это оставить разворачивание фронта борьбы с коммунистами реакционерам» - причина их присутствия здесь была та же. Бывшие марксисты и троцкисты, они когда-то вращались в тех же коммунистических кругах, что и американские интеллектуалы и художники, которые в данный момент прибывали для участия в советской конференции. Действительно, Нью-Йорк 1930-х годов был однажды назван «самой интересной частью Советского Союза». Однако германо-русский пакт о ненападении 1939 года произвёл шок, который «оторвал скорбящий и деморализованный Нью-Йорк от СССР и вернул его Америке» [88].

Хотя Хук и его товарищи были в числе тех, кто отошёл от радикального марксизма в сторону центристских или правых взглядов, другие их коллеги сохраняли симпатии к коммунизму. «Сталинисты были ещё очень большой силой, - писал позднее редактор и критик Джейсон Эпштейн (Jason Epstein). - Сейчас они были похожи на политически корректную группу. Так что имелись достаточные основания подвергнуть сомнению право сталинистов на культуру [89]. Впечатляющий сбор сочувствующих коммунизму в «Вальдорфе», кажется, оправдывал опасения многих американских идеологов, что обольстительные чары коммунизма ещё не разрушены, что коммунистическая мечта, несмотря на злоупотребления Сталина, ещё жива.

«Для меня, впрочем, конференция была попыткой продолжить добрую традицию, которая в настоящее время находится под угрозой, - писал позднее Артур Миллер. - Несомненно, четыре года нашего военного союза против держав оси (Берлин - Рим - Токио) были только временной передышкой от долгой враждебности, берущей начало с революции 1917 года и просто возобновившейся с момента разгрома гитлеровских армий. Однако нет никаких сомнений в том, что без советского противодействия нацизм завоевал бы всю Европу, включая Британию, в то время как США в лучшем случае были бы вынуждены придерживаться позиции изоляционизма и невмешательства, а в худшем - стали бы сотрудничать с фашизмом, поначалу стесняясь, но, в конце концов, совершенно спокойно - произошло бы что-то в этом роде, как мне кажется. Поэтому резкий послевоенный поворот к противостоянию с Советами и к покровительству неочищенной от нацистов Германии представляется делом не просто постыдным, но грозящим новой войной, которая может не только уничтожить Россию, но и ниспровергнуть нашу демократию» [90].

---

[87]Arthur Miller. Timebends. For the Waldorf Astoria conference; см. также: Carol Brightman. Writing Dangerously: Mary McCarthy and Her World (New York: Lime Tree, 1993), и красочную, хотя и не совсем надежную оценку Николая Набокова в «Багаж: мемуары русского космополита».
[88]Lionel Abel. Цитата из Leonard Wallock (ad.), New York 1940-1965 (New York: Rizzoli, 1988).
[89]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.
[90]Arthur Miller. Цит. произв.

Наверху, в апартаментах для новобрачных, атмосфера стала более нервозной. С того момента, как три недели назад было принято решение сорвать конференцию, новая группа беспрестанно работала над созданием собственного «аппарата агитпропа». Подготовительная деятельность «врага» отслеживалась, и задача её нейтрализации была распределена между членами созданного для этой цели комитета, названного международным контркомитетом, в который вошли Бенедетто Кроче (Benedetto Croce), Т.С. Элиот, Карл Ясперс (Karl Jaspers), Андре Мальро, Жак Маритен (Jacques Maritain), Бертран Расселл (Bertrand Russell) и Игорь Стравинский. В список включили даже нобелевского лауреата доктора Альберта Швейцера (Albert Schweizer), видимо, не заботясь о том, что его имя уже фигурирует во вражеском стане в качестве одного из спонсоров Вальдорфской конференции. Используя преимущества позиции «троянского коня» внутри «Вальдорфа», группа перехватывала письма, адресованные организаторам конференции, и срывала их попытки добиться от прессы благоприятных официальных заявлений и новостных сообщений. Группа выпускала потоки пресс-релизов, в которых обвиняла участников и спонсоров конференции в том, что «они определяют себя как членов коммунистической партии или как её верных спутников».

Если чьи-либо убеждения не удавалось так просто выяснить, Хук и его компания предпринимали усилия для публичного разоблачения «истинных связей лидеров Вальдорфского собрания». Так, в пресс-релизе было «разоблачено» участие Ф.О. Мэтьессена в «организациях коммунистического фронта» (включавшего множество групп, в том числе, например, Комитет защиты по делу Тихой лагуны - Sleepy Lagoon Defense Committee). Говард Фаст назывался «автором пропагандистских романов», а Клиффорд Одетс был выставлен (далёким от объективности способом) «ещё одним членом коммунистической партии согласно свидетельству бывшего работника редакции «Дэйли Уокер».

По мере приближения церемонии открытия предлагались самые разные идеи, как лучше всего помешать ей (а позднее давались различные оценки случившегося). Хук, самоназначившийся фельдмаршалом «маленького антикоммунистического отряда», предложил своим боевым товарищам план, с помощью которого они смогут избежать насильственного выдворения из зала: вооружённые зонтиками, они станут стучать ими об пол, чтобы привлечь внимание, а потом привяжут себя к креслам - таким образом, их удаление из зала удастся задержать. Если им будут препятствовать в произнесении речей, товарищи Хука Бейхман и Питцеле начнут раздавать репортёрам напечатанные на мимеографе листовки.

Вышло так, что эти партизанские стратегии не пришлось пускать в дело (впрочем, зонтиками по полу всё же постучали). К их удивлению, каждому обличителю дали две минуты на выступление, хотя им и пришлось дожидаться, пока первый говоривший, отставной епископ из штата Юта, завершит свою нескончаемую речь. Мэри Маккарти адресовала свой вопрос выдающемуся гарвардскому филологу Ф.О. Мэтьессену, автору «Американского Ренессанса» (The American Renaissance), который изобразил Ральфа Уолдо Эмерсона (Ralph Waldo Emerson)

предшественником американского коммунизма. «Думает ли Мэтьессен, что у Эмерсона была бы возможность жить и писать в Советском Союзе?» - спрашивала она. Мэтьессен признал, что возможности не было бы, но затем добавил: «нелогичностью года» сочли, что Ленину также не было бы позволено жить в Соединенных Штатах. Когда Дуайт Макдональд спросил Фадеева, почему он принял критические «предложения» Политбюро и переписал свой роман «Молодая гвардия», тот ответил, что «критика, высказанная Политбюро, сильно помогла моей работе».

Николай Набоков решил присоединиться к своим товарищам во время речи Шостаковича. Среди стоявших на сцене музыкантов были люди, хорошо известные Набокову, даже его друзья. Он махал им рукой, и они нервно улыбались в ответ. После типичного скучного и предсказуемого заседания Набоков наконец взял слово: «В таком-то номере «Правды», от такого-то числа, появилась неподписанная статья, судя по всем признакам, редакционная. В ней говорилось о трёх западных композиторах: Пауле Хиндемите, Арнольде Шёнберге (Arnold Schoenberg) и Игоре Стравинском. В статье все трое клеймились «обскурантами», «декадентскими буржуазными формалистами» и «лакеями империалистического капитализма». Исполнение их музыки «должно быть запрещено в СССР». Господин Шостакович лично согласен с этой официальной точкой зрения, напечатанной в «Правде»?» [91].

«Провокация!» - кричали русские подставные подпевалы, в то время как Шостаковича шёпотом инструктировали его «няньки» из КГБ. Затем композитор встал, взял в руку микрофон и, опустив вниз мертвенно-бледное лицо и уперев взгляд в кафедру, невнятно сказал по-русски: «Я полностью согласен с утверждениями, сделанными в «Правде».

Это был потрясающий эпизод. Нью-Йорка достигали слухи, что Шостакович от самого Сталина получил указание принять участие в конференции.

Он был жертвенным агнцем, выглядящим, по словам одного обозревателя, «бледным, хрупким, ранимым, сгорбленным, напряжённым, замкнутым, неулыбчивым - трагичной и душераздирающей фигурой». Артур Миллер описывал его «маленьким, слабым и близоруким», стоящим «распрямившись жёстко, как кукла». Любые проявления независимого духа были для Шостаковича вопросом жизни и смерти. С другой стороны, Николай Набоков являлся русским белоэмигрантом, ставшимся американским гражданином в 1939-м. Он был в безопасности. Набоков набросился с кулаками на человека, чьи руки были связаны за спиной.

Как председатель секции искусств, на которой произошло это столкновение, Артур Миллер был потрясён: «Воспоминание о Шостаковиче неотступно преследует меня, когда я думаю о том дне - каким же маскарадом всё это было!.. Одному Богу известно, о чем он думал в том зале, как разрывалась его душа, какой порыв закричать поднимался в нём и каким внутренним усилием он подавлялся, только чтобы его действия не

[91]Nicolas Nabokov. Цит. произв.

помогли Америке и её агрессивным намерениям по отношению к его стране - это превращало его жизнь в ад» [92].

Спустя 30 лет на Западе вышли мемуары Шостаковича, демонстрирующие его впечатления от вальдорфского мероприятия: «Я всё ещё с ужасом вспоминаю мою первую поездку в США. Я не поехал бы вовсе, если бы не сильнейшее давление, оказываемое административными фигурами всех рангов и мастей, вплоть до Сталина. Люди иногда говорят, что это, должно быть, было интересное путешествие, судя по тому, как я улыбаюсь на фотографиях. Это была улыбка приговорённого. Я ощущал себя мертвецом.

Я в замешательстве отвечал на все дурацкие вопросы, и мысль о том, когда же я вернусь, не покидала меня. Сталин водил американцев на поводу, ему это нравилось. Он показывал им человека - вот он, живой и здоровый, а потом убивал его. Да почему, собственно, водил на поводу? Это слишком сильное выражение. Он одурачивал только тех, кто хотел быть одураченным.

Американцам наплевать на нас. Для того чтобы жить и спать спокойно, они поверят во что угодно» [93].

Конференция продолжалась несколько дней. Т.С. Элиот послал телеграмму с протестом против конференции. Другая телеграмма пришла от Джона Дос Пассоса (John Dos Passos), который предлагал американским либералам выставить советскую тиранию в таком свете, чтобы «деспотизм погиб от собственного яда». Томас Манн (Thomas Mann), который однажды заметил, что антикоммунизм - это «основная глупость XX столетия», послал телеграмму в поддержку конференции. Дебаты шли по установленному ритуалу и были смертельно скучны. Некоторое оживление внесло вторжение молодого Нормана Мэйлера (которого один современник охарактеризовал как «Фрэнка Синатру в школьные годы»), поразившего обе стороны своими обвинениями и Советского Союза, и Соединенных Штатов в следовании агрессивным внешнеполитическим программам, которые сводят к минимуму шансы на мирное сосуществование. «Поскольку существует капитализм, дело будет идти к войне. До тех пор, пока у вас не будет честного и справедливого социализма, у вас не будет мира, - сказал он, а потом подытожил: - Каждый писатель может говорить правду, как он её видит, и запечатлевать её в своих произведениях» [94]. Речь Мэйлера произвела магический эффект, объединив противников в общем негодующем хоре.

Тем временем пикет за стенами отеля разросся в тысячный митинг. Многие его участники держали плакаты. Один журналист удивлялся, как

---

[92]Arthur Miller. Цит. произв.

[93]Dmitri Shostakovich. Testimony: The Memoirs of Dmitri Shostakovich, Solomon Volkov (ed.) (New York: Harper & Row, 1979). По-прежнему есть сомнения в аутентичности мемуаров Шостаковича. Они были опубликованы как раз перед началом политики гласности, и есть подозрения, что они использовались СССР в качестве пропаганды. Однако являлись они пропагандой или нет, а Шостаковича можно рассматривать как представителя группы артистов Восточного блока, которых возмущала глупость некоторых американских антикоммунистов.

[94]Norman Mailer. Цитата из Carol Brightman.

так вышло, что «в распоряжении крайне правых находится столько шумных и грубых хулиганов». Хук был достаточно умён, чтобы понять, что коммунизм внутри «Вальдорфа» и воинствующий антикоммунизм, расположившийся снаружи на тротуаре, питают друг друга. Его агрессивная пиар-кампания, проводимая Мелом Питцеле, начала приносить результаты. Газетный магнат и параноидальный антикоммунист Уильям Рандольф Хёрст (William Randolph Hearst) приказал всем своим редакторам поддержать поднятую Хуком шумиху и заняться обличением конференции «комми» и их американских «попутчиков».

В апреле Генри Люс (Henry Luce), владелец издательской империи «Тайм-Лайф», лично проконтролировал публикацию двухстраничного разворота в журнале «Лайф», в котором обличалась деградация Кремля и его американских «простофиль». Напечатав в статье 50 маленьких фотографий, журнал провёл атаку ad hominem (рассчитанную на предубеждения, а не на разум), ставшую прообразом неофициальных «чёрных списков» сенатора Маккарти. Дороти Паркер, Норман Мэйлер, Леонард Бернстейн, Лилиан Хеллман, Аарон Копланд, Лэнгстон Хьюз (Langston Hughes), Клиффорд Одетс, Артур Миллер, Альберт Эйнштейн, Чарли Чаплин, Фрэнк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright), Марлон Брандо, Генри Уоллес (Henry Wallace) - все они обвинялись в заигрывании с коммунизмом. Это был тот самый журнал «Лайф», который в 1943 году целый номер посвятил СССР, со Сталиным на обложке, прославляющий русский народ и Красную армию.

«Участвовать в той роковой попытке спасти альянс военного времени с Советским Союзом перед лицом нарастающего давления холодной войны было опасным делом, - вспоминал Артур Миллер. - Воздух становился всё горячее от агрессивности... В ожидании дня открытия конференции не отрицалась возможность возмездия её участникам... В самом деле, по прошествии нескольких месяцев характеристики «сторонник Вальдорфской конференции» или «участник» стали ключевыми для обозначения нелояльности человека...

То, что съезд писателей и артистов смог вызвать получившие столь широкое распространение подозрительность и гнев публики, было чем-то совершенно новым в послевоенном мире» [95].

Это, и в самом деле, было опасно. Теми, кто «засветился» в «Вальдорфе» - отель был знаменит своими довоенными балами для молодых девушек из аристократических семей, впервые выходящих в свет, теперь интересовался директор ФБР Дж. Эдгар Гувер (J. Edgar Hoover). Федеральное бюро расследований отправило своих агентов изучать работу конференции и собирать данные на её делегатов. На основании этих данных в штаб-квартире ФБР было открыто дело на молодого Нормана Мэйлера. Дела на Лэнгстона Хьюза, Артура Миллера, Ф.О. Мэтьессена, Лилиан Хеллман, Дэшила Хэмметта и Дороти Паркер (которые проходили по разным категориям: «тайный коммунист», «открытый коммунист» и

[95]Arthur Miller. Цит. произв.

«потворствующий коммунистам») были открыты ещё в 1930-х годах, но их новые крамольные поступки были также задокументированы.

В некоторых случаях ФБР не ограничивалось слежкой за вальдорфскими «коммунистами». Вскоре после конференции агент ФБР посетил издательский дом «Литтл и Браун» и сообщил, что Дж. Эдгар Гувер не хочет видеть новый роман Говарда Фаста «Спартак» на книжных полках [96]. «Литтл и Браун» вернули рукопись автору, и после этого она была отвергнута ещё в семи издательствах. Альфред Кнопф (Alfred Knopf) отослал рукопись нераспакованной, заявив, что не будет даже смотреть на работу предателя. В конце концов, в 1950 году Говард Фаст сам издал эту книгу. «Право сталинистов на культуру» было явно под ударом.

После выхода статьи в журнале «Лайф» странные балетные па, которые коммунисты танцевали со своими бывшими соратниками в «Вальдорфе», предстали в виде грандиозного публичного зрелища. Хук поздравил себя с тем, что был хореографом лучших сцен: «Мы сорвали одно из самых амбициозных предприятий Кремля».

Сидни Хук родился в декабре 1902 года в нью-йоркском Вильямсбурге - трущобах Бруклина, не имевших в то время равных себе по нищете. Это была плодородная почва для коммунизма, и Хук стал его юным приверженцем.

Низкого роста, в круглых очках на маленьком лице, Хук был похож на деревенского мудреца. Но он являлся пылким интеллектуалом, умственным бойцом, всегда готовым ввязаться в драку. Привлечённый мускулистым, стоящим в бойцовской позе нью-йоркским коммунизмом, он легко перемещался между разными его течениями - от сталинизма до троцкизма и бухаринизма. Хук помогал готовить первое издание ленинского «Материализма и эмпириокритицизма» для Американской коммунистической партии. Какое-то время он работал в Институте Маркса и Энгельса в Москве. Хук опубликовал серию статей по марксизму, самая известная из которых - «Почему я коммунист» вызвала целую кампанию за его исключение из Нью-Йоркского университета, которой руководил Хёрст.

Как и у многих нью-йоркских интеллектуалов, вера Хука в коммунизм стала слабеть после целого ряда предательств: процесса о государственной измене Льва Троцкого в 1936-1937 годах, нацистско-советского пакта о ненападении 1939 года, серии пагубных ошибок в суждениях, теоретических построениях и политике Сталина. Уже как враг коммунистической партии он был объявлен «контрреволюционной рептилией», его сторонники изгнаны как «хуковские черви». В 1942 году Хук уже доносил в ФБР на писателя и редактора Малкольма Коули (Malcolm Cowley). Так Хук - революционер из Вильямсбурга стал Хуком - любимцем консерваторов [97].

---

[96]Маловероятно, хотя и возможно, что Гувер читал роман «Спартак». В кампании ФБР, направленной против американских писателей, вопросы к содержанию были почти всегда вторичны по отношению к статусу автора. В случае с Говардом Фастом его членство в коммунистической партии и появление на конференции в «Вальдорфе» было достаточным для того, чтобы вызвать гнев Гувера. См.: Natalie Robins. Alien Ink: The FBI's War on Freedom of Expression (New York: William Morrow, 1992).

[97]Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.

В четверг 27 марта 1949 года в конце рабочего дня полиция блокировала 40-ю улицу между Пятой и Шестой авеню. С балкона здания, которое очень к месту называлось Домом свободы (Freedom House), Хук вместе со своей «частной армией» торжествующе приветствовал плотную толпу, собравшуюся внизу, на Брайант-сквер (Bryant Square). Его «команда... провела великолепную информационную работу», - заявил Набоков, который заслужил право греться в лучах славы. Набоков воспользовался завершающим мероприятием конференции для произнесения речи о «тяжёлом положении композиторов в Советском Союзе и тирании партийного культаппарата». Обращаясь к слушателям, теснящимся в зале Дома свободы, Набоков сетовал на то, как использовали Дмитрия Шостаковича на «конференции мира», чем заслужил оглушительные аплодисменты. А затем Набоков увидел «знакомого человека, который встал с заднего ряда и подошёл ко мне. Это был мой приятель по Берлину, с которым мы вместе работали в Omgus. Он тепло поздравил меня: «Вы и ваши товарищи организовали превосходное дело, - сказал он, - мы должны были устроить что-то подобное в Берлине» [98].

Этим вышедшим вперёд «приятелем» был Майкл Джоссельсон. Его присутствие на конференции в «Вальдорф Астории», а потом на собрании в Доме свободы, было вызвано чем угодно, но только не простодушным принятием приглашения Набокова. Джоссельсон находился там для выполнения инструкций своего начальника Фрэнка Уизнера, мастера тайных операций ЦРУ. «Превосходное дело» спонсировалось Уизнером, и Джоссельсон присутствовал там для наблюдения за вложениями. При содействии умного Дэвида Дубински, чьё присутствие в номере для новобрачных всегда было чем-то вроде таинства, ЦРУ обеспечило Хуку надёжный оплот в «Вальдорфе» (Дубински пригрозил, что профсоюзы закроют отель, если руководство не поселит его товарищей по интеллектуальной борьбе), оплатило счета (Набоков получил от Дубински крупную сумму цэрэушных долларов, чтобы доставить их в номер) и гарантировало широкое и сочувственное освещение в прессе.

Также и Мелвин Ласки прибыл из Берлина, чтобы увидеть, во что вылилась деятельность хуковского агитпропа (эти двое поддерживали связь с предыдущего года, когда Хук находился в Берлине в качестве «советника по вопросам образования» в американской зоне). Ласки был заинтригован конфронтационным характером Вальдорфской конференции, и особенное презрение он припас для Шостаковича. «Он был крайне робок, - утверждал Ласки впоследствии. - Он не хотел ни на чем настаивать. Но там были такие, кто говорил ему: «Есть вещи большие, чем вы, Шостакович, большие даже, чем ваша музыка, и вам придётся заплатить входную плату, нравится вам это или нет, во имя высшей цели» [99].

Хук и его товарищи по «Вальдорфу» понимали, что заплатили свою входную плату. Но большинство из них не участвовали в тайных договорённостях, и это сделало возможным их сопротивление. Никола Кьяромонте с подозрением относился к контактам Хука. Он предостерегал

[98]Nicolas Nabokov. Цит. произв.
[99]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.

Мэри Маккарти, чтобы та держалась подальше от Хука и его помощников, чьи многочисленные пресс-релизы, выпущенные за эту беспокойную неделю, включали положения, явным образом поддерживающие внешнюю политику США: «В последнем анализе Хук с ребятами не сказать, чтобы проявили полное удовлетворение работой Государственного департамента, но, в конечном счёте, показали готовность уступить государственным интересам Америки, направленным против русских... поступок заведомо конформистский и очень неконструктивный, особенно с демократической точки зрения» [100].

Эта своевременная чувствительность демонстрирует достоинства человека, чья проницательность оттачивалась во время работы политическим агентом в группе Мюнценберга. И хотя Кьяромонте этого не знал, он был очень близок к истине. Если бы он приблизился ещё немного, то выяснил бы, что заинтересованность в Хуке проявлял не просто Государственный департамент, а элита американской разведки.

Артур Миллер предчувствовал, что Вальдорфская конференция окажется «крутым разворотом на дороге истории». Спустя 40 лет он писал: «Даже теперь что-то тёмное и угрожающее омрачает воспоминания о том съезде... Его участники напоминали персонажей рисунков Саула Штейнберга (Saul Steinberg), над головами которых помещены контуры, передающие их речь, но они заполнены абсолютно неразборчивыми каракулями. Это были мы, полный зал талантливых людей, и даже несколько настоящих гениев, но, как показало будущее, ни одна сторона не была совершенно права: ни апологеты Советов, ни яростные ненавистники красных; политика - это выбор, и нередко случается так, что сделать его невозможно; на шахматной доске не остаётся вариантов для хода» [101].

Но для ЦРУ Вальдорфская конференция предоставила шанс сделать несколько новых ходов в большой игре. Она стала «каталитическим событием», выражаясь словами агента Управления Дональда Джеймсона (Donald Jameson): «Это было предупреждение о том, что на Западе развязана широкая кампания по идеологизации политического действия». Конференция явилась убедительным посланием для той части правящих кругов, которая поняла, что непреодолимый характер коммунистической лжи нельзя устранить традиционными методами. «Мы теперь поняли, что с этим необходимо что-то делать. Не путём подавления этих людей, многие из которых, несомненно, были весьма благородными натурами. Но включением в некую общую программу, нацеленную, в конечном счёте, на то, что сейчас мы можем назвать завершением холодной войны» [102].

---

[100]Nicola Chiaromonte. Цитата из Carol Brightman. Цит. произв.
[101]Arthur Miller. Цит. произв.
[102]Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994

4.Деминформ демократии

«Когда я, блистающий рыцарь, Застёгиваю туго доспехи; И затем ищу вокруг, Куда бы полететь, кого бы освободить, И спасти из логовища дракона, И победить всех драконов, какие есть». А.А. Милн (A.A. Milne) «Рыцарь в доспехах»

Конференция в «Вальдорф Астории» была унижением для её коммунистических покровителей. «Она стала, - говорил один обозреватель, - кошмаром для пропагандистов, крахом, ставшим лебединой песней идеи, что идеологические интересы сталинистской России могут быть привиты прогрессивной традиции в Америке» [103]. Американская коммунистическая партия теперь сдавала позиции, количество членов было самым низким за всё время, её авторитет безвозвратно упал. Именно когда тайные притязания коммунистов начали привлекать к себе встревоженное внимание, все сталинские стратеги просто отвернулись от Америки и сосредоточились вместо этого на распространении влияния и нейтрализации врагов в Европе.

Кампания Коминформа, направленная на убеждение мыслящих людей Европы в том, что расширение сферы влияния СССР преследует исключительно мирные цели, была серьёзно подорвана двумя ключевыми событиями 1949 года. Первым из них стало грубое обращение Сталина с югославским лидером маршалом Тито, чей отказ от принесения в жертву национальных интересов Югославии ради утверждения советской гегемонии на Балканах вызвал ожесточённую полемику между Москвой и Белградом. Для ослабления независимых позиций Югославии Сталин замыслил войну на истощение, которую начал с отзыва экономических и военных советников. В ответ Тито вёл переговоры с Западом для получения кредитов по «Плану Маршалла», чтобы восстановить разрушенную экономику страны. Грубое сталинское понимание «международного коммунизма» злоупотребляло доброй волей сочувствующих коммунизму европейцев, которые сплотились для зашиты Тито. Второй причиной, подорвавшей доверие к советским призывам к мирному сосуществованию, было испытание русской атомной бомбы в августе 1949 года.

Британский ответ на лживые заявление советской пропаганды получил запоздалое воплощение. Департамент информационных исследований (Information Research Department, IRD), созданный в феврале 1948 года правительством Клемента Эттли (Clement Ettlee) для наступления на коммунизм, был самым быстрорастущим подразделением Министерства иностранных дел. «Мы не можем надеяться на успех в борьбе с коммунизмом, только лишь дискредитируя его на материальных основаниях, - пояснял создатель департамента министр иностранных дел Эрнест Бивин (Ernest Bevin), - но должны прибавить позитивный призыв к демократическим и христианским принципам, напоминающий о силе

[103]Carol Brightman. Writing Dangerously: Mary McCarthy and Her World (New York: Lime Tree, 1993).

христианского чувства в Европе. Мы должны выдвинуть идеологию, способную соперничать с коммунизмом» [104].

Проблема состояла в том, что западные правительства не могли просто полагаться на клевету в адрес советского эксперимента, они должны были предложить альтернативное будущее, исходящее из их системы капиталистической демократии, провозглашавшиеся перспективы которой часто сильно превосходили реальные достижения. «Плохо не то, что коммунизм, извращённый Сталиным и компанией и сделанный ими инструментом славянской экспансии (что шокировало бы Ленина) силён, - плохо то, что некоммунистический мир морально и духовно слаб», - утверждал дипломат и шпион Роберт Брюс Локхарт (Robert Bruce Lockhart) [105].

Недооценка роли британского правительства в создании удобного образа Сталина во время войны является игнорированием ключевой истины холодной войны: союз между свободным миром и Россией против нацистов был тем моментом, когда сам ход истории способствовал принятию иллюзии, что коммунизм политически благопристоен. После Второй мировой войны перед британским правительством встала проблема, каким образом устранить ложь, которую оно систематически выстраивало и защищало в предшествующие годы. «Во время войны мы сами создали репутацию этому человеку, хотя и знали, что он ужасен, потому что был союзником, - пояснил Адам Уотсон (Adam Watson), младший дипломат, принятый в Департамент информационных исследований в качестве заместителя главы департамента. - Теперь вопрос стоял так: как нам избавиться от мифа о добром старом дяде Джо, созданного в годы войны?» [106]. Многие британские интеллектуалы и писатели во время войны работали в пропагандистских отделах правительства: теперь они были призваны избавить британскую общественность от лжи, над защитой которой так изобретательно трудились до этого.

Вопреки безобидному названию, Департамент информационных исследований был секретным министерством холодной войны. Получая финансирование из секретных ассигнований (во избежание нежелательного внимания к тайным или частично тайным операциям), он должен был, согласно Кристоферу «Монти» Вудхаузу (Christopher «Monty» Woodhouse), шпиону, принятому на службу в Департамент в 1953 году, «создавать, распространять и поддерживать пропаганду, которую невозможно было кому-либо приписать».

Руководствуясь в своей деятельности «теорией просачивания» (trickle-down theory), Департамент составлял «основанные на фактах» сообщения на всевозможные темы для распространения среди представителей британской интеллигенции, которые, как ожидалось, станут затем распространять эти факты в процессе их собственной деятельности. Главной и отличительной

[104]Ernest Bevin. Top Secret Cabinet Paper on Future Foreign Publicity Policy, 4 January 1948 (IRD/FOlllO/PRO).
[105]Robert Bruce Lockhart. The Diaries of Robert Bruce Lockhart, 1939-1965, Kenneth Young (ad.) (London: Macmillan, 1980).
[106]Adam Watson. Telephone interview, August 1998.

чертой данной практики была невозможность установления источника информации.

Так решалась проблема примирения двух существенно противоречащих друг другу требований: достижения наиболее широкой циркуляции материалов Департамента информационных исследований и сокрытия факта существования официально одобренной и секретно финансируемой антикоммунистической пропагандистской кампании, о которой общественность ничего не должна была знать. «Было важно, чтобы в Соединённом королевстве, как и за рубежом, не сложилось общественное мнение о том, что Министерство иностранных дел организует антикоммунистическую кампанию, - писал первый глава Департамента Ральф Мюррей (Ralph Murray). - Антикоммунистические посылы, открыто исходящие из мрачных недр Министерства иностранных дел, вовлечённого в конструирование направленной против Советского Союза пропаганды, могли бы привести в замешательство некоторых людей, готовых предоставить ценную для нас поддержку» [107].

«Когда вы строите свою работу на предоставлении фактов, её гораздо сложнее опровергнуть, чем когда вы предоставляете простую пропаганду, - объяснял впоследствии Адам Уотсон. - Речь идёт о демонстрации таких аспектов правды, которые наиболее полезны для вас» [108]. На практике это означало, что хотя Департамент информационных исследований и намеревался нападать «как на принципы и практику коммунизма, так и на неэффективность, социальную несправедливость и моральную несостоятельность необузданного капитализма», он не позволял себе «нападать или выглядеть нападающим на любого члена Британского содружества или на Соединенные Штаты» [109]. Мысль о том, что правда может быть подчинена подобной необходимости, очень забавляла Ноэля Коуарда (Noel Coward), который во время своей недолгой службы офицером разведки развлекался тем, что на документах с печатью «совершенно секретно» ставил штамп «совершенно правдиво».

Одним из наиболее важных советников Департамента в ранний период его существования был писатель Артур Кёстлер, родом из Венгрии. Под его попечением Департамент обеспечивал покровительство тем людям и организациям, которые в соответствии с принципами левой политической традиции явно воспринимали себя в оппозиции к власти. Цель этого покровительства была двоякой: во-первых, сближение с прогрессивными группами для наблюдения за их деятельностью; во-вторых, ослабление влияния этих групп, достигаемое путём воздействия на них изнутри или же вовлечением их членов в параллельную - и неуловимым образом менее радикальную - дискуссию.

Сам Кёстлер вскоре извлёк выгоду из пропагандистской кампании Департамента информационных исследований. Его роман «Слепящая тьма»,

---

[107] Sir Ralph Murray to Chief of Defence Staff, June 1948 (IRD/FOlllO/PRO).
[108] Adam Watson. Telephone interview, August 1998.
[109] Ernest Bevin. Top Secret Cabinet paper on Future Foreign Publicity, 4 January 1948 (IRD/FOlllO/PRO).

изобличающий советские зверства, подавался доверителями Кёстлера как антикоммунистический и распространялся в Германии при их содействии.

По соглашению с Хэмишем Гамильтоном (Hamish Hamilton), директором издательского дома, носящего его имя, и имевшего тесные связи с разведкой, Министерство иностранных дел в 1948 году закупило и распространило 50 тысяч копий книги. Достойно иронии, что в это же время «Французская коммунистическая партия получила указание покупать немедленно каждый экземпляр книги, в результате чего они все были скуплены, и у издательства не было причины прекращать тираж, так что Кёстлер непомерно обогатился за счёт фондов коммунистической партии»[110].

Кёстлер не ограничивался работой консультантом пропагандистской кампании Министерства иностранных дел. В феврале 1948 года он отправился в лекционный тур по Соединённым Штатам. В марте он встретился с Уильямом «Диким Биллом» Донованом в нью-йоркском Генеральском доме (General's New York town-house) на Саттон-Плейс (Sutton Place). Донован, руководитель американской разведывательной службы времён войны и один из главных архитекторов создававшегося ЦРУ, являлся одной из центральных фигур разведывательной и внешнеполитической элиты США.

Он всю жизнь был противником коммунизма и сохранял бдительность вплоть до момента своей смерти в 1959 году, когда сообщил, что видит из окна русские военные отряды, вступающие в Манхэттен по мосту 59-й улицы. Кёстлер, один из «мозговых центров» довоенной сети политических организаций, руководимой Советским Союзом (известных как «Трест Мюнценберга», по имени их руководителя Вилли Мюнценберга), как никто другой понимал и знал изнутри работу советской пропагандистской машины. Незадолго до своего отъезда в Штаты Кёстлер встречался с Андре Мальро и Чипом Боленом, недавно назначенным послом во Францию, для обсуждения вопроса: что лучше всего противопоставить «мирному» наступлению Комиинформа? На борту судна, идущего в Америку, Кёстлер по случайному стечению обстоятельств встретился с Джоном Фостером, братом Аллена Даллеса и будущим государственным секретарём, с которым обсуждал ту же проблему. И сейчас Кёстлер говорил с Уильямом Донованом о том, как противостоять советской пропаганде.

«Обсуждали необходимость психологического оружия», - записал Кёстлер в своём дневнике и добавил, что Донован обладает «первостепенными мозгами». Значение этой встречи сложно переоценить.

Артур Кёстлер родился в еврейской семье среднего достатка в 1905 году в Будапеште. В коммунистическую партию он вступил в начале 1930-х. Позднее Кёстлер писал, что чтение Маркса и Энгельса произвело на него «опьяняющий эффект внезапного освобождения». В 1932 году он приехал в Россию и при финансовой поддержке Коммунистического Интернационала написал пропагандистскую книгу «Белые ночи и красные дни». Кёстлер

[110] Mamaine Koestler. Living with Koestler: Mamaine Koestler's Letters 1945-1951, Celia Goodman (ad.) (London: Weidenfeld & Nicolson, 1985).

безумно влюбился в советскую служащую по имени Надежда Смирнова. Он провёл с ней неделю или две, а потом рассказал о ней тайной полиции по какому-то пустяковому поводу и больше никогда о ней не слышал. После триумфа Гитлера в Германии Кёстлер присоединился к немецким изгнанникам в Париже, где и начал работать с Вилли Мюнценбергом.

В 1936 году он поехал в Испанию - по всей видимости, шпионить для Мюнценберга. Там он был интернирован как политический заключённый, но затем спасён британским правительством, вмешавшимся благодаря активной деятельности его первой жены Дороти Эшер (Dorothy Ascher). В 1938 году он вышел из коммунистической партии, испытывая отвращение к сталинским массовым арестам и показательным процессам, но всё ещё веря в достижимость большевистской утопии. Окончательно он утратил веру, когда в московском аэропорту было поднято знамя со свастикой в честь прибытия Риббентропа на подписание Пакта о ненападении, а оркестр Красной армии играл «Песню Хорста Весселя». Интернированный во время войны во Франции, он писал «Слепящую тьму», хронику жестоких дел, творимых во имя идеологии, ставшую одной из самых влиятельных книг эпохи. После освобождения он направился в Англию (через французский Иностранный легион), где, выдержав ещё одно интернирование, завербовался в Корпус пионеров (Pioneer Corps; инженерный корпус британской армии). Потом служил в Министерстве информации антинацистским пропагандистом, чем заслужил британское гражданство.

Лекционный тур Кёстлера по Америке в 1948 году был призван вывести из заблуждения «левых баббитов» [111], устранить ошибки и путаницу, господствовавшие в их мышлении. Он уговаривал американских интеллектуалов оставить их юношеский радикализм и вступить на зрелый путь сотрудничества с властью: «Задача прогрессивной интеллигенции вашей страны - помочь остальной части нации осознать её громадную ответственность. Время сектантских раздоров в уютном ничейном мирке абстрактного радикализма прошло. Американским радикалам пришла пора вырасти» [112]. Кёстлер провозглашал новую эру участия, в которой интеллектуалы обязаны оправдывать национальную политику, оставив ставшие теперь анахронизмом привилегии дистанцированности и отстранённости. «Так как писатель не имеет возможности убежать от реальности, мы желаем ему крепко держаться за свою эпоху - это его единственный шанс; эпоха создана для него и он - для неё, - провозглашал вскоре после этого Жан-Поль Сартр. - Наше намерение - работать вместе для осуществления определённых изменений в окружающем нас обществе» [113].

---

[111]Как в произведении «Джордж Баббит», «одноименный антигерой замечательного романа Синклера Льюиса 1922 г., который в разгар кризиса среднего возраста отказался от важных американских ценностей, соблазненный богемным образом жизни и поверхностным радикализмом», Дэвид Сезарани «Артур Кёстлер: бездомный разум» (Лондон: Уилльям Хайнеманн, 1998). В отличном биографическом романе Сезарани представлена детализированная оценка поездки Кёстлера в США в 1948 г.

[112] Arthur Koestler. Цитата из Iain Hamilton. Koestler: A Biography (London: Seeker & Warburg, 1982).

[113] Jean-Paul Sartre. Les Temps modernes, October 1954.

Разница в программах Сартра и Кёстлера была не в степени участия, а в его целях. Там, где Сартр остаётся неколебимым противником притязаний правящих институций быть источником истины и разума, Кёстлер предписывает своим коллегам помогать властной элите в осуществлении её задач.

Вскоре после встречи с Донованом в Нью-Йорке Кёстлер отправился в Вашингтон, где посетил ряд пресс-конференций, обедов, коктейлей и банкетов. Через посредство Джеймса Бэрнхама, американского интеллектуала, проделавшего путь от радикализма до властных учреждений с поразительной скоростью, он был введён в круг чиновников Государственного департамента, президентских помощников, журналистов и профсоюзных функционеров.

ЦРУ особенно было заинтересовано в Кёстлере, который мог рассказать им некоторые вещи.

В то время Управление обыгрывало идею: кто может бороться с коммунистами лучше бывших коммунистов? В консультациях с Кёстлером эта идея стала обретать форму. Он доказывал, что разрушение коммунистического мифа может быть достигнуто мобилизацией в пропагандистскую кампанию некоммунистических фигур левого политического фланга. Люди, о которых говорил Кёстлер, уже получили групповое обозначение в Государственном департаменте и в кругах разведки - некоммунистические левые. Ряд лиц в правящих кругах стал всё больше понимать и поддерживать идеи тех интеллектуалов, кто разочаровался в коммунизме, но ещё хранил верность идеалам социализма - Артур Шлезингер описывал это как «тихую революцию».

В самом деле, для ЦРУ стратегия продвижения некоммунистических левых стала «теоретическим основанием политической работы против коммунизма на два следующих десятилетия» [114]. Идеологическое обоснование стратегии, в которой ЦРУ достигало сближения, даже отождествления с левыми интеллектуалами, было представлено Шлезингером в «Жизненном центре» (The Vital Center), одной из трёх богатых идеями книг, вышедших в 1949 году (также «Бог, обманувший надежды» - The God That Failed и «1984» Оруэлла). Шлезингер изобразил упадок левых и их окончательный моральный паралич, наступивший вследствие разложения революции 1917 года, и проследил эволюцию некоммунистических левых как «знамя, объединяющее группы, которые упорно борются за пространство свободы». Именно в этой группе может произойти «восстановление радикального нерва, которое не оставит света в окне для коммунистов». Это новое сопротивление, согласно Шлезингеру, нуждается в «независимой базе для своей деятельности. Оно требует

[114] Michael Warner. Origins of the Congress for Cultural Freedom, Studies in Intelligence, vol. 38/5, Summer 1995. Будучи историком, работающим на исторический отдел ЦРУ, Уорнер имел доступ к секретным материалам, недоступным для других исследователей. В этом отношении данная статья бесценна, но она содержит несколько ошибок и явные упущения, что нужно учитывать.

частного пространства, денежных средств, времени, газетной бумаги, бензина, свободы слова, свободы собраний, свободы от страха» [115].

«Идея, воодушевлявшая мобилизацию некоммунистических левых, горячо поддерживалась Чипом Боленом, Исайей Берлином, Николаем Набоковым, Авереллом Гарриманом и Джорджем Кеннаном, - вспоминал Шлезингер впоследствии. - Мы все понимали, что демократический социализм был наиболее эффективной защитой от тоталитаризма. Он стал неявной тенденцией - или даже скрытым лейтмотивом - американской внешней политики в тот период» [116]. Сокращение НКЛ (некоммунистические левые) вскоре вошло в обиход в бюрократическом языке Вашингтона. «Они стали практически официально признанной группой», - писал один историк [117].

Эта «официально признанная группа» впервые выступила на страницах сборника эссе «Бог, обманувший надежды», заявлявшего о провале идеи коммунизма. Главным вдохновителем книги был Артур Кёстлер, который вернулся в Лондон в крайне взволнованном состоянии после бесед с Уильямом Донованом и другими стратегами американской разведки. Последующая история публикации книги служит примером соглашения между некоммунистическими левыми и «тёмным ангелом» американского правительства.

Летом 1948 года Кёстлер обсуждал идею книги с Ричардом Кроссманом (Richard Crossman), служившим в военное время главой Германского отдела Управления психологической войны (Psychological Warfare Executive, PWE), человеком, которого полагали «способным манипулировать людскими массами» и который обладал «почти полным набором интеллектуальных приёмов, делавших его профессиональным и безукоризненным пропагандистом» [118].

Вместе с Исайей Берлином (который тоже имел контакты с PWE во время войны) он был членом совета Нового колледжа (New College). Говорили, что Кроссман «беспринципен и очень амбициозен... способен забраться на труп матери, чтобы подняться на ступень выше» [119]. В книге Кроссмана «Платон сегодня» (1937) рассказчик удивляется, что парламентская демократия является не чем иным, как «обманом, раскрашенным пёстрыми красками забором, за которым прячутся правительство и аппарат государства». То же самое можно сказать и о книге «Бог, обманувший надежды».

27 августа 1948 года Кроссман привлёк к участию в проекте ещё одного ветерана психологической войны - американца Ч.Д. Джексона (C.D. Jackson).

«Я пишу, чтобы спросить совета. Кэсс Кэнфилд (Cass Canfield) из издательства «Харперс» (Harpers) и Хэмиш Гамильтон, мой здешний

---

[115]Arthur M. Schlesinger, Jr. The Vital Center: A Fighting Faith (Cambridge: Riverside Press, 1949).
[116]Arthur Schlesinger. Interview, New York, August 1996.
[117]Carol Brightman. Interview, New York, June 1994.
[118]Robert Bruce Lockhart. Цит. произв.
[119]Там же.

издатель, рассчитывают издать следующей весной книгу, названную «Утраченные иллюзии» (Lost Illusions), которую я взялся редактировать. Она будет состоять из ряда автобиографических очерков выдающихся интеллектуалов, рассказывающих, как они стали коммунистами или сочувствующими, что заставило их считать коммунизм надеждой мира, и как они разочаровались в нём» [120]. Ч.Д. Джексон посоветовал пригласить писателя Луиса Фишера (Louis Fischer), бывшего коммуниста, чтобы он представлял утраченные иллюзии Америки.

Затем Кроссман обратился к Мелвину Ласки, который был теперь «официально неофициальным» американским культурным пропагандистом в Германии и одним из старейших сторонников организованного интеллектуального сопротивления коммунизму. Как только Кроссман получил материалы к книге, он сразу послал их Ласки, который сделал перевод в офисах «Моната». По данным оценочного отчёта Американской верховной комиссии от 1950 года, «все, кроме одной, статьи в «Боге, обманувшем надежды» были оригинальными публикациями «Моната» или авторское право на них принадлежало журналу. В №25 «Монат» полностью закончил публикацию этих работ» [121]. Кроссман редактировал английский вариант, который был опубликован в 1950 году издателем Кёстлера Хэмишем Гамильтоном. За американское издание отвечал Кэсс Кэнфилд, близкий друг Кроссмана из Управления военной информации (Office of War Information), впоследствии издатель Аллена Даллеса. По этим причинам «Бог, обманувший надежды» был настолько же продукцией разведки, сколько и интеллигенции.

Авторами были Игнацио Силоне, Андре Жид, Ричард Райт (Richard Wright), Артур Кёстлер, Луис Фишер и Стивен Спендер (Stephen Spender). «Мы ни в коем случае не были заинтересованы ни в увеличении потока антикоммунистической пропаганды, ни в возможности личного оправдания», - писал Кроссман во введении» [122]. Тем не менее книга достигла обеих целей. Хотя вместе взятые статьи свидетельствовали о неудаче марксистской утопии, все они были глубоко личными повествованиями, политическими оправданиями людей, вынужденных выражать своё разочарование и ощущение предательства. Эта книга, коллективный акт покаяния, была также диссидентским заявлением, отвержением сталинизма в то время, когда многие по-прежнему считали подобный поступок ересью. Это была новая книга откровений послевоенной эпохи, и публикация в ней являлась входным билетом в мир официальной культуры на ближайшие 20 лет.

Трое из шести авторов «Бога, обманувшего надежды» работали на Вилли Мюнценберга. Кёстлер, однажды сказавший: вера была настолько чудесна, что не только могла двигать горы, «но и заставить считать селёдку скаковой лошадью», был одним из самых усердных учеников Мюнценберга. В 1930-е годы карьера журналиста Луиса Фишера, который тогда был так же известен в Америке, как Эд Марроу (Ed Murrow) в 1950-х, формировалась в

[120]Richard Crossman to C.D. Jackson. 27 August 1948 (CDJ/DDE).
[121]HICOG Frankfurt, Evaluation Report, 1950 (SD. CA/RG59/ NARA).
[122]Richard Crossman (ad.). The God That Failed.

тесной связи с его опытом коммунистической работы на Мюнценберга. Игнацио Силоне вступил в Итальянскую коммунистическую партию в 1921 году.

Как и Кёстлер, он был истинным новообращённым («партия стала семьёй, школой, церковью, казармой»), и вера протолкнула его вверх по лестнице Коммунистического Интернационала в руки Мюнценберга. Незаметно выпав из партийной деятельности после 1927 года, Силоне сохранил «пепельный вкус истощённой юности». Окончательный разрыв произошёл в 1931 году, когда коммунистическая партия попросила его выступить с публичным заявлением, осуждающим Троцкого. Он отказался, и партия изгнала его - как «клинический случай». Выступая во время войны перед группой бывших немецких коммунистов, живших, как и он, в непростых условиях изгнания в Швейцарии, Силоне сказал: «Прошлое, включая все те раны, которые оно нам оставило, не должно быть источником слабости для нас. Мы не должны позволять себе быть деморализованными ошибками, небрежностями, глупостями - сказанными или написанными. То, что требуется от нас сейчас, - это воля настолько чистая, что новая сила сможет родиться из худшего в нас - Etiam peccata {даже грехов)» [123].

На страницах «Бога, обманувшего надежды» эти бывшие пропагандисты Советского Союза были переформатированы, очищены от коммунизма и использованы правительственными стратегами, которые видели в их обращении неотразимую возможность для саботажа советской пропагандистской машины, которую те когда-то смазывали. Компания «Бога, обманувшего надежды» была теперь номенклатурой, принятой в лоно ЦРУ, «сообществом интеллектуалов, которые, - по словам одного из офицеров Управления, - были разочарованы, могли разочароваться или ещё не приняли стороны и были до некоторой степени подвержены влиянию своих товарищей в выборе» [124].

«Бог, обманувший надежды» распространялся американскими правительственными агентствами по всей Европе. В Германии, в частности, книга продвигалась особенно целенаправленно. Управление информационных исследований также способствовало распространению книги. Кёстлер был счастлив. Его планы по стратегически организованному ответу на советскую угрозу начали успешно осуществляться. Пока книга находилась в печати, он встретился с Мелвином Ласки, чтобы обсудить нечто более амбициозное и постоянное.

Хотя «Бог, обманувший надежды» показал, что тех, кто хотел бы сменить веру, ожидает тёплый приём, правда и то, что не все были готовы причаститься у алтаря организованного антикоммунизма. Коминформ быстро использовал это замешательство. После неудачи в «Вальдорф Астории» он был крайне бдителен в подготовке следующего съезда - Всемирного конгресса мира, запланированного на апрель 1949 года в Париже. Сверхсекретная шифровка ДИИ от марта того же года

[123]Ignazio Silone. Emergency Exit (London: Gollancz, 1969).
[124]Lee Williams. Interview, Washington, June 1994.

предписывала: «Предусмотренная техника и организация Конгресса указывают на то, что будут предприниматься всевозможные попытки использовать его в качестве простого штампа для любых замыслов Советского Союза» [125]. Тема Коминформа, несомненно, должна была звучать так: «США и западные демократии являются поджигателями войны и фашистами, а Кремль и его младшие партнёры - миролюбивыми демократиями». Всем дипломатам было предложено «изучить все возможные действия, которые могли бы снизить пропагандистское значение этого Конгресса» [126].

Но американские «кузены» из ЦРУ уже были готовы к парижскому конклаву. На следующий день после завершения Вальдорфской конференции Кармел Оффи (Carmel Offie), закадычный друг Фрэнка Уизнера, запросил Государственный департамент о том, что он намерен предпринять в связи с Парижской мирной конференцией. Оффи был специальным помощником Уизнера по труду и делам эмигрантов, лично отслеживал работу Национального комитета за свободную Европу (National Committee for a Free Europe), одного из важнейших фронтов УКП, а также занимался другими операциями, имеющими отношение к антикоммунистическим организациям в Европе.

Оффи часто работал с Ирвингом Брауном (Irving Brown), европейским представителем Американской федерации труда (American Federation of Labour, АФТ), за скромным названием должности которого скрывалась весомая политическая роль в послевоенной Европе. Через Брауна огромные суммы денег американских налогоплательщиков и средства из «совместных» фондов «Плана Маршалла» закачивались в бюджет тайных операций.

Оффи, офицер дипломатической службы, был по всем статьям зловещей фигурой. Физически уродливый, он издевался над другими мужчинами, проявляя свою гомосексуальность - например, щипал их за соски во время служебных заседаний. Однажды он был арестован за то, что шатался около общественных туалетов в парке Лафайета (Lafayette Park); этот случай сделал его цэрэушное кодовое имя Монах до смешного неуместным. Его выгнали с дипломатической службы после войны за использование дипломатической почты для незаконных валютных переводов (он также занимался алмазами, рубинами, а однажды переправил груз из 300 финских омаров). Но у него были влиятельные друзья. Чип Болен и Джордж Кеннан знали его со времён работы в посольстве в Москве, и именно Болен убедил Уизнера взять его к себе. Во время работы в УКП про Оффи говорили, что он последний человек, который видит любую бумагу, перед тем как она попадёт в руки Уизнера, а также два миллиона долларов перед тем, как они исчезнут [127].

Теперь Оффи и Уизнер начали планировать организованный ответ Парижской конференции, на которой, как мрачно предсказывал

[125]Управление информационных исследований, сверхсекретная шифровка, 24 марта 1949 г. (IRD/FOlllO/PRO).
[126]Там же.
[127]Anthony Carew. The American Labor Movement in Fizzland: The Free Trade Union Committee and the CIA, Labor History, vol. 39/1, February 1998.

Государственный департамент, «будут убеждать невинных следовать линии Кремля и покупать их для этого фальшивого движения за мир» [128]. Уизнер телеграфировал Авереллу Гарриману из Управления экономического сотрудничества (Economic Cooperation Administration), управлявшего «Планом Маршалла», в поисках пяти миллионов франков (около 16 тысяч долларов) для финансирования контрмероприятия. Гарриман, большой сторонник пропаганды и психологической войны, был одним из первых среди американских политических тяжеловесов, кто понял, что Россия объявила идеологическую войну Западу, и обдумывал способы противодействия «взрыву оскорблений, направлявшемуся из Москвы» [129]. Он был счастлив предоставить средства «Плана Маршалла» - Уизнер называл их «сладостями» - для секретных операций.

Через Ирвинга Брауна УКП связался с французским социалистом Дэвидом Руссе (David Rousset), автором нескольких книг о концлагерях - «Дни нашей смерти» (Les Joursde Notre Mort), «Концентрационный мир» (L'Univers Concentrationnaire), и его друзьями из независимой левой газеты «Фран-Тирёр» (Franc-Tireur). Руссе согласился, чтобы «Фран-Тирёр» был выставлен счёт как официальному спонсору Дня сопротивления, вдохновлённого ЦРУ.

Что касается советской программы, то Илья Эренбург и Александр Фадеев выступали на главной конференции - «затее Коминформа от начала до конца» - вместе с Полем Робсоном (Paul Robeson), Говардом Фастом, Хьюлеттом Джонсоном (Hewlett Johnson), комиссаром Франции по атомной энергии Фредериком Жолио-Кюри (Frederic Joliot-Curie), датским писателем Мартином Андерсеном-Нексе (Martin Andersen-Nexo) и итальянским социалистом Пьетро Ненни (Pietro Nenni). Чарли Чаплин отправил телеграмму поддержки. Русский православный священник благословил конференцию, и Поль Робсон спел «Олд Мэн Ривер». Пикассо выпустил своего знаменитого Голубя Мира, который на протяжении десятилетий использовался в качестве символа коммунистического «мирного» движения. Один из организаторов конференции поэт и несгибаемый коммунист Луи Арагон (Louis Aragon) наткнулся на литографическое изображение голубя, когда пролистывал папку с последними работами студии Пикассо. Так с разрешения Пикассо появился знаменитый Голубь Мира. Вскоре он был окарикатурен «Движением за мир и свободу» (проектом ЦРУ) как «голубь, который делает «бум!» (La colombe qui fait Boum!), в комиксе, который печатался и распространялся американскими правительственными учреждениями по всему миру в брошюрах, листовках и плакатах.

Контрконференция Руссе – «Международный день сопротивления диктатуре и войне» - состоялась 30 апреля 1949 года и была поддержана посланиями Элеоноры Рузвельт, Элтона Синклера (Upton Sinclair), Джона Дос Пассоса (который находился на пути превращения в верного республиканца и уже тогда, согласно свидетельству Дуайта Макдональда, «невротически пугался России и коммунизма»), Джулиана Хаксли (Julian Huxley) и Ричарда Кроссмана. Среди делегатов, приезд которых был оплачен

[128]Michael Warner. Цит. произв.
[129]Robert Bruce Lockhart. Цит. произв.

УКП, фигурировали Игнацио Силоне, Карло Леви (Carlo Levi), вездесущий Сидни Хук, автор «Стадса Лонигана» (Studs Lonigan), Джеймс Т. Фаррелл (James T. Farrell), Франц Боркенау (Franz Borkenau) и Феннер Брокуэй (Fenner Brockway). Но несмотря на тщательное планирование, день не удался. «С тех пор как 30 лет назад я мальчишкой внимал уличным ораторам на Мэдисон-сквер, мне не приходилось слышать таких банальностей и такой пустой риторики» [130], - сообщил Сидни Хук. На вечернем митинге группа анархистов захватила микрофон и осудила конференцию. Это событие привело Хука к выводу, что из больницы выпустили сумасшедших, и данный акт был совершён «психопатической палатой с левой стороны».

На конференции Америка также понесла первую жертву в культурной борьбе в лице Ричарда Райта, который был, согласно Хуку, «польщён Сартром, использовавшим его как своего рода дубину против американской культуры, аналогично тому, как коммунисты используют Робсона» [131]. Хотя он был одним из авторов «Бога, обманувшего надежды», антикоммунистическое лобби теперь рассматривало его в качестве подозреваемого, потому что Райт разорвал со сталинизмом «больше по личным, чем по политическим соображениям», и продемонстрировал «непонимание его истинной природы» [132]. Райт был единственным членом группы «Бога, обманувшего надежды», который лишился членства в этой компании апостолов. В течение следующего десятилетия жизнь и деятельность Райта в Париже отслеживались ЦРУ и ФБР вплоть до его смерти, которая случилась при загадочных обстоятельствах в 1960 году.

Уизнер и его друзья в Госдепартаменте были разочарованы парижской контрконференцией. Хотя удалось привлечь видных антисталинистов и спровоцировать взрыв проклятий со стороны Французской коммунистической партии, настрой конференции был «слишком радикальным и нейтралистским» [133]. Хуже было то, что антиамериканизм налетал со всех сторон.

«Французская публика, по большому счёту, была поразительно невежественна в отношении американской жизни и культуры, - писал Хук. - Её представление об Америке складывается из впечатлений, полученных от чтения романов о социальном протесте и бунте («Гроздья гнева» Стейнбека воспринимаются как правдивое и репрезентативное повествование), романов американского вырождения (Фолкнер) и бессмыслицы (Синклер Льюис - Sinclair Lewis), просмотра американских фильмов, а также под воздействием непрерывного огня коммунистической критики, которая проникает в некоммунистическую печать. Информационное перевоспитание французской общественности представляется мне наиболее фундаментальной, а также самой неотложной задачей американской

[130]Sidney Hook. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.
[131]Sidney Hook. Report on the International Day of Resistance to Dictatorship and War, Partisan Review, vol. 16/7, Fall 1949.
[132]Там же.
[133]Michael Warner. Цит. произв.

демократической политики во Франции, для решения которой не было принято почти никаких эффективных мер» [134].

Идея Хука о том, что антиамериканизм может быть преодолён путём очищения европейских умов от парализующего видения выдающихся романистов Америки, кажется экстраординарной. В сущности, он выступал за вычищение тех проявлений американской жизни, которые, по его мнению, вступают в конфликт с правительственной «демократической политикой» за рубежом.

Это было грандиозное искажение самих принципов свободы слова, несовместимое с претензиями либеральной демократии, под покровительством которой оно было предложено.

Но Хук был прав в одном: для распыления на атомы «человека доброй воли» из сартровского Парижа надо вести тяжёлую борьбу. Подобно Брехту, который из комфорта своей привилегированной жизни в Восточной Германии восхвалял Сталина за «обоснованные убийства людей», интеллигенция парижского Левого берега не смогла понять, что она теперь является не «искателем истины, а защитником осаждённой, рушащейся ортодоксии» [135]. Сартр продолжал превозносить Россию как хранителя свободы, в то время как его «святой» Жан Жене отрицал существование ГУЛАГа. Это, как сказал Артур Кёстлер, была всемирная столица попутчиков коммунизма, шустрых карьеристов с умеренным талантом, наподобие Пикассо, Камю и Ануя (Anouilh).

Они внушали благоговение тем многочисленным европейским интеллектуалам, которые, по диагнозу Кёстлера, страдали «французским гриппом». Как саркастически заметил Кёстлер, коммунистическая партия может захватить власть во Франции при помощи одного телефонного звонка из Парижа.

Уизнеру было ясно, что он ещё не нашёл нужную группу для того, чтобы возглавить антикоммунистическую кампанию во Франции. В словах, показывающих, что он уже обдумывает создание постоянной базы для этой кампании, он выразил обеспокоенность тем, что «этот тип лидерства в будущем может привести к полному вырождению идеи (создания маленького Деминформа) в дурацкие поступки разных козлов и обезьян, чьи выходки способны полностью дискредитировать работу и заявления серьёзных и ответственных либералов. Мы должны серьёзно опасаться поддержки таких шоу» [136].

Устрашённые тем, что пропагандистская броня СССР казалась неуязвимой, группа немецких интеллектуалов, бывших членов «Треста Мюнценберга», углубилась в подготовку плана. Встретившись с Мелвином Ласки в номере отеля во Франкфурте в августе 1949 года, Рут Фишер (Ruth Fischer) и Франц Боркенау (бывший в своё время официальным историком Коминтерна) начали делать набросок своей идеи о создании постоянной

[134]Sidney Hook. Report on the International Day.
[135]Arthur Miller. Timebends.
[136]Frank Wisner. Цитата из Michael Warner. Цит. произв.

структуры, предназначенной для организованного интеллектуального сопротивления.

Рут Фишер была сестрой Герхарта Эйслера (Gerhart Eisler), советского тайного агента, получившего в 1946-м прозвище «Коммунист номер один в США» и осуждённого в следующем году за подделку виз. С тех пор Герхарт пошёл на повышение, стал руководителем бюро пропаганды Восточной Германии и в этом качестве должен был отвечать за организацию советского ответа на планы Рут Фишер. Рут сама была одним из лидеров Коммунистической партии Германии до того, как её фракцию изгнали по приказу Москвы, что привело к её разрыву со Сталиным (и с братом).

Она писала о своих планах одному американскому дипломату: «Я думаю, что мы уже говорили об этом плане во время моего последнего пребывания в Париже, но сейчас у меня гораздо более конкретный подход к нему. Я имею в виду, конечно, идею организации большого анти-Вальдорфского конгресса в самом Берлине. Он должен собрать всех бывших коммунистов плюс хорошо представленную группу американских, английских и европейских интеллектуалов антисталинистской направленности, заявить о своей симпатии к Тито, Югославии и к безмолвной оппозиции в России и её сателлитах и предоставить Политбюро возможность катиться прямо к воротам их собственного ада. Все мои друзья согласны, что эффект от этого мероприятия будет огромным и достигнет Москвы, если оно будет организовано должным образом» [137].

Присутствовал ли Майкл Джоссельсон на собрании во Франкфурте? Несомненно, он был одним из первых, кто услышал о плане, который вскоре обсудил с Лоуренсом де Новиллем, а тот, в свою очередь, в середине сентября отправил конспект предложения Кармелу Оффи. «Идея пришла от Ласки, Джоссельсона и Кёстлера, - объяснял позднее де Новилль, - и я связался с Вашингтоном, запрашивая необходимую поддержку. Я сообщил об этом Фрэнку Линдси (Frank Lindsay) {заместитель Уизнера), и предполагаю, что он должен был обсудить дело с Уизнером. Мы просили утверждения. «План Маршалла» представлял собой источник неподотчётных средств и повсеместно использовался ЦРУ в то время, так что в деньгах не было никакого недостатка. Только борьба должна была получить одобрение» [138].

Бумага, получившая название «предложение Джоссельсона», легла на стол Уизнера в январе 1950 года. Тем временем Ласки, слишком нетерпеливый, чтобы ждать ответа, уже продвигал этот план; он привлёк Эрнста Ройтера (Ernst Reuter), мэра Западного Берлина, и нескольких видных немецких учёных, которые одобрили идею и пообещали поддержку. Вместе они сформировали постоянный комитет и начали рассылать приглашения интеллектуалам «свободного мира» приехать в Берлин, чтобы встать в ряд и быть посчитанными.

Самостоятельность Ласки, однако, не во всём имела благие последствия. «Поскольку он являлся сотрудником американской

[137]Ruth Fischer. Цитата из Michael Warner. Цит. произв.
[138]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.

оккупационной администрации, его деятельность от имени Конгресса нанесла удар больший, чем работа нескольких вражеских аналитиков, так как предоставила доказательство того, что правительство США стояло за этим событием» [139].

Служащие УКП, добивавшиеся принятия плана Джоссельсона, представили формальный проект с бюджетом в 50 тысяч долларов, который был одобрен Уизнером 7 апреля. Уизнер добавил одно условие: Ласки и Джеймс Бэрнхам, который имел, можно сказать, профессиональный интерес в плане, должны были находиться вне поля зрения в Берлине «из опасения, что их присутствие только обеспечит боезапасом коммунистическую критику». Джоссельсон стал защищать Ласки, когда узнал о замечании Уизнера. «Здесь нет другого человека, тем более немца, который смог бы добиться такого успеха» [140], - телеграфировал он. Но Ласки на данном этапе зашёл уже слишком далеко, чтобы сдерживаться. Он публично объявил себя генеральным секретарём предстоящего Конгресса за свободу культуры; его именем и именем мэра Ройтера были подписаны приглашения и программы. Для осуществления связей с общественностью к Ласки присоединился Арнольд Бейхман, который так своевременно появился в «Вальдорфе».

В Америке Джеймс Бэрнхам и Сидни Хук были заняты подготовкой американской делегации. Оба были в курсе участия УКП (хотя Хук забыл упомянуть об этом в своих мемуарах, вероятно, думая, что это не имеет значения). Билеты для американских участников были приобретены УКП, которое использовало «несколько посреднических организаций» - туристических агентств. Государственный департамент также участвовал в этой подготовке. Помощник государственного секретаря по связям с общественностью Джесси Макнайт (Jesse MacKnight) был настолько впечатлён происходящим, что стал убеждать ЦРУ в необходимости спонсирования Конгресса на постоянной основе ещё до начала заседаний в Берлине [141]. На этот раз оптимизм был вполне уместен.

[139]Michael Warner. Цит. произв.
[140]Там же.
[141]Там же.

5.Идея - крестовый поход

«Мои призраки сказали что-то новое. Я марширую в Корею. Я не могу сказать тебе, что буду делать. Идея - крестовый поход. Янки Дудль - держись!» Роберт Лоуэлл (Robert Lowell). 1952

Поздним вечером 23 июня 1950 года Артур Кёстлер и его жена Мамэн приехали на парижский Восточный вокзал, чтобы сесть на ночной поезд до Франкфурта, откуда они собирались направиться в Берлин. В поисках своего вагона они столкнулись с Жан-Полем Сартром, который ехал тем же поездом, хотя и направлялся на другое мероприятие. Сартр вопреки обыкновению был один, без Симоны де Бовуар (которую Кёстлеры знали под прозвищем Бобёр).

Они поужинали вместе - в сопровождении полицейского охранника, приставленного к Кёстлеру французской службой безопасности. Причиной этого послужили опасения, вызванные угрозами расправы со стороны коммунистов.

Тревога достигла пика, когда в коммунистическом ежедневнике «Юманите» была напечатана карта, на которой отмечена вилла Кёстлера «Вер Рив» в Фонтен-ле-Пор, около Парижа. Хотя в последние годы отношения Кёстлера и Сартра становились всё более напряжёнными, эти идеологические оппоненты по-прежнему чувствовали взаимную близость и ещё были способны непринуждённо общаться, когда поезд отправлялся в жаркую летнюю ночь.

Сартр вместе с Альбером Камю публично отмежевался от конгресса, организованного Кёстлером, и отказался на нём присутствовать. Но Кёстлер жалел Сартра, который признался той ночью в поезде, что их дружба испарилась под жаром политических разногласий.

В тот момент, когда Кёстлер садился в поезд, американские делегаты готовились к трансатлантическому перелёту в Германию, который мог занять до 24 часов. Хотя советская блокада Берлина недавно была снята, единственным способом достичь западного сектора был полёт на военном самолёте.

Во Франкфурте делегаты должны были пересесть на С-47, чтобы осуществить последний этап того, что Кёстлер позже назовёт «интеллектуальным воздушным мостом». Среди них были Джеймс Фаррелл, Теннесси Уильямс, актёр Роберт Монтгомери (Robert Montgomery), председатель американской комиссии по атомной энергии Дэвид Лилиенталь (David Lilienthal), редактор журнала «Нью Лидер» Сол Левитас, Карсон Маккаллерс (Carson McCullers), чернокожий редактор газеты «Питтсбург курьер» (Pittsburgh Courier) Джордж Шуйлер (George Schuyler) и чернокожий журналист Макс Йерган (Max Yergan). Лауреат нобелевской премии генетик Герман Мюллер (Herman Mueller) вёз с собой странный груз: пять тысяч плодовых мушек дрозофил в качестве подарка немецким учёным, лишившимся своих генетических линий дрозофил во время войны.

Артур Шлезингер-младший и Сидни Хук ехали вместе из Бостона, и Хук был просто одержим идеей о том, что в Берлине опасно. Шлезингер вспоминал: «Он воображал, что коммунисты станут нападать на нас со всех сторон. Он был очень взволнован. Думаю, многие из них чувствовали себя так же. Они думали, что отправляются на место ведения боевых действий, особенно те, кто не был на войне» [142].

После того как Хук впервые ощутил вкус крови на конференции в «Вальдорф Астории», он готовился к полномасштабной военной кампании: «Дайте мне 100 миллионов долларов и тысячу преданных людей, и я гарантирую, что подниму такую волну демократических беспорядков в массах, даже среди солдат в собственной империи Сталина, что он ещё долго будет заниматься только внутренними проблемами. Я могу найти людей» [143]. Теперь, отправляясь в город, со всех сторон окружённый коммунистами, Хук воображал, что «в случае чего все делегаты за несколько часов станут пленниками восточногерманской военной полиции» [144].

Николай Набоков приехал в Берлин в мае, вместе со своей женой Патрисией Блейк (Patricia Blake), чтобы помочь с планированием конференции; он воспользовался чартерным рейсом компании Youth Argosy - одного из «посредников» ЦРУ. Чип Болен попросил Набокова прибыть в Берлин как можно раньше, для того чтобы возвести баррикады со стороны художников, которые были «постоянными мальчиками для битья как для Советов, так и для нацистов» [145]. Джеймс Бэрнхам прибыл сразу же после Набокова, и они объединились с Джоссельсоном, Ласки, Кёстлером и Силоне, создав управляющий аппарат конференции в доме Ласки.

На одном из собраний этой группы за обедом Силоне рассказал, как во время войны он исключал из своей группы сопротивления всех тех, кто оказывался агентом британской или американской разведки, потому что хотел вести «собственную войну» с чистой совестью [146]. Можно вообразить, как восприняли это утверждение Джоссельсон, Бэрнхам и Ласки. Ведь они знали то, что, по-видимому, не было известно Силоне: он теперь участвовал в войне, ведущейся другими. Положение Силоне чётко выражало болезненную иронию эпохи, которая не считалась с чистотой человеческих идеалов.

В 1920-х он создал подпольную сеть, помогавшую Советскому Союзу, но потом сожалел об этом. С 1928 по 1930 год он сотрудничал с секретной службой Муссолини OVRA (обстоятельства этих отношений были ужасными: его брат был арестован фашистами и медленно умирал в итальянской тюрьме). В своём письме, написанном в апреле 1930 года, он разрывал свои отношения с OVRA и объяснял, что решил «устранить из своей жизни всё фальшивое, двусмысленное, ошибочное и покрытое тайной» [147]. В 1942-м он

---

[142] Arthur Schlesinger. Interview, New York, August 1996.
[143]Sidney Hook. Politics, Winter 1949.
[144] Sidney Hook. The Berlin Congress for Cultural Freedom, Partisan Review, vol. 17/7, 1950.
[145]Nicolas Nabokov. Bagazh.
[146] Ignazio Silone. Цитата из Celia Goodman (ad.). Living with Koestler.
[147]Ignazio Silone. 3 April 1930, напечатана в La Stampa, 30 April 1996.

писал: «Самая важная из наших моральных задач сегодня состоит в освобождении нашего духа от грохота орудий, от пути пропагандистской войны и от всей журналистской чепухи» [148].

Находясь во время войны в эмиграции в Швейцарии, Силоне был агентом Аллена Даллеса, тогдашнего главы американской разведки в Европе; в октябре 1944 года агент УСС Серафино Ромуальди (Serafino Romualdi) был отправлен на франко-швейцарскую границу якобы для того, чтобы доставить воздухом два груза оружия и боеприпасов для французского Сопротивления. Его реальной миссией, «спланированной вне обычных каналов», была нелегальная доставка Силоне в Италию. Теперь, в 1950-м, Силоне снова был втянут в мир подпольных интриг. Его защитники утверждают, что он не имел понятия о тайных спонсорах Конгресса за свободу культуры. Но его вдова Дарина вспоминала: сначала он отказывался там присутствовать, так как подозревал, что это «операция Государственного департамента США». Через несколько дней после начала конференции Кёстлер, которому никогда по-настоящему не нравился Силоне, сказал другу, что он всегда «задавался вопросом, честен на самом деле Силоне или нет. Теперь я знаю, что нет» [149].

Другими получателями секретного финансирования были английские делегаты - Хью Тревор-Роупер (Hugh Trevor-Roper), Джулиан Эймери (Julian Amery), Э.Дж. Эйер, Герберт Рид (Herbert Read), Гарольд Дэвис (Harold Davis), Кристофер Холлис (Christopher Hollis), Питер де Мендельсон (Peter de Mendelsson) - их присутствие в Берлине тайно спонсировалось Министерством иностранных дел Великобритании по линии Департамента информационных исследований. Из Франции приехали Раймонд Арон (Raymond Aron), Дэвид Руссе, Реми Рур (Remy Roure), Андре Филип (Andre Philip), Клод Мориак (Claude Mauriac), Андре Мальро, Жюль Ромен (Jules Romains), Жорж Альтман (Georges Altman); из Италии - Игнацио Силоне, Гвидо Пьовене (Guido Piovene), Альтьеро Спинелли (Altiero Spinelli), Франко Ломбарди (Franco Lombardi), Муццио Маццоки (Muzzio Mazzochi) и БонавентураТекки (Bonaventura Tecchi). Они прибыли вечером 25 июня вместе с большинством делегатов, которых всего было 200 человек. Для них были забронированы места в квартирах и гостиницах в американской зоне, и большинство, устав после путешествия, тем вечером рано легли спать.

Проснувшись на следующий день, они услышали в новостях, что поддерживаемые коммунистами северокорейские войска пересекли 38-ю параллель и начали масштабное вторжение на юг. Когда они собрались вечером того же дня, в понедельник, 26 июня, в «Титания Паласте» на церемонию открытия Конгресса за свободу культуру, Берлинская филармония сыграла им мрачные отрывки из увертюры к «Эгмонту», подходящие (и тщательно отобранные) для аудитории, воспринимавшей себя участниками мрачной героической драмы.

Мэр Берлина Эрнст Ройтер (сам бывший коммунист, тесно сотрудничавший с Лениным) попросил четыре тысячи человек,

---

[148]Ignazio Silone. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.
[149]Arthur Koestler. Цитата из Peter Coleman. Цит. произв.

присутствовавших в зале, встать и почтить минутой молчания память тех, кто погиб, сражаясь за свободу, или до сих пор томился в концентрационных лагерях. В своей речи на открытии Конгресса он подчеркнул драматическое значение Берлина: «Слово «свобода», которое, как кажется, потеряло свою силу, имеет уникальное значение для того, кто в наибольшей степени признаёт её ценность - для человека, который когда-то её уже терял» [150].

В течение четырёх следующих дней делегаты переходили от одной дискуссии к другой - о Бранденбургских воротах, Потсдамской площади и границе между Восточным и Западным Берлином, - к пресс-конференциям, коктейльным вечеринкам и специально организованным концертам.

Главное обсуждение развернулось вокруг пяти тем: «Наука и тоталитаризм», «Искусство, художники и свобода», «Гражданин в свободном обществе», «Защита мира и свободы» и «Свободная культура в свободном мире». Вскоре проявились полярные точки зрения по поводу того, как лучше всего противостоять коммунистам, чётко сформулированные в выступлениях Артура Кёстлера и Игнацио Силоне. Кёстлер призывал к объединению западной интеллигенции в боевой отряд, недвусмысленно связавший себя обещанием свергнуть коммунизм. «Шлезингер выступил сухо и бесстрастно. После него вышел Кёстлер, который говорил от всего сердца, и его слова затронули многих. Это было как начало крестового похода - Кёстлер изменил общий настрой» [151], - вспоминал Лоуренс де Новилль, тщательно отслеживавший происходящее для ЦРУ.

Агрессивный настрой «рыцарей холодной войны» воплощало различие между «хорошей» и «плохой» атомными бомбами, сформулированное Джеймсом Бэрнхамом и опробованное им на Кёстлерах месяцем ранее во время застольной беседы. Тогда Бэрнхам объяснил, как США могут сделать Россию беспомощной за один день, сбросив бомбы на все крупные города. «Ему явно очень нравилась эта идея, - писала Мамэн Кёстлер. Она также заметила: - Бэрнхам выглядит очень милым и вежливым... Но он намного менее разборчив в средствах, чем Кёстлер... в определённых случаях не стал бы в обязательном порядке отказываться от пыток» [152].

Пользуясь тем приводящим в ошеломление языком, который был одним из факторов, внёсших свой вклад в холодную войну (с обеих сторон), Бэрнхам заявлял, что он «против тех бомб, которые хранятся сейчас и будут ещё накапливаться дальше в Сибири или на Кавказе и которые предназначены для разрушения Парижа, Лондона, Рима, Брюсселя, Стокгольма, Нью-Йорка, Чикаго... Берлина и всей западной цивилизации в целом... Но я... за те бомбы, которые сделаны в Лос-Аламосе, Хэнфорде (Hanford) и Оук-Ридже (Oak Ridge) и стоят на страже где-то в Скалистых горах или американских пустынях, вот уже пять лет защищая - являясь при этом единственными защитниками - западноевропейские свободы» [153]. На

---

[150] Ernst Reuter. Цитата из Congress for Cultural Freedom brochure, undated (CCF/CHI).
[151] Lawrence de Neufville. Telephone interview, February 1997.
[152] Mamaine Koestler. Цитата из Celia Goodman (ad.). Цит. произв.
[153] James Burnham. Rhetoric and Peace, Partisan Review, vol. 17/8, 1950.

это Андре Филип ответил, что когда падают атомные бомбы, «они не делают различия между другом и противником, врагом и борцом за свободу».

Бэрнхам и Хук обратили свой огонь на тех, кто использовал непредвзятый моральный подход для оспаривания американских обвинений против Советского Союза: «Сартр и Мерло-Понти, которые отказались приехать на Конгресс даже для того, чтобы защитить там свою точку зрения, ясно осознавали несправедливость французов и американцев в отношении негров, когда они поддерживали сопротивление Гитлеру, - возмущался Хук. - А сейчас они уже не видят справедливости в защите Запада от коммунистической агрессии, потому что негры всё ещё не добились равных прав» [154]. Это равноправие было уже не за горами, согласно Джорджу Шуйлеру, который распространял среди делегатов доклад со статистическими данными, показывающими, что ситуация с правами чернокожих в Америке всё время улучшается благодаря постоянной способности капиталистической системы адаптироваться к изменениям. Чернокожий журналист Макс Йерган подтвердил доклад Шуйлера уроком истории, посвящённым достижениям афроамериканцев со времён Рузвельта.

Бэрнхам, который в своём движении от социализма к правым взглядам просто-напросто перепрыгнул через умеренный центризм, не собирался иметь дело с бесхребетными представителями левого движения. «Мы позволили загнать себя в ловушку благодаря нашим собственным словам - это левацкая приманка, отравленная нашим ядом. Коммунисты ограбили наш риторический арсенал и связали нас нашими же лозунгами. Прогрессивный человек из некоммунистических левых находится в постоянном беспокойстве из-за чувства вины перед настоящим коммунистом. Некоммунистический левый видит коммуниста, манипулирующего той же риторикой, но действующего нагло и твёрдо, мужественным подобием самого себя» [155]. Пока Бэрнхам стоял и поносил некоммунистических левых, некоторые делегаты задавались вопросом, не была ли чёрно-белая версия мира, предлагаемая правыми (и провозглашённая в библейском призыве Кёстлера «Пусть твоё да будет да, а нет - нет!»), настолько же угрожающей либеральной демократии, как и та, что предлагалась крайне левыми.

Хью Тревор-Роупер был приведён в смятение провокационным тоном, заданным Кёстлером и подхваченным другими выступающими. «Это очень мало напоминало серьёзную дискуссию, - вспоминал он. - По-моему, она вовсе не была интеллектуальной. Я понял, что это был ответ в том же стиле {на Советскую мирную конференцию) - всё говорилось точно таким же языком. Я ожидал и надеялся услышать западную точку зрения, которая будет выдвигаться и защищаться на основании того, что это лучшая и более надёжная альтернатива. Но вместо этого мы занимались обличениями.

Всё это оставило очень негативное впечатление, как будто нам нечего было сказать, кроме как «Врежьте им!». Франц Боркенау выступил с яростной и почти истеричной речью. Он говорил по-немецки, и мне горько

[154]Sidney Hook. Цит. произв.
[155]James Burnham. Цит. произв.

признавать: слыша лающие голоса одобрения огромной аудитории, я чувствовал, что это те же люди, которые семь лет назад, наверное, так же лаяли, поддерживая обвинения против коммунизма, звучавшие из уст доктора Геббельса, когда он выступал в «Спорте Паласте» (Sports Palast). И я подумал, с какого сорта людьми мы отождествляем себя? Для меня это было величайшим шоком. На Конгрессе был момент, когда я почувствовал, что мы вызываем Вельзевула для того, чтобы победить Сатану» [156].

Сидни Хук был солидарен с Кёстлером, но вынужден признать: его друг «мог бы даже таблицу умножения процитировать таким образом, что вызвал бы негодование у некоторых людей». Ещё у него была раздражающая привычка скалиться «как Чеширский кот» каждый раз, когда он имел ораторский успех. Силоне был намного более гибок, утверждая, что христианский дух социальных и политических реформ на Западе сам по себе сможет украсть огонь у бога коммунизма. Андре Филип также представлял умеренную точку зрения, выступая за срединный путь между Россией и Америкой: «Европа сейчас слаба после долгой и тяжёлой болезни. Американцы отправляют нам пенициллин, чтобы вылечить эту болезнь, а от Советов мы получаем микробы. Конечно, любой доктор предпочтёт смешение этих двух вещей. Но наша обязанность как европейцев должна состоять в том, чтобы как можно скорее вступить в дело с микробами, и тогда нам больше не нужны будут лекарства» [157].

Для сторонников жёсткого курса эта поддержка «равноудаления» была не чем иным, как ересью. «Нейтрализм спонсируется Советами как идея и как движение» [158], - заявлял Мелвин Ласки, подхватывая лозунг Роберта Монтгомери «В комнате Свободы нет нейтрального угла!». Отказываясь выступать в этот риторический крестовый поход, британская делегация солидаризировалась с предостережением Талейрана: «Прежде всего - никакого рвения». «Я не могу понять, почему надо бросить мир в огонь для того, чтобы очистить от личной вины людей типа Боркенау и Кёстлера» [159], - подвёл итог Хью Тревор-Роупер.

Вопрос об уместности проповедующих миру политических перебежчиков стал ключевым на Берлинском конгрессе. «Потом выступил герр Гримме (Grimme), из числа священников, обладающий голосом, сравнимым с рёвом маяка, утверждая, что все эти конкретные вопросы являются по своей сути религиозными, - написал Сидни Хук. - Он красноречиво говорил ни о чем и перешёл к конкретным вещам только в конце своей речи. Тут он опустился до личностей и сделал несколько презрительных замечаний по поводу Кёстлера, назвав его «политическим новообращённым», который теперь яростно противостоит тому, что в своё время яростно защищал, демонстрируя таким образом, что он никогда не отказывался от своего диалектического материализма» [160].

---

[156]Hugh Trevor-Roper. Interview, London, July 1994.
[157]Andre Philip. Summary of Proceedings, Berlin 1950 (CCF/CHI).
[158]Melvin Lasky. Interview, London, July 1994.
[159]Hugh Trevor-Roper. Interview, London, July 1994.
[160]Sidney Hook. Цит. произв.

Кёстлер к тому времени уже столкнулся с негодованием тех, кто никогда не был коммунистом, в отношении политических новообращённых вроде него самого. Повторяя их аргументы, Кёстлер писал: «Бывшие коммунисты - не только надоедливые Кассандры, какими были противники нацизма, получившие убежище за рубежом; это также падшие ангелы, обладавшие слишком плохим чутьём для того, чтобы понять, что небеса не таковы, как они предполагали. Мир уважает новообращённых в католицизм или коммунизм, но питает отвращение к лишённым сана священникам всех религий. Под это отношение подводят рациональную основу - неприятие отступников. Новообращённый также является отступником от своих прежних убеждений, веры или неверия, и он вполне подготовлен для того, чтобы преследовать своих бывших единомышленников. Тем не менее его прощают, потому что он проникнут верой, в то время как бывший коммунист, или священник, отказавшийся от сана, потеряли веру и таким образом стали угрозой для иллюзий и напоминанием об отвратительной и пугающей пустоте» [161].

Проблема «надоедливых кассандр» вызывала озабоченность и в официальных кругах. Эдвард Барретт (Edward Barrett), помощник государственного секретаря США по международной информации (Assistant Secretary of State for International Information), чувствовал себя обязанным подвергнуть сомнению правильность «существующих тенденций носиться... с бывшими коммунистами и ставить их на пьедесталы, откуда они поучают тех граждан, у которых хватило здравого смысла прежде всего на то, чтобы никогда не стать коммунистами. Некоторые из нас допускают, что типичные бывшие коммунисты - особенно те, которые недавно перестали ими быть, - имеют большое значение в качестве информаторов и осведомителей, но вряд ли кого-то из них воспринимают как провозвестников вечных истин» [162]. Становилось всё более очевидным, что сближение правительства США с некоммунистическими левыми должно держаться в секрете от некоторых ключевых фигур американской политики.

Джоссельсон держался вне зоны видимости, хотя и отслеживал всё, что происходило. Он с растущим беспокойством наблюдал за реакцией Хью Тревора-Роупера на крестоносное воодушевление. Тревор-Роупер и другие члены британской делегации ясно выражали своё несогласие каждый раз, когда им предоставлялась такая возможность. Но делать это становилось всё труднее, поскольку «распорядители» (и среди них в первую очередь Ласки) трибуны во время заседаний проявляли осторожность и старались не давать выступать «пустословам». Ласки был везде: он организовывал, уговаривал, готовил пресс-релизы, планировал драматическое появление Теодора

[161]Arthur Koestler. Цит. из Jain Hamilton. Koestler.

[162]Edward Barrett. Truth is our Weapon (New York: Funk St Wagnalls, 1953). Мнение Э. Барретта разделяли многие. Однажды Артуру Кёстлеру возразил один американский журналист, который сказал ему, что «люди, которые когда-то были коммунистами, должны заткнуться и отправиться в монастырь или на необитаемый остров, вместо того чтобы ходить и поучать других». Однако указание Барретта о полезности бывших коммунистов в качестве информаторов или осведомителей интересно и является свидетельством того, что секретная стратегия американского правительства, охватывающая левых неокоммунистов, очень быстро себя зарекомендовала.

Пливера (Theodor Plievier), немецкого автора, написавшего «Сталинград», бывшего коммуниста, скрывавшегося в Штутгарте. Пливер сначала предполагал отправить своё послание Конгрессу в письменном виде, но услышав новость о вторжении в Корею, вылетел в Берлин, несмотря на опасность быть похищенным советскими агентами или восточными немцами (хотя вероятность такого развития событий была уменьшена, когда американцы организовали круглосуточную охрану).

Заметное положение Ласки привело в ярость Уизнера в Управлении по координации политики. Для беспокойства была веская причина: 24 июня, накануне начала работы Конгресса, администрация Герхарта Эйслера, начальника отдела пропаганды восточногерманского правительства, выступила с заявлением по поводу пожара в Коммунистическом доме культуры в Восточном Берлине, обвинив в нём «американского полицейского шпиона Мелвина Ласки». В заявлении Эйслера, процитированном в американских газетах, говорилось, что попытка сжечь Коммунистический клуб была задумана как прелюдия к открытию Конгресса за свободу культуры (который Эйслер изображал как «империалистическую интеллектуальную шестидневную велогонку»), но, по его словам, этот план дал осечку, и пламя было быстро погашено. Ласки, когда его спросили об этом инциденте, ответил со свойственным ему сарказмом: «Да, это правда. Мы старались поджечь этот дом, сбрасывая на него светлячков, замаскированных под картофельных жуков, с вертолёта» [163]. Но Уизнеру было не до веселья, когда он передавал по телеграфу инструкции в Берлин, требуя, чтобы Ласки отстранили от любой видимой связи с Конгрессом.

Однако для того чтобы остановить распространение слухов вокруг Конгресса, требовалось нечто большее, чем удаление Ласки. Некоторые делегаты рассуждали о том, кто оплачивает расходы. Размах, с которым был организован Конгресс в то время, когда Европа лежала в руинах, казалось, подтверждал слухи о том, что это было не совсем спонтанное, «независимое» событие, как заявляли его организаторы. Лоуренс де Новилль обладал весьма большими суммами и не знал, что с ними делать: «Я не знаю, откуда появились деньги. У меня никогда не было чеков или чего-то подобного, мне казалось, что у меня просто были денежные средства в марках. И так было у всех нас» [164].

Это не ускользнуло от внимания Тревора-Роупера, который тут же заподозрил неладное: «Когда я прибыл туда, то обнаружил, что всё было организовано в столь грандиозном масштабе... я понял, что... с финансовой точки зрения Конгресс должен был поддерживаться за счёт какой-то мощной правительственной организации. Поэтому я с самого начала принял как должное то, что он в той или иной форме был организован американским правительством. Это с самого начала казалось мне очевидным» [165].

---

[163]Melvin Lasky. Цитата из Boston Globe, 24 June 1950.
[164]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.
[165]Hugh Trevor-Roper. Interview, London, July 1994.

Годы спустя представитель ЦРУ Том Брейден рассуждал, что простого здравого смысла было достаточно, чтобы понять, кто стоял за Конгрессом: «Мы должны помнить, что говорим о тех годах, когда Европа лежала в руинах. Если и существовали деньги, которые можно было где-то найти, то они, скорее всего, принадлежали какой-нибудь преступной организации. Денег не было вообще. Так что естественно, что они обратились за деньгами к Соединённым Штатам» [166].

Конференция завершилась 29 июня драматической речью Артура Кёстлера, который на митинге, собравшем 15 тысяч человек под палящим солнцем на стадионе «Функтурм Шпортхалле» (Funkturm Sporthalle), торжествующе провозгласил: «Друзья, свобода перешла в наступление!». Затем он зачитал Манифест свободы - декларацию из 14 пунктов, которая была предложена в качестве новой конституции культурной свободы. Составленный Кёстлером после затянувшегося на всю ночь совещания в штабе Ласки в отеле на Штайнплац (Hotel am Steinplatz) в Шарлоттенберге (Charlottenberg), этот манифест, по словам Мамэн Кёстлер, «проталкивался им, Бэрнхамом, Брауном, Хуком и Ласки агрессивно и наступательно, так что не встретил практически никаких возражений» [167]. Но одна статья декларации, в которой выражалась нетерпимость к марксистским идеям, вызвала острую полемику с британской делегацией, потребовавшей, чтобы этот пассаж, носивший оскорбительный характер, был удалён. По сути, англичане возражали против предположения, которым в ходе конференции руководствовались наиболее воинственные антикоммунисты, как и многие представители американской внешней политики, что труды Маркса и Ленина были не столько «политической философией, сколько боевым уставом советской стратегии».

После учёта поправок британцев Манифест был принят в качестве морального и философского краеугольного камня Конгресса за свободу культуры.

В документе, адресованном «всем людям, полным решимости вернуть себе потерянные свободы и сохранить и расширить те, которыми они пользуются», говорится: «Мы считаем очевидным, что интеллектуальная свобода является одним из неотъемлемых прав человека... такая свобода определяется прежде всего его правом иметь и выражать собственное мнение, в частности, то, которое отличается от мнения его правителей. Будучи лишённым права сказать «нет», человек становится рабом» [168]. Манифест объявил свободу и мир «неотделимыми друг от друга» и предупредил, что «мир может быть достигнут только тогда, когда каждое правительство подчиняется управлению и инспекции своих действий со стороны людей, которыми оно управляет».

Другие пункты подчёркивали, что необходимым условием свободы является «терпимость к различным мнениям. Принцип терпимости логически не допускает практики нетерпимости». Ни одна «раса, нация,

---

[166]Tom Braden. Interview, Virginia, June 1994.
[167]Mamaine Koestler in Celia Goodman. Цит. произв.
[168]Manifesto of the Congress for Cultural Freedom, July 1950 (CCF/CHI).

класс или религия не может претендовать на исключительное право представлять идею свободы; право отрицать свободу других групп или вероисповеданий во имя любого конечного идеала или какой бы то ни было высокой цели. Мы считаем, что исторический идеал любого общества должен оцениваться по степени и качеству свободы, которой на самом деле пользуются его члены». Далее Манифест осудил ограничения свободы, вводимые тоталитарными государствами, чьи «средства принуждения намного превосходят все предыдущие тирании в истории человечества... Безразличие или нейтралитет перед лицом такого вызова сводится к предательству человечества и отречению от принципа свободного мышления». В Манифесте выражалась приверженность к «защите существующих свобод, отвоеванию потерянных свобод» и, по настоянию Хью Тревора-Роупера, «созданию новых свобод... к новым и конструктивным ответам на проблемы нашего времени» [169].

Это действительно был Манифест, который следовало читать на баррикадах. Кёстлер, своего рода современный Робеспьер (хотя рядом с ним стояли два американских телохранителя), пребывал в состоянии сильного волнения по этому поводу. Манифест представлял собой основу для оценки приверженности отдельных лиц и организаций к принципу полной свободы самовыражения, к ничем не скованному потоку идей и мнений. Если коммунисты и фашисты схожим образом систематически нарушали принцип неприкосновенности личности (habeas corpus), здесь было обещание противостоять любым нападкам на принцип неприкосновенности духа (habeas an imam).

Этот документ стал лакмусовой бумажкой свободы. Им определялось также, продолжит Конгресс за свободу культуры своё существование или нет.

После закрытия конференции начались торжества её спонсоров в Вашингтоне. Уизнер направил свои «сердечные поздравления» всем, кто принимал участие в организации. В свою очередь, он принимал поздравления от своих политических покровителей. Представитель Министерства обороны генерал Джон Магрудер (John Magruder) высоко оценил Конгресс как «изящную тайную операцию, проведённую на самом высоком интеллектуальном уровне... нетрадиционный метод ведении войны в своём лучшем проявлении». Как сообщалось, сам президент Трумэн «был очень доволен». Чиновники американской оккупационной администрации в Германии выразились в том духе, что Конгресс дал «ощутимый импульс моральному духу Западного Берлина, но, как мы надеемся, наиболее важный эффект в конечном итоге ощутят западные интеллектуалы, с 1945 года находящиеся в состоянии политического дрейфа». Как утверждалось в одном докладе, Конгресс за свободу культуры «действительно побудил ряд видных деятелей культуры отказаться от своей утончённой созерцательной отрешённости в пользу решительной позиции против тоталитаризма» [170].

---

[169]Там же.

[170]Цитата из Michael Warner. Origins of the Congress for Cultural Freedom, Studies in Intelligence, vol. 38/5, Summer 1995.

Пожалуй, этот вывод был немного преувеличенным и предназначенным для того, чтобы разрекламировать Конгресс среди стратегов высокого уровня в правительстве. Несомненно, Хью Тревору-Роуперу и британской делегации ещё предстояло в этом убедиться. Сразу же после возвращения в Англию Тревора-Роупера догнали новости о том, что Государственный департамент США направил официальную жалобу своим коллегам в Министерство иностранных дел Великобритании, в которой говорилось: «Ваш человек испортил наш Конгресс». Этого было достаточно, чтобы подтвердить подозрения Тревора-Роупера о том, какую роль играло американское правительство в берлинских делах. Но проявилось также и раздражение официальных лиц тем, как Тревор-Роупер вёл себя. Джоссельсон и его начальство в ЦРУ поняли, что нужно прилагать новые усилия, чтобы завоевать симпатии британских интеллектуалов и побудить их присоединиться к проекту.

6.Операция «Конгресс»

«Мы должны сделать так, чтобы по всему миру о нас услышали в ходе большой кампании правды. Эта задача неотделима и неотличима от других элементов нашей внешней политики». Гарри Трумэн (Harry Truman)

Несмотря на упорство некоторых британских делегатов, Уизнер был удовлетворён тем, что Берлинская конференция с лихвой окупила затраты.

Хотя её будущее было по-прежнему неопределённым, теперь она вошла в официальный список пропагандистских средств ЦРУ, документирующий постоянно растущее число каналов и физических лиц, на которых могло бы положиться Управление. Неофицальное название списка - «орган Уизнера» раскрывает смысл того, как эти «ресурсы» должны были действовать: при нажатии соответствующих кнопок Уизнер мог сыграть на них любую мелодию, которую хотел услышать.

Уизнер вернулся к проблеме Мелвина Ласки, чьё важничание во время Берлинской конференции так сильно его разозлило. Его предыдущие команды по удалению Ласки от центральной сцены откровенно игнорировались, и он написал сердитый внутренний меморандум «Берлинский конгресс за свободу культуры: деятельность Мелвина Ласки», заявив, что повсеместное присутствие Ласки было «грубейшей ошибкой, что также признают наши лучшие друзья в Госдепартаменте... Она выявляет печальную тенденцию, видимо, более глубокую, чем я ожидал, поддаваться искушению удобства (делать всё как можно проще) и пренебрежение безопасностью и другими техническими соображениями первостепенной важности» [171]. Вердикт Уизнера был однозначен: пока упрямый Ласки не будет удалён из Конгресса за свободу культуры, ЦРУ не станет поддерживать эту организацию.

Меморандум Уизнера был передан в Германию по телеграфу. «Офицер УКП, который получил её, взорвался от негодования и телеграфировал в ответ выдержанную в театрализованном духе ноту протеста, но уже ничего нельзя было поделать. Ласки должен был уйти, и УПК искало повод, чтобы удалить его из проекта» [172]. Есть два возможных объяснения: либо у Ласки были какие-то отношения с УКП, и поэтому существовала реальная угроза его безопасности из-за того, что он отказался залечь на дно; либо он был, как сам всегда утверждал, независимым действующим лицом, и его удаление представляло первый из многих подобных случаев силовых методов воздействия со стороны ЦРУ. Офицером УКП, ответственным за удаление Ласки, был Майкл Джоссельсон, чья способность взрываться в ответ на провокации в будущем дорого ему обойдётся. Ласки и Джоссельсон к тому времени оказались уже тесно связаны друг с другом, и позже наблюдатели отметили, что эта связь была нерушимой. Психологию этой

---

[171] Frank Wisner. Berlin Congress for Cultural Freedom: Activities of Melvin Lasky, in Michael Warner, Origins of the Congress for Cultural Freedom, Studies in Intelligence, vol. 38/5, Summer 1995.

[172]Michael Warner. Цит. произв.; см. также: Evan Thomas. The Very Best Men: The Early Years of the CIA (New York: Touchstone, 1996).

связи трудно понять: влияние Ласки на Джоссельсона, превосходившего его по всем статьям, было уникальным.

«Джоссельсону иногда досаждала умышленная глухота Ласки, - писал один из участников Конгресса. - Иногда он раздражался отказом Ласки представлять себе последствия своих слов и действий, но в то же время смотрел на него с восхищённым снисхождением, даже с умилением» [173]. Некоторые люди воспринимали воздействие Ласки на Джоссельсона под углом Эдипова комплекса. «Джоссельсон обожал Ласки как сына, которого у него никогда не было, он всегда защищал его» [174], - вспоминала Наташа Спендер. Ласки возражал против такой формулировки, предпочитая описывать их отношения с Джоссельсоном как «братские» [175]. В любом случае, Джоссельсон вскоре понял, что его театрализованная защита Ласки была плохой стратегией. Поэтому он согласился на требование Уизнера официально удалить Ласки из проекта, неофициально же он оставался ближайшим советником Джоссельсона на всём протяжении существования Конгресса. И за этим последуют другие награды.

После того как Ласки убрали с дороги, Уизнер решил утвердить Конгресс за свободу культуры в качестве постоянного органа. Его постоянный статус был одобрен Советом по анализу проектов УКП в начале 1950 года, и он получил кодовое название QKOPERA [176]. Одним из первых решений Уизнера стал перенос центра работы Конгресса из Берлина в Париж. Существовали мощные символические причины для сохранения аванпоста в Берлине, но считалось, что в этом месте слишком велики угроза безопасности и уязвимость для проникновения с другой стороны.

Уизнер предложил Джоссельсону вести Конгресс со стороны ЦРУ под руководством Лоуренса де Новилля, который должен был наблюдать за Конгрессом от имени принадлежащей ЦРУ французской биржи труда. Они оба согласились на это, уйдя с работы под прикрытием в американской оккупационной администрации в Германии, но сохранив кодовые имена Джонатан Ф. Саба (Джоссельсон) и Джонатан Гиринг (де Новилль). После этого Уизнер прикрепил к Конгрессу Ирвинга Брауна, назначив его одним из членов руководящего комитета, который был создан вскоре после Берлинской конференции. «Более полезного, чем все Кёстлеры и Силоне вместе взятые», Брауна также характеризовали как «УСС из одного человека» и «персонажа из романа Е. Филлипса Опенгейма». Он работал на Джея Лавстона (Jay Lovestone), бывшего делегата Коминтерна, который теперь руководил тайными связями ЦРУ с американским рабочим движением. Браун очень ловко достигал своих целей, используя подпольные маршруты, и был номинирован Джорджем Кеннаном в 1948 году в качестве кандидата на пост главы УКП, который в итоге занял Фрэнк Уизнер [177].

---

[173]Edward Shils. Remembering the Congress for Cultural Freedom, 1990 (неопубликованные доказательства).
[174]Natasha Spender. Interview, Maussane, July 1997.
[175]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.
[176]Все операции ЦРУ получали кодовые названия, которым предшествовал дираф (письменный знак из двух букв) в целях безопасности связи. Evan Thomas. Цит. произв.
[177]George Kennan to Robert Lovett. 30 June 1948 (SD. PPW/RG59/NARA).

«Я не думаю, что когда-либо видел Ирвинга Брауна хотя бы с одной монетой, которая не принадлежала ЦРУ, - вспоминал Том Брейден, который вскоре взял на себя управление QKOPERA. - Он говорил, что получает деньги от профсоюзов. Это было хорошим прикрытием. Браун был казначеем и любил заниматься планированием операций. Он был умным парнем с широкими связями» [178].

Также в руководящий комитет был назначен Джеймс Бэрнхам. Постоянно вращавшийся в политических и разведывательных кругах, он считался необходимым человеком для успеха Конгресса, жизненно важным связующим звеном между интеллигенцией и офисом Уизнера. «Бэрнхам был консультантом УКП практически по всем вопросам, представлявшим интерес для нашей организации, - писал Говард Хант (Howard Hunt), исполнитель грязных дел ЦРУ, который позже стал известен как один из «водопроводчиков» Уотергейта. - У него были обширные связи в Европе, и в силу своего троцкистского прошлого он был чем-то вроде авторитета для отечественных и зарубежных коммунистических партий и фронтов» [179].

Не всем нравилось «троцкистское прошлое» Бэрнхама. Поданным высокопоставленного сотрудника ЦРУ Майлза Коупланда (Miles Copeland), изначально существовала «какая-то возня по поводу флирта Бэрнхама с крайне левыми (не был ли он в ячейке, которая включала Сидни Хука, Ирвинга Кристола - Irving Kristol и Даниэла Белла - Daniel Bell), но всё нормализовалось, когда кто-то вспомнил о замечании, что если бы Джим был серьёзным коммунистом, он бы вступил в партию, а не стал троцкистом.

Кроме того, как человек крайне левых взглядов, перешедший к крайне правым, он был в хорошей компании в цэрэушном штате консультантов по вызову». Описывая Бэрнхама как «стопроцентного капиталиста и империалиста, верящего в маму, яблочный пирог, бейсбол, магазин на углу и... демократию в американском стиле», Майлз Коупланд сказал, что усвоил от него следующий принцип: «Первой задачей любой правящей группы является удержание власти» [180]. Один из «рыцарей холодной войны» отозвался о нём как о «внятном толкователе работы отдела грязных дел» [181].

В начале 1953 года Бэрнхам сыграет решающую роль в операции ЦРУ «Аякс» (Ajax) по свержению в Тегеране премьер-министра Моссадыка и возведению на престол шаха. Уизнер решил, что этот план был слишком сырым и нуждался в «руке Макиавелли», под которой он подразумевал урок истории от Бэрнхама. В своей книге «Макиавеллианцы» (которая стала пособием для стратегов ЦРУ) Бэрнхам использовал в дополнение к Макиавелли идеи основных европейских мыслителей эпохи модернизма - Моски, Парето, Михельса и Сореля, для того чтобы «бросить вызов эгалитарной политической теории и показать устойчивость и неизбежность правления элиты даже в эпоху равенства». Старая знакомая Бэрнхама

---

[178]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.
[179]E. Howard Hunt. Undercover: Memoirs of an American Secret Agent (California: Berkeley Publishing Corporation, 1974).
[180]Miles Copeland. National Review, 11 September 1987.
[181]C.D. Jackson to Abbott Washburn. 2 February 1953 (CDJ/DDE).

однажды сказала, что единственный раз она видела проявление его настоящего интеллектуального интереса, когда он говорил о Макиавелли [182].

Наряду с Ирвингом Брауном, Джоссельсоном, де Новиллем и Ласки (несмотря на его быстрое увольнение) Бэрнхам работал над тем, чтобы превратить Конгресс за свободу культуры в постоянно действующую организацию.

Встретившись в конце ноября 1950 года в Брюсселе, руководящий комитет разработал структуру деятельности организации, основываясь на документе, составленном Ласки в июле. Среди присутствующих были Игнацио Силоне, Карло Шмид (лидер социалистов в парламенте Германии), еврейский социолог Евгений Когон, Хокон Ли (глава Норвежской рабочей партии), Джулиан Эймери (член Британского парламента), Йозеф Чапеки (польский писатель и художник), Дэвид Руссе, Ирвинг Браун и Николай Набоков.

В основном была принята структура, разработанная Ласки: назначен Международный комитет в составе 25 членов, а также пять почётных председателей. Руководство всей деятельностью взял на себя Исполнительный комитет, состоявший из пяти человек: исполнительного директора, редакционного директора по исследованиям, директора Парижского бюро и директора Берлинского бюро - которых, в свою очередь, контролировал генеральный секретарь. На схеме Ласки эта структура выглядела как зеркальное отражение аппарата Коминформа. «У них были такие же названия, как в коммунистической партии, - заметил один историк. - ЦРУ создавало эти культурные фонды в качестве теневых организаций коммунистической партии, включая секретность, лежащую в корне всего» [183]. Николай Набоков однажды шутливо отозвался о руководящем органе Конгресса как о «нашем Политбюро».

Также на ноябрьском заседании обсуждался доклад Артура Кёстлера «Первоочередные задачи переходного периода», где он рассказал о «технических заданиях», которые необходимо выполнить в продолжение деятельности Берлинской конференции. В разделе «Политическая кампания на Западе» Кёстлер, который неоднократно подвергался оскорблениям со стороны нейтралистов на Берлинской конференции, писал: «Наша цель состоит в том, чтобы привлечь на нашу сторону тех, кто ещё колеблется, разрушить влияние Жолио-Кюри, с одной стороны, и культурных нейтралистов из круга «Ле Тан Модерн» (Les Temps Modernes) - с другой» [184].

Оспаривание интеллектуальной основы нейтралитета было одной из главных целей американской политики времён холодной войны, и теперь оно предлагалось в качестве официальной точки зрения Конгресса. Представитель ЦРУ Дональд Джеймсон объяснял: «Существовало особое беспокойство по поводу тех, кто говорил: «Ну, Восток - это Восток, Запад - это Запад, и к чёрту вас обоих». Мы старались переместить их хотя бы чуть-чуть к западному пониманию положения вещей. Многие считали, что

[182]James T. Farrell to Meyer Schapiro. 11 September 1941 (MS/COL).
[183] Carol Brightman. Interview, New York, June 1994.
[184] Arthur Koestler. Immediate Tasks for the Transition Period, 4 July 1950 (IB/GMC).

нейтралитет... был позицией, скомпрометировавшей себя. Некоторые надеялись, что число сторонников этой позиции будет уменьшаться. Но, с другой стороны, я думаю, существовало общее понимание того, что нельзя было нападать на приверженца нейтралитета и говорить ему: «Ты плохой человек, ты совсем как комми», потому что это могло их подтолкнуть влево, что, конечно же, было нежелательным. Но, разумеется, нейтралисты являлись главной целью» [185].

Кёстлер тоже стал мишенью. Он даже не был приглашён на обсуждение его документа руководящим комитетом. Нетерпимость Кёстлера к разногласиям, его иррациональный гнев и высокомерное утверждение собственной гениальности уже убедили Вашингтон в том, что он скорее обуза, чем полезный ресурс. После июньской конференции Кёстлер регулярно проводил встречи у себя дома в «Вер Рив» с Бэрнхамом, Брауном, Раймондом Ароном, Ласки и другими членами «узкого круга». Как говорила Мамэн, он стал «совершенно одержим Конгрессом» и «почти не мог спать». Эти встречи не остались незамеченными. В августе 1950 года еженедельник Французской коммунистической партии «Л'Аксьон» сделал впечатляющий вывод, что Кёстлер планировал организовать террористическую группу в своём доме вместе с Бэрнхамом и Брауном.

Теперь Джоссельсон был убеждён в том, что умеренный тон имел значение, если Конгресс за свободу культуры собирался достичь одной из своих главных целей - победить колеблющихся. Ответом штаб-квартиры ЦРУ было требование удаления Кёстлера от центрального положения в организации. Таким образом, человек, который составил «Манифест за свободу культуры», теперь был устранён. В третьем пункте Манифеста говорилось: «Мир может быть обеспечен только тогда, когда каждое правительство подчиняется контролю и проверке его действий со стороны людей, которыми оно управляет» [186].

ЦРУ, маргинализируя Кёстлера и скрытно управляя тем, что должно было стать крупнейшим скоплением интеллектуалов и «вольнодумцев», успешно нарушало ту самую декларацию прав, за которую оно платило. Для того, чтобы пропагандировать свободу выражения мнений, Управлению сначала надо было её купить, а потом ограничить. Рынок идей был не так свободен, как казалось. Для Кёстлера это стало ошеломляющим предательством. Он заболел «нервным расстройством», вылетел в Штаты и оттуда с горечью наблюдал за тем, как Конгресс за свободу культуры отходил от его идей.

Другим важным человеком, с которым работал Конгресс, был Артур Шлезингер. Он являлся частью того, что Стюарт Хэмпшир, Исайя Берлин и Стивен Спендер прозвали «аппаратом, контролирующей группой». Поздравляя в письме Ирвинга Брауна после встречи в Берлине, Шлезингер с энтузиазмом заметил: «Я думаю, что мы здесь построили очень мощный инструмент политической и интеллектуальной борьбы» [187]. Шлезингер

---

[185] Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994.
[186] Manifesto of the Congress for Cultural Freedom, July 1950 (CCF/CHI).
[187]Arthur Schlesinger to Irving Brown. 18 July 1950 (IB/GMC).

немного разбирался в таких вопросах, получив ценный опыт во время работы в военное время в Управлении стратегических служб в Отделе исследований и анализа, получившем прозвище «кампус» из-за своей непринуждённой атмосферы.

Шлезингер поддерживал тесные связи с элитным «клубом» ветеранов УСС, многие из которых, включая его самого, впоследствии стали ведущими политиками и советниками президента. Он знал Аллена Даллеса, который с самого начала пригласил его в Исполнительный комитет радиостанции «Свободная Европа», созданный ЦРУ в 1950 году. Его участие было скрыто от общественности путём создания дочерней организации - Национального комитета за Свободную Европу. Шлезингер также был в курсе тайных операций, когда он работал помощником Аверелла Гарримана, руководителя «Плана Маршалла» в Европе. Шлезингер вспоминал: «Существовало общее мнение, что Советский Союз тратил много денег на организацию работы среди своей интеллигенции, мы должны были что-то сделать в ответ на это» [188].

При Гарримане он стал участвовать в секретном распределении совместных фондов среди европейских профсоюзов, часто имея дело с Ирвингом Брауном. Отношения Шлезингера с Брауном теперь были спаяны общей тайной.

Шлезингер оказался одним из немногих людей не из Управления, которые с самого начала знали об истинном происхождении Конгресса за свободу культуры. Он позже признавал: «Благодаря моим связям с разведкой я знал, что первоначальное заседание Конгресса в Берлине было оплачено ЦРУ. Казалось не лишённым смысла помочь людям, стоявшим на нашей стороне. Из всех статей расходов ЦРУ Конгресс за свободу культуры казался наиболее достойным и успешным» [189].

Одной из первых задач Шлезингера было убедить Бертрана Рассела, одного из почётных покровителей Конгресса, не уходить в отставку. Философ грозился это сделать после прочтения «злорадных отчётов» Хью Тревора-Роупера в газете «Манчестер Гардиан» (Manchester Guardian), которые описывали события в Берлине как нечто, сильно напоминающее сборище нацистов.

Посетив Рассела в Лондоне вместе с Кёстлером 20 сентября 1950 года, Шлезингер слушал, как Рассел рассказывал о своей тревоге по поводу доклада Тревора-Роупера (который был одобрен Э.Дж. Эйером) и о своём решении уйти в отставку. Рассел холодно относился к Кёстлеру (философ в своё время ухаживал за Мамэн, и остатки ревности между двумя мужчинами по-прежнему препятствовали их дружбе), но в конце концов согласился с аргументами Кёстлера и Шлезингера.

Бертран Рассел, математик и философ, стал всемирно известен в 1950 году, получив британский Орден Почёта и Нобелевскую премию. В своё время он встречался с Лениным и испытал к нему чувство антипатии: «Его

[188]Arthur Schlesinger. Interview, New York, August 1996.
[189]Там же.

хохот при мысли о принесённых в жертву людях заставил мою кровь стынуть в жилах. Мои самые яркие воспоминания связаны с его фанатизмом и монгольской жестокостью».

Рассел поразил своих поклонников в 1948 году, когда в повреждённом бомбами главном зале Вестминстерской школы предложил пригрозить Сталину атомной бомбой [190]. В то время Рассел был «жёстким антикоммунистом и требовал, чтобы с нашей стороны военная мощь и перевооружение взяли верх над всеми другими вопросами» [191]. Рассел также получил приз от Департамента информационных исследований, от которого с радостью принимал «время от времени маленькие лакомые кусочки».

Но если тогда Рассел был «ястребом», то к середине 1950-х годов он начал призывать к ядерному разоружению (как писал один поэт, «его аристократическая задница сидела на лондонской брусчатке вместе с королевами и коммунистами») [192]. Казалось, его политические взгляды изменялись вместе с направлением ветра, и он причинил много неприятностей Конгрессу и его американским покровителям за годы своего патронажа, пока окончательно не ушёл в отставку в 1956-м. Но сейчас его имя добавляло блеска и потакало слабости Джоссельсона к знаменитостям.

Как и Рассел, все остальные почётные президенты были философами и «представителями только появившегося евро-американского мышления» [193].

Бенедетто Кроче был политическим консерватором и монархистом, который не тратил время на социализм или организованную религию (его произведения входили в список запрещённых книг Ватикана). Теперь, когда ему уже исполнилось 80 лет, он был почитаем в Италии в качестве красноречивого отца антифашистов, человека, открыто бросившего вызов деспотизму Муссолини и ставшего признанным моральным лидером Сопротивления. Он также служил ценным контактом Уильяма Донована накануне высадки союзников в Италии.

Кроче умер в 1952 году, и его место занял дон Сальвадор де Мадариага (Don Salvador de Madariaga), который также был тесно связан с Донованом в рамках Европейского движения. Джон Дьюи (John Dewey), возглавлявший Комитет по защите Льва Троцкого, представлял взгляды прагматичного американского либерализма. Карл Ясперс, немецкий экзистенциалист, был безжалостным критиком Третьего рейха. Как христианин он однажды публично бросил вызов Жан-Полю Сартру, чтобы выяснить, действительно ли тот принимает десять заповедей. Жак Маритен, либеральный католический гуманист, был героем французского Сопротивления, а также другом Николая Набокова. Исайя Берлин собирался присоединиться к этому розарию философов-покровителей, но передумал, опасаясь, что такая

---

[190]Peter Vansittart. In the Fifties (London: John Murray, 1995).
[191]Robert Bruce Lockhart. The Diaries of Robert Bruce Lockhart, 1939-1965.
[192]James Simmons. The Ballad of Bertrand Russell, Judy Garland and the Cold War (Belfast: Blackstaff Press, 1976).
[193]Giles Scott-Smith. The Politics of Apolitical Culture: The Congress for Cultural Freedom and the Cultural Identity of Post-War American Hegemony 1945-1960 (неопубликованная докторская диссертация, Lancaster University, 1998).

публичная поддержка антикоммунистического движения могла бы подвергнуть опасности его родственников на Востоке.

Однако он обещал оказать поддержку Конгрессу в пределах его скромных возможностей. Лоуренс де Новилль вспоминал: Берлин так поступил, зная, что Конгресс получал тайное финансирование от ЦРУ. «Он знал о нашем участии, - говорил де Новилль. - Я не знаю, кто ему это сказал, но думаю, что один из его друзей в Вашингтоне» [194].

Как и в случае со всеми профессиональными организациями, первые дни существования Конгресса были отмечены постоянными перестановками в рядах членов, боровшихся за должности. Дени де Ружмон (Denis de Rougemont), никогда не бывший коммунистом и происходивший из нейтральной Швейцарии, стал председателем Исполнительного комитета.

Ружмон, автор книги «Любовь и Запад», происходил из немарксистских антифашистских левых. После войны он был диктором на радиостанции «Голос Америки» и тесно сотрудничал с Франсуа Бонди (Francis Bondy) в Европейском союзе федералистов, задачи которого впоследствии осуществлял при тайной поддержке ЦРУ (о чем, как позже признался, он не знал), возглавляя находящийся в Женеве Европейский центр культуры, существующий до сих пор.

На должность генерального секретаря Джоссельсон активно лоббировал своего кандидата Николая Набокова, который уже пробовался на главную роль, когда декламировал на Берлинской конференции: «Из этого Конгресса мы должны создать организацию для войны. Нам необходим постоянный комитет. Мы должны сделать так, чтобы он вовлёк в работу всех людей, все боевые организации и использовал все методы борьбы с перспективой на действие. Если мы этого не сделаем, то рано или поздно нас всех повесят. Часы давно уже пробили двенадцать» [195]. И Набоков был избран на эту должность.

Кроме своего старого друга Джоссельсона Николай Набоков имел могущественных покровителей. Одним из них был Чип Болен, «этот породистый американец», который сделал Америку «настоящим домом» для Набокова в начале 1940-х и оставался для него «образцом для подражания, советчиком, часто... утешителем». Другим покровителем был Джордж Кеннан, который ранее сильно расстроился, когда Набоков получил отказ в принятии на государственную службу. Имя Набокова также появилось в сверхсекретном списке персонала для ведения психологической войны, рекомендованного на ответственные посты и переданного в канцелярию секретариата американской армии в 1950 году [196]. Такая комбинация мощных политических покровителей гарантировала, что получение допуска к секретной информации пройдёт для Набокова легче, чем несколько лет назад.

---

[194] Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.
[195] Nicolas Nabokov. Address to the Congress for Cultural Freedom, Berlin, July 1950 (CCF/ CHI).
[196] C.D. Jackson to Tyler Port. 8 March 1950 (CDJ/DDE).

Ирвинг Браун в качестве казначея предложил Набокову оклад в шесть тысяч долларов. Набоков, чьи два маленьких сына поступали в школу, получал в то время восемь тысяч долларов за преподавание в консерватории Пибоди и в колледже Сары Лоуренс и заявил, что ему нужно больше: «Не забывайте, что в этой работе возникнут представительские расходы. Я не собираюсь устраивать вечеринки, но мне придётся встречаться со многими людьми, задабривать их, приглашать на обед и т.д.» [197].

На самом деле Набоков любил устраивать вечеринки, и он ещё организует много роскошных приёмов за счёт ЦРУ в течение следующих 16 лет, однако на данный момент вопрос о зарплате Набокова не был решён. Ирвинг Браун, который имел доступ к большому благотворительному фонду, держал в рукаве и многие другие козыри. Будучи энергичным сторонником Конгресса, он естественным образом стремился финансировать поддерживаемое ЦРУ французское рабочее движение Force Ouvriere в его попытках сломать коммунистические профсоюзы докеров в Марселе: они постоянно блокировали поставки по «Плану Маршалла» и доставку американского оружия. Вопрос был решён, когда Джеймс Бэрнхам выступил в январе 1951 года с обещанием повысить зарплату Набокова.

«Другие распоряжения, которые компенсируют мне значительные потери доходов, будут отданы здесь, в Европе, и не станут вноситься в отчётность о деятельности» [198], - сказал Набоков Брауну, по-видимому, совершенно не удивлённому таким «гибким» подходом Бэрнхама к бухгалтерской отчётности. В течение первого года Бэрнхам «вёл» Набокова.

Было принято решение, что Ласки останется в Берлине и будет редактировать «Монат», который разместится в штаб-квартире немецкого филиала Конгресса, а Джоссельсон и Новилль переедут в Париж и возглавят там главный офис, оставаясь на связи с Ирвингом Брауном, который получил задание арендовать и оборудовать подходяще место. Готовясь покинуть Германию, Джоссельсон и Новилль узнали об интересных переменах в штаб-квартире ЦРУ в Вашингтоне: Аллен Даллес только пришёл на службу в Управление и привёл с собой помощника Тома Брейдена. Ситуация должна была измениться.

Аллен Даллес пришёл в ЦРУ в декабре 1950 года на пост заместителя директора по оперативным вопросам. Это было поле с огромными возможностями, предоставлявшее Даллесу полномочия не только по сбору разведданных, но также и по контролю подразделения Фрэнка Уизнера - Управления по координации политики. Одним из первых его действий стало принятие на службу Тома Брейдена, одного из самых лихих офицеров УСС, человека, который оброс большим количеством связей на высоком уровне со времени своего возвращения в гражданскую жизнь. Худой, светловолосый, с резкими, благородными чертами лица, Брейден сочетал в себе образы Джона Уэйна, Гэри Купера и Фрэнка Синатры. Он родился в 1918 году в

[197] Nicolas Nabokov to Irving Brown. 6 December 1950 (IB/GMC).
[198]Nicolas Nabokov to Irving Brown. 17 January 1951 (IB/GMC). Источник этой дополнительной выплаты остается неизвестным. Однако вскоре надбавка к зарплате Набокова была обозначена в статье расходов Американского совета за свободу культуры.

городке Дюбук, штат Айова. Отец Брейдена был страховым агентом, а его мать писала любовные романы. Она привила ему любовь к книгам Ринга Ларднера, Роберта Фроста и Эрнеста Хемингуэя. Он изучал политологию в Дартмутском университете, который закончил в 1940 году; начало войны произвело на него столь сильное впечатление, что он вступил в британскую армию. В 7-й бронетанковой дивизии 8-й армии, прославившейся как «Крысы пустыни» (Desert Rats), он стал лучшим другом Стюарта Олсопа. Оба они вступили в УСС и были парашютированы в оккупированную Францию, чтобы сражаться в лесах вместе с коммунистическим Сопротивлением. После войны Брейден и Олсоп вместе написали книгу «Без огласки: УСС и американский шпионаж», где представили УСС как организацию, дававшую своим людям «возможность пережить самые удивительные приключения со времён короля Артура».

Вернувшись к гражданской жизни, Брейден провёл следующие несколько лет в борьбе за создание постоянной разведывательной службы. В конце 1950 года Аллен Даллес позвонил ему и попросил стать его помощником в ЦРУ. Брейден согласился. Под кодовым именем Гомер Д. Хоскинс Брейден сначала работал без портфеля, номинально входя в состав УКП Уизнера, но реально взаимодействуя напрямую с Даллесом. Через несколько месяцев он обрёл глубокое понимание пропагандистского наступления коммунистов и ограниченности американского ответа. «Как странно, думал я, наблюдая за этими событиями, что коммунисты, которые боятся вступать куда-либо, кроме коммунистической партии, получают массу союзников в ходе организационных войн, а мы, американцы, присоединяясь ко всем, сидим в одиночестве из-за своего косноязычия» [199].

Уильям Колби (William Colby), будущий директор ЦРУ, пришёл к такому же выводу: «Коммунисты не скрывали своей веры в то, что они называли «организационным оружием»: организуй партию в качестве ключевого войска, но затем организуй и все остальные фронты - женские группы, культурные группы, профсоюзы, крестьянские группы, кооперативы - целый арсенал организаций, так, чтобы можно было включить как можно больше людей в стране в состав этих групп и тем самым подчинить их в общих чертах коммунистическому руководству» [200].

«Если другая сторона может использовать идеи, замаскированные под местные, а не выглядящие как поддерживаемые или стимулируемые Советами, то и мы должны быть в состоянии использовать идеи, замаскированные под местные», - доказывал Брейден [201]. Анализ УКП Уизнера убедил Брейдена в том, что его проектам не хватало концентрации внимания. Один сотрудник ЦРУ описывал это как «кучу оперативного хлама». Брейден вспоминал: «Существовал Отдел международных организаций, но он представлял собой мешанину из мелких заданий и не нёс никакой важной функции. Я подошёл к Элу {Аллену Даллесу) и сказал:

---

[199]Тот Braden. Vm Glad the CIA is Immoral, Saturday Evening Post, 20 May 1967.
[200]William Colby. Interview, Washington, June 1994.
[201]Tom Braden. Цит. произв.

«Почему бы нам не объединить эти вещи в одно подразделение». Возможно, Эл как раз и надеялся, что я предложу нечто в этом роде» [202].

Даллес встретил эту мысль с энтузиазмом, но другие сотрудники ЦРУ, считавшие, что тайные операции означали свержение недружественных иностранных лидеров, таких как Хакобо Арбенс (Jacobo Arbenz), пришли в оцепенение. Зарождающееся Управление представляло собой наполовину университетский факультет (его даже называли «кампусом»), наполовину группу полицейских и разбойников. Наряду с курящими трубки выпускниками Йеля здесь были люди, по словам Брейдена, не понимавшие, что война закончилась. Они были опасно упрямыми, и их мышление совпадало с идеями людей типа генерала Макартура, который хотел продолжить Корейскую войну бомбардировками Маньчжурии, или министра военно-морских сил, который в 1950 году призвал мир готовиться к очередному глобальному столкновению.

Брейден объяснял: «Я был гораздо больше заинтересован в идеях, на которые направлен огонь коммунистов, чем в раздувании пожара в Гватемале. Я был скорее «интеллектуалом», чем фанатиком» [203].

Начальник отдела Брейдена попытался заблокировать его предложения, заявив, что тот «пересёк черту» - мелочный бюрократический манёвр. За этим последовал «ужасный бой», который Брейден проиграл. Он сразу же отправился в кабинет Даллеса и подал в отставку. Даллес в ярости схватил телефон и позвонил Фрэнку Уизнеру: «Что, чёрт возьми, происходит?».

Брейден вспоминал: «Аллен растоптал Уизнера. Он полностью встал на мою сторону, и вот таким образом я организовал Отдел международных организаций (International Organizations Division, IOD - ОМО), подчиняющийся заместителю директора по планированию, которым был Уизнер. Но я не обращал особого внимания на Уизнера и отвечал за свои действия непосредственно перед Алленом. Хотя мне приходилось обходить Фрэнка осторожно, поскольку он являлся моим начальником» [204].

Формирование этого нового подразделения совпало по времени - и его деятельность была санкционирована - с новой директивой Совета национальной безопасности СНБ-68 (NSC-68). Подготовленный в марте 1950 года новым директором Штаба политического планирования Полом Нитце (Policy Planning Staff; Paul Nitze), сменившим Кеннана, документ СНБ-68 стал «высочайшим документальным символом холодной войны» и был основан на положении о существовании мирового коммунистического монолита, руководящий дух которого располагался в Кремле [205]. В директиве

---

[202]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.
[203]Там же.
[204]Там же.
[205]National Security Council Directive, March 1950, цитата из Scott Lucas. The Psychological Strategy Board, International History Review, vol. 18/2, May 1996; см. также: Trevor Barnes. The Secret Cold War: The CIA and American Foreign Policy in Europe 1946-/956, part II, The Historical Journal, vol. 25/3, September 1982. Бэрнес пишет, что идея генерального плана Кремля по глобальному доминированию воспринималась с некоторым подозрением группой аналитиков ЦРУ. Согласно выводам по проекту Jigsaw, сверхсекретному анализу

сообщалось: «Практические и идеологические соображения... приводят нас к выводу, что у нас нет другого выбора, кроме как продемонстрировать превосходство идеи свободы путём её конструктивного применения». Философ Карл Ясперс незадолго до этого заявил: «Истина тоже нуждается в пропаганде».

Директива была мандатом, который давал американским воинам холодной войны полномочия для принятия «конструктивных» мер, чтобы обеспечить торжество истины над обманом. Бюджетные ассигнования, выделенные на СНБ-68, подтвердили важность этой задачи: сумма в 34 миллиона долларов, потраченная на психологическую войну в 1950 году, должна была быть увеличена в четыре раза в течение ближайших двух лет.

Государственный секретарь Эдвард Барретт заявил: «В борьбе за умы людей истина способна стать особенным американским оружием. Она не может быть отдельно взятым оружием, поскольку пропаганда истины сильна только тогда, когда она связана с конкретными действиями и политикой... очень умелая и насыщенная кампания истины также необходима, как и военно-воздушные силы» [206]. Истина, как и весь век, должна была принадлежать Америке. Если обман необходимо использовать для содействия правде, да будет так. Кёстлер назвал это «борьбой с тотальной ложью во имя полуправды».

Брейден говорил: «Целью Отдела по международным организациям было объединение интеллектуалов против того, что предлагалось Советским Союзом. Идея того, что мир будет поддаваться своего рода фашистской или сталинистской концепции искусства, литературы и музыки, представляла собой ужасающую перспективу. Мы хотели объединить всех людей - художников, писателей, музыкантов и их последователей, чтобы продемонстрировать, что Запад и США посвящают себя свободе выражения мнений и интеллектуальных достижений, без жёстких рамок в отношении того, что вы должны писать, что вы должны говорить, что вы должны делать и что вы должны рисовать, как это было в Советском Союзе. Я думаю, что мы сделали это чертовски хорошо» [207].

коммунизма по всему миру, запущенному в 1949 г., такого генерального плана не существовало, даже несмотря на то что Кремль действительно манипулировал коммунистическими партиями других стран. На проект Jigsaw, возможно, повлиял Кеннан, который постепенно менял свои взгляды относительно СССР. Но выводы этого анализа оказались настолько неортодоксальны, что были проигнорированы даже внутри самого ЦРУ.

[206]Edward Barrett. Truth is our Weapon.

[207]Tom Braden. Interview, Virginia, June 1994. Брейден использовал другое выражение: «Борьба за разум Пикассо». В буквальном смысле это было бы сизифовым трудом. Когда Клив Грей, молодой американский художник, служащий в армии США, совершал паломничество в студию Пикассо после своего освобождения, он прибыл туда поздним утром и застал Пикассо в нижнем белье, только что вставшего с постели. Пикассо стоял у кровати с выпуском коммунистической газеты L'Humanite в одной руке, в то время как вторую руку он держал перед своим помощником Хайме Сабартесом, чтобы тот мог просунуть её в рукав рубахи. Пикассо как раз собирался вступить в коммунистическую партию, заявляя всему миру, что «человек идет к коммунистической партии как источнику со свежей водой». Эта сцена описана в Antony Beevor and Artemis Cooper. Paris After the Liberation, 1944-1949.

Отдел международных организаций действовал на основе тех же принципов, которыми руководствовался Уизнер в управлении некоммунистическими левыми. Целью поддержки левых групп было не их уничтожение или даже доминирование над ними, а, скорее, поддержание благоразумной близости с ними и контроль над их мышлением, обеспечение их рупором для выпуска пара; в крайнем случае предполагалось наложить окончательный запрет на их общественную деятельность, если они станут слишком радикальными. Брейден направил чёткие инструкции своим только что созданным отделениям ОМО в Европе: «Ограничивайте финансирование теми суммами, которые частные организации могут потратить, не вызывая подозрений, скрывайте масштабы американских интересов, помогайте сохранять честную репутацию организаций, не требуя от них поддержки всех направлений американской официальной политики» [208].

Новое подразделение Брейдена было создано для того, чтобы улучшить базу для таких институтов, как Конгресс за свободу культуры, руководство которого теперь несло ответственность перед Брейденом. Реальные цели Конгресса были уточнены. Он не должен быть центром агитации, но представлять плацдарм в Западной Европе для остановки дальнейшего распространения коммунистических идей. Он должен был участвовать в широкой и сплочённой кампании давления с тем, чтобы убедить интеллектуалов отмежеваться от коммунистических и дружеских им организаций. Нужно было поощрять интеллигенцию к разработке теорий и аргументов, которые были направлены не на массовую аудиторию, а на небольшую элиту групп влияния и на государственных деятелей, которые определяли политику. Это подразделение не являлось инструментом для сбора разведывательных данных, и агентов из других подразделений ЦРУ предупреждали не использовать его в качестве такового. Оно должно было обеспечить «независимую» поддержку целям американской внешней политики, которые состояли в создании единой Европы (посредством членства в НАТО и Европейском движении, причём последнее получало существенную финансовую помощь от ЦРУ), в которую вошла бы объединённая Германия. Оно выступало в качестве эмиссара достижений американской культуры и работало над искоренением негативных стереотипов, распространённых в Европе, особенно во Франции, о якобы культурной бедности Америки. Также оно отвечало на негативную критику других аспектов американской демократии, в том числе ситуацию с гражданскими правами.

Люди, выбранные организационным комитетом для того, чтобы вдохнуть жизнь в заново укреплённый Конгресс, в обязательном порядке проходили проверку службой безопасности, как и те, кто был тесно связан с контролирующим аппаратом, а также все будущие сотрудники Конгресса. Представителями ЦРУ были Майкл Джоссельсон и Лоуренс де Новилль. Их потребности обслуживались специально выделенным чиновником, который в течение трёх лет поддерживал связь с равным ему по рангу коллегой в Вашингтоне, в свою очередь, отчитывавшимся перед главой отдела ОМО. Начальник Третьего отдела следил за Конгрессом. Он подчинялся

[208] Tom Braden. Tm Glad the CIA is Immoral, Saturday Evening Post, 20 May 1967.

заместителю начальника отдела ОМО и начальнику отдела (Брейдену). По мере роста Конгресса назначались дополнительные сотрудники Управления для того, чтобы следить за его финансами и деятельностью. То, что Кёстлер первоначально задумывал как «маленькую, скромную операцию в стиле Вилли Мюнценберга» с «небольшим количеством денег, крошечным персоналом и отсутствием Коминформа за нашими спинами» [209], теперь стало ресурсом одного из самых быстрорастущих подразделений ЦРУ [210].

Верный своим методам Брейден решил вести операцию QKOPERA за рамками дозволенного и с этой целью попросил Новилля ничего не говорить о своей деятельности Роберту Тэйеру (Robert Thayer), человеку Уизнера, управлявшему французским подразделением. Минуя Брейдена, Аллен Даллес дал указание Новиллю «держаться рядом с Ирвингом Брауном и выяснять, что тот делает»; Новилль вскоре доложил Даллесу, что это «было почти невозможно, поскольку он работал так, как будто это была его личная операция, и никогда не говорил, что он делал» [211]. Неудивительно, что Даллес, Уизнер и Брейден так никогда и не приобрели репутацию хороших управляющих.

Джоссельсон и Новилль быстро организовали подразделение в Париже и разобрались с «хозяйством», как называли в Управлении внутреннюю структуру, общую для любой деятельности на передовой линии.

Пока они занимались оборудованием помещений, Набоков прибыл из Нью-Йорка для того, чтобы занять свой пост генерального секретаря, разместившись с Патрисией Блейк в небольшой квартире на улице д'Ассас, с видом на Люксембургский сад. «В Западном мире не существовало современных прецедентов и моделей, - писал он об организации, которую теперь представлял. - Никто раньше не пытался мобилизовать интеллектуалов и деятелей искусства в масштабе всего мира для целей борьбы в идеологической войне против угнетателей умов и для защиты того, что называли избитым термином «наше культурное наследие». Такой вид идеологической войны до сих пор был уделом сталинистов и нацистов...

Вести рациональную, холодную как лёд и решительную интеллектуальную войну против сталинизма, не попадая в манихейскую ловушку фальшивой правды, представлялось существенным для меня,

---

[209]Arthur Koestler to Bertrand Russell. 1950. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.

[210]Другие руководители подразделения несли ответственность за разрастающуюся группу организаций прикрытия Отдела по международным организациям, которую Брейден противопоставил изолированности СССР. Он ответил Международной ассоциации демократических адвокатов, которую поддерживали коммунисты, созданием Международной комиссии юристов; ответом на Всемирный совет мира был Национальный комитет за свободную Европу; Международной женской демократической федерации, которую поддерживали коммунисты, конкуренцию составил Международный комитет женщин; Международный союз студентов обрел конкурента в виде курируемой ЦРУ Национальной студенческой ассоциации; Всемирная федерация демократической молодежи была вынуждена конкурировать с Всемирной ассамблеей молодежи; Международная организация журналистов — с Международной федерацией свободных журналистов; Всемирная федерация профсоюзов — с Международной федерацией свободных профсоюзов.

[211]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.

особенно в то время, когда в Америке эта идеологическая война становилась сценически истеричной и крестоносно параноидальной» [212].

С энергией и энтузиазмом, которые редко его покидали, Набоков набросился на новую работу в качестве импрессарио культурной холодной войны.

В мае Конгресс «представил» особо ценного культурного перебежчика на пресс-конференции в Париже - молодого культурного атташе посольства Польши, поэта и переводчика «Пустоши» Чеслава Милоша (Czeslaw Milosz).

Он был членом польской делегации на конференции в «Вальдорф Астории» в 1949 году, и там, по словам Мэри Маккарти, после его «первого знакомства с демократическими левыми он просто влюбился в нас». Виртуозно организованное Набоковым появление Милоша на стороне «ангелов» было одним из первых больших успехов Конгресса.

Вскоре после этого Набоков в сопровождении Дени де Ружмона отправился в Брюссель, для того чтобы присутствовать на ужине, устроенном журналом «Синтез». Затем он поспешно вернулся назад для содействия работе «Друзей свободы», своего рода клуба при Конгрессе, который занимался организацией встреч французских студенческих групп по всей стране и в Доме молодых друзей свободы в Париже. В середине июня Набоков снова был в пути, на этот раз направляясь в Берлин, где он должен был читать лекцию на тему «Искусство при тоталитарной системе». «Для меня, конечно же, это не «лекционный тур», - писал он Джеймсу Бэрнхаму, - но мой первый контакт с полем деятельности в Германии» [213].

Это была первая из многих подобных разведывательных экспедиций, предпринятых руководителями Конгресса, после которых растущие как грибы филиалы появились не только в Европе (Западной Германии, Великобритании, Швеции, Дании, Исландии), но и на других континентах - в Японии, Индии, Аргентине, Чили, Австралии, Ливане, Мексике, Перу, Уругвае, Колумбии, Бразилии и Пакистане.

Вернувшись в Париж, Набоков сыграл важную роль в выпуске первого журнала «Прев» (Preuves; доказательство, свидетельство). Идея создания культурно-политического журнала в традициях великой французской прессы впервые обсуждалась в феврале 1951 года на заседании Исполнительного комитета в Версале. Нужен был журнал, который мог бы конкурировать с «Ле Тан Модерн» и поощрять людей к дезертирству из этой крепости Сартра. «Кто был реальным антагонистом? - позже задавался вопросом один историк. - Это был не Советский Союз и не Москва. Они были реально одержимы Сартром и де Бовуар. Вот кто был другой стороной» [214]. «Целью были интеллектуалы с левого берега Сены, - подтверждает источник в Конгрессе. - Или может быть, целью были люди, которые их слушали» [215].

---

[212]Nicolas Nabokov. Bagazh.
[213]Nicolas Nabokov to James Burnham. 6 June 1951 (CCF/CHI).
[214]Carol Brightman. Interview, New York, June 1994.
[215]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

Но найти редактора, который имел бы достаточно высокий авторитет, чтобы заманить этих попутчиков в более центристское окружение, оказалось нелёгким делом. К июню 1951 года Набоков был на грани отчаяния и рассказывал в письме Бэрнхаму, что «проблема французского журнала заставляет меня не спать ночами, так трудно найти кого-то такого же масштаба, как Арон или Камю, кто согласился бы взять на себя обязанности редактора... трудность состоит в том, что хотя люди много говорят об ответственности, никто не хочет брать на себя обязательства. Существует какая-то усталость и апатия, или, скорее, усталость висит в воздухе, с чем ежедневно приходится бороться» [216].

Потерпев неудачу в привлечении французского редактора, Исполнительный комитет решил предоставить этот пост Франсуа Бонди, швейцарскому писателю, родным языком которого был немецкий и который являлся активистом коммунистической партии до заключения пакта между Гитлером и Сталиным в 1939 году. Будучи ключевой фигурой, назначенной в секретариат Конгресса в 1950 году (в качестве редакционного директора), Бонди сотрудничал с журналом «Монат» Мелвина Ласки, который называл его «образцовым редакционным советником нашего времени». Первый выпуск «Прев» под редакцией Бонди вышел в октябре 1951 года. Ставящий целью установление атлантического, антинейтралистского и проамериканского консенсуса, «Прев», разумеется, был печатным органом Конгресса, его рупором, а также рекламой его деятельности и программы. В таком статусе он сразу же столкнулся с тем, что Мане Спербер (Manes Sperber) назвал «практически тотальной враждебностью», но Бонди стойко отражал яростные атаки как слева, так и справа [217].

На первых порах Конгресс воспринимался с почти всеобщим подозрением. Активисты, поддерживающие его, убеждали себя в том, что эти подозрения являлись просто порождениями антиамериканских настроений, которые были в моде в то время; те, кто оказался неспособен на это, просто подавляли свои подозрения. Однако недоброжелатели использовали любую возможность для того, чтобы подвергнуть сомнению легитимность Конгресса в качестве свободной и независимой организации. То, что он смог пережить эти нападки, является признаком отчаянного упорства тех, кто (как внутри, так и снаружи) верил в его предназначение. Когда Жорж Альтман, редактор «Фран-Тирёр», и Франсуа Бонди прибыли в Рим в конце 1950 года для организации итальянского филиала, их постоянно спрашивали: «Кто платит за всё это?», «Под «свободой» вы имеете в виду американский капитализм?».

Наблюдатели от коммунистов, казалось, присутствовали на большинстве встреч, и многие итальянские интеллектуалы явно были подвержены «тоталитарному соблазну». А такие, как Альберто Моравиа (Alberto Moravia), по сообщениям, были больше обеспокоены неофашизмом, чем коммунизмом.

---

[216]Nicolas Nabokov to James Burnham. 27 June 1951 (CCF/CHI).
[217]Peter Coleman. Цит. произв.

В своём отчёте Джоссельсону Бонди и Альтман подчёркивали провинциальность и антиамериканские настроения итальянских интеллектуалов. В Италии для Конгресса существовали «большие возможности», но они могли вызреть только в результате «медленной, непрямой, диверсифицированной и крайне осторожной работы» [218].

Итальянская Ассоциация за свободу культуры была организована в конце 1951 года под руководством Игнацио Силоне и стала центром федерации, включавшей в себя около ста независимых культурных групп, которым Ассоциация направляла лекторов, книги, брошюры, фильмы и вместе с ними дух интернационализма. Она выпускала бюллетень «Либерта делла Культура» (Liberia della Cultura), а позже «Темпо Пресенте» (Tempo Presente) под редакцией Силоне и Никола Кьяромонте. Но итальянский филиал начал разваливаться сразу после учреждения.

Набоков прибыл в Рим для того, чтобы проталкивать интересы Конгресса, однако, как Бонди и Альтман до него, обнаружил апатию интеллектуалов, слишком охотно ловящих «любопытные слухи» о Конгрессе. Жалуясь Ирвингу Брауну на «летаргию в духе Силоне в нашем итальянском подразделении», Набоков говорил, что нужны радикальные меры, чтобы влить кровь в итальянский «аппарат». «Силоне невидимо царствует на небесах и не даёт ребятам в офисе делать свою работу. Я написал ему два письма, послал телеграмму, чтобы попросить его отлучиться надень от своих летних каникул и встретиться со мной здесь, в Риме, но он так и не ответил. Я встречаюсь с десятками людей каждый день, большинство из них готовы вступить, работать, помогать (включая Моравиа), но все говорят, что пока Силоне является здесь единоличным хозяином, никто ничего не сможет сделать», - жаловался Набоков [219]. Обеспокоенный донкихотским, воинственным и надменным отношением Силоне к церкви, Набоков также обращался к Жаку Маритену и просил его написать «большое письмо властям Ватикана», чтобы объяснить, что Конгресс за свободу культуры и итальянская Ассоциация ведут «разную политику» [220].

Набоков также отправился в Лондон, чтобы поддержать британский филиал - Британское общество за свободу культуры (British Society for Cultural Freedom), основанное в январе 1950 года при Обществе писателей в Уайтхолл-Корт. Встретившись с Т.С. Элиотом, Исайей Берлином, лордом Дэвидом Сесилом (David Cecil), главами Британского совета, представителями Третьей программы Би-би-си и Ричардом Кроссманом, который теперь был генеральным секретарём лейбористской партии, Набоков смог доложить в Париж, что у Конгресса есть могущественные союзники в Англии. Отдельно он сказал Бэрнхаму, что «многие британские интеллектуалы считают наш Конгресс полуподпольной американской

---

[218]Francois Bondyand Georges Altman to Michael Josselson. October 1950 (IB/GMC).
[219]Nicolas Nabokov to Irving Brown. 3 September 1951 (IB/GMC).
[220]Были веские причины для того, чтобы попытаться затушить антиклерикальный шум итальянской организации. В это время Лоуренс де Новилль принимал участие в чрезвычайно деликатных дискуссиях с Ватиканом, что являлось частью инициативы ЦРУ по созданию католических профсоюзов по всей Европе в противовес группам рабочих, которые состояли по большей части из коммунистов.

организацией, контролируемой вами… я полагаю, наши постоянные усилия должны быть направлены на то, чтобы доказать европейским интеллектуалам, что Конгресс за свободу культуры не является агентством американских спецслужб» [221].

Используя язык, к которому обычно прибегали «осведомлённые» сотрудники разведывательных служб, Набоков просил Бэрнхама сообщить «нашим друзьям в Америке фундаментальный парадокс местной ситуации: у нас, возможно, осталось мало времени, но мы должны работать, как будто у нас есть всё время на свете. Процесс трансформации операции «Конгресс» в широкий и мощный фронт противостояния тоталитаризму займёт много времени и, я боюсь, много денег» [222].

[221]Nicolas Nabokov to James Burnham. 6 June 1951 (CCF/CHI).
[222]Там же.

7. «Сладости»

«Мы не могли это всё потратить. Я помню, как однажды встречался с Уизнером и финансовым инспектором. «Боже мой, - сказал я, - как мы сможем это потратить?» Не было никаких ограничений, и никто не должен был отчитываться. Это было удивительно». Гилберт Гринуэй (Gilbert Greenway), агент ЦРУ

Завоевание ниши на конкурентном рынке культуры холодной войны требовало значительных инвестиций. Первоначально Ирвингу Брауну выпала роль выступать в качестве финансового канала для культурных программ ЦРУ.

Том Брейден вспоминал: «Я мог дать пятнадцать, десять, пять тысяч долларов Брауну за один раз, вне бюджета, но я никогда не был на самом деле уверен в том, что он делал с этими деньгами» [223]. Однако это была лишь малая часть того объёма средств, что находились в распоряжении Брауна. Позже Лоуренс де Новилль пояснял: «Суть была во встречном финансировании. Люди не могли сказать в Конгрессе США: посмотрите, что они делают с деньгами налогоплательщиков - потому что это были не наши деньги, а побочный продукт «Плана Маршалла» [224]. Когда «Плана Маршалла» делал первые шаги, было предложено, для того, чтобы выделяемые средства выполняли двойную работу, каждой стране-получателю внести вклад в иностранную помощь, разместив сумму, равную вкладу США, на хранение в своём Центральном банке.

Двустороннее соглашение между этой страной и США позволяло совместно использовать эти фонды, большая часть валютных средств (95%) оставалась законной собственностью правительства страны, в то время как 5% после сдачи на хранение становились собственностью правительства США. Это «встречное финансирование» - секретный фонд в размере около 200 миллионов долларов в год - было выделено для расходов ЦРУ.

В декабре 1950 года заместителем управляющего «Планом Маршалла» был Ричард Бисселл, в 1930-е преподававший экономику в Йельском университете и в Массачусетсом технологическом институте. Однажды Фрэнк Уизнер пригласил Бисселла в свой вашингтонский офис. Бисселл, который лично знал Уизнера по Джорджтауну, описывал его как «очень характерного представителя нашего внутреннего круга людей - государственных служащих верхнего уровня, вовлечённых во многие предприятия правительства, с которыми мы связаны». Бисселл вспоминал: «Он нуждался в деньгах и попросил меня профинансировать тайные операции УКП, выделив скромную сумму от пятипроцентных встречных средств... Ожидал ли кто-либо, что эти средства могут пойти на тайные операции, сказать сложно. Определённо, это была теневая зона. Я был несколько озадачен этой просьбой, так как совсем не имел представления о тайных операциях. Уизнеру пришлось потратить время, чтобы развеять по крайней мере некоторые из моих подозрений, уверяя меня в том, что Гарриман одобрил эти действия. Когда я начал давить на него по поводу

[223]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.
[224]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.

того, как будут использованы эти деньги, он объяснил, что мне не могут этого сказать... Осуществляя «План Маршалла», мы прямо или косвенно имели дело с достаточно большим количеством людей, которые получали финансовую поддержку в рамках первых тайных программ ЦРУ» [225].

В тот период, когда «Планом Маршалла» управлял Гарриман, встречные средства были использованы для субсидирования ответного хода УКП в Международный день сопротивления диктатуре и войне в апреле 1949 года. Они также сыграли решающую роль в выборах в Италии в 1948 году. Теперь Ирвинг Браун мог пополнить свой цэрэушный «фонд для взяток» с помощью «сладостей» «Плана Маршалла». Из множества секретных проектов, финансируемых через Брауна, примерно 200 тысяч долларов (эквивалентные 1,5 миллиона в 1999-м) были предназначены для основных административных расходов Конгресса за свободу культуры в 1951 году. Из них платилось жалованье Франсуа Бонди, Дени де Ружмону, Пьеру Боломе (Pierre Bolomey; протеже Альтмана, назначенный казначеем), администратору и нескольким секретарям. Бонди и де Ружмон получали зарплату в долларах, переводимых Брауном через American Express на счёт в Societe de Banque Suisse в Лозанне. Остальные суммы были выплачены во французских франках.

Ежемесячные расходы на содержание Секретариата в это время составляли около пяти миллионов франков. Браун также финансировал «Друзей свободы» (Les Amisde la Liberie) примерно на ту же сумму. На частный счёт в Германии он положил 40 тысяч немецких марок для местного отделения Конгресса - эта сумма покрывала зарплаты и расходы на содержание офиса. Итальянское отделение получало несколько тысяч долларов в месяц через счёт Кодиньолы Триста (Codignola Trista), редактора журнала «Нуова Италия» (Nuova Italia). Майкл Гудвин (Michael Goodwin), секретарь Британского общества за свободу культуры, имел доступ к ежемесячной субсидии в размере 700 фунтов стерлингов, перечисляемых на его счёт в Вестминстерском банке в отделении парка Сент-Джеймс.

До того как Браун нашёл для Конгресса постоянное помещение на бульваре Хауссмана (Boulevard Haussman), временная штаб-квартира организации размещалась в его номере в отеле «Балтимор» (Hotel Baltimore) на Клебер-авеню (Avenue Kleber). Одна молодая американка, работавшая в отделе труда «Плана Маршалла», как-то вечером зашла без приглашения к Брауну, чтобы чего-нибудь выпить, и заметила список имён с долларовыми суммами напротив, который лежал рядом с телефоном. Браун вышел из комнаты, чтобы приготовить напитки для неожиданной гостьи. Вдруг ей показалось, что в номере есть кто-то ещё. В конце концов, не в силах больше скрываться, из ванной комнаты вышел Майкл Джоссельсон - он спрятался туда, чтобы остаться незамеченным. Диана Додж (Diana Dodge), через два года ставшая женой Джоссельсона, считала эту сцену очень забавной, а сам Джоссельсон был сильно смущён.

Сцена в отеле «Балтимор» демонстрирует наличие множества импровизаций в организации Конгресса за свободу культуры на первых

[225]Richard Bissell. Reflections of a Cold Warrior.

порах его существования. «Вначале все были мотивированы, и мы просто делали то, что считали нужным» [226], - говорил де Новилль. Со временем непредсказуемости стало меньше, поскольку ЦРУ выстроило бюрократический аппарат для контроля над такими операциями и обеспечения руководства. «Проходили различные встречи между несколькими главными фигурами Конгресса, включая Ласки и других, и людьми из Управления, бывшими тогда у власти, - вспоминал Дональд Джеймсон, эксперт ЦРУ по русским делам, который был частично вовлечён в проект QKOPERA. - Обычно в комнате для переговоров находились от десяти до пятнадцати человек. И мы сидели и говорили о том, что должно быть сделано и где; это был очень открытый обмен мнениями. Царил тон, принятый у людей административной вертикали Управления, и я считаю, это было сделано очень мудро. В самом деле, если бы это не было устроено таким образом, люди с другой стороны - со стороны Конгресса - могли бы просто уйти. Полагаю, по крайней мере очень многие из них. Они не были из тех приспособленцев, которые заботятся о сохранении своего положения в Управлении только ради бонусов» [227].

Людьми с другой стороны стола, о которых говорит Джеймсон, были Джоссельсон, Набоков, Ласки, Бонди и время от времени Малкольм Маггеридж, который обеспечивал контакты с британским Департаментом информационных исследований. Это был «аппарат», группа, отобранная для участия в осуществляемом ЦРУ руководстве, несмотря на светский характер своего происхождения, на самом деле предназначенная для проведения той политической линии, которой, как рассчитывал Вашингтон, будет следовать Конгресс. Джеймсон объяснил, как работало их взаимодействие: люди из ЦРУ излагали цели американской внешней политики и, в свою очередь, внимательно выслушивали мнение группы, чей уникальный доступ к интеллектуальным течениям Западной Европы мог облегчить или даже видоизменить методы и аргументы, служащие для формулировки этих целей.

Джоссельсон, несомненно, являлся частью административной вертикали Управления и за свою работу по представлению интересов Конгресса взялся серьёзно. Это было крайне трудное положение, которое требовалось удерживать, и удерживать надёжно. Технически он был подчинён де Новиллю, но тот крайне редко пытался управлять им, если вообще когда-либо пытался.

«Я видел Джоссельсона каждый день или, по крайней мере, каждую неделю, и я ездил в Вашингтон, чтобы выполнить любое его задание, - говорил де Новилль. - Если я был согласен, как обычно и происходило, то старался и помогал. Я видел свою работу в том, чтобы пытаться содействовать развитию Конгресса, слушая таких людей, какДжоссельсон, которые лучше меня знали, как это сделать. Он делал замечательную работу» [228].

---

[226]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.
[227]Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994.
[228]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.

«Джоссельсон - один из невоспетых героев мира, - говорил позже Том Брейден. - Он вёл чрезвычайно активную работу со всеми интеллектуалами Европы, которые соглашались отнюдь не со всем, что выходило за пределы их базовых представлений о свободе, и он носился от встречи к встрече, от человека к человеку, от группы к группе, держал их вместе, всё организовывал, всем поручал что-то делать. Он заслуживает место в истории» [229]. Схожим образом и Артур Шлезингер вспоминал Джоссельсона как «необыкновенного человека», который может «играть на любом инструменте в оркестре».

Но в героическом темпераменте Джоссельсона была и тёмная сторона. Его великое дарование слушать не перебивая время от времени сталкивалось с талантом тех, кто говорил не слушая. «Майк иногда раздражался от всей этой болтовни. Порой ему казалось, что эти люди были слишком вычурными, слишком заумными. Тогда он мог просто закрыть уши руками и сказать: «Хватит! Я не могу больше слушать этого. Давайте просто покончим с этим!» - вспоминал один коллега. - Он был весьма прямолинеен и имел низкую точку кипения - очень быстро раздражался» [230]. Другой осведомлённый член Конгресса считал, что Джоссельсон «почти всегда находился на грани эмоционального взрыва» [231]. Джоссельсон, в своё время насмотревшийся на скандалы, которые закатывала его мать, делал всё, чтобы контролировать свой темперамент. Но избегая конфронтации, он часто нагнетал «чрезвычайно тяжёлую атмосферу», полный тихого гнева и время от времени бросавший своими тёмными глазами пронзительные взгляды. Сорок лет спустя Бен Зонненберг (Ben Sonnenberg), писатель, который имел короткий и неудачный роман с ЦРУ в 1950-х годах, содрогался при воспоминании о тёмной душе Джоссельсона. «Имя Майкла Джоссельсона всё ещё приводит меня в дрожь», - отметил он [232].

Джоссельсон не мог терпеть интеллектуальных колебаний, потому что осознавал безотлагательность своей работы. Поэтому, когда Ирвинг Браун сообщил, что Британское общество за свободу культуры погрязло в разногласиях и внутренних распрях и годилось только для «приёмов и вечеринок с хересом» (один член Общества говорил, что его «основной деятельностью было приглашать знаменитых интеллектуалов на обеды в дорогие рестораны в Сохо), Джоссельсон решил показать британскому филиалу свою власть.

---

[229] Tom Braden. Interview, Virginia, June 1994.
[230] John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.
[231] Walter Laqueur. Anti-Communism Abroad: A Memoir of the Congress for Cultural Freedom, Partisan Review, Spring 1996.
[232] Ben Sonnenberg. Interview, New York, February 1997. После назначения на должность секретаря Британского общества за свободу культуры в конце 1952 г. Джаспер Ридли был вызван в Париж для объяснений, почему он скрыл факт своей принадлежности к коммунистической партии в прошлом. По словам Дианы Джоссельсон, её муж «был вынужден очистить Конгресс через ЦРУ», и это упущение поставило его в «очень глупое» положение перед Вашингтоном. Оценка предъявленных затем обвинений, которую дал Ридли, ужасает: «Набоков спрашивал меня, но Джоссельсон перебивал его вопросы и мои ответы. Он ходил по комнате, неожиданно выкрикивая вопросы и восклицая... он мог бы быть актёром, играющим роль властного и угрожающего советского аппаратчика». Jasper Ridley. Telephone interview, August 1997.

Созданный в январе 1951-го филиал с самого начала был непрочным. Его председатель Стивен Спендер вскоре поссорился с почётным секретарём Майклом Гудвином, и к концу 1951 года Исполнительный комитет распался.

Гудвин как редактор журнала «Двадцатый век» (знаменитый ежемесячник, начавший выходить в 1877-м как «Девятнадцатый век и после» - Nineteenth Century and After) имел важные контакты с Парижским отделением, которое спасло журнал от закрытия в начале 1951 года, заплатив недовольному арендодателю и профинансировав переезд в новый офис на улице Генриетты (Henrietta Street), который стал также штаб-квартирой Британского общества. В августе 1951 года «Двадцатому веку» были даны две срочные субсидии в две тысячи долларов и 700 фунтов стерлингов для оплаты огромных счетов за печать и бумагу, плюс ещё ежемесячная субсидия в размере 150 фунтов для «того, чтобы журнал смог покрывать ежемесячный дефицит». Гудвин, который позднее стал директором по фильмам и спектаклям на Би-би-си, не только предоставил Джоссельсону средство для реализации его намерений в Англии в виде «Двадцатого века», но и обеспечил полезную связь с теми, кто пытался вести в Британии тайную культурную пропаганду: он работал по контракту на Департамент информационных исследований.

Джоссельсон субсидировал журнал Гудвина, рассчитывая на то, что «Двадцатый век» займётся опровержением позиций журналов «Нью Стейтсмен» (New Statesman) и «Нейшн» (The Nation). Гудвин подтверждал в письме в январе 1952 года, что кампания наращивала обороты, сообщая, как «Двадцатый век» «обрушивает непрерывный огонь комментариев на различные темы {в «Нью Стейтсмен»), достигая критикой систематического разрушения их положений». Хорошей мерой, добавлял он, была бы подготовка к подрыву позиций «Совьет Стадис» (Soviet Studies), выходящего в Глазго ежеквартальника, «который, вероятно, является главным источником сталинистской апологетики в этой стране» [233].

Но Джоссельсон никогда не был полностью доволен «Двадцатым веком».

«В журнале не было жизни. Он не был верным средством», - отметила жена Майкла Джоссельсона Диана [234]. Атака Гудвина на «Нью Стейтсмен» прошла успешно, но его журнал не сделал всего необходимого для решения проблем, указанных Набоковым в письме от 19 декабря 1951 года, в котором тот сообщал о «сильном недовольстве» Международного исполнительного комитета.

«Мистер Спендер предложит вам и вашему редакционному совету срочные и важные изменения, которые полностью одобрили Ирвинг Браун, де Ружмон и я», - со строгостью писал Набоков [235]. Эти изменения должны быть осуществлены немедленно, добавил он, иначе поддержка Конгресса может прекратиться.

---

[233]Michael Goodwin to Nicolas Nabokov. 15 January 1952 (CCF/CHI).
[234]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.
[235]Nicolas Nabokov to Michael Goodwin. 19 December 1951 (CCF/CHI).

Гудвин резко ответил на это в письме от 31 декабря: «Ни для кого не будет пользы, если журнал перестанет быть независимым... {журналу) должно быть позволено работать свободно, без того, чтобы его «дёргали за верёвочки» [236].

У Гудвина дела шли всё хуже и хуже. В январе 1952 года Спендер, отправивший ему короткое письмо об отставке, находился в самом центре процесса, который выглядел как переворот по свержению Гудвина с поста секретаря Британского общества. Спендер в пику Гудвину сам ушёл в отставку за несколько недель до этого, вместе с Вудро Уайаттом (Woodrow Wyatt) и Джулианом Эймери, и сказал Набокову, что едет в Париж, чтобы там объяснить причины своего поступка. Там он убедил внутренний круг Конгресса в том, что британский филиал не может нормально функционировать под руководством Гудвина, и получил указания о его отставке, которые сейчас же отправил Гудвину. Гудвин, в свою очередь, обвинил Спендера в увольнении Уайатта и призвал Набокова держать Спендера «в пределах допустимого». Но Гудвин всё же вынужден был уйти в отставку. Спендер вернулся в Исполнительный комитет, который теперь находился под контролем Малкольма Маггериджа и Фредрика Уорбурга (Fredric Warburg), с Тоско Файвелом (Tosco Fyvel), «плетущимся в хвосте как составляющая часть троицы». Для человека, который постоянно характеризовался как бесцветная и безобидная личность, Спендер проявил твёрдую решимость получить то, чего он хотел от этой ситуации [237].

У.Х. Оден называл его «святым дураком из романов Достоевского» и «пародией на Парсифаля». Ишервуд (Isherwood) отзывался о нём как о «сугубо комичном персонаже», который открыл истину через фарс. Другие находили в нём «судорожную бестолковость» (Йен Гамильтон - Ian Hamilton) или «непрочный ум, смутный, сумеречный, подёрнутый дымкой», в котором «ничто не имеет чётких очертаний» (Вирджиния Вулф - Virjinia Woolf). В жизни, полной противоречий и неопределённости, Спендер выработал в себе талант скрываться за этим сомнительным ореолом.

Отставка Гудвина была ударом для Джоссельсона, который вместе с ним потерял прямой контакт с Департаментом информационных исследований (ДИИ). Но ДИИ вскоре восполнил этот недостаток, введя своего человека - Джона Клюза (John Clews) в состав Британского общества в качестве генерального секретаря. Вскоре Клюз стал использовать своё положение для распространения материалов ДИИ. Он писал Набокову в июне 1952 года, что у него был «долгий разговор с Ханной Арендт (Hannah Arendt), и я познакомил её с одним или двумя нашими экспертами из Министерства иностранных дел, чтобы обеспечить её материалами, необходимыми для новой книги... Если Вам известны ещё какие-либо люди, находящиеся здесь и желающие приобрести такие же знакомства, как и

---

[236]Michael Goodwin to Nicolas Nabokov. 31 December 1951 (CCF/CHI).

[237]Джаспер Ридли вспоминал Спендера, который отличался вопиющей враждебностью. Навещая его примерно в это время, чтобы обсудить некоторые дела, связанные с Британским обществом за свободу культуры, он застал Спендера настроенным враждебно, а его жену Наташу Литвин — ещё более; «она продолжала играть на пианино, даже не приветствуя меня и не обернувшись». Jasper Ridley. Telephone interview, August 1997.

доктор Арендт, просто дайте мне знать, и я устрою это» [238]. Клюз также отправил материалы Джоссельсону, напомнив ему (как будто в этом была необходимость), что документы могут быть свободно использованы, «но их источник не должен стать известным».

С назначением Клюза проблемы Британского общества, казалось, временно разрешились. Тоско Файвел, редактор «Трибьюн» (Tribune), и ключевые члены руководящего комитета Конгресса согласились «поддерживать тщательное наблюдение за положением дел в Лондоне». Но Джоссельсон всё ещё не был удовлетворён. Публичная критика Конгресса Хью Тревором-Роупером после его торжественного открытия в Берлине оставила в наследство подозрения, и многие британские интеллектуалы не желали отождествлять себя с организацией, чьё реальное происхождение виделось им сомнительным.

Проблема была в том, что казалось, будто рука американского правительства протягивается к их пирогу. «Мы шутили об этом, - рассказывал один из сотрудников Британского общества за свободу культуры. - Мы приглашали друзей на обед, а когда они предлагали заплатить, мы говорили: «О, нет, не беспокойтесь, платят американские налогоплательщики!» [239]. Многих нужно было убеждать в привлекательности таких соблазнов.

[238]John Clews to Nicolas Nabokov. 27 June 1952 (CCF/CHI).
[239]Jasper Ridley. Telephone interview, August 1997.

8. Американский праздник

«Дорогостоящая затея Эйзенхауэра...» Элизабет Бишоп (Elizabeth Bishop)

В начале 1951 года Набоков отправил Ирвингу Брауну конфиденциальное письмо, в котором изложил план проведения масштабного фестиваля искусств. Используя нескладные синтаксические конструкции (английский Набокова никогда не отличался изысканной стилистикой и безупречной грамматикой, что с полной уверенностью можно сказать о Джоссельсоне), он объяснил, что его цель заключалась в налаживании «первого тесного сотрудничества передовых американских творческих организаций в Европе с европейскими аналогами, а также с представителями американской и европейской индустрии искусств на условиях полного равенства.

Оно призвано оказать самое благотворное влияние на все области культурной жизни в свободном мире, поскольку направлено на демонстрацию культурной солидарности и независимости европейской и американской цивилизаций. В случае успешного проведения оно поможет разрушить тлетворный европейский миф (успешно поддерживаемый сталинистами) о неполноценности американской культуры. Это будет вызов со стороны культуры свободного мира бескультурью тоталитарного мира, источником мужества и «морали возрождения», в частности для французских интеллектуалов, поскольку придаёт смысл и целенаправленность неорганизованной и разобщённой культурной жизни Франции и большей части Европы» [240].

Реакция Брауна на эту затею была нерешительной, впрочем, как и реакция де Новилля и Ласки. Набокову пришлось использовать всю силу своего убеждения, чтобы получить одобрение, а также огромные суммы денег, необходимые для проведения «фестиваля мечты». Ласки всегда чувствовал себя некомфортно рядом с Набоковым, которого он презрительно называл «денди революции»: «Такие люди, как Ники, абсолютно потеряли рассудок от фейерверков, побрякушек и кутерьмы». Ласки, будучи идеологом Сити-колледжа (City College), с трудом принимал уникальный бренд аристократичного богемианизма Набокова. Однако даже он не мог не признать, что план Набокова по «внесению нотки экстравагантности, живости, созданию рекламной шумихи, распространению пропаганды, запуску фейерверков и элементов Масленицы либо использованию чего-нибудь другого, что может расшевелить публику, и не только продемонстрировать мрачных и напыщенных очкариков-интеллектуалов, преисполненных собственной важности, а любящих повеселиться эстетов», может принести «позитивные результаты» [241].

Реакция Тома Брейдена, руководителя Отдела международных организаций (Intarnational Organizations Division), была более оптимистичной. Заявление Набокова о том, что «никакую идеологическую полемику в отношении состоятельности и смысловой наполненности нашей

[240] Nicolas Nabokov to Irving Brown. Undated, 1951 (IB/GMC).
[241] Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.

культуры нельзя сравнивать с продуктами этой культуры как таковыми» [242], сразу же нашло отзыв у Брейдена, который не так давно смотрел в Варшаве пьесу, поставленную под покровительством Государственного департамента, и нашёл её «отвратительной, как и другие, ей подобные. Она не впечатлит публику в Ватерлоо, Миннесоте, не говоря уже о Париже. Как оказалось, Государственный департамент был совершенно некомпетентным? Его сотрудники не были специалистами в этой области, не умели в полной мере использовать имеющиеся ресурсы, и всё, что они делали, было третьего или даже четвёртого сорта» [243].

За несколькими заслуживающими внимания исключениями (например, выставка Фрэнка Ллойда Райта, которая прошла в разных городах Европы в 1951-1952 гг.), этот приговор культурным инициативам Государственного департамента был обоснованным. Разве можно кого-либо впечатлить, выставляя в витринах с целью прославления американского образа жизни «изделия из нейлона, произведённые в Соединенных Штатах Америки»? И была ли «простота и невинность» певиц камерного хора колледжа Смита с их «свежим очарованием и белыми нарядами» достаточной, чтобы убедить французскую публику в том, что культурный центр сместился в Америку? [244] «Кто пойдёт на фотовыставку, прославляющую Америку? - задавался вопросом Том Брейден. - Я считаю всё это белибердой. Если вы собираетесь чего-либо достичь, показывайте лучшее. Мы с Алом (Алленом Даллесом) понимаем это. Это звучит несколько высокомерно, но так и есть на самом деле. Мы понимаем. Мы кое-что понимаем в музыке и искусстве, чего нельзя сказать о Государственном департаменте» [245].

Брейден, кроме того, ссылался на статью «Нью-Йорк Таймс», которая содержала критику «недальновидной американской недооценки важности культурного наступления», отметив при этом, что Советский Союз потратил на пропаганду только в одной Франции больше, нежели США во всём мире.

Америке следовало предпринять более масштабные и эффективные действия для перехода к решительному наступлению в культурной борьбе. План Набокова предполагал достижение этих целей, и уже в конце апреля 1951 года Брейден смог получить разрешение Совета Центрального разведывательного управления по вопросам проектов на проведение фестиваля.

15 мая 1951 года Исполнительный комитет Конгресса за свободу культуры поручил Набокову как генеральному секретарю Международного секретариата реализовать свой план. Набоков немедленно приобрёл авиабилет первого класса в США и остановился сначала в Голливуде, для того чтобы повидаться со «старым другом» Игорем Стравинским. Стравинский (подобно Шёнбергу, Томасу Манну и в некоторой степени Бертольту Брехту - Bertolt Brecht) был одним из «гениев высокой культуры,

---

[242] Nicolas Nabokov to Irving Brown. Undated, 1951 (CCF/CHI).
[243] Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.
[244]Thomas Jennings. Public Affairs Officer, American Consulate, Marseilles, to State Department, Report on concerts of Smith College Chamber Singers in southern France, 11 August 1952 (SD. CA/RG59/NARA).
[245]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.

оставивших Европу, чтобы жить почти инкогнито среди лимонных деревьев, отдыхающей публики, архитектуры в силе нео-Бухауз (neo-Bauhaus) и фантастических гамбургеров» Южной Калифорнии [246]. В этой живописной среде Стравинский встретился со своим «беглым» русским другом и пообещал ему принять участие в фестивале. Набоков достаточно долго оставался в Тинсельтауне (Tinseltown), чтобы встретиться с Хосе Феррером (Jose Ferrer), который был поражён планом Набокова и позже пригласил его вернуться в Голливуд, отметив, что это лучшее место для привлечения средств и он, Феррер, сделает всё возможное для содействия в этом вопросе.

После головокружительной поездки в Америку Набоков возвратился в Европу, получив обещания от старых и новых знакомых посетить фестиваль, проведение которого было запланировано на апрель 1952 года. Игорь Стравинский, Леонтина Прайс (Leontyne Price), Аарон Копланд, Самюэл Барбер, Нью-Йоркский балет, Бостонский симфонический оркестр, Нью-Йоркский музей современного искусства, Джеймс Т. Фаррелл, У.Х. Оден, Гертруда Штайн (Gertrude Stein), Вирджил Томсон, Аллен Тейт (Allen Tate), Гленвей Весткотт (Glenway Westcott) - все они персонально или их работы должны были быть представлены в программе Набокова. Возвратившись в Европу, он объявил, что Жан Кокто, Клод Дебюсси (Claude Debussy), Вильям Уолтон (William Walton), Лоренс Оливер (Laurence Olivier), Бенджамин Бриттер (Benjamin Britten), Венская опера, Опера Ковент-Гарден, труппа Баланчина, Чеслав Милош, Игнацио Силоне, Дени де Ружмон, Андре Мальро, Сальвадор де Мадариагаи Гвидо Пьовене также согласились принять участие в фестивале.

Поскольку по призванию Набоков был композитором, неудивительно, что значительная часть фестиваля была посвящена музыкальным произведениям. Таким образом Набоков хотел объединить силы всех выдающихся композиторов в борьбе со сталинизмом в искусстве. В соответствии с его замыслом «политический, культурный и моральный контекст фестиваля и его программы не должен был быть очевидным. Публика должна была самостоятельно прийти к логическим заключениям. Практически все работы, которые предстояло включить в программу, относились сталинистами и советскими эстетами к категории «формальных, декадентских и коррупционных», включая произведения русских композиторов (Прокофьева, Шостаковича), Скрябина и Стравинского {так в оригинале)» [247]. Сцена в «Вальдорфе», где Набоков призвал Шостаковича выступить против нападок сталинизма на музыку, должна была усилить этот эффект.

Грандиозные планы Набокова бросили первый серьёзный вызов недавно возникшей машине культурной пропаганды ЦРУ. Они предполагали серьёзную проверку организационных способностей и возможностей по привлечению средств недавно созданного Брейденом Отдела международных организаций. Американский комитет за свободу культуры в Нью-Йорке открыл «счёт для финансирования фестиваля», предназначенный для отмывания средств в интересах ЦРУ и

[246]Susan Sontag. Pilgrimage, The New Yorker, 21 December 1987.
[247]Nicolas Nabokov to Irving Brown. Undated, 1951 (IB/GMC).

Государственного департамента. Деньги проходили через Фонд Фарфилда (Farfield Foundation), подставную посредническую организацию, специально созданную ЦРУ для сбора средств на проведение фестиваля. Позже, принимая во внимание практическое значение, он превратился в основной канал для проводки субсидий Управления через Конгресс.

Финансовая поддержка британской части фестиваля была обеспечена благодаря переговорам между Департаментом информационных исследований и Вудро Уайаттом, который, будучи близким другом министра финансов г-на Гайтскелла (Gaitskell), пообещал отыскать средства.

Отдел международных организаций, во главе которого стоял Брейден, принимал непосредственное участие и в переговорах с Бостонским симфоническим оркестром. Набокову удалось заинтересовать своего старого друга Шарля Мюнша (Charles Munch), художественного руководителя оркестра.

Однако существовали определённые проблемы. Одни только расходы на переезд оркестра, по словам Набокова, были «огромными». Время проведения фестиваля приходилось на чрезвычайно прибыльный сезон популярной музыки, в связи с чем могли возникнуть трудности, связанные с доходами.

Однако Брейден не мог отказаться от участия лучшего симфонического оркестра в Америке, в связи с чем обратился к Чарлзу Дугласу Джексону, непреклонному стороннику холодной войны, который на этот период взял отпуск в «Тайм-Лайф» для участия в избирательной кампании Эйзенхауэра.

Джексон, известный под псевдонимом C.D., был, кроме того, попечителем Бостонского симфонического оркестра. Вместе с Юлиусом Флейшманом (Julius Fleischmann), президентом Фонда Фарвилда и покровителем фестиваля, C.D. отправил оркестру официальное приглашение. Формально он действовал от имени Конгресса за свободу культуры, а на самом деле представляли интересы ЦРУ, которое уже выделило 130 тысяч долларов США для оплаты затрат, связанных с поездкой (в качестве пожертвования от известных частных лиц и организаций). Участие оркестра было обеспечено.

Фестиваль «Шедевры XX века» (Oeuvre du Vingtieme Siecle) открылся 1 апреля 1952 года с произведения «Весна священная» (The Rite of Spring) в исполнении Бостонского симфонического оркестра, дирижёром которого был Пьер Монтё (Pierre Monteux), руководивший оркестром уже 39 лет. Это было великолепное зрелище, наполненное музыкой Стравинского, на котором присутствовали лично президент Франции Венсан Ориоль (Vincent Auriol) с супругой. В течение последующих 30 дней благодаря Конгрессу за свободу культуры на Париж обрушились сотни симфоний, концертов, опер и балетов, созданных 70 композиторами XX века. Публика увидела представления девяти оркестров, включая Бостонский симфонический оркестр, Венскую филармонию, Оркестр PIAC Западного Берлина (финансируемый за счёт средств участников «Плана Маршалла»), Женевский оркестр Романдской Швейцарии, Римский оркестр

Национальной академии Санта-Чечилия, Французское национальное радио (National Radiodiffusion Fransaise).

«Гвоздём программы» были те композиторы, которые подвергались преследованиям со стороны Гитлера или Сталина: например, Альбан Берг (Alban Berg) «имел честь» быть запрещённым обоими. На фестивале были представлены произведения австрийца по происхождению Арнольда Шёнберга, которого в 1933 году выселили из Германии как еврея и композитора «декадентской музыки» (советские критики также характеризовали его музыку как «неэстетичную», «негармоничную», «хаотичную» и «бессодержательную»); Пауля Хиндемита, ещё одного беженца из фашистской Германии, высмеиваемого сталинистами за создание целой школы «графического прямолинейного псевдоконтрапункта», которой слепо подражала большая часть псевдомодернистов Европы и Америки; Клода Дебюсси, чьё «древо импрессионизма» породило «цветы зла модернизма» (fleurs du mal of modernism), как их окрестил журнал «Советская музыка».

Кроме того, чтобы продемонстрировать «творческое развитие нашей эпохи», были представлены работы Сэмюэла Барбера, Уильяма Уолтона, Густава Малера (Gustav Mahler), Эрика Сати (Erik Satie), Белы Бартока (Bela Bartok), Ейтора Виллы-Лобоса (Heitor Villa-Lobos), Ильдебрандо Пиццетти (Ildebrando Pizzetti), Витторио Риети (Vittorio Rieti), Джанфранко Малипьеро (Gianfranco Malipiero), Жоржа Орика (Georges Auric), которых Дариус Мийо (Darius Milhaud) в «Советской музыке» характеризовал как «услужливых угодников» снобистских буржуазных вкусов капиталистического города.

Артур Хоннегер (Arthur Honegger), Жан Франсуа (Jean Fransaix), Анри Core (Henri Sauguet), Франсис Пуленк (Francis Poulenc) и Аарон Копланд вместе с психиатрами Фрейдом (Freud) и Борнайггом (Borneigg), философом Бергсоном (Bergson) и «гангстерами» Реймондом Мортимером (Raymond Mortimer) и Бертраном Расселом имели репутацию ложных авторитетов, на которых не следовало ссылаться советским музыковедам и критикам. Стравинский, покинувший Париж в 1939 году, написал произведение «Царь Эдип» (Oedipus Rex), для которого Жан Кокто создал хореографическую постановку. (Американский комитет за свободу культуры в последнюю минуту призвал Кокто отказаться от участия в программе фестиваля. Набокову позвонили 9 апреля 1952 года и сообщили, что в соответствии с недавно поступившими сведениями Кокто «подписал прокоммунистический документ, содержащий протест в связи с вынесением приговора коммунистическим шпионам в Греции. Коммунистическая подоплёка такого акта является настолько очевидной, что его лучше исключить из программы». И Кокто был исключён).

Государственный департамент заплатил Вирджилу Томсону за адаптацию оперы «Четверо святых в трёх действиях» (Four Saints in Three Acts) Гертруды Штайн, в которой дебютировала Леонтина Прайс. Позже Набоков хвастался Артуру Шлезинеру: «Я «открыл» её, поэтому она всегда должна идти мне навстречу, как никому другому». Забавно, но сестра Фрэнка Уизнера Элизабет тоже заявляла о том, что она нашла и

«продвинула» Прайс, которая называла себе «шоколадной сестрой Уизнеров». Обладая великолепным сопрано, Леонтина Прайс на то время имела ещё одно преимущество для спонсоров - она была чернокожей.

15 ноября 1951 года Альберт Доннелли-младший (Albert Donnelly Jr.), который внезапно появился в Американском комитете как секретарь фестиваля (и исчез сразу по его окончании), написал Юлиусу Флейшману: «Среди интересных личностей следует отметить негритянскую певицу Леонтину Прайс, которая, как мне кажется, является протеже Набокова. По-моему, она великолепна. Не могли бы Вы передать господину Набокову, что мы должны её попробовать в «Четырёх святых», я ещё не обсуждал это с Вирджилом Томсоном, но чувствую, что из психологических соображений в «Четырёх святых» должна быть в полной мере задействована эта афроамериканка. Таким образом удастся противостоять пропаганде расизма и избежать любого рода критики относительно того, что мы привлекаем негров из других стран, поскольку не разрешаем петь своим» [248].

Выставка произведений искусства и скульптуры проходила под руководством Джеймса Джонсона Суини (James Johnson Sweeney), художественного критика и бывшего директора Нью-Йоркского музея современного искусства, подписавшего соответствующий контракт. Для этого из американских коллекций были отобраны работы Матисса, Дерена, Сезанна, Серы, Шагала, Кандинского и других мастеров модернизма начала XX века и отправлены 18 апреля в Европу на лайнере с символичным названием «Свобода» (SS Liberte). В своём пресс-релизе Суини заявил, что он не сомневается в пропагандистской значимости мероприятия: поскольку произведения были созданы «во многих странах и в условиях свободного мира», они сами по себе будут свидетельствовать о желании современных художников жить и работать в атмосфере свободы.

Экспонируемые произведения искусств не могли быть созданы либо выставлены для публики в условиях тоталитарных режимов, как, например, в фашистской Германии, сегодняшней Советской России или странах, являющихся их союзниками, поскольку правительства этих стран навесили на большую часть художественных и скульптурных произведений такие ярлыки, как «дегенеративные» или «буржуазные» [249]. Эти произведения должны были представлять своего рода изменённое вырождающееся искусство (Entartekunst), в котором тоталитарные силы ненавидели любые «официальные» проявления искусства. Несмотря на то, что все шедевры были созданы в Европе, факт их принадлежности американским коллекционерам и музеям чётко свидетельствовал о том, что модернизм был возрождён и в будущем продолжит своё шествие по Америке. Выставка

[248] Albert Donnelly Jr. to Julius Fleischmann. 15 November 1951 (ACCF/NYU); Америка могла «отпустить» лишь «правильных» афроамериканцев, но явно не тех, кто угрожал интересам США. Когда его преподобие Адам Клейтон Пауэлл, известный конгрессмен и бывший министр Харлема, объявил, что он собирается посетить Бандунгскую конференцию 1955 г., Ч.Д. Джексон попытался убедить Нельсона Рокфеллера заблокировать его запрос на получение визы на том основании, что «ещё не так давно заигрывания Пауэлла с коммунизмом были достаточно шокирующими». C.D. Jackson to Nelson Rockefeller. 28 March 1955 (CDJ/DDE).

[249] James Johnson Sweeney. Press release, 18 April 1952 (ACCF/NYU).

произведений искусства стала необычайно популярной и, несмотря на критические замечания Герберта Рида о том, что она слишком ретроспективна и на ней представлены произведения искусства XX века как завершённого периода (fait accompli), по словам Альфреда Барра (Alfred Barr), директора Музея современного искусства, привлекла наибольшее число посетителей после окончания войны.

Юлиус Флейшман, мультимиллионер, известный своей скупостью, чувствовал себя в своей стихии, выделяя средства ЦРУ и ставя это себе в заслугу. Его взнос, превысивший 7 тысяч долларов США, позволил перенести выставку в галерею «Тейт», в связи с чем Совет искусств Великобритании выразил свою глубокую признательность и заявил о том, что «успех был ошеломляющим. Более 25 тысяч человек посетили выставку, создавая настоящую давку».

Литературные дебаты были неоднозначными. В них приняли участие Аллен Тейт, Роже Кайлуа (Roger Caillois), Эудженио Монтале (Eugenio Montale), Гвидо Пьовене, Джеймс Т. Фаррелл, Гленвей Весткотт, Уильям Фолкнер, У.Х. Оден, Чеслав Милош, Игнацио Силоне, Дениде Ружмон, Андре Мальро, Сальвадор де Мадариага и Стивен Спендер. Реакция прессы была прохладной.

Критики отметили различия между первоклассными и посредственными авторами и были утомлены многословными речами. Журналист издания Carrefour (в целом доброжелательный, либерально настроенный и разделяющий левые взгляды антисталинист) внимательно выслушал речь Стивена Спендера, однако отметил только его «кирпично-красный цвет лица» и «беспорядочную копну волос». Дени де Ружмон был признан «лучшим за сдержанность, чёткость и умение, с которыми он донёс проблему автора в обществе». Однако речь Гвидо Пьовене была достаточно скованной, как и «его тугой воротник.

Его трудно понять, поэтому публика его почти не слушала... В дверях я столкнулся с итальянским журналистом, который сказал, что уходит, поскольку ему надоело... «Авторы должны писать», - сказал он. Я понял, что это была ещё одна безусловная истина» [250]. Другой критик, сожалея об отсутствии Альбера Камю и Жан-Поля Сартра, отметил, что все остальные присутствующие французские интеллектуалы - Раймонд Арон, Андре Мальро, Рене Таверньe (ReneTavernier), Жюль Моннере (Jules Monneret), Роже Нимье (Roger Nimier), Клод Мориак, Жан Амруш (Jean Amrouche) - разделяли «одинаковые политические взгляды», и слушая их речи, сторонние наблюдатели могли получить ложное представление об «эстетических и моральных концепциях».

Сартр отказался от участия в фестивале, сухо заявив, что не был антикоммунистом в той степени, в какой это представлялось. Присутствуй он там, он бы чувствовал себя как его герой в «Тошноте» (Nausea), а именно - чужим среди счастливой и здравой публики. Герои произведения тратили

[250]Quoted in American Embassy, Paris, report to State Department, Local Press Reaction to Congress for Cultural Freedom, 9 May 1952 (SD. CA/RG59/NARA).

время на объяснения, приходя в радостное возбуждение, когда их мнения совпадали.

В своём романе «Мандарины», в котором под вымышленными именами представлены реальные лица (roman a clef), Симона де Бовуар так описывает свою скуку: «Всегда одни и те же лица, одно и то же окружение, одни и те разговоры, одни и те же проблемы. Чем больше они меняются, тем больше повторяются. В конце концов, вы чувствуете, что медленно умираете, продолжая жить».

В своё время было создано произведение «Бог, обманувший надежды». Похоже, сегодня общественность выбрала бога, который не в состоянии оправдать надежды, - бога антикоммунизма. Безусловно, подход Сартра, которому был присущ эгоистичный антиколлективистский экзистенциализм, не мог ничего предложить участникам фестиваля, рисовавшим в своём воображении прогрессивную культуру, изначально имевшую консенсуальный характер и предполагавшую позитивные отношения между интеллигенцией и слоями общества, которые оказывали ей поддержку. Сартр был врагом не только в связи с его отношением к коммунизму, но и по той причине, что он проповедовал доктрину (или антидоктрину) индивидуализма, которая шла вразрез с федералистской концепцией рода человеческого, продвигавшейся в Америке через такие организации, как Конгресс за свободу культуры (кстати, в Советском Союзе экзистенциализм Сартра также считали чуждым по духу, «тошнотворным и извращённым»).

Американцы были счастливы побывать в Париже. Элизабет Хардвик и Роберт Лоуэлл, которые в то время путешествовали по Европе, «не могли устоять», чтобы не побывать на фестивале, и поведали о том, что все его участники провели «незабываемое время». Жанет Фланнер (Janet Flanner), которая творила под псевдонимом Женет для еженедельника «Нью-Йоркер» (The New Yorker), весь май 1952 года посвятила написанию «Письма из Парижа», касающегося фестиваля. По её словам, во время фестиваля было потрачено столько галлонов французских чернил на написание «придирчивых статей», пережито столько волнений в связи с франко-американскими дебатами и получено такое наслаждение для глаз и ушей, что это мероприятия можно было смело и восторженно назвать необычайно популярным фиаско [251].

Как и большинство других наблюдателей, она назвала литературную конференцию «глупой». «Фолкнер обескураженно мямлил что-то себе под нос, будучи не в состоянии придумать умные ответы на абсурдные темы, поднимаемые Комитетом Конгресса: например, «Изоляция и коммуникация» или «Восстание и коммуна». Единственным «грамотным» французом, который согласился участвовать в мероприятии, был Андре Мальро, действующий помощник генерала де Голля по политическим вопросам, который сказал, что «Америка на сегодняшний день является частью Европы» [252].

[251]Janet Flanner. Letter from Paris, The New Yorker, 20 May 1952.
[252]Janet Flanner. Festival of Free World Arts, Freedom and Union, September 1952.

Американский праздник (cette fete americaine) стал популярной темой, горячо обсуждаемой французами за обеденным столом. Газета некоммунистической направленности с левым уклоном «Комбат» (Combat - «Бой») напечатала ряд статей, подготовленных Ги Дюмюром (Guy Dumur), который пришёл к такому заключению: «Не исключено, что эти культурные развлечения были косвенно связаны с подписанием соглашения о европейской армии и рапортом адмирала Фехтелера (ссылка на отчёт, возможно вымышленный, где адмирал должен быть сообщить Совету национальной безопасности о неизбежности войны до 1960 г.), который, независимо от того, был он правдивым или нет, мог подпитывать антиамериканский миф и вновь разжечь великий европейский страх. Эта вызывающая раздражение помесь шовинизма и комплекса неполноценности по отношению к Америке (о которой французы так мало знали)... как ни странно, но вполне объяснимо, нашла своё отражение в открытом осуждении этой выставки европейских шедевров, которым американцы несколько неуклюже хотели воздать должное» [253].

В другой статье, опубликованной в газете «Комбат», высмеивался «фестиваль НАТО» и порицались громкие презентации этих мероприятий, на которых «были забыты лучшие французские музыканты, возможно, потому что о них никогда не слышали в Алабаме или Айдахо... Но мы сможем переступить через нашу национальную гордость, если за всем этим мероприятием не будет скрываться какая-либо иная цель. Свобода и культура не зависят от воли Конгресса; их основные составляющие - свобода, отсутствие предубеждений и независимость от финансирования... В нашей газете слова «свобода» и «культура» не предполагают каких-либо компромиссов, и мы с осуждением относимся к их использованию в связи с проведением фестиваля. Ценность и интерес этого мероприятия не требует ни «вдохновения» Барнума (Barnum), ни «атлантического» флага» [254].

Первоначальное намерение Набокова скрыть информацию о ресурсах, привлечённых для пропаганды фестиваля, провалилось. Как заявила Жанет Фланнер, «со времён войны это было самое грандиозное мероприятие, которое потребовало максимальных пропагандистских усилий как на частном, так и на государственном уровне, и целью таких усилий была, бесспорно, борьба с коммунизмом». Во Франции, которая устала от предвзятости в искусстве, попытки Конгресса «заарканить» все шедевры XX века и найти им применение на политической арене, вызвали широкое возмущение. В открытом письме организаторам фестиваля известный своей несдержанностью руководитель балетной труппы Парижской оперы Серж Лифар (Serge Lifar) гневно осудил Конгресс за проведение «абсолютно бессмысленной кампании во Франции, направленной против возможного и маловероятного культурного порабощения {со стороны коммунистов)». Очевидно, забыв о вишистском периоде, Лифар заявил, что «Франция - единственная страна, в которой «духовное окультуривание» является немыслимым. Тот, кто знает о долгих годах борьбы за свободу мысли и

[253]Guy Dumur. Combat. Цитата из American Embassy, Paris, report to State Department, Local Press Reaction to Congress for Cultural Freedom, 9 May 1952.
[254]Combat. Там же.

личную независимость, едва ли сможет понять того, кто явился к нам, чтобы потолковать о свободе и покритиковать нашу интеллектуальную деятельность. Уважаемые господа, вы сделали большую ошибку: с точки зрения духовного развития, цивилизации и культуры, Франция не должна интересоваться чьим-либо мнением, она сама вправе давать советы» [255].

«Фран-Тирёр», левоцентристское ежедневное издание, ставило под сомнение право Лифара выступать борцом за интересы Франции, «поскольку он не был для этого достаточно компетентным. Служение искусству нельзя противопоставлять служению целям свободы и поддержания человеческого достоинства, в частности во времена, когда эти цели притесняют (как в период немецкой оккупации, не отбивший у Лифара охоту к бальным танцам)». Это впечатляет. Далее в статье говорилось: «Позвольте нам забыть о политике и пропаганде. Эта мрачная мистификация, направленная на то, чтобы поставить лучшие умы в сфере науки и искусства на службу государства или какого-либо босса, чужда свободному миру, дающему возможность правильно развиваться... Крылья свободы ещё не обрезаны» [256].

«Фран-Тирёр», по всей видимости, выздоровела от «едва прикрытого антиамериканизма», которым страдала ещё несколько лет назад, и с чистым сердцем поддержала фестиваль. Редактором издания был Жорж Альтман, член правления Конгресса. Журнал «Литературный Фигаро» (Figaro Litteraire) также проявил свою благосклонность. В своих статьях он называл фестиваль «блестящим доказательством непредубеждённого служения искусству». Это также не вызывало удивления, учитывая тот факт, что редактором издания был Морис Ноэль (Maurice Noel), друг Раймонда Арона, который, в свою очередь, представил его Конгрессу. Основная газета - «Ле Фигаро» (Le Figaro) была тесно связана с Конгрессом благодаря Бриссону (Brisson), главному редактору, который прошёл «первоклассную подготовку» у Набокова во время многочисленных ланчей.

Со стороны коммунистической прессы Конгресс был подвергнут жёсткой критике. В частности, фестиваль подвергся нападкам «Юманите» (LHumanite) в связи с низменными целями, предполагавшими «содействие идеологической оккупации нашей страны Соединёнными Штатами, чтобы пропитать мозги наших граждан призывами к войне и фашистскими идеями, направленными на вовлечение французских интеллектуалов в «армии культуры» и усиление европейской армии... Культурные обмены станут для американцев средством... расширения возможностей для внедрения, шпионажа и реализации пропагандистских программ, разработанных Бэрнхамом и утверждённых Американским конгрессом посредством так называемых «обеспечительных кредитов»... Известное заявление г-на Генри Люса о том, что «XX век должен в большей степени стать американским», даёт нам настоящее представление о цели мероприятия «Фестиваль XX века» [257]. Сегодня Соединенные Штаты играют ту же роль, что и Рим в отношениях с Грецией. Как написано в одной из статей, опубликованных в

[255]Serge Lifar Там же.
[256]Franc-Tireur. Там же.
[257]L'Humanite. Там же.

газете «Комбат», «новые «адрианцы» уже не являются императорами (и даже президентами): они просто банкиры или производители автомобилей».

Диана Джоссельсон вспоминала Париж этого периода как преисполненный антиамериканизма и пропитанный идеей «Янки, уходите домой!».

В соответствии с общепринятым мнением американцы были ужасны, хотя люди, которые встречались в повседневной жизни, явно не выглядели таковыми. Большинство американцев раздражала это несправедливость в ответ на их широту души. «Если бы я мог себе это позволить, я бы был весьма раздражён европейцами, - признался Ч.Д. Джексон. - Как могут европейцы позволить себе говорить: «Американцы, уходите домой!», когда они тут же заявляют, что если даже одна американская дивизия покинет европейскую землю, это может привести к концу света. Мне это кажется просто глупым и не соответствующим хвалёному логическому складу ума европейцев» [258].

В целом фестиваль Набокова «вывел завязавшиеся франко-американские отношения в области пропаганды на новый болезненный виток» [259]. Де Новилль, который никогда не верил в то, что фестиваль является хорошей идеей, позже сказал, что «эта затея была весьма затратной, хотя, когда её подхватил Вашингтон и нам выделили средства, все стали считать её блестящей.

На самом деле сработал эффект снежного кома. А был ли успех? Тогда чего хотели добиться организаторы? Удалось ли распространить идею культурной свободы? Не знаю. Я считаю, что этот фестиваль был просто прикрытием.

Полагаю, на самом деле его инициатором являлся Флейшман, который покровительствовал всей этой затее. Все усилия были направлены на достижение неоднозначных целей. Мне кажется, что целью организаторов было попросту «выставить напоказ достижения США для того, чтобы продемонстрировать их конкурентоспособность в отношении шедевров европейской культуры», поэтому Вашингтон так загорелся этой идеей» [260].

Мелвин Ласки был беспристрастен. «Бостонский симфонический оркестр обошёлся в копеечку, - пожаловался он (на самом деле общая стоимость пребывания оркестра в Европе составила 166 359 долларов США). - Я думал, что (фестиваль) будет тривиальным. Не важно, знают иностранцы или нет, что американцы могут исполнять музыкальные произведения. Вся эта затея не требовала больших усилий и кучи денег, о которых ходила молва. Всё было достаточно скромно. Поэтому тратить такие суммы на всю эту эффектную шумиху не имело смысла» [261]. «Антиамериканизм во Франции на то время был очевидным, а фестиваль Николая был задуман для того, чтобы противостоять ему. Это несло в себе интригу. Однако преобладала

[258]C.D. Jackson to Klaus Dohrn. 16 August 1956 (CDJ/DDE).
[259]Janet Flanner. Festival of Free World Arts, Freedom and Union, September 1952.
[260]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.
[261]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.

идея, в соответствии с которой первостепенное значение отводилось Конгрессу, а не Америке», - пришла к заключению Диана [262].

Как бы то ни было, проведение фестиваля имело два значимых результата. Во-первых, Бостонский симфонический оркестр продемонстрировал виртуозное исполнение американской симфонической музыки. После его триумфального появления на фестивале в Париже оркестр побывал с выступлениями во всех основных городах Европы, в том числе в Гааге, Амстердаме, Брюсселе, Франкфурте, Берлине, Страсбурге, Лионе, Бордо и Лондоне. Будучи великим детищем американской культуры, он дал достойный ответ агитпоездам старого мира.

Ч.Д. Джексон взволнованно писал об «ошеломляющем успехе и приёме Бостонского симфонического оркестра во время тура по Европе... Это было нелёгкой работой, но для достижения великой цели такой тур был необходим, он оправдал все «старания, пот и слёзы». Одной из наибольших, если не самой большой опасностью, с которой мы сталкиваемся, является тот факт, что Америка ассоциируется в Европе только с кока-колой, ванными и танками... Вклад Бостонского симфонического оркестра в интеллектуальной и культурной областях является неизмеримым или попросту грандиозным» [263].

Брейден был в восторге и в последующем вспоминал ту «необычайную радость, которую испытал после того, как Бостонский симфонический оркестр прославил США в Париже, с чем не могли сравниться Джон Фостер Даллес или Дуайт Д. Эйзенхауэр, даже если бы они произнесли сотни речей» [264].

Вторым достижением фестиваля было создание Фонда Фарфилда (The Farfield Foundation), признанного надёжным спонсором Конгресса. Это означало, что Ирвингу Брауну уже не нужно было перечислять деньги из своего «фонда для взяток», и он ушёл в тень. Фонд Фарфилда был основан 30 января 1952 года как «некоммерческая организация». В соответствии с проспектом «он был организован группой американцев, действующих в частном порядке, заинтересованных в сохранении культурного наследия свободного мира, а также постоянном развитии и обмене знаниями в области живописи, литературы и науки. С этой целью фонд предоставлял финансовую поддержку группам лиц и организациям, которые занимались переводами и публикациями последних культурных достижений, а также лицам, чья деятельность в сфере литературы, живописи и науки могла в значительной мере способствовать развитию культуры. Фонд предлагал помощь организациям, программы которых были направлены на укрепление культурных связей между разными странами и разъяснение всем людям, разделявшим традиции культурной свободы, той опасности, которую таит в себе тоталитаризм для интеллектуального и культурного развития» [265].

---

[262]Diana Josselson. Interview, Geneva, May 1996.
[263]C.D. Jackson to Francis Hatch. 5 September 1952 (CDJ/DDE).
[264]Tom Braden. Interview, Virginia, June 1994.
[265]Farfield Foundation brochure (CCF/CHI).

Первым президентом Фонда Фарфилда, а также первым и наиболее важным человеком-вывеской от ЦРУ был Юлиус Флейшман (Юнки), миллионер, единственный наследник бизнеса по производству дрожжей и джина, проживавший в Индиан-Хилле поблизости от Цинциннати. Он помогал финансировать американский еженедельник «Нью-Йоркер» и вкладывал большие деньги в покровительство искусству: Флейшман был директором «Метрополитен-оперы», членом Королевского общества искусств в Лондоне, членом консультативного комитета Йельской драматической школы, директором Русского балета в Монте-Карло и Балетного фонда Нью-Йорка, а также спонсором многих изданий Бродвея. Майкл Джоссельсон называл его «американским меценатом мировой культуры». Состояние и желание покровительствовать в разных сферах искусства сделало его в глазах ЦРУ «добрым ангелом», который мог бы спонсировать Конгресс за свободу культуры. Впоследствии Брейден называл Юнки «одним из многих богатых людей, которые желали бы служить правительству. Это повышало их самооценку, и они чувствовали себя важными шишками, поскольку получали возможность участвовать в секретной деятельности в борьбе с коммунистами» [266].

Изначально связанный обязательствами, возлагаемыми на него в качестве члена УПК Уизнера, Юнки был завсегдатаем пыльных коридоров Вашингтон-молла и гордился своей уникальной ролью (в первую очередь как глава Фонда Флейшмана), связанной с секретной деятельностью. Но во время встряски, которая последовала за формированием Отдела международных организаций, Юнки стали помыкать. «Проблема заключалась в том, что он воспринимал всё слишком серьёзно, - говорил Брейден. - Он возомнил себя большим боссом на этом поприще. Они просто использовали его имя, а он принимал всё за чистую монету. Я помню, как он начал мне рассказывать о своих намерениях. Он говорил мне, что хотел, чтобы фонд сделал это, а не то. И именно это мне нужно было в последнюю очередь...

В конце концов, мы предложили ему Фонд Фарфилда в качестве замены, хотя это вовсе не означало отдать ему бразды правления. Кто бы ни являлся президентом, на самом деле использовалось только его имя, и все парни из Нью-Йорка занимали свои посты в правлении только для того, чтобы оказать нам услугу» [267].

«Фонд Фарфилда был фондом ЦРУ, причём не единственным, - пояснял Том Брейден. - Мы использовали названия фондов для многих целей, но на самом деле они существовали только на бумаге. Нам достаточно было обратиться к какому-либо хорошо известному состоятельному человеку в Нью-Йорке, сказать ему: «Мы решили учредить фонд» и попросить соблюдать конфиденциальность. А ему надо было только сказать: «Хорошо, я сделаю это». После этого нам оставалось подготовить фирменный бланк с его фамилией - и фонд готов. Это достаточно простой приём» [268].

---

[266]Tom Braden. Interview, Virginia, August 1996.
[267]Tom Braden. Telephone interview, October 1997.
[268]Tom Braden. Interview, Virginia, June 1994.

Как президента Фонда Фарфилда Юнки можно было представлять непосвящённым лицам частным спонсором Конгресса за свободу культуры. «Он вполне подходил на роль покровителя, - заметила Диана Джоссельсон, - и ему нравилась его роль. Однако отношения превращались в рутину и становились тягостным занятием, поскольку игры в выражение почтения к великому покровителю отвлекали Майкла от более важных вещей» [269].

Директора Фонда Фарфилда ежемесячно встречались в Нью-Йорке. На этих встречах, как правило, присутствовал «гость» из Конгресса - Набоков, Джоссельсон или Маггеридж. Они утверждали платежи, не задавая никаких вопросов, и занимались тем, что Маггеридж называл «ломать комедию» во имя патриотического долга. Также проводились ежегодные собрания совета директоров, которые Диана Джоссельсон описывала как «настоящий великий фарс. Майкл и Юнки принимали в этом непосредственное участие.

Отношения в некотором смысле представляли собой фарс, потому что мы просто играли. Предстояло всего лишь выполнить ряд предварительно спланированных действий» [270].

Как генеральный секретарь Конгресса Набоков, безусловно, знал, какому правительственному агентству он обязан в связи с проявленной щедростью во время великолепного фестиваля в Париже. Однако он всегда считал «плутократа Юнки» «ненадёжным каналом». Но по официальной версии Набоков ничего не знал и вёл беседы в этом ключе (по всей видимости, не будучи достаточно искренним): «Что любопытно, вопрос денег никогда у меня не возникал. Я стал об этом задумываться, потому что трудно представить себе американские профсоюзы, финансирующие грандиозные фестивали современного искусства не только в Америке, но и в Париже и других местах... Даже в своих самых смелых предположениях я не мог ожидать, что «фестиваль моей мечты» будет спонсирован шпионским учреждением Америки. Я также не знал, что мой перелёт первым классом в Париж будет оплачивать ЦРУ через представителя европейского профсоюза, неунывающего господина Брауна. Уже очень скоро та же шпионская фабрика будет использовать «переходные» фонды для выкачивания денег для таких организаций, как наш Комитет культуры, американских колледжей, оркестров беженцев и прочих» [271].

Могли Набоков действительно не знать и не подозревать, что его вовлекли в аферу? Или, может быть, он подобно многим его современникам подражал Олдену Пайлу (Alden Pyle), герою Грэма Грина («Тихий американец»).

«Он даже не слышал того, что я говорил, будучи поглощённым насущными проблемами демократии и ответственностью Запада за устройство мира; он твёрдо решил - я узнал об этом довольно скоро - делать добро и не какому-нибудь отдельному лицу, а целой стране, части света,

---

[269]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.
[270]Там же.
[271]Nicolas Nabokov. Bagdzh.

всему миру. Что ж, в этом смысле он был в своей стихии: у его ног лежала вселенная, в которой следовало навести порядок» [272].

[272]Graham Greene. The Quiet American (London: Bodley Head, 1955).

9. Консорциум

«Ваше величество... чем вы правите?» «Всем», - просто ответил король. Антуан де Сент-Экзюпери (Antoine de Seint-Exupery). «Маленький принц»

Культурная свобода обошлась недёшево. В течение последующих 17 лет ЦРУ должно было провести через Конгресс десятки миллионов долларов на культурную свободу и связанные с ней проекты. Имея такого рода обязательства, ЦРУ, по сути, действовало как Министерство культуры Америки.

Основные усилия ЦРУ по мобилизации культуры в качестве орудия холодной войны были направлены на систематическое вовлечение в неофициальный консорциум сети «частных групп» или «друзей». Он представлял собой предприимчивое сообщество благотворительных фондов, коммерческих корпораций и других учреждений и лиц, которые работали в тесном взаимодействии с ЦРУ с целью обеспечить прикрытие и выделение средств на секретные программы в Западной Европе. Кроме того, эти «друзья» должны были бы разъяснять интересы правительства внутри страны и за её пределами, делая это якобы по собственной инициативе. Сохраняя свой «частный» статус, указанные лица и организации фактически действовали в качестве венчурных компаний холодной войны, назначенных ЦРУ.

Вдохновителем консорциума был Аллен Даллес. Он начал создавать фонды в послевоенный период, когда вместе с братом Джоном Фостером работал в адвокатской конторе «Салливан и Кромвель» (Sullivan and Cromwell). В мае 1949 года Аллен Даллес председательствовал при учреждении Национального комитета за свободную Европу, якобы по инициативе «группы американских граждан», а на самом деле - одного из самых амбициозных лидеров ЦРУ Целью учреждённого 11 мая 1949 года в Нью-Йорке Национального комитета за свободную Европу было «использование самых разнообразных знаний и умений находившихся в изгнании выходцев из Восточной Европы при разработке программ активного противодействия советскому господству» [273].

Будучи «убеждённым, что эта борьба может вестись как с помощью идеологии, так и средствами физического воздействия», Комитет должен был вскоре распространить своё влияние на все сферы культурной холодной войны. «Госдепартамент глубоко удовлетворён созданием этой группы, - заявил госсекретарь Дин Эйчесон. - Он считает, что цель организации превосходна, рад приветствовать её появление на арене и выражает своё искреннее одобрение» [274]. Целью этого публичного благословения было скрыть официальные корни Комитета и тот факт, что он действовал исключительно по усмотрению ЦРУ. На долю последнего приходилось 90% финансовой поддержки, осуществляемой через фонды, не подлежавшие

[273] Certificate of Incorporation of Committee for Free Europe, Inc. 11 May 1949 (CJD/DDE).
[274] Dean Acheson. Quoted in G.J.A. O'Toole, Honorable Treachery: A History of U.S. Intelligence, Espionage, and Covert Action from the American Revolution to the CIA (New York: Atlantic Monthly Press, 1991).

учёту. За одобрением Эйчесона стояла ещё одна скрытая истина. Устав Комитета гласил, что «деятельность корпорации не должна быть связана никоим образом с ведением пропаганды», но на самом деле именно этим она и призвана была заниматься [275].

Перейдя в ЦРУ в декабре 1950 года, Аллен Даллес стал «Великим белым разведчиком» Национального комитета за свободную Европу (Great White Case Officer; прозвище Аллена Даллеса - парафраз времён колониализма Great White Father, «Великий белый отец», которое передаёт отношение расового превосходства переселенцев в Америке к местному населению и представляет колонизаторов как героев-завоевателей и спасителей «низших» народов. - Прим. ред.). Он работал с Кармелом Оффи, который курировал Комитет от имени созданного годом ранее Управления координации политики Уизнера. Теперь на Даллеса возлагалась ответственность за организацию его комитетов, распределение бюджетных средств и разработку стратегии. Будучи одним из тех, кто стоял у истоков полуавтономных неправительственных организаций, Даллес осознавал, что успех программы американской холодной войны зависел от «её способности производить впечатление независимой от правительства и выглядеть как программа, представляющая самостоятельные убеждения отдельных свободолюбивых граждан» [276]. В этом смысле Национальный комитет за свободную Европу является образцом проводившейся ЦРУ «корпоратизации» внешнеполитической системы в период холодной войны.

Со своими множившимися комитетами и подкомитетами, советами директоров и попечителей Национальный комитет за свободную Европу собрал весь американский истеблишмент - «кто есть кто в Америке». Взаимосвязь имела огромное значение. Она придавала новый смысл шутливому комментарию французского поэта и философа Поля Валери (Paul Valery) о том, что европейцы мечтают попасть под управление Комитета американцев.

Среди них были Люциус Клэй, давший в качестве верховного комиссара в Германии зелёный свет журналу «Монат»; Гарднер Коулс (Gardner Cowles), президент издательской группы «Коулс» и попечитель Фонда Фарфилда; Генри Форд II, президент «Дженерал Моторс»; Овета Калп Хобби (Oveta Culp Hobby), попечитель Музея современного искусства, которая содействовала превращению нескольких семейных фондов в проводники финансов ЦРУ; кардинал холодной войны Фрэнсис Спеллман (Francis Spellman); Ч.Д. Джексон, ветеран психологической войны и её пожизненный исполнитель; Джон С. Хьюз, посол США в НАТО; Юнки Флейшман, Артур Шлезингер, Сесиль Б. ДеМилле (Cecil B. DeMille), Спирос Скурас (Spyros

[275] Certificate of Incorporation of Committee for Free Europe, Inc. Цит. произв. Согласно «Секретному докладу Комитета по станциям дружбы» одной из его главных целей было «увеличение дезинтегрирующего психологического давления на центр советской власти» и «изобретение нового психологического оружия для наступательной холодной войны». В докладе также утверждается, что «пропаганда без действий в конце концов ударяет рикошетом по тому, кто ей пользовался» — своевременное предупреждение в свете того, что произошло в Венгрии в 1956 г. (см. главу 18).

[276] Blanche Wiesen Cook. The Declassified Eisenhower: A Divided Legacy of Peace and Political Warfare (New York: Doubleday, 1981).

Skouras), Дэррил Занук (Darryl Zanuck) и Дуайт Эйзенхауэр. Среди этих людей были бизнесмены и юристы, дипломаты и исполнители «Плана Маршалла», представители рекламного бизнеса и медиамагнаты, кинорежиссёры и журналисты, члены профсоюзов и, конечно же, агенты ЦРУ - их было множество.

Эти люди были «осведомлёнными». Для Управления «осведомлённым» являлся «человек своего круга, владеющий языком, знающий кодовые слова, обычаи, опознавательные знаки. Быть «осведомлённым» означало принадлежать к клубу, то есть владеть языком, понимать тайные сигналы, знать особое рукопожатие. «Неосведомлённый» оказывался за кругом. Он оставался безучастным и не понимал, что происходит вокруг. Ему не были известны замыслами высших слоёв общества, которыми руководил узкий круг сотрудников спецслужб» [277]. Вспоминая лёгкость, с которой он мог привлекать своих американских соратников к секретным проектам, агент ЦРУ Дональд Джеймсон говорил: «В этой стране не было почти никого, к кому я не мог бы подойти в те дни и сказать: «Я из ЦРУ и хотел бы попросить вас о том-то и том-то», и как минимум, получить уважительный приём и обсудить вопрос» [278]. Агенты ЦРУ редко стучались в двери - они открывались сами.

Всего через 12 месяцев после создания это ядро «частных» операторов уже имело подающий надежды Комитет «Свободная Европа» Даллеса (так он стал называться), то есть с момента его «предположительного возникновения до превращения в обширную и хорошо определённую программу с действиями в весьма солидном масштабе». Это был «готовый инструмент - своевременный, уже хорошо отрегулированный» для достижения «победы идей». Его персонал составляли 413 человек, из которых 201 - американцы, многие европейского происхождения. Ещё 212 «специалистов» были эмигрантами из Восточной Европы [279]. Бюджет Комитета только за первый год составил 1 703 266 долларов США. Отдельный бюджет в 10 миллионов долларов предназначался для радиостанции «Свободная Европа» (РСЕ), учреждённой в Берлине в 1950 году под эгидой Комитета. Уже через несколько лет в распоряжении РСЕ было 29 станций, вещающих на 16 разных языках. РСЕ использовала «полный набор приёмов из риторики Демосфена или «Филиппиков» Цицерона против любого, кто поддерживал сталинский режим» [280]. Кроме того, она пользовалась услугами информаторов за пределами железного занавеса, вела мониторинг коммунистического радиовещания, поддерживала проведение лекций и мероприятия антикоммунистической направленности западной интеллигенции и пропагандировала свои «исследования» среди учёных и журналистов (включая присоединившихся к Конгрессу за свободу культуры) на международном уровне.

---

[277] Harrison E. Salisbury. Without Fear or Favor.
[278] Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994.
[279] National Committee for a Free Europe Inc. Report to Members, 5 Jan 1951 (CDJ/DDE).
[280] Philip Barbour. Radio Free Europe Committee, to Frank Altschul, Report from Research Department, 23 March 1950 (FA/COL).

Инструментом для сбора средств Комитета «Свободная Европа» был «Крестовый поход за свободу». Его ведущим представителем и пропагандистом являлся молодой актёр по имени Рональд Рейган. «Крестовый поход за свободу» использовался для отмывания денег с целью поддержки Международного комитета по делам беженцев в Нью-Йорке. Во главе программы стоял Билл Кейси (Bill Casey), будущий директор ЦРУ. Считается, что программа координировала перемещение нацистов из Германии в Соединенные Штаты, где, как ожидалось, они должны были помогать правительству в борьбе против коммунизма.

Даллес ухватился за Комитет мёртвой хваткой, назначив на ключевые должности сотрудников ЦРУ. Если возникала проблема, решение которой требовало выхода «за рамки ширм», Даллес просто созывал собрание руководителей Комитета в клубе или гостинице Нью-Йорка. Документы с грифом «совершенно секретно» содержат записи о ряде таких собраний, созывавшихся Даллесом в клубе «Никербокер» (Knickerbocker Club) и в «Дрейк Отеле» (Drake Hotel) (в этом случае в специально забронированном номере; неизвестно, сколько кампаний холодной войны было оплачено из номеров отеля). Другие собрания проводились в офисах Аллена Даллеса или Фрэнка Уизнера в штаб-квартире ЦРУ.

«США было большим хозяйством, очень большим», - говорит рассказчик в романе «Дар Гумбольдта». Комментируя, с какой самоотверженностью американская элита управляла этим судном, Генри Киссинджер писал: «Только благодаря неизменной вере этого поколения американцев они смогли взять на себя эти обязательства и действовали энергично, дальновидно и умело.

Помогая Европе перестроиться, поддерживая европейское единство, формируя институты экономического сотрудничества и активно защищая наш союз, они спасли возможность обретения свободы. Этот созидательный напор является одним из выдающихся моментов американской истории» [281]. Генри Брек (Henry Breck), оперативный сотрудник резидентуры и выпускник школы Гротон (Groton School), выразил это другими словами: «Конечно, если вы находитесь на настоящей войне, вы должны действовать жёстко. И высшие слои общества действовали настолько жёстко, насколько это было возможно. Они могли потерять больше, чем остальные».

В свободное от собраний в клубах и номерах отелей время элита Брека с таким же рвением посвящали себя бизнесу и развлечениям. С той самой живостью, самоуверенностью и лёгкостью, с какой они спасали мир от коммунизма, Уизнер и его коллеги проводили время на вечеринках. Уизнер любил исполнять танец под названием «Крабовая походка». Англтон (James Angleton, заместитель директора ЦРУ по контрразведке с 1954 по 1975 год. - Прим. ред.), знаменитый почитатель мартини, а иногда и всего, что он мог раздобыть, любил танцевать на вечеринках в свободном стиле и с большим энтузиазмом под песенки Элвиса Пресли, часто в одиночку. Морис Олдфилд (Maurice Oldfield), директор МИ-6, известный как «Ц», тоже любил потанцевать. «Морис... навещал нас в Род-Айленде и танцевал ночью под

[281]Henry Kissinger. The White House Years (London: Weidenfeld Sc Nicolson, 1979).

деревьями», - вспоминала Жанет Бэрнс (Janet Barnes) [282]. По мере того как мир становился всё более непривычным, а «события всё более сложными», они и на самом деле стремились «полноценно насладиться каждым мгновением жизни».

Казалось поразительным, что люди, которые настолько самозабвенно отдавались веселью и позволяли себе такие обильные возлияния, днём продолжали заниматься своей основной работой. Брокеры нового мирового порядка, они удерживали себя от полного разгула только потому, что потенциальные прибыли были огромны. Вернувшись в свои кабинеты на следующий день, они занимались поиском новых способов защиты своих инвестиций и увеличения активов. «Нам обычно удавалось найти американцев, которые согласились бы положить деньги на свои счета, а затем использовать их для перевода по различным направлениям, - отмечал агент по тайным операциям Уильям Колби. - Вы могли зайти в любое американское учреждение, компанию, куда угодно, и сказать: «Не могли бы вы перевести эти деньги, чтобы помочь своей стране?». Вас приветствовали и отвечали: «Безусловно, с удовольствием». Перевести деньги по назначению в любую точку мира не так сложно. Это мог быть не один большой, а несколько мелких платежей, отправляемых по нужному адресу. Всё это делалась гораздо более открыто, чем когда я раньше грузил большие суммы местной валюты в багажник моего автомобиля, чтобы отвезти в нужное место и переместить в другой автомобиль» [283].

Американские компании и отдельные лица, согласившиеся на такое сотрудничество с Управлением, назывались «тихими каналами». Кроме того, эти каналы можно было наладить в ходе контакта по инициативе противоположной стороны. «Порой частные американские группы сами обращались к нам, - вспоминал оперативный сотрудник резидентуры Ли Уильямс (Lee Williams). - Нам не всегда нужно было идти к ним. Существовали общие цели, которые, как нам казалась, не вызывали серьёзного беспокойства по поводу моральной стороны нашего дела» [284].

В 1956 году, сразу после венгерских событий, Дж.М. Каплан(L.M. Kaplan), президент «Велч Грейп Джус Компани» (Welch Grape Juice Company), а также президент и казначей Фонда Каплана с активами порядка 14 миллионов долларов, написал Аллену Даллесу и предложил ему свои услуги в борьбе с коммунизмом. Каплан обещал посвятить свою «нескончаемую энергию реализации любых идей и планов, направленных на достижение приоритетной цели - подрыва преступного коммунистического режима, используя и изыскивая любую практическую возможность» [285]. После этого Даллес организовал встречу Каплана с «представителем» ЦРУ. Фонд Каплана вскоре можно было считать активом, надёжным «каналом»

---

[282]Janet Barnes. Цитата из in Evan Thomas. The Very Best Men. ЦРУ предоставило Томасу беспрецедентный доступ к его книге, какой получали семьи «самых лучших людей» с его титулом. Поэтому и как историческое исследование, и как коллективная биография это является наиболее точной оценкой на сегодняшний день, и за это я ей признательна.
[283]William Colby. Interview, Washington, June 1994.
[284]Lee Williams. Interview, Washington, June 1994.
[285]J.M. Kaplan to Allen Dulles. 10 August 1956 (CDJ/DDE).

тайных ассигнований для проектов ЦРУ. Это также касалось Конгресса за свободу культуры и института, возглавляемого ветераном-социалистом и председателем Американского комитета за свободу культуры Норманом Томасом (Norman Thomas).

Использование благотворительных фондов было самым удобным способом перечисления крупных сумм на проекты Управления, не вызывая беспокойства получателей относительно их происхождения. К середине 1950-х проникновение ЦРУ в фонды было повсеместным. Хотя цифры за тот период являются закрытыми, главный юрисконсульт комитета Конгресса 1952 года, назначенный для изучения фондов США, сделал вывод, что «в руках централизованной бессменной группы сосредоточены огромные полномочия. В отличие от полномочий корпоративного уровня они не контролируются акционерами; в отличие от государственных органов власти они не контролируются народом; в отличие от церковной власти они не проходят проверку по какой-либо чётко установленной шкале ценностей» [286].

В 1976 году специальный комитет, созданный для изучения разведывательной деятельности США, докладывал о проникновении ЦРУ в фонды к середине 1960-х: в течение 1963-1966 годов 164 фондами США было выдано 700 грантов на сумму более 10 тысяч долларов США каждый. Не менее 108 из них полностью или частично финансировались ЦРУ. Но что более важно, ЦРУ в течение того же периода профинансировало почти половину грантов, выданных этими 164 фондами в сфере международной деятельности.

«Настоящие» фонды, такие как фонды Форда, Рокфеллера и Карнеги, считались «оптимальным и наиболее приемлемым инструментом финансового прикрытия» [287]. В соответствии с исследованием ЦРУ 1966 года эта методика была «особенно эффективной для демократически управляемых членских организаций. Они должны были убедить своих «неосведомлённых» членов и сотрудников, а также враждебно настроенных критиков в том, что их частные источники доходов являются подлинными и заслуживающими доверия». Вне всяких сомнений, это позволяло ЦРУ финансировать «казалось бы, неограниченное количество программ тайных операций в отношении молодёжных групп, профсоюзов, университетов, издательских домов и других частных учреждений» с начала 1950-х годов [288].

«В ЦРУ была служба, занимавшаяся прикрытием. Её деятельность заключалась в обеспечении прикрытия, в том числе в форме фондов, которые мы использовали для наших операций, - объяснял Брейден. - Я не обращал внимания на детали. Этим занимался финансовый департамент. Мне достаточно было обратиться к сотруднику, ведавшему прикрытием. Это был просто механизм, которым мы пользовались. Фонд Фарфилда - один из них. Я не знаю всех названий, не помню. Однако это были перекрёстные денежные потоки. ЦРУ никогда не боялось остаться без денег» [289].

---

[286]Final Report of the Cox Committee, 1952. Цитата из Rene Wormser. Foundations: Their Power and Influence (New York: Devin-Adair, 1958).
[287]Final Report of the Church Committee, 1976.
[288]Там же.
[289]Tom Braden. Interview, Virginia, June 1994.

Перекрёстные денежные потоки проходили через множество основных фондов. Некоторые из них действовали как прикрытие, другие - как каналы.

Известно, что благодаря содействию «осведомлённых» людей средства ЦРУ проходили более чем через 170 фондов, в том числе Фонд Хоблитцелла (The Hoblitzelle Foundation; канал для Фонда Фарфилда), Фонд Литтауера (The Littauer Foundation; донор для Фонда Фарфилда), фонд «Майями Дистрикт» (The Miami District Fund; ещё один «донор» для Фонда Фарфилда), фонд Прайса (The Price Fund; подставной фонд ЦРУ), благотворительный фонд «Рабб» (The Rabb Charitable Foundation; который получал средства ЦРУ из липового Фонда Прайса, а затем перечислял их в Фонд Фарфилда), фонд Вернона (The Vernon Fund; подставной фонд ЦРУ, сродни Фонду Фарфилда, созданный для прикрытия, с марионеточным советом директоров во главе) и «Уитни Траст» (Whitney Trust). В этих советах заседали сливки американского общественного, финансового и политического истеблишмента. И вовсе не за спасибо эти фонды объявляли себя «частными». Позже появилась такая шутка: если какая-нибудь американская благотворительная или культурная организация внесла слова «независимая» или «частная» в свои документы, она, скорее всего, является прикрытием ЦРУ. Это был консорциум на работе, взаимный обмен услугами в рамках старой школы, в рамках Управления стратегических служб, зал заседаний Америки.

Один только совет Фонда Фарфилда представлял собой захватывающую схему этих замысловатых взаимосвязей. Юнки Флейшман, его президент, был консультантом по контрактам Управления координации политики Уизнера и, таким образом, «осведомлённым» прикрытием ЦРУ в Конгрессе за свободу культуры. Его двоюродный брат Джей Холмс (Jay Holmes) был президентом Фонда Холмса, учреждённого в 1953 году в Нью-Йорке. Холмс начал делать небольшие взносы в пользу Конгресса за свободу культуры в 1957-м. С 1962 года Фонд Холмса формально действовал как канал для передачи средств ЦРУ в Конгресс. Фонд Флейшмана (Fleischmann Foundation), президентом которого был Юнки, также являлся донором Фонда Фарфилда. Кроме того, в совет Фонда Флейшмана с начала 1960-х годов в качестве директора входил Чарлз Флейшман, племянник Юнки.

Ещё одним попечителем Фонда Фарфилда был Кэсс Кэнфилд, один из самых известных американских издателей, директор издательств «Гроссет и Данлап» и «Бантам Букс» (Grosset and Dunlap; Bantam Books), а также директор и председатель редакционной коллегии издательства «Харпер Бразерс» (Harper Brothers). Кэнфилд был американским издателем книги «Бог, обманувший надежды». Ему импонировали плодотворные связи с миром разведывательной службы и как бывшему офицеру по вопросам психологической войны, и как близкому другу Аллена Даллеса. В 1963 году он опубликовал его мемуары «Искусство разведки» (The Craft of Intelligence). Кэнфилд, кроме того, был активистом и сборщиком пожертвований в пользу Объединённой ассоциации всемирных федералистов (the United World Federalists) в конце 1940-х.

Корд Мейер (Cord Meyer), в то время её президент и в последующем заместитель Тома Брейдена, сообщил: «Одна из методик, которой мы пользовались, была направлена на поощрение наших членов, занимавших серьёзные должности в профессиональных организациях, торгово-промышленных ассоциациях или профессиональных союзах. Они лоббировали на ежегодных собраниях решения, благоприятные для нашего общего дела» [290].

В 1954 году Кэнфилд возглавил Демократический комитет по вопросам искусства (Democratic Committee on the Arts). Позже он стал одним из учредителей АНТА (Американского национального театра и академии), возрождённого в 1945 году в качестве аналога Отдела международных отношений американского театра. В состав учредителей входил и Джок Уитни (Jock Whitney), ещё один «тихий канал» ЦРУ. Кэнфилд был другом Фрэнка Платта (Frank Piatt), тоже директора Фонда Фарфилда и агента ЦРУ. В конце 1960-х Платт помог Майклу Джоссельсону получить работу у Кэнфилда в журнале «Харперс» (Harper's). Кэнфилд, кроме того, был попечителем Франко-Американского общества наряду с Ч.Д. Джексоном, президентом Колумбийского университета Грейсоном Кирком (Grayson Kirk), Дэвидом Рокфеллером и его президентом Уильямом Верденом.

Уильям Армистед Моале Бёрден (William Armistead Moale Burden) был одновременно президентом Франко-Американского общества и директором Фонда Фарфилда. Прапраправнук коммодора Вандербилта (Vanderbilt), Бёрден являлся ключевой фигурой американского истеблишмента. Он был членом и директором Совета по международным отношениям. В состав этого научно-исследовательского центра входила элита американского бизнеса и общества. Он действовал как своего рода теневое подразделение, формирующее международный политический курс (членами данной организации были Аллен Даллес, Джон Макклой и Дэвид Рокфеллер).

Во время войны Бёрден работал на разведывательное подразделение Нельсона Рокфеллера (Nelson Rockefeller), занимал должность председателя консультативного комитета Музея современного искусства в Нью-Йорке и стал его президентом в 1956 году, тогда же он вошёл в состав консультативного комитета Госдепартамента «Зарубежная литература». Некогда помощник государственного секретаря авиации, а также финансисте особыми интересами в области авиации, он был связан с «Браун Бразерс, Харримэн и Компани» (Brown Brothers, Harriman and Company) и «Скаддер, Стивене и Кларк» (Scudder, Stevens and Clark) в Нью-Йорке и являлся директором большого количества компаний, втом числе «Американ Метал Компани Лтд» (American Metal Company Ltd), «Юнион Салфер энд Ойл Корпорейшн» (Union Sulphur and Oil Corporation), «Серро-де-Паско Корпорейшн» (Cerrode Pasco Corporation) и Ганноверского банка. Он был приглашённым членом факультетских комитетов в Гарварде и Массачусетском технологическом институте, совместным руководителем финансируемого правительством фильма «Привет, Франция» (Париж, весна 1955 г.) и послом США в Брюсселе в 1960 году.

[290]Cord Meyer. Facing Reality: From World Federalism to the CIA (Maryland: University Press of America, 1980).

В число представителей Фонда Фарфилда входил Гарднер Коулс, донор Фонда Гарднера Коулса с офисом в штате Айова. Источником его значительных активов, освобождённых от уплаты налогов, была огромная прибыль компании «Коулс Мэгэзинс энд Бродкастинг» (Cowles Magazines and Broadcasting), президентом которой он являлся. Кроме того, он был корпоративным членом «Крестового похода за свободу» и спонсором периодического издания «История» (History), издаваемого Обществом американских историков и финансируемого за счёт «частных денежных пожертвований». Журнал представлял собой такой же продукт холодной войны, как и «Крестовый поход за свободу». В круг его спонсоров входили Уильям Донован, Дуайт Д. Эйзенхауэр, Аллен Даллес и Генри Люс.

Дольше всех пост исполнительного директора Фонда Фарфилда, с 1956 по 1965 год, занимал Джон «Джек» Томпсон (John «Jack» Thompson). Он был завербован в ЦРУ Кордом Мейером. Их знакомство состоялось в 1945 году, когда оба были ассистентами делегации США на конференции в Сан-Франциско, созванной для определения структуры новой Организации Объединённых Наций. Некогда студент Колумбийского университета, возглавляемого Лайонелом Триллингом (Lionel Trilling), Томпсон был хорошо известен в нью-йоркских литературных кругах. ДженниферДжоссельсон, дочь Майкла, называла его «дядя Джек».

К числу директоров Фонда Фарфилда относятся также Уильям Ванден Хьювел (William Vanden Heuvel), нью-йоркский адвокат, который был близок к Джону и Бобби Кеннеди и Артуру Шлезингеру (он являлся членом правления Комитета аварийно-спасательных служб наряду с Уильямом Донованом и Кэссом Кэнфилдом); Джозеф Вернер Рид (Joseph Verner Reed), президент «Тритон Пресс» (Triton Press), вице-президент «Хоуб Саунд Компани» (Hobe Sound Company) во Флориде и член консультативной комиссии по драме Международной программы по обмену АНТА; Фред Лазарус-младший (Fred Lazarus Jr.), главный донор Фонда Фреда Лазаруса (в 1956 г. он сделал значительный взнос в Фонд Фарфилда), а позже член с консультативными функциями Национального фонда поддержки искусств; Дональд Стрэлем (Donald Stralem), президент «Юнайтед Комьюнити Дефенс Сервисис Инк.» (United Community Defense Services Inc.) и донор, наряду со своей женой Джин, фонда «Шельтер Рок» (чьи дополнительные средства ЦРУ, предназначенные для Конгресса за свободу культуры, шли в казну Фонда Фарфилда в 1962 г., когда Стрэлем сменил Флейшмана на посту президента Фонда Фарфилда); Уайтлоу Рид (Whitelaw Reid), бывший издатель газеты «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» (New York Herald Tribune); Ральф П. Хейнес (Ralph P. Hanes), директор Фонда Хейнеса в штате Северная Каролина (добрый приятель Юнки Хейнес и его супруга Барбара совершили с Флейшманами и Уизнерами круиз на Багамы), и наконец, Майкл Джоссельсон - его фамилия была указана на фирменном бланке фонда в качества международного директора, зарплату от ЦРУ он получал через фонд.

Что касается однородности состава, Фонд Фарфилда далеко не исключение. Таковой была природа власти в Америке в то время. Система частного патронажа является ярким примером того, как маленькие

однородные группы пришли на защиту американских и, по определению, своих собственных интересов. Работа на самом верху этой пирамиды была мечтой каждого уважающего себя белого англосаксонского протестанта. Наградой являлось членство в попечительском совете Фонда Форда или Фонда Рокфеллера. Оба фонда - инструмент секретной внешней политики США. Их директора и служащие были тесно связаны с американской разведкой или состояли её сотрудниками.

Основанный в 1936 году Фонд Форда являлся освобождённой от налогов верхушкой огромного состояния Форда. Общая сумма его активов к концу 1950-х составляла более трёх миллиардов долларов США. Дуайт Макдональд очень метко окрестил его «большим денежным мешком, вокруг которого толкутся люди, пытающиеся умыкнуть из него хоть немного». Творцы культурной политики фонда после Второй мировой войны полностью адаптировались к политическим императивам, поддерживающим невидимое присутствие Америки на мировой арене. Иногда создавалось впечатление, что Фонд Форда был не чем иным, как продолжением правительства в сфере международной культурной пропаганды. Имеются свидетельства прямого участия фонда в секретных операциях в Европе и его тесного сотрудничества с должностными лицами «Плана Маршалла» и ЦРУ по особым проектам.

Это взаимное сотрудничество продолжилось в дальнейшем, когда разработчик «Плана Маршалла» Ричард Бисселл, за подписью которого встречные ассигнования передавались Фрэнку Уизнеру, пришёл в Фонд Форда в 1952 году. Он точно подметил: «Ничто не может помешать отдельному человеку эффективным образом работать независимо от того, где это происходит - в частном фонде или в правительстве» [291]. Во время своего пребывания у Форда Бисселл часто встречался с Алленом Даллесом и другими сотрудниками ЦРУ, включая бывшего одноклассника по школе Гротон Трейси Бэрнса. Они занимались «взаимным поиском» новых идей. Неожиданно он ушёл, чтобы примкнуть к ЦРУ в качестве специального помощника Аллена Даллеса в январе 1954 года. Однако он успел внести свою лепту в то, чтобы вывести фонд на передовые позиции холодной войны.

Бисселл работал под непосредственным руководством Пола Хоффмана (Paul Hoffman), который стал президентом Фонда Форда в 1950 году. Прибыв туда прямо с должности администратора «Плана Маршалла», Хоффман в полной мере погрузился в проблемы Европы и силу идей, которые могли решить эти проблемы. Он свободно владел языком психологической войны.

В ответ на крик души Артура Кёстлера в 1950 году: «Друзья, свобода прекратила наступление!», он говорил о «борьбе за мир». Кроме того, он разделял мнение представителя Фонда Форда Роберта Мэйнарда Хатчинса (Robert Maynard Hutchins), который утверждал, что Госдепартамент «подвергался настолько мощному внутреннему политическому влиянию, что не мог более представлять собой полную картину американской культуры».

Одним из первых послевоенных рискованных инициатив Фонда Форда в области международной культурной дипломатии был запуск в 1954 году

[291]Richard Bissell. Reflections of a Cold Warrior.

программы Межкультурных публикаций под руководством Джеймса Лафлина (James Laughlin), издателя выпусков «Нью Дайрекшнз» (New Directions), в которых публиковались Джордж Оруэлл и Генри Миллер, и легендарного блюстителя интересов авангарда. Получив начальный грант в 500 тысяч долларов США, Лафлин выпустил журнал «Перспективы» (Perspectives), направленный против некоммунистических левых во Франции, Англии, Италии и Германии (издание публиковалось на соответствующих языках). Как подчёркивал Лафлин, его целью было не «столько одержать победу над левой интеллигенцией в диалектической полемике, сколько заставить их оставить свои позиции путём эстетического и рационального убеждения». В дальнейшем он должен был «служить делу укрепления мира, поднимая авторитет американских нематериалистических достижений среди интеллигенции за рубежом» [292].

Работа его совета, укомплектованного «рыцарями холодной войны в культуре», и программа межкультурных публикаций были направлены на ту часть американской интеллигенции, которая чувствовала, что её деятельность была «подорвана господствующим стереотипом восприятия Америки как ада массовой культуры». Малкольм Коули был одним из первых сторонников «Перспективы». По его версии, Америка далека от «фильмов, леденящих душу детективных историй, комиксов и журналов, в которых больше рекламы, чем текста». Профессор Перри Миллер (Perry Miller) утверждал, что «не стоит вести какую-либо пропаганду американского образа жизни. Само её отсутствие будет самым важным элементом пропаганды, в самом лучшем смысле» [293].

«Перспективам» не суждено было оправдать эти ожидания. Ирвинг Кристол называл его «этот несчастный журнал Фонда Форда» [294]. После закрытия журнала не составляло труда убедить Фонд Форда стать спонсором журнала «Монат» Ласки. Созданное при поддержке Люциуса Клея в октябре 1948 года и финансируемое через секретный фонд Американской верховной комиссии, официальное правление «Моната» заявило о своих претензиях на независимость. Ласки очень хотел заменить спонсора и с помощью представителя фонда Шепарда Стоуна (Shepard Stone), который работал под руководством Клея в Германии, он наконец получил грант от Фонда Форда, заявив в выпуске за октябрь 1954 года, что «отныне мы абсолютно и полностью свободны и независимы».

21 января 1953 года Аллен Даллес, которого беспокоило его будущее в ЦРУ в связи с недавним избранием Эйзенхауэра, встретился за обедом со своим другом Дэвидом Рокфеллером. Рокфеллер многозначительно намекнул: если Даллес решил покинуть Управление, он может небезосновательно рассчитывать, что его пригласят стать президентом Фонда Форда. Даллесу не следовало беспокоиться за своё будущее. Через два дня после этого обеда «Нью-Йорк Таймс» первой сообщила, что Аллен

---

[292]James Laughlin. Цитата из Kathleen D. McCarthy. From Cold War to Cultural Development: The International Cultural Activities of the Ford Foundation 1950-1980. Daedalus, vol. 116/1, Winter 1987.
[293]Цитата из Kathleen D. McCarthy. Там же.
[294]Irving Kristolto Stephen Spender. 25 March 1953 (CCF/CHI).

Даллес должен был стать директором Центрального разведывательного управления.

Вскоре было объявлено имя нового президента Фонда Форда. Им стал Джон Макклой, образец американского могущества и влияния XX столетия. До прихода в Фонд Форда в его послужном списке были должности помощника министра обороны, президента Всемирного банка и верховного комиссара зоны США в Германии. В 1953 году он, кроме того, стал председателем рокфеллеровского «Чейз Манхэттен банка» (Chase Manhattan Bank) и председателем Совета по международным отношениям. После убийства Джона Кеннеди его назначили в Комиссию Уоррена (The Warren Commission; Комиссия по расследованию обстоятельств убийства президента Кеннеди. - Прим. ред.). В течение всего этого времени он продолжал представлять на Уолл-стрит семь крупных нефтяных компаний и был директором большого количества корпораций.

Как верховный комиссар американской зоны в Германии Макклой согласился обеспечивать прикрытие многих агентов ЦРУ, в том числе - Лоуренсаде Новилля. Являясь официальными сотрудниками его администрации, агенты тем не менее были неофициально подотчётны своим руководителям в Вашингтоне. Последние едва ли обязаны были информировать Макклоя, чем на самом деле они занимаются. Будучи политически проницательным, Макклой, вступая в должность, рассматривал неизбежную заинтересованность ЦРУ Фондом Форда с практической точки зрения.

На опасения некоторых представителей фонда, считавших, что его целостность и независимость подрывается участием в делах ЦРУ, Макклой отвечал тем, что, если они перестанут сотрудничать, ЦРУ просто проникнет в фонд, незаметно завербовав или заинтересовав персонал низшего звена. В качестве решения этой проблемы Макклой предлагал создать в рамках Фонда Форда административное подразделение специально для работы с ЦРУ. Когда Управлению нужно было использовать фонд либо в качестве канала, либо в качестве прикрытия, оно должно было советоваться по этому вопросу с комитетом в составе трёх человек, возглавляемым Макклоем и двумя сотрудниками фонда. «Они должны были быть зарегистрированы именно в этом комитете и, если это предложение было разумным и не шло вразрез с долгосрочными интересами фонда, проект следовало передать далее на рассмотрение штатных сотрудников и другого персонала фонда, не знающих о происхождении предложения» [295], - пояснял биограф Макклоя Кай Бёрд (Kai Bird).

С этим аргументом Фонд Форда официально присоединился к ЦРУ в его политической войне против коммунизма. Архивы фонда свидетельствуют о множестве совместных проектов. Восточно-Европейский фонд (The East European Fund), действовавший в качестве прикрытия ЦРУ, в котором Джордж Кеннан играл заметную роль, получил большую часть своих денег от Фонда Форда. Фонд налаживал тесные связи с Издательским домом им. Чехова, получившим 523 тысячи долларов США от Фонда Форда на покупку

[295]Kai Bird. Interview, Washington, June 1994.

запрещённых русских произведений и переводов западной классики на русский язык. Фонд выделил 500 тысяч долларов США Международному комитету спасения Билла Кейси (International Rescue Committee) и предоставил солидные гранты другой ширме ЦРУ - Всемирной ассамблее молодёжи (The World Assembly of Youth). Кроме того, это был один из самых крупных доноров Совета по международным отношениям (Council on Foreign Relations), научно-исследовательского центра, который оказывал огромное влияние на американскую внешнюю политику. Он действовал (и продолжает действовать) согласно строгим правилам конфиденциальности, которые включают двадцатипятилетний запрет на разглашение его записей.

За счёт значительного гранта, полученного от Фонда Форда, Институт современного искусства (The Institute of Contemporary Arts), основанный в Вашингтоне в 1947 году, расширил свою международную программу в 1958-м. В работе совета попечителей Института современного искусства (ИСИ) принимал участие Уильям Банди (William Bundy), член Национального совета по оценкам (Board of National Estimates) ЦРУ и зять бывшего госсекретаря Дина Эйчесона. Его брат МакДжордж Банди (McGeorge Bundy) стал президентом Фонда Форда в 1966 году, прямо с должности специального помощника президента по вопросам национальной безопасности, что свидетельствует, кроме прочего, о контроле со стороны ЦРУ. Щедрые пожертвования фонда получили Герберт Рид, Сальвадор де Мадариага, Стивен Спендер, Аарон Копланд, Исак Динесен (Isak Dinesen), Наум Габо (Naum Gabo), Марта Грэхем (Martha Graham), Роберт Лоуэлл, Роберт Пени Уоррен (Robert Perm Warren) и Роберт Ричмен (Robert Richman). Все они были членами Конгресса культурных лидеров ИСИ. Это, по сути, являлось продолжением работы Конгресса за свободу культуры. Он и без того был одним из крупнейших получателей фантов. Только в начале 1960-х годов ему достался грант на семь миллионов долларов США.

Одним из самых первых сторонников Конгресса за свободу культуры в ЦРУ был Фрэнк Линдси, которому де Новилль докладывал о начале подготовки к тайному совещанию в Берлине в 1950 году. Линдси был ветераном УСС. В 1947 году он написал один из первых меморандумов, в котором рекомендовал США создать подразделение по секретным операциям для ведения холодной войны. Документ привлёк внимание Фрэнка Уизнера, пригласившего его проводить европейские операции в УКП. Как заместитель начальника УКП (1949-1951) Линдси отвечал за судьбу групп, «осевших» в западной Европе. В 1953 году он примкнул к Фонду Форда, откуда поддерживал тесный контакт со своими коллегами в разведсообществе.

Позже Линдси был принят в фонд Вальдемаром Нильсеном (Waldemar Nielsen), ставшим впоследствии его начальником отдела кадров. Работая в фонде, Нильсен был агентом ЦРУ. В 1960 году он занял должность исполнительного директора президентского Комитета по информационной деятельности за границей. Нильсен тесно сотрудничал с Ч.Д. Джексоном, разделяя его презрение к «полнейшему игнорированию психологических факторов со стороны большинства высокопоставленных государственных

служащих в этом городе». Нильсен также был близким другом Конгресса за свободу культуры, чьи усилия искренне поддерживал.

Ключевым связующим звеном между Конгрессом и Фондом Форда был Шепард Стоун, общепризнанный знатока схем и процедур, используемых американским правительством и частными группами для участия в международных делах. До войны он занимал должность редактора воскресного номера «Нью-Йорк Таймс» и продолжал служить в Джи-2 (G-2, разведка сухопутных войск), прежде чем стать директором службы по связям с общественностью в Германии, которой руководил Джон Макклой. В этой ипостаси он обеспечивал государственное финансирование журнала «Монат». Будучи хорошим знатоком психологической войны, Джон Макклой был очень высокого мнения о Стоуне и рекомендовал его как достойного преемника уходящего директора Совета по стратегии в 1951 году. Стоун не получил этой должности, вместо этого примкнув к Фонду Форда. Продвигаясь по службе, он был настолько тесно связан с ЦРУ, что многие считали его человеком Управления. «Шеп не был человеком ЦРУ, хотя он, возможно, и ловил рыбу в этой воде» [296], - так однажды неопределённо отзывался о нём один из агентов. В 1953 году по приглашению Джоссельсона он провёл месяц в Европе, где имел встречи с ключевыми персонами Конгресса. Для Конгресса ценность Стоуна, занимавшего пост директора Отдела международных отношений Фонда Форда с 1954 года, в дальнейшем только возрастала.

Фонд Рокфеллера был такой же неотъемлемой частью холодной войны, как и Фонд Форда. Он был создан в 1913 году, а основным донором являлся легендарный Джон Д. Рокфеллер III (John D. Rockefeller III). Активы фонда превышали 500 миллионов долларов США, и это без дополнительных 150 миллионов долларов, вложенных в «Рокфеллер Бразерс Фанд Инк.» (Rockefeller Brothers Fund Inc.), крупный научно-исследовательский центр, зарегистрированный в Нью-Йорке в 1940 году. В 1957 году фонд сплотил вокруг себя самые влиятельные умы того периода для работы над «Проектом специальных исследований», задача которого заключалась в попытке определить внешнюю политику Америки. Подкомитет II был предназначен для изучения международных задач и стратегий безопасности. Членами Комитета были Генри и Клэр Бут Люс, Лоуренс Рокфеллер, Таунсенд Хупс (Townsend Hoopes, представляющий компанию Джока Уитни), Нельсон Рокфеллер, Генри Киссинджер, Фрэнк Линдси и Уильям Банди из ЦРУ.

Взаимосвязь между миллиардами Рокфеллера и правительством США превосходила даже связь с Фондом Форда. Джон Фостер Даллес, а позже и Дин Раск стали госсекретарями прямо с поста президента Фонда Рокфеллера.

Ещё две заметные фигуры холодной войны - Джон Дж. Макклой и Роберт А. Ловетт (Robert A. Lovett) - были авторитетными доверенными лицами Рокфеллера. Ключевая позиция Нельсона Рокфеллера в этом фонде гарантировала тесную связь с разведывательным сообществом США: он

[296]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.

курировал всю разведку в Латинской Америке во время Второй мировой войны. Позже его коллега в Бразилии полковник Дж.С. Кинг (J.C. King) стал начальником службы тайных операций ЦРУ в западном полушарии. Когда Нельсон Рокфеллер был назначен Эйзенхауэром в Совет национальной безопасности в 1954 году, в его компетенцию входило утверждение различных тайных операций. Чтобы получить какую-либо дополнительную информацию о деятельности ЦРУ, ему достаточно было попросить об этом своего старого друга Аллена Даллеса. Одним из вопросов, вызывавших самые острые споры в этом отношении, была программа ЦРУ MK-Ultra («Манчжурский кандидат»), связанная с исследованием контроля умственной деятельности, которая проводилась в течение 1950-х годов. Указанное исследование финансировалось грантами из Фонда Рокфеллера.

Находясь у руля собственного разведывательного подразделения во время войны, Нельсон Рокфеллер не занимал должностей в УСС и, несомненно, на всю жизнь затаил неприязнь к Уильяму Донована. Но он был лишён предрассудков по отношению к ветеранам УСС, которые в большом количестве вербовались в Фонд Рокфеллера. В 1950-х годах сотрудник УСС Чарлз Б. Фахс (Charles B. Fahs) стал руководителем гуманитарного подразделения фонда. Его помощником был ещё один ветеран УСС Чадборн Гилпатрик (Chadbourne Gilpatric), прибывший в фонд непосредственно из ЦРУ Эти два человека были убеждёнными соратниками Конгресса за свободу культуры и отвечали за распределение крупных дотаций Рокфеллера в подразделении Джоссельсона.

Не менее важной фигурой, чем Нельсон Рокфеллер, был его брат Дэвид. Он контролировал Комитет денежных пожертвований Фонда «Чейз Манхэттен банк», был вице-президентом, а затем президентом самого банка, попечителем Совета по международным отношениям, председателем исполнительного комитета Международного дома (International House) и близким другом Аллена Даллеса и Тома Брейдена. «Я часто инструктировал Дэвида, полуофициально и с позволения Аллена, по поводу того, чем мы занимаемся, - вспоминал Брейден. - Он думал так же, как мы, и одобрял всё, что мы делали. Как и мы, он понимал, что единственным способом победить в холодной войне был наш способ. Иногда Дэвид давал мне деньги для действий в соответствии с нашим бюджетом. Он передал большую сумму на определённые цели во Франции. Помню, он дал мне 50 тысяч долларов США для кого-то, кто активно пропагандировал идею объединённой Европы среди европейских молодёжных групп. Этот парень пришёл ко мне со своим проектом, и я сказал об этом Дэвиду. Дэвид просто дал мне чек на 50 тысяч долларов США. ЦРУ никогда не мелочилось» [297].

Подобные сделки придавали новое значение практике государственного произвола и были неизбежным побочным продуктом американской внешней политики, наполовину приватизированной в течение этих лет холодной войны. Позже эта культура стала источником бедствий совершенно иного характера, таких, как военная мафия Оливера Норта. Уместным является следующее сравнение: как и архитектор Ирангейта «с его пристальным

[297]Tom Braden. Interview, Virginia, August 1996.

взглядом, непреклонным чувством долга и твёрдым убеждением, что цель оправдывает средства» [298], эти старые друзья ЦРУ никогда не сомневались ни в себе, ни в своих устремлениях.

[298]Neil Berry. Encounter, London Magazine, February-March 1995.

10. Кампания правды

«Недостаточно уметь писать на идише, нужно иметь, что сказать». И.Л. Перец (Y.L. Peretz)

Массовый фестиваль искусств, организованный Николаем Набоковым в 1952 году, позволил протестировать ряд возможностей тайной пропаганды Америки. В то время только предстояло открыть смысл изречения Маршалла Маклюэна (Marshall McLuhan): «Средство коммуникации есть сообщение».

Государственные стратеги всё ещё гадали, чем на самом деле является сообщение. Как позже сказал Уолт Ростоу (Walt Rostow), бывший сотрудник Управления стратегических служб и специальный советник Эйзенхауэра: «Проблема заключалась в том, что мы не знали, что сказать» [299]. Кто лучше рекламного агентства определит, что такое сообщение? В начале 1950-х годов один человек сделал больше, чем кто-либо, чтобы составить программу американской борьбы в сфере культуры. Председатель Национального комитета за Свободную Европу, а затем специальный советник Эйзенхауэра по вопросам психологической войны Чарлз Дуглас Джексон был одним из самых влиятельных тайных стратегов Америки. Он родился в Нью-Йорке в 1902 году. Его отец был состоятельным предпринимателем, занимавшимся импортом мрамора и камня из Европы. После завершения учёбы в Принстонском университете в 1924 году Джексон присоединился к семейному бизнесу и много путешествовал по Европе. Он налаживал контакты, которые очень пригодились в дальнейшем. В 1931 году Джексон вошёл в состав издательской империи «Тайм-Лайф» (Time-Life) Генри Люса в должности рекламного агента. Во время войны он был одним из ведущих специалистов Америки по вопросам психологической войны и работал заместителем руководителя Управления военной информации за рубежом, в странах Северной Америки и Ближнего Востока (Office of War Information Overseas, North America and Middle East), а затем - заместителем руководителя Управления психологической войны (Psychological Warfare Division) штаба верховного командования союзных экспедиционных сил (Supreme Headquarters Allied Expeditionary Force), во главе которого стоял Эйзенхауэр.

После войны Джексон возвратился в корпорацию «Тайм-Лайф», где стал вице-президентом журнала «Тайм». Он был одним из первых активистов нью-йоркской тусовки Аллена Даллеса, одним из «ковбоев Парк-авеню».

Затем, в 1951 году, Джексона пригласили принять участие в спонсируемом ЦРУ исследовании по реорганизации американских разведывательных служб. Результатом стало его назначение «внешним» директором по тайным операциям ЦРУ. Эти операции проводились через Кампанию правды и Национальный комитет за Свободную Европу, председателем которого он стал. Здесь Джексон собрал целый ряд выдающихся американцев, включая генерала Эйзенхауэра, готовых предоставить своё имя Комитету. Он был членом исполнительного комитета

[299] Walt Rostow. Telephone interview, July 1997.

радиостанции «Свободная Европа» вместе с Джеем Лавстоном и Артуром Шлезингером, директором Объединённого университетского фонда помощи негритянским студентам (United Negro College Fund), попечителем Бостонского симфонического оркестра вместе с «рыцарями холодной войны» Генри Кэботом Лоджем (Henry Cabot Lodge), Джейкобом Капланом и Эдвардом Тафтом (Edward Taft), а также членом правлений «Линкольн-центра» (Lincoln Center for the Planning of Arts) и «Метрополитен-оперы» вместе с Корнелиусом Вандербильтом Уитни (Cornelius Vanderbilt Whitney) и Нью-Йоркской корпорации Карнеги (Carnegie Corporation of New York).

Эйзенхауэр был хорошо знаком с Ч.Д. Джексоном ещё по военным кампаниям в Европе и Африке и брал у него уроки искусства манипулирования публикой. Именно с подачи Джексона Эйзенхауэр воспользовался услугами пиар-агентства во время своей избирательной кампании. Это сделало его первым кандидатом на пост президента (и побудило одного писателя выдумать шуточную поговорку: «Филип Моррис, Лаки Страйк, Алка Зельтцер, я люблю Айка»). Едва Эйзенхауэр вошёл в Белый дом в январе 1953 года в качестве тридцать четвёртого Президента Соединенных Штатов Америки, он сделал главное назначение в своей команде: Ч.Д. Джексон должен был стать специальным советником президента по вопросам психологической войны.

Эта должность сделала Джексона неофициальным министром пропаганды с практически неограниченными полномочиями.

Первой задачей Джексона стала консолидация ресурсов тайной войны Америки. Полномочия по ведению психологической войны и пропагандистским операциям были в то время разграничены между Государственным департаментом, Администрацией экономического сотрудничества (которая руководила реализацией «Плана Маршалла»), Управлением военной разведки и ЦРУ, а также внутри самого ЦРУ. Однако зачастую операции осуществлялись независимо Управлением координации политики во главе с Уизнером.

Наблюдая за организационными спорами и межведомственной конкуренцией указанных государственных учреждений, Джексон пришёл к выводу, что они ведут себя подобно «профессиональным любителям». Кроме того, он выразил своё недовольство в связи с «абсолютным отсутствием политики в Вашингтоне, полным вакуумом». По его мнению, были «возможности и проблема. Возможности заключались в восстановлении нашей движущей силы на мировой арене, в основе которой лежат не доллары, а идеи. На смену нашей движущей силе, существовавшей до сегодняшнего момента, а именно самозащите и долларам, должна прийти преданностью идеалу. Перед нами открывается возможность возрождения американского плана действий во всём мире… проблема заключается в том, как сохранить движущую силу и не отступить». Одним словом, существовала потребность в детальном «проекте политики и плане психологической войны США». Его цель заключалась в «победе в Третьей мировой войне без фактической борьбы» [300].

[300]C.D. Jackson. Notes of meeting, 28 April 1952 (CDJ/DDE).

«Нашей целью в холодной войне является не захват территории или подчинение с помощью силы, - пояснил президент Эйзенхауэр на пресс-конференции. - Наша цель более тонкая, более глубокая, более совершенная. Мы пытаемся мирным путём заставить поверить в правду. Такая правда состоит в том, что американцы хотят создать мир, в котором люди имели бы все возможности для максимального индивидуального развития. Средства, которые мы будем использовать для утверждения такой правды, часто называются психологическими. Не бойтесь этого слова только потому, что оно труднопроизносимое и шестисложное. Психологическая война - это борьба за умы и чаяния людей» [301].

Чтобы преодолеть разобщённость и избежать внутренней конкуренции при проведении тайных операций в правительстве, Министерство обороны и ЦРУ предложили независимому совету координировать психологические операции. Несмотря на сопротивление Государственного департамента, Джордж Кеннан поддержал эту идею и убедил президента Трумэна подписать секретную директиву о создании Совета по психологической стратегии (Psychological Strategy Board) 4 апреля 1951 года. Именно этот совет (его название вскоре было сведено до аббревиатуры PSB) получил указание разработать «проект политики», к которой призывал Ч.Д. Джексон.

Доктринальный, или идеологический, план Совета по психологической стратегии был впервые предложен в стратегическом документе под названием PSB D-33/2. Сам документ всё ещё находится под грифом секретности. Однако в пространной служебной записке обеспокоенный сотрудник PSB Чарлз Бартон Маршалл (Charles Burton Marshall) привёл отрывки, которые произвели на него наибольшее впечатление: «Как {может) правительство выдвигать свою собственную доктринальную систему, не избежав тоталитаризма? В документе этого не указано. На самом деле в нём единообразие принимается как замена разнообразия. Его условием является система, подводящая основу под «определённый тип социальных убеждений и структуры». Она представляет собой «совокупность принципов, отражающих устремления человека», и охватывает «все сферы человеческой мысли, все сферы интеллектуальных интересов - от антропологии и художественного творчества до социологии и научной методологии». Маршалл (вынужденный стать непреклонным оппонентом PSB) раскритиковал призыв документа к созданию «машины, генерирующей идеи, отображающие американский образ жизни на систематической и научной основе».

«Он предусматривает «доктринальное производство» в рамках «координационного механизма», - заметил Маршалл. - Он предполагает «вознаграждение за быстрые и действенные меры, направленные на побуждение к генерированию и распространению идей»... Он предполагает «долгосрочное интеллектуальное движение», обусловленное такой инициативой. Его цель заключается не только в том, чтобы противостоять коммунизму, но и «сломать мировой догматический образ мыслей», обеспечивающий интеллектуальную базу для «доктрин, враждебно

[301]Dwight D. Eisenhower. Цитата из Blanche Wiesen Cook. The Declassified Eisenhower.

настроенных по отношению к американским целям». - Вывод Маршалла был непреклонным: - Это настолько тоталитарно, насколько можно себе представить» [302].

Маршалл также не согласился с расчётом PSB на «нерациональные социальные теории». Последние подчёркивали роль элиты, «что в некотором смысле напоминало о Парето, Сореле, Муссолини и других». Не эти ли модели использовал Джеймс Бэрнхам в своей книге «Макиавеллианцы» (The Machiavellians)? Возможно, они использовали эту книгу при составлении PSB D-33/2, а также теорию элит Бэрнхама. «Личностям отводится третьестепенное значение, - продолжал Маршалл. - Предполагаемая элита возникает как единственная группа, которую следует принимать во внимание. Элита определяется как количественно «ограниченная группа, которая в состоянии манипулировать доктринальными вопросами и заинтересована в этом». Она генерирует идеи и приводит в действие интеллектуальные рычаги «при формировании или, по крайней мере, создании предпосылок к отношениям и мнениям» тех, кто, в свою очередь, управляет общественным мнением» [303]. Как понял Маршалл, PSB планировал работать над умами элит в каждой области так, чтобы склонить её представителей к «философии, проповедуемой разработчиками». Использование местной элиты было необходимо для сокрытия американских корней инициативы, чтобы «она казалась естественной». Однако она была направлена не только на иностранцев. Хотя документ и отрицал какое-либо намерение пропаганды внутри Америки, он включал программу внедрения идей в военных структурах в форме комиксов для военнослужащих и обязывал их капелланов пропагандировать эти идеи [304].

Резкая критика господина Маршалла нанесла удар по основам американской секретной программы культурной войны. Теория элиты легла в основу доктринального документа Совета по психологической стратегии и была именно той моделью, которая использовалась ЦРУ для поддержки некоммунистических левых и Конгресса за свободу культуры. Комментируя использование интеллектуальной элиты для развития «философии, проповедуемой разработчиками», агент ЦРУ Дональд Джеймсон ни в коей мере не иронизировал, когда говорил: «Что касается отношения, которое Управление стремилось внушить с помощью таких мероприятий, - им хотелось, чтобы люди в своих размышлениях и убеждениях считали: всё, что делает правительство США, является правильным» [305].

---

[302]Charles Burton Marshall to Walter J. Stoessel. 18 May 1953 (CDJ/DDE).
[303]Там же.
[304]Там же.
[305]Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994. «С точки зрения (ЦРУ) этот образ действительно напоминает собаку на слишком длинном поводке. Ключом к его успеху среди интеллигенции, которые, как утверждали, были приверженцами свободы и независимости, был расчет ЦРУ на то, что некоторые, если не большинство, должны получить разрешение остаться «неосведомленными», потому что они были в целом согласны с политикой ЦРУ, либо могли больше сотрудничать или быть полезными, если бы им разрешалось вести себя как будто они не осведомлены». Richard Elman. The Aesthetics of the CIA (неопубликованная рукопись).

Однако критика Маршалла не была услышана. Директор Совета по психологической стратегии Рэймонд Аллен (Raymond Allen) сделал надменное заявление: «Принципы и идеалы, которые нашли отражение в Декларации независимости и Конституции, предназначены для экспорта и… являются наследием человечества, где бы то ни было. Мы должны взывать к основным чаяниям всего человечества. Они, на мой взгляд, одинаковы как у фермера в Канзасе, так и у фермера в Пенджабе» [306]. В мае 1952 года вновь утверждённый Совет по психологической стратегии официально принял на себя контроль над ходом и временем реализации программы ЦРУ по психологической войне под кодовым названием «Пакет» (Packet). Это дало ему возможность контролировать кампанию ЦРУ с целью оказания давления на зарубежных «политиков, формирующих общественное мнение». К ним относились журналисты и комментаторы, художники, преподаватели и учёные, которым импонировал коммунизм.

Возврат этих влиятельных фигур к истокам «свободы» предполагал наличие программы «учебных мероприятий, таких как семинары и симпозиумы, специальных фолиантов, научных журналов, библиотек, обмена людьми, талантливой профессуры и т.д.». В связи с этим Совет по психологической стратегии взял на себя обязательство контролировать Движение морального перевооружения, Кампанию в защиту свободы, радиостанцию «Свободная Европа», Движение за мир и свободу (Paix et Liberte), Американский комитет за свободу культуры и даже операции, включающие радиовещание с судов, «трёхмерные кинофильмы» и «использование народных песен, фольклора, народных сказок и странствующих рассказчиков». К июню 1953 года «Пакет» был лишь небольшой частью доктринальной программы. Её «психологические цели» были определены в новом документе как «призыв интеллигенции, учёных и групп, формирующих общественное мнение», к действиям с целью «разрушения мирового доктринального образа мышления, который обеспечил интеллектуальную основу для коммунизма и других доктрин, враждебных целям Америки и свободного мира». Предполагалось, что эта кампания убеждения может «внести замешательство, посеять сомнения и разрушить уверенность в принятом образе мышления убеждённых коммунистов {и) уподобляющихся им карьеристов». ЦРУ получило приказ «уделять первостепенное и непрерывное внимание всей деятельности, поддерживающей цели этой программы» [307]. Уже меньше чем через два года после создания Совет по психологической стратегии «наконец стал неотъемлемой составляющей при разработке и реализации внешней политики» [308].

Имея беспрецедентный доступ к тайным махинациям Совета по психологической стратегии и связанных с ним государственных учреждений, Ч.Д. Джексон стал самой популярной фигурой в этом узком круге власти, получившем название «невидимого правительства». Восседая

---

[306]Raymond Allen. Цитата из Scott Lucas. The Psychological Strategy Board, International History Review, vol. 18/2, May 1996.
[307]Psychological Strategy Board, US Doctrinal Program, 29 June 1953 (PSB/DDE).
[308]Scott Lucas. Цит. произв.

на престоле как некий восточный властелин или дельфийский оракул, он постоянно принимал посетителей, обращавшихся за советом по различным вопросам. Подробные протоколы этих посещений дают уникальную возможность взглянуть на мир тайных операций. Из Совета по психологической стратегии выходили агенты, вооружённые планами доктринальной борьбы, в том числе планами передачи различных средств печатной пропаганды через железный занавес в наполненных гелием шарах.

Выходцем Департамента информационных исследований был Адам Уотсон. Он предоставил Джексону меморандум о британской политике психологической войны, «которая, как заверил меня Уотсон, проводилась правительством Её Величества уникальным и беспрецедентным образом. В связи с этим он поднял такой вопрос. Британская сторона передаёт нам практически всю информацию, а у нас для них ничего нет. Я ответил, что координаторы хорошо понимают эту ситуацию, и я надеюсь, что вскоре всё изменится». Уотсон стал ценным контактным лицом для Джексона, с которым он познакомился в 1951 году в Британском посольстве в Вашингтоне. Там Уотсон налаживал связь с ЦРУ. После этого Джексон «тесно сотрудничал с ним» и рекомендовал Уотсона Нельсону Рокфеллеру, сменившему Джексона в Белом доме в 1954 году, как человека, которому «действительно нравятся более полезные неофициальные и непринуждённые взаимоотношения» [309].

Уотсон неоднократно доказывал, что он являлся влиятельным союзником Конгресса за свободу культуры на протяжении многих лет. Выходцем из Конгресса за свободу культуры был и Юлиус Флейшман. Он прибыл, чтобы обсудить возможности Конгресса за свободу культуры.

Последний спонсировал европейское турне «Метрополитен-оперы». Позже появился Даниэл Белл. Он пришёл «поговорить насчёт Милоша и обсудить предстоящую научную встречу, спонсируемую Конгрессом за свободу культуры» [310].

В лице Ч.Д. Джексона Конгресс за свободу культуры получил в Белом доме влиятельного союзника. Том Брейден быстро наладил контакт с Джексоном. Они регулярно встречались для обсуждения «накопившихся вопросов».

Их сотрудничество в связи с турне Бостонского симфонического оркестра в 1952 году убедило Джексона в полезности Конгресса. Он оценил его как «единственную известную мне организацию, действительно оказывающую серьёзное антикоммунистическое антинейтралистское влияние на интеллигенцию в Европе и Азии» [311]. Кроме того, он был высокого мнения о многих его активных членах. Некоторых из них он рекомендовал в качестве кандидатов на государственную службу: Сидни Хука, Джеймса Бэрнхама («комментатора, умевшего хорошо выражать свои мысли относительно «отдела грязных трюков»), редактора журнала «Нью

[309]C.D. Jackson. Log Files (CDJ/DDE).
[310]Там же.
[311]C.D. Jackson to Henry Luce. 28 April 1958 (CDJ/DDE).

Лидер» Сола Левитаса («определённо стоявшего на стороне ангелов») и Даниэла Белла, который работал на журнал Люса «Форчьюн» (Fortune) и, по словам Джексона, «хорошо знал коммунистические методы ведения холодной войны» [312]. Он также был поклонником Николая Набокова. Именно Джексон рекомендовал внести Набокова в список лиц для использования в психологической войне. По его мнению, эти люди были способны занимать важные должности. Список был передан в аппарат министра сухопутных войск в 1950 году.

Союз Джексона с Конгрессом длился много лет (в 1954 г. он стал членом правления Американского комитета) и принёс Конгрессу многочисленные преимущества, помимо престижа скрытой поддержки Джексона. Когда Конгрессу требовалась помощь в журналах Люса, Джексон был готов её обеспечить. Когда Конгрессу необходимо было взаимодействие с Комитетом за свободную Европу и радиостанцией «Свободная Европа», Джексон мог выступить связующим звеном. Когда Конгресс нуждался в «частных» дотациях, Джексон мог воспользоваться своими многочисленными деловыми контактами, чтобы обеспечить получение необходимых средств. Однако самым важным был политический престиж организации, полученный благодаря Джексону. У организации, как ни удивительно, было не так уж много защитников, представлявших капитал. «В Вашингтоне ни у кого не было достаточной репутации для поддержки Конгресса. Никто не был уверен, что хочет иметь такую репутацию для его поддержки, - отмечал Лоуренс де Новилль. - Большинство людей были озадачены. Мы создали его, однако у нас нет необходимой реальной структуры в Вашингтоне» [313]. Благодаря героическим усилиями Майкла Джоссельсона Конгресс за свободу культуры выжил и даже процветал в условиях такого скептицизма.

После активной работы в течение нескольких последующих лет Майкл Джоссельсон взял небольшой перерыв в борьбе за умы и чаяния человечества. 14 февраля 1953 года он вступил в брак с Дианой Додж. Свидетелем на свадьбе был Лоуренс де Новилль. Для обоих этот брак стал вторым. Джоссельсон женился на Колетт Джуберт (Colette Joubert) в Гаване в 1940 году, но они развелись. Всегда скрытный, он никогда никому не рассказывал о ней. И тем не менее хранил выцветшую вырезку из нью-йоркской газеты за февраль 1963 года, где сообщалось о чудовищном убийстве Колет: она была задушена и найдена связанной с кляпом во рту после изнасилования в своих апартаментах в Верхнем Истсайде.

Майкл и Диана провели своё свадебное путешествие на Майорке. Сразу после возвращения в Париж Майкл признался своей новой жене, что работает на ЦРУ и что Конгресс за свободу культуры является «собственностью» Управления. Диана уже поняла по отношениям между Майклом и Конгрессом, что для него они значили нечто большее, чем импортно-экспортные операции, как было указано в визитной карточке. Сначала она предположила, что он работает на русских, и с облегчением обнаружила, что он на «правильной» стороне. Диана получила псевдоним

[312]C.D. Jackson to Abbott Washburn. 2 February 1953 (CDJ/DDE).
[313]Lawrence de Neujville. Telephone interview, April 1997.

Джин Энзингер (Jean Ensinger). С тех пор между ними существовало что-то наподобие партнёрства.

Диана Джоссельсон хорошо подходила для задания. Бывший стипендиат Фулбрайта (стипендия Фулбрайта - самая престижная в области международного обучения в США. - Прим. ред.), она обладала глубокими знаниями по вопросам профсоюзов: ранее была редактором дайджеста рабочей прессы США, а затем - в Управлении профсоюзов «Плана Маршалла» под руководством Джея Лавстона и Ирвинга Брауна. «Я была молода и привлекательна и имела большой успех у всех рабочих лидеров», - вспоминала Диана. В круг её обязанностей в Управлении профсоюзов входило составление отчётов о деятельности коммунистических профсоюзов в Европе. В связи с этим она имела доступ к секретным материалам. Такая деликатная работа требовала разрешения со стороны ЦРУ. Позже Диана узнала, что зарплата ей выплачивалась из фондов дополнительного финансирования, находившихся в распоряжении ЦРУ.

Джин Энзингер и Джонатан Ф. Саба (Jonathan F. Saba) вместе писали депеши и докладные записки, зашифрованные для передачи в Вашингтон.

Они передавались сотруднику ЦРУ за стаканчиком мартини в апартаментах Джоссельсона. «У всех сотрудников ЦРУ были одинаковые чемоданы-дипломаты с двойным дном для депеш. На самом деле это выглядело очень комично. Их можно было узнать за милю - у всех стандартный чемодан-дипломат. Это было забавно. Мы читали входящие депеши, после чего я сжигала их в туалете» [314], - вспоминала Диана. Она очень хорошо подходила для этой работы и знала, как уберечь секреты даже от собственной матери.

Однажды сотрудник ЦРУ Ли Уильямс вышел за детским питанием для Дженнифер, первого и единственного ребёнка Джоссельсонов. Когда он вернулся, Диана была вынуждена познакомить его со своей матерью. Мать приехала из Штатов, чтобы помочь ухаживать за ребёнком. Увидев книгу «Джейн Эйр» на столе, Диана пробормотала: «Это, э-э-э, господин Рочестер». «Как странно! Господин Рочестер. Прямо как в «Джейн Эйр»!» - воскликнула её ничего не подозревавшая мать. Диана не назвала настоящее имя Ли Уильямса, которое само по себе ничего бы не раскрыло. Но это свидетельствует о том, насколько сильно она увлеклась «большой игрой». Когда мать Дианы наконец узнала правду, она была «поражена этой новостью» [315].

Будучи хорошо информированной о работе Майкла, Диана каждый день восхищалась его необычайной эрудицией. Его способность координировать запросы Вашингтона, учитывая при этом зачастую изменчивые нравы интеллектуалов из Конгресса, восхищали её.

«Без него Конгресс был бы несостоятелен, - как-то обмолвилась она. - Лучшей порой Конгресса, как я полагаю, были первые сто дней правления Кеннеди. Это было удивительное время. Ты чувствовал себя сопричастным

[314]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.
[315]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

всему, что где-либо происходит. Всё шло прекрасно, всё было наполнено жизнью. Майкл мог быть в курсе всего. Меня восхищало, как утром он мог говорить о драматургах в Боливии, днём - о писателях в Азии, а вечером он и Николай общались по телефону на четырёх языках. Я помню, как сидела со Стравинскими в кафе в Париже, и его жена делилась со мной рецептом приготовления блинов. Для нас это было замечательное время. Холодная война, Конгресс за свободу культуры - это было сродни Французской революции или Оксфордскому движению. Вот как всё это ощущалось». [316].

Джоссельсоны часто встречались с Томом Брейденом, который регулярно путешествовал по Европе. Они могли пойти в ресторан или на теннисный турнир «Роланд-Гаррос», либо поехать с Брейденом на велосипедах на велодром «Д'Ивер» - «стадион с ужасным прошлым». Сюда свозили евреев во время массовых облав под городом Виши. Джоссельсоны также поддерживали постоянный контакт с Ирвингом Брауном. Иногда они встречались с ним за его столиком в ночном гей-клубе под названием «Индифферент» (L'Indifferent). Однажды они пришли туда и увидели, как Браун передаёт крупную сумму денег «какому-то головорезу из Марселя» [317]. Браун в то время занимался созданием Средиземноморского комитета. Это была группа лиц, нанятых для обеспечения охраны во французских портах при разгрузке грузов в рамках «Плана Маршалла» и американского оружия для НАТО. Брейден прокомментировал с оттенком сухой иронии способность Брауна упрощать такие мероприятия: «Для того, кто принимал активное участие в избиении «коммуняк» в доках Марселя, странно проявлять интерес к Конгрессу за свободу культуры» [318].

«Американская федерация профсоюзов имела реальный опыт коммунистической деятельности и была именно той точкой, с которой следовало начинать борьбу, - отмечала Диана Джоссельсон. - Брауну импонировали любого рода насильственные методы, штрейкбрехерство в Марселе и прочее. Нам с Майклом было очень забавно заходить в ночной клуб и наблюдать, как Ирвинг передаёт деньги группе хулиганов, и я уверена, что Ирвинга точно так же забавляли интеллектуалы. Я думаю, что Ирвинга, которому не был знаком ни Пикассо, ни Бодлер, Конгресс привлекал гламурностью, а такие связи были нужны» [319].

В выходные Майкл и Диана бродили по антикварным магазинам и галереям левого берега. Они перекусывали бутербродами и аквавитом, потом заказывали по чашечке чая в «Кафе де Флор» (любимом заведении Сартра) или в ресторане «Два маго». По воскресеньям они выезжали на

---

[316]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

[317]Там же. Ирвинг Браун имел многочисленные и разнообразные контакты, и распоряжаясь столь крупными деньгами, он стал вести дела с опасными людьми. Недавно обнаруженные документы свидетельствуют о том, что Федеральное бюро по обороту наркотиков следило за Брауном в середине 1960-х из-за подозрений в торговле наркотиками в США (или отмывании денег от торговли наркотиками). Документы раскрывают связь Брауна с известными французскими криминальными авторитетами и их партнерами в итальянской мафии. Federal Bureau of Narcotics, memorandi, October 1965. Я благодарна Тони Кэрью за то, что он мне показал эти документы.

[318]Тот Braden. Interview, Virginia, July 1996.

[319]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

пикник в Фонтебло или катались на лодке по Сене. Иногда они встречались с де Новиллем. Это было конгениальное трио, связанное настоящей дружбой и общей тайной. После одного из походов по магазинам де Новилль возвратился гордым владельцем двух картин Брака. Годы спустя дочь Джоссельсона Дженнифер стала экспертом по современному искусству. Скрепя сердце, она сообщила, что это были подделки.

Благодаря заявлению Джоссельсона в Парижском офисе Конгресс приобрёл репутацию хорошо организованного центра интеллектуального сопротивления коммунизму. В журнале «Прев» Джоссельсон выступил с замысловатой политической речью по основным вопросам искусства и культуры того периода. В то время немецкое отделение Конгресса переживало один кризис за другим. В этих условиях Джоссельсон мог рассчитывать на Мелвина Ласки, а вскоре и на журнал «Монат», унаследованный Конгрессом от Фонда Форда в 1954 году, для защиты интересов Конгресса. Компаньоны в других странах испытывали разного рода проблемы начального периода, суть которых сводилась к невозможности привлечь интеллигенцию к сотрудничеству, не став жертвой разногласий и не задевая за живое. Однако их проблемы выглядели бурей в стакане воды по сравнению с ураганом, разразившимся в Американском комитете.

11. Новый консенсус

> ***«Художник должен быть реакционером. Он должен идти против движения своего века, не подстраиваясь под него; он обязан оказывать ему пусть даже незначительное противодействие». Ивлин Во (Evelyn Waugh). «Я выбираю Запад». Дуайт Макдональд*** *(Dwight Macdonald). 1952*

Основной силой, стоявшей за Американским комитетом за свободу культуры, основанным в Нью-Йорке в 1951 году, был Сидни Хук, его первый председатель. По утверждениям Лоуренсаде Новилля, он был «консультантом по контрактам» ЦРУ. Ирвинг Кристол, ещё один выпускник Нью-Йоркского сити-колледжа, занимал должность исполнительного директора с годовым окладом 6500 долларов США. В 1954 году оклад вырос до 8500 долларов США.

Тогда на смену Кристолу непосредственно из Информационной службы США (United States Information Service) пришёл Сол Штейн (Sol Stein), работавший в подразделении идеологического анализа. Целью Комитета как официального американского филиала Конгресса было представительство широкой коалиции либерального и левоцентристского избирательных округов, составлявших основу организации. Однако если Конгресс и мог игнорировать своих бескомпромиссных активистов, таких как Кёстлер, у него не было подобных полномочий в отношении Американского комитета, который вскоре разделился на сторонников умеренных взглядов и воинствующих активистов. «В то время к коммунизму можно было относиться либо жёстко, либо мягко», - объяснял Джейсон Эпштейн. Он вспоминал, как Диана Триллинг (Diana Trilling), «стоя за креслом Лайонела {Триллинга) во время званого ужина, говорила: «Никто из вас, мужчины, не является достаточно жёстким для меня!». Они были смешными людьми, которые варились в одном котле» [320].

Вместе с Триллингами варилось и мощное объединение интеллектуалов-консерваторов из тех, кого в шутку окрестили «кибуцем Верхнего Вестсайда». К ним относились Джеймс Бэрнхам, Арнольд Байхманн (Arnold Beichmann), Питер Вирек (Peter Viereck; его отец был известным сторонником фашистов), художественный критик Клемент Гринберг (Clement Greenberg) и Эллиот Коэн (Elliot Cohen), редактор журнала «Комментарий» (Commentary) и неофициальный советник по вопросам коммунизма в изданиях Люса. Что касается стиля и содержания, они придерживались полного антикоммунизма.

«Некоторые люди, такие как Байхманн и Триллинги (в основном Диана), были настроены исключительно проамерикански и полагали, что мы не справляемся с работой. Диана к тому же была достаточно саркастична», - вспоминал Ирвинг Кристол [321]. Ещё один из членов организации вспоминал о «нездоровом чувстве превосходства многих американцев: мы выиграли войну и теперь собираемся реорганизовать Европу на свой манер. Такими людьми были в основном вооружённые бандиты из Нью-Йорка. Они отдавали

[320]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.
[321]Irving Kristol. Interview, Washington, July 1996.

предпочтение более благовидной с моральной точки зрения непримиримости и считали, что мы идём более лёгким путём соглашательства. Некоторые даже полагали, что Конгресс полон коммунистов» [322].

Умеренные взгляды Американского комитета представляли Артур Шлезингер, теолог холодной войны Рейнхольд Нибур, Джеймс Т. Фаррелл, Ричард Ровер (Richard Rovere) из журнала «Нью-Йоркер», бывший глава социалистической партии и шестикратный кандидат на пост президента Америки Норман Томас, а также редактор журнала «Партизан Ревью» Филип Рав. Между двумя фракциями болтались Ирвинг Кристол (который позже стал ярым рейгановцем), ещё один редактор журнала «Партизан Ревью» Уильям Филлипс и Сидни Хук, заинтересованный в мирном сосуществовании двух групп - в то время он продвигал интересы Комитета у начальника ЦРУ Уолтера Беделла Смита (Walter Bedell Smith), которого в 1953 году заменил Аллен Даллес, и первого директора Совета по психологической стратегии Гордона Грея (Gordon Gray; встречи, которые Хук обошёл вниманием в своей автобиографии) [323].

Эти связи с оперативными сотрудниками разведки высокого уровня указывали на ещё более искусное участие в тайной культурной войне, чем когда-либо был готов признать Хук. Его статья «Противостояние великой лжи: основная стратегия», опубликованная в газете «Нью-Йорк Таймс» в марте 1951 года, была отредактирована Советом по психологической стратегии, Ч.Д. Джексоном и ЦРУ. В ней господин Хук говорил об угрозе демократии со стороны международного коммунизма и призвал к полному использованию «всех возможностей эффективной политической борьбы в защиту демократии... Демократия должна занять агрессивную позицию в политической борьбе против тоталитарного режима Советского Союза и не отступать от неё... Насколько успешной может быть такая политическая борьба, невозможно предсказать заранее. Расходы на её раскрутку можно смело сравнить со стоимостью полдюжины бомбардировщиков» [324]. Для Хука Американский комитет был базукой в американском политическом арсенале, и он работал с присущим ему энтузиазмом для укрепления своих позиций.

Джоссельсон направил свои усилия именно на центристов, чтобы обеспечить соответствие политических взглядов Американского комитета взглядам Конгресса. Однако Шлезингер и его союзники были не в состоянии подавить неуправляемую группировку противников компромисса, и разногласия между Комитетом и Парижским офисом почти сразу всплыли на поверхность.

---

[322] John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.

[323]На контакты Сидни Хука с ЦРУ и Психологическим стратегическим советом указано в письме от Гордона Грея к Хуку от 4 октября 1951 г. (GG/DDE). По словам Лоуренса де Новилля, Хук регулярно консультировал ЦРУ по вопросам, представляющим взаимный интерес. В 1955 г. Хук напрямую участвовал в переговорах с Алленом Даллесом и Кордом Мейером в ЦРУ по вопросам финансирования испытывающего трудности Американского совета за свободу культуры.

[324] Sidney Hook. To Counter the Big Lie — A Basic Strategy, New York Times Magazine, 11 March 1951.

Американцы с презрением отнеслись к массовому фестивалю Набокова в Париже, обвинив Конгресс в легкомыслии. Эллиот Коэн, который в своих политических убеждениях был не таким экстремистом, как Джеймс Бэрнхам, спросил: «А не упускаем ли мы из виду наши задачи и цели в атмосфере такого ажиотажа? Если это так, то с кем можно иметь дело?» [325]. Другой критик высмеял это как «обращение к снобам и эстетам» и подрыв репутации Конгресса как «серьёзной интеллектуальной силы» [326].

Восхищение силой было в Американском комитете достаточно очевидным и достигло своей кульминации в 1952 году после симпозиума журнала «Партизан Ревью», констатировавшего зарождение новых позитивных отношений между интеллигенцией и государством. Симпозиум, получивший название «Наша страна и наша культура», рассматривал один вопрос за другим. Его целью, как писали редакторы, было «изучение неоспоримого факта, заключавшегося в том, что американские интеллектуалы теперь по-новому смотрят на Америку и её институции. Немногим более 10 лет назад считалось, что Америка враждебно относится к искусству и культуре. С тех пор ситуация начала меняться, и многие писатели и интеллигенция чувствуют себя ближе к своей стране и её культуре...

С политической точки зрения не вызывает сомнений, что демократия по-американски имеет объективное положительное качество: это не просто капиталистический миф, а реальность, которую необходимо защищать от русского тоталитаризма... Европа потеряла свой авторитет; она уже не имеет культурного наследия, вдохновлявшего и подводившего основу под критику американского образа жизни. Маховик набрал полные обороты, и теперь Америка стала защитником западной цивилизации» [327].

Интеллектуальная жизнь в Нью-Йорке в 1930-х годах была связана главным образом с событиями, происходящими в Москве, и для отражения её проблем служил журнал «Партизан Ревью», основанный группой троцкистов из Нью-Йоркского сити-колледжа. Начав свой путь как фирменный журнал Клуба Джона Рида, большинство членов которого были приверженцами коммунизма, «Партизан Ревью» создал сложный язык для выражения марксистских идей.

Однако события 1939-1940 годов разрушили его принципы. После подписания советско-германского пакта о ненападении большая часть интеллигенции начала отказываться от взглядов ленинского коммунизма в пользу диссидентского радикализма Троцкого. Некоторые просто ушли из левых сил, перейдя на сторону политического центра и даже правых. После этого журнал «Партизан Ревью» начал создавать контрязык для выражения антисталинистских идей и пересмотра радикализма в некоммунистическом контексте.

Возвращаясь к идее Америки подобно раскаявшимся блудным сыновьям, интеллектуалы и художники вышли из «тёмного периода» 1930-х

---

[325] Elliot Cohen. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.
[326] Norbert Muhlen. Цитата из Peter Coleman. Там же.
[327]Our Country and Our Culture, Partisan Review, May — June 1952.

годов и «оживились в связи с неожиданными и поразительными новыми возможностями как в жизни, так и в сознании. Существовал мир, на который, казалось, никому не надоедало смотреть, и каждый, радостно отказываясь от своих марксистских убеждений, спешил познакомиться с ним» [328].

Эти возродившиеся интеллектуалы, искавшие что-либо взамен историческим абсолютам, которые никоим образом не оправдали их ожидания, нашли ответ в Америке, а точнее, в американизме. Выступая в качестве литературного аналога концертной пьесы Аарона Копланда «Фанфары для простого человека», симпозиум журнала «Партизан Ревью» сообщил о таком открытии Америки, как если бы это происходило впервые. «Американские художники и интеллектуалы обрели новый смысл в принадлежности к своему отечеству, - писал Уильям Филлипс, - и, как правило, чувствовали, что их собственная судьба связана с судьбой их страны» [329]. Подобно тому, как интеллигенция связывала себя с Америкой, так и Америка посмотрела на неё в новом свете. «Интеллектассоциировался с силой, как никогда раньше в истории, и теперь воспринимается как разновидность власти», - отмечал Лайонел Триллинг [330].

«Возможно, впервые со времён Французской революции важные силы интеллектуального общества решили, что враждебность нынче не в моде, что можно поддерживать свою страну, не нарушая интеллектуальную и художественную целостность», - подчёркивал историк Кэрол Брайтман (Carol Brightman) [331]. Эти новые взгляды интеллектуалов нашли своё подтверждение, когда в журнале «Тайм» (Time) была опубликована тема номера «Парнас: от берега к берегу». В нём говорилось, что «Человек протеста уступил дорогу Человеку утверждения, и это та самая роль, которую сыграла интеллигенция, когда нация была молодой» [332].

В этот момент марксисты-уклонисты начали превращаться из отказников в «самодовольных обывателей», а идеологи Нью-Йоркского сити-колледжа вместе с более язвительными боевыми компаньонами, такими как Дуайт Макдональд, потеряли вкус к классовой борьбе, и маловероятно, что к ним обращались за рекомендациями амбициозные студенты. «Быстрота, с которой я перешёл от либерализма к радикализму и превратился из умеренного приверженца коммунизма в ярого антисталиниста, до сих пор поражает меня», - писал позднее Дуайт Макдональд [333].

Описывая такую политическую трансформацию, его биограф пришёл к выводу: «Независимость Дуайта, его самопровозглашённый негативизм, его отказ принимать какой-либо вид националистической лояльности ознаменовали его политические взгляды и служили опорой в политической жизни. Это не было предательством: он просто путём своего болезненного самоанализа пришёл к тому моменту, когда у него не оказалось какой-либо

[328]Norman Podhoretz. Making It (London: Jonathan Cape, 1968).
[329]William Phillips. Цитата из Leonard Wallock (изд.). New York.
[330]Lionel Trilling. Цитата из Leonard Wallock. Там же.
[331]Carol Brightman. Interview, New York, June 1994.
[332]Цитата из Leonard Wallock. Цит. произв.
[333]Dwight Macdonald. Politics Past, Encounter, March 1957.

жизнеспособной политической позиции, и оставалось выбирать «меньшее из зол». Для него это было обескураживающей дилеммой. Даже когда он продолжал отождествляться с радикальными или, по крайней мере, диссидентскими традициями и всё ещё чувствовал себя членом отлучённой элиты, находившейся в оппозиции американскому национализму, империализму и массовой культуре, он был настроен, пусть и непреднамеренно, на поддержку американской силы за границей и институции, созданной на родине» [334].

Филип Рав наблюдал за развитием событий с растущим беспокойством и предупреждал: «Антисталинизм стал почти профессиональной позицией. Это означает прежде всего, что он исключает практически все другие проблемы и идеи. В связи с этим они пытаются превратить антисталинизм в нечто, чего не может быть в принципе: общий взгляд на жизнь, и ничего иного, или даже философию истории» [335].

Штаб-квартирой «профессионального» антисталинизма стали Американский комитет за свободу культуры и журналы, редакторы которых были членами его совета, а именно «Комментарий», «Нью Лидер» и «Партизан Ревью». Однако теперь, когда центр начал укрепляться, «Партизан Ревью» находился на грани закрытия, частично из-за того, что Министерство финансов США угрожало лишить его безналогового статуса. 10 октября 1952 года Сидни Хук неожиданное обратился к Хауленду Сарджент (Howland Sargeant), заместителю госсекретаря, с просьбой о защите журнала как эффективного средства «борьбы с коммунистической идеологией за рубежом, особенно среди интеллектуалов», и сохранении безналогового статуса.

Даниэл Белл также проявил инициативу, выступив «посредником» в переговорах с Генри Люсом, который спас журнал, предоставив грант в размере 10 тысяч долларов США (кроме того, Люс пожертвовал Американскому комитету 71 акцию корпорации «Тайм»). «Насколько мне известно, информация об этом гранте никогда не доводилась до общественности. О ней не было известно даже вкладчикам и помощникам редакторов «Партизан Ревью», - писал позже Даниэл Белл [336]. Что ожидал получить Люс в обмен на свою инвестицию, непонятно. Джейсон Эпштейн позже заявил, что «материалы, опубликованные в «Партизан Ревью», стали вскоре появляться в «Тайм» и «Лайф» [337].

Несомненно, щедрая финансовая поддержка Люса, на которую однажды указала Американская коммунистическая партия, придаёт новое значение широко обсуждаемой «дерадикализации» американских интеллектуалов во времена холодной войны.

---

[334]Michael Wreszin. A Rebel in Defense of Tradition. The Life and Politics of Dwight Macdonald (New York: Basic Books, 1994).
[335]Philip Rahv. Цитата из Hugh Wilford. The New York Intellectuals (Manchester: Manchester University Press, 1995).
[336] Daniel Bell to John Leonard (mr.). Sunday Times Book Review, 16 October 1972 (MJ/HRC).
[337] Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.

ЦРУ впервые узнало о финансовых трудностях «Партизан Ревью» от Ирвинга Брауна. За год до того, как Люс предоставил фант, Сидни Хук написал Брауну об оказании помощи с целью поддержки «Партизан Ревью» и «Нью Лидер»: «Многие наши европейские друзья сообщали, что в Западной Европе растут антиамериканские и особенно нейтралистские настроения. Это связано с тем, что антинейтралистский демократический журнал «Нью Лидер» действительно находится на грани исчезновения в связи с растущими затратами.

Его исчезновение может стать культурной катастрофой» [338]. Он привёл те же доводы в отношении «Партизан Ревью» и попросил Брауна обеспечить за рубежом тираж в пределах от четырёх до пяти тысяч экземпляров для обоих журналов. Браун поручил решение проблемы Брейдену в Отделе международных организаций. Сразу после этого редактор журнала «Нью Лидер» Сол Левитас явился в офис Брейдена. «Господи, я помню этого парня, сидящего за столом и просящего денег», - вспоминал Брейден [339].

Левитас, русский эмигрант, который работал с Троцким и Бухариным, имел влиятельных спонсоров среди интеллигенции Америки. Ч.Д. Джексон хвалил его за «прекрасную работу по обеспечению фактически единственной объективной, нетенденциозной, проамериканской, высококачественной, прогрессивной литературы по обеим сторонам Атлантики» и отметил, что он «определённо на стороне ангелов» [340]. Несомненно, Аллен Даллес считал также. В 1949 году Левитас был инициатором, а Даллес настаивал на том, чтобы «комиссия внутренней безопасности» занималась проверкой подрывного влияния, направленного против США, и «использовала институты демократии для его искоренения». Несмотря на то, что Аллен Даллес помогал Белому дому реорганизовать разведывательную службу Америки, это скорее выглядело так, будто руководитель МИ-5 пишет для «НьюСтейтсмен» [341].

Несмотря на то что «Нью Лидер» публиковал отчаянные призывы о помощи в оплате задолженности в 40 тысяч долларов США, с апреля 1950 года он начал издаваться как новый «Нью Лидер» в формате дорогого журнала «Тайм». Сидя напротив Брейдена пару лет спустя, Левитас встретил ещё одного ангела, который мог спасти его журнал. Брейден согласился спонсировать «Нью Лидер» и предоставить деньги Левитасу в своём офисе, по крайней мере тремя траншами. «Это не было огромной суммой, - сказал Брейден, - что-то в пределах 10 тысяч долларов США. Однако их было достаточно, чтобы журнал не обанкротился» [342].

Тем временем заместитель Брейдена Корд Мейер рассмотрел дело «Партизан Ревью». Дополнительно к гранту Люса в размере 10 тысяч долларов США в начале 1953 года журнал получил субсидию в размере 2500 долларов США с «фестивального счёта» Американского комитета, на

---

[338] Sidney Hook to Irving Brown. 31 October 1951 (IB/GMC).
[339] Tom Braden. Interview, Virginia, August 1996.
[340] C.D. Jackson to Abbott Washburn. 2 February 1953 (CDJ/DDE).
[341] Richard Fletcher. HowCIA Money Took the Teeth out of British Socialism, in Philip Agee and Louis Wolf, Dirty Work: The CIA in Western Europe (New York: Dorset Press, 1978).
[342] Tom Braden. Telephone interview, June 1998.

котором оставались средства от прошлогодней феерии Набокова. Следует помнить, что фестивальный счёт был каналом финансирования ЦРУ через подставной Фонда Фарфилда.

Когда этот грант получал «Партизан Ревью», его соредактор Уильям Филлипс был секретарём по вопросам культуры Американского комитета. Позже Филлипс сообщил, что он не помнит о таком гранте и уверен, что журнал никогда не получал поддержки от ЦРУ Субсидируя американские журналы, ЦРУ действовало в нарушение своего официального устава, который запрещал поддержку отечественных организаций. Что касается «Партизан Ревью» и «Нью Лидер», существовали две достаточно убедительные причины, чтобы игнорировать этот юридический нюанс: во-первых, журналы обеспечивали идеологический плацдарм для американской и европейской интеллигенции, общей основой которого был антикоммунизм, но существовали различия географического и культурного порядка; во-вторых, финансовая поддержка была направлена на то, что Джоссельсон назвал «защитой» от предполагаемого «раздражения» «Партизан Ревью» и «Нью Лидер», когда они обнаружат, что их позиции на рынке идей серьёзно пошатнулись.

12. Журнал «X»

«Ну и что же нам делать? Опираться, насколько это возможно, на эмпирические факты и всегда помнить, что кто угодно может изменить их в стремлении изменить механизм восприятия». Олдос Хаксли (Oldous Huxley). «Слепец в Газе»

Журнал «Инкаунтер» (Encounter), издававшийся с 1953 по 1990 год, занимал центральное место в послевоенной интеллектуальной истории. Его живость и цинизм можно сравнить с литературной коктейльной вечеринкой.

Именно в этом журнале Нэнси Митфорд (Nancy Mitford) опубликовала свою знаменитую статью «Английская аристократия». Статья содержала остроумный анализ британской общественной морали и указывала на различия между аристократией и средним классом. В нём же были опубликованы «Замечательное десятилетие» Исайи Берлина, четыре знаменательных эссе о русской литературе, статьи Владимира Набокова о Пушкине, Ирвинга Хоу (Irving Howe) об Эдит Уортон, Дэвида Марканда (David Marquand) «Либеральное возрождение», рассказы Хорхе Луиса Борхеса (Jorge Luis Borges), критические эссе Ричарда Эллманна (Richard Ellmann), Джаяпракаша Нараяна (Yayaprakash Narayan), У.Х. Одена, Арнольда Тойнби (Arnold Toynbee), Бертрана Расселла, Герберта Рида, Хью Тревора-Роупера - лучших умов тех десятилетий.

Журнал читали в Англии и Америке, Азии и Африке. Неразборчивый в своём отношении к вопросам культуры, он был на удивление равнодушен или просто вуалировал многие политические вопросы. В любом случае журнал был заидеологизирован и представлял антикоммунистическое мышление в духе холодной войны. Он никогда не покрывал расходы и работал в убыток; чтобы выбраться из долгов, приходилось вдвое увеличивать тираж. Изданию была присуща интеллектуальность. И тесная связь с миром разведки. Майкл Джоссельсон назвал его «нашим лучшим активом».

Послевоенный режим строгой экономии погубил журнал «Горизонт» (Horizon) Сирила Коннолли (Cyril Connlly), а вслед за ним и «Пенгвин Нью Райтинг» (Penguin New Writing) Джона Леманна (John Lehmann). Финансовое положение издания «Ландон Мэгэзин» (London Magazine) было нестабильным. Ф.Р. Ливис (F.R. Leavis), несмотря на щедрый грант Фонда Рокфеллера, практически покончил с журналом «Скрутини» (Scrutiny). Процветал только «Нью Стейтсмен». Еженедельный тираж в 85 тысяч экземпляров свидетельствовал о поразительной стойкости журнала, несмотря на попытки покончить с его существованием. Тайное субсидирование Джоссельсоном журнала «Двадцатый век» (Twentieth Century) было частью этой кампании. Кроме денег он получал вместе с Британским обществом за свободу культуры точные инструкции по «участию в постоянной полемике с изданием «Нью Стейтсмен» [343]. Сделав

[343] Jasper Ridley. Telephone interview, August 1997. «Я полностью согласен, что издание New Statesman является важной целью и систематически должно проверяться», — заявил Майкл Гудвин Николаю Набокову 15 января 1952 г. (CCF/CHI). Усилий Гудвина было недостаточно, чтобы удовлетворить его тайных спонсоров. Интерес Вашингтона в разрушении влияния

выводы из блёклого выступления представителя Британии на британской конференции 1950 года, ЦРУ было готово пробиться сквозь пелену нейтрализма. Последний ослабил способность рассуждать многих британских интеллектуалов, а не только тех, кто придерживался взглядов «Нью Стейтсмен». Журнал Кингсли Мартина (Kingsley Martin) не поддержал идею социалистического мировоззрения, независимого от взглядов Москвы. Это сильно огорчало американских бойцов холодной войны.

Британская разведка также была заинтересована в издании, способном противостоять политике амбивалентности журнала «Нью Стейтсмен», его «недальновидности» и «чрезвычайной упрощённости». Шагом в этом направлении стала поддержка Департаментом информационных исследований издания «Трибьюн» (Tribune). Его материалы отбирались и распространялись по всему миру сотрудниками дипломатической службы. С Департаментом информационных исследований были тесно связаны Малкольм Маггеридж и Вудро Уайатт. В апреле 1950 года они встретились с редактором «Трибьюн» Тоско Файвелом, чтобы обсудить будущее журнала. Но господин Маггеридж пришёл к следующему выводу: «Очевидно, они на мели. Я сказал, что, учитывая интересы холодной войны, им следует оставаться противовесом журналу «Нью Стейтсмен». По моему мнению, огромный успех «Нью Стейтсмен» как инструмента пропаганды заключался в позиции, в соответствии с которой быть интеллигентным означало быть на стороне левых. Однако правда была совершенно другой» [344].

Для Файвела поддержка журнала «Трибьюн» Департаментом информационных исследований была недостаточной, чтобы гарантировать долгосрочные перспективы. К концу 1951 года он уже говорил о новом «англо-американском левоцентристском издании». В своём обращении к Ирвингу Брауну Файвел сообщал, что планы по такому изданию «уже составлены. Несколько лиц с нетерпением ждут, когда я приступлю к делу. Я обсуждал эту идею как в разговорах, так и в переписке с Дэнисом Хили (Denis Healey), Морисом Эдельманом (Maurice Edelman), Диком Кроссманом (Dick Crossman), Артуром Шлезингером, Дэвидом Уильямсом (David Williams) и другими. По очевидным причинам это несколько выходит за пределы деятельности Конгресса за свободу культуры» [345]. Журнал не зависел от Конгресса. Причина этого была хорошо известна Файвелу: американское правительство решило не проводить пропагандистские мероприятия в Британии. ЦРУ «фактически объявило мораторий на деньги {Америки)... используемые в этой стране. Существовало что-то наподобие джентльменского соглашения по этому вопросу» [346]. Но вскоре ситуация должна была измениться.

New Statesman чуть позже был подхвачен Американским советом за свободу культуры, который презирал дух журнала, характеризующийся смирением и моральной апатией по отношению к коммунизму, и предложил публикацию каталога New Statesman and Nation, изобличающую линию компромисса с тоталитаризмом, которой придерживался журнал, для повсеместного распространения среди англоязычных читателей. American Committee for Cultural Freedom, Memorandum, 6 January 1955 (ACCF/NYU).

[344] Malcolm Muggeridge. Like It Was (London: Collins, 1981).

[345] Tosco Fyvelto Irving Brown. 4 August 1951 (IB/GMC).

[346] C.D. Jackson to William Griffin. 11 May 1953 (CDJ/DDE).

Независимо друг от друга британская разведка и ЦРУ обсуждали идею создания нового журнала. Ему предстояло решить проблему очевидного дефицита в рядах интеллектуального антикоммунизма в Британии. Об усилиях с обеих сторон в этом направлении стало известно во время ряда встреч. Они проводились по инициативе Фрэнка Уизнера в Лондоне в начале 1951 года.

В сопровождении координатора МИ-6 и ЦРУ в Вашингтоне Кима Филби (его друзья Бургесс и Маклин отсутствовали месяцами, так как перешли на сторону Советского Союза) Уизнер прибыл в Лондон для обсуждения с британской разведкой «вопросов, представляющих общий интерес». Филби отмечал, что в ходе встреч с участием МИ-6 и членов Министерства иностранных дел Великобритании Уизнер сел на своего конька. Он говорил о необходимости сокрытия источника необходимых нам секретных средств, предоставляемых респектабельным органам. «Очень важно, - отмечал Уизнер в своём обычном неофициальном стиле, - обеспечить открытое сотрудничество с людьми, имеющими доступ к полагающемуся им по праву богатству». При этом Филби позабавила небрежная записка служащего Министерства иностранных дел следующего содержания: «Люди, имеющие доступ к полагающемуся им по праву богатству, - богатые люди» [347].

Именно во время «миссии» Уизнера в Лондон впервые был поставлен вопрос об издании журнала высокого уровня. Он должен был использовать левоцентристскую лексику и быть свободным от кремлёвских мировоззрений. Обе службы понимали, что они поддерживают одну и ту же идею.

Уизнер и его партнёры в Секретной разведывательной службе (Secret Intelligence Service) осознавали недоработки и договорились о сотрудничестве.

К концу 1951 года совместное предложение было доведено до сведения высшего руководства и передано по инстанциям. Филби перенаправил его своему помощнику в Вашингтоне Джону Брюсу Локхарту, племяннику известного Роберта Брюса Локхарта, возглавлявшего разведку в ходе двух войн.

В 1917 году он был арестован Советским Союзом как шпион и заключён в кремлёвскую тюрьму. После того как звезда дяди угасла, Локхарт-младший сделал карьеру образцового офицера разведки. Во время войны он возглавил военный отдел «С» (Секретной разведывательной службы) в Италии и был экспертом по внедрению в коммунистические организации в Европе.

Локхарт пользовался авторитетом в Вашингтоне, где наладил тесную связь с Фрэнком Уизнером. Когда Уизнер решил отдать своего сына Фрэнка Уизнера-младшего в колледж Регби (Rugby College), Локхарт, который там преподавал, с радостью помог ему в этом. Уизнер доверял Локхарту, но не Филби. Филби, в свою очередь, не мог подавить свою неприязнь к Уизнеру.

---

[347] Kim Philby. My Silent War (New York: Grove Press, 1968).

Он писал о нём так: «Довольно молодой человек для такой ответственной работы, лысеющий и обрастающий жиром» [348].

У Джона Брюса Локхарта также были хорошие отношения с Лоуренсом де Новиллем. Они познакомились в Германии после войны. Именно Локхарт организовал встречу де Новилля и Джоссельсонас Кристофером «Монти» Вудхаузом из Департамента информационных исследований в Лондоне. Вудхауз был человеком невостребованного таланта. Он познакомился с работами Еврипида и Лукреция в 11 лет, а до войны учился в Нью-колледже Оксфордского университета у Ричарда Кроссмана и Исайи Берлина (он «низким глухим голосом вёл свой монолог» на семинарах и «был известен как единственный человек в Оксфорде, способный произнести слово «эпистемологический» в один приём») [349]. В 1939 году Вудхауз получил диплом первой степени по двум специальностям. Он мечтал о карьере учёного и читал лекции о Платоне и Аристотеле, пока не началась война. Теперь его образование проходило совсем подругой программе: «учебный плац, огневая подготовка, парашютное дело, партизанские действия, саботаж, разведка». В результате он был участником героической партизанской войны в оккупированной Греции [350].

Энергичный и смелый шпион старой школы, Вудхауз был основным действующим лицом при подготовке к свержению премьер-министра Ирана Мохаммеда Мосаддыка. Он работал рука об руку с Кимом Рузвельтом.

В результате переворота, спланированного совместными усилиями ЦРУ и Секретной разведывательной службы, была установлена ультраправая монархия Шаха [351]. После возвращения из Тегерана Вудхауз работал под глубоким прикрытием на Департамент информационных исследований. Он возглавил отдельный офис Секретной разведывательной службы напротив станции метро «Парк Святого Джеймса». Персонал офиса включал небольшую группу молодых людей из Министерства иностранных дел, формально числившихся в Департаменте информационных исследований. На самом деле это была наполовину независимая команда под руководством Вудхауза.

Вудхауз не желал «вести дела» в своём клубе «Реформа» (The Reform). Он согласился на встречу в Королевском автомобильном клубе на Пэл-Мэл, иностранным членом которого был де Новилль. Джоссельсон и де Новилль приехали на встречу в Лондон из Парижа. Именно тут поздней весной 1952 года британская и американская разведки совершили одну из самых важных интервенций в послевоенной интеллектуальной истории. Во время обеда в столовой Королевского автомобильного клуба они наметили план выпуска и тайного финансирования нового высокоинтеллектуального журнала. Вудхауз имел полномочия на утверждение проекта и сделал это без колебаний. Для Вудхауза, который работал на различные географические

[348]Там же.
[349]Christopher Montague Woodhouse. Something Ventured (London: Granada, 1982).
[350]Там же.
[351]Ким Рузвельт ушел из ЦРУ в 1958 г. и продолжил свою карьеру в качестве партнера вашингтонской пиар-фирмы, представляющей, помимо всех прочих клиентов, правительство Ирана.

подразделения Министерства иностранных дел, этот проект стал скорее «рутинным завершением круга». Но он был ярым защитником психологической войны, и это предложение относилось к ней в полной мере. После переговоров в Королевском автомобильном клубе у него не оставалось сомнений по поводу достойного вклада в тайную пропаганду.

Единственное, что его не устраивало, - британцы должны были иметь возможность держать руку на пульсе. По взаимной договорённости Конгресс за свободу культуры должен был консультироваться с Вудхаузом через назначенного оперативного сотрудника ЦРУ по вопросам «оперативных» мероприятий, связанных с журналом. Кроме того, Секретная разведывательная служба имела намерение обеспечить материальную заинтересованность в проекте. Небольшие отчисления должны были поступать в результате тайного голосования Департамента информационных исследований. По мнению Вудхауза, этот взнос использовался для выплаты зарплат британскому редактору и его секретарю. Таким образом, можно было избежать нежелательных выплат ЦРУ британским субъектам.

В последующем он отмечал, что основной интерес Министерства иностранных дел в таком проекте заключается в создании инструмента передачи антикоммунистических идей интеллигенции в Азии, Индии и на Дальнем Востоке. Чтобы распространять журнал в этих регионах влияния, Министерство иностранных дел должно было закупать установленное количество экземпляров. Они предназначались для передачи и распространения через Британский совет. Кроме того, на Конгресс за свободу культуры возлагалась финансовая ответственность за журнал. Джоссельсон подтвердил, что средства будут предоставляться через Фонд Фарфилда, несмотря на то, что журнал будет работать как отдельное предприятие. Это было необходимо, чтобы развеять подозрения. И наконец, Джоссельсон проинформировал Вудхауза о предварительном отборе двух кандидатов на должность редакторов журнала. После проверки обеими службами стороны условились, что Конгресс за свободу культуры будет иметь дело с этими двумя кандидатами. В завершение Джоссельсон и де Новилль договорились выдвинуть проект, а затем снова встретиться с Вудхаузом. Тем временем Вудхауз начал искать подходящее «прикрытие» - «богатых людей» Уизнера. Они должны были передавать средства Департамента информационных исследований для нового журнала.

Американским кандидатом на должность редактора был Ирвинг Кристол, исполнительный директор Американского комитета за свободу культуры. Он родился в 1920 году в семье торговца одеждой, в 1936-м поступил в Сити-колледж, где подружился с Ирвингом Хоу, Даниэлом Беллом и Мелвином Ласки. Кристол стал членом Молодёжной социалистической лиги, вступив в антикоммунистическую левоцентристскую троцкистскую организацию колледжа. Свой невысокий рост он компенсировал наращиванием политической мускулатуры, что было довольно типично для выпускников Сити-колледжа, а также готовностью переиграть своих противников. Это обеспечило ему репутацию «интеллектуального качка». Окончив колледж с отличием в 1940 году, он уехал в Чикаго, где до призыва в армию работал грузчиком и помощником

редактора экс-троцкистского журнала «Энквайери» (Enquiry). Призванный в пехоту в 1944 году, он участвовал в боях во Франции и Германии и был уволен со службы в 1946-м. Затем была Англия и работа на «Комментарий». После возвращения в Нью-Йорк в 1947 году он стал управляющим журналом.

Британским кандидатом был Стивен Спендер. Он родился в 1909 году в известной семье либералов и был тепличным ребёнком («Мои родители не подпускали меня к драчунам») [352]. Спендер не отличался характером, был беспечным и увлекался утопическими идеями. В Оксфорде в 1920-х годах он длительное время находился под влиянием У.Х. Одена и добился славы вскоре после выхода своей первой книги «Поэмы», где нашли отражение сексуальные и политические настроения межвоенного периода. Его сразу же стали отождествлять с Оденом, Сесилом Дэй-Льюисом (Cecil Day Lewis) и Луисом Макнисом (Louis MacNeice) как поэта 1930-х годов. Это десятилетие стало свидетелем проникновения политики в глубины литературы и вступления Спендера в коммунистическую партию, пусть и на несколько недель. У него было больше «английского светского большевизма», чем у кого-либо, что типично для неуравновешенной политики Спендера. Позже он объяснил изменение своих взглядов и убеждений как проблему «абсолютной уязвимости и открытости» [353]. На известное замечание Генри Джеймса-старшего (Henry James Sr.) об Эмерсоне: он был как «ключ без лабиринта», Анита Кермоуд (Anita Kermode) ответила, что, напротив, Спендер был «лабиринтом без ключа» [354]. Ещё одно меткое замечание в адрес Спендера отпустил Джеймс: он был «человеком без ручки».

Позже Спендер объяснял причину своего избрания редактором нового журнала Конгресса влиянием эссе в сборнике статей «Бог, обманувший надежды». Возможно, идеальным кандидатом его сделало не столько отрицание коммунизма, сколько хорошие отношения с США. В 1948 году Спендер написал хвалебную песнь Америке: «Мы можем одержать победу в битве за европейские умы». В ней он заявил, что «хотя американская политика находит сомнительных союзников и равнодушных друзей, американской свободе слова и её наибольшим достижениям присуща аутентичностью. Сегодня она в состоянии покорить жизненно важное европейское мышление... Если бы Америка действовала в таком русле, она смогла бы выполнить свою просветительскую миссию в Европе. Тысячи студентов смогли бы оценить преимущества американской цивилизации и американского понимания свободы...

Сегодняшняя реальность такова, что не следует ожидать чего-либо от пропаганды и политических запугиваний. Нужно демонстрировать европейцам наибольшие современные достижения американской цивилизации, образования и культуры [355]. Спендер с едва сдерживаемым возбуждением говорил, что «слова из уст американского или английского

[352]Stephen Spender. My Parents, in Collected Poems, 1928-1985 (London: Faber & Faber, 1985).
[353]Stephen Spender. Journals, 1939-1983 (London: Faber & Faber, 1985).
[354]Anita Kermode. Interview, Devon, July 1997.
[355]Stephen Spender. We Can Win the Battle for the Mind of Europe, New York Times Magazine, 25 April 1948.

писателя» воспринимались европейскими студентами «чуть ли не благой вестью». По его мнению, «План Маршалла» - это было хорошо, но он считал, что «нужно также укреплять старую западноевропейскую цивилизацию верой, опытом и знаниями новой Европы, то есть Америки» [356]. Такое мнение поддерживали многие западные интеллектуалы. Раймонд Арон заявил, что он «полностью убеждён: для антисталиниста не существует иного пути, кроме принятия американского лидерства» [357]. Вряд ли можно было говорить (как случилось позже), что вмешательство Америки в «культурную борьбу» не имело поддержки на местах, когда такие люди, как Спендер и Арон, отождествляли выживание Европы с американским спасением.

Спендер обладал и другими качествами, привлекательными для своих потенциальных работодателей. Будучи членом группы «МакСпонДэй» (Mac-SpaunDay) (Макнис, Спендер, Оден, Дэй-Льюис), он наладил важные связи с литературной аристократией Лондона. Её представители всё ещё находились под влиянием многих снобистских тенденций блумсберийского периода. Тем не менее, они были своевременно очарованы обаянием Спендера. Джоссельсон уже сталкивался с непреклонностью британских представителей на берлинском дебюте Конгресса.

Многим американским стратегам надоела заносчивость британской интеллигенции. «Существует одна серьёзная предпосылка всему этому, - пояснял Стюарт Хэмпшир. - Кажется, в 1949 году представители Фонда Форда прибыли в Лондон и провели в отделе большую встречу с ведущими интеллектуалами. Их капитал в то время превышал весь капитал стерлинговой зоны. Когда интеллектуалы прибыли, представители Фонда Форда предложили им материальную основу. В ответ прозвучало: «Спасибо, нам и так хорошо. Нам принадлежат все души, и нам этого достаточно». Британцы не были впечатлёны. Они попросили о нескольких совершенно незначительных вещах. Американцы подумали, что те потеряли разум.

Подтекст заключается в том, что существовал очень глубокий фрейдистский антиамериканизм. Это как если бы снобизм Винчестерского колледжа столкнулся с китайским левоцентризмом в лице таких людей, как Эмпсон и Форстер. Я помню, как Форстер и Лайонел Триллинг был и однажды в Нью-Йорке. Триллинг (он написал книгу о Форстере и был достаточно безнадёжным англофилом, никогда не бывавшем до этого в Англии) очень нервничал. Форстер сказал, что ему нужно купить рубашку для особых мероприятий, и Триллинг повёл его в «Брукс Бразерс» (Brooks Brothers). Когда Форстер пришёл туда, он огляделся и произнёс: «О, Господи, я не могу здесь купить ничего». Этим всё сказано» [358].

Спендер работал на Британскую комиссию по контролю (British Control Commission) в оккупированной Германии после войны и хорошо знал, что нужно правительству в сфере культурной политики. С тех пор он проводил достаточно много времени в Америке. Ему покровительствовали Джон Кроу

---

[356]Там же.

[357]Raymond Aron. Does Europe Welcome American Leadership? Saturday Review, 13 January 1951.

[358] Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.

Рэнсом, Аллен Тейт и консервативный дуэт - Бен Тейт и сенатор Эдвард Тафт.

С присущим ему обаянием Спендер обхаживал своих британских коллег. Он был нужен американцам всего-навсего как мост, чтобы найти общий язык с непокорными союзниками. По мнению его жены Наташи, несомненный талант Спендера мог легко быть использован в других целях. «Бесспорно, - говорила она, - Стивен обладал всеми необходимыми для этого личными качествами: он был одним из великих отказников {от коммунизма), и, учитывая наивность, его можно было легко обмануть. Его отец был обманут Ллойдом Джорджем (Lloyd George). Их семья очень доверчива; они не подозревали, что люди им лгут» [359]. За эту конгениальную наивность вскоре пришлось дорого заплатить.

В феврале 1953 года, когда Спендер учился в Цинциннати, он получил письмо от Джоссельсона с приглашением приехать в Париж для обсуждения «английского издания «Прев». От Кристола Спендер узнал следующее: «Во время моей короткой поездки в Париж несколько недель назад я долго дискутировал {по этому вопросу) с Майклом Джоссельсоном, Франсуа Бонди и Мелом Ласки; более того, мы с Джоссельсоном отправились в Лондон на один день, чтобы обсудить вопрос с Уорбургом, Маггериджем и Файвелом» [360].

Незадолго до этой встречи в Лондоне де Новилль и Джоссельсон снова встретились с Вудхаузом. Они договорились о публикации. Причём Фредерик Уорбург, издатель Орвелла, согласился предоставить журналу название своей компании. В письме к Уорбургу Джоссельсон подтвердил, что Конгресс «взял на себя полную ответственность по оплате всех счетов, выставляемых в связи с изданием и распространением журнала «Инкаунтер». Кроме того, он взял полную ответственность за какой-либо ущерб репутации. Джоссельсон дал понять Уорбургу, что «ни он, ни его фирма не должны оказывать влияния на издательскую сторону деятельности журнала» [361].

К моменту второй встречи Вудхауз и де Новилль пришли к твёрдому взаимопониманию. В отличие от Вудхауза личные качества де Новилля не производили сильного впечатления. Родом из Лондона, он окончил Нью-колледж и Гарвард, после чего работал корреспондентом информационного агентства «Рейтер». «Мы очень хорошо ладили, смотрели друг другу в глаза, - вспоминал Вудхауз. - Я всегда находил общий язык с моими американскими коллегами, при условии, что они не были лунатиками. Когда бы Лэрри не приезжал в Лондон, я всегда встречался с ним. Когда я отправлялся в Вашингтон, он встречал меня и Адама Уотсона, моего человека в этом городе» [362].

Они регулярно встречались на протяжении нескольких лет, пока де Новилль не вернулся в Америку, а Вудхауз не стал директором Королевского

---

[359] Natasha Spender. Telephone interview, August 1997.
[360] Irving Kristol to Frederic Warburg. 26 February 1953 (ACCF/NYU).
[361] Michael Josselson to Stephen Spender. 27 May 1953 (CCF/CHI).
[362] Christopher Montague Woodhouse. Telephone interview, July 1997.

института международных дел. Поскольку это была единственная сфера их общих интересов, они обсуждали «действия и методы» для журнала «Инкаунтер» и «британские действия» в основном за бокалом вина в Королевском автомобильном клубе. Первоначально «деятельность и методы» означали то, что Вудхауз называл «потоком наличности и линией контакта». «Не думайте, что в то время для этого существовала какая-нибудь система. Всё делалось импровизированно», - сказал позже де Новилль [363].

Для содействия в такой импровизации и выполнения функций посредника МИ-6 и Конгресса за свободу культуры был приглашён Малкольм Маггеридж, который продвинулся далеко вперёд с тех пор, как мальчишкой пел «Красный флаг» со своим отцом с платформы Партии труда в Кройдоне. Его книга «Зима в Москве» (1933), в которой разоблачалась русская утопия, дала одно из первых представлений о советском мифе. Она ознаменовала собой начало политического превращения Маггериджа в ангела для МИ-6. Как член правления Конгресса за свободу культуры он твёрдо придерживался антинейтралистских проамериканских взглядов.

Вот как он обосновывал это: «Если я и соглашаюсь, как миллионы других западных европейцев, с тем, что Америке суждено быть оплотом свободы в этом мире середины XX века, из этого не следует, что американские институты являются наилучшими, что все американцы без исключения благовоспитанны или что американский образ жизни совершенен. Это означает только то, что в одном из самых ужасных конфликтов истории человечества я выбрал собственную позицию. Её рано или поздно предстоит выбрать всем. Я предлагаю твёрдо придерживаться такой позиции, не позволить себе пасть духом, быть сбитым с толку или отклониться от этой цели. Это предполагает достаточную веру в цивилизацию, к которой я принадлежу, и в религию, на которой зиждется эта цивилизация. Необходимо следовать советам Баньяна (Bunyan) и преодолевать препятствия и унижения на пути. Цель достойна этого» [364].

«Секретность, - писал Маггеридж в «Дьявольской роще» (The Infernal Grove), - настолько же важна для разведки, как риза и благовония для мессы или темнота для спиритического сеанса. Её нужно поддерживать любой ценой, независимо оттого, служит ли она какой-либо цели» [365]. Маггеридж всегда был одержимым тайными и острыми интригами, даже когда сомневался в их целесообразности. Он с радостью согласился участвовать в новом издательском деле Конгресса. Его первым заданием было найти «богатых людей», которые могли бы выдавать себя за надёжных частных спонсоров журнала. На встрече в пабе на Флит-стрит Маггеридж сообщил Вудхаузу о результатах поиска финансовых каналов. Быть кандидатами изъявили желание два человека.

Первым был эмигрант и кинорежиссёр Александр Корда (Alexander Korda). Друг Яна Флеминга (Ian Fleming) и бывший работодатель Роберта

[363] Lawence de Neufville. Telephone interview, April 1997.
[364] Malcolm Muggeridge. An Anatomy of Neutralism, Time, 2 November 1953.
[365] Malcolm Muggeridge. Chronicles of Wasted Time: The Infernal Grove (London: Collins, 1973).

Брюса Локхарта (последний работал у него консультантом по прокату фильмов за рубежом), Корда задействовал тесные связи с британской разведкой. По просьбе Маггериджа Корда согласился, чтобы Департамент информационных исследований использовал его банковский счёт в качестве «ширмы» для субсидирования нового журнала. Ещё одним каналом Маггериджа был его старый друг лорд Виктор Ротшильд, тесно связанный с журналом до середины 1960-х годов, но всегда находившийся в тени.

Оставалось решить практические вопросы. Маггеридж и Уорбург, которых агенты ЦРУ окрестили «кузенами», отправились в Париж в конце февраля 1953 года для окончательного решения этих вопросов. Джасперу Ридли (Jasper Ridley), в то время секретарю Британского общества за свободу культуры, было поручено купить им билеты и оплатить проживание в отеле. После возвращения Уорбург попросил Ридли выписать чек на имя Британского общества на сумму 100 фунтов стерлингов в связи с его «расходами» в Париже. Ридли, недельная зарплата которого составляла около 10 фунтов стерлингов, был изумлён. «Я полагаю, что Уорбург либо прикарманил 100 фунтов, либо потратил их на покупку ювелирных изделий для своей обаятельной супруги Памелы де Байон» [366], - предположил он позже.

5 марта 1953 года Майкл Джоссельсон написал Стивену Спендеру по поводу своей встречи с Маггериджем, Уорбургом, Файвелом, Набоковым и Бонди. «Нам нужен журнал с более широкой, чем у «Горизонта», аудиторией; скорее, как у «Моната». Вы с Кристолом были бы идеальной командой редакторов. Ещё должен быть редакторский совет. В него могли бы войти Маггеридж и Хук, которые будут находиться в Европе целый год, начиная с июля 1953 года.

Маггеридж и Уорбург намерены вложить в журнал все средства, которые господин Маггеридж успешно привлёк для Британского общества» [367]. Ссылаясь на эту договорённость, Спендер написал Кристолу: «Это выглядит так, как будто нас обоих нанимает Британский комитет» [368]. Он был наполовину прав: Кристол как американец будет получать вознаграждение из средств Фонда Фарфилда ЦРУ, а Спендер - из средств тайного голосования Британского казначейства.

К марту 1953 года Кристол переехал в Париж и занялся подбором материалов для журнала. Парижский офис, считавший журнал «рупором Конгресса», предложил четыре проекта обложки. Их разрабатывали под руководством Джоссельсона. Но Кристол и Спендер (который был всё ещё в Штатах) не могли договориться о названии. Рабочее название «Точка зрения» было банальным. Поэтому они ломали голову и листали словари, рассматривая различные варианты: «Симпозиум», «Культура и политика», «Конгресс», «Свидетель», «Виста», «Свидетельские показания», «Литература и свобода» (Кристол хотел избежать слов «независимость» и «свобода» из-за «привкуса скуки»), «Вестник», «За океаном», «Восточно-

[366]Jasper Ridley. Письмо автору, 31 October 1997.
[367]Michael Josselson to Stephen Spender. 5 March 1953 (MJ/HRC).
[368]Stephen Spender to Irving Kristol. Undated (ACCF/NYU).

западный вестник», «Компас», «Связной», «Обмен», «Взаимообмен», «Настоящее», «Поворотная точка», «Круг». В какой-то момент Кристол просто назвал его журнал «Х» [369]. Возможно, это был самый удачный выбор в свете его тайной миссии. Название «Инкаунтер» впервые прозвучало в письме Кристола к Уорбургу от 27 апреля 1953 года. Но Кристол сказал, что оно его не особо воодушевляет.

30 апреля 1953 года Александр Корда выписал первый чек на сумму 250 фунтов стерлингов. Примерно то же сделал и Виктор Ротшильд, хотя не существует никаких записей, подтверждающих начало его «дотаций». Под таким прикрытием британская разведка передавала средства в «Инкаунтер» с самого начала его существования. Деньги поступали в офис «Инкаунтера» в коричневых конвертах регулярно. Курьером был человек Вудхауза. Так же действовала и офис-менеджер журнала (а позже управляющий редактор) Марго Уолмсли (Margot Walmsley). Она была переведена с должности заведующей делопроизводством Департамента информационных исследований и предоставляла услуги «связи» Министерства иностранных дел и журнала «Инкаунтер» в течение 20 лет. Позже Уолмсли сообщил ошеломлённому Фрэнку Кермоуду (Frank Kermode), что если бы он захотел узнать что-то об «Инкаунтере», она могла бы рассказать ему «всё». Умирая в 1997 году, Уолмсли так и не призналась, что была сотрудницей Министерства иностранных дел.

Позже Департамент информационных исследований переводил средства на частный счёт издателей Секера и Уорбурга. После этого Уорбург выставлял чек на ту же сумму для передачи Британскому обществу за свободу культуры. Он был его казначеем. На тот момент Британское общество было не более чем ширмой для передачи средств Департамента информационных исследований для «Инкаунтера». Оно перечисляло эту сумму журналу. На языке разведки такой вид финансирования назывался «тройная передача». Таким образом, в обход Её Величества правительство выплачивало зарплату Стивену Спендеру. Сам Вудхауз никогда не рассказывал Спендеру об этой схеме, хотя у него была масса возможностей сделать это. «Наши дети ходили в один садик, и мы часто пересекались там, - вспоминал Вудхауз. - Я считал, что он в курсе дела. У меня не было необходимости обсуждать с ним этот вопрос. Это было чем-то само собой разумеющимся» [370]. Позже Спендер заявил, что ему никогда не говорили об этой схеме.

К июню 1953 года журнал «Инкаунтер» находился в офисе Британского общества за свободу культуры по адресу: 119-6, Оксфорд-стрит, а в сентябре перебрался в офис на Хеймаркет. Счета и прочие расходы первые 12 месяцев оплачивались за счёт гранта в размере 40 тысяч долларов США от Фонда Фарфилда. Эту сумму по совету Джоссельсона Кристол и Спендер «держали при себе». К Кристолу, который находился в Лондоне с мая, приехала его жена - историк Гертруда Химмельфарб (Gertruda Himmelfarb) с сыном Уильямом. Вскоре после этого из Цинциннати прибыл Спендер. Оба числились акционерами компании «Инкаунтер Лтд» (Encounter Ltd),

[369]Irving Kristol to Stephen Spender. 26 March 1953 (ACCF/NYU).
[370] Christopher Montague Woodhouse. Telephone interview, July 1997.

зарегистрированной в декабре 1953 года. Следует отметить, что большая часть акций компании принадлежала Юнки Флейшману, президенту Фонда Фарфилда, и Пьеру Боломе (Pierre Bolomey), казначею Конгресса за свободу культуры.

В дальнейшем как Спендер, так и Кристол назвали своё сотрудничество чем-то наподобие свадебного путешествия. «Мы со Стивеном были очень разными людьми. И, на удивление, хорошо ладили» [371], - говорил Кристол. «Мне было приятно работать с Ирвингом Кристолом» [372], - подчёркивал Спендер.

Они действительно считали друг друга друзьями, однако их профессиональные отношения были проблематичными с самого начала. Спендер был тонким, эмоциональным, не склонным к конфронтации человеком. Как редактор он иногда не «осознавал, чего стоит» [373]. Кристол же, напротив, был упрямым и бескомпромиссным, но опыт, приобретённый в Бруклине, приучил его к сентиментальному или интеллектуально изысканному поведению. Будучи, как и Ласки, невысокого роста, он имел такой же вспыльчивый характер. «Глупо считать, что Ирвинг Кристол, бывший троцкист из Бруклина, может перейти на их сторону, иметь дело со всеми этими британскими интеллектуалами и править их прозу!» - сказал один из агентов ЦРУ [374]. Однако Спендер и его британские друзья вовсе не должны были следить за Кристолом. Джоссельсон сразу понял, с кем имеет дело. «Ирвинг постоянно скандалил с Парижским офисом», - говорила Наташа Спендер. Стивен рассказывал ей, как Кристол орал по телефону на Джоссельсона, что если ему нужен «ручной журнал», он может поискать себе другого редактора [375].

В июле Кристол отправил Джоссельсону пробное содержание первого выпуска: Дени де Ружмон об Индии, краткие размышления о смерти Альберта Камю, страницы из записей Вирджинии Вульф, два коротких японских рассказа, краткая биография Эрнста Толлера (Ernst Toller), Кристофера Ишервуда (Christopher Isherwood), Лесли Фидлер (Leslie Fiedler) о Розенбергах, Николай Набоков о советской музыке, Юзеф Чапский (Josef Czapski) о «Голосах тишины» Андре Мальро, Ирвинг Кристол о конференции Конгресса «Наука и свобода», Герберт Люти (Herbert Luthy) о последних восстаниях в Восточной Германии и Чехословакии, а также Эдит Ситвелл (Edith Sitwell) о Голливуде. Предоставить обзоры книг обещали Маггеридж, Спендер, Хью Сетон-Уотсон (Hugh Seton-Watson), Дж.К. Гэлбрайт и Натан Глейзер (Nathan Glazer). Статьи Кёстлера и Арона были исключены из первого выпуска после того, как Набоков сказал Кристолу, что они слишком антикоммунистичны.

Обеспокоенный тем, что в первом выпуске было мало политики, Джоссельсон написал об этом Кристолу. И тот ответил язвительно: «Я не согласен с вашим скрытым замечанием, что «политическое содержание»

[371] Irving Kristol. Interview, Washington, June 1994.
[372] Stephen Spender. Interview, London, July 1994.
[373]Philip Larkin. In Selected Letters of Philip Larkin, 1940-1985 (London: Faber & Faber, 1992).
[374]John Thompson. Telephone interview, August 1996.
[375]Natasha Spender. Interview, Maussane, July 1997.

оправдает ожидания. Журнал, безусловно, должен быть «культурным» изданием. В нём политика вместе с литературой, искусством, философией и прочим должны представлять собой неотъемлемые части культуры. Именно это мы и сделали.

Соотношение между политическими и литературными статьями, естественно, будет меняться от номера к номеру. В первом номере политика должна, по мере возможности, находиться на втором плане. Ведь наша цель - охватить как можно большую аудиторию. Я имею очень чёткое представление о том, чего хочет Конгресс и что нужно делать для этого. Однако я не могу эффективно работать с Парижским офисом, который дышит мне в спину, посылает редакторские указания и т.д.» [376].

В другом нервном письме Кристол сообщал Джоссельсону следующее: «Мы тут в Лондоне вовсе не кретины, и я искренне считаю, что мы можем лучше оценивать ситуацию, чем вы, сидя в Париже. Вы и ваши парижские коллеги считаете обложку паршивой? Хорошо, может, вы и правы. А может, и нет. Обложки журналов, в конце концов, не ваша специальность. Я считаю, что обложка достаточно хороша. Не отрицаю, что она может быть улучшена; Маггеридж считает, что она очень даже неплохая... Вы полагаете, что в первом выпуске мало политики? Скорее всего, вы невнимательно ознакомились с его содержанием... На ваш взгляд, первый выпуск слишком литературный? Здесь вы ошибаетесь... Возможно, я заблуждаюсь, но я действительно думаю, что благодаря «Инкаунтеру» Конгресс получил что-то намного более важное, чем вы можете себе представить. Вы, по всей видимости, были бы удовлетворены, имея репутацию «Прев». Любезный мой, мы прошли половину пути (если только я не ошибаюсь). Может, через несколько месяцев мы станем англоязычным культурным периодическим изданием. И не только в Англии, но и в Азии. Дайте нам несколько месяцев, и мы будем идолом интеллигенции на Востоке и на Западе. Любой писатель - азиатский, европейский или американский - будет мечтать печататься у нас. Я не шучу. Если я не прав, вам следует подыскать другого редактора. Но вы должны дать нам время и редакторскую свободу, чтобы достичь этого... Ваше отношение к продажам удивляет меня: вы говорите, что заинтересованы не столько в них, сколько во влиянии журнала. Но не является ли одно мерилом другого?» [377].

Если бы Кристолу было известно о финансовых потоках, на которых держался «Инкаунтер», он бы не задавал последнего вопроса. Ясно, что Кристол не собирался играть роль уличного оратора для Джоссельсона. Спендер, чтобы охарактеризовать твёрдую позицию своего коллеги, придумал понятие «сила Кристола». Если бы Кристол действительно представлял слишком большую опасность, Джоссельсон на самом деле искал бы другого редактора. Но на данный момент «Инкаунтеру» нужна была стабильность, и у Джоссельсона не было иного выбора. Он должен был продолжать работать с Кристолом.

---

[376]Irving Kristol to Michael Josselson. 15 September 1953 (CCF/CHI).
[377] Irving Kristol to Michael Josselson. 16 September 1953 (CCF/CHI).

Парижский офис одержал победу в борьбе с Кристолом и убрал из номера Кёстлера и Арона. Взамен он вынужден был согласиться на публикацию статьи Лесли Фидлера. Это насторожило обоих. Кристол сначала предложил своему другу Фидлеру написать статью о Карле Марксе, но тот не проявил особого энтузиазма и предложил ему статью о Розенбергах. Если Кристолу и нужно было что-то «провокационное» для первого выпуска, то он это получил.

Утром накануне казни Юлиус и Этель Розенберги сидели в камере в тюрьме «Синг-Синг» и писали письмо двум своим несовершеннолетним сыновьям Роберту и Майклу. «Помните о том, что мы невиновны и не могли пойти против нашей совести», - такими словами заканчивалось письмо. В 8 часов вечера 19 июня 1953 года, за считаные минуты до начала еврейского шаббата и накануне своей четырнадцатой годовщины супружеской жизни, Розенберги были казнены на электрическом стуле. Сначала Юлиус, затем Этель. Перед тем как оказаться на кресле, Этель повернулась к тюремной надзирательнице, простёрла руку и притянула её к себе, чтобы поцеловать в щёку.

Розенберги были осуждены в марте 1951 года за передачу Советам американских атомных секретов. После уединения в синагоге с целью обдумать вердикт судья Кауфман вернулся в зал суда и приговорил Розенбергов к смертной казни за участие в том, что он назвал «дьявольским сговором с целью разрушения богобоязненной нации» [378]. Никогда ранее в Америке не выносили смертный приговор за шпионаж в мирное время. Пропагандисты Америки стали перед самым серьёзным выбором с момента развязывания холодной войны. Вопрос вины Розенбергов (на самом деле мало кто сомневался, что они виновны) не был центральным: по мнению большинства наблюдателей, факты, выдвинутые против них, были неопровержимы. Однако американские стратеги должны были убедить мир не просто в том, что приговор не вызвал сомнений, но и в том, что наказание соответствовало преступлению.

«Когда двух невиновных людей приговаривают к смерти, это должно всколыхнуть весь мир», - возмутился Жан-Поль Сартр. По его мнению, фашизм определялся не «количеством жертв, а способом их уничтожения». Он добавил, что приговор был «легальным линчеванием, запятнавшим кровью всю нацию» [379]. Чтобы заявить миру о своей позиции, коммунисты организовали массовую кампанию по призыву к милосердию. Она освещалась в подконтрольной коммунистами прессе. Организации коммунистического фронта обращались с петициями в американские посольства. Лондон получил тысячи петиций и протестов, содержавших по несколько тысяч подписей. Париж сообщил, что он ежедневно получал около 50 телеграмм, писем и петиций.

В частности, во Франции дело Розенбергов превратилось в символическую кампанию протеста. Она объединила тех, кто имел счёты с

---

[378] Judge Irving Kaufman. Цитата из New York Times, 5 April 1951.
[379] Jean-Paul Sartre. Цитата из Stephen J. Whitfield. The Culture of the Cold War (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1991).

американским правительством. Акции протеста проводились по всей Франции, и многие из них перерастали в антиамериканские беспорядки. Один человек был убит при проведении митинга под лозунгом «Свободу Розенбергам!» (Liberez les Rosenbergs) на площади Конкорд [380]. Мелвин Ласки выступал против применения смертной казни в мирное время, однако он высмеивал такие протесты, считая их результатом «модных антиамериканских возмущений» [381]. Конечно, ни одна коммунистическая группа, созданная для защиты Розенбергов, не сообщила, что в тот самый день, когда во Франции был основан Комитет по защите Розенбергов, в Праге казнили 11 бывших лидеров Чешской коммунистической партии. Не говорили и о том, что Сталин уничтожил больше коммунистов, чем в какой-либо фашистской стране; что в Советском Союзе людей отправляли на каторгу за два опоздания на работу более чем на пять минут; что когда художники принимали участие в конкурсе на лучший памятник в честь столетия со дня рождения Пушкина, первый приз отдавали тому скульптору, памятник которого изображал Сталина, читающего томик Пушкина.

Оценка Мелвина Ласки всё ещё остаётся поразительно упрощённой. Посол США в Париже Дуглас Диллон (Douglas Dillon) телеграммой от 15 мая 1953 года обратил особое внимание министра иностранных дел США на тот факт, что большинство людей во Франции едины во мнении: «смертная казнь является необоснованной», и «люди, призывающие к помилованию, не должны рассматриваться как наивные жертвы обмана коммунистов» [382].

Понятно, что призыв к амнистии не мог считаться исключительно сговором коммунистов. В одном из отчётов американской разведки говорилось, что в Западной Европе «призывы к помилованию совсем недавно появились в социалистической и независимой прессе и среди официальных социалистических групп, а в Англии некоторые лейбористы поддерживают амнистию. Причиной таких некоммунистических призывов к помилованию были определённые сомнения в виновности Розенбергов. Кроме того, помилование будет менее выгодно коммунистическим пропагандистам, нежели приговор и мученическая смерть» [383].

Теперь вся американская машина психологической войны столкнулась с массовыми волнениями. В течение следующих шести месяцев, вплоть до смертной казни Розенбергов в июне, мобилизовывались все ресурсы, чтобы убедить некоммунистический мир в безусловной обоснованности решения американского правосудия. Совет по психологической стратегии получил команду координировать кампанию. Её основной целью было поместить Розенбергов в контекст негативного коммунистического архетипа: коммунист как чудовище, которому нужны «кровавые жертвы». Он готовил отчёты для президента и его помощников на основании депеш посольств и

---

[380] Ben Bradlee. A Good Life: Newspapering and Other Adventures (London: Simon & Schuster, 1995).
[381] Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.
[382] Douglas Dillon to State Department. 15 May 1953 (CJD/DDE).
[383] Bowen Evans. Office of Intelligence Research, to Jesse MacKnight, Psychological Strategy Board, 14 January 1953 (PSB/DDE).

отчётов ЦРУ и давал инструкции всем американским представителям за рубежом.

Несмотря на то, что подготовленные Советом по психологической стратегии отчёты, в которых сообщалось, что Розенберги «справедливо приговорены и виновны в преступлении», распространялись европейской прессой, многие дипломатические представители США продолжали призывать к помилованию. Во Франции посол Диллон был глубоко взволнован «негативным влиянием приговора в Западной Европе» и настаивал на его пересмотре «с учётом национальных интересов» [384].

Совет по психологической стратегии рассмотрел «последствия казни Розенбергов, особенно влияние такого решения на психологию граждан за рубежом, а также его последствия для престижа и лидерства США» [385]. После этого Ч.Д. Джексон пошёл совсем другим путём. Хотя он и был уверен, что Розенберги «заслуживают смерти на электрическом стуле тысячи раз за то, что они сделали для этой страны», он твёрдо решил добиться от них признания вины. Это, безусловно, изменило бы весь ход дела. В переданном лично генеральному прокурору Герберту Браунеллу (Herbert Brownell) письме от 23 февраля 1953 года Джексон сообщал: «Стоит ещё раз попытаться расколоть хотя бы одного из Розенбергов... Чтобы расколоть Розенбергов, нужен не допрос с пристрастием, а, скорее, психиатрическое воздействие. Поэтому нужно пригласить какого-нибудь по-настоящему квалифицированного еврейского психиатра, скажем, д-ра Карла Бингера (Karl Binger), чтобы он попытался втереться к ним в доверие в течение следующих 30 дней. Если дело не продвинется, можно будет перенести исполнение приговора ещё на 30 или 60 дней, и так, пока мы не добьёмся успеха» [386].

В мае Джексону пришла в голову ещё одна идея. В «докладной записке по делу» на бланке Белого дома он написал: «Я говорил с Браунеллом и попросил его оказать психологическое воздействие на Розенбергов и использовать при необходимости временную отсрочку казни президентом. Браунелл сообщил, что надзирательнице удалось снискать расположение и что он настроен оптимистично. Я убедил Браунелла, что охрана, надзирательница, тюремный доктор и кто-нибудь ещё должны рассказать им нюансы ситуации и игры, которая велась, и не позволять им импровизировать по ходу событий. Этот вопрос уже не относился к компетенции полиции. Браунелл согласился предпринять что-либо в этом направлении» [387]. Насколько глубоко надзирательница смогла войти в доверие, остаётся вопросом. Однако по последнему жесту Этель можно сделать вывод, что достаточно глубоко.

Назначая дату казни на 19 июня 1953 года, взволнованный Эйзенхауэр отметил, что он «поражён высказанными в письмах сомнениями» относительно приговора Розенбергов. Ему казалось «странным, что наша

---

[384] Douglas Dillon to State Department. 15 May 1953 (CJD/DDE).
[385] Charles Taqueyto C.E. Johnson. Psychological Strategy Board, 29 March 1953 (CJD/DDE).
[386]C.D. Jackson to Herbert Brownell. 23 February 1953 (CJD/DDE).
[387]C.D. Jackson. Memo for the file, 27 May 1953 (CJD/DDE).

судебная система должна подвергаться нападкам в этом очевидном деле» [388]. Герберт Браунелл заверил Эйзенхауэра, что «дело не в сомнениях... разве что в технической стороне дела». «Обществу она неизвестна», - парировал Эйзенхауэр. На что Браунелл ответил: «Кто должен принимать решение - группы активистов или судебная система? Цель коммунистов - показать, что на Дуайта Эйзенхауэра можно оказывать давление» [389]. Теперь Эйзенхауэр раздражённо сказал Браунеллу, что его «беспокоят лишь честные граждане». Ч.Д. Джексон, наконец, вмешался и отметил, что некоторые люди не могут принять смертный приговор, потому что он не был вынесен другим осуждённым шпионам, например Клаусу Фуксу (Klaus Fuchs). На это друг Джексона Генри Кабот Лодж (недавно назначенный экспертом Эйзенхауэра по тактике борьбы с коммунизмом) ответил: «Всё можно легко объяснить». «Только не мне», - фыркнул Эйзенхауэр [390].

Когда все надежды на помилование угасли, даже Майкл Джоссельсон призвал к милосердию. «Майкл считал, что они виновны, но выступал против смертного приговора, поскольку это было бы плохой рекламой. Он отправил личную телеграмму Эйзенхауэру с просьбой о помиловании» [391], - вспоминала Диана. Кроме того, Джоссельсон организовал для Дениде Ружмона отправку обращения в Белый дом 13 июня 1953 года. «Ассоциация писателей, учёных и художников вместе с Международным конгрессом за свободу культуры обращается к вам с просьбой о помиловании Розенбергов, - говорилось в телеграмме «Вестерн Юнион». - Мы считаем, что такие действия с вашей стороны были бы в традициях гуманности западной демократии и послужили бы примером свободы во всём мире» [392]. Даже Папа Пий XII вмешался и попросил Эйзенхауэра сменить гнев на милость. «Мы все были подавлены во время исполнения приговора. Это было так глупо», - сказала Диана Джоссельсон [393].

В конце июля Ирвинг Кристол получил статью Лесли Фидлера под названием «Постскриптум по делу Розенбергов». Фидлер, бывший член Лиги молодых коммунистов (Young Communist League) и Социалистической рабочей партии (Socialist Workers Party), в начале 1940-х годов отошёл от левых и теперь писал «злобные антикоммунистические эссе, полные таких двусмысленных психологических исследований и призывов к искуплению грехов всеми левыми, что Гарольд Розенберг был вынужден опубликовать длинное опровержение под названием «Туманный либерализм и преступное прошлое» [394]. Именно в этом ключе Фидлер изложил свои мысли по делу Розенбергов.

Фидлер обратил внимание, что изначально вовсе не коммунисты были заинтересованы в отождествлении себя с этой парой, поскольку она «слишком далеко зашла в шпионаже, и её вина была огромной». Он провёл

---

[388] Handwritten notes of the Cabinet meeting, 19 June 1953 (WHO/DDE).
[389]Там же.
[390]Там же.
[391]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.
[392]American Committee for Cultural Freedom to President Eisenhower, 13 June 1953 (CCF/ CHI).
[393]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.
[394]Цитата из Hugh Wilford. The New York Intellectuals.

границу между «фактическим» делом Розенбергов и вторым «знаменитым» делом Розенбергов. Что касается последнего, благодаря тщательно подобранной и вызывающей сочувствие мифологии они стали великомучениками в традициях Дрейфуса. Таким образом, как только «были подняты флаги галантной старины», люди с либеральными взглядами где бы то ни было стали жертвами «своего рода морального шантажа» [395].

Он продолжал обвинять коммунистов в страданиях и смерти Розенбергов, утверждая, что это произошло «по воле законодателей коммунистических взглядов и играло им на руку. То же самое можно сказать о каждом случае дискриминации негров в Америке, подтверждавшем их правоту». По словам Фидлера, он побывал в самом центре Европы, охваченной антиамериканскими настроениями. Он видел «лица коммунистической толпы, бушующей и скандирующей перед американским посольством» в Риме. «Ничего, кроме радости», она не выражала. «Смерть убийцам Розенбергов!» - скандировала толпа, после чего расходилась «посидеть за бутылочкой вина, довольная хорошо выполненной за день работой». Что касается Розенбергов, то они были «непривлекательны и злопамятны». В то же время они были «человечными», заботились о своих детях, «волновались по поводу операций по удалению миндалин и были заняты семейными разборками». Однако Фидлеру настолько претила эта пара, что ему было сложно судить о Розенбергах в рамках «человеческой» истории.

Он продолжал заявлять, что, по сути, они «лишились всего человеческого» и представляли «официальное клише» вплоть до момента их смерти. «Эта пародия на мученическую смерть слишком абсурдна, чтобы действительно быть трагедией», - написал он. Комментируя письма супругов друг другу из отдельных камер в тюрьме «Синг-Синг», Фидлер, похоже, был глубоко оскорблён литературным стилем Этель Розенберг (или его отсутствием) и недостаточной сердечностью Юлиуса по отношению к своей жене и компаньону. «Мы привыкли к коммунистическим шпионам, убедительно лгущим в суде и изображающим из себя настоящих жертв; свежим примером является Алгер Хисс (Alger Hiss) [396]; но нам всегда казалось, что они говорят правду своим жёнам, пусть в темноте и шёпотом». Оказывается, они могли общаться только с помощью кодов даже друг с другом. Таким образом, спрашивал Фидлер, если они не были «мучениками или героями» - или даже людьми... что им оставалось ещё, кроме как умереть?» [397].

Сидни Хук, когда увидел статью, не на шутку встревожился. Джеймс Фаррелл однажды сказал о Хуке, что «он вставляет живую сложную реальность истории в машину логики и рвёт её на части. Способ, который он

[395]Leslie Fiedle. A Postscript to the Rosenberg Case, Encounter, October 1953.

[396]Алгер Хисс был многообещающим дипломатом, который в 1949 г. попал под подозрение Государственного департамента в шпионаже в пользу СССР. Он был уличён большой федеральной коллегией присяжных в лжесвидетельстве, а его дело широко освещалось в прессе и поглотило американское политическое пространство. В конце концов, он был заключён под стражу по обвинению в лжесвидетельстве, а не в шпионаже, и приговорён к тюремному заключению на пять лет.

[397] Leslie Fiedler. A Postscript to the Rosenberg Case, Encounter, October 1953.

использует для «выборочной эмфазы», можно сравнить с фокусом... Любого рода проблемы и разногласия... раздражают его, и он обходит их вниманием» [398]. Хук мог быстро находить недостатки в других и даже в себе. Он был уверен, что статья Фидлера выведет Конгресс из равновесия. В своём письме к Кристолу (который отправил ему пробный вариант) он рекомендовал издать её с таким примечанием: «Этот материал не должен рассматриваться как нападки на людей, которых уже нет в живых, поскольку мы должны уважать мёртвых.

Но в своей политической жизни Розенберги потеряли человеческую природу и превратились в политические символы. Поэтому речь идёт не об анализе личностей, а об анализе политического мифа» [399]. Более короткая версия предложенного Хуком замечания попала в текст Фидлера. Однако её смысл затерялся в статье, посвящённой борьбе с человеческой низостью.

Новость о статье Фидлера разнеслась быстро. В течение недели весь тираж первого выпуска «Инкаунтера» в количестве 10 тысяч экземпляров был распродан (данные о закупках Министерства иностранных дел отсутствуют; по словам Тома Брейдена, ЦРУ также «предоставило оборотные средства»).

В Англии в то время ощущалась нехватка высококачественных журналов, поэтому дебют «Инкаунтера» не должен был остаться без внимания. Теперь его название было известно каждому, и ни один званый ужин не проходил без бурного обсуждения его содержания. Уже через несколько дней можно было наблюдать результат: в офис «Инкаунтера» пришла полная почтовая сумка писем. Кристофер Ишервуд похвалил журнал за «интересный и непринуждённый» дебют. Леонард Вулф (Leonard Woolf) писал, что, по его мнению, публикации «выше среднего», а статью Фидлера назвал «исключительно хорошей».

Наблюдавший за этим со стороны Мелвин Ласки сделал вывод, что статья Фидлера может гарантировать ожесточённую борьбу за «Инкаунтер». Подтверждением служили три письма, полученные Спендером утром 22 октября 1953 года. В своей переписке с Джоссельсоном Спендер привёл цитату из письма Э.М. Форстера, содержавшую особое возмущение статьёй о Розенбергах «не по поводу фактических выводов, которые могут быть правильными, а за неуважение и жестокость, с которыми описаны последние дни Этель Розенберг. Самой оскорбительной была «сердобольная» концовка. В ней содержались загадочные рассуждения относительно того, может ли человек, который действовал бесчеловечно, быть прощён тем, кто написал эту статью.

Интересно, как бы поступил он, если бы был приговорён к смертной казни?» [400].

Чеславу Милошу также не понравилась статья о Розенбергах, сообщил Спендер Джоссельсону. Более того, Т.С. Элиот в своём ответе на просьбу

---

[398] James T. Farrell to Meyer Schapiro. 4 September 1940 (MS/COL).
[399] Sidney Hook. Цитата из Irving Kristolto Michael Josselson. 4 August 1953 (CCF/CHI).
[400]E.M. Forster. Цитата из Stephen Spender to Michael Josselson. 22 October 1953 (MS/COL).

Спендера оценить статью, сообщил, что он сомневается в эффективности «Инкаунтера», поскольку «просто очевидно, что журнал издаётся под эгидой Америки». Если он хотел сказать что-либо, чтобы повлиять на американское общественное мнение, не лучше ли было бы сделать это в статье, опубликованной в Америке для американского читателя? «Дело в том, что Элиот говорит о репутации журнала, вуалирующего американскую пропаганду под видом британской культуры» [401], - объяснял Спендер.

Соглашаясь с комментарием Хью Гайтскелла, что «любые политические взгляды, о которых мы пишем, будут вызывать подозрения у людей, знающих, что у нас американская поддержка», Спендер пришёл к выводу, что «любые прямые антикоммунистические мнения просто сорвут их замыслы». Он сообщил Джоссельсону, что, по его мнению, эти письма «вызывают глубокую тревогу», и добавил следующее: «Что касается моей собственной позиции, мне очень неприятна критика, связанная со статьями, которые служат американским целям» [402]. «В то время в Англии существовал инфантильный антиамериканизм, - отмечала Наташа Спендер. - Выдающиеся уважаемые люди были полны реакционных предрассудков относительно Америки, заявляя, что это молодая страна и т.п. Стивен постоянно подвергался критике со стороны таких людей. Они утверждали, что у них дома нет ни одного экземпляра «Инкаунтера», поскольку журнал, несомненно, «американский». И это очень злило его. Он хотел защитить своих коллег, которыми восхищался, ещё будучи в Америке» [403].

Фидлер, очевидно, сильно отдалился от Спендера. Монти Вудхауз вспоминал, как был «поражён», когда Спендер «взрывался и говорил, что больше не собирается принимать участие в этой «пропаганде». Я думал, что он разделял мои взгляды и взгляды всех нас относительно потребности в интеллектуальной реакции на коммунистов. Я полагал, с интеллектуальной точки зрения для него было слишком просто сказать, что он в некоторой степени разочарован» [404]. Спендер подтвердил, что статья о Розенбергах не оскорбила никого. Он защищал её как «ни в коей мере не пропагандистскую». Но его сильно беспокоил тот факт, что её считали «чем-то вроде троянского коня, помещённого в «Инкаунтер» [405].

Именно об этом и кое о чём ещё говорилось в обзоре Энтони Хартли (Anthony Hartley) в журнале «Спектейтор» (Spectator). Он подчёркивал «помпезность официальной культуры» в первом выпуске журнала и отмечал: «Жаль, если «Инкаунтер» всего лишь инструмент холодной войны» [406].

---

[401]Stephen Spender to Michael Josselson. Там же.
[402]Там же.
[403]Natasha Spender. Telephone interview, May 1997.
[404] Christopher Montague Woodhouse. Telephone interview, December 1997. Вудхаус не смог вспомнить, где произошла эта сцена. Вудхаус случайно встретился со Спендером на общественном собрании. Он также был сотрудником издания Encounter, хотя добросовестно защищал свою принадлежность к МИ-6 как от редакторов, так и, естественно, от читателей.
[405] Stephen Spender to Michael Josselson. 22 October 1953 (CCF/CHI).
[406] Anthony Hartley. The Spectator, 9 October 1953. Если у Хартли были опасения в то время, он, должно быть, убедил себя в том, что ошибается. В 1962 г., когда он стал редактором иностранных изданий Spectator, половину зарплаты ему платил Encounter, в котором он был соредактором наравне с Мелвином Ласки. Джоссельсон отслеживал критику, относящуся к

Преподаватель Кэмбриджа и критик Грэхэм Хоу (Graham Hough) назвал «Инкаунтер» «странным англо-американским питомцем» и заявил, что он не был так свободен, как хотел казаться: «Он не свободен от навязчивой мысли или идеи фикс», подчеркнул он и добавил, что у него «на самом деле очень странное представление о культуре». В критическом замечании о спонсорах «Инкаунтера» Хоу писал, что ему «не нравится размышлять над концепцией культурной свободы, которая могла бы обусловить написание или публикацию статьи {Фидлера)» [407].

Ещё более злобной была статья в колонке «Аттик» «Сандей Таймс» (Sunday Times), где журнал назвали «полицейским отчётом оккупированных Америкой стран». А.Дж.П. Тейлор (A.J.P. Taylor) в своей статье в «Лисенер» (Listener) просто проигнорировал суету вокруг статьи о Розенбергах и заявил следующее: «В этом номере нет статьи, которая заставила бы читателя сжечь номер или даже с возмущением выбросить в мусорное ведро. Ни одна из статей не является политически взрывоопасной... Все статьи - безопасное чтиво для детей. Большинство из них написаны взрослыми и состоявшимися личностями» [408]. «Вы видели «Инкаунтер»? - спросила Мэри Маккарти Ханну Арендт. - Это просто безвкусица, институтский журнал, созданный бывшими продажными студентами» [409].

В личной беседе Спендер сообщил друзьям, что он всегда был против статьи Фидлера, но «не мог противостоять Кристолу каким-либо образом в первом выпуске». Он нужен был Спендеру для оценки его нового видения.

Однако он также признался, что статья Фидлера была хороша уже тем, что «позволила британским читателям узнать, насколько ужасным может быть определённый тип американского интеллектуала» [410]. Это перекликалось с мнением Гарольда Розенберга. Убедившись в отсутствии у Фидлера глубины, он написал, что достижение у статьи только одно. Получило подтверждение широко распространённое мнение, что «в Америке все живут на биллбордах».

Как только статья Фидлера разделила читателей «Инкаунтера», она вбила клин в отношения между его соредакторами и увеличила дистанцию между ними. В марте 1954 года Спендер жаловался в письме Джоссельсону, что Кристол никогда не соглашается с его предложениями. Если Кристол не «признаёт своё невежество» в некоторых вопросах, «Инкаунтер» рискует

Encounter или к Конгрессу в целом, а свою энергию направил на то, чтобы они «были в игре». В 1955 г., всего лишь несколько месяцев спустя, как он в журнале New Statesman сообщил о том, что к Encounter «относились с подозрением, потому что факт его спонсирования был очевиден, и люди хотели знать, кем он спонсируется и чью «линию» выражает, Дэвид Дэчес как сотрудник Encounter написал небольшую, но важную статью, в которой Нил Берри описывал цель Encounter как кампанию по «подрыву идеологической гегемонии New Statesman».

[407] Graham Hough. Текст радиопрограммы the Third Program, BBC Radio, May 1954 (CCF/CHI).

[408] A.J.P. Taylor. Listener, 8 October 1953.

[409] Mary McCarthy to Hannah Arendt. In Carol Brightman (ed.), Between Friends: The Correspondence of Hannah Arendt and Mary McCarthy 1949-1975 (London: Seekertte, Warburg, 1995).

[410] Richard Wollheim. Telephone interview, December 1997.

потерять достигнутое положение. Он также обвинил Кристола в публикации журнала таким образом, как будто его, Спендера, не существовало вовсе (на самом деле он действительно отсутствовал большую часть того года; как сообщила Наташа, Спендер был «принудительно отправлен Джоссельсоном и Набоковым» в заграничную командировку от имени Конгресса).

«Сейчас я обращаюсь к вам в письменном виде, поскольку жаловался десятки раз устно, но без какого-либо результата, - предупредил Спендер Кристола. - Я должен быть уверен, что планы по улучшению журнала не блокируются вашим простым нежеланием консультироваться со мной или с кем-либо ещё» [411]. Джоссельсон взял сторону Спендера. Он часто ругал Кристола за игнорирование и призывал улучшить журнал. Для этого нужно было «предложить читателям что-нибудь стоящее вместо «чепухи», которую мы публиковали до сих пор, поскольку это может только навредить журналу» [412].

В течение двух лет после выхода в свет «Инкаунтера» отношения между Спендером и Кристолом постепенно рушились. «Я не могу работать с Ирвингом, поскольку для сотрудничества нет основы и механизма, - сказал Спендер Джоссельсону. - Поэтому я считаю, что продолжать работать с ним будет нечестным» [413]. Пока Джоссельсон разруливал эту ситуацию, возникла другая, ещё более серьёзная проблема.

[411]Stephen Spender to Irving Kristol. 24 April 1954 (CCF/CHI).
[412]Michael Josselson to Irving Kristol. 4 October 1954 (CCF/CHI).
[413]Stephen Spender to Michael Josselson. 10 July 1955 (CCF/CHI).

13. Святоши Вилли

«Так не дадим распрям осквернить наш катехизис». Джон Кроу Рэнсом (John Crowe Ransom).

«Наши две знаменитости» Дело Розенберга поставило перед Америкой болезненную дилемму. Любимчик сенатора Маккарти Рой Кон (Roy Cohn) открыто хвастался перед европейцами своей ролью в преследовании Розенбергов. Это только усилило подозрения о причастности дела к охоте на ведьм Маккарти. За исключением некоторых вопросов технического порядка в Европе росла уверенность в наличии связи между этими двумя явлениями.

Маккарти появился на горизонте в эпоху обеспокоенности европейцев «взаимной неприязнью» Америки и Советского Союза. «Над Атлантикой распространился яд, как какой-то ужасный господствующий ветер» [414], - писала жена молодого американского дипломата во Франции на пике кампании Маккарти. Сенатор от Висконсина компенсировал свой скудный интеллект громкими речами и полным отсутствием совести (он утверждал, что его хромота была связана с военной травмой, но на самом деле она стала результатом падения с лестницы). Мамейн Кёстлер (Mameyn Koestler) считала его отвратительным и называла «взбалмошным бандитом» (хотя верила, что он неплохо справлялся с разоблачением «просочившегося неприятеля»). Как писал Ричард Ровер, никакой другой политик того времени не имел «более надёжного и быстрого доступа к тёмным уголкам американской души» [415].

В начале 1950-х годов Маккарти разглагольствовал о «великом сговоре, таком масштабном и подлом, что история человечества вряд ли видела что-либо подобное». Вдохновлённый процессами над Алгером Хиссом, Розенбергами и другими просоветски настроенными деятелями в США, добавившими благовидности его оруэлльским комплексам, Джо Маккарти дошёл до того, что обвинил генерала Джорджа Маршалла в служении кремлёвской политике. Проходившие под его грозным председательством слушания Комиссии Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, обвинения и чёрные списки стали обыденным явлением. Артур Миллер был приговорён к тюремному заключению (позже обвинения сняли в апелляционном порядке). Лилиан Хеллман была внесена в чёрный список, и началось «время негодяев».

«За исключением И.Ф. Стоуна (I.F. Stone), чей четырехстраничный самиздатовский еженедельник целенаправленно изучал предмет и не следовал правилу освещения любого вопроса в антикоммунистическом духе, я не могу вспомнить других журналистов, способных устоять перед таким мощным натиском, - писал Артур Миллер. - Имея самую малочисленную коммунистическую партию в мире, США вели себя так, как будто страна находилась на грани кровавой революции» [416].

---

[414]Susan Mary Alsop. To Marietta from Paris.
[415]Richard Rovere. Цитата из Stephen Whitfield. The Culture of the Cold War.
[416]Arthur Miller. Timebends.

В 1950 году коммунистическая партия насчитывала примерно 31 тысячу членов. К 1956 году их количество сократилось до нескольких тысяч, большинство из которых были тайными агентами ФБР. «Я всегда верил старой прибаутке, что ФБР поддерживали жизнь в коммунистической партии путём оплаты взносов через своих агентов» [417], - отмечал Уильям Колби, будущий директор ЦРУ. Говард Фаст писал: «В действительности Коммунистическая партия США была в тот момент чуть ли не филиалом Министерства юстиции» [418].

Хромированные закрылки на новых «кадиллаках», белые длинные гольфы и «Джелло», хула-хупы и холодильники Frigidaires, честерфилды и кухонные комбайны, гольф, ухмылка «дяди Айка» (президента Эйзенхауэра. - Прим. ред.), шапки Mamie - добро пожаловать в модные 1950-е. Это была Америка журнала «Лайф», страна со стремительно развивающейся экономикой, ориентированной на потребление, и свободным обществом. Но за ней стояла другая Америка - погружённая в раздумья, мрачная и предоставленная самой себе.

В этой Америке иметь запись Пола Робсона считалось диверсионным актом, а школьная книга «Изучаем историю Америки» (Exploring American History), соавтором которой был историк Йельского университета, давала детям такой совет: «ФБР призывает американцев сообщать непосредственно в свои офисы о любой подозрительной коммунистической деятельности американских сограждан. ФБР имеет достаточную профессиональную подготовку, чтобы найти правду в таких подозрениях, соблюдая при этом законы нашей свободной нации. Когда американцы действуют подобным образом, а не обсуждают всё публично и не предают гласности, они поступают согласно американским традициям» [419]. «Поощрение молодых доносчиков было характерной чертой тоталитарных обществ, но холодная война вынудила включить информирование в список «американских традиций», - писал историк [420].

Упаднические настроения получили своё отражение в мировой скорби (Weltschmerz) актёра Джеймса Дина, легкомысленной безмятежности Марлона Брандо, вербальном неистовстве Ленни Брюса (Lenny Bruce). Ранние проявления таких настроений перерастут позже в массовые выступления. Но это были отдельные моменты, неясные намёки, затерявшиеся на фоне бурного недовольства «официальной» культурой, назойливой и едкой болтовни Микки Спиллейна (Mickey Spillane) или нашумевших подвигов Капитана Америки. Этот герой комиксов компании «Марвел» (Marvel) очень легко переходил от борьбы с нацистами к разоблачению коммунистов, предупреждая: «Коммунисты, шпионы, предатели и иностранные агенты, берегитесь! Капитан Америка и все поддерживающие его преданные и свободные люди готовы бороться до тех

[417]William Colby. Interview, Washington, June 1994.
[418]Howard Fast. Цитата из Natalie Robins. Alien Ink.
[419]Цитата из Stephen Whitfield. Цит. произв.
[420]Stephen Whitfield. Цит. произв.

пор, пока последний из вас не будет истреблён как отбросы, которыми вы являетесь!» [421].

Это была Америка Роя Кона и Дэвида Шайна (David Schine) - «грозного дуэта» Маккарти. Один комментатор описывал Кона как «отвратительного», а Шайна как «напыщенного нахала». Кон был блестящим юристом. Он получил юридическое образование в городе Колумбия в 19 лет, а уже в 25 лет стал юрисконсультом Маккарти в Комитете Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности. Чрезвычайно амбициозный и высокомерный, Кон плакал всякий раз, когда слышал «Усеянное звёздами знамя» (гимн США. - Прим. ред.). Дэвид Шайн, сын процветающего магната, работавшего в отельном бизнесе, получил образование в Андовере и Гарварде и был лучшим другом Кона. Шайн любил ночные клубы, быстрые автомобили и внимание к своей персоне. В начале 1953 года Кон устроил его на работу в подкомитет Маккарти. Шайн мало чем выделялся, за исключением того, что был автором безумной книги «Определение коммунизма» (Definition of Communism). Экземпляры этой книги лежали рядом с библией от Гедеона в отелях его отца.

Весной 1953 года, когда дело Розенберга вызвало широкую волну возмущения в связи с американским присутствием в Европе, Кони Шайн отправились в инспекторскую поездку для проверки американских официальных информационных представительств. Прибытие совпало с похоронами Сталина, о смерти которого Кремль сообщил 5 марта. Однако их следующий шаг стал напоминанием того, что дух сталинизма продолжал витать повсюду. После посещения библиотек Информационного агентства США (US1A) в семи странах они объявили, что 300 тысяч книг из двух миллионов, находившихся на полках, вышли из-под пера прокоммунистических писателей, и потребовали их изъятия. Государственный департамент, вместо того чтобы защищать свои библиотеки (ежегодно их посещали 36 миллионов читателей), издал грозное постановление. Оно ставило под запрет любые материалы, включая рисунки, «каких-либо противоречивых личностей, коммунистов, сочувствующих и им подобных». Таким образом, произведения сотен американских писателей и деятелей культуры были отправлены по кафкианскому сюжету на свалку политики.

За этим последовала бурная переписка между Госдепартаментом и миссиями Информационного агентства США (Берлин, Бремен, Дюссельдорф, Гамбург, Мюнхен, Ганновер, Штутгарт, Фрайбург, Нюрнберг, Париж), поскольку количество запрещённых книг росло: «Уберите все тома Сартра со всех собраний Amerika Hauser»; «Все книги следующих авторов должны быть убраны: Дэшил Хэмметт, Эллен Кей (Helen Kay), Джейн Уэлтфиш (Gene Weltfish), Лэнгстон Хьюз, Эдвин Сивер (Edwin Seaver), Бернхард Штерн (Bernhard Stern), Говард Фаст»; «Уберите все (подчёркиваю, все) произведения следующих лиц: Джон Абт (John Abt), Дж. Джулиус (J. Julius), Маркус Сингер (Marcus Singer), Нэйтан Уитт (Nathan Witt)»; «Все работы следующих авторов приказано убрать: В. Е. Б. Дюбуа (W. E. B. Dubois),

[421]Цитата из Taylor D. Littleton and Maltby Sykes. Advancing American Art: Painting, Politics and Cultural Confrontation (Alabama: University of Alabama Press, 1989).

Вильям Фостер (William Foster), Максим Горький {так в оригинале), Трофим Лысенко, Джон Рид (John Reed), Агнес Смедли (Agnes Smedley)» [422].

Герман Мелвиль (Herman Melville) также попал под пресс, и все его книги с иллюстрациями Рокуэлла Кента (Rockwell Kent) были изъяты. 20 апреля 1953 года Посольство США в Париже телеграфировало в Госдепартамент: «Из библиотеки Информационного агентства в Париже и в провинциях были изъяты следующие книги: Говард Фаст «Гордый и свободный» (The Proud and the Free), «Непобеждённые» (The Unvanquished), «Зачатые в свободе» (Conceived in Liberty); Дэшил Хэмметт «Худой человек» (The Thin Man); Теодор Хэфф (Theodore Haff) «Чарли Чаплин»; Лэнгстон Хьюз «Усталые блюзы» (Weary Blues), «Дороги белых людей» (Ways of White Folks), «Большое море» (Big Sea), «Поля чудес» (Fields of Wonder), «Монтаж отсроченной мечты» (Montage of a Dream Deferred), «Смех сквозь слёзы» (Not Without Laughter), «История Бланка» (Histoiresdes Blancs)» [423].

Американский культурный престиж был попран, поскольку государственные агентства и миссии пресмыкались перед Маккарти. Среднее количество книг, отправляемых Информационным агентством США за рубеж, сократилось в 1953 году с почти 120 тысяч (119 913) до 314. Многие книги, изъятые из библиотек, были в своё время преданы огню нацистами. Во второй раз эта участь постигла такие произведения, как «Волшебная гора» (The Magic Mountain) Томаса Манна, «Избранные сочинения» (Selected Works) Тома Пейна (Tom Paine), «Теория относительности» (Theory of Relativity) Альберта Эйнштейна, труды Зигмунда Фрейда, «Почему я стала социалистом» (Why I Became a Socialist) Хелен Келлер (Helen Keller) и «Десять дней, которые потрясли мир» (Ten Days That Shook the World) Джона Рида. Эссе Торо (Thoreau) «О гражданском неповиновении» (Civil Desobedience) было запрещено США в то же время, когда оно было объявлено вне закона в маоистском Китае.

Внешне непреклонная и вдохновляемая Маккарти культурная чистка свела на нет претензии Америки на то, чтобы быть образцом свободы выражения. Лауреат Нобелевской премии и известный противник нацизма Томас Манн вдруг обнаружил, что его американское гражданство не могло обеспечить ему защиту, на которую он надеялся, убегая от тоталитаризма. Уличённый сторонниками Маккарти в мягкости к коммунизму, с ярлыком «Американский попутчик номер один» от журнала «Плейн Ток» (Plain Talk), он желал покинуть Америку, которую называл «кондиционируемым кошмаром» [424].

Другим трофеем Кона и Шайна стал Дэшид Хэммет. В 1951 году он провёл в заключении двадцать две недели из шести месяцев, к которым был приговорён за отказ назвать спонсоров Фонда поручительства по гражданским правам (Civil Rights Bail Fund). Фонд был создан, чтобы обеспечивать поручительство арестованным коммунистам. В 1953 году

[422]State Department and USIA cables, April-July 1953 (SD. CA/RG59/NARA).
[423]American Embassy, Paris, to State Department, 20 April 1953 (SD. CA/RG59/NARA).
[424]Том Брейден был очень обеспокоен новостью о том, что Томас Манн готовился «дезертировать» обратно в Европу. Манн действительно вернулся в Европу навсегда в 1952 г.

Хэммет был вызван для дачи показаний в постоянной подкомиссии сената, возглавляемой Маккарти, где вновь отказался назвать имена, на этот раз ссылаясь на пятую поправку. Кон и Шайн требовали изъятия всех его книг из библиотек Госдепартамента. После снятия «Приключений Сэма Спейда» (The Adventures of Sam Spade) в радиокомпании Эн-би-си Хэммет лишился своего основного источника дохода.

Отвоевав за Америку в двух мировых войнах, он умер в бедности в 1961 году. Хэммет был похоронен, согласно его воле, на Арлингтонском национальном кладбище, несмотря на попытки ФБР помешать этому [425].

На большинство запрещённых постановлением Госдепартамента живых авторов в ФБР, возглавляемом Дж. Эдгаром Гувером, имелись многотомные и зачастую нелепые досье. Деятельность и движения Роберта Шервуда, Арчибальда Маклейша, Малкольма Коули, в деле которого Сидни Хук фигурировал как информатор ФБР, Джона Кроу Рэнсома, Аллена Тейта, Говарда Фаста, Ф.О. Мэтьессена, Лэнгстона Хьюза и, конечно, всё тех же жупелов (Betes Noires) ассоциации «Уолдорф Астория» (Waldorf Astoria) также находились под контролем. Когда Эрнест Хемингуэй пожаловался своим друзьям о слежке со стороны ФБР, они подумали, что тот оторвался от реальности.

Однако дело, рассекреченное в середине 1980-х и насчитывавшее 133 страницы, подтвердило подозрения Хемингуэя: в течение более чем 25 лет за ним следили, его записывали и преследовали люди Гувера. Незадолго до смерти, страдая от тяжёлой депрессии, Хемингуэй посетил клинику в Миннесоте под выдуманной фамилией. Психиатр клиники связался с ФБР, чтобы согласовать возможность регистрации Хемингуэя под этой фамилией [426].

В досье на поэта Уильяма Карлоса Уильямса (William Carlos Williams) говорилось, что он является «слегка рассеянным профессором», использующим «экспрессионистский» стиль, который можно толковать как «код». Этого было достаточно, чтобы не дать Уильямсу работать консультантом по поэзии в Библиотеке Конгресса в 1952 году: он не прошёл проверку на лояльность (должность оставалась вакантной до 1956 г.). Поэт Луис Антермайер (Louis Untermeyer) был включён в индекс безопасности ФБР (относившего его в группу риска для национальной безопасности) в 1951 году [427]. Вскоре после этого Антермайер закрылся в своей квартире, откуда не выходил почти полтора года, став заложником «непреодолимого парализующего ужаса» [428]. Эссеист Мюррей Кемптон (Murray Kempton) считал Гувера «неизлечимым буйно помешанным» и представлял, как «по ночам его терзали предположения, что где-то кто-то не преклоняется перед ним» [429].

---

[425]Stephen Whitfield. Цит. произв.
[426]Natalie Robins. Цит. произв.
[427]Там же.
[428] Arthur Miller. Цит. произв.
[429] Murray Kempton. Цитата из Natalie Robins. Цит. произв.

Обсуждая проблему цензуры в области культуры 10 июля 1953 года, кабинет Эйзенхауэра сделал неубедительный вывод о невозможности «осуществлять контроль, не выглядя при этом глупцами или нацистами. Это следует делать спокойно, если есть достаточно времени и сил. Сейчас, несомненно, нужно проверить новые книги на соответствие закону» [430]. Такую реакцию вряд ли можно назвать должной и здравой. Американские почтовые отделения были переполнены письмами со всей Европы с критикой запрета книг. Британцы, которые после войны оставили на полках немецких библиотек «Майн Кампф» (Mein Kampf), «превратившуюся со временем в сборник анекдотов», были настроены очень пессимистично. Отчасти проблема заключалась в том, что Эйзенхауэр, не желавший погружаться в трясину вместе с Маккарти, считал, что он может затмить его собственным крестовым походом против коммунизма. Основой этих действий была стратегия, рекомендованная его госсекретарём Джоном Фостером Даллесом. Между тем Маккарти сомневался даже в Эйзенхауэре. Ходили слухи, что в то время, когда Айк занимал должность верховного главнокомандующего в послевоенной Европе, произошло массовое проникновение коммунистов, особенно в Германии, в американские правительственные учреждения. Как ни странно, Николай Набоков подлил масла в огонь. Он передал братьям Олсоп информацию о серьёзности этого проникновения и утверждал, что «пятая колонна» фактически контролировала командование Эйзенхауэра.

Не избежал критики и рупор Госдепартамента «Голос Америки». По мере того как Маккарти режиссировал на телевидении слушания с небылицами о проникновении коммунизма в американскую службу вещания за рубежом, сотрудники, которые помогали создавать эту службу, в конце концов тоже были уволены. В марте 1953 года продюсер «Голоса Америки» запросил в музыкальной фонотеке запись «Песнь Индии». Сотрудник фонотеки сообщил ему, что получить запись невозможно, поскольку «это Римский-Корсаков, а всё русское запрещено для использования».

Атаки Маккарти на Госдепартамент были беспощадными. Кульминацией стало обвинение Дина Эйчесона в том, что «этот помпезный дипломат в полосатых штанах с нарочитым британским акцентом» был «холёным коммунистом». Обвинять Эйчесона, архитектора доктрины Трумэна, в податливости коммунизму было пустой затеей. Маккарти и сам, скорее всего, не верил в это. Но то, что Эйчесон смазывал свои усы воском и покупал костюмы на Сэвил-Роу (Savile Row; улица в Лондоне, где расположены мастерские самых искусных и дорогих британских портных. - Прим. ред.), было настоящим обвинением. Как и Муссолини до него, Маккарти был сторонником всего отечественного - его устраивало только то, что «сделано в Америке». Он был рупором реакционеров, отвергавших английские ценности таких людей, как Эйчесон. Маккартизм был движением и временем, преисполненным популистского негодования по отношению к истеблишменту. В свою очередь, вульгарная демагогия Маккарти была воспринята правящей элитой как оскорбление. Он представлял тех, кого в Англии А.Л. Роуз (A.L. Rowse) высмеивал как

[430] Handwritten notes of the Cabinet meeting, 10 July 1953 (WHO/DDE).

«идиотов»; ему не был присущ утончённый интеллектуальный вкус, отвергающий посредственность, провинциальную ментальность, ужасные проявления мещанства. Политические посредственности, как братья Олсоп - Джозеф и Стюарт, считали Маккарти «главным популистом, который держит в напряжении внешнеполитическую элиту страны». Кроме того, они рассматривали его атаку на Госдепартамент как нападки на интернационалистскую философию, господствовавшую в международной политике Америки в послевоенный период. Никто из братьев не говорил об этом открыто, но им было очевидно, что если Маккарти истребит интернационалистов в Госдепартаменте, следует ожидать новой волны изоляционизма [431].

«Почти на каждого либерала в федеральном правительства смотрели с подозрением», - говорил Лиман Киркпатрик (Lyman Kirkpatrick), главный инспектор ЦРУ в эпоху Маккарти. - Атмосфера была такой, которая, по всей видимости, существовала во времена французской революции, когда обвинения и приговоры заканчивались гильотиной. Несмотря на то что в Вашингтоне не было гильотины, имелся более изощрённый способ свести на нет карьеру человека и разрушить его жизнь» [432]. Окончательно расправившись с моралью Госдепартамента, Маккарти переключил своё внимание на ЦРУ, «главную и более важную цель, особенно в том, что касается получения больших личных дивидендов» [433].

Это касалось «интернационалистов», сгруппировавшихся вокруг Отдела международных организаций ЦРУ. Им было что терять, больше, чем кому-либо. В конце 1952 года под подозрения Маккарти попала команда Брейдена. Сенатору стало известно о «больших субсидиях прокоммунистическим организациям» [434]. Это оказалось решающим моментом: неофициальный антикоммунизм Маккарти добрался до разрушающейся, возможно тонущей, наиболее тщательно подготовленной ЦРУ и эффективной сети некоммунистических левых организаций прикрытия ЦРУ.

«Одна из особенностей начинания ЦРУ в культурной политике заключалась в том, что она должна была проводиться открыто и публично через Информационное агентство США или другую подобную организацию, - пояснял Артур Шлезингер. - Но это не представлялось возможным по причине Джо Маккарти. Если бы Маккарти знал, что правительство США финансировало некоммунистические левые журналы, а также социалистические и католические профсоюзы, это привело бы к серьёзным последствиям. Именно поэтому ЦРУ делало всё скрыто, чтобы обойти Маккарти» [435]. «Всё это не должно было проходить через бюджет, - сказал один из сотрудников ЦРУ, курировавший Конгресс за свободу культуры, - поскольку ни в коем случае не должно было попасть в Конгресс.

---

[431]Robert W. Merry. Taking on the World: Joseph and Stewart Alsop, Guardians of the American Century (New York: Viking Penguin, 1996).
[432]Lyman Kirkpatrick. The Real CIA (New York: Macmillan, 1968).
[433]Там же.
[434] Roy Cohn McCarthy (New York: New American Library, 1968).
[435] Arthur Schlesinger. Interview, New York, June 1994.

Представьте насмешки, которые бы мы услышали в наш адрес: они все коммунисты! Они гомосексуалисты! или что-либо подобное» [436].

«Многие из этих тайных операций, как это ни парадоксально, находились под угрозой срыва по причине самого Маккарти. Он угрожал сорвать завесу в определённый момент, поскольку, по его мнению, ЦРУ было американским агентством, которое идёт на сговор с левыми! - пояснял историк Кай Бёрд. - Это было препятствие, дискредитировавшее идею. В соответствии с ней Америка была передовым демократическим обществом, способным вести разумные политические дебаты. Кроме того, существовала угроза для секретных операций, которые проводились в течение длительного времени с целью обеспечить политический консенсус и удержать Западную Европу в НАТО и в рамках западного альянса» [437].

В условиях, когда ищейки Маккарти рыскали вокруг некоммунистической левой программы управления, ЦРУ должно было уйти в тень как можно быстрее. Однако в этот критический момент заговорил Американский комитет за свободу культуры. В начале 1952 года он провёл закрытое заседание для обсуждения ответа Маккарти. Сразу же стало ясно, что Комитет безнадёжно расколот. Джеймс Фаррелл и Дуайт Макдональд не сомневались в опасности маккартизма. «Угроза сталинизма захлестнула Америку, если даже не весь мир, - утверждал Фаррелл. - Мы видим развивающуюся группу интеллектуалов от маккартизма» [438]. Далее он определил маккартизм как «ничегоневедение», чрезмерное противодействие конформизму и ортодоксальности.

Макдональд предложил две позиции: «чистую, которая не предполагает различий между коммунистами и некоммунистами в том, что касается гражданских прав и культурной свободы; и нечистую, предполагающую защиту только тех людей, которые пострадали вследствие надуманных или недоказанных обвинений в приверженности коммунизму» [439]. Он надеялся, что Комитет займёт первую позицию, но считал, что это произойдёт по крайней мере позже. Бертрам Вольф (Bertram Wolfe) заявил в ответ, что «опасность, существующая в Америке в настоящее время, является прямым следствием нашего бездействия по разоблачению сталинистов. Если мы не будем этого делать, за нас это сделают мужчины из клубов» [440] (имеются в виду посетители традиционных английских мужских клубов, которые в системе ценностей США выглядели слишком европейскими и аристократичными. - Прим. ред.).

Другой участник дискуссии предостерёг, что в Комитете наблюдается «тенденция вступать в существующую полемику, а затем занимать «официальную» позицию... он взял на себя роль защитника линии, проводимой правительством. Ему нужно изучать новые проблемы и вопросы.

---

[436] John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.
[437] Kai Bird. Interview, Washington, June 1994.
[438] James T. Farrell. Цитата из American Committee for Cultural Freedom, Minutes of Planning Conference, 1 March 1952 (IB/GMC).
[439]Dwight Macdonald. Там же.
[440]Bertram Wolfe. Там же.

Работой машины массовой пропаганды должны заниматься другие» [441]. Эту точку зрения поддержал Ричард Ровер, помощник редактора журнала «Нью-Йоркер». Он отметил: «Наша непосредственная миссия заключается в том, чтобы Европа знала о возможности противостоять маккартизму и коммунистическому тоталитаризму. Главная проблема в этом отношении состоит в том, что политики начинают направлять культуру» [442]. Но Сидни Хук, Даниэл Белл, Клемент Гринберг и Уильям Филлипс, говоря от имени большинства, отказались поддержать всеобщее осуждение Маккарти.

Мэри Маккарти сообщала об этом расхождении в позициях в письме к Ханне Арендт. В нём говорилось, что она «получила сообщение о линии группы Хука. Похоже, поведение Маккарти... не входит в компетенцию Комитета за свободу культуры» [443]. Она также доверительно сообщила, что « Комитет, осознавая отсутствие реальной коммунистической угрозы, заинтересован главным образом в сборе денег для борьбы с коммунизмом в Восточной Европе, или точнее - борьбы с нейтрализмом, который считается первоочередной угрозой. Это было сказано (мне) по секрету» [444]. Далее Мэри Маккарти сообщала, что, с другой стороны, по её мнению, «главной целью борьбы был переход к нейтрализму в стране. Если бы Хук и компания ослабили на мгновение свои попытки, сталинизм возродился бы в государственной власти и образовании.

Кульминацией стала бы политика соглашательства за границей. Мне тяжело сказать, что это было - настоящий страх (что кажется фантастикой) или рациональное объяснение. Я не могу поверить, будто эти люди серьёзно думали, что у нас присутствует скрытый сталинизм в широком масштабе, готовый возрождаться при наименьшей возможности... Они жили в страхе повторения ситуации 1930-х годов, когда сочувствующие имели влияние на власть в сфере образования, в печати, театре и т.д. Тогда сталинизм был доходным делом, а эти люди, находясь вне его, стали объектом неуважительного отношения в обществе, мелких экономических притеснений, сплетен и злословий. Они были здравомыслящими и настроенными на успех и культурную монополию.

Короткий период взлёта сталинизма в 1930-х годах стал для них настоящим шоком... Они всё ещё продолжают видеть это время во сне; это был реальнее, чем сейчас. Поэтому они почти не замечают фактические ухудшения и не оценивают должным образом роль сенатора Маккарти» [445].

На тот момент расхождения во мнениях относительно маккартизма в Американском комитете особо не разглашались. Но 29 марта о расколе было заявлено публично на телевидении во время спонсируемых Комитетом дебатов под названием «Я защищаю свободную культуру». Дебаты проходили в специально подготовленном для этого звёздном зале отеля «Валдорф Астория». На утреннем заседании Дуайт Макдональд, Мэри Маккарти и Ричард Ровер откровенно выступали против сенатора Маккарти.

[441]Boris Shub. Там же.
[442]Richard Rovere. Там же.
[443]Mary McCarthy to Hannah Arendt. 14 March 1952, in Carol Brightman (ed.), Between Friends.
[444]Там же.
[445]Там же.

Однако после обеда Макс Истман, любимец американских левых в начале 1930-х годов, произнёс речь, которая показала, насколько глубоким может быть процесс дерадикализации. Отрицая имевшую место охоту на ведьм, он обвинил коммунистов и сочувствующих в изобретении термина «тактика очернительства». «Как полусожженная ведьма из того ужасного времени, - сказал Истман, - я смею заверить вас в следующем: то, что вы называете охотой на ведьм, представляет собой детские игры на пикнике в воскресной школе в сравнении с тем, что американцы могут сделать, если такая охота реально начнётся» [446]. Он обвинил правительство в «неудачной борьбе с проникновением врагов свободы», после чего предъявил то же обвинение «Фридом Хаус», «Американцам за демократические действия» (Americans for Democratic Action) и Американскому союзу за гражданские свободы (American Civil Liberties Union), членом которого являлся, как группе «растерявшихся либералов, которые во имя культурной свободы оказывают помощь вооружённому врагу, подавляющему любые проявления свободы в мире» [447].

По одним сообщениям, аудитория была ошеломлена, по другим - ликовала. В своей речи в то утро Ричард Ровер сослался на Ирвинга Кристола в качестве примера. Последний заявил, что иногда следует говорить «о Маккарти так же правдиво, как он требует этого от других при порицании коммунистов». Ровер обвинил Маккарти в том, что он «настолько же далёк от правды, как любой советский историк», и мрачно заключил: «Определённая и, возможно, неизбежная правда заключается в следующем: движение святош Вилли уже началось повсюду» [448] (святоши Вилли - это выражение берёт начало в сатирической поэме Роберта Бёрнса «Молитва Святого Вилли» (Robert Burns, Holy Willie's Prayer), в которой автор высмеивает фанатизм и лицемерие главного героя, активно грешившего и одновременно просящего Бога наказать своих компаньонов за грехи. - Прим. ред.). По словам Макса Истмана, после таких сантиментов сам Ровер попросту стал лёгкой добычей для советской пропаганды.

После встречи Ровер написал Шлезингеру письмо, в котором выразил своё разочарование по поводу реплики Истмана и попросил что-нибудь предпринять. К кому же обратился Шлезингер? К Фрэнку Уизнеру Шлезингер позже неубедительно объяснял, что хотя ему и было известно о начальных инвестициях ЦРУ в организацию работы Конгресса за свободу культуры в Берлине, он в дальнейшем «полагал, что платили фонды. Как и все, я думал, они были настоящими... Я не знал, что за всё платило ЦРУ». Спустя полвека Шлезингер всё ещё скрывал какие-либо официальные собственные контакты с ЦРУ по данному вопросу: «Иногда я встречал Фрэнка Уизнера в доме Джо Олсопа. Он по-дружески спрашивал меня, что происходит в американском Комитете, и я ему рассказывал» [449].

Видимо, в рамки этих «дружеских» отношений вписывалось и письмо Шлезингера Уизнеру от 4 апреля 1952 года с некоторыми приложениями.

---

[446]Max Eastman. Who Threatens Cultural Freedom in America? 29 March 1952 (ACCF/NYU).
[447]Там же.
[448]Richard Rovere. Communists in a Free Society, 29 March 1952 (ACCF/NYU).
[449]Arthur Schlesinger. Interview, New York, August 1996.

«Все они, - сообщал Уизнер, - представляют довольно тревожную картину» [450]. В ответ на сообщение Шлезингера Уизнер подготовил служебную записку «Отчёт о кризисе в Американском комитете за свободу культуры». Сама записка необычайно показательна и стоит того, чтобы процитировать её полностью:

«Служебная записка ЦРУ от заместителя директора по планированию (Уизнера) помощнику заместителя директора по координации политики.

Тема: Отчёт о кризисе в Американском комитете за свободу культуры.

1. К настоящему документу прилагается направленное мне Артуром Шлезингером-младшим письмо от 4 апреля, а также некоторые приложения, которые представляют довольно тревожную картину. Мне не было известно об этих событиях до получения письма от Шлезингера, и я очень надеюсь получить оценку УКП по данному вопросу, которая, скорее всего, не будет бурей в стакане воды.

2. Моя первая реакция на эту неразбериху заключается в том, что ни позиция приверженцев, ни позиция противников Маккарти не является правильной с нашей точки зрения. Очень неприятно, что это дело вообще приняло такой оборот. Я понимаю, почему Американский комитет за свободу культуры, будучи единственным в своём роде и являясь фактически группой американских частных лиц, заинтересованных в свободе культуры, почувствовал, что должен стать на сторону маккартизма. Однако Американский комитет за свободу культуры был создан не для этого. Насколько я помню, Управление было вдохновителем его создания, если не создателем, с целью обеспечить прикрытие и подстраховку деятельности в Европе. Если это так, то мы должны искать выход из ситуации вместе с Комитетом, поскольку несём безусловную ответственность за его поведение, действия и публичные заявления. При таких обстоятельствах постановка вопроса о маккартизме в смысле его осуждения или поддержки является, на мой взгляд, серьёзной ошибкой. Она втягивает нас в чрезвычайно серьёзную проблему американской внутренней политики. Это, несомненно, приведёт к неприятностям и обрушит на наши головы шквал критики за вмешательство в дела, которые вовсе не являются для нас приоритетными.

3. Если вы соглашаетесь с таким анализом и реакцией, следует немедленно принять решение о действиях в сложившейся ситуации с учётом фактических неблагоприятных обстоятельств. По моему мнению, если возможно, нужно удалить из протокола все дебаты по указанному вопросу с самого начала, чтобы покончить таким образом с этой проблемой. Я понимаю, что это не обрадует ни одну из фракций. Возможно, нам удалось бы донести до членов обеих фракций, что речь идёт о Европе и о мире за пределами США, и мы не должны вмешиваться не в свои дела. А если мы поступим иначе, то все усилия будут напрасны и перечёркнуты в связи с нашим вмешательством во внутриполитические проблемы. Призыв к единству, согласию и сохранению этого ценного начинания мог бы принести

[450]Frank Wisner. Deputy Director CIA, to Deputy Assistant Director for Policy Coordination, in Michael Warner (ed.). Cold War Records: The CIA Under Harry Truman (Washington: Center for the Study of Intelligence, CIA, 1994).

пользу. В любом случае, это единственный выход, который приходит мне на ум» [451].

В записке затронуты многие вопросы. Она подтверждает, что Артур Шлезингер высказывал Фрэнку Уизнеру своё беспокойство в связи с событиями в Американском комитете. Шлезингер считал их тревожными (ранее он жаловался Набокову, что организация кишит «нервнобольными» антикоммунистами и превращается в «инструмент для этих ублюдков») [452]. В ней говорится о происхождении Комитета, который позиционировал себя как «свободный» и «независимый» орган, а на самом деле являлся «ширмой» для многих начинаний ЦРУ в Западной Европе [453]. Она показывает, что у Уизнера не было сомнений относительно ответственности Управления за поведение, действия и публичные заявления Американского комитета. Поскольку последний был создан Управлением, вопрос о свободе его самовыражения и волеизъявлений был, по мнению Уизнера, чисто теоретическим. Если бы Комитет действительно был таковым, каким себя считает - независимой группой частных лиц, тогда он мог бы делать всё, что хотел. Однако он был вовсе не тем, кем себя представлял. Комитет являлся инструментом в оркестре Уизнера. Поэтому он должен был играть нужную мелодию или замолкать при необходимости.

По закону ЦРУ, конечно же, не имело какого-либо права вмешиваться в дела отечественной организации. Уизнер упоминает об этом в записке. Кроме того, тот факт, что Уизнер мог так легко написать «вычеркнуть из протокола», свидетельствует об обеспокоенности ЦРУ этими группами.

Управление имело право вето на их основные действия, и Уизнер теперь настаивал на использовании этого права. Из записки понятно, что Уизнер был в состоянии оказывать прямое влияние на Комитет, и он это знал. Теперь он хотел воспользоваться этим, чтобы убедить обе фракции внутри группы в необходимости забыть о своих разногласиях и вообще оставить тему маккартизма.

«Американский комитет за свободу культуры был всего лишь фасадом, призванным создать впечатление некоего американского участия в европейской жизни, - отмечал Том Брейден. - Когда они начали поднимать проблему Маккарти, Боже милостивый, это было так досадно, особенно для Аллена {Даллеса). Для него это было достаточно веским основанием, чтобы Американский комитет прекратил своё существование. Он был бы ошеломлён публичным признанием кого-либо в Конгрессе за свободу культуры, выступающего с критикой Маккарти. Даллес, конечно же, ненавидел Маккарти, но он знал, что с ним нужно обращаться очень и очень деликатно: не переходите ему дорогу и не впутывайте его ни во что. Возможность того, что такие влиятельные личности, как Бэрнхам или Шлезингер, могут возмутиться и поднять большую шумиху вокруг Маккарти,

---

[451]Там же.

[452]Arthur Schlesinger to Nicolas Nabokov. 18 June 1951 (NN/HRC).

[453]Согласно «Итоговому докладу Церковного комитета» 1976 г. backstopping — термин ЦРУ, использовавшийся для «проведения надлежащей проверки и поддержки скрытых мероприятий для агента или актива, ожидающего запроса или иных действий, которые могли бы проверить надежность прикрытия агента или этого актива».

действительно совершенно исключалась, по крайней мере в планах Аллена» [454].

Несомненно, Конгресс за свободу культуры и его филиалы должны были оставить маккартизм в покое. Это был вопрос политики. Как позже вспоминал один английский активист, «было абсолютно понятно, что мы не должны критиковать американское правительство или маккартизм, который был тогда в США на подъёме» [455]. Этот вопрос обсуждался де Новиллем и Монти Вудхаусом на встречах, посвящённых «операциям и методам». Он, кроме того, дополнял директиву Министерства иностранных дел Департаменту информационных исследований, в соответствии с которой ни одно из его действий не должно казаться «направленным каким-либо образом против Соединённых Штатов».

В этом же контексте следует рассматривать и вклад журнала «Инкаунтер» в тему маккартизма. Он вообще старался избегать этой проблемы, а когда это имело место, тон журнала был далёк от обвинительного. В невероятно запутанном очерке Тоско Файвел осмелился заявить, что настроения в Америке в период подъёма Маккарти были сродни настроениям Англии в 1914 году, когда «подошло к концу столетие английской благополучия». «Холодная ненависть к врагу (немцам), страстная вера в справедливость британской идеи, яростная нетерпимость к социалистам, пацифистам и другим инакомыслящим» - все эти проявления чувств, по утверждению Файвела, можно было сравнить с «внезапной потерей Америкой чувства уверенности {в себе)». Это произошло с наступлением мира в 1945 году и с «началом нового века ядерного оружия, когда на горизонте показался грозный противник в лице Советского Союза».

Всё, что последовало за этим, было попыткой адаптироваться, хотя и весьма болезненной. Маккарти был достоин сожаления. Его следовало рассматривать в контексте «настойчивого поиска новой национальной безопасности для Америки, а для мира - безусловно, надёжной демократии». Это, заключал Файвел, было предпочтительно по отношению к «европейской усталости и скептицизму по поводу любого такого успеха» [456].

Мысль о том, что европейцы в корне неправильно понимали обстоятельства, связанные с маккартизмом, была высказана Лесли Фидлером. По его утверждениям, неверно было полагать, как делали очень многие «нерешительные антикапиталисты во всём мире», что «весь замысел является абсурдным только потому, что Маккарти трубит о коммунистическом проникновении».

Уповая на свою «непорочность», эти люди бросались защищать любого, кто подвергся обвинениям со стороны Маккарти. Считая «комедией» утверждения о том, что американцы постоянно «болтали налево и направо» о страхе перед Маккарти, Фидлер пришёл к заключению, что сенатор от Висконсина был болтуном и на него не стоило «тратить впустую усилия»,

---

[454]Tom Braden. Telephone interview, October 1997.
[455]Jasper Ridley. Letter to the author, 31 October 1997.
[456]T.R. Fyvel. The Broken Dialogue, Encounter, April 1954.

поскольку существовали «реальные монстры», с которыми нужно было бороться [457].

Карта «меньшего зла» была, кроме того, разыграна молодым британским консерватором Перегрином Уорсторном (Peregrine Worsthorne). В ноябрьском выпуске «Инкаунтера» за 1954 год он заявил, что «Америка имеет неоднозначное прошлое и, несомненно, будет иметь неоднозначное будущее. Чем быстрее мы примем этот неизбежный факт, тем быстрее мы будем в состоянии в полной мере пользоваться её многочисленными благами, а не жаловаться на недостатки. Легенда создала американского бога. Бог потерпел неудачу. Но в отличие от коммунистического бога, который при ближайшем рассмотрении оказался дьяволом, американский бог только что стал человеком» [458]. «Инкаунтёр» справедливо вспоминают за его решительное исследование свёртывания культуры в коммунистическом блоке. Но о его мягкой позиции по отношению к маккартизму говорится меньше: там, где журнал видел бревно в глазу своего противника, он не видел соринки в своём собственном.

Конечно, следовало ожидать, что ратовавшие за соблюдение принципов свободы найдут способ осудить то, что ставит её под угрозу или оскверняет.

Американский комитет правильно поднял вопрос о маккартизме, и ЦРУ несло вину за попытку подавить дискуссию. Но Уизнер вовсе не был склонен обращать внимание на такие тонкости. В своей записке он предполагал, что «обращение к единству и согласию и сохранение этого ценного начинания могли бы принести свои дивиденды». Этот призыв был быстро подхвачен.

Письмо Набокова Артуру Шлезингеру, написанное в разгар приготовлений к парижскому фестивалю «Шедевров» в апреле 1952 года, воспроизводит записку Уизнера с поразительной точностью: «Откровенно говоря, я бы осудил раскол в Американском комитете. Это может угрожать работе Конгресса и нашей французской организации до невероятной степени, - предупреждал он. - Европейцы должны чётко понимать, что Маккарти - это человек, а не движение [459]... Я убеждён, что мы должны выступать против отдельных поступков и методов Маккарти, но я не думаю, что было бы целесообразным и логичным принимать резолюции против маккартизма, после которых по крайней мере европейцы считали бы, что движение Маккарти действительно популярно в Соединенных Штатах». Набоков продолжал убеждать Шлезингера «сделать всё возможное, чтобы предотвратить раскол в Американском комитете. У меня нет достаточных оснований полагать, что такие действия означали бы на самом деле смертельный удар по нашей работе здесь» [460].

---

[457]Leslie Fiedler. McCarthy, Encounter, August 1954.

[458]Peregrine Worsthorne. America — Conscience or Shield? Encounter, November 1954.

[459]Эта линия восприятия «Маккарти как человека, а не явления» отражается во взгляде ЦРУ на то, как надо относиться к предмету. Кажется логичным предположить, что Набоков повторял официальную «установку» Визнера по поводу этого предмета, что действительно делал Лесли Фидлер в своем эссе (цит. произв.) в Encounter, в котором Маккарти представлен в виде живой горгульи с «дрожащей в параличе голове».

[460]Nicolas Nabokov to Arthur Schlesinger. 21 April 1952 (ACCF/NYU).

Оперативный сотрудник Ли Уильямс признался, что вслучае возникновения проблем с комитетами, филиалами или издателями Конгресса, которые зашли слишком далеко, необходимо было вето Управления. Единственным способом сделать это скрытно было перепрыгнуть все бюрократические уровни и передать послание непосредственно высокому «осведомлённому» чину в Конгрессе [461]. Эта миссия обычно возлагалась на Юлиуса Флейшмана, который, в частности, предупредил издателей «Инкаунтера» о прекращении финансирования в случае публикации одной неоднозначной статьи. Набоков, по-видимому, взял на себя аналогичную функцию, как в случае конфликта Американского комитета с Маккарти, так и в последующем. Набоков либо был «поставлен», чтобы действовать в таких случаях, не зная о том, чей приказ выполняет, либо, что более вероятно, он делал это осознанно.

«Если бы мы дали отпор с самого начала, а не отступили, этого бы сейчас не происходило» [462], - отмечал Джон Стейнбек в разгар крестового похода Маккарти. «Весь ужас состоит в том, что многие из преследуемых, и американский народ в целом, приняли этот обвинительный приговор, - писал Джон Генри Фолк (John Henry Faulk). - Они признали за линчевателями право выдвигать обвинения, принимать решения и выносить приговоры. Все мы оставались безучастными. Мы полагали, что молчание спасёт нас» [463].

Несмотря на то что травля писателей и деятелей культуры в Советском Союзе по своим масштабам не идёт ни в какое сравнение с кампанией Маккарти в Америке, оба сценария содержали одинаковые элементы. Посещение братьями Олсопами «логова Маккарти на Капитолийском холме» имело все атрибуты советского кошмара во главе с самим Маккарти, лишь условно похожим на сталинского аппаратчика или агента спецслужб. «Приёмная заполнена главным образом подозрительными личностями, похожими на подкупленных представителей Госдепартамента, - писали братья Олсопы. - Сам Маккарти, несмотря на прогрессирующую плешивость и непрерывный тремор, от которого его голова трясётся непостижимым образом, довольно сильно смахивает на голливудский вариант частного детектива с тяжёлой челюстью. Посетитель, вероятно, ожидает увидеть в нём мужчину с мощными, выдающимися вперёд плечами и с телефонной трубкой в огромных руках, который даёт загадочные инструкции некоему таинственному помощнику: «Да-да. Я слушаю, но не могу говорить. Вы поняли меня? Да? Вы действительно получили сведения об этом парне?». Сенатор бросает беглый взгляд на посетителя, чтобы проверить, какой эффект произвела на него эта комедия: «Да? Я же вам говорю. Просто напомните об этом номеру один и проследите за его реакцией. Хорошо?». Драматизм значительно усиливается сценическими элементами. Во время разговора сенатор Маккарти иногда постукивает карандашом по трубке телефона. Согласно вашингтонскому поверью, это якобы создаёт помехи для установленного подслушивающего устройства. Словом, в то время как Госдепартамент обеспокоен тем, чтобы за сенатором Маккарти шпионят его

[461]Lee Williams. Interview, Washington, July 1996.
[462]John Steinbeck. Цитата из Peter Vansittart. In the Fifties.
[463]John Henry Faulk. Цитата из Peter Vansittart. Там же.

друзья, сам сенатор Маккарти, очевидно, побаивается, что за ним шпионят друзья Госдепартамента» [464].

В этом и была суть записки Уизнера: дискуссию следовало прекратить, поскольку Маккарти порождал «невротический страх и внутреннюю подозрительность», а за пределами США это могло подорвать основы деятельности ЦРУ по сближению с некоммунистическими левыми движениями.

Но в консервативном звене Американского комитета мнение Олсопа проигнорировали как плод пылкого воображения. «Есть более осведомлённые люди. Они утверждают, что мы переживали самый тяжёлый период политического террора и истерии в нашей истории, - писал Сидни Хук. - Такое описание текущего состояния Америки является фантастическим искажением истинного положения дел» [465]. Кристол, кроме того, высмеивал утверждения, что маккартизм создавал «атмосферу страха». Отвечая Артуру Миллеру на заявление о «тупости маккартизма», которым страдает Бродвей, и на его «исследования политического отступничества Конгресса», Кристол обвинял Миллера на страницах «Нью-Йорк Таймс» в «абсурдных утверждениях» [466]. В 1953 году Кристол сделал известное заявление. По его словам, «единственное, что американцы знают о сенаторе Маккарти - это то, что последний, как и они, является безусловным антикоммунистом. Однако все понимают, что ничего подобного нельзя сказать о представителях американского либерализма». Наряду с этим Стивен мрачно подытожил: «То и дело мы наблюдаем за тем, как американский писатель в порыве религиозного антикоммунистического чувства осеняет себя крёстным знамением. Подозрения вызывает то, что вместо Аве Мария, он говорит Аве Маккарти» [467].

Джоссельсон с самого начала выступал против создания Американского комитета и после «ошибки» Маккарти получил подтверждение этому.

Брейден, также ставивший под сомнение целесообразность его создания, позже заявил: «Я думаю, что идея принадлежала Сидни Хуку. На мой взгляд, она была ошибочной. Мне казалось, что создаётся организация, конкурирующая с Конгрессом в Париже, которая, кроме того, будет проводить жёсткую линию. Некоторые представители Американского комитета были достаточно схожи по характеру с Маккарти. Что ещё хуже, они имели доступ к влиятельным людям в Госдепартаменте. Это могло создавать проблемы для Управления» [468]. Несмотря на опасения, Фрэнку Уизнеру удалось убедить Аллена Даллеса, тогда ещё заместителя директора по операциям, что создание американского отделения Конгресса за свободу культуры было неизбежной необходимостью. Это было, как позже (или в то

---

[464] Joseph and Stewart Also. Why Has Washington Gone Crazy? Saturday Evening Post, 29 July 1950.
[465] Sidney Hook. To Counter the Big Lie — A Basic Strategy, New York Times Magazine, 11 March 1951.
[466] Irving Kristol. Письмо в New York Times, 10 August 1952 (ACCF/NYU).
[467] Stephen Spender to Czesiaw Milosz. 12 October 1953 (CCF/CHI).
[468]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.

время?) сказал Мэлвин Ласки, обусловлено «спецификой, присущей тайным операциям.

Управление не могло принимать участия в решении внутренних вопросов, а Американский комитет был просто необходим. Другого выхода не было.

Иная ситуация стала бы парадоксальной. Если вы говорите, что действуете на международном уровне, то где же тогда американцы? Это было бы подобно выходу на боксёрский ринг с одной перчаткой. Несмотря на трудности, связанные с секретностью этой тайной операции, игра стоила свеч. А как по-другому?» [469].

Как бы то ни было, учитывая раскол Комитета в форме открытой неприязни и взаимных упрёков по вопросу о том, стоит ли выступать против Маккарти, Джоссельсон и его начальники в ЦРУ должны были учитывать реальное развитие событий. Опасность состояла в том, что в случае закрытия Американский комитет возродился бы под тем же названием, но без умеренного крыла, представленного Шлезингером, Ровером и их «здравомыслящими» соратниками. Что нужно было Джоссельсону в последнюю очередь, так это бескомпромиссная группа давления, категорические не согласная с деятельностью в Европе.

Те, кто ожидал от Американского комитета действий в защиту культурной свободы от бесчинств маккартизма, были разочарованы. «Его нечёткая позиция по этому вопросу вызвала большое замешательство в Конгрессе по всему миру» [470], - заявил позже Джоссельсон. Комитет всё же издал книгу «Маккарти и коммунисты» (McCarthy and the Communists), её авторами были МиджДектер(Midge Decter) и Джеймс Рорти (James Rorty). Однако она разоблачала скорее своеобразные методы Маккарти, чем преследование им мнимых коммунистов. Изданная в 1954 году книга была запоздалой и, пожалуй, двусмысленной (сам факт издания заставил Джеймса Бэрнхама возглавить демонстративный уход консервативного крыла Американского комитета).

Примерно вто же время Бэрнхам прекратил своё многолетнее сотрудничество с журналом «Партизан Ревью». То, что Американский комитет за свободу культуры, как и «Инкаунтер», стремился отрицать или минимизировать угрозу Маккарти для культуры, являлось тревожным сигналом. Обеспокоенная отсутствием глубокого анализа проблемы Мэри Маккарти сообщала Ханне Арендт о своём мнении по поводу «необычной смеси левых, анархистов, нигилистов и оппортунистов, выставляющих себя консерваторами, на всё том же Корабле дураков (Narrenschiffe)... Эти новые правые старались вовсю, чтобы казаться в восприятии людей нормальными... а это, как мне кажется, нужно остановить, если мы уже не опоздали» [471].

---

[469]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.
[470]Michael Josselson to Shepard Stone. 12 January 1968 (MJ/HRC).
[471]Mary McCarthy to Hannah Arendt. 2 December 1952, in Carol Brightman (ed.), Between Friends.

В то время когда сенатор Маккарти запланировал свою атаку на ЦРУ, Аллен Даллес вступил в должность директора. Он отличался от своего брата Джона Фостера Даллеса, «чёрное протестантство» и агрессивный антикоммунизм которого удержали его от противостояния с Маккарти. Даллес был полон решимости не позволить «выбившемуся в люди таксисту из Висконсина» разрушить Управление. Он предупредил своих сотрудников, что уволит каждого, кто сунется к Маккарти без его личного разрешения. Некоторые сотрудники ЦРУ уже получили загадочные телефонные звонки от соратников Маккарти, среди которых был подозрительный тип из Балтимора - некий Юлиус Амосе (Ulius Amoss). Этот греко-американец, которого вышвырнули из УСС, что уже было достижением, теперь управлял частной спецслужбой с названием Фонд международных информационных услуг (International Services of Information Foundation). Именно эту службу Маккарти и нанял без лишнего шума, чтобы накопать компромат на штатных сотрудников ЦРУ. Сотрудники Управления вдруг стали получать анонимные звонки о том, что, «по имеющейся информации, они слишком много пьют или имеют любовные связи. Однако звонящий вовсе не намерен был создавать проблемы. Он предлагал прийти и рассказать приверженцу Маккарти всё, что они знают об Управлении» [472].

Но вскоре выяснилось, что Амосе не в состоянии справиться с этим заданием, не таким уж и серьёзным для членов шпионского управления. Первый удар Маккарти нанёс по Уильяму Банди в июле 1953 года. Последний, будучи сотрудником Отдела оценки разведывательных данных ЦРУ (и зятем Дина Эйчесона), внёс 400 долларов США в фонд защиты Элгера Хисса. Именно поэтому Маккарти решил, что Банди коммунист. «Я случайно находился в офисе Аллена, когда это произошло, - вспоминал Том Брейден. - И Банди был там. Аллен сказал ему: «Убирайся отсюда, я сам займусь этим». Банди взял отпуск на несколько дней, а Аллен обратился непосредственно к Эйзенхауэру и сказал, что вовсе не собирается тягаться с этим дураком из Висконсина» [473].

Даллес открыто сообщил президенту, что уйдёт в отставку, если нападкам Маккарти не будет положен конец.

По-видимому, именно это заставило Эйзенхауэра действовать. После того как вице-президенту Ричарду Никсону было поручено убедить Маккарти отказаться от планов публичного расследования, сенатор вдруг стал уверен, что «не в интересах общества проводить публичные слушания по ЦРУ и что, скорее всего, этот вопрос можно решить в административном порядке» [474]. Таким образом, было принято компромиссное решение: Маккарти согласился подавать жалобы на Управление непосредственно в офис Аллена Даллеса.

Передав список предполагаемых «гомосексуалистов» и «богатых людей», работающих в ЦРУ, он потребовал провести масштабную внутреннюю чистку Управления. На случай отказа Даллеса у Маккарти был

[472]Roy Cohn. Цит. произв.
[473]Tom Braden. Interview, Virginia, August 1996.
[474]R. Harris Smith. 055.

заготовлен козырь - проведение публичного расследования. «Давление сделало своё дело. Стандарты безопасности стали более жёсткими. Но в одном случае потеря ЦРУ стала приобретением для Голливуда. Молодой выпускник политологического факультета с классическим нью-йоркским акцентом по имени Питер Фальк (Peter Falk; известный как инспектор Коломбо - герой одноимённого популярного сериала. - Прим. ред.) в 1953 году подал заявление на курсы подготовки при ЦРУ, но ему отказали в связи с членством в левом крыле» [475].

Сотрудники Отдела сбора и обработки разведывательных данных, возглавляемого Брейденом, подверглись особым проверкам на предмет их предполагаемого политического либерализма. Начальник отдела по сбору информации о профсоюзах был уволен, поскольку состоял членом Коммунистической молодёжной лиги в 1930-х годах. Но худшее было впереди. В конце августа 1953 года Брейден находился с Ричардом Бисселлом в штате Мэн. Бисселл решил сделать небольшой перерыв в своей работе в Фонде Форда, чтобы попутешествовать на яхте «Морская ведьма» (Sea Witch). Пришвартовавшись в бухте Пенобскот, Брейден получил срочное сообщение о том, что маккартисты обнаружили «красного» в Управлении. Этим человеком оказался заместитель Брейдена Корд Мейер-младший, принятый на работу Алленом Даллесом в 1951 году. После того как Даллес и Брейден уехали отдыхать, Маккарти уже ничего не мешало расправиться с Мейером. Последний был временно отстранён от работы без сохранения жалованья. В ожидании решения службы безопасности он перечитывал «Процесс» Кафки, понимая как никогда прежде «бедственное положение своего сбитого с толку героя, который так и не смог понять, почему и кем он был обвинён» [476].

Корд Мейер не был «красным». Он не был даже «розовым». Среди обвинений, перечисленных в документе на три страницы, содержался факт, свидетельствующий о том, что он когда-то делил лекторскую кафедру с Харлоу Шепли (Harlow Sharpley), астрономом из Гарварда, известным своими радикально левыми политическими взглядами. Кроме того, была отмечена связь Мейера с Национальным советом искусств, наук и ремёсел, который упоминался Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности как коммунистическая «ширма». Оба инкриминируемых преступления приходились на первые послевоенные годы, когда Мейер был лидером Комитета американских ветеранов, либеральной организации, составлявшей альтернативу ультраконсервативному Американскому легиону, и основателем Объединённой ассоциации всемирных федералистов, которая выступала за мировое правительство и была скорее утопической, чем либеральной.

«Мой непосредственный босс Том Брейден постоянно поддерживал меня и призывал даже не сомневаться в том, что я смогу оправдать себя» [477], - писал Мейер позже. И действительно, обвинения Маккарти вряд ли могли иметь реальные последствия. В День благодарения в 1953 году, через два

[475]Там же.
[476]Cord Meyer. Facing Reality.
[477]Там же.

месяца после временного отстранения Мейера, ему позвонил Аллен Даллес. С Мейера были сняты все обвинения в нелояльности, и он мог вернуться в Управление. Это событие должно было запомниться Мейеру на всю оставшуюся жизнью. Оно наглядно свидетельствует об одном из колоссальных парадоксов холодной войны в Америке: когда сотрудники ЦРУ не покладая рук боролись с коммунизмом, за ними пристально следили их же соотечественники, преследуя ту же цель.

Если Жювеналь задавался вопросом, кто охранял охранников, то в этом случае следовало, скорее всего, выяснить, кто убивал убийц дракона? Звезда Маккарти, в конце концов, закатилась в конце 1954 года, а в 1957-м он умер от алкоголизма. Но характеристика маккартизма как «псевдогероической эпопеи... интермедии в нашей политической истории, столь странной и поразительной, что будущие археологи вполне могут отнести её, скорее, к мифологии, чем к истории» [478], прозвучавшая из уст Дуайта Макдональда, была попыткой выдать желаемое за действительное. Америка изо всех сил пыталась изгнать вскормленных Маккарти демонов, которых с избытком бы хватило на многие годы вперёд; в то же время «ценности, которые он поддержал, и допущения, послужившие основой для его крестового похода, в основном не вызывали сомнений». По меткому выражению одного обозревателя, «Маккарти был осуждён и сокрушён, но не маккартизм» [479]. Поиск правды, желание добраться до сути вещей, сам процесс интеллектуального исследования были запятнаны ассоциацией с охотой на ведьм.

Или всё было наоборот? Может, стоит задаться вопросом, а могли маккартизм появиться без доктрины Трумэна? Может, сущностью холодной войны было отступление от элементарных правил ради установления истины, когда здравый смысл затмевался страхом и враждебностью, когда «чрезмерное использование перегибов», в терминах Мюррея Кемптона, отвлекало людей оттого, чтобы «заметить, какой плохой стала норма»? «Наши лидеры стали пренебрегать принятыми правилами, касающимися доказательств и выводов, когда речь шла о борьбе с коммунизмом, - утверждал позже сенатор Уильям Фулбрайт (William Fulbright). - В конце концов, разве кто-нибудь слышал о честном контракте с дьяволом? Поскольку мы знаем, что у него на уме, зачем педантично вдаваться втонкости и выяснять его истинные намерения... Цель антикоммунистической идеологии заключалась в том, чтобы упростить нам задачу восприятия определённых фактов в определённых ситуациях. Наша «вера» освобождала нас, как верующих в давние времена, от необходимости эмпирического мышления. Как и у средневековых богословов, у нас была философия. Она заранее давала ответы на все вопросы. Всё, что не подходило, быстро объявлялось мошенничеством, ложью или иллюзией... Пагубность {антикоммунистической ортодоксальности) заключается не в какой-нибудь откровенной лжи, а в искажения и упрощении

[478] Dwight Macdonald. Цитата из Michael Wreszin. A Rebel in Defense of Tradition.
[479] Taylor D. Littleton and Maltby Sykes. Advancing American Art.

действительности, её обобщении и возвышении до положения открытой истины» [480].

Маккарти не только не пошатнул ЦРУ, но и в конечном счёте способствовал повышению его престижа. Благодаря ему Управление стали воспринимать как подобие рая для внешнеполитических «вольнодумцев». Ричард Бисселл, поступивший на работу в Управление в январе 1954 года, запомнил его как «место, где всё ещё наблюдалось брожение умов, ставились амбициозные задачи и что-то делалось. Другие органы власти значительно исчерпали потенциал своих амбиций и прогрессивных действий» [481]. Его директор Аллен Даллес казался ещё могущественнее, чем прежде. По словам Тома Брейдена, «власть текла к нему и через него в ЦРУ отчасти потому, что его брат был госсекретарём, отчасти потому, что его репутация начальника разведки во время Второй мировой войны окружала его таинственным ореолом, и отчасти потому, что его положение старшего компаньона престижной нью-йоркской юридической фирмы «Салливан энд Кромвель» (Sallivan and Cromwell) производило впечатление на провинциальных адвокатов Конгресса». И теперь, в условиях нападок Маккарти на Управление, Даллес победил. «Его победа значительно повысила престиж того, что люди тогда называли «делом» антикоммунизма.

«Не присоединяйтесь к тем, кто сжигает книги, - сказал Эйзенхауэр. - Это плохой способ борьбы с коммунизмом. Хорошим способом является ЦРУ» [482].

[480]William Fulbright. In Thrall to Fear, The New Yorker, 8 January 1972.
[481]Richard Bissell. Reflections of a Cold Warrior.
[482]Tom Braden. What's Wrong with the CIA? Saturday Review, 5 April 1975.

14. Музыка и истина, ma non troppo

«Иногда мне приходит в голову, что те средства, которые тратятся на рождение и содержание знаменитостей, намного больше, чем польза, которую они приносят». Филип Ларкин (Philip Larkin)

В отличие от Американского комитета, неспособность которого занимать последовательную позицию по важным вопросам привела к его неизбежной кончине, Конгресс в Европе к середине 1950-х годов встал на чётко обозначенный курс. Под твёрдой рукой Джоссельсона он обрёл репутацию серьёзного альянса интеллектуалов, объединённых целью продемонстрировать ошибочность мифов о Советском Союзе и утвердить превосходство демократии западного образца как основы для культурного и философского развития. В то время как состав его внутреннего круга - «аппарата» - оставался неизменным, Конгресс мог похвастаться членством в нём выдающихся интеллектуалов и художников.

Джулиан Хаксли, Мирча Элиаде, Андре Мальро, Гвидо Пьовене, Герберт Рид, Аллен Тейт, Лайонел Триллинг, Роберт Пени Уоррен, У.Х. Оден, Торнтон Уайлдер, Джаяпракаш Нараян - эти и многие другие светила украшали страницы «Инкаунтера», «Прев» и множества других журналов, созданных Конгрессом или аффилированных с ним. Направленный на латиноамериканских интеллектуалов журнал «Куадернос» (Cuadernos) был запущен в 1953 году в Париже под редакцией писателя и драматурга Джулиана Горкина (Julian Gorkin). В Вене в начале 1954 года Конгресс запустил ежемесячный журнал «Форум» под редакцией писателя и критика Фридриха Торберга (Friedrich Torberg). Фредди Торт, как его тогда прозвали, был выдающимся персонажем, который отталкивал и привлекал людей одновременно. Кёстлер писал с восхищением, что он был «последним из могикан Дуная, выходцем из Старой Вены, которая, возможно, существовала только в нашей фантазии».

Другие находили его высокомерным и нетерпимым. Коммунисты нападали на него как на «американского агента... клеветника... и информатора» и расценивали антинейтралистский тон его журнала как американский заговор. «Форум» развивал обычные темы Конгресса, а Торберг наслаждался хорошими рабочими отношениями с парижским секретариатом. Но Джоссельсону иногда приходилось дисциплинировать его, как, к примеру, в 1957 году, когда «Форум» перепечатал статью из праворадикального «Национального Ревью». По словам Джоссельсона, это было «ниже достоинства журнала Конгресса». На что провинившийся Торберг ответил: «Это больше не повторится».

Журнал «Наука и свобода» был запущен осенью 1953 года, после конференции Конгресса под одноимённым названием. Состоявшаяся в Гамбурге в июле 1953 года, эта конференция была проведена на гранты в 10 тысяч долларов от Фонда Рокфеллера (The Rockefeller Foundation) и 35 тысяч долларов от Фонда Фарфилда. Главным редактором одноимённого журнала являлся Майкл Полани (Michael Polanyi), который был назначен в Исполнительный комитет в том же году. Привлекая внимание к расовой

сегрегации в Америке, а также апартеиду в Южной Африке, журнал Полани поднимал вопросы, по которым Конгресс в целом отмалчивался. Журнал также признавал разрядку задолго до того, как большинство людей узнал и значение этого слова, при этом поощряя интеллектуальный обмен с советским блоком и смягчение позиции Запада в холодной войне. Но голос бюллетеня с крошечным кругом читателей, выходившего два раза в год, был не более чем тростинкой в сильных порывах полемики холодной войны [483].

Ежемесячный бюллетень «Советское обозрение» (Soviet Survey) берёт своё начало в 1955 году под редакцией историка Уолтера Лакёра (Walter Laqueur), который также был официальным представителем Конгресса в Израиле.

Характеризуемый Джоссельсоном как «один из лучших международных экспертов по Советскому Союзу», Лакёр писал о русских делах под псевдонимом Марк Александр (Mark Alexander). Под его руководством «Советское обозрение» публиковало исследования интеллектуальной, художественной и политической жизни в восточном блоке, глубина которых «была уникальной для западных изданий» [484] Хотя утверждения, что бюллетень заставлял «трещать от экзальтации» [485], могут быть завышенными, он, безусловно, заслужил широкую и преданную читательскую аудиторию. Даже некоторые коммунистические журналы видели возможность заимствования полезных материалов из «Советского обозрения», что заставило Джоссельсона с тревогой написать Лакёру: «Мы не хотим просоветских публикаций, приукрашивающих их пропаганду некоторыми из наших материалов» [486].

В апреле 1956 года первые выпуски журнала «Темпо Пресенте» (Tempo Presente) появились в Италии. Публикация под редакцией Игнацио Силоне и Никола Кьяромонте бросила первый серьёзный вызов журналу «Новые аргументы» (Nuovi Argomenti), основанному в 1954 году Альберто Моравиа по образу и подобию «Ле Тан Модерн» Сартра. «Темпо Пресенте» добавлял сходства самим названием - преднамеренным эхо Сартра. Циники впоследствии утверждали: это являлось интеллектуальной кражей и очередным подтверждением, что одной из основных стратегий ЦРУ было создание и ведение «параллельных» организаций, предоставляющих альтернативу радикализму, над которым они не имели никакого контроля. Конечно, журнал «Темпо Пресенте» «открыл свои страницы для многих перебежчиков из Коммунистической партии Италии в конце 1950-х» [487],

---

[483]Джоссельсон решил закрыть издание Science and Freedom в 1961 г. Кингсли Мартин утверждал, что якобы это было сделано в соответствии с враждой, сопутствующей холодной войне, так как Комитет по науке и свободе планировал провести общественный симпозиум по ядерной политике. Джоссельсон был ярым защитником атомной энергетики, и он вполне мог сомневаться по поводу намерений Полани. Но сам Полани демонстрировал все признаки умственного расстройства, возможно, это был нервный срыв, но точно сказать сложно. Джоссельсон решил спонсировать новое, академически более строгое издание Minerva, которое должно было издаваться Эдвардом Шилсом.

[484]Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.

[485]Там же.

[486]Michael Josselson to Walter Laqueur. 1 April 1955 (CCF/CHI).

[487]Peter Coleman. Цит. произв.

включая писателей Итало Кальвино, Бакко Пратолини и Либероде Либеро. Его страницы были также открыты для писателей-диссидентов из восточного блока, которые вместе с постоянными участниками Конгресса продолжали непрерывные нападения на выходки коммунистического тоталитаризма.

Конгресс также установил присутствие в районах, которые считались чувствительными к коммунизму или нейтрализму. Под его началом появился журнал в Австралии - «Квадрант» (Quadrant), который был направлен на снижение влияния большого числа австралийских интеллектуалов, находившихся «в тревожной близости к магнитному полю коммунизма». Его редактор - католический поэт Джеймс Маколи (James McAuley) считал, что «людские умы выиграют только тогда, когда антикоммунистические позиции будут носить характер отвлечения», под его началом «Квадрант» (который всё ещё существует) обратил оживлённое внимание на австралийских некоммунистических левых [488].

В Индии Конгресс выпускал журнал «Поиск» (Quest), который впервые появился в августе 1955 года. Культурно ограниченный, на английском языке, то есть на языке администрации, а не литературы, он был атакован индийскими коммунистами за «коварную» американскую пропаганду, подобно журналу «Куадернос» в Латинской Америке, но по крайней мере он дал возможность Конгрессу закрепиться в труднопроходимой местности. Он, вероятно, не заслуживает насмешки Дж.К. Гэлбрайта, что «это был прорыв в тяжёлой болотной массе неграмотности». Конечно, премьер-министр Неру журнал не принимал: он не доверял Конгрессу как «американской подставной организации».

В Японии издавался журнал «Причина» (Jiyu), один из наиболее субсидируемых Конгрессом. Его попытки смягчить антиамериканские настроения среди японской интеллигенции изначально были слишком слабыми, и в 1960 году Конгресс решил окончательно порвать с издателем и возобновить выпуск под непосредственным контролем в Парижском офисе. Япония сочла «слишком сложным идеологически» отдать журнал даже в полунезависимые руки [489].

К середине-концу 1960-х Конгресс расширил свою программу публикаций для включения других регионов, представляющих стратегический интерес: Африки, арабского мира и Китая.

---

[488]James McAuley. Proposal for an Australian Quarterly Magazine, undated (IB/GMC). Преемником Маколи был Питер Колеман, который в 1989 г. опубликовал произведение «Либеральный заговор», разрекламированное как полный анализ деятельности Конгресса за свободу культуры. Однако Колеман также признался, что ему не удалось получить «какие-либо важные новости из официальных источников о масштабе участия ЦРУ». В отсутствие такой информации он решил, что «шпионские вопросы о том, кто кому платил, как и за что», достаточно незначительны, чтобы их проигнорировать. Так как Колеман в прошлом был активистом организации, о которой он пишет, естественно, он субъективен, но его репутация официального историка Конгресса безукоризненна, а его произведение «Либеральный заговор» является бесценным источником.

[489]Peter Coleman. Цит. произв.

«Настоящая загадка - как эти журналы работали, - сказал один агент ЦРУ. - Все эти интеллектуалы не собрались бы даже на коктейльную вечеринку вместе, но все они работали в «Инкаунтере», «Темпо Пресенте», «Прев». Это невозможно было сделать в Америке: «Харперс», «Нью-Йоркер» не удалось этого сделать. Они не могли заполучить Исайю Берлина, Нэнси Митфорд и всех остальных. Даже Ирвинг Кристол не смог этого сделать, когда вернулся из Лондона. Я полагаю ответ таков: Майкл Джоссельсон» [490].

Но это была половина ответа. Да, был Майкл Джоссельсон, но ведь ещё был и Мелвин Ласки. Диана Джоссельсон так описывала отношения: «Майкл был издателем и главным редактором, Ласки - вице-президентом и в определённой степени рупором Майкла. Майкл пытался организовывать периодические встречи между различными редакторами, и Ласки играл в них решающую роль, если Майкла не было. Они находились в тесном контакте и видели вещи в одинаковом свете» [491].

Мелвин Ласки позже утверждал, что Джоссельсон изначально хотел, чтобы он был соредактором Спендера в «Инкаунтере», но так как он, Ласки, не хотел покидать Берлин, то рекомендовал Ирвинга Кристола вместо себя. Кажется более вероятным, что причиной, почему Ласки не оказался у руля ведущего журнала Конгресса, стало то же, что и в случае, когда Уизнер в 1950 году приказал удалить Ласки из организационного ядра Конгресса в Берлине: он был слишком тесно связан с американскими ведомствами. Но к 1953 году Ласки мог бы утверждать, что это был уже не тот случай. Его журнал «Монат» теперь выходил под эгидой Фонда Форда, который, в частности, выделил ему грант в размере 275 тысяч долларов на издание книг. Но всё же вокруг Ласки оставался ореол подозрения, который трудно было развеять.

Джоссельсон сделал всё, получив «Монат» в лоно журналов Конгресса в конце 1953 года, когда стартовый грант Фонда Форда иссяк. Таким образом, Джоссельсон смог узаконить отношения Ласки с Конгрессом. Как редактор одного из его журналов Ласки теперь официально был в центре аппарата, разрабатывающего политику.

Как член трёхжурнального редакционного комитета, который был создан для координации редакционной политики «Инкаунтера», «Монат» и «Прев», Ласки был теперь частью небольшой команды, которая определяла, как будут излагаться темы Конгресса. Регулярно собираясь в Париже, с участием Джоссельсона, Набокова и де Ружмона, этот комитет анализировал эффективность журналов и договаривался о темах, которые будут затронуты в будущем. Ласки утверждал, что последовательно выступает за более глубокую приверженность внутригосударственным темам: Эдора Велти (Eudora Welty) должна была написать статью о «сегрегации»; кто-то - о «великом американском подъёме»; Джанкарло Менотти мог бы сделать что-то на тему «элита и народ», при повышенном внимании к советским делам.

---

[490] John Thompson. Telephone interview, August 1996.
[491] Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

Другим bete noire (ненавистный человек - фр.) и неизменной целью слепой ненависти журналов Конгресса был Жан-Поль Сартр, разрыв которого с Мерло-Понти (Merleau-Ponti) в 1955 году (после того как Мерло-Понти объявил о своём разрыве с коммунизмом) должен был, по словам Ласки, фигурировать в журналах Конгресса под заголовком «Сартр мёртв» (Sartre est mort) [492]. Сартра на страницах «Инкаунтера» и «Прев» постоянно обличали как «лакея коммунизма», несчастного временного слугу, чьи политические и творческие писания увековечивали коммунистический бред и «радость насилия».

Степень влияния Ласки на эти три журнала раскрывается в докладе от апреля 1956 года «Заметки о «Прев», «Инкаунтере» и «Монат», в котором он обобщил свои достижения и изложил повестку дня на будущее. Журналы утвердились, писал он, как «часть сообщества, часть окружающей среды, с их собственным институциональным весом. Они стали символами в культурной жизни двух древних народов свободы, гуманизма и демократического международного (и трансатлантического) обмена» [493]. Однако он предостерёг своих коллег-редакторов против выставления в вопросе американского материала постоянной «положительной» характеристики США, против того, что все европейские антиамериканские стереотипы могут быть легко развеяны.

Хотя он признал, что некоторые «антиамериканские промахи», которые появились в журналах, были «досадными, и следует избегать их в будущем», Ласки выступал против напряжения в трансатлантическом взаимодействии.

«Давайте не будем ставить вопрос ребром: И что мы сделали сегодня чтобы люди перестали думать о нас как о варварах? Мы в отличие от всех остальных имеем слишком много проблем (в том числе материализм, цинизм, коррупция, насилие), чтобы постоянно выходить с позитивным приветствием «Звёздно-полосатый навсегда!». Дадим европейским писателям поворчать.

Давайте и сами немного поворчим (как ни парадоксально, но это один из наших звуков, вызывающих симпатию)» [494].

В сущности, Ласки признавал, что критики из журналов Конгресса, которые жаловались на проамериканский уклон, в основном были правы.

«Инкаунтер», в частности, должен был теперь ответить на обвинения в том, что он является «троянским конём» американских интересов, что он «имел своеобразную мёртвую зону - журнал почти никогда не публиковал критические статьи о США, как будто это была запретная территория» [495]. В первые годы, конечно, «Инкаунтер» прилагал огромные усилия, чтобы подорвать любую неприязнь к Америке и её институтам. Антиамериканизм характеризовался как «психологическая необходимость многих европейцев», как устройство, которое позволяло им «упражняться одновременно в ненависти к себе» (Америка как «мифологизированный

[492] Melvin Lasky. Some Notes on Preuves, Encounterand Der Monat, April 1956 (CCF/CHI).
[493]Там же.
[494]Там же.
[495]Robert Silvers. Цитата из Carol Brightman, Writing Dangerously.

образ всего ненавистного») и «самодовольстве» (Фидлер), или как способ усиления «удовлетворения, которое британские интеллектуалы получают из своего национального самосозерцания» (Эдвард Шилс - Edward Shils), или как механический рефлекс «современного либерализма», олицетворением которого являются журналы «Нью Стейтсмен» и «Нейшн» с их «злокачественной анемией», «стереотипной реакцией» и «моральным самодовольством» (по словам Дуайта Макдональда в 1956 г., в разгар своей воинственности холодной войны).

Рекомендации Ласки удались лишь частично. Хотя А.А. Альварес (A.A. Alvarez) в 1961 году заметил изменения: «Параноидальное биение подлинной пропаганды редко прослеживается в эти дни на страницах «Инкаунтера» [496]; остальные же остались при своём мнении, разделяя точку зрения Конора Круза О'Брайена (Conor Cruise O'Brien) о том, что «Инкаунтер» лоялен в первую очередь Америке» [497].

В штаб-квартире ЦРУ в Вашингтоне «Инкаунтер» с гордостью считали «флагманом» и эффективным средством для продвижения понятия культурного сообщества, связанного, а не разделяемого Атлантикой. Он даже стал своего рода визитной карточкой для агентов ЦРУ. Договариваясь о встрече с Беном Зонненбергом, богатым молодым странником, который некоторое время работал на ЦРУ в середине 1950-х годов, агент ЦРУ сказал ему: «У меня в руках будет экземпляр «Инкаунтера», чтобы вы узнали меня».

Вера ЦРУ в журналы Конгресса подкреплялась финансовой поддержкой. Хотя детали де-факто восстановить нелегко, но некоторые финансовые счета выжили в пыльных углах различных архивов. Согласно выписке расходов за период до 31 декабря 1958 года, Фонд Фарфилда выплачивал зарплаты «редакционному секретариату» Конгресса в размере 18 660 долларов в год. Эта сумма шла на зарплаты Бонди, Ласки (предположительно) и американскому редактору «Инкаунтера» (оклад британского редактора входил в обязанности британской разведки). В 1959 году «Инкаунтер» получил 76 230 долларов от Фонда Фарфилда (почти удвоенный начальный годовой грант в размере 40 тысяч долларов). В том же году «Куадернос» получил 48 712 долларов, а «Прев» - 75 765 долларов. Кроме того, 21 251 доллар были выделены для «администрации» периодических изданий Конгресса.

Гранты для журнала « Монат» (около 60 тысяч долларов в год) направлялись через ряд подставных организаций. В 1958 году целевые средства были переправлены через Фонд округа Майами. К 1960 году пути доставки средств диверсифицировали: финансирование проходило через Фонд Флоренции (The Florence Foundation, 27 тысяч долларов) и Фонд Хоблитцелля (29 176 долларов) - очень странного донора, учитывая, что «цели и деятельность» этого фонда в Справочнике американских фондов были сформулированы как предоставление «поддержки организациям в Техасе, в первую очередь в Далласе, особенно на помощь инвалидам». Этот

[496]A.A. Alvarez. New Statesman, 29 December 1961.
[497]Conor Cruise O'Brien. New Statesman, 20 December 1962.

маршрут был также использован для передачи средств «Темпо Пресенте», который получил 18 тысяч и 20 тысяч долларов от тех же фондов в 1960 году. Общий объём выплат на периодические издания Конгресса в 1961-м составил 560 тысяч долларов, и повысился до 880 тысяч долларов в 1962 году. В то же время затраты Фонда Фарфилда на Конгресс - другими словами, прямые затраты ЦРУ на заработную плату, управление, аренду и т.д. - находились в районе одного миллиона долларов в год (или шести миллионов в пересчёте на доллары 1999 г.).

Несмотря на убеждения Ласки в том, что это не кормушка, всё выглядело именно так. «Внезапно появились лимузины, вечеринки с обилием копчёного лосося и прочего, и люди, которые обычно не могли позволить себе билет на автобус до Ньюарка, теперь стали летать первым классом в Индию на лето» [498], - вспоминал Джейсон Эпштейн. «В период расцвета этой деятельности авиакомпании были переполнены преподавателями и писателями, распространявшими фирменную культуру по всем уголкам обитаемого мира» [499], - как позже писал Малкольм Магтеридж. Даже британская разведка была в ужасе от масштаба, которым американские коллеги наполнили культурную холодную войну. Вспоминая те «елисейские дни» в Лондоне, когда появились «первые прибывшие напрямик из своих невинных гнёзд в Принстоне, Йеле или Гарварде, с Уолл-стрит, PR-агентств Мэдисон-авеню или Вашингтона», Маггеридж поражался: «Как быстро кончился медовый месяц! Как быстро нас обогнали по кадрам, энергии и масштабам деятельности, и, прежде всего по расходуемой наличности... Сеть УСС-ЦРУ, разветвлённая по всему миру, превзошла нашу когда-то легендарную секретную службу, как лоснящийся кадиллак превосходит древний двухколёсный экипаж» [500].

В этом кадиллаке счастливо путешествовал Николай Набоков, занимавшийся своей коронной деятельностью - организацией гламура. Несметное количество связей и дружественных контактов Набокова сыграли неоценимую роль в завоевании авторитета и статуса для Конгресса. Ласковые прозвища, которыми он называл своих людей, были свидетельством его способности укреплять привязанность и лояльность. К Шлезингеру он обращался не иначе как Артуро, к Исайе Берлину - Кариссимо, «дорогой доктор» и «дядя», к Наташе Спендер - «милочка», к Стивену Спендеру - «милый Стива», к Джорджу Вайденфельду (George Weindenfeld) - «милый маленький принц», к Эдварду Уиксу (Edward Weeks), редактору Atlantic Monthly, - Каро Тед, к Эдварду д'Армсу (Edward d'Arms) из Фонда Рокфеллера - Чат.

Набоков, не самым выдающийся композитор и, конечно, отнюдь не интеллектуал, был одним из лучших импресарио в послевоенные годы, признавая и поощряя творческие таланты. В течение зимы 1953-1954 годов он переехал в Рим, где был задействован в качестве музыкального директора Американской академии. Это значило, что у него появились большие возможности для организации крупнейшего набега Конгресса на

[498]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.
[499]Malcolm Muggeridge. New Statesman, 19 May 1967.
[500]Malcolm Muggeridge. Esquire, January 1973.

музыкальную сцену со времён фестиваля «Шедевры» 1952 года. Действительно, во многих отношениях фестиваль, к организации которого приступил Набоков, был официальным ответом на критику Герберта Рида по поводу ретроспективного характера парижского предприятия. «Пусть наше следующее представление будет не самодовольным взглядом в прошлое, но уверенным взглядом в будущее» [501], - призывал Рид.

Теперь, после визита в Нью-Йорк на пресс-конференцию в феврале 1953 года, Набоков принял вызов. «С этого фестиваля мы закрыли дверь в прошлое, - сказал он. - Мы говорили, что здесь представлены великие произведения. Но они больше не являются современными, хотя и были написаны в XX веке. Они теперь часть истории. У меня есть новый план… мы проведём конкурс композиторов, который будет отличаться от когда-либо проведённых. 12 молодых и перспективных, но на международном уровне неизвестных композиторов будут приглашены в Рим с оплатой всех расходов. Каждый композитор приедет со своей работой, и эти работы будут представлены публике…

Наконец, компетентное жюри, демократически избранное всеми участниками конкурса, выберет из этих 12 работ победителя. И сама награда будет ошеломляющей: во-первых, денежная премия; во-вторых, выступление стремя крупнейшими оркестрами в Европе и тремя в Америке; в-третьих, ноты будут опубликованы; в-четвёртых, музыка будет записана ведущей звукозаписывающей компанией. Но и это ещё не всё - даже 11 проигравших на самом деле ничего не проиграют, - продолжал Набоков, всё больше и больше походя на чикагского рекламщика. - Ведь им предоставляется бесплатная поездка в Рим, гарантия публикации их работ и оплата авторских гонораров. Это ли не приз?» [502] Двухнедельный фестиваль «Международная конференция музыки XX века» (The International Conference of Twentieth Century Music), намеченный на середину апреля 1954 года, должен был заявить о приверженности Конгресса делу развитию авангардных композиций. Это, в свою очередь, предполагало поставить Конгресс в авангард музыкальных экспериментов и предложить миру прекрасные образцы музыки, запрещённой Сталиным.

Итальянское правительство должно было внести на счёт Набокова в «Американ Экспресс» в Риме 2,5 млн лир на организацию этого мероприятия, но деньги так и не поступили (подтверждая страхи Набокова о том, что он будет в конечном итоге «потерян где-то в развалинах Римского форума»). Часть денег из Фонда Фарфилда пошла в призовой фонд конкурса, который составил 25 тысяч швейцарских франков (6000 долларов США) и предназначался для выплаты за лучшие концерт для скрипки с оркестром, короткую симфонию и исполнение камерной музыки солирующего вокала с ансамблем. В пресс-релизе сообщалось: фестиваль «призван доказать, что искусство процветает там, где есть свобода», и что главной составляющей призового фонда были щедрые пожертвования от «Юлиуса Флейшмана, унаследовавшего американскую компанию U.S. Gin and Yeast». Юнки было поручено в очередной раз договориться с Бостонским симфоническим

[501]Herbert Read. Masterpieces of the Twentieth Century, Paris, April 1952 (ACCF/NYU).
[502]Nicolas Nabokov. New York Herald Tribune, 8 February 1953.

оркестром, который согласился дать концерт с победившей композицией в своей альма-матер - музыкальной школе для подающих надежды певцов и музыкантов в Танглвуде (Tanglewood) (к 1953 г. восемь из одиннадцати членов международного музыкального консультативного совета Конгресса были связаны с музыкальной школой в Танглвуде).

Как он обычно и делал, Набоков послал первое приглашение для участия в фестивале в Риме своему старому другу Игорю Стравинскому, предлагая оплатить расходы до 5000 долларов США для маэстро и его жены, а также их секретаря. Стравинский согласился возглавить музыкальный консультативный совет на фестивале наряду с Сэмюэлем Барбером, Борисом Блахером, Бенджамином Бриттеном, Карлосом Чавесом, Луиджи Даллапиккола, Артуром Онеггером, Франческо Малипьеро, Фрэнком Мартином, Дариусом Мийо и Вирджилом Томсоном (который, по словам Набокова, «знал всех ребят в фонде Рокфеллера»). Шарль Мюнш предлагал, чтобы Артуро Тосканини также вошёл в состав совета, но Набоков возражал ему на том основании, что «имя Тосканини связано с проектами, не имеющими отношения к современной музыке, и его деятельность является по меньшей мере анахронизмом. Добрый маэстро... был последовательным и решительным врагом современной музыки и часто подвергал нападкам её проводников» [503].

В начале 1954 года Конгресс открыл координационный штаб фестиваля поблизости с дворцом графа Печчи-Бланта (Pecci-Blunt), близкого друга Набокова и, несмотря на свой дворянский титул, американского гражданина. Казначей Пьер Боломи (Pierre Bolomey) организовал кредитную линию насчёт Конгресса в «Чейз Нэшнл Банк» (Chase National Bank), через который ЦРУ и переводило деньги. Печчи-Блант внёс личный вклад в размере 1300 долларов США в «копилку» фестиваля. Ещё 10 тысяч долларов США было направлено через Европейский центр культуры Дени де Ружмона (Centre Europeen de la Culture), который, в свою очередь, получал деньги от Фонда Фарфилда. Предприятие де Ружмона имело наибольшие расходы во всей программе. Была оплачена поездка Леонтины Прайс, а также авиабилеты в оба конца, отправленные Аарону Копланду, Майклу Типпетту, Иосифу Фуксу и Бену Веберу.

К марту 1954 года Набоков был готов объявить список выступающих на фестивале. Сконцентрированное на атональном, додекафоническом строе композиции, эстетическое направление этого мероприятия отсылало к прогрессивному авангарду Альбана Берга, Эллиотта Картера, Луиджи Даллапиккола и Луиджи Ноно. Среди «новых» композиторов были Пётр Расин Фрикер, Лу Харрисон и Марио Перагалло, чьи работы в значительной степени находились под влиянием двенадцатитоновой музыкальной техники. В целом они были хорошо приняты. Журнал «Мьюзикал Америка» (Musical America) отмечал, что «большинство композиторов и критиков, входящих в консультативные и исполнительные комитеты, ответственные за концерты... не были знакомы в прошлом с додекафоническими принципами построения композиции или их адептами. По этой причине программы, которые они

[503]Nicolas Nabokov to Julius Fleischmann. 6 May 1953 (ACCF/NYU).

предлагали, не только удивительны, но и достойны поощрения» [504]. Обратился к двенадцатитоновой музыке и Стравинский, чьё присутствие в Риме стало основным сигналом для принятия «традиционным сериализмом» модернистских тенденций. Для Набокова это стало чётким посылом, побудившим его предаться продвижению музыки, заявляющей о себе как о музыке, уходящей от принципов природной иерархии и освобождённой от старых законов внутренней логики.

Позже критики будут задаваться вопросом о том, почему сериализм отказался от своего обещания освобождения и завёл музыку в модернистский тупик. Музыка оказалась трудной для восприятия и, скованная деспотическими формулами, стала понятной лишь узкой аудитории. «К пронзительному звуку и глухим ударам, - пишет Сьюзен Зонтаг (Susan Sontag), - мы относились почтительно: мы знали, что должны будем оценивать уродливую музыку, мы с благоговением слушали Тоха, Кренека, Хиндемита, Веберна, Шёнберга - всех их (у нас был огромный аппетит и сильные желудки)» [505]. Но даже самые почтительные из тех, кто участвовал в работе фестиваля Конгресса в Риме, не выдержали и устроили свист и крики, когда один спектакль превратился в «частный монолог». А на премьере двенадцатитоновой оперы Ханса Вернера Хенце «Бульвар одиночества» (Boulevard Solitude) зрителям пришлось испытать чувства, близкие к тому, как если бы они проделали крёстный путь от начала до конца.

Возможно, ощущая вызов своему фирменному уровню сложности композиций, Пьер Булез (Pierre Boulez) написал Набокову яростное письмо, нашпигованное оскорблениями. Набоков, по его мнению, поощрял «фольклорную посредственность», взращиваемую мелкими чиновниками, которые были одержимы числом двенадцать - «Совет двенадцати, Комитет двенадцати, Жюри двенадцати», - теми, кто ничего не понимал в творческом процессе.

Булез продолжал обвинять Конгресс в манипулировании молодыми композиторами, предлагая крупные денежные призы (победителями стали Лу Харрисон, Гизельхер Клебе, Жан-Луи Мартине, Марио Перагалло, Владимир Фогель). Он считал, что было бы более честным просто выдать им денежные призы, а не городить шарады из «эффектных публичных жестов банкира из Цинциннати». Булез предложил, чтобы следующим мероприятием Конгресса стала конференция «Роль презервативов в XX веке». По его мнению, этот предмет обладает «лучшим вкусом» в отличие от предыдущих инициатив Конгресса [506]. Ошеломлённый Набоков написал в ответ, что надеется, письмо Булеза не будет найдено будущими потомками в нижнем ящике стола, так как оно «оскорбило как его ум, так и его взгляды». Не имея ни времени, ни сил заниматься этим вопросом, Набоков попросил Булеза впредь ему не писать.

---

[504]Musical America. May 1954.
[505]Susan Sontag. Pilgrimage, The New Yorker, 21 December 1987.
[506]Pierre Boulez to Nicolas Nabokov. 1954 (CCF/CHI).

Наряду с поддержкой тех композиторов и исполнителей, которые приняли участие в фестивале в Риме, Фонд Фарфилда, в основном по усмотрению Джоссельсона, финансировал через гранты и ряд других групп и исполнителей. В январе он выделил 2000 долларов США симфоническому оркестру Зальцбурга «Моцартеум» (the Mozarteum Akademie Orchester of Salzburg) для Международного курса молодёжных оркестров. Из своего «особого независимого фонда» в Фонде Фарфилда Джоссельсон в сентябре 1954 года наградил польского композитора Анджея Пануфника, который совершил невероятный побег из Варшавы в Лондон через Цюрих, свободной от обязательств «годовой стипендией в 2000 долларов, разбитой на 12 ежемесячных выплат». По словам Набокова, благодарный Пануфник заявил, что он «целиком и полностью готов сотрудничать и взаимодействовать с нами, ибо его подкупили идеалы Конгресса за свободу культуры» [507].

Также в сентябре 1954 года Джоссельсон инициировал выплату для учителя Иегуди Менухина (Yehudi Menuhin) румынского музыканта в изгнании Джорджа Энеско (Enesco) ежемесячного пособия в размере 300 долларов США. Через год после смерти Энеско в 1955 году, Фонд Фарфилда оплатил мемориальный концерт Бостонского симфонического оркестра, который был снова в турне по Европе в значительной степени за счёт ЦРУ (финансирование осуществлялось через Комитет за свободную Европу) [508].

Говоря о триумфальном туре оркестра в 1956 году, Ч.Д. Джексон заявил: «Культура - больше не изнеженное словцо. Такой народ, как наш, может быть сильным и мужественным. Наша страна может быть фантастически успешной в экономическом плане. Но странным образом, цементирующей основой, которая удерживает все эти вещи вместе, служит коэффициент национального идеализма... Материальным, видимым и звуковым воплощением национального идеализма является национальная культура. Из всех проявлений культуры музыка наиболее универсальна. Из всех проявлений современной музыкальной культуры Бостонский симфонический оркестр - лучший» [509].

В 1956 году был организован тур «Метрополитен-оперы» в Европе. И снова Ч.Д. Джексон был там, чтобы оказать всяческую поддержку, утверждая, что «Соединенные Штаты участвуют во многих мероприятиях, направленных на создание положительного имиджа США за рубежом. Иногда у нас получается, иногда - нет. Это действительно туманное и неопределённое дело. Но единственной областью, которая находится ближе всего к истине из всех других областей, является культурная проекция Америки - при условии, конечно, что выбор того, что понимается под американской культурой, сделан разумно и берётся только самая

[507]Nicolas Nabokov to Julius Fleischmann. 7 September 1954 (CCF/CHI).
[508]Энеско пожелал быть похороненным на своей родине, в Румынии. Но, по словам Дианы Джоссельсон, когда Энеско умер в мае 1955 г., Набоков и Джоссельсон приняли участие в безумной попытке оставить тело во Франции. Им это удалось, и Энеско был похоронен в Париже, на кладбище Pere Lachaise.
[509]C.D. Jackson to Cecil Morgan. 26 March 1957 (CDJ/DDE).

качественная часть культуры. Я верю, что «Мет» {«Метрополитен-опера») должна их удивить» [510].

Совет по психологической стратегии (Psychological Strategy Board), который в 1953 году предложил Юнки Флейшману вести переговоры о туре, согласился с Джексоном и предложил огромную по тем временам сумму - 750 тысяч долларов - для его финансирования. Большая часть этих денег, видимо, пришла из ЦРУ. И хотя Ч.Д. Джексон признавал, что это была «огромная куча денег для пропаганды в сфере культурного влияния», он настоятельно призывал Аллена Даллеса не недооценивать потенциальные выгоды, добавив при этом, что «влияние будет совершенно потрясающим в столицах Западной Европы, включая Берлин» [511].

Юнки согласился и обосновал цели тура более изысканно: «Мы в США являемся плавильным котлом и, будучи таковым, должны демонстрировать, что народы могут уживаться вместе независимо от расы, цвета кожи или вероисповедания. Когда мы говорим «плавильный котёл» или подобные высокие слова, мы готовы использовать «Мет» в качестве примера того, как европейцы могут уживаться с Соединенными Штатами, и что построение своего рода Европейской Федерации на этих принципах вполне возможно. Это и сделали американские «рыцари холодной войны», соткав свою паутину, в которой «Метрополитен-опера» могла быть использована для сплочения аудитории согласно концепции федерализма свободного мира» [512].

В то время как Ч.Д. Джексон работал над идеей Совета по психологической стратегии об организации тура «Метрополитен-оперы», он занимался и другим, более противоречивым аспектом планов компании. В марте 1953 года он узнал, что Рудольф Бинг (Rudolf Bing), генеральный менеджер «Метрополитен-оперы», хотел привлечь Вильгельма Фуртвенглера в качестве приглашённого дирижёра в сезоне 1953-1954 годов. На вопрос, думал ли он, что Госдепартамент может возражать против этого назначения, Ч.Д. Джексон отвечал, что никаких «косых взглядов по вопросу мистера Фуртвенглера» он не замечал. Он предупреждал, что могут быть «проблемы в сфере связей с общественностью» с точки зрения «Мет». В заключение он с ободрением произнёс: «Мой взнос заключаются в том, что к тому времени как он окажется здесь, никого уже не будет волновать, даже если он был бы самим Бельзенским зверем» [513] (речь идёт о коменданте нацистского концентрационного лагеря 191 «Берген-Бельзен» Йозефе Крамере, прозванном узниками лагеря Бельзенским зверем за жестокость. - Прим. ред.).

Американский комитет за свободу культуры, по-видимому, действовал подобным образом, хотя и выражал это в более деликатной форме. Когда в феврале 1955 года еврейская группа «Бейтар» протестовала против появления Герберта фон Караяна в нью-йоркском представлении

---

[510]C.D. Jackson to Theodore Streibert. Director, USIA, 28 July 1955 (CDJ/DDE).
[511]C.D. Jackson to Allen Dulles. 20 May 1953 (CDJ/DDE).
[512]Julius Fleischmann to C.D. Jackson. 17 February 1953 (CDJ/DDE).
[513]C.D. Jackson to George Sloan. 17 March 1953 (CDJ/DDE).

Берлинской филармонии - «Любители музыки, не посещайте сегодняшний кровавый концерт», Комитет лоббировал отрицательное отношение Американской федерации музыкантов к таким протестам. В телеграмме, подписанной Джеймсом Т. Фарреллом, от имени «300 лидеров американского культурного сообщества», Комитет осудил протесты «Бейтар» как «посягательство на культурные свободы». Интересно, что Комитет ни под каким предлогом не соглашался рассматривать то, что Герберт фон Караян был членом нацистской партии.

Напротив, он признавал, это «плачевным» фактом. Но обвинения были «неуместными в силу неполитического характера природы появления оркестра в этом деле», кроме того, игнорировался тот факт, что Берлинская филармония «подала сигнал о необходимости предоставления помощи в деле продвижения свободной культуры в Европе и символизировала мужественное сопротивление народа Берлина коммунистическому тоталитаризму, который окружает их изолированный форпост» [514]. Выход из положения нашёлся. В телеграмме содержалось предложение передать часть прибыли от тура оркестра в дар жертвам нацистов.

Американский комитет, видимо, не осознал, как далеко он отошёл от своего «Заявления о принципах» (Statement of Principles) 1953 года, в котором объявил себя «жизненно связанным с политическими вопросами, так как они влияют на условия культурной свободы и культурного творчества. Эти условия находятся в жёстком противостоянии с тоталитаризмом в любой его форме, который вообще отрицает всё это» [515]. Это же заявление выражало сожаление по поводу «простого и позорного факта, что даже сегодня коммунисты и их сторонники никогда не пустят в свои интеллектуальные и культурные круги людей, замеченных в нацистской или неофашистской деятельности».

То, что Американский комитет может быть настолько слеп и допускает в своей деятельности противоречивый и морально несовместимый характер отношения к таким личностям, как фон Караян или Фуртвенглер, кажется удивительным. Три месяца спустя Джордж Кеннан, один из архитекторов стратегии освоения культуры с использованием политических императивов холодной войны, продемонстрировал, что он тоже был подвержен таким противоречиям. Обращаясь к Международному совету Музея современного искусства 12 мая 1955 года, Кеннан выражал своё сожаление следующими словами: «В последние годы среди нас появились самые предосудительные, тоталитарные привычки судить о пригодности культурного вклада потому, как мы воспринимаем политическую окраску его создателей. Я не знаю ничего глупее, чем это. Картина не становится более или менее ценной вследствие принадлежности художника к той или иной партии или его поддержки той или иной группы. Качество симфонического концерта, мне кажется, никоим образом не зависит от характера политического режима, при котором билетёр осуществляет контроль... В конце концов, культурные мероприятия не являются выставкой политических персоналий, в которой

[514]American Committee for Cultural Freedom to Al Manuti, American Federation of Musicians, 21 February 1951 (ACCF/NYU).
[515]American Committee for Cultural Freedom, Statement of Principles, 1953 (IB/GMC).

на передний план мы выдвинули человеческие фигуры, чтобы все восхищались чистотой их идеологических особенностей» [516].

Американские «рыцари холодной войны» в сфере культуры столкнулись с опасным противоречием: там, где призрак нацизма появлялся вновь, они энергично вели кампанию по разделению искусства и политики, но имея дело с коммунизмом, они не желали осуществлять такое разделение. Эта вопиющая нелогичность впервые проявилась ещё в конце 1940-х годов во время «денацификации» Германии. В то время как Фуртвенглер был награждён громкими концертами вместе с Иегуди Менухиным, Бертольд Брехт высмеивался Мелвином Ласки в журнале «Монат» [517]. Все предписания Конгресса в холодной войне в сфере культуры заключались в том, что писатели и художники должны были вести идеологическую борьбу. «Вы говорите о ведущих писателях, музыкантах и художниках - тех, кто был готов вступить в борьбу за то, что Камю называл литературной «завязкой», тех, кто был предан идее не только писать, но писать, выражая определённую систему ценностей. И мы были за это, и мы поддерживали это» [518], - объяснял Ли Уильямс из ЦРУ. То, что эти «рыцари холодной войны» в культуре могли так легко «развязаться», когда это им было на руку, вызывало, по меньшей мере, тревогу.

Похожим доверием, однако, не пользовались сочувствующие попутчики и нейтралисты, которых Американский комитет, по сути, оставлял на произвол судьбы. Никто не мог серьёзно утверждать, по крайней мере, в середине 1950-х годов, что коммунизм, вероятно, является главным врагом культурной свободы в Соединенных Штатах. Но профессиональные антикоммунисты, как и все профессионалы, хотели защитить и даже расширить свой рынок.

Большая часть организованных антикоммунистических групп лоббирования и давления в Америке в 1950-х годах - общепризнанного времени падения «пятой колонны» - получила беспрецедентное распространение. В это время не было никакой реальной коммунистической угрозы в Америке. Перефразируя изречение Черчилля, антикоммунисты на самом деле были «прикованы к мёртвому телу».

«Медленно, но верно коллеги сплотятся вокруг одного, - точно предсказал Джеймс Т. Фаррелл в 1942 году. - Я доверяю своим коллегам это сделать. У меня есть большая уверенность в их способностях стать моими полицейскими и опекунами моей души. Моя вера в их возможности, к моему стыду, является непобедимой - вы не можете пошатнуть этот догмат моей

---

[516]George F. Kennan. International Exchange in the Arts, напечатано в Perspectives, Summer 1956.

[517]Когда Ласки обнаружил в 1956 г., что его помощник в написании «Белой книги» по Венгрии («Венгерская революция») был повсеместно осуждаемым нацистом, его первая реакция была полна прагматизма: «О Боже, теперь они собираются наброситься на мою книгу, она будет дискредитирована ассоциациями с ним». Но Ласки решил, что лучше ничего не делать: «Я проглотил свою обеспокоенность и оставил его в проекте». Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.

[518]Lee Williams. Interview, Washington, June 1994.

веры. Все они маленькие ангелы-хранители души Америки» [519]. Сейчас же жёсткая линия Комитета заработала ему сомнительную репутацию как «отряду истины».

Комитет, казалось, потерял всякое чувство меры и находился далеко от заявленной цели, которая заключалась в укреплении социальных и политических условий для культурного творчества и свободного интеллектуального роста.

Шлезингер писал о своём чувстве отвращения к «элементам мстительности в изматывании сочувствующих попутчиков, как будто мы в 1950-х годах устраивали реванши старых, смертельных сражений 1930-1940-х годов... теперь у нас есть дела поважнее, чем погашение старых счетов. Комитет, занимающийся вопросами культурной свободы, вряд ли может ошибаться и грешить великодушием» [520]. Коллега Соломона Штейна из Корнельского университета писал в том же духе: «Сол, мой мальчик, что тебе нужно, так это дуновение свежего воздуха из северной части штата Нью-Йорк, Канзаса, Сиэтла или любого другого места, но не центра Манхэттена. Неужели вы так уверены, что все эти страстные литературные бои конца 1930-х годов и сражения сегодня на самом деле являются чем-то важным в истории Соединенных Штатов?» [521].

И это было главное. Американская интеллектуальная история не раз колебалась за последние два десятилетия (левые потрошили правых, и наоборот), и существование людей, разрывающих друг друга таким образом на части, было по меньшей мере безнравственным. Раздробленные в дрязгах академических вотчин, обе фракции упустили одну важную истину: абсолютизм в политике, будь то в форме маккартизма, либерального антикоммунизма или сталинизма, заключался не в противостоянии левых или правых. Абсолютизм не давал истории возможности поведать правду.

«Всё это настолько прогнило, что я даже не знаю, - говорил Джейсон Эпштейн в бескомпромиссном тоне. - Когда эти люди говорят о противостоянии с интеллигенцией, то, что они делают, - это создание ложных и искажённых систем ценностей для поддержания идеологии, которой они привержены в данное время. Единственное, чему они преданы, - это власть и продвижение царистской, сталинистской стратегии в американской политике. Они настолько коррумпированы, что, вероятно, даже не осознают этого. Они - это маленькие лживые аппаратчики. Люди, которые ни во что не верят, которые только против чего-то, не должны идти в крестовые походы или устраивать революции» [522].

Комментируя «контрастные отношения с коммунизмом» многих интеллектуалов из числа солдат холодной войны, Джордж Урбан (George Urban), директор радио «Свободная Европа», сделал вывод, что они явились ответом на «принуждение к спорам, размежеванию и борьбе, почти никак

---

[519]James T. Farrell to Meyer Schapiro. 25 July 1942 (MS/COL).
[520]Arthur Schlesinger to James T. Farrell. 16 March 1955 (ACCF/NYU).
[521]Clinton Rossiterto Sol Stein. 10 November 1955 (ACCF/NYU).
[522]Jason Epstein. Interview, New York, August 1996.

не связанной с целями [523]... Их протесты были слишком навязчивыми, их цинизм слишком резок, а их анализ мира, который они оставили далеко позади, слишком глубоким. Они шли невпопад, но делали это одинаковым образом» [524].

Как писал Сидни Хук, Джоссельсон, который в это время восстанавливался после операции, сильно пошатнувшей его здоровье, хотя явно не сделавшей беспомощным, лёжа в шезлонге, заявлял, что он «более чем когда-либо убеждён, что естественная смерть настоящего {Американского комитета) будет лучшим событием для всех заинтересованных сторон... эта группа является неспособной сделать что-либо в любой сфере, за исключением сферы мелких ссор» [525].

Единственным способом уничтожения Комитета было прекращение его финансирования, и в октябре 1954 года Джоссельсон так и сделал. Ежемесячные переводы от Фонда Фарфилда Американскому комитету были приостановлены уже в начале 1953 года, и теперь, с прекращением ежегодного платежа в размере 4800 долларов от Парижского офиса, группа столкнулась с неизбежностью финансового краха.

Сидни Хук, который создавал Американский комитет вместе с ЦРУ, был потрясён решением Конгресса сократить финансирование. Игнорируя определение Джоссельсона о самороспуске Комитета, он вышел прямо на Аллена Даллеса, чтобы просить больше денег. Сол Штейн (который предупреждал, что «если американские интеллектуалы теряют свои голоса в Западной Европе за неимением 20 тысяч долларов в год, тогда новому Гиббону лучше начать точить карандаши прямо сейчас») был полностью проинформирован о таком развитии событий, равно как и Норман Томас, бывший кандидат-социалист на пост Президента США, который в то время занимал руководящую должность в Американском комитете.

Кроме того, оба этих человека лоббировали свои интересы в разведывательном сообществе через «общего друга доктора Лилли», члена Совета по психологической стратегии и консультанта ЦРУ. Зная, что Норман Томас был близким другом и соседом Аллена Даллеса, Штейн предложил Томасу позвонить Даллесу, чтобы «напомнить о его интересе к нашей работе и предложить как можно скорее нам помочь» [526]. На это Томас ответил, что «звонок Аллену Даллесу без важного повода принесёт больше вреда, чем пользы», но затем сказал: «Есть некоторый шанс, что Даллес может быть в стране в эти выходные, я постараюсь связаться с ним в воскресенье» [527].

---

[523]Ханна Арендт однажды описала бывших коммунистов как коммунистов-«перевертышей». Она и Джордж Урбан заявили, что холодная война по своей природе состязательна, и, являясь таковой, стала привлекательной для радикального образа многих представителей интеллигенции. «Подбор слов оппозиции остался нетронутым, чувство агрессивной критики сохранилось, несмотря на то, что её цель поменялась с капитализма на коммунизм». Andrew Ross. No Respect: Intellectuals and Popular Culture (London: Routledge, 1989).

[524]George Urban. Radio Free Europe and the Pursuit of Democracy: My War Within the Cold War (New York: Yale University Press, 1997).

[525]Michael Josselson to Sidney Hook. 23 November 1955 (CCF/CHI).

[526]Sol Stein to Norman Thomas. 27 April 1955 (ACCF/NYU).

[527]Norman Thomas to Sol Stein. 28 April 1955 (ACCF/NYU).

Это было в апреле 1955 года. К маю в казне Комитета обнаружился грант в размере 4000 долларов от фонда «Азия» ЦРУ и 10 тысяч долларов от Фонда Фарфилда. Джоссельсон проиграл.

Артур Шлезингер теперь писал Корду Майеру плачевные письма с жалобами на «некоторых членов» Исполнительного комитета, которых из-за вновь обретённой щедрости ЦРУ раздувало от собственной значимости. Мейер в ответ объяснял: «Мы, конечно, не планируем какую-либо долгосрочную полномасштабную помощь, и недавно предоставленный единичный грант был результатом настоятельной просьбы непосредственно Сидни Хука и косвенно Нормана Томаса. Мы надеемся, что передышка, предоставленная этой помощью, может быть использована либо этими господами, либо другими разумными людьми для реорганизации Исполнительного комитета и разработки интеллектуальной программы. Если эта реорганизация в руководстве окажется невозможной, то нам, я думаю, придётся позволить Комитету умереть естественной смертью, хотя я думаю, что этот курс может привести к неприятным последствиям за рубежом». В конце письма Мейер поблагодарил Шлезингера за то, что тот «оказался выше бесполезных разговоров», и выразил предположение, что они скоро «детально обсудят всю проблему в целом» [528].

Стратегия Даллеса-Майера оказалась полностью ошибочной, как и опасался Джоссельсон. Дополнительные долларовые поступления только откладывали момент окончательного конфликта между «меткими стрелками» из Нью-Йорка и искушёнными участниками операции в Париже.

Менее чем через год взаимное недоверие и язвительность, которые впервые появились после набоковского Парижского фестиваля 1952 года, вылезли наружу. 26 марта 1956 года английская газета «Манчестер Гардиан» опубликовала письмо Бертрана Рассела, в котором говорилось о «зверствах ФБР в ходе судебного разбирательства над Розенбергами». Автор сравнил Америку с «другими полицейскими государствами, такими, как нацистская Германия и сталинская Россия». Джоссельсон немедленно отреагировал, предложив Ирвингу Кристолу найти «умного американского корреспондента в Лондоне», чтобы взять у Рассела интервью и «показать, что Рассел не видел никаких новых доказательств по делу Розенбергов, и что его заявление было основано на коммунистической пропаганде, которую он в силу своего возраста уже не может отличить от истины» [529].

---

[528]Cord Meyer to Arthur Schlesinger 16 May 1955 (SCHLES/BU). Хотя Шлезингер вспоминал только о неформальных отношениях со своими друзьями из ЦРУ в течение этих лет, его собственные архивы, хранящиеся в библиотеке Джона Ф. Кеннеди в Бостоне, свидетельствуют об их серьёзном участии. По всей видимости, Шлезингер придерживался линии Корда Мейера в Американском совете за свободу культуры, посылая ему протоколы с закрытых заседаний и в целом информируя о том, что происходит внутри организации. Насколько формальными были эти отношения - неясно, но в служебном письме Президенту Кеннеди Шлезингер позже признался, что периодически работал «консультантом ЦРУ» после окончания Второй мировой войны. Arthur Schlesinger. Subject: CIA Reorganization, 30 June 1961 (NSF/JFK).

[529]Michael Josselson to Irving Kristol. 1 April 1956 (CCF/CHI). Естественно, Расселл не был слабоумным, но он демонстрировал желание «жить до девяноста лет, чтобы иметь возможность заблуждаться». В представлении Джоссельсона Расселл не мог более говорить правильные вещи, и к 1963 г. он с надеждой интересовался, когда «этот «негодяй» окажет

В то время когда Джоссельсон готовился нивелировать обвинения Рассела с помощью тщательно построенного интервью, Американский комитет решил пойти в лобовую. Письмо протеста было направлено непосредственно Расселу. Его обвинили в «грубом отступлении от стандартов объективности и справедливости» и в оказании «существенной помощи врагам, с которыми он, как предполагалось, должен был вступить в бой». Расселу был задан вопрос: не приходило ли ему в голову рассмотреть «уместность ложных и безответственных заявлений о процессе осуществления правосудия в Соединенных Штатах из уст сторонников культурной свободы, в частности членов Конгресса за свободу культуры»? [530]

Не удивительно, что ответом Рассела на письмо стал его уход в отставку в качестве почётного председателя Конгресса. Джоссельсон был в ярости, и не в последнюю очередь потому, что письмо Расселу было «передано нам в самой безапелляционной форме». Это казалось немыслимо, что такое сообщение могло быть отправлено в любой другой филиал Конгресса без предварительного согласования с Джоссельсоном.

После созыва чрезвычайного кворума Исполнительного комитета в Париже Джоссельсон направил послание с официальным осуждением американского подразделения за его неспособность «проконсультироваться с нами во время осуществления внутри Конгресса мер, которые могут иметь серьёзные международные последствия» [531]. Было слишком поздно что-либо предпринимать для восстановления Рассела, чья четвёртая отставка из Конгресса уж точно была последней. В июне 1956 года его имя было удалено из всех штампов на документах Конгресса.

Однако проблемы на этом не закончились. Два месяца спустя прошение об отставке Джеймса Фаррелла с поста национального председателя Американского комитета появилось во всех газетах. Фаррелл был сложным человеком. Будучи общепризнанным антикоммунистом, он терпеть не мог многих нью-йоркских интеллектуалов, чьей излюбленной позой был «авангардизм Парк-авеню», который являлся лишь предлогом, чтобы не делать свою работу качественно. Фаррелл однажды уже уходил из политики; в письме Мейеру Шапиро в 1941 году он говорил: «Я понял, что сегодня в мире я могу сделать не так много, и есть достаточно людей, изображающих из себя государственных деятелей. Поэтому я предпочитаю сосредоточиться на своей работе» [532].

С другой стороны, перед искушением крестового похода против коммунизма было трудно устоять, и он взял руководство на себя, в конце концов, потерпев поражение не от коммунизма, а от мелкой бдительности своих коллег-крестоносцев. «Помешательство на каком-то одном предмете, - однажды предупреждал Джордж Оруэлл, - и страх произнесения ереси не дружат с творческими способностями».

нам услугу и умрёт». Michael Josselson to Edward Shus. 10 April 1963 (MJ/HRC).

[530]American Committee for Cultural Freedom, open letter to Bertrand Russell, New York Times, 6 April 1956 (ACCF/NYU).

[531]Congress for Cultural Freedom Executive Committee to American Committee for Cultural Freedom, 24 April 1956 (IB/GMC).

[532]James T. Farrell to Meyer Schapiro. 5 August 1941 (MS/COL).

Письмо Фаррелла об отставке пахло усталостью от холодной войны: «Мы никогда не были способны пустить наши корни глубоко в американскую жизнь. Мы не смогли внести достаточный вклад в борьбу против цензуры в нашей стране... настало время для всех, кто верит в дух свободы, предпринять новые усилия, направленные на достижение его возрождения... Мы постоянно балансируем по краю и рискуем превратиться в политический комитет со своими взглядами по вопросам внешней политики и многим другим вопросам. Таким образом, мы находимся перед угрозой смешения политики и культуры». Он также подчёркивал личную причину для отставки, которая была завуалированным предупреждением для других писателей о сущности Американского комитета: «Если я хочу писать лучше, то я должен уделять этому больше времени и учиться» [533].

Наверное, всё так бы и завершилось, но Фаррелл решил объявить о своей отставке сначала в «Нью-Йорк Таймс». В ночь на понедельник 27 августа 1956 года, по-видимому, изрядно разойдясь от алкоголя, он позвонил в редакцию. В своём прошении об отставке он критиковал неспособность Американского комитета к сплочению как массовой организации, беспомощность сделать что-либо с цензурой в Соединенных Штатах, невнимание к американским гражданским свободам и отношение к маккартизму. Принятием прошения об отставке Фаррелла занималась назначенная советом директоров Диана Триллинг. Ответ на это прошение она оформила в письме, наполненном ледяным презрением.

Новость об отставке Фаррелла привела Майкла Джоссельсона в Париже в неистовую ярость. Джоссельсон гневно писал: «Мы не можем понять, почему Комитет не использовал 24-часовой период между временем, когда г-жа Триллинг получила прошение, и временем, когда эта история попала в печать, чтобы заменить первоначальное заявление Джима Фаррелла на заявление об отставке, которое бы устраивало все заинтересованные стороны?» [534].

Поиграли и хватит. Когда Ирвинг Браун получил письмо с просьбой оплатить членские взносы в Американский комитет за три года, он попросту проигнорировал его. Юнки Флейшман отказался от своего места в совете в октябре 1956 года, обосновав это занятостью в парижской операции. 31 января 1957 года Сидни Хук написал Набокову о том, что Американский комитет «неохотно принял решение о приостановлении активной организационной деятельности» в связи с финансовыми трудностями.

---

[533] James T. Farrell. Letter of resignation, to Norman Jacobs, 28 August 1956 (MS/COL).
[534] Michael Josselson to Norman Thomas. 27 September 1956 (ACCF/NYU).

15. Команда Рэнсома

«Я утверждаю, что ЦРУ не только ведёт холодную войну в сфере культуры абстрактным и сугубо прагматическим образом, но и преследует строго установленные цели, имеющие вполне определённую эстетику: оно сражается за Высокую Культуру». Ричард Элман (Richard Elman)

В сентябре 1954 года Корд Мейер взял на себя руководство Отделом международных организаций вместо Тома Брейдена, который ушёл в отставку из ЦРУ [535] и переехал в Калифорнию, чтобы стать редактором газеты, купленной для него Нельсоном Рокфеллером. Мейер унаследовал подразделение, которое тогда обладало самой высокой концентрацией скрытой политической и пропагандистской деятельности в похожем к тому времени на осьминога ЦРУ [536].

Более того, происходило всё это в атмосфере, чрезвычайно благоприятной для тайных операций. В сверхсекретном докладе, представленном президенту Эйзенхауэру в том же месяце, говорилось: «В рамках национальной политики ещё одним важным требованием является агрессивная тайная психологическая, политическая и полувоенная организация - более эффективная, более уникальная и, если необходимо, более безжалостная, чем та, которой пользуется противник. Никому не должно быть позволено стоять на пути скорейшего, эффективного и надёжного выполнения этой задачи.

Теперь становится ясно, что мы стоим перед лицом непримиримого врага, явной целью которого является мировое господство любыми средствами и любой ценой. В такой игре нет правил. Ранее применявшиеся нормы человеческого поведения в данном случае не подходят. Если США хотят выжить, давняя американская концепция «честной игры» должна быть пересмотрена... Возможно, необходимо, чтобы американский народ ознакомился, понял и поддержал эту глубоко противоречивую философию» [537].

Тем не менее, важность Отдела по международным организациям не всегда отражалась в запале его сотрудников. Том Брейден изо всех сил старался воодушевить своего помощника, но сталкивался с полным безразличием. «Его звали лейтенант Баффингтон (Buffington). Он оставил кучу записок, но ничего не делал, - рассказывал Брейден. - Он был пустой тратой времени, ничего не делал весь день. Он приходил в девять, вешал шляпу, читал «Нью-Йорк Таймс», а затем уходил домой» [538].

Отслеживая в шутку генеалогию случайных сотрудников, прибывавших в Париж, Джоссельсон и его близкие друзья называли их Георг I, Георг II,

---

[535]«Однажды став человеком ЦРУ, ты всегда в ЦРУ» — гласит лозунг. Процесс, при котором люди, покинувшие ЦРУ, продолжают оставаться верными (и полезными) организации, известен как «погружение овечки». Тем не менее, многие позже признавали, что Брейден якобы не соответствовал этому архетипу, он, по сути, был доносчиком.

[536]Final Report of the Church Committee, 1976.

[537]Doolittle Study Group on Foreign Intelligence. Цитата из Stephen Whitfield. The Culture of the Cold War.

[538]Tom Braden. Interview, Virginia, August 1996.

Георг III и так далее. Георгом IV был Ли Уильямс, также в шутку известный как Дешёвый (Nickel and Dime; игра слов с его служебным псевдонимом) и намного реже как «мистер Рочестер». Уильямс произвёл лучшее впечатление, чем большинство его предшественников, доблестно разделявших две культуры стремительно обюрокрачивавшегося ЦРУ и Конгресса, который представлялся более богемным.

«Я вспоминаю поездку на машине по Парижу вместе с Кордом {Мейером) после встречи с Майком, когда Корд повернулся ко мне и сказал: «Вы знаете, Ли, вы действительно нравитесь Майку», - вспоминал Уильямс. - Сукин сын! Как будто он был удивлён. Я нравился Майку, потому что никогда не пытался учить его, как выполнять его работу - я сидел у его ног, я был почтителен к нему» [539]. Однако настоящим союзником Джоссельсона был Лоуренс де Новилль, который после 10 лет работы в Европе захотел отправиться домой. Получив новое «прикрытие» в нью-йоркском офисе радио «Свободная Европа», он покинул Париж в конце 1953 года.

С де Новиллем работать было нелегко, и после его ухода Джоссельсон всё больше и больше стал думать об оперативных сотрудниках Конгресса как о «мальчиках-посыльных». «Вначале ребята из ЦРУ представлялись хорошими, интересными, благородными людьми, такими как Лоуренс де Новилль, - рассказывала Диана Джоссельсон. - Но потом они постепенно начали портить впечатление о себе, и Майклу стали нравиться меньше. Когда появлялись новые оперативные сотрудники, Майкл, как я могла заметить, пытался отвязаться от них, но они были очень цепкими. Майкл никогда не предлагал им самостоятельной работы. Он дружил с ними, расспрашивал об их семьях, карьере, и мне представлялось, что они восхищались им, но Майкл был полон решимости защищать Конгресс от Управления и не допускать возможности предания взаимоотношений огласке» [540].

По словам Дианы, отношения между Майклом и его коллегами из Управления стали всё больше напоминать бессмысленную и глупую возню. «Они хотели показать Майклу, что находятся под его контролем; Майкл, вероятно, приветствовал возможность информировать их о ходе дел, помогая сохранить иллюзию».

Диана, которая услужливо подносила оперативникам коктейли с мартини, когда те приходили к ним домой, позже характеризовала их как «неизбежное зло». «Для меня они представляли значение меньшее, чем моя горничная» [541].

Корду Мейеру с трудом удавалось привлекать в своё подразделение сотрудников Управления. Это было одной из проблем. Не то чтобы существовал недостаток подходящих кандидатов. К середине 1960-х годов ЦРУ хвасталось тем, что может укомплектовать любой колледж штатом своих аналитиков, 50% которых обладали учёными и 30% докторскими степенями. Всё это побудило одного из чиновников Госдепартамента

[539]Lee Williams. Interview, Washington, July 1996.
[540]Diana Josselson. Interview, Geneva, May 1996.
[541]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

заявить: «В ЦРУ больше либерально настроенных интеллектуалов на квадратный дюйм, чем где-либо ещё в правительстве». Но этот тип сотрудников присоединился к Управлению не для того, чтобы заниматься тем же, что они могли делать на территории кампуса.

Они искали приключений, а не работу следить за людьми, которых могли повстречать только на званых приёмах. «На людей в Отделе по международным организациям великое множество сотрудников ЦРУ смотрело как на своего рода бездельников. Так считали особенно те, кто был уверен, что нам следует заниматься тяжёлой разведывательной работой, вербовкой шпионов и добыванием документов, а всё остальное просто ерунда» [542], - говорил сотрудник ЦРУ Дональд Джеймсон. «Некоторые люди в ЦРУ считали, что не следует тратить деньги на всех этих левых» [543], - подтверждал Лоуренс де Новилль. Поэтому Корд Мейер начал поиски в других местах.

«Корд отличался уникальными интеллектуальными способностями, - говорил Ли Уильямс. - Он был вхож в интеллектуальные круги Америки и пользовался огромным уважением в литературных кругах» [544]. Поступив в Йельский университет в 1939 году, Мейер изучал английскую поэзию «от метафизических поэтов XVII века до современной поэзии Йетса и Т.С. Элиота под руководством профессора Мейнарда Мака (Maynard Mack), который оставил нам неизменное уважение к изящному величию поэтических достижений и посеял в некоторых из нас желание писать стихи» [545]. Мейер пробовал свои силы в поэзии, публикуя некоторые «неплохие» стихи в университетском журнале «Йель Лит» (Yale Lit), редактором которого стал впоследствии.

В 1942 году Мейер защитил с отличием диплом в области английской литературы. Его литературные амбиции были сорваны войной, в которой погиб его брат-близнец, а он сам потерял глаз на Гуаме, когда у его ног разорвалась японская граната (это объясняет, что впоследствии в ЦРУ у него был псевдоним Циклоп). С того времени он написал несколько статей, а в 1980 году мемуары под названием «Считаясь с действительностью» (Facing Reality).

Будучи редактором «Йель Лит», Мейер следовал по стопам Джеймса Джизуса Англтона, легендарного шефа контрразведки ЦРУ. Литературно образованный радикал Англтон привёл Эзру Паунда (Ezra Pound) в Йельский университет и в 1939 году основал журнал стихов «Фурьосо» (Furioso; его имя как редактора появлялось на страницах журнала даже в то время, когда он был шефом контрразведки в Риме). Англтон был частью важного звена, которое позже стало известным как «источник П» («П» означало «профессор»), что указывало на связь Управления с «Лигой плюща». Видным членом «источника П» был Уильям Слоун Коффин (William Sloane

---

[542]Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994.
[543]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.
[544]Lee Williams. Interview, Washington, July 1996.
[545]Cord Meyer. Facing Reality.

Coffin), выпускник Йельского университета, завербованный Алленом Даллесом.

Вспоминая о своём решении присоединиться к Управлению, Коффин позднее заявил: «Сталин заставил Гитлера выглядеть бойскаутом. Я придерживался решительных антисоветских взглядов. С такими мыслями в голове я наблюдал за развитием войны в Корее. Но не следил за ней слишком пристально и не ставил под сомнение причины. Когда в 1949 году я окончил Йельский университет, то думал идти в ЦРУ, но вместо этого пошёл в семинарию. Спустя год пребывания в Объединенной теологической семинарии (Union Theological Seminary), когда угроза войны с Советским Союзом казалась реальной, я ушёл из семинарии, чтобы поступить на службу в ЦРУ, надеясь быть полезным во время войны. ЦРУ финансировало некоммунистических левых, но это не накладывало жёстких обязательств. В те дни у меня не было возражений по поводу американской политики, но, оглядываясь назад, могу сказать, что я не был столь невинным и незапятнанным» [546].

Среди новобранцев из «Лиги плюща» Коффина были Арчи Рузвельт (Archie Roosevelt), читавший лекции по английскому языку в Гарварде под руководством известного главы Уодхэм-колледжа (Wadham College) Мориса Боуры (Maurice Bowra), прибывшего по обмену из Оксфорда на год, и двоюродный брат Арчи - Кермит «Ким» Рузвельт, который окончил школу Гротон и Гарвардский университет несколькими годами ранее.

Ещё одним важным связником «Лиги плюща» - и миниатюрным изображением «источника П» - был профессор Норман Холмс Пирсон (Norman Holmes Pearson), уважаемый гуманист, известный своей редакторской работой над пятитомником «Поэты, пишущие на английском» (Poets of the English Language) при участии У.Х. Одена, член правления Американской ассоциации американистики и Американской ассоциации современных языков, куратор Фонда Брайхера (Bryher Foundation) и управляющий наследственным имуществом поэтессы Х.Д. (Хильды Дулитл).

Пирсон был также давним продуктом УСС-ЦРУ. Он воспитал многих из наиболее перспективных умов Йельского университета, включая Англтона и Ричарда Эллманна, которых завербовал для работы в УСС [547]. Сам же он работал с X-2 - контрразведывательным подразделением УСС, действовавшим в Лондоне во время войны под управлением Кима Филби, который позже назвал Пирсона «наивным». Пирсон руководил в военное время сбором досье на множество вражеских агентов и организаций, то есть занимался тем, что, «по его мнению, должно быть продолжено после войны, несмотря на то что это оскорбляет традиционные джефферсоновские государственные нормы и принципы». «Такие замшелые возражения...

[546]William Sloane Coffin. Цитата из Jessica Mitford. The Trial of Dr. Spock, the Rev. William Sloane Coffin, Jr., Michael Ferber, Mitchell Goodman and Marcus Raskin (London: Macdonald, 374 1969). Позже Коффин вернулся к своей изначальной профессии и стал священником в Йельском университете.
[547]William Corson. The Armies of Ignorance: The Rise of the American Intelligence Empire (New York: Dial Press, 1997).

быстро отметались, поскольку понятие «враг» приобрело значение, не связанное с такими предрассудками» [548].

Вернувшись в Йель, он руководил «продвижением американистики внутри страны и за рубежом». «Как и зарубежные исследования, эта новая дисциплина была наполнена чётким имперским посылом, который позволял нам понять уникальное соответствие нашей послевоенной роли мирового хозяина и правителя и поощрял тонкую оценку нашего культурного совершенства среди тех, кем мы правим» [549]. Этой точке зрения соответствовало и предисловие Пирсона к райнхартовскому изданию Торо «Уолден», где он минимизировал радикализм великого американского индивидуалиста и стремился избавить его от любых ассоциаций с анархией, подчёркивая, что его труды были направлены в поддержку лучшего государственного управления, «символа индивидуальной свободы, на котором, как нам хотелось бы думать, зиждется американский образ жизни».

Самым известным протеже Пирсона был Джеймс Джизус Англтон, который родился в штате Айдахо в 1917 году. Подростком Англтон был отправлен в колледж Малверн (Malvern College) в графстве Вустершир, где он работал над тем, чтобы стать «большим англичанином, чем сами англичане. Он впитал любезность и хорошие манеры Старого Света, которые никогда не покидали его. Действительно, годы, проведённые им в Европе (на праздники он ездил в Италию), скрывали его сущность янки и позволили приобрести лёгкий английский акцент» [550]. С 1937 по 1941 год он учился в Йельском университете, где работал над «Йель Лит» вместе с будущим помощником Президента США по вопросам национальной безопасности МакДжорджем Банди, будущим редактором научного отдела «Нью-Йорк Таймс» Уолтером Салливаном (Walter Sullivan) и поэтом Э. Ридом Уитмором-младшим (E. Reed Whittemore Jr.).

В 1938 году Англтон встретил Эзру Паунда в Рапалло, после чего они стали близкими друзьями. Паунд позже описывал его как «одну из самых больших надежд американских литературных журналов». Своим завещанием 1949 года Англтон оставил для Эзры Паунда и других друзей-поэтов из журнала «Фурьосо» «сосуд хорошего настроения», подкрепив свои убеждения следующими словами: «Я могу сказать это сейчас, что верю в дух Христа и вечную жизнь и в эту беспокойную социальную систему, которая иногда слепо борется за сохранение права на свободу и выражение духа. С именем Иисуса Христа я оставляю вас». Несмотря на эти сентиментальные настроения, Рид Уитмор вспоминал, что Англтон (чья мать была мексиканкой) был смущён своим вторым именем, потому как «оно не предполагало его происхождения из английского высшего класса, то есть не соответствовало избранному им для себя образу» [551].

---

[548]Doug Henwood. Spooks in Blue, Grand Street, vol. 7/3, Spring 1998.
[549]Там же.
[550]Tom Mangold. Cold Warrior: James Jesus Angleton, The CIA's Master Spy Hunter (New York: Simon & Schuster, 1991).
[551]Там же.

Давний сотрудник УСС Англтон привнёс свои таланты в ЦРУ, где, похоже, развил безграничные способности к коварным интригам. Его первым крупным успехом стало управление тайной кампанией Вашингтона по обеспечению победы христианских демократов на выборах в Италии в 1948 году.

Эта кампания, за которой активно следили и поддерживали Джордж Кеннан и Аллен Даллес, стала первым успехом Америки в политической холодной войне. По свидетельству Кима Филби, в 1949 году Англтон был назначен начальником Управления ЦРУ по специальным операциям. В течение 20 лет он возглавлял аппарат контрразведки Управления (Agency's Counterintelligence Staff), а с 1954 года отвечал за все контакты с разведслужбами союзников. Он также руководил полностью независимой группой журналистов-оперативников, которые выполняли деликатные и часто опасные задания. Тогдашние сотрудники ЦРУ ничего не знали об этой группе, работавшей под глубоким прикрытием, чьи секреты Англтон держал запертыми в сейфе своего кабинета, к которому только он имел доступ.

Опытный специалист по выращиванию диких орхидей (его образ послужил прототипом «Матери» в «новелле с ключом» Аарона Латама «Орхидеи для матери»), рыбак мирового класса по ловле нахлыстом, фотограф со своими публикациями, умелый работник по драгоценным камням и коже, поклонник итальянской оперы, Пола Ньюмана, Роберта Редфорда, Марлона Брандо, Питера Селлерса, Ширли Маклейн, матчей по крикету и европейского футбола, Англтон был необыкновенной и разносторонней личностью. Клэр Бут Люс (Clare Booth Luce) однажды сказала ему: «Нет сомнений, что вы самая интересная и увлекательная фигура, которую произвёл на свет мир разведки. Вы живая легенда» [552].

Ростом в шесть футов, всегда одетый в тёмную одежду, Англтон, как говорил один поклонник, «выглядел как Байрон - очень худой со впалыми щеками». Он был воплощением образа поэта-шпиона, источником вдохновения для многих романтических мифов о ЦРУ как о продолжении американской либеральной литературной традиции.

Разветвлённая сеть контактов «источника П» Корда Мейера привела его в колледж Кеньон, где учились его любимые поэты Аллен Тейт и Джон Кроу Рэнсом. Именно здесь в 1938 году Рэнсом основал журнал «Кеньон Ревью» (Kenyon Review), который сформировал литературную восприимчивость поколения, его престижное творение, обеспечивавшее ему важное место в культурном индексе Доу-Джонса захолустного городка Кеньон. Здесь же в 1938 году в Дугласс-хаусе, деревянном здании в готическом стиле, посредине кампуса проживала группа талантливых людей. Здание представляло собой идеальный «уединённый дом» для прилежных и эксцентричных поэтических протеже Джона Кроу Рэнсома. Известная как «команда Рэнсома», эта группа включала в себя Роби Маколея (Robie Macauley), Рэндалла Джаррелла (Randall Jarrell), Джона Томпсона, Дэвида

[552]Clare Booth Luce. Цитата из Тот Mangold. Там же.

Макдауэлла (Dawid Macdowell), Питера Тейлора (Peter Taylor) и более старшего по возрасту Роберта Лоуэлла [553].

Будучи студентом колледжа Оливет (Olivet College) в штате Мичиган в 1937 году, Роби Маколей посещал лекции Кэтрин Энн Портер и Аллена Тейта. Ему удалось лицезреть Форда Мэдокса Форда, слонявшегося по кампусу, словно «ветеран забытых войн на пенсии». Позднее Маколей напишет предисловие к изданию 1961 года романа Форда «Конец парада». Во время войны Маколей четыре года служил в отделе разведки и безопасности Службы контрразведки ВС США в должности специального агента, выслеживавшего нацистов. Позже он поделился своим опытом в сборнике рассказов «Конец жалости», отмеченном премией журнала «Фурьосо» в области художественной прозы.

После окончания аспирантуры в Университете Айовы Маколей возвратился в колледж Кеньон, чтобы присоединиться к Джону Кроу Рэнсому в качестве помощника по журналу «Кеньон Ревью». В августе 1953 года Рэнсом сказал коллеге, что у него «большие надежды сделать Роби членом научного сообщества, если он не уйдёт работать в ЦРУ, что, как я слышал, он собирается предпринять» [554]. Корд Мейер лично предложил Маколею работу в Отделе по международным организациям. Поразмышляв над предложением всё лето, Маколей согласился. «Я полагаю, что Корд завербовал его для работы с Джоссельсоном в качестве оперативного сотрудника, потому что думал, что тот может говорить нужные вещи», - отметил Ли Уилльямс [555].

Мейер заполучил второго члена в команду Рэнсома, завербовав Джона «Джека» Томпсона, который в 1956 году стал исполнительным директором Фонда Фарфилда. По контракту с ЦРУ Томпсон занимал эту должность более 10 лет. После Кеньона Томпсон уже являлся автором ряда научных статей и обладал определённой степенью влияния среди нью-йоркских литераторов. «Его подобрал Джон Кроу Рэнсом и группа поэтической школы «Фьюджитив» (The Fugitive Group), а потом Лайонел и Диана Триллинг в Нью-Йорке, где Томпсон преподавал английский язык в Колумбийском университете, - вспоминал его близкий друг Джейсон Эпштейн. - Чета Триллингов, фантастические снобы, была одержима Томпсоном и его женой.

Поэтому Триллинг и выдвинул Джека на пост директора Фонда Фарфилда, вероятно, потому что он {Триллинг) надеялся получать с него деньги для Американского комитета за свободу культуры» [556]. В то время всё это казалось Томпсону хорошей идеей. «КГБ тратил миллионы, - говорил он, - но у нас тоже были друзья. Мы знали, кто чего заслуживает, а кто нет, мы знали, что лучше, и старались избегать стандартного демократического дерьма, когда средства уходят одному еврею, одному чёрному, одной женщине или одному южанину. Мы хотели достучаться до наших друзей,

---

[553]Jan Hamilton. Robert Lowell: A Biography (New York: Random House, 1982).
[554]John Crowe Ransom to David McDowell. 11 August 1953 (RH/COL). Безразличие Рэнсома по поводу новостей о предложении работы его протеже в ЦРУ свидетельствует о том, что он вполне мог быть официально неформальным контактом Мейера в Кеньоне.
[555]Lee Williams. Interview, Washington, July 1996.
[556]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.

помочь им - людям, которые согласились с нами и пытаются делать хорошие вещи» [557]. Несмотря на долгосрочное сотрудничество Томпсона с ЦРУ, в разделе «Политика» одного из изданий Справочника американских профессоров напротив его фамилии стояла пометка «радикал».

Помимо Томпсона и Маколея в группе студентов, проживавших в Дугласс-хаусе, был ещё один, которого Корд Мейер записал в свой «актив». Правда, привело это к провальным и местами анекдотичным последствиям. Для Рэнсома этот человек был «больше, чем просто студент, он был как сын». Его звали Роберт Лоуэлл.

Корд Мейер пополнил свой список новобранцев молодым писателем-романистом Джоном Хантом (John Hunt), которого отыскал в менее престижных классах небольшой экспериментальной школы для мальчиков в Сент-Луисе, штат Миссури. Хант родился в Маскоги, штат Оклахома, в 1925 году. Перед тем как пойти служить в Корпус морской пехоты в 1943 году, он посещал школу Лоренсвилль (Lawrenceville School) штата Нью-Джерси. Демобилизовавшись в 1946-м в звании второго лейтенанта, он в том же году поступил в Гарвард. Там он был редактором «Прогрессивных студентов» (Student Progressive), издания Либерального союза Гарвардского университета. В 1948 году Хант окончил Гарвард по основной специальности «английская литература» и второй - «греческий язык», осенью того же года женился и переехал в Париж, где начал писать художественную прозу и посещать занятия в Сорбонне. Хант оказался очарован и восхищён хемингуэевскими взглядами на жизнь американца в Париже. После рождения дочери в июле 1949 года он вернулся в США, чтобы ввести писательские семинары в Университете Айовы, где также преподавал на кафедре классической литературы. Там он и встретил Роби Маколея.

В 1951 году Хант присоединился к профессорско-преподавательскому составу школы Томаса Джефферсона в Сент-Луисе, где оставался до июня 1955 года. «Поколения людей» (Generations of Men), роман, который он начал в Париже, был принят к публикации издательством «Атлантик Литтл Браун» (Atlantic Little Brown). Примерно в это же время Мейер завербовал Ханта в качестве оперативного сотрудника Конгресса за свободу культуры.

Напряжённая работа и живой темперамент Майкла Джоссельсона стали оказывать негативный эффект на его здоровье, и в октябре 1955 года в возрасте 47 лет он перенёс свой первый инфаркт. Для облегчения нагрузки Мейер решил отправить к нему второго лейтенанта Джона Ханта. Затем последовала личная беседа Ханта с Джоссельсоном, у которого на руках уже были его биография и кипа блестящих рекомендаций. Джон Фаррар (John Farrar) из издательства «Фаррар Страус» рекомендовал Ханта за его «администраторские способности, холодный рассудок и чувство ответственности за всё, во что мы верим». Тимоти Фут (Timothy Foote), помощник редактора парижского отделения «Тайм-Лайф», был уверен, что Хант будет «чрезвычайно полезен практически в любых разумных мероприятиях», добавив, что «он твёрдо верит в американскую

[557]John Thompson. Цитата из Richard Elman. The Aesthetics of the CIA (unpublished manuscript).

ответственность за границей, но не считает, что Соединенные Штаты должны извиняться за свои усилия или влияние в зарубежных странах» [558]. Пройдя собеседование с Джоссельсоном в феврале 1956 года, Хант был вскоре официально назначен в секретариат Конгресса.

Можно лишь предполагать, что резюме и рекомендательные письма были лишь частью прикрытия Ханта, которые полезно иметь в личном деле для создания видимости, что назначение было совершенно законно. Для Ханта Конгресс был подобен морям Мелвилла - «мой Йельский колледж и мой Гарвардский университет» (речь идёт о Германе Мелвилле, американском писателе, поэте и моряке, авторе классического морского романа «Моби Дик». - Прим. ред.). Хотя Ханти не мог рассчитывать на такой авторитет, которого добился Джоссельсон за годы старательного и добросовестного управления как денежными потоками, так и людьми с капризными нравами, Конгресс всё же выигрывал от вливания свежей крови. Приход новобранцев Мейера стал сигналом к началу новой эпохи в отношениях Конгресса с ЦРУ.

Трудности с нехваткой оперативных сотрудников, подходящих для работы, закончились. Джоссельсон теперь был обеспечен помощниками, которые по своим интеллектуальным способностям соответствовали требованиям Конгресса. Джоссельсон и Маколей, в частности, сработались лучше всего. Они нередко устраивали автомобильные поездки вместе со своими жёнами. Иногда к ним присоединялись Хант и его жена. На фотографиях они выглядят загорелыми и расслабленными. С красивыми спортивными стрижками, в брюках из прочной хлопчатобумажной ткани и в солнечных очках в чёрной оправе Маколей и Хант смотрятся типичными американцами 1950-х. Возвращаясь на работу, они часто делились шутками по поводу расходов Управления. Когда вновь прибывший агент ЦРУ Скотт Чарлз (Scott Charles) признался им, что в случае обнаружения слежки за собой он каждый день идёт в офис другим маршрутом, Джоссельсон, Маколей и Хант нашли это необычайно смешным.

«Роби Маколей никогда не думал, как они, и не действовал, как они. Он не был циничным или изворотливым, - рассказывала Диана Джоссельсон, которая дружила с четой Маколеев с 1941 года. - Только одна вещь была неправильной в его отношениях с Майклом. Она заключалась в том, что он никак не реагировал, когда тот сердито спрашивал или сердито объяснял какую-либо ситуацию. Майкл начинал сердиться ещё больше, его артериальное давление возрастало, он повторял сказанное вновь, а Роби просто сидел и ничего не говорил. Я сказала ему однажды, что он неправильно обращается с Майклом, он должен что-то сказать и не позволять Майклу исходить паром таким образом» [559].

Тот азарт, с которым Мейер вербовал сотрудников, демонстрировал его укрепившуюся приверженность Конгрессу, но вызывал смешанные чувства.

Прибытие Уоррена Мэншела (Warren Manshel) в 1954 году, к примеру, вызвало негодование Джоссельсона, который считал, что присутствие

[558]Timothy Foote to Michael Josselson. 5 March 1956 (CCF/CHI).
[559]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

Управления в рамках аппарата Конгресса становится непропорциональным. Диана Джоссельсон рассказывала, что Мэншел «был отправлен из ЦРУ для того, чтобы докладывать о Конгрессе... Его подсунули Майклу, которому пришлось искать для него хоть какое-то прикрытие. Существовала практика перемешивания новых сотрудников с постоянным составом для расширения взаимоотношений, и Майклу в итоге пришлось просто смириться с ним» [560]. Он также должен был смириться с присутствием Скотта Чарлза, который был назначен в Парижский офис в качестве аудитора. «Он скорее нравился мне, - рассказывала Диана. - Позже, после смерти Майкла, я редактировала его путеводитель по Женеве» [561].

К середине 1950-х годов Джоссельсон ассоциировал себя в первую очередь с Конгрессом, чьи потребности он инстинктивно ставил выше, чем потребности ЦРУ. Он чувствовал, что Конгресс нуждается в Управлении только из-за денег (и Корд Мейер закрывал глаза на эти доллары, назначив бухгалтера ЦРУ Кена Дональдсона (Ken Donaldson) в Конгресс в качестве своего лондонского «генерального финансового инспектора»). Джоссельсон даже пытался освободить Конгресс от финансовой зависимости от Управления, завязывая дружеские отношения с Фондом Форда. Так как Форд уже профинансировал Конгресс на сумму в несколько миллионов долларов в середине 1950-х годов, вполне разумно было ожидать, что он рассмотрит вопрос о полном финансовом обеспечении Конгресса. Но Управление отказалось уступить контроль над Конгрессом, и переговоры Джоссельсона с Фондом Форда были обречены с самого начала.

Присутствие ЦРУ в культурной жизни рассматриваемого периода было не только явственным, но и стало возрастать. В своих письмах из Нью-Йорка Лоуренсде Новилль делился с Джоссельсоном своими идеями для обсуждения их в журнале «Инкаунтер», в том числе предлагал такую тему, как «совесть отдельного человека в противовес требованиям иерархии», которую Джоссельсон поспешно рекомендовал Спендеру и Кристолу. Они, по-видимому, не знали об особом интересе Джоссельсона к этой запутанной теме. Другие сотрудники Управления были не в состоянии противостоять притяжению пера. Джек Томпсон продолжал писать для научных журналов, таких как «Хадсон Ревью» (Hudson Review), а в 1961 году он опубликовал блестящую работу по английской поэзии «Основа ритмической структуры английского стиха» (The Founding of English Metre). Роби Маколей писал для «Кеньон Ревью», «Нью Рипаблик» (The New Republic), «Айриш Юниверсити Ревью» (The Irish University Review), «Партизан Ревью» и «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью» (The New York Times Book Review). Во время службы в ЦРУ он продолжал писать художественную прозу. В 1954 году вышла книга «Маски любви» (The Disguises of Love), а в 1958-м - «Конец жалости и другие рассказы» (The End of Pity and Other Stories).

Лондонское издательство «Ходдер и Стаугтон» (Hodder and Stoughton) опубликовало книгу об Афганистане Эдварда С. Хантера (Edward S. Hunter), ещё одного сотрудника ЦРУ, который под личиной свободного, внештатного литератора скитался по Центральной Азии в течение многих лет. Фредерик

[560]Там же.
[561]Там же.

Прагер (Frederick Praeger), пропагандист американской военной администрации в послевоенной Германии, опубликовал около 20-25 томов всевозможных трудов, в написании, издании или даже распространении которых ЦРУ было заинтересовано. Прагер рассказывал, что они (люди из ЦРУ) либо напрямую возмещали ему расходы на публикацию, либо гарантировали, как правило, через фонд, покупку достаточного количества экземпляров, чтобы сделать книгу окупаемой.

«Книги отличаются от всех других средств пропаганды, - писал начальник Отдела тайных операций (Covert Action Staff) ЦРУ, - в первую очередь потому, что одна книга может изменить отношение читателя и его дальнейшие действия до такой степени, какой невозможно достичь с помощью другого средства. {Таким образом) книжное производство становится самым важным орудием стратегической (долгосрочной) пропаганды» [562]. Тайная программа книгоиздательства была запущена ЦРУ, по словам того же источника, со следующими целями: «Добиваться издания книг и их распространения за рубежом, не раскрывая какого-либо влияния со стороны США, путём тайного субсидирования зарубежных изданий или книжных магазинов. Добиваться издания книг, «незараженных» какой-либо открытой формой привязки к правительству США, особенно если позиция автора является «деликатной».

Добиваться издания книг, руководствуясь оперативными соображениями, независимо от рентабельности этих книг. Стимулировать и субсидировать местные национальные или международные организации для публикации и распространения книг. Стимулировать написание политически значимых книг неизвестными иностранными авторами - либо путём прямого финансирования автора, если возможны тайные контакты с ним, либо косвенно, через литературных агентов и издателей» [563].

В 1977 году «Нью-Йорк Таймс» утверждала, что ЦРУ было причастно к изданию по крайней мере тысячи книг [564]. ЦРУ никогда не предавало огласке список публикаций, готовящихся к печати с его помощью, но известно, что книги, в которых Управление принимало участие, включают в себя: «Венгерскую революцию» (La Revolution Hongroise) Ласки, переводы поэм «Бесплодная земля» (The Waste Land) и «Четыре квартета» (Four Quartets) Т.С. Элиота и, естественно, те книги, которые публиковали Конгресс за свободу культуры или его филиалы, в том числе сборники стихов «Прошлое в настоящем: борьба идей от Кельвина до Руссо» (Le Passe Present: Combats d'idees de Calvin a Rousseau) Герберта Люти (Herbert Luthy), «На полпути к Луне: Новые письма из России» (Half-Way to the Moon: New Writing from Russia) Патрисии Блейк («Инкаунтер Бук», 1964), «Литература и революция в Советской России» (Literature and Revolution in Soviet Russia) под редакцией Макса Хэйварда и Леопольда Лабедза (Max Hayward, Leopold Labedz; «Оксфорд Юниверсити Пресс», 1963), «История и надежда: прогресс в свободе» (History and Hope: Progress in Freedom) Кота Желенски (Kot Jelenski), «Искусство строить догадки» (The Art of Conjecture)

[562]Chief of Covert Action Staff. CIA. Цитата из Final Report of the Church Committee, 1976.
[563]Там же.
[564]New York Times, 25 December 1977.

и «Сотня цветов» (The Hundred Flowers) Бертрана де Жувенеля (Bertrandde Joywenel) под редакцией Родерика Макфаркуара (Roderick MacFarquhar), автобиографический роман Николо Тучи (Nicolo Tucci) «До меня» (Before My Time), «Итальянцы» (The Italians) Барзини (Barzini), «Доктор Живаго» Пастернака и новые издания «Государя» (The Prince) Макиавелли. Работы Чехова были переведены на многие языки и изданы фирмой «Чехов Паблишинг Компани» (Chekhov Publishing Company), которая тайно финансировалась ЦРУ.

Помимо Джона Ханта, чьё изначальное призвание - писательский труд, было ещё несколько активно пишущих романистов, которыми гордилось ЦРУ.

Выпускник Йельского университета Питер Маттьессен (Peter Matthiessen), ставший впоследствии знаменитым благодаря своей книге «Снежный барс» (The Snow Leopard), основал в Париже журнал «Пэрис Ревью» и писал для него статьи. Работая на ЦРУ, он написал роман «Партизаны» (Partisans). Ещё одним новобранцем Корда Мейера был Чарлз Маккэрри (Charles McCarry), которого позже считали своего рода ответом Америки на английского писателя Джона Ле Карре (John le Carre). Помимо него был Джеймс Мичнер (James Michener), который за свою долгую, отмеченную Управлением в благоприятном ключе, карьеру написал кучу блокбастеров с такими скромными названиями, как «Польша», «Аляска», «Техас», «Космос». В середине 1950-х годов Мичнер использовал карьеру писателя для прикрытия своей работы по устранению радикалов, которые просочились в одну из операций ЦРУ в Азии. Для этого он был направлен в фонд «Азия» (Asia Foundation), финансировавшийся ЦРУ.

Позднее он сказал, что «писатель никогда не должен служить секретным агентом какой-то структуры или кого бы то ни было».

Потом был Говард Хант, автор романов «К Востоку от прощаний» (East of Farewell), «Граница тьмы» (Limit of Darkness) и «Незнакомец в городе» (Stranger in Town), за который он получил премию Гугенхайма. Когда Хант работал на Управление координации политики (УКП), которое возглавлял Фрэнк Уизнер, ему поручили выпустить несколько оригинальных изданий в бумажной обложке через издательскую компанию «Фосетт» (Fawcett Publishing Corporation). В Мексике он отвечал за издание книги «Жизнь и смерть в СССР» (Life and Death in the USSR) марксистского писателя-интеллектуала Эль Кампесино (El Campesino), первого из латиноамериканских писателей, кто поведал о терроре сталинистов. Книга была переведена на многие языки и распространялась с помощью ЦРУ. Он также поручил оперативнику Уильяму Бакли оказать помощь ещё одному чилийскому интеллектуалу, марксисту Эудохио Равинесу (Eudocio Ravines) закончить его не менее важную книгу «Путь Енань» (The Yenan Way).

В конце 1961 года Говард Хант присоединился к вновь созданному Отделу внутренних операций (Domestic Operations Division), во главе которого стоял Чарлз Трейси Бэрнс (Charles Tracy Barnes). Бэрнс, который являлся также заместителем директора Совета по психологической стратегии (Psychological Strategy Board), был активным сторонником

использования литературы в качестве оружия антикоммунистической пропаганды и упорно трудился над укреплением издательской программы ЦРУ. «Новый отдел взял под своё крыло как персонал, так и проекты, невостребованные другими подразделениями ЦРУ, - писал позднее Говард Хант. - А те проекты по тайным операциям, которые перешли ко мне, были почти полностью связаны с издательской деятельностью и публикациями. Мы финансировали «важные» книги, как, например, «Новый класс» (The New Class) Милована Джиласа (исследование коммунистических олигархий), издание которых поддерживала издательская компания Фредерика Прагера» [565].

«Под разными псевдонимами я помогал в написании нескольких романов, положительно отзывавшихся о ЦРУ, а также курировал одну или две научные работы, не говоря уже о написании журнальных статей о новой враждебности старой коммунистической угрозы», - рассказывал Гарри Хаббард (Harry Hubbard) в «Призраке проститутки» (Harlot's Ghost) Нормана Мейлера. Агенты ЦРУ оказали своё влияние даже на путеводители. Некоторые из агентов перемещались по Европе со знаменитыми путеводителями Фодора, пользуясь ими как прикрытием.

Сам Юджин Фодор (Eugene Fodor), бывший лейтенант армии США и офицер УСС, позже защищал эту практику, заявив, что деятельность ЦРУ «была высокопрофессиональной, высококачественной. Мы никогда не допускали контрабанду политики в книгах» [566] (в 1949 г. в Париже американец венгерского происхождения Юджин Фодор основал издательскую фирму «Фодорс», которая стала выпускать справочники по туризму и путеводители Фодора и со временем превратилась в одну из крупнейших в мире компаний, предоставляющий информацию по туризму и путешествиям на английском языке. - Прим. ред.).

Исполнительный помощник директора ЦРУ Лиман Киркпатрик каждый год писал статьи для раздела «Армии мира» в Британской энциклопедии, которая принадлежала бывшему помощнику государственного секретаря по связям с общественностью Уильяму Бентону. Иногда писатели ЦРУ по контракту давали рецензии на книги в «Нью-Йорк Таймс» или другие уважаемые издания. Агент ЦРУ Джордж Карвер (George Carver) писал статьи под собственным именем в журнале «Форин Аффэрс» (Foreign Affairs), хотя при этом не упоминал, на кого он работает. В Англии Монти Вудхауз писал статьи для «Инкаунтера» и «Таймс Литерари Сапплемент».

Феномен писателя как шпиона или шпиона как писателя был отнюдь не нов. Сомерсет Моэм (Somerset Maugham) использовал свой литературный статус как прикрытие для выполнения заданий британской секретной службы во время Первой мировой войны. Его более позднее собрание автобиографических рассказов «Эшенден» (Ashenden) стало библией для офицеров разведки.

---

[565]E. Howard Hunt. Undercover: Memoirs of an American Secret Agent. The New Class was published in collaboration with the Congress for Cultural Freedom.
[566]Eugene Fodor. Цитата из New York Times, 25 December 1977.

Комптон Макензи (Compton Mackenzie) работал на МИ-5 в 1930 году, а затем был подвергнут преследованию со стороны правительства Её Величества за раскрытие имён сотрудников Секретной разведывательной службы (SIS) в своей книге «Мемуары об Эгейском море». Грэм Грин в художественной прозе использовал свой опыт работы в качестве тайного агента МИ-5 во время и после Второй мировой войны. Однажды он охарактеризовал МИ-5 как «лучшее туристическое агентство в мире».

«Интеллектуалы или, скажем, интеллектуалы определённого сорта всегда крутили романы с разведывательными службами, - отмечал Кэрол Брайтман. - Это всё равно что стать совершеннолетним - вступить в разведывательную службу, в особенности для таких мест, как Йель» [567]. Писатель Ричард Элман (Richard Elman; не путать с биографом Джойса Ричардом Эллманном) также проявлял беспокойство с точки зрения эстетики: «Стоит отметить, что общего у этих людей. Все они были христианами в нерелигиозном ключе Т.С. Элиота. Они верили в высшую власть, высшую истину, которая одобрила их антикоммунистический, антиатеистский крестовый поход. Т.С. Элиот, Паунд и другие модернисты обращались к своим чувствам элитарности. ЦРУ даже заказало перевод «Четырёх квартетов» Элиота, а затем забросило эти книги по воздуху в Россию. Были такие люди, как Шоу и Уэллс, для которых социалистический «век простого человека» представлялся нежелательным - они хотели лицезреть Непростого Человека и Высокую Культуру. Поэтому вынуждены были не просто вкладывать деньги в культуру» [568].

Аллен Гинсберг (Allen Ginsberg) даже предполагал, что Т.С. Элиот был частью литературного заговора, спланированного его другом Джеймсом Джизусом Англтоном. В скетче 1978 года под названием «Т.С. Элиот вошёл в мои мечты» Гинзберг воображал, как «на корме направлявшегося в Европу корабля Элиот сидел, развалившись в шезлонге, в кампании других пассажиров, наблюдая за остающимся позади синим облачным небом и ощущая надёжность железного пола под ногами». «А сам ты, - спросил я. - Что ты думаешь о влиянии ЦРУ на поэтические произведения? В конце концов, разве не был Англтон твоим другом? Разве не говорил он тебе о своём плане восстановить активность интеллектуальных кругов Запада для их борьбы с так называемыми сталинистами?» Элиот слушал внимательно, и я был удивлён, что он не смущён.

«Ну, есть разные парни, стремящиеся к господству, политическому и литературному... ваши гуру, например, теософы, медиумы и диалектики,

---

[567]Carol Brightman. Interview, New York, June 1994.

[568]Richard Elman. Interview, New York, June 1994. Ричард Элман также считал, что «интерес ЦРУ к художественной литературе и её создателям и издателям был представлен как ошибочная филантропия или даже поддержка западных ценностей и свобод человека в противовес тоталитарному сознанию, но это также явно был «грязный фокус» ЦРУ и его союзников, средство воздействия на сознание, попытка «предвосхитить», говоря на жаргоне ЦРУ». Richard Elman. The Aesthetics of the CIA; см. также: Jason Epstein. The CIA and the Intellectuals, New York Review of Books, 20 April 1967. Автор заявляет, что ЦРУ и его союзники «были движимы не бескорыстной любовью к интеллекту или эстетическими убеждениями, они были заинтересованы в защите и увеличении американского могущества».

любители почитать за чаем и идеологи». Наверное, я был одним из таких в среднем возрасте. Да, действительно был, зная склонность Англтона к литературным заговорам. Я считал их пустяковыми, с дурными намерениями, но не имеющими значения для Литературы». «Я думал, что хоть какое-то значение они имели, - сказал я, - так как тайно подпитывали карьеры слишком многих консерваторов-интеллектуалов, обеспечивая средствами к существованию мыслителей в Академии, влиявших на интеллектуальную атмосферу Запада... В конце концов, интеллектуальная атмосфера должна быть революционной или по крайней мере радикальной, отыскивая корни болезни, механизации и господства неестественной монополии... И правительство через фонды поддерживало целое направление «специалистов по войне»... Финансирование журналов, подобных «Инкаунтеру», которые преподносили стиль Т.С. Элиота как краеугольный камень искушённости и компетенции... не помогло создать альтернативную, свободную и жизнеспособную децентрализованную культуру индивидуализма. Вместо этого мы получили всё худшее от капиталистического империализма» [569].

Защита и оборона «высокой» культуры, предпринятая людьми, подобными Англтону, осуществлялась автоматически. «Нам никогда не приходило в голову уличать кого-то или что-то в элитарности, - сказал однажды Ирвинг Кристол. - Элитой были мы - несколько счастливчиков, выбранных Историей, чтобы подтолкнуть наших добрых приятелей к светскому спасению» [570].

Воспитанные на модернистской культуре, эти элиты поклонялись Элиоту, Йетсу, Джойсу и Прусту. Они считали своей работой «не давать публике того, чего она хочет, или думает, что хочет, а посредством своих самых умных членов давать то, что она должна иметь» [571]. Иными словами, высокая культура была не только важной антикоммунистической линией обороны, но и бастионом против усреднённого массового общества, против того, что Дуайт Макдональд с ужасом называл «расплывающейся грязью массовой культуры» [572].

Парадокс защиты демократии силами патрициев, которые относились к демократии с подозрением, весьма трудно игнорировать. Объявляя себя правящей элитой, которая защищает мир от варварства, они были

---

[569]Allen Ginsberg. T.S. Eliot Entered My Dreams, City Lights Journal, Spring 1978.

[570]Irving Kristol. Цитата из Peter Steinfels. The Neoconservatives: The Men Who Are Changing American Politics (New York: Simon & Schuster, 1979); Как подчеркнул Кристофер Лэш, элитизм той интеллигенции, которая однажды заинтересовалась ленинизмом, ни в коей мере не противоречив: «Даже после того, как они отмежевались от материалистического содержания ленинизма, они придерживались схожего взгляда интеллигенции, являясь авангардом истории». Christopher Lasch. The Cultural Cold War, The Nation, 11 September 1967.

[571]Allen Tate. Цитата из Marian Janssen. The Kenyon Review 1939-1970 (Mijmegen: M. Janssen, 1987).

[572]Dwight Macdonald. Цитата из Andrew Ross. No Respect. Александр Солженицын использовал похожую, возможно, несколько более художественную метафору, когда он характеризовал американскую поп-культуру «как жидкий навоз, просачивающийся под дверь».

модернистами, поверженными в ужас от потускневшей от крови современности.

В прощальной речи в колледже Кеньон в 1940 году Роберт Лоуэлл обратил внимание на самые тёмные страхи этой аристократии: «Ибо все вы знаете, что как филистимляне и готы преуспели в своём бездуховном способе уничтожения цивилизации, они придут во все золотые чертоги знаний, они придут, наконец, в Милтон, Гротон, школу Святого Павла, школу Святого Марка и туда, где уже неспособные, нечеловечные, необразованные студенты будут делать то, что они делают. И негодующие готы и филистимляне выдернут этих несчастных бездельников и трутней из улья, и не будет больше старых конечностей для новой крови, и мир возвратится к своим неутомимым циклам регресса и прогресса и их повторения» [573].

Убеждённые в том, что они должны укреплять свою оборону от грядущей катастрофы, «аврелианцы» (Aurelians) в 1949 году приняли решение о награждении Эзры Паунда Боллингеновской премией библиотеки Конгресса (Bollingen Prize) в области поэзии за его книгу «Пизанские песни» (Pisan Cantos) («аврелианцы» - имеется в виду «Аврелианское почётное общество», одно из тайных обществ Йельского университета, созданное Линделлом Бейтсом в 1910 г.; названо в честь римского императора Марка Аврелия, идеи и философию которого разделяло. - Прим. ред.). Есть анекдот, как однажды Пол Меллон, щедрый меценат, пожаловался Аллену Тейту и Джону Кроу Рэнсому о том, как много левых среди писателей. Меллон сам обладал превосходным вкусом в искусстве, но был консервативен в политике, что являлось почти непременным условием (sine qua non) для «ангелов холодной войны». Тейт ответил, что писатели всегда были нуждающимися, так почему бы Меллону не выделить немного денег на гранты, премии или что-либо ещё, что сделает получателей гораздо счастливее и менее склонными к идеям революции? Так Меллон пополнил Боллингеновскую премию, добавив к ней в качестве частных пожертвований от своего имени 20 тысяч долларов.

«Почему они предложили Паунда? - спросил Ричард Элман и ответил: - Потому что он самый лучший в мандариновой культуре, которую они пытались сохранить и развивать» [574]. Премия вызвала огромный резонанс не только потому, что Паунд, единственный американец, обвинённый в государственной измене во время Второй мировой войны, находился в то время в психиатрической больнице. В своих программах на итальянском радио Министерства культуры режима Муссолини он допускал такие выражения, как «мистер Жидсвельт», «Франклин Финкельштейн Рузвельт», «Вонючка Рузенштейн», а также «евреи, жиды и скользкий народец». Он утверждал, что «Майн Кампф» Адольфа Гитлера - это «живой анализ истории», и называл автора «святым и мучеником», сравнивая его с Жанной д'Арк. По словам Паунда, «Америка была заражена паразитами». Редактор журнала «Поэтри» (Poetry) Карл Шапиро писал: «Я был единственным

[573]Robert Lowell. Valedictory Address, Kenyon College, 1940. Цитата из Ian Hamilton. Цит. произв.
[574]Richard Elman. Interview, New York, June 1994.

несогласным с присуждением Боллингеновской премией Паунду, за исключением Пола Грина, который воздержался. Элиот, Оден, Тейт, Лоуэлл - все проголосовали за награждение Паунда. Закоренелые фашисты». Когда Уильям Барретт выразил своё явное несогласие с решением жюри, Аллен Тейт вызвал его на дуэль.

Решение о присуждении премии Паунду вновь разожгло споры вокруг темы «искусство против политики», которые бушевали с 1930-х годов, и, похоже, подтвердило то, чего многие, придерживавшиеся левых взглядов, боялись: что среди тех, кто называл себя либералом, была склонность прощать или, по крайней мере, игнорировать исторические компромиссы, которые привели людей искусства (многие из них затем с комфортом переместились в Америку) к тому, что они использовали свои таланты для лести фашизму.

Похоже, во времена, когда искусство и его проводники были так сильно политизированы, подобное неадекватное заявление служило нормой: «Разрешить другим соображениям помимо поэтических достижений повлиять на решение - подрывать значение этой премии и отрицать в принципе правомерность объективного восприятия ценностей, на которые цивилизованное общество должно опираться» [575]. Именно такое заявление и сделало жюри, присудившее Паунду Боллингеновскую премию. Как могло искусство быть независимым - с одной стороны, и, когда удобно, идти на службу к политикам - с другой?

[575]Bollingen judges. Цитата из William Barrett. A Prize for Ezra Pound, Partisan Review, vol. 16/4, 1949.

16. Бумагомаратели-янки

«Я могу рисовать лучше, чем кто-либо!» Джексон Поллок (Jackson Pollock). Из сна В. де Кунинга (W. de Kooning)

Будучи президентом, Трумэн любил рано проснуться и пройтись по Национальной галерее. Прибыв ещё до пробуждения города, он молча кивал охранникам, особой обязанностью которых было открыть дверь для ранней прогулки президента по галерее. Трумэн получал огромное удовольствие от этих визитов и вёл о них записи в своём дневнике. В 1948 году, восторгаясь работами Голбейна и Рембрандта, он сделал следующую пометку: «Приятно смотреть на совершенство, а затем вспомнить ленивых и сумасшедших современников. Это как сравнивать Христа с Лениным». Публично он высказывал аналогичные суждения, утверждая, что голландские мастера «заставили выглядеть наших современных бездарных художников тем, кем они являются на самом деле».

В своём презрении к современникам Трумэн выразил взгляды, которых придерживались многие американцы, связывавшие экспериментальное и особенно абстрактное искусство с признаками дегенерации и вырождения. Те европейские авангардисты, которым удалось убежать от фашистского сапога, вновь почувствовали страх, оказавшись в Америке, в которой модернизм также был не в почёте. Это, конечно, было связано с культурным фундаментализмом таких фигур, как сенатор Маккарти, и частью непонятной реальности, в которой Америка, с одной стороны, выступала за свободу выражения за рубежом, но с другой - казалось, выражала недовольство такой свободой у себя дома. Выступая в здании Конгресса, республиканец от штата Миссури Джордж Дондеро (George Dondero) обрушился с гневной речью на модернизм, называя его частью всемирного заговора с целью пошатнуть позиции Америки. «Всё современное искусство - коммунистическое, - заявил он, после чего перешёл к бессмысленному, но поэтическому истолкованию различных его проявлений: - Кубизм направлен на уничтожение с помощью сознательного беспорядка. Целью футуризма является уничтожение посредством мифа о машине. Дадаизм уничтожает насмешками. Цель экспрессионизма - разрушение через подражание примитивному и безумному. Абстракционизм уничтожает путём прямого штурма на головной мозг. Сюрреализм уничтожает отрицанием причины» [576].

Невротические оценки Дондеро были подхвачены рядом общественных деятелей, чьи пронзительные обвинения зазвучали в Конгрессе и в консервативной прессе. Их выпады достигли апогея в таких заявлениях, как «ультрасовременные художники бессознательно используются в качестве инструмента Кремля», и утверждении, что некоторые абстрактные картины были на самом деле секретными картами, на которых отмечены

[576]George Dondero. Цитата из William Hauptman. The Suppression of Art in the McCarthy Decade, Artforum, October 1973. В 1957 г. Джордж Дондеро получил золотую медаль от Американской лиги профессиональных артистов за «относящуюся к Конгрессу демонстрацию коммунизма в искусстве». AAPL press release, 30 March 1957.

стратегически важные объекты США [577]. «Современное искусство в действительности является средством шпионажа, - говорили противники этого самого искусства. - Если вы знаете, как их читать, современные картины раскроют вам слабые места системы обороны США и таких важных сооружений, как дамба Гувера».

Это были не самые благоприятные времена для модернистов. Наиболее уязвимой к атакам Дондеро оказалась группа художников, появившаяся в конце 1940-х годов под названием абстрактных экспрессионистов. В действительности они являлись объединением отчаянных художников, связанных больше любовью к художественным приключениям, чем какими-либо едиными эстетическими вкусами. У них было схожее прошлое: для многих в период Великой депрессии спасением стала Федеральная программа развития искусств (Federal Arts Project), направленная на помощь безработным художникам (проводилась в рамках «Нового курса» Рузвельта - ряда реформ по оздоровлению экономики страны), где они рисовали субсидируемые государством плакаты и увлекались левой политикой.

Самым известным из них был Джексон Полок (Jackson Pollock), который в 1930 году вступил в коммунистический кружок мексиканского художника-монументалиста Дэвида Альфало Сикуэроса (David Alfalo Siquieros). Адольф Готлиб (Adolph Gottlieb), Уильям Базиотес (William Baziotes) и ряд других абстрактных экспрессионистов были коммунистическими активистами. Тот факт, что они скорее бессознательно тянулись к левым, чем таковыми являлись, не был существенен для Дондеро и его сторонников, которые не могли или не хотели видеть разницу между биографией и работой, смешивая воедино политические пристрастия художника и его эстетическое самовыражение и осуждая и то, и другое [578].

В то время, как Дондеро видел в абстрактном экспрессионизме признаки коммунистического заговора, американская культурная интеллигенция, наоборот, обнаруживала в нём добродетель: для неё он нёс конкретный антикоммунистический посыл, идеологию свободы, свободного предпринимательства. Отсутствие образности и политическая индифферентность делали его полной противоположностью социалистическому реализму. Именно такое искусство Советы и ненавидели. Более того, абстрактный экспрессионизм, как утверждали его сторонники, был сугубо американским вмешательством в модернистский канон. Не далее, как в 1946 году, критики аплодировали новому искусству как «независимому, уверенному в себе, истинному выражению национальной воли, духа и характера. Похоже, что в эстетическом плане искусство в США уже не результат европейских веяний и не просто

[577]Harold Harby. Цитата из William Hauptman. Цит. произв.

[578]Коммунистические связи этих артистов были тщательно задокументированны Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, файлы которой были процитированы в «Документе Конгресса» за май 1947 г. «Чёрный список» содержит более сорока имен: Уильям Базиотис, Стюарт Дэвис, Артур Дав, Адольф Готлиб, Филип Густон, Джон Марин и другие. House Congressional Record, 13 May 1947.

объединение иностранных «измов», собранное, составленное и ассимилированное с большей или меньшей долей разума» [579].

Главным представителем этого нового национального достояния стал Джексон Поллок. «Он был тем самым великим американским художником, - рассказывал его друг и соратник Бадд Хопкинс (Budd Hopkins). - Рисуя образ американского художника, вы, в первую очередь, представите себе настоящего американца, а не европейского переселенца. Он должен иметь качества мужественного американца, в идеале: быть драчливым неразговорчивым американцем и ещё лучше - ковбоем. Конечно, не с востока, не из тех, кто окончил Гарвард. Он не должен быть взращён европейцами, а находиться под влиянием нашей истории - мексиканских и американских индейцев и прочих. Он должен отталкиваться от родной нам культуры, а не от Пикассо и Матисса. И ему должен быть разрешён великий американский порок, порок Хемингуэя, - пьянство» [580].

Вся жизнь Поллока - отражение этого образа. Родившийся на скотоводческой ферме в Коди, штат Вайоминг, он подошёл к нью-йоркской сцене как ковбой - сквернословя, крепко выпивая и регулярно попадая в перестрелки.

Всё это, конечно, было мифическим прошлым. Поллок никогда не ездил на лошади и покинул Вайоминг ещё ребёнком. Но этот образ получился настолько реалистичным, настолько американским, что никто в нём не усомнился.

Биллем де Кунинг (Willem de Kooning) однажды рассказывал о сне, в котором Поллок распахнул двери бара, как экранный ковбой, и закричал: «Я могу рисовать лучше, чем кто-либо!». У него была твёрдость Марлона Брандо, задумчивое бунтарство Джеймса Дина. По сравнению с Матиссом - увядшим и бессильным персонажем стареющего европейского модернизма, который на тот момент едва ли был в состоянии поднять кисть, - Поллок был воплощением мужественности. Он использовал технику, известную как action painting, при которой на огромный расстеленный на земле холст - желательно на открытом воздухе - разбрызгивалась краска. В случайных пересечениях линий, которые покрывали весь холст и его края, он, казалось, участвовал в акте повторного открытия Америки. Экстатичный, несвязный, подпитываемый алкоголем модернизм в руках Поллока становился своего рода безумием.

Хвалёные шедевры Поллока http://gallerix.ru/storeroom/684716449/

Один критик охарактеризовал его стиль как «растаявший Пикассо», другие же бросились восхвалять его и называть «триумфом американской живописи», подтверждавшим образ Америки как сильной, энергичной, свободомыслящей и большой страны. Его искусство поддержало великий американский миф об одиноком голосе, бесстрашном одиночке, который Голливуд закрепил в умах такими фильмами, как «Мистер Смит едет в

---

[579]Frederic Taubes. Encyclopaedia Britannica, 1946.
[580]Budd Hopkins. Цитата из Frances Stonor Saunders. Hidden Hands: A Different History of Modernism (London: Channel 4 Television, 1995).

Вашингтон» и «Двенадцать разгневанных мужчин» (абстрактные экспрессионисты однажды назвали себя «Разозлёнными»).

В 1948 году, художественный критик Клемент Гринберг, буян, пьяница и лентяй, расточал комплименты в адрес новой эстетики: «Когда видишь, какого уровня достигло американское искусство за последние пять лет с появлением новых талантов, полных энергии и содержания, таких как Аршиль Горки (Arshile Gorky), Джексон Поллок, Дэвид Смит (David Smith)... то сам собой напрашивается вывод, во многом неожиданный, что основные силы западного искусства мигрировали в Соединенные Штаты вместе с промышленным производством и политической властью» [581]. Другими словами, Америка перестала быть местом, откуда художник чувствовал, что должен «уйти, чтобы дозреть в Европе» [582]. Скорее комментируя это утверждение, чем соглашаясь с ним, Джейсон Эпштейн позже сказал: «Америка, и особенно Нью-Йорк, стала центром политического и финансового мира, и конечно, культурного тоже. Можно ли быть великой державой без соответствующего искусства? Так, не может быть Венеции без Тинторетто или Флоренции без Джотто» [583].

Мысль о том, что абстрактный экспрессионизм мог бы стать локомотивом империализма, начинала укрепляться в умах. Но его появление во времена такой политической и моральной ненависти ставило его потенциальных покровителей перед существенной дилеммой.

Несмотря на явную глупость протестов Дондеро, к концу 1940-х годов он добился того, что Государственный департамент прекратил использовать американское искусство в качестве оружия пропаганды. Обыватели одержали первую победу в 1947 году, вынудив Государственный департамент отменить выставку под названием «Продвижение американского искусства», представляющую собой подборку из 79 «прогрессивных» работ, в том числе Джорджии О'Киф, Адольфа Готлиба и Аршиля Горки, которая должна была отправиться в Европу и Латинскую Америку. Выставка приехала в Париж, а затем и в Прагу, где она имела такой успех, что русские тут же устроили там ответную выставку.

Официальной целью этого мероприятия было «опровергнуть любые замечания иностранной публики об академичности или подражательном характере современного американского искусства» [584]. «На этот раз мы экспортируем не бренди кустарного производства, разлитый по стилизованным под старину коньячным бутылкам, не марочное вино, но настоящий бурбон, выдержанный в деревянных бочках, который и может справедливо называться вином нашей страны» [585], - восхвалял выставку один из критиков.

---

[581]Clement Greenberg. The Decline of Cubism, Partisan Review, March 1948.
[582]Robert Hughes. American Visions: The Epic History of Art in America (New York: Knopf, 1997).
[583]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.
[584]Taylor D. Littleton and Maltby Sykes. Advancing American Art. «Именно в широком контексте культурной дипломатии был создан проект «Продвижение американского искусства» как один из элементов в международном определении американской уверенности, стабильности и просвещения».
[585]Alfred M. Frankfurter. Цитата из Taylor D. Littleton and Maltby Sykes. Там же.

Выставка не только не продемонстрировала авангардные истоки американского искусства, а, скорее, показала всем его постыдное отступление.

Энергично осуждённая в Конгрессе, она была объявлена разрушительной и «антиамериканской». Один из выступавших счёл вредоносными намерения «рассказать иностранцам о том, что американский народ подавлен, разбит или пребывает в удручающем состоянии - полностью недоволен своей судьбой и стремится к смене правительства. Коммунисты и их сторонники из «Нового курса» выбрали искусство одним из главных способов своей пропаганды» [586].

«Я просто тупой американец, налоги которого идут на подобный хлам, - восклицал другой достойный предшественник Джесси Хелмса. - Если в этом Конгрессе есть хоть один человек, который считает, что эта чушь... несёт лучшее понимание американской жизни, то он должен быть отправлен в тот самый сумасшедший дом, из которого люди, намалевавшие это, изначально и вышли» [587]. Выставка была отменена, картины проданы с 95-процентной скидкой как излишки государственной собственности. В ответ на заявления о том, что многие из художников, представленных на выставке, увлекались левыми идеями (что было абсолютно необходимо для любого уважающего себя авангардиста), Государственный департамент выпустил директиву, запрещающую впредь всем американским художникам с коммунистическими или похожими взглядами выставляться за государственный счёт. Таким образом, «восприятие авангардного искусства как антиамериканского было включено в официальную политику» [588].

Страшный образ варваров у ворот дворца высокого искусства укоренился в воображении культурной элиты. Дуайт Макдональд охарактеризовал эти нападки как «культурный большевизм» и утверждал, что хотя они были предложены во имя американской демократии, на самом деле это тоталитарная атака на искусство. Советский Союз да и большая часть Европы утверждали, что Америка была культурной пустыней, и поведение американских конгрессменов, казалось, подтверждало это. Стремясь показать миру, что в стране было искусство, соизмеримое с величием и свободой Америки, стратеги высшего звена оказались не в состоянии публично поддержать его из-за внутренней оппозиции. Итак, что же они сделали? Они обратились к ЦРУ. И началась борьба между теми, кто признавал достоинства абстрактного экспрессионизма, и теми, кто пытался его очернить.

«Конгрессмен Дондеро доставлял нам немало проблем», вспоминал позже Брейден. «Он терпеть не мог современное искусство. Он думал, что это пародия, что оно греховно и уродливо. Он развязал настоящую битву с такой живописью, из-за чего стало крайне сложно договариваться с Конгрессом США о некоторых наших намерениях - отправлять выставки за

---

[586]Цитата из Taylor D. Littleton and Maltby Sykes. Там же.
[587]Senator Brown. House Congressional Record, 14 May 1947.
[588]Jane De Hart Mathews. Art and Politics in Cold War America, American Historical Review, vol. 81/4, October 1976.

рубеж, выступать за границей со своей симфонической музыкой, издавать журналы за рубежом и так далее. Вот одна из причин, почему нам приходилось делать всё тайно. Потому что всё это оказалось бы свёрнуто, если бы было поставлено на демократическое голосование. Для того чтобы поощрять открытость, мы должны были действовать в режиме секретности» [589]. Здесь опять всплывает тот грандиозный парадокс американской стратегии ведения культурной холодной войны: для того чтобы способствовать продвижению искусства, рождённого в условиях демократии, сам демократический процесс нужно было обойти.

В очередной раз ЦРУ обратилось к частному сектору для достижения своих целей. В Америке большинство музеев и коллекций произведений искусства находились (как и сейчас) в частной собственности и финансировались из частных источников. Самым выдающимся среди современных и авангардных художественных музеев был Музей современного искусства (MOMA) в Нью-Йорке. Его президентом на протяжении большей части 1940-1950-х годов был Нельсон Рокфеллер, чья мать, Эбби Олдрич Рокфеллер, была в числе основателей музея (он открылся в 1929 г., и Нельсон называл его «мамин музей»). Нельсон был страстным поклонником абстрактного экспрессионизма, который он называл «искусством свободного предпринимательства». Стечением времени его частная коллекция выросла до 2500 работ. Ещё тысячи работ украшали вестибюли и коридоры зданий, принадлежащих «Чейз Манхеттен Банку» Рокфеллеров. Поддерживать левых художников вошло в традицию семьи Рокфеллеров.

Подвергаясь критике за своё решение продвигать мексиканского революционера Диего Ривера (который когда-то скандировал «Смерть гринго!» возле одного из американских посольств), Эбби Олдрич Рокфеллер возражала, что красные перестанут быть красными, «если мы поможем получить им художественное признание». После этого вполне предсказуемо открылась выставка работ Риверы, вторая персональная выставка в истории MOMA.

В 1933 году Нельсон Рокфеллер сделал Ривере специальный заказ: расписать фресками только что выстроенный Рокфеллеровский центр. Однажды, осматривая работу Риверы, Нельсон заметил, что в одной фигуре безошибочно угадывался Владимир Ильич Ленин. Он вежливо попросил Риверу убрать её. Ривера же вежливо отказался. По указанию Нельсона рядом с этой фигурой была выставлена охрана, а Ривере выплачен полный гонорар (21 тысяча долларов) и передано уведомление об отмене заказа. В феврале 1934 года почти завершённая фреска была уничтожена отбойными молотками.

Хотя этот конкретный пример патронажа и оказался неудачным, сама идея не была отвергнута. Истеблишмент продолжал верить, что левые художники заслуживают поддержки и что политическую шумиху вокруг художника можно заглушить звоном монет его покровителя. В знаменитой статье «Авангард и китч» Клемент Гринберг, художественный критик,

[589]Tom Braden. Interview, Virginia, June 1994.

который сделал всё для прославления абстрактного экспрессионизма, изложил идеологическое обоснование для принятия спонсорской поддержки от просвещённых покровителей.

Опубликованная в «Партизан Ревью» в 1939 году статья до сих пор является основополагающим символом веры элит в антимарксистский характер модернизма. Авангард, писал Гринберг, «отвергался теми, кому он на самом деле принадлежит, - нашим правящим классом». В Европе традиционно поддержка оказывалась ему «со стороны элиты из правящих классов... от которой, предполагалось, {авангард) должен быть отрезан, но с которой он оставался соединён «пуповиной» золота» [590]. В Соединенных Штатах, утверждал он, должен действовать тот же механизм. Здесь можно обнаружить по-настоящему глубокую связь между абстрактным экспрессионизмом и культурной холодной войной. Согласно этому принципу ЦРУ и стало действовать совместно с частными предпринимателями.

Том Брейден, в частности, соглашался с утверждением Гринберга о том, что прогрессивным художникам нужна элита для спонсирования своей деятельности, так же как их предшественникам эпохи Возрождения. «Я не помню, какой Римский папа заказал Сикстинскую капеллу, - писал он, - но я думаю, что если бы он слушал голос итальянского народа, то было бы много, очень много отрицательных отзывов: «Там голые» или «Я не так представлял себе Бога» и так далее. Я не думаю, что строительство прошло бы в итальянском парламенте, если бы в то время был парламент. Всегда должен быть папа или кто-то другой с кучей денег, который различит искусство и поддержит его. И спустя много столетий люди скажут: «Смотрите! Сикстинская капелла - самое прекрасное творение на земле». Это проблема, с которой цивилизация сталкивается с момента появления первого художника и первого миллионера или папы, поддерживающего его; и более того, если бы не было мультимиллионеров или пап, у нас не было бы искусства» [591].

Покровительство, по мнению Брейдена, предполагает обязанность наставлять, воспитывать людей, чтобы те принимали не то, что они хотят или думают, что хотят, но то, что им следует принять. «Всегда приходится бороться с собственными невеждами, или выражаясь более вежливо - людьми, которые просто не понимают» [592].

«Существует и другое, ошибочное мнение на этот счёт, согласно которому ЦРУ взялось за искусство со всей серьёзностью, - комментировал критик Филип Додд (Philip Dodd). - Отличительной вещью в интересе политиков к искусству является то, что оно для них действительно что-то значит, не важно, фашистские это политики, советские или представители ЦРУ. Таким образом, можно утверждать, как бы дико это ни звучало, что в ЦРУ были лучшие художественные критики в Америке 1950-х годов, поскольку они изучали работы, которые в действительности должны были вызывать у них антипатию - работы старых леваков, учеников европейского

[590]Clement Greenberg. Avant-Garde and Kitsch, Partisan Review, Fall 1939.
[591]Tom Braden. Interview, Virginia, June 1994.
[592]Там же.

сюрреализма, но видели потенциальную силу в такого рода искусстве и работали с ним. Чего нельзя было сказать о многих художественных критиках того времени» [593].

«Что касается абстрактного экспрессионизма, то меня подмывает сказать, что ЦРУ его придумало, просто чтобы посмотреть, что произойдёт в Нью-Йорке и в районе Сохо на следующий день! - шутил сотрудник ЦРУ Дональд Джеймсон, прежде чем перейти к серьёзному пояснению участия ЦРУ - Мы осознали, что это искусство, не имеющее ничего общего с социалистическим реализмом, может заставить социалистический реализм выглядеть ещё более стилизованным, более жёстким и ограниченным, чем он есть на самом деле.

Москва в те дни была крайне настойчива в критике любого рода несоответствия своим крайне жёстким шаблонам. Поэтому сам собой напрашивался вывод, что всё, так неистово критикуемое СССР, стоит поддерживать в той или иной степени. Конечно, в делах такого рода поддержку можно было оказать только через организации или операции ЦРУ, чтобы не было никаких вопросов о необходимости отмывать репутацию Джексона Поллока, например, или делать что-нибудь, чтобы привлечь этих людей к сотрудничеству с ЦРУ - они должны были находиться на самом конце цепочки. Не могу сказать, что между нами и Робертом Мазервеллом (Robert Motherwell), например, была хоть какая-то серьёзная связь. Эти отношения не могли и не должны были быть ближе, потому что многие из художников мало уважали правительство, в частности, и, конечно, никто из них - ЦРУ. Если вам нужно использовать людей, которые так или иначе чувствуют себя ближе к Москве, чем к Вашингтону, так это, наверное, и к лучшему» [594].

Музей современного искусства находился на некотором удалении от ЦРУ и поэтому годился в качестве правдоподобного прикрытия. Проверка комитетов и советов музея выявила множество связей с ЦРУ. В первую очередь самого Нельсона Рокфеллера, который в военное время руководил делами правительственного разведывательного агентства по Латинской Америке, называвшегося Управлением межамериканских дел (УМД - Coordinator of Inter-American Affairs, CIAA). Это агентство, помимо прочего, спонсировало выставки «современной американской живописи». Музей современного искусства организовал 19 таких выставок. Как попечитель Фонда братьев Рокфеллеров, нью-йоркского исследовательского центра, нанятого правительством для анализа международных отношений, Рокфеллер удерживал контроль над некоторыми из самых влиятельных умов эпохи, в то время как они разрабатывали направления американской внешней политики. В начале 1950-х годов он получал сведения о секретных операциях от Аллена Даллеса и Тома Брейдена, который позже сказал: «Я уверен, что Нельсон был более чем прекрасно осведомлён о том, чем мы занимались». Разумное предположение, учитывая должность особого советника Эйзенхауэра по стратегии холодной войны, которую Нельсон получил в 1954 году (сменив на этом посту Ч.Д. Джексона), и председателя

[593]Philip Dodd. Interview, London, July 1994.
[594]Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994.

Группы по координации планирования (Planning Coordination Group), которая контролировала все решения Совета национальной безопасности, в том числе и секретные операции ЦРУ.

Долгое время попечителем Музея современного искусства, его президентом и председателем совета директоров был близкий друг Рокфеллера Джон Хэй Уитни по прозвищу Джок. Получивший образование в Гротоне, Йеле и Оксфорде, Джок пустил в оборот своё наследство и превратил его в огромное состояние, субсидируя молодые компании, бродвейские представления и голливудские фильмы. Занимая должность руководителя отделения кинематографа в рокфеллеровском УМД в 1940-1942 годах, Джок руководил производством таких фильмов, как диснеевский «Салют, друзья!» (Amigos Saludas), - фильмов, преисполненных межамериканской доброжелательности. В 1943 году Джок записался в Управление стратегических служб (УСС), в августе 1944-го был взят в плен немецкими солдатами на юге Франции и посажен на поезд, идущий в восточном направлении, но ему удалось совершить побег. После войны он основал «Дж.Х. Уитни и Ко» (J.H. Whitney & Co) - «компанию, созданную для распространения системы свободного предпринимательства путём предоставления финансовой поддержки новым, развивающимся и рискованным предприятиям, у которых могли бы быть проблемы с привлечением инвестиционного капитала более привычными способами» [595]. Партнёром Джока был Уильям Джексон (William H. Jackson), приятель по игре в поло, который по воле случая оказался заместителем директора ЦРУ. Джок занимал должность в Совете по психологической стратегии и находил «множество способов быть полезным ЦРУ» [596].

Другой ниточкой, тянущейся от ЦРУ, был Уильям Бёрден, который начал работать в Музее современного искусства в должности председателя его Консультативного комитета в 1940 году. Потомок коммодора Вандербильта, Бёрден был воплощением истеблишмента времён холодной войны. В прошлом министр авиации, во время войны он работал на рокфеллеровское Управление межамериканских дел. Он тоже сильно разбогател и заработал репутацию «предпринимателя-авантюриста первого ранга». Бёрден занимал руководящие должности в многочисленных околоправительственных органах и даже в Фонде Фарфилда ЦРУ, и ему, казалось, нравилось быть на первых ролях. В 1947 году его назначили председателем Комитета по коллекциям музея, а в 1956-м он стал президентом МОМА.

Во времена президентства Бёрдена делами музея занимался Рене д'Арнонкур (Rene d'Harnoncourt). Функции самого Бёрдена сводились в основном к «проштамповке готовых документов» [597]. Это давало д'Арнонкуру простор для реализации своих немалых талантов серого кардинала среди лиц, группировавшихся вокруг Музея. Ростом 195 сантиметров и весом 105

---

[595]E.J. Kahn. Man of Means, The New Yorker, 11 August 1951.
[596]David Wise and Thomas B. Ross. The Espionage Establishment (New York: Random House, 1967).
[597]Russell Lynes. Good Old Modern: An Intimate Portrait of the Museum of Modern Art (New York: Atheneum, 1973).

килограммов, уроженец Вены д'Арнонкур был выдающейся фигурой, «прямым потомком центральноевропейских вельмож, преуспевших в роли камергеров и офицеров герцогов Лотарингии, графов Люксембургских и Габсбургских императоров» [598].

В 1932 году он эмигрировал в Штаты и во время войны работал в отделе искусств Управления межамериканских дел. Позже Нельсон пригласил его на работу в музей, директором которого д'Арнонкур стал в 1949 году. Он считал, что «современное искусство в его бесконечном многообразии и непрерывном поиске» было «главным символом» демократии, и все 1950-е годы открыто лоббировал в Конгрессе финансирование культурной кампании против коммунизма. Хотя Брейден и утверждал, что «парни из Музея современного искусства предпочитали решать вопросы, не вынося их наружу», он пришёл к выводу, что Рене д'Арнонкур, скорее всего, был «доверенным лицом ЦРУ в музее». Конечно, д'Арнонкур консультировался с Комитетом по координации операций в Совете национальной безопасности (который пришёл на смену Совету по психологической стратегии). Кроме того, он регулярно приезжал с докладами в Государственный департамент. Эти связи придали пикантность утверждению, что д'Арнонкур, как и его предки, «показал умение становиться незаменимым для сменяющих друг друга, а иногда и для нескольких сразу, покровителей» [599].

Уильям Пэйли (William Paley), наследник табачной компании Congress Cigar Company, был ещё одним попечителем Музея современного искусства, имеющим тесные связи с миром разведки. Хороший друг Аллена Даллеса, Пэйли с помощью телевизионной сети Си-би-эс (CBS), которой он владел, обеспечивал прикрытие для сотрудников ЦРУ, примерно так же, как и Генри Люс в своей издательской сети «Тайм-Лайф» (Люс тоже был попечителем Музея современного искусства). На пике этого сотрудничества раз в год корреспондентов Си-би-эс приглашали на частные ужины и встречи сотрудников ЦРУ. Эти обеды - «взрослые беседы за хорошим столом и с хорошими сигарами» - проводились в доме Даллеса или в его клубе «Алиби» в Вашингтоне. О связях Пэйли с ЦРУ один из руководителей Си-би-эс сказал: «Это единственная тема, на которой его память давала сбой» [600].

Всё больше новых имён, всё больше звеньев этой цепи. Джозеф Вернер Рид, например, одновременно был попечителем Музея современного искусства и Фонда Фарфилда. Точно так же эти посты совмещали Гарднер Коулс, Юнки Флейшман и Кэсс Кэнфилд. Овета Калп Хобби, одна из основателей МОМА, состояла в руководстве Комитета свободной Европы и разрешала ЦРУ использовать её семейный фонд для маскировки своих финансовых потоков. Когда она была министром здравоохранения, образования и социального обеспечения в правительстве Эйзенхауэра, её помощницей являлась некая Джоан Брейден (Joan Braden), работавшая ранее на Нельсона Рокфеллера. Мужа Джоан звали Томом. Он, прежде чем попасть в ЦРУ, также успел поработать на Нельсона Рокфеллера в качестве

---

[598]G. Heilman. The Imperturbable Noble, The New Yorker, 7 May 1960.
[599]Там же.
[600]Цитата из Carl Bernstein. The CIA and the Media, Rolling Stone, 20 October 1977.

исполнительного секретаря Музея современного искусства с 1947 по конец 1949 года.

Как Гор Видал однажды сказал: «Всё связано невидимыми цепями в нашей, как оказалось, якобинской республике настолько, что уже ничего больше не удивляет». Конечно, можно утверждать, что эти совпадения отражали природу американской власти того времени. Но даже если все эти люди знали друг друга и если они были социально (и даже формально) связаны с ЦРУ, это ещё не даёт оснований утверждать, что они находились в сговоре с целью продвижения нового американского искусства. Однако подобная картина связей даёт почву для постоянных обвинений МОМА в полуофициальных связях с секретной правительственной программой культурной войны.

Эти слухи в 1974 году впервые проанализировала Ева Кокрофт (Eva Cockroft) в своей статье для журнала «Артфорум» (Artforum), называвшейся «Абстрактный экспрессионизм: оружие холодной войны». В собственных рассуждениях она пришла к выводу, что «связи между политикой культурной холодной войны и успехом абстрактного экспрессионизма отнюдь не случайны... Их сознательно тогда налаживали многие влиятельные фигуры, контролировавшие политику музея и защищавшие цивилизованную тактику холодной войны, задуманную для заигрывания с европейскими интеллектуалами» [601]. Помимо этого, Кокрофт утверждала: «Если говорить о культурной пропаганде, то задачи аппарата культуры ЦРУ и международных программ Музея современного искусства во многом совпадали и взаимно поддерживали друг друга» [602].

«Я не имел ничего общего с продвижением Поллока или кого-либо ещё, - рассказывал Лоуренсде Новилль. - Я даже не помню, когда я впервые услышал о нём. Но я помню, что Джок Уитни и Аллен Даллес согласились с тем, что они должны заняться современным искусством, после того как Государственный департамент от него отказался. Вероятно, это и было то, что называется взаимной поддержкой» [603]. На первый взгляд, определённых доказательств формального соглашения между ЦРУ и Музеем современного искусства нет. Дело в том, что в этом просто не было необходимости.

Защитники МОМА постоянно ставили под сомнение утверждение, что поддержка музеем абстрактного экспрессионизма была так или иначе связана с тайным продвижением международного имиджа Америки. Любопытно, что одним из их аргументов было то, что МОМА фактически игнорировал это движение, когда оно ещё только зарождалось. «Выставки абстрактных экспрессионистов, по большей части в США, но также и за рубежом, начали проводиться музеем только в конце 1950-х годов, к тому времени на смену первому поколению движения уже пришло второе» [604], - писал Майкл Киммельман (Michael Kimmelman) в оправдание МОМА.

---

[601]Eva Cockroft. Abstract Expressionism: Weapon of the Cold War, Artforum, vol. 12/10, June 1974
[602]Там же.
[603] Lawrence de Neufville. Telephone interview, April 1997.
[604] Michael Kimmelman. Revisiting the Revisionists: the Modern, its Critics, and the Cold War, Studies in Modern Art 4 (New York: Museum of Modern Art, 1994).

Утверждения, будто Музей современного искусства попросту упустил то, что было у него под носом, на самом деле лицемерны и игнорируют тот факт, что музей неуклонно и последовательно собирал работы абстрактных экспрессионистов с момента их первого появления. Начиная с 1941 года, МОМА приобретал работы Аршиля Горки, Александра Колдера, Фрэнка Стеллы, Роберта Мазервелла, Джексона Поллока, Стюарта Дэвиса и Адольфа Готлиба. В мае 1944 года музей продал на аукционе «некоторые из произведений искусства XIX века, чтобы выручить средства на приобретение работ XX века». Хотя выручка от продажи несколько разочаровала, средств хватило для покупки «важных работ Поллока, Мазервелла и Матты (Matta)». Таким образом, как и следовало ожидать от Музея современного искусства, и в особенности, музея, признававшего «огромную моральную ответственность перед ныне живущими художниками, чья карьера и судьба могли в значительной степени зависеть от поддержки музея или от её отсутствия» [605], новое поколение американских художников попало в его залы.

То, что эти приобретения были совершены в условиях внутренней оппозиции, ещё раз демонстрирует решимость утвердить право абстрактного экспрессионизма на каноническое признание. Когда некоторые члены Комитета коллекций музея, поощряемые газетной критикой, «решительно поставили под сомнение обоснованность некоторых приобретений, в том числе картин под лейблом абстрактного экспрессионизма» [606], их протесты не были услышаны; и никто не попытался отговорить одного из членов Комитета, когда тот подал в отставку в знак протеста против покупки работы Ротко (Rothko). Что касается выставок за рубежом, то для выставки «Американская живопись от XVIII века до наших дней», открывшейся в Лондоне в 1946 году с последующим туром по другим европейским столицам, были отобраны именно работы Мазервелла, Марка Тоби (Mark Tobey), Джорджии О'Кифи Готлиба. Это было одно из первых официальных появлений абстрактного экспрессионизма на групповой выставке под официальным покровительством (спонсировали мероприятие Государственный департамент и Управление военной информации). В том же году на выставке Музея современного искусства под названием «Четырнадцать американцев» экспонировались работы Горки, Мазервелла, Тоби и Теодора Росзака (Theodore Roszak). В 1948 году Линкольн Кирштейн (Lincoln Kirstein), бывший активист МОМА, жаловался в интервью журналу «Харперс», что музей «сделал своё дело слишком хорошо», став «современной академией абстракционизма», чьи принципы он охарактеризовал следующими словами: «Импровизация как метод, искажение как формула и картина... как развлечение, что свойственно дизайнерам интерьеров и назойливым продавцам» [607].

В 1952 году около 50 американских художников, в том числе Эдвард Хоппер (Edward Hopper), Чарлз Берчфилд (Charles Burchfield), Ясуо Куниеси

[605] Museum of Modern Art, Report of the Trustees, 1945, in Alfred Barr, Painting and Sculpture in the Museum of Modern Art 1929-1967: An Illustrated Catalogue and Chronicle (New York: Museum of Modern Art, 1977).
[606]Там же.
[607]Lincoln Kirstein. Harper's Magazine, October 1948.

(Yasuo Kuniyoshi) и Джек Левин (Jack Levine), направили МОМА резкое обращение (ставшее известным под названием «Манифест реальности»), в котором осудили музей за «всё большее и большее отождествление в глазах общественности с абстрактным и беспредметным искусством», «догмой», которая, по их мнению, происходила «в значительной степени от Музея современного искусства и его неоспоримого влияния в стране». В том же году в коммунистическом ежемесячнике «Массы и мейнстрим» (Massesand Mainstream) было высмеяно абстрактное искусство и его «святыня» - Музей современного искусства в статье под мрачным пророческим заголовком «Доллары, каракули и смерть».

Можно ли утверждать, что Музей современного искусства поторопился с абстрактным искусством? Выставка «Американское авангардное искусство для Парижа» Сидни Яниса (Sidney Janis) во Французской галерее в конце 1951 года закончилась оглушительным провалом. Отзывы были в лучшем случае равнодушными, но в большинстве своём - крайне враждебными. Ни одна картина не была продана. «Ещё слишком рано», - заключил Янис. Владельцы другой частной галереи, поддерживающие нью-йоркскую школу, не сомневались в том, что провал произошёл из-за МОМА, бежавшего впереди публики. «Я должен сказать, что Музей современного искусства был одним из первых, кто принял таких людей, как Мазервелл, Готлиб, Базиотис, - рассказывал Самуил Кутц, владелец галереи «Кутц». - Альфред Барр, первый директор МОМА, был поклонником этой тройки художников и заразил своим восхищением Бёрдена, Нельсона Рокфеллера и других попечителей» [608].

Являясь законодателем мод своего времени, Барр сделал очень многое для успеха абстрактного экспрессионизма. Родившийся в 1902 году в Детройте, Барр поступил в Принстон в 1918 году, где проявил интерес к искусству, военной истории и шахматам (что объясняло его увлечение стратегией и тактикой). В 1929 году, по приглашению Эбби Олдрич Рокфеллер, он стал первым директором Музея современного искусства. Эту должность он занимал до 1943 года, когда на этом посту его сменил Рене д'Арнонкур. Однако Барр продолжил работать в музее, а в феврале 1947 года его назначили директором коллекций МОМА.

В статье для журнала «Нью-Йоркер» Дуайт Макдональд описал его как человека «застенчивого, хрупкого, с тихим голосом и учёным выражением лица со строгими чертами, смягчаемыми только скрытой улыбкой, которую можно заметить у древнегреческих статуй или на лице психоаналитика». Но в то же время Макдональд отмечал, что Барр был больше чем просто ещё одним приятным рассеянным пожилым профессором. Несмотря на свою спокойную и высоконравственную манеру поведения, было в нём немало от политика «с итальянской искусностью. Альфред Барр приложил руку к созданию в музее такой атмосферы интриг, что многое там было совсем не тем, чем казалось, так что один сбитый с толку художник назвал это место «Домом загадок, а не искусства». Макдональд цитирует Пегги Гуггенхайм, которая однажды призналась, что «ненавидит уклончивую манеру речи

[608]Samuel Kootz. Цитата из Lynn Zelevansky. Dorothy Miller's «Americans» 1942-1963, Studies in Modern Art 4 (New York: Museum of Modern Art, 1994).

Барра», и другого современника, который заметил «нечто иезуитское в Альфреде. Но если иезуиты строили свои козни во славу Божию, то Барр плёл интриги во имя современного искусства и музея» [609].

В стратегии Музея современного искусства в этот крайне политизированный период угадывается та самая «итальянская рука» Барра. Пытаясь успокоить возмущавшихся любовью МОМА к абстрактному экспрессионизму, он следовал «политике двойных стандартов, которая из соображений такта и дипломатии никогда не велась в открытую, но проявлялась, в частности, в программе выставки музея» [610]. Таким образом, не было недостатка в выставках, отвечающих вкусу большинства на романтический или предметный жанр, что вынудило одного критика обвинить музей в преданности не столько «искусству нашего времени», сколько «искусству времени наших дедов» [611]. Но одновременно Барр приобретал работы нью-йоркской школы и вёл незаметную агитацию с целью привлечения широкой институциональной поддержки.

Именно он убедил Генри Люса из «Тайм-Лайф» изменить свою редакторскую политику по отношению к новому искусству, рассказывая ему в письме, что его необходимо защищать, не подвергать критике как в Советском Союзе, потому что оно как-никак является «свободным предпринимательством в искусстве» [612]. Именно так Люс, постоянно державший фразу «интеллектуальное здоровье Америки» на кончике своего языка, начал поддерживать интересы Барра и Музея современного искусства. В августе 1949 года журнал «Лайф» выделил центральный разворот для Джексона Поллока, тем самым поместив художника и его работы на каждый кофейный столик в Америке. Такой охват (и усилия Барра по закреплению успеха) не позволил оставить абстрактный экспрессионизм без внимания.

Тем не менее, коллекции Музея современного искусства попадали в Европу, что наилучшим образом демонстрирует успехи нью-йоркской школы. Под эгидой Международной программы, которая была запущена в 1952 году на средства Фонда братьев Рокфеллеров (в течение пяти лет ежегодно выделялся грант в размере 125 тысяч долларов), музей запустил масштабную программу экспорта абстрактного экспрессионизма, которую сам Барр охарактеризовал как форму «благотворительной пропаганды для иностранной интеллигенции» [613] (другой активист МОМА назвал её «огромным вложением в дело международного признания»). Куратором

---

[609] Dwight Macdonald. Action on West 53rd Street, The New Yorker, 12 and 19 December 1953.
[610] Lynn Zelevansky. Цит. произв.
[611] Делая обзор ретроспективы шоу 1943 г. «Романтическое художественное искусство в Америке» (которое включало Бингэма, Бутчфилда, Икенса, Гомера и Уоткина), Гринберг раскритиковал его как шоу, представляющее «период, в котором сухие кости вновь обрели плоть, трупы воскрешены и иллюзии оживлены нашими сдающими нервами в каждой области открытия». Clement Greenberg. Art, The Nation, 1 January 1944.
[612] Alfred Barr to Henry Luce. 24 March 1949 (AB/MoMA).
[613] Alfred Barr. Introduction to The New American Painting catalogue, 1958. Полностью иллюстрированный каталог был выпущен благодаря «двум щедрым спонсорам: один из Великобритании, пожелавший остаться неизвестным, другой — из Информационного агентства США».

программы был Портер Маккрей (Porter McCray), выпускник Йельского университета и ещё один заслуженный сотрудник южноамериканской разведывательной группы Нельсона Рокфеллера. В декабре 1950 года Маккрей на год оставил должность руководителя отдела выездных выставок МОМА, чтобы в качестве сотрудника внешнеполитического ведомства США присоединиться к программе культурного восстановления Европы, развёрнутой в рамках «Плана Маршалла» в Париже.

Об этих событиях Рассел Лайнс (Russel Lynes) писал в своей истории Музея современного искусства: «Перед музеем теперь находился весь мир, который можно обратить в свою веру (по крайней мере мир снаружи железного занавеса), хотя на этот раз экспортируемая религия была своей, местной, а не импортной верой из Европы, как это бывало в прошлом» [614]. Во Франции Маккрей воочию наблюдал негативные последствия официального запрета Государственного департамента на так называемых левых художников. В результате появился, как сформулировал один из сотрудников американского посольства, «разрыв в американских интересах и действиях, который не только непонятен европейцам, но также играет на руку коммунистам, обвиняющим Америку в том, что она не разделяет основные ценности западной цивилизации» [615].

Маккрей вернулся в Музей современного искусства, чтобы исправить это впечатление. Под его началом заимствования из хранилищ музея для передвижных выставок значительно возросли, даже «до несколько тревожных масштабов», что, как показал внутренний отчёт, оставило в 1955 году музей «без большей части его лучших произведении американского искусства на 18 месяцев». К 1956 году в рамках Международной программы прошли 33 международные выставки, в том числе участие США в Венецианской биеннале (США стали единственной страной, которую представляли частные лица). Одновременно значительно возросло финансирование посольств и консульств США.

«Был опубликован ряд статей, в которых Международная программа Музея современного искусства обвинялась в культурной пропаганде и даже высказывались предположения, что она была связана с ЦРУ. А я как работавший там в те годы могу заявить, что это абсолютное враньё! - рассказывал Уолдо Расмуссен (Waldo Rasmussen), помощник Маккрея. - Главный акцент Международная программа делала на искусстве - политика здесь была ни при чем, равно как и пропаганда. На самом деле как американскому музею нам было важно избежать обвинений в культурной пропаганде, и по этой причине не всегда было выгодно иметь связи с американскими посольствами или государственными деятелями, потому как это наводило на мысль о пропагандистской цели выставок, что на самом деле было не так» [616].

В Музее современного искусства не обошлось ни без пропаганды, ни без государственных деятелей. Например, когда в 1952 году музей согласился

---

[614]Russell Lynes. Цит. произв.
[615]American Embassy, Paris, to State Department, 11 June 1953 (SD. CA/RG59/NARA).
[616]Waldo Rasmussen. Interview, New York, June 1994.

организовать художественную выставку в рамках парижского фестиваля «Конгресс за свободу культуры», он сделал это при содействии попечителей, которые были полностью осведомлены о роли ЦРУ в организации фестиваля.

Кроме того, куратор выставки Джеймс Джонсон Суини (член консультативного комитета МОМА и Американского комитета за свободу культуры) публично одобрил пропагандистскую ценность этой выставки, объявив: «На показе будут представлены шедевры, которые не могли быть созданы или выставлены на всеобщее обозрение в таких тоталитарных странах, как нацистская Германия или современная Советская Россия» [617]. Взгляд на абстрактное искусство как на синоним слова «демократия», как на нечто, находящееся на «нашей стороне», был также подчёркнут Альфредом Барром, который в стиле обычной риторики холодной войны заявил: «Монолитная тирания не терпит нонконформизм и любовь к свободе современных художников, современное искусство бесполезно для диктаторской пропаганды» [618].

Гораздо большее значение, чем Выставка шедевров Набокова, имела выездная выставка 1953-1954 годов «Двенадцать современных американских художников и скульпторов» [619] - первое турне МОМА, посвящённое исключительно нью-йоркской школе. Открытая в Национальном музее современного искусства в Париже (Musee National d'Art Modern), она стала первой крупной выставкой американского искусства, проходившей во французском музее за более чем 15 лет. Чтобы избежать обвинений в «культурном вторжении» во Францию (чей собственный культурный шовинизм нельзя было не заметить), МОМА заявил, что выставка была организована в ответ на просьбу французского музея о её проведении. На самом же деле всё было наоборот.

Согласно официальному донесению американского дипкорпуса в Париже, «в начале февраля 1953 года, Музей {современного искусства) обратился в отдел культурных связей посольства с просьбой обсудить с Жаном Кассу (Jean Cassou), директором Национального музея современного искусства в Париже, возможность проведения указанной выставки. Посчитав, что эта выставка могла бы быть полезной, мсье Кассу, несмотря на то, что уже составил расписание экспозиций вплоть до весны 1954 года, всё же изменил планы и исключил из программы запланированную ранее выставку бельгийского художника Энсора» [620]. В донесении содержались жалобы на неспособность посольства «предпринять какие-либо действия в

---

[617]James Johnson Sweeney. Press release, 18 April 1952 (ACCF/NYU).

[618]Alfred Barr. Is Modern Art Communistic? New York Times Magazine, 14 December 1952

[619]Этими двенадцатью артистами были Джексон Поллок, Арчил Горки, Джон Кэйн, Дэвид Смит, Бен Шан, Александр Кальдер, Джон Марин, Моррим Грейвс, Стюарт Дэвис, Эдвард Хоппер, Иван Элбрайт и Теодор Росзак.

[620]American Embassy, Paris, to State Department, 11 June 1953 (NA, RG59). Жан Кассу был важнейшим связующим звеном между организациями искусства в Нью-Йорке и Париже. Будучи малоизвестным поэтом, он был назначен директором Государственного музея современного искусства в благодарность за его деятельность в Сопротивлении и стал высокопоставленным государственным служащим, который об искусстве знал меньше, чем о том, как взаимодействовать с политически значимыми группами, в особенности с Конгрессом за свободу культуры.

ответ на эту просьбу из-за отсутствия художественной программы, находящейся под покровительством правительства Соединенных Штатов». Также в нём утверждалось, что «в рассмотрении вопроса об организации выставки американского искусства сдвинуть дело с мёртвой точки помог Фонд Нельсона Рокфеллера, который позволил использовать средства, выделенные для МОМА, на организацию межнациональных выставок» [621].

Невозможность американского посольства сыграть какую-либо официальную роль в выставке стала причиной того, что оно ограничилось функцией связующего звена между МОМА и французскими организаторами. В число последних входила Французская ассоциация деятельности в искусстве (Association Fransaise d'Action Artistique), которая была прикреплена к двум министерствам: Министерству иностранных дел и Министерству национального образования. Ассоциация вышла на передний план за счёт «пожертвований» на роскошные каталоги, афиши и «всю рекламу выставки». Интересной кажется связь: ассоциация была также «донором» Конгресса за свободу культуры, а её директор Филип Эрлангер (Philippe Erlanger) был, по словам Юнки Флейшмана, «одним из наиболее полезных и готовых к сотрудничеству людей во Франции, к которому мы обращались по любому вопросу, связанному с Конгрессом» [622].

Эрлангер в действительности был контактным лицом ЦРУ во французском Министерстве иностранных дел. Через него Конгресс за свободу культуры (а по случаю и МОМА) приобрёл надёжный канал для вложения официального французского капитала в дело культурной пропаганды. Рене д'Арнонкур, который в известной степени придал выставке солидности, занимаясь лично её организацией, не мог не знать об этих контактах. Французская пресса пыталась добыть информацию о политических манёврах, происходящих за кулисами выставки. В адрес парижского Музея современного искусства посыпались колкости, его стали называть новой сторожевой заставой на «территории Соединенных Штатов», а художников, представленных на выставке, - «двенадцатью апостолами мистера Фостера Даллеса».

В то время как выставка «Двенадцать современных американских художников и скульпторов» подготавливалась к перевозке в следующий пункт назначения (ей предстояло побывать в Цюрихе, Дюссельдорфе, Стокгольме, Осло и Хельсинки), МОМА уже готовился к участию в другой выставке, что вновь привело его к прямому сотрудничеству с Конгрессом за свободу культуры. В письме Набокову от 9 апреля 1954 года Монро Уиллер (Monroe Wheeler), заведующий выставками и публикациями МОМА, утверждал: «Наш Координационный комитет согласился с тем, что мы должны приложить все усилия для сотрудничества с вами по вашему проекту показа работ художников в возрасте от 18 до 35 лет. Мы хотели бы предложить в ваш Международный консультативный комитет заведующего живописью и скульптурой МОМА мистера Эндрю Карндаффа Ричи (Andrew Carnduff Ritchie)» [623].

---

[621]American Embassy, Paris. Там же.
[622]Julius Fleischmann to Bob Thayer. 25 February 1960 (CCF/CHI).
[623]Monroe Wheeler to Nicolas Nabokov. 9 April 1954 (CCF/CHI).

Результатом этого сотрудничества стала выставка «Молодые художники», стартовавшая в Национальной галерее современного искусства в Риме (Galleria Nazionale d'Arte Moderna) и отправившаяся дальше в брюссельский Palais des Beaux-Arts, парижский Musee National d'Art Moderne и в лондонский Институт современного искусства (Institute of Contemporary Arts). Из 170 картин, представленных на выставке, почти все были работами абстракционистов. Ричи, считавший художников, работающих в абстрактном жанре, в некотором роде ответом на «слабость, возможно даже стерильность, большей части некоммунистической предметной живописи», выбрал произведения Ричарда Дибенкорна (Richard Diebenkorn), Сеймура Драмлевича (Seymour Drumlevitch), Джозефа Гласко (Joseph Glasco), Джона Халтберга (John Hultberg), Ирвинга Крисберга (Irving Kriesberg) и Теодороса Стамоса (Theodoras Stamos). Таким образом, пока европейские зрители знакомились с первой волной абстрактного экспрессионизма, Ричи уже готовил вторую.

Как обычно, Конгресс за свободу культуры смог подготовить крупные денежные призы, которые были присуждены трём лучшим художникам: Халтберг разделил первый приз за лучшую картину с Джованни Дова и Аланом Рейнольдсом, каждый получил по 1000 швейцарских франков, или 2000 долларов, «пожертвованных» Флейшманом. Средства на организацию выставки, её транспортировку и рекламу в течение года, пока работала выставка, поступали непосредственно из Фонда Фарфилда. Международная программа MOMA покрыла расходы на перевозку работ в Европу и обратно, используя для этого средства, предоставленные Фондом братьев Рокфеллеров. Медиаресурсы Конгресса сыграли свою роль в популяризации и распространении влияния выставки. В 1956 году «Прев» посвятил половину своего октябрьского выпуска выставке и опубликовал международный обзор молодых художников, главной темой которого было сравнение абстрактного и предметного искусства [624]. Джоссельсон, утверждавший, что «проблемы современной живописи оказались моим

[624]Журналы Конгресса обеспечили полезную базу для критики, благоприятной для нового искусства. Майкл Джоссельсон был очень признателен политической важности абстракции, которая, как он верил, должна быть демократическим ответом социалистическому (читай «социальному») реализму. После общественных дискуссий в начале 1954 г., на которых, как сообщали, Альберто Моравия придерживался коммунистической точки зрения относительно социалистического реализма, Джоссельсон был в бешенстве. Он немедленно написал Николаю Набокову, который был тогда в Риме, дав ему распоряжение организовать встречу, на которой заявления Моравии были бы дискредитированы, а сам Моравия выставлен «лицемером». Michael Josselson to Nicolas Nabokov. 22 January 1954 (CCF/CHI). В следующем году после прочтения статьи художественного критика Джона Бергера из журнала New Statesman, в которой он критиковал выставку итальянских художников в Лондоне за исключением таких реалистов, как Ренато Гуттусо (чьи работы, как написал Бергер, доказали, что «для художника из Западной Европы нет необходимости ни отрезать свою правую руку и рисовать, как будто он является старым академиком в Москве, ни отрезать левую руку, чтобы почувствовать себя как дома в Музее современного искусства в Нью-Йорке), Мелвин Ласки написал Джоссельсону: «Если когда-либо будет составлена брошюра по журналу New Statesman and Nation, она должна включить кредо художественного критика и партийного функционера Джона Бергера, напечатанного на стр. 180 в выпуске от 5 февраля 1955 г. Взгляните на это — и рвите на себе волосы». Melvin Lasky to Michael Josselson. 1 February 1955 (CCF/CHI).

хобби», отправил этот обзор Нельсону Рокфеллеру, отметив: «Сегодня это одна из наиболее обсуждаемых тем в Париже» [625].

Сотрудничество с Конгрессом открыло МОМА доступ к наиболее престижным художественным учреждениям Европы. В Комитете по делам искусств Конгресса заседали директора брюссельского Palais des Beaux-Arts, швейцарского Музея современного искусства, лондонского Института современного искусства, берлинского Музея кайзера Фридриха, парижского Национального музея современного искусства, нью-йоркского и венецианского отделений Музея Гугенхайма и римской Национальной галереи современного искусства. В сочетании с экономической мощью МОМА (и не афишировавшейся поддержкой Фонда Фарфилда) этот комитет мог сильно влиять на эстетические вкусы всей Европы. Как писал один из обозревателей выставки «Молодые художники»: «Тот факт, что выставка соответствует преобладающему вкусу различных течений абстрактного искусства и не предлагает никаких сюрпризов, вероятно, связан с составом жюри. Почти все члены жюри - директора музеев, которые определённо не пойдут против общепризнанных тенденций» [626].

Вряд ли можно сомневаться, что эта господствующая ортодоксальность существовала в угоду политической, а не только эстетической повестке дня. Это была политика, лично санкционированная президентом Эйзенхауэром, который, в отличие от своего предшественника Трумэна, признавал ценность современного искусства как «столпа свободы». В своём выступлении, открыто одобряя работу МОМА, Эйзенхауэр заявил: «Пока художники вольны остро чувствовать, пока они могут творить с искренностью и убеждённостью, здоровая конкуренция и прогресс будут существовать в искусстве... Тирания же создаёт совсем иную ситуацию. Когда из художников делают рабов и орудия государства, когда художники становятся главным оружием пропаганды, прогресс останавливается, а созидание и гений уничтожаются» [627].

Эти настроения были подхвачены бывшим руководителем Международной программы МОМА Августом Хекшером (August Heckscher), который утверждал, что работа музея была «связана с центральным противостоянием эпохи - противостоянием свободы и тирании. Мы знаем, что там, где тирания побеждает, неважно, будет это фашизм или коммунизм, современное искусство изгоняется и уничтожается» [628].

В 1955 году Джордж Кеннан с иронией в отношении этой идеологии «свободного искусства» рассказывал аудитории активистов МОМА, что их задача - «исправлять некоторые впечатления, которые внешний мир составляет о нас, впечатления, которые начинают оказывать очень сильное

---

[625]Michael Josselson to Porter McCray. 8 October 1956 (CCF/CHI).
[626]Press clipping (source unidentifiable), summer 1955 (ACCF/ NYU).
[627]Dwight D. Eisenhower. Freedom in the Arts, MoMA 25th Anniversary Address, 19 October 1954, in Museum of Modern Art Bulletin, 1954.
[628]August Heckscher. MoMA 25th Anniversary Address. Там же. Хекшер работал в New York Herald Tribune, принадлежащей Уитни, которая существенно поддержала абстрактных экспрессионистов.

влияние на наше международное положение» [629]. Эти «негативные чувства», говорил Кеннан, были «связаны с культурными, но не политическими обстоятельствами».

Его следующая фраза удивила бы любого: «Тоталитаристы поняли, они смогут беспрепятственно заявить, что создали достойную похвалы и перспективную цивилизацию, только если всем будет видно, что их художники уверены и полны энтузиазма... И печально, что они это поймут намного быстрее многих наших людей» [630]. В чём, спрашивал Кеннан, особенность стоящей задачи? «Мы должны... показать внешнему миру, что у нас есть культурная жизнь и что мы о ней как-то заботимся. Что мы заботимся о том, чтобы создать ей поддержку и одобрение у нас в стране, и надеемся, что её обогатит знакомство с аналогичной деятельностью в других местах. Если бы только хватило силы и удачи, чтобы передать это восприятие в зарубежные страны, я бы с готовностью обменял на это все остальные приёмы политической пропаганды, поскольку всех результатов можно достичь только одними этими методами» [631].

Поддержку Конгрессом за свободу культуры экспериментального, преимущественно абстрактного изобразительного искусства, а не предметного, то есть реалистической эстетики, следует рассматривать именно в этом контексте. Из высказываний Тома Брейдена и Дональда Джеймсона становится очевидным: ЦРУ чувствовало, что также должно сыграть свою роль в поддержке нового искусства. Записи в архиве Фонда Фарфилда говорят о том, что Управление выражало своё участие в долларах. Помимо поддержки выставки «Молодые художники», в МОМА поступали и другие субсидии от Фарфильда, в том числе 2000 долларов Международному совету в 1959 году - на выпуск книг о современном искусстве для польских читателей.

Существуют и другие неопровержимые доказательства того, что ЦРУ являлось активным звеном механизма, продвигавшего абстрактный экспрессионизм. Сразу после закрытия выставки «Молодые художники» в 1955-1956 годах Николай Набоков начал планировать её продолжение. Несмотря на неуверенный старт, предложение было окончательно утверждено в начале 1959 года. Юнки Флейшман, ныне председатель Комитета музыки и искусств Конгресса, а также член Международного совета искусств МОМА (расширенной версии Международной программы), обеспечивал связь между этими двумя организациями. И снова МОМА отбирала для этой выставки те из американских работ, которые уже ездили в Европу на Парижскую биеннале. К концу года, секретарь Набокова мог с уверенностью заявить Юнки, что новость о запланированной выставке «пронеслась в художественных кругах, словно торнадо. Все молодые художники в Париже, все директора галерей, все художественные критики

[629]George Kennan. International Exchange in the Arts, Address to the Council of MoMA, 1955, in Perspectives, summer 1956.
[630]Там же.
[631]Там же.

звонят {в Конгресс), чтобы выяснить подробности. Выставка обещает стать настоящим хитом» [632].

Первоначально называвшаяся «Поэтические источники современной живописи», выставка, которая в итоге открылась в январе 1960 года в Музее декоративных искусств Лувра, получила более провокационное название - «Антагонизмы». На выставке преобладали работы Марка Ротко, который в то время жил во Франции, Сэма Фрэнсиса (Sam Francis), Ива Кляйна (Yves Klein; это был первый показ его работ в Париже), Франца Клайна (Franz Kline), Луизы Невельсон (Louise Nevelson), Джексона Поллока, Марка Тоби и Джоан Митчелл. Многие из картин были привезены в Париж из Вены, где Конгресс выставлял их как часть более широкой кампании, организованной ЦРУ с целью срыва Фестиваля коммунистической молодёжи 1959 года. Эта выставка обошлась ЦРУ в 15 365 долларов, но для её более широкой версии в Париже им пришлось искать дополнительное финансирование. Ещё 10 тысяч долларов было отмыто через Фонд Хоблитцелла, также к этой сумме были добавлены 10 тысяч долларов из Французской ассоциации деятельности в искусстве.

Хотя пресса «щедро уделяла внимание» выставке «Антагонизмы», Конгресс был вынужден признать отзывы «в целом очень злобными». Хотя некоторые европейские критики были покорены «великолепным резонансом» и «захватывавшим дух головокружительным миром» абстрактного экспрессионизма, многие оказались сбиты с толку и возмущены. В Барселоне критик, писавший о выставке «Новая американская живопись», гастроли которой МОМА организовал в том году, был потрясён, узнав, что два полотна - Джексона Поллока и Грейс Хартиган - были настолько большими, что пришлось отпилить верхнюю часть металлической входной двери музея для того, чтобы внести их внутрь. Обзор «Крупнейшие в мире», опубликованный «Либр Бэльжик» (La Libre Belgique), выражал беспокойство: «Кажется, сила, показанная в неистовстве всеобщей свободы, - течение действительно опасное. Наши собственные абстрактные живописцы, все «неформальные» европейские художники, выглядят пигмеями рядом с будоражащей мощью этих сорвавшихся с цепи гигантов» [633]. Статья изобиловала упоминаниями о больших размерах и насилии, свойственных Дикому Западу, «как будто критики схватили не те каталоги и решили, что эти картины были написаны Уайеттом Эрпом (Wyatt Earp) или Билли Кидом (Billy the Kid)» [634].

Не только европейские художники чувствовали себя карликами рядом с гигантизмом абстрактного экспрессионизма. Адам Гопник впоследствии пришёл к выводу, что «безразмерная абстрактная акварель {стала) единственным направлением в искусстве, представляемым в американских музеях, вынудив два поколения реалистов уйти в подполье и, подобно самиздату, распространять натюрморты» [635]. Джон Канадей (John Canaday)

---

[632]Ruby D’Arschot to Julius Fleischmann. 28 October 1959 (CCF/CHI).
[633]Цитата из Clifford Ross. Abstract Expressionism: Creators and Critics (New York: Abrams, 1990).
[634]Цитата из Clifford Ross. Там же.
[635]Adam Gopnik. The Power Critic, The New Yorker, 16 March 1998.

вспоминал, что «пик популярности абстрактного экспрессионизма пришёлся на 1959 год, когда неизвестный художник, желающий выставиться в Нью-Йорке, не мог договориться с картинной галереей, если только не писал в стиле, позаимствованном у того или иного члена нью-йоркской школы» [636]. Критики, «считавшие, что абстрактный экспрессионизм злоупотребляет собственным успехом и что монополия на искусство зашла слишком далеко», могли оказаться, по словам Канадея, «в неприятной ситуации» (он утверждал, что за непризнание нью-йоркской школы ему самому якобы угрожали смертью) [637].

Пегги Гуггенхайм, вернувшаяся в США в 1959 году после 12-летнего отсутствия, была «поражена: всё изобразительное искусство превратилось в огромный бизнес-проект». Музей современного искусства, названный одним критиком «раздувшимся картелем модернистов», ревностно придерживался своей роли главного творца истории абстрактного экспрессионизма. Упорядочивая и систематизируя, эта история свела то, что в своё время было провокационным и странным, к академической формуле, общепризнанным манерам, официальному искусству.

Будучи таким образом канонизирована, самая свободная форма искусства теперь потеряла свободу. Всё больше и больше художников писали всё больше и больше картин, которые становились всё огромнее и всё более пустыми по содержанию. Именно этот стилистический конформизм, предписанный МОМА, и чересчур широкое общественное признание, частью которого он являлся, вывели абстрактный экспрессионизм на грань безвкусицы. «Это как в сказке про голого короля, - говорил Джейсон Эпштейн. - Вы идёте в таком виде по улице и говорите: «Это великое искусство», и люди из толпы соглашаются с вами. Кто встанет перед Клемом Гринбергом, а также перед Рокфеллерами, которые покупали эти картины для украшения своих банков, и скажет: «Этот хлам ужасен!»? [638] Возможно, Дуайт Макдональд был прав, когда сказал: «Мало кто из американцев решается спорить с сотней миллионов долларов» [639].

А что же сами художники? Не возражали ли они против риторики холодной войны, которую Питер Фуллер (Peter Fuller) назвал «идеологической промывкой мозгов», часто сопровождавшей выставки их работ? Одной из особенностей той роли, которую американская живопись играла в культурной холодной войне, является не то, что она стала частью этой войны, а то, что движение, которое так открыто провозглашало себя аполитичным, смогло стать настолько глубоко политизированным. Художник Пол Берлин (Paul Burlin) сказал: «Современная живопись является вершиной творческого выражения отдельной личности, одинаково далёкой от политических взглядов левых и их братьев по крови - правых» [640]. Согласно критику Гарольду Резерфорду, послевоенное искусство вызвало к

---

[636]John Canaday. New York Times, 8 August 1976.
[637]Там же.
[638]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.
[639]Dwight Macdonald. Цит. произв.
[640]Paul Burlin. Цитата из Serge Guilbaut, How New York Stole the Idea of Modern Art (Chicago: University of Chicago Press, 1983).

жизни «политический выбор отказа от политики». «Но даже в своей политически злобной реакции на политику, в своей показной демонстрации того факта, что соревнующиеся идеологии исчерпали себя и растеряли сторонников... новые художники и те, кто их поддерживали, конечно, оказались полностью втянутыми в проблемы своих дней» [641].

Была ли их работа полностью противопоставлена общественной и политической роли, для которой она создавалась? Барнетт Ньюман (Barnett Newman) в своём введении к каталогу «Первой выставки современных американских художников» 1943 года писал: «Мы, современные американские художники, собрались вместе, потому что чувствуем необходимость представить общественности искусство, которое будет адекватно отражать новую Америку, такую, какая она есть сегодня, ту Америку, которая, как мы надеемся, станет культурным центром мира» [642].

Не сожалел ли потом Ньюман о таком националистическом контексте? Биллем де Кунинг счёл «эту американскость» «определённым бременем» и сказал: «Если вы принадлежите к какой-то малой нации, то у вас этого нет. Когда я поступил в Академию и стал рисовать обнажённую натуру, я создавал рисунок, а не целое голландское искусство. Иногда я чувствую, что американский художник должен чувствовать себя игроком в бейсбол или кем-то вроде этого - членом команды, пишущей американскую историю» [643]. Хотя в 1963 году де Кунинг уже гордился полученной им президентской медалью. «Идея изолированного американского изобразительного искусства... кажется мне абсурдной, так же как была бы абсурдной идея создания чисто американской математики или физики» [644], - говорил Джексон Поллок, который погиб в пьяном виде за рулём своего олдсмобиля раньше, чем столкнулся с выбором принимать или не принимать подобные почести.

Роберт Мазервелл, который первоначально был счастлив стать частью «той миссии, которая делала изобразительное искусство Америки равным изобразительному искусству любых других стран», позже писал: «Странно, когда сам конечный продукт более значим, чем люди, которые его делают» [645]. Отвергая претензии националистов на абстрактный экспрессионизм, он в 1970-х годах поддержал английского абстрактного художника Патрика Хирона, когда тот бросил вызов американскому праву на монополию в культурном лидерстве и написал об «аккуратных попытках Хирона сражаться с нью-йоркским империализмом... ваше поколение в Англии сделало героические усилия, чтобы выйти за пределы искусства джентльменов, {которому) ни тогда, ни потом не воздали должное» из-за так называемого нью-йоркского «великодушия по отношению к вашему поколению в Британии». Мазервелл добавил, что с нетерпением ожидает

---

[641]Alan Filreis. Beyond the Rhetorician's Touch: Stevens's Painterly Abstractions, American Literary History, spring 1992.
[642]Barnett Newman. Catalogue introduction to the First Exhibition of Modern American Artists, Riverside Museum, January 1943.
[643]Willem de Kooning. Цитата из Clifford Ross. Цит. произв.
[644]Jackson Pollock. Цитата из Clifford Ross. Цит. произв.
[645]Robert Motherwell. Цитата из Clifford Ross. Цит. произв.

«нешовинистической истории современного искусства», и закончил заверением Хирона в том, что «не все американцы - монголы» [646].

Мазервелл был членом Американского комитета за свободу культуры. Также в него входили Базиотис, Калдер и Поллок (хотя последний уже отупел от пьянства, когда вступал в Комитет). Художник-реалист Бен Шан (Ben Shan) отказался вступать, переделав аббревиатуру комитета ACCF в ругательство «ACCFuck». Бывшие товарищи Марк Ротко и Адольф Готлиб стали убеждёнными антикоммунистами во время холодной войны. В 1940 году они помогли основать Федерацию современных художников и скульпторов, которая начала свою деятельность с того, что осудила все националистические и реакционные политические движения за ту угрозу, которую они несли культуре. В следующие месяцы Федерация стала активным проповедником антикоммунизма в мире искусства. Она пыталась обнаружить влияние компартии в различных организациях от искусства. Ротко и Готлиб возглавили её работу по ликвидации присутствия коммунистов в мире искусства. Их преданность этому делу была столь велика, что, когда в 1953 году Федерация проголосовала за прекращение своей политической активности, они вышли из её состава.

Эд Рейнхард (Ad Reinhardt) был единственных абстрактным экспрессионистом, который продолжал придерживаться левых убеждений, и поэтому его полностью игнорировал официальный мир искусства до 1960-х годов.

Это дало ему отличную возможность выявить несоответствие между образом жизни и искусством его бывших друзей, чьи пьяные вечеринки в Cedar Tavern уступили место посиделкам в домах в Хэмптоне, Провиденс и Кейп-Код (места престижных летних резиденций на восточном побережье США. - Прим. ред.) и чьи групповые фотографии типа «Разозлённых» 1950 года сменились статьями в журнале Vogue, в которых эти рассерженные молодые люди больше походили на биржевых маклеров, - статьями, говорившими о «перспективных» и «быстро растущих» художниках и о том, что рынок абстрактного экспрессионизма «кипит» от активности. Рейнхард резко осудил своих товарищей по цеху за то, что они поддались искушению жадности и амбиций. Ротко он называл «фавном из неотапливаемой квартиры журнала Vogue», а Поллока - «бездельником из Harpers Bazaar». Барнер Ньюман был у него «авангардным торговцем-ремесленником и держателем образовательной лавки», а также «святошей болтуном - развлекателем в отставке» (комментарий, который спровоцировал Ньюмана подать в суд). Рейнхард на этом не остановился. Он сказал, что музей должен быть «сокровищницей и могилой, а не счётным домом или развлекательным центром» [647]. Он сравнил критику искусства с «голубиным воркованием» и осмеял Гринберга, назвав его диктатором - папой римским. Рейнхард был единственным из абстрактных экспрессионистов, который

[646]Robert Motherwell to Patrick Heron. 2 September 1975. Я признательна Патрику Герону, который показал мне это письмо.
[647]Ad Bernhardt. Цитата из Annette Cox, Art as Politics: The Abstract Expressionist Avant-Garde and Society (UMI Research Press, 1982).

участвовал в «Марше на Вашингтон» за права афроамериканцев в августе 1963 года.

Трудно поверить, что абстрактным экспрессионистам просто «пришлось работать во время холодной войны, но не на холодную войну» [648]. Их собственные утверждения и в некоторых случаях политическая ангажированность опровергают утверждения о непричастности к идеологической борьбе. Однако работа абстрактных экспрессионистов не может быть сведена к политической истории, в которой она проходила. Абстрактный экспрессионизм, как и джаз, был и остаётся творческим феноменом, существующим отдельно, и может быть, даже подчёркнуто независимо от той политической пользы, которую он принёс.

«Нет сомнений в том, что необходимо понимать всё искусство во взаимосвязи с его временем, - утверждал Филип Додд. - Для того чтобы абстрактный экспрессионизм обрёл для нас смысл, нам надо понять, каким образом он появился во время особого периода в отношениях Европы и Америки. На политическом уровне это было поколение радикалов, выброшенных на берег историей, а на национальном уровне они появились как раз в тот момент, когда Америка стала единственной великой культурной империей послевоенного периода. Всё это надо понимать для того, чтобы быть в состоянии оценить их достижения. Но их искусство не может быть сведено только к этим условиям. Действительно, ЦРУ было вовлечено в этот процесс - я сожалею об этом так же, как любой другой человек, - но это не объясняет того, почему это искусство обрело такую значимость. Было что-то в самом этом искусстве, что привело его к триумфу» [649].

Джексон Поллок погиб в автокатастрофе в 1956 году, к этому времени Аршиль Горки уже давно повесился. Франц Клайн за шесть лет свёл себя в могилу пьянством. В 1965 году скульптор Дэвид Смит также погиб в автокатастрофе. В 1970 году Марк Ротко вскрыл себе вены и истёк кровью на полу своей студии. Некоторые из его друзей считали, что он совершил самоубийство частично из-за того, что не смог справиться с противоречием, заключавшимся в том, что он разбогател на создании работ, «кричавших о своей оппозиции к буржуазному материализму».

«Страна гордится своими умершими поэтами», - говорит закадровый голос в «Даре Гумбольдта». «В оправдание поэтов звучит фраза о том, что США слишком сильны, слишком велики, слишком массивны, что американская реальность берёт верх... Слабость духовных сил доказывается несерьёзностью, безумием, алкоголем и безысходностью мучений... Да, поэты любимы, но любимы потому, что не могли здесь жить. Они существуют для того, чтобы указать на чудовищность нашей ужасной неразберихи» [650].

---

[648]Giles Scott-Smith. The Politics of Apolitical Culture: The Congress for Cultural Freedom and the Cultural Identity of Post-War American Hegemony, 1945-1960 (unpublished Ph. D. thesis, Lancaster University, 1998).
[649]Philip Dodd. Interview, London, July 1994.
[650]Saul Bellow. Humboldt's Gift.

17. Фурии на страже

«В 1787 году неподалёку от Мулена на постоялом дворе умирал старик, друг Дидро, воспитанный на сочинениях философов. Окрестные священники выбились из сил: старик не желал принять соборование - он был пантеистом. Проезжавший мимо маркиз де Рольбон, который не верил ни в бога, ни в чёрта, побился об заклад с муленским кюре, что ему не понадобится и двух часов, чтобы вернуть больного в лоно христианской церкви. Кюре принял пари и проиграл: больной, за которого маркиз взялся в три часа ночи, в пять утра исповедался и в семь утра умер. «Неужели вы так сильны в диспуте? - спросил кюре. - Вы заткнули за пояс всех нас!» - «А я вовсе не затевал диспута, - ответил маркиз. - Я просто запугал его адом». Жан-Поль Сартр (Jean-Paul Sartre). «Тошнота»

В то время как абстрактный экспрессионизм был выпущен в качестве оружия холодной войны, Америка обратилась к ещё более мощному открытию - к Богу. Религиозная вера в моральный закон была воплощена в Конституции США в 1789 году, но только на пике холодной войны Америка открыла, как полезно призывать к высшей осанне. Бог был везде: в том числе и в 10 тысячах шаров с Библиями, отправленных в полёт через железный занавес в ходе проекта «Библейский шар» в 1954 году. Его печать была поставлена на акт Конгресса от 14 июня 1954 года, который расширял текст присяги и добавлял туда слова «одна нация под Богом» - фраза, которая, согласно Эйзенхауэру, заново утверждала «причастность религиозной веры к наследию и будущему Америки; таким образом мы станем постоянно усиливать это духовное оружие, которое всегда будет самым сильным средством нашей страны в мире и в войне» [651]. Он даже появился на долларовых банкнотах, после того как по решению Конгресса слова «в Бога мы верим» стали в 1956 году официальным девизом страны.

«Почему мы должны составлять для себя пятилетний план, когда Бог, похоже, уже составил нам готовый тысячелетний план?» [652] - задавался вопросом один американский историк. В рамках этой логики, политическая конъюнктура должна была подчиняться давно существующей христианской традиции следования Божьему закону. Призывая наивысший моральный авторитет, Америка приобретала неоспоримые санкции для своей «заявленной судьбы».

Выбору судьбы учили также, как мальчиков в Гротенской школе: «В истории каждая религия отдавала большую честь тем её представителям, которые побеждали врага. Коран, греческая мифология, Старый Завет... Подавление врага - правое дело. Конечно, есть ограничения по целям и средствам. Если обратиться к греческой культуре и почитать Фукидида, у него есть границы того, что можно причинять другим грекам, являющимся

[651]Dwight D. Eisenhower. Цитата из Stephen Whitfield. The Culture of the Cold War. Пока пропагандисты в администрации Эйзенхауэра с удовольствием говорили о размещении духовного оружия, Министерство обороны США приняло программу расходов на запасы ядерного и неядерного оружия, которая подразумевала расходы в 354 млрд долларов за менее чем шесть лет.

[652]Daniel Boorstin. Цитата из Taylor D. Littleton and Maltby Sykes. Advancing American Art.

частью твоей культуры. Но нет никаких ограничений того, что можно сделать с персом. Он варвар. Коммунисты были варварами» [653].

Религиозный императив был мотивом таких «рыцарей холодной войны», как Аллен Даллес, который, будучи воспитан в пресвитерианской традиции, любил цитировать Библию, где упоминалось использование шпионов, «направленных Иешуа в Иерихон». Когда в 1961 году ЦРУ переехало в свой огромный новый комплекс в лесах Вирджинии, Даллес распорядился, чтобы одна из его любимых цитат из Священного Писания была выгравирована на мраморной стене коридора в Лэнгли: «И познаете вы истину, и истина сделает вас свободным» (Евангелие от Иоанна, 8:32).

Генри Люс, сын американских миссионеров, любил ссылаться на то же Божественное откровение: «Великим обещанием Христа является: «Ищите да обрящете...» - вот обещание и основа, на которой стоит американец». Люс редко пропускал воскресную службу в церкви или отправлялся в постель без того, чтобы помолиться, стоя на коленях. Его жена Клэр Бут Люс перешла в католичество после того, как её дочь Энн погибла в автокатастрофе в 1963 году. Самая широко освещаемая смена религии в стране привела некоторых отступников в уныние. Согласно одному часто повторяемому слуху, сам папа вступил в богословский спор с миссис Люс, когда она была послом США в Италии, чтобы напомнить ей: «...но, мадам, я тоже католик». Она получила известность, убедив Эйзенхауэра стать пресвитерианцем в ходе избирательной кампании 1952 года [654].

«Ни выгода, ни личная слава не давали Люсу такой глубокой мотивации, как его миссионерский позыв улучшить своих сограждан, и он осуществлял свою власть в откровенно, если не единодушно разделяемой вере в то, что он знал, что было хорошо для них», - писал один ранний биограф [655]. Он настаивал на том, что «способность Америки к успешному сотрудничеству находится в прямой связи с зависимостью Конституции нашей страны от Бога», и считал, что «ни одна страна в мировой истории, кроме Древнего Израиля, не была так очевидно создана для какой-то особой стадии в вечном Божьем предназначении» [656]. Для Люса холодная война была священной войной, в которой «Тайм Инкорпорейтед» должна была служить «доминирующей цели и предназначению» победы над коммунизмом по всему миру. «Является ли это декларацией частной войны? - спросил он однажды у руководителей «Тайм Инкорпорейтед». - А если так, может ли она не быть незаконной и, возможно, сумасшедшей? Возможно, да, но есть некоторые мощные и точные прецеденты для объявления частной войны» [657]. Нигде не проводилась параллель с наёмниками времён крестовых походов или так мощно собранной частной армадой Фрэнсиса Дрейка.

---

[653]Paul Nitze. Цитата из Evan Thomas. The Very Best Men.
[654]Предки Эйзенхауэра были меннонитами, но когда они поселились в Техасе, там не было меннонитстской церкви, поэтому они читали Библию.
[655]John Kobler. Henry Luce: His Time, Life and Fortune (London: Macdonald, 1968).
[656]Там же.
[657]Там же.

Теологом, которого больше всего уважал Люс, был Рейнхольд Нибур, почётный покровитель Конгресса за свободу культуры и «реалист» холодной войны, считавший, что установление рассчитанного баланса силы было задачей первостепенной важности, а внешняя политика являлась сферой исключительной ответственности властной элиты. Для членов этой элиты Нибур был, конечно же, несравненной по авторитету фигурой. Мартин Лютер Кинг, с другой стороны, заявлял, что узнал от него «о мощи зла». Нибур консультировал читателей «Тайм-Лайф», используя своё либеральное понимание теологии, завоевав ободрение Сидни Хука, после того как успешно вернул к жизни доктрину первородного греха в качестве политического оружия, и превращая «Бога в инструмент национальной политики» [658]. Разумеется, с участием религиозного императива, вмешивающегося по-своему в каждое важное решение политики времён холодной войны, всё здание американской власти в 1950-е годы похоже покоилось на одном фундаментальном монистском предположении: будущее будет решаться «между двух великих лагерей людей - тех, кто отрицает, и тех, кто поклоняется Богу» [659].

«Нас не должна смущать проблема, которая стоит сегодня перед миром, - предупреждал президент Трумэн. - Либо тирания, либо свобода... И даже хуже - коммунизм отрицает само существование Бога» [660]. Создание подобной концепции, которая свела сложность мировых отношений к борьбе между силами света и тьмы, означало, что риторика американской внешней политики покоится на различиях, сопротивлявшихся логическим или рациональным процессам. Джордж Сантаяна (George Cantayana) в 1916 году описал философский процесс, посредством которого такие искажения стали доминировать в историческом процессе: «Воображение, которое застыло, называют знанием, иллюзия, которая отображается, называется правдой, а воля, носящая системный характер, называется судьбой» [661].

Такие разделения ввели в заблуждения молодого проповедника Билли Грэхэма (Billy Graham), который усилил предостережение Трумэна теорией о том, что «коммунизм является... шедевром сатаны... Я считаю, нет другого объяснения пугающим завоеваниям коммунизма, в которых они, кажется, обходят нас на каждом повороте, кроме как обладание сверхъестественной силой, мудростью и разумом, данными им» [662]. Норман Мейлер выдал другой диагноз: «Самая серьёзная политическая болезнь Америки заключается в том, что страна сама получила для себя права» [663].

---

[658]Sidney Hook. The New Failure of Nerve, Partisan Review, January 1953. В декабре 1951 г. директор Совета по психологической стратегии сказал Трейси Барнес из ЦРУ, что Нибур близок к тому, чтобы стать возможным «консультантом» Совета; Gordon Gray to Tracy Barnes. 21 December 1951 (GG/DDE). С учётом поста председателя Консультативного совета Штаба политического планирования (предварявшего создание ЦРУ), который занимал Нибур, это означало, что богослов имел идеальную позицию для того, чтобы «сделать Бога инструментом национальной политики».

[659]Whittaker Chambers. Witness (Chicago: Regnery, 1952).

[660]Harry S. Truman. Address to Congress, 12 March 1947, in Harry S. Truman, Memoirs: Year of Decisions.

[661]George Santayana. Цитата из Gore Vidal. Palimpsest (London: Andre Deutsch, 1995).

[662]Billy Graham. Цитата из Stephen Whitfield. Op. cit.

[663]Norman Mailer. Armies of the Night (New York: New American Library, 1968).

Именно в этом климате доктринального догматизма расцвела политика сенатора Джо Маккарти. В книге «Решающий» Артур Миллер сравнивал охотников на ведьм в Салеме с периодом маккартизма, чтобы продемонстрировать параллель вины, отстоящей на два столетия, «содержащей скрытые подавляемые чувства чужеродности и враждебности по отношению к стандартному светскому обществу, так как они определяются его самыми непримиримыми оппонентами. Без чувства вины «охота на красных» в 1950-е годы никогда бы не создала такой мощи» [664].

Главным условием инквизиции тогда и теперь было установление вины путём публичного признания, причём от обвиняемого ждали, что он «проклянёт своих соратников, как и своего хозяина дьявола, и будет оправдывать свою новую принадлежность отвращением к старым взглядам - только тогда его могут оставить в покое и позволить влиться в общество особо достойных людей» [665]. Любопытной чертой слушаний комитета Маккарти по антиамериканской деятельности было то, что на них демонстрировалась «меньшая заинтересованность в звучавших именах, чем в проверке откровенности признания очевидца». Лесли Фидлер, который, как и его друг Ирвинг Кристол, открыл для себя религию в начале 1950-х годов, описал этот процесс как вид символического ритуала, когда он сказал, что «признание само по себе ничто, но без покаяния... мы не сможем двигаться вперёд от либерализма невиновности к либерализму ответственности» [666].

Американский комитет за свободу культуры в полной мере перенял метод публичного покаяния. Элиа Казан (Elia Kazan), назвавший имена во время слушаний Маккарти в апреле 1952 года, был удостоен звания почётного члена Американского комитета. Теперь он с радостью готов был оказать ему содействие в борьбе. Защищая актёрскую студию Казана от нападок радикально настроенной антикоммунистической группы, Сол Штейн (Sol Stein), будучи в иезуитском расположении духа, утверждал, что Казан выполняет «приемлемую для антикоммунистов функцию в театре, {который) можно считать миссионерским для их отсталой политической братии. Последняя потеряла слишком много времени, размышляя, способствует ли служба в авангарде этой страны укреплению могущества советского колосса... Те же, кто встал на сторону коммунистов в прошлом, должны были получить возможность направить свою энергию на подлинно антикоммунистические инициативы и начинания, если это совпадало с их настоящими убеждениями» [667].

Казану, по его словам, нужно было предоставить пространство, чтобы дать «опоздавшим на политическом поле возможность искупить вину и использовать свои таланты в борьбе против нашего общего врага» [668]. Этого было недостаточно, чтобы убедить крайне антикоммунистическую группу давления Aware Inc., выражавшую недовольство по поводу того, что Казан

---

[664]Arthur Miller. Timebends.
[665]Там же.
[666]Leslie Fiedler. Цитата из Taylor D. Littleton and Maltby Sykes. Цит. произв.
[667]Sol Stein to Aware. Inc, 28 January 1955 (ACCF/NYU).
[668]Там же.

продолжал работать с «упорствующими в своих заблуждениях» актёрами, такими как Марлон Брандо, Фрэнк Сильвера (Frank Silvera) и Лу Гилберт (Lou Gilbert), и упустил шанс взять в штат «каких-нибудь активных антикоммунистов» [669].

Американский комитет также счёл нужным назначить в свой исполнительный орган самого известного в Америке осведомителя Уиттакера Чэмберса (Whittaker Chambers). Его показания погубили карьеру Алгера Хисса. Уиттакер поднял искусство доноса на новый уровень. В связи с этим один из старших коллег по изданию «Тайм-Лайф», в котором Чэмберс был редактором, сказал ему в присутствии Люса: «Думаю, вашим любимым фильмом будет «Осведомитель». Сол Штейн взволнованно написал Чэмберсу, что выдвижение его кандидатуры повлекло за собой «ряд ночных анонимных звонков с угрозами стереть {членов совета) с лица земли». И резюмировал: «О Господи, мне кажется, мы никогда не избавимся от этой глупости» [670].

«На повестке дня, - писал Чэмберс в своей автобиографии «Свидетель» (Witness) в 1952 году, - стоял вопрос, сможет ли это больное общество, которое мы называем западной цивилизацией, в самые тяжёлые времена всё же сформировать человека, чья вера в него была бы настолько сильной, что ради защиты этого общества он добровольно пожертвовал бы самым дорогим, что у него есть, в том числе жизнью» [671]. Представляя себя эдаким Давидом, Чэмберс получил 75 тысяч долларов США за выступление против коммунизма от «Сетэдей Ивнинг Пост» (Saturday Evening Post). Это издательство опубликовало его книгу частями в течение восьми недель. «Вы один из тех, кто вернулся из ада не с пустыми руками» [672], - сказал ему Андре Мальро после прочтения «Свидетеля».

Служа и Богу, и Мамоне, американские антикоммунисты смогли извлечь выгоду из того, что стало процветающим промыслом. В Голливуде крестовый поход за очистку американской культуры от всех безбожных примесей был подхвачен Геддой Хоппер (Hedda Hopper) и Лоуэллой Парсонс (Louella Parsons), двумя работающими совместно обозревателями светской хроники. Они разбирались в основах моральной гигиены так же хорошо, как миссис Битон в порядке на кухне. Имея высокую заработную плату, обе были «фуриями на страже, полицейскими надзирателями на главных воротах, не допускающими грешников, непатриотов и восставших против приличий, недостойных даже дышать одним воздухом с непогрешимыми примерами для подражания - Луисом Б. Майером (Louis B. Mayer), Гарри Коном (Harry Cohn), Джеком Уорнером (Jack Warner), Дэррилом Зануком, Сэмом Голдвином (Sam Goldwyn) и некоторыми другими. Женская ненависть к коммунизму только дополняла их сотрудничество» [673].

Хоппер и Парсонс, хотя, возможно, и не считали себя таковыми, были «воинствующими либертистами». Именно так называлась сверхсекретная

[669]Aware, Inc. to Sol Stein, 26 February 1955 (ACCF/NYU).
[670]Sol Stein to Whittaker Chambers. 20 December 1954 (ACCF/NYU).
[671]Whittaker Chambers. Цит. произв.
[672]Andre Malraux. Цитата из Stephen Whitfield. Цит. произв.
[673]Arthur Miller. Цит. произв.

кампания Пентагона, ВМФ, Совета национальной безопасности и Комитета по координации операций, направленная на внедрение темы свободы в американское кино. В пятницу 16 декабря 1955 года Объединённый комитет начальников штабов созвал совещание, чтобы обсудить, каким образом можно реализовать идею «воинствующей свободы» в Голливуде. Согласно секретным докладам «воинствующая свобода» была разработана для того, чтобы «простыми словами объяснять реальность, существующую при коммунизме, а также принципы, на которых основан образ жизни свободного мира», и «побудить свободных людей к осознанию масштабов опасности, угрожающей свободному миру, и мотивировать их для борьбы с этой угрозой» [674].

«Идея заключалась в том, чтобы создать девиз, политический лозунг, который вызывал бы у большинства людей спонтанное впечатление. Но фактически речь шла о намеренном воздействии в культурной сфере, - пояснял культуролог Кристофер Симпсон (Christopher Simpson). - Это была довольно сложная пропагандистская операция для своего времени» [675]. В качестве основы доктринальной кампании воинствующая свобода была одобрена на самом высоком уровне. Но только в следующем году Пентагон нашёл конкретную формулу, с помощью которой можно было донести этот посыл. В июне и июле 1956 года представители Объединенного комитета начальников штабов провели ряд встреч в Калифорнии с группой голливудских знаменитостей, посвятивших себя борьбе с коммунизмом: Джоном Фордом (John Ford), Мерианом Купером (Merian Cooper), Джоном Уэйном (John Wayne) и Уордом Бондом (Ward Bond).

Встречи, которые проводились в офисе компании MGM Джона Форда, продолжались до шести часов. Судя по меморандуму от 5 июля 1956 года, «мистер Уэйн заявил, что в картинах, снимаемых его кинокомпанией (Bacjac Productions), программа {воинствующая свобода) реализована в полном объёме». Чтобы показать, как это можно сделать, Уэйн пригласил всех следующим вечером к себе домой на 4570 Луиз-авеню в Энсино. «После обеда были показаны фильмы «Они были заменимыми» (They Were Expendable) и «Тихий человек» (The Quiet Man). Мистер Уэйн и мистер Форд изучили, каким образом ВМФ и культурные модели свободного мира были представлены в этих двух фильмах в добром свете» [676].

На другой встрече Мериан Купер отметил, что серия фильмов, снятая Корнелиусом Вандербильтом Уитни, «не имеет темы... и что он хотел бы, чтобы она присутствовала (например, воинствующая свобода), и далее заявил, что он бы внёс эту тему и в другие фильмы» [677]. Было принято решение проинформировать Уитни соответствующим образом. Успешный промышленник Корнелиус «Сони» Вандербильт Уитни имел долю в огромном состоянии Уитни, которое досталось в управление его

---

[674]Joint Chiefs of Staff. Presentation of «Militant Liberty» to Chief of Naval Operations, 16 December 1955 (PSB/HT).
[675]Christopher Simpson. Interview, Washington, June 1994.
[676]Joint Chiefs of Staff. Report of Conference in California in Connection with Cornelius Vanderbilt Whitney's «American Film Series» and «Militant Liberty», 5 July 1956 (PSB/HT).
[677]Там же.

двоюродному брату Джоку. Как и Джок, он был связан с ЦРУ (их кузеном был Трейси Барнес) и с радостью готов помочь ему: в качестве попечителя Корнелиус позволил «Уитни Траст» стать каналом ЦРУ. Кроме того, он входил в состав команды, участвующей в разработке психологической военной инициативы, а именно - Национального агентства информационной безопасности. Хорошо известный как продюсер, в 1933 году он начал свой бизнес с Дэвидом Селзником (David Selznick), выпустил с ним фильмы «Родилась звезда» (A Star Is Born), «Ребекка» (Rebecca) и «Унесённые ветром» (Gone with the Wind). В 1954 году он основал кинокомпанию C.V. Whitney Pictures Inc., после чего заявил: «Я хочу снимать то, что я назвал бы «американской серией», чтобы показать нашим людям их страну, а также дать остальному миру узнать больше о нас» [678]. Первой картиной американской серии стал фильм «Искатели» (The Searchers) с бюджетом в три миллиона долларов, режиссёром которой был Джон Форд.

Во время войны Джон Форд возглавлял Военно-полевое фотографическое ведомство УСС. В его обязанности входило фотографировать работу партизан, диверсантов и команд Сопротивления в оккупированной Европе. К специальным заданиям относился выпуск сверхсекретных фильмов для показа государственным лидерам. В 1946 году он основал собственную продюсерскую компанию Argosy Pictures. Основными инвесторами, кроме 241 Форда и Мериана Купера, стали все ветераны УСС - Уильям Донован, Оле Доеринг (Ole Doering; партнёр юридической фирмы Донована), Дэвид Брюс и Уильям Вандербильт. Форд полностью одобрял идею, в соответствии с которой государственные разведывательные службы должны были предлагать темы для аудитории Голливуда. Он попросил оставить ему шесть копий буклета «Воинствующая свобода» и отправить ещё дюжину для передачи своим сценаристам, чтобы те могли изучить номенклатуру концепции. Кроме того, он попросил представителя Объединенного комитета начальников штабов приехать в Пенсаколу, штат Флорида, к месту съёмок фильма «Крылья орлов» (Eagles Wings) «для оказания помощи во включении в фильм элементов воинствующей свободы» [679].

Помочь донести смысл посыла мог Мериан Купер, участник боевых операций против отрядов Панчо Вильи. Военный лётчик, он был сбит немцами в небе Франции в 1918 году. Став продюсером компании «РКО Пикчерс» (RKO, Radio-Keith-Orpheum Pictures) в 1930-х годах, он отвечал за совместную работу Фреда Астера и Джинджер Роджерс. На съёмочной площадке фильма «Крылья орлов» находился Уорд Бонд, президент «Кинематографического альянса за сохранение американских идеалов» (Motion Picture Alliance for the Preservation of American Ideals), организации, занимавшейся вытеснением коммунистов из этой сферы, а также оказанием помощи Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Конгресса США (КРАД, Un-American Activities Committee). «Бонд, - сказал один знакомый, - сделает что угодно, лишь бы почувствовать собственную важность, даже пойдёт по головам». Форд, который сам испытывал

[678]Cornelius Vanderbilt Whitney. Там же.
[679]Joint Chiefs of Staff. Там же.

отвращение к чёрным спискам Маккарти, часто говорил: «Давайте посмотрим правде в глаза. Уорд Бонд - дерьмо. Но он наше любимое дерьмо». Это был консорциум Голливуда в действии, состоявший из группы мужчин, которые знали друг друга десятилетиями и смотрели друг на друга с одобрением и поддержкой.

Воинствующая свобода с таким ярко выраженным привкусом имперского бремени могла появиться только в Америке. Подводя основу под необходимость - и жертвы - Pax Americana, эти фильмы прославляли долг, сплочённость, подчинение приказам, проявления мужского безрассудства. Именно в этом контексте Джон Уэйн, который пошёл на всё, чтобы избежать службы в армии во время Второй мировой войны, стал образцом американского солдата, олицетворением «американизма». «Герцогом» был колонист, подчиняющий мир. В 1979 году Конгресс выпустил медаль в его честь. На ней была выгравирована простая надпись: «Джон Уэйн, Америка». Но это была Америка охоты за красными, которой присущи этнические предрассудки. Как и одноимённый герой в фильме «Большой Джим Маклэйн» (Big Jim McLain, 1952), он сыграл главную роль в одном из самых грубых фильмов категории «B», пропитанном ненавистью к коммунистам: фильм был снят как дань уважения Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Пропагандистские фильмы представляют собой не что иное, как художественное ремесло. И если этому ремеслу присуще мастерство, оно будет восприниматься как реальность. В Голливуде уже давно осознали, что для надлежащего выполнения этой функции нужно меньше мифов и больше политики и социальных мотивов. Таким образом, Голливуд переключился с антибольшевистских фильмов 1920-1930-х годов на прославляющие Россию как военного союзника, среди которых «Северная звезда» (The North Star), «Дни славы» (Days of Glory), «Песнь о России» (Song of Russia) и пресловутый «Миссия в Москву» (Mission to Moscow), который, по сути, «обелял» московские процессы и восхвалял русских как защитников демократии. На смену им пришли антикоммунистические фильмы 1950-х годов: «Красный кошмар» (The Red Nightmare), «Красная угроза» (The Red Menace), «Вторжение в США» (Invasion USA), «Я был коммунистом для ФБР» (I Was A Communist For The FBI), «Красная планета Марс» (Red Planet Mars), «Железный занавес» (Iron Curtain), «Мой сын Джон» (My Son John), «Вторжение похитителей тел» (Invasion Of The Bodysnatchers).

Фильм «Прогулка на Восток по Бикон-стрит» (Walk East on Beacon Street), выпущенный по сценарию и за деньги ФБР, был любимым фильмом Дж. Эдгара Гувера. Имея такие же неубедительные названия, как и сюжеты, все эти фильмы отличались невротической одержимостью аутсайдерами, неизвестными, «другими». Как Капитан Америка перешёл от борьбы с нацистами к борьбе с коммунистами, так же отношение американских фильмов к Германии коренным образом изменилось. Поверженных врагов теперь изображали как героических бойцов и достойных соперников: «Лис пустыни: история Роммеля» (Rommel, The Desert Fox), 1952; «Морская погоня» (The Sea Chase), 1955; «Под нами враг» (The Enemy Below), 1957.

Подобно тому, как вчерашние враги становятся сегодняшними друзьями, Голливуд показал, насколько легко он может сорвать «ярлыки Добра и Зла с одной нации и {наклеить) их на другую» [680].

Такие фильмы хорошо выполняли свою миссию для внутренней аудитории, воздействуя на сознание раздутой коммунистической угрозой. Большинство американцев теперь были убеждены, что «русские идут на нас, и недалёк тот час, когда ночью начнут падать бомбы» [681]. Однако на международном уровне они погоды не делали. В глазах Европы, ещё не забывшей зверства фашизма, бессмысленная ненависть и вербальное насилие антикоммунистической пропаганды Голливуда выглядели крайне непривлекательно. Мультфильмы Диснея и добрые семейные ленты, такие как «Римские каникулы» (Roman Holiday) и «Волшебник Страны Оз» (The Wizard of Oz), были куда лучше. Но этот вымышленный рай мог соблазнить далеко не всех европейцев. Многочисленные торговые соглашения (начиная с соглашения Блюма-Бирнса в 1946 г.) содержали хорошо завуалированные положения, направленные на увеличение доли американских фильмов в таких странах, как Франция. В рядах французской интеллигенции эти соглашения были встречены возмущённой критикой и даже привели в 1948 году к ожесточённым уличным стычкам.

Американские стратеги на удивление медленно реагировали на ширившееся в Европе негодование по поводу перенасыщения рынка голливудскими фильмами. На каннском кинофестивале 1951 года не было ни дипломатического представительства, ни официальной делегации руководителей, сценаристов, инженеров и актёров американского кинематографа. И это в то время как Россия отправила на кинофестиваль заместителя министра кинематографии, а также известного режиссёра Пудовкина, который сделал блестящий доклад о советских достижениях. После известия о том, что Америка выглядела «очень глупо» в Каннах, правительство США приняло решение уделять киноиндустрии больше внимания.

23 апреля 1953 года после назначения на должность специального консультанта правительства по вопросам кинематографии Сесиль Б. ДеМилле сразу же прибыл в офис Ч.Д. Джексона. Две недели спустя в письме Генри Люсу Джексон отмечал, что ДеМилле «в полной мере поддерживает нашу позицию и... вполне справедливо впечатлён влиянием американских фильмов за рубежом. Согласно его теории, под которой я готов подписаться, американские фильмы можно использовать с большей эффективностью. Для этого не следовало посвящать всю картину целиком для представления определённой проблемы. Следовало указать на неё с помощью нужной сюжетной линии, отступления, интонации, движения бровей, присутствующих во всех «нормальных» картинах. Кроме того, он сообщил, что если мне потребуется отразить очевидную проблему,

[680]Arthur Miller. Цит. произв.

[681]Gore Vidal. Цит. произв.

касающуюся страны или сферы, он сможет найти, как это сделать в картине» [682].

Согласие ДеМилле на проведение консультаций с кинематографической службой ознаменовало переворот для правительственных пропагандистов. Работая через 135 отделений информационных служб США в 87 странах, кинематографическая служба имела в своём распоряжении разветвлённую сеть проката. Не испытывая нехватки в государственных ассигнованиях, она являлась эффективным «продюсером». У неё было всё необходимое для продюсерской компании. Она нанимала режиссёров-постановщиков, их утверждали на высшем уровне и назначали на фильмы, формирующие «цели, в достижении которых заинтересованы Соединенные Штаты». Эти режиссёры-постановщики были в состоянии оказать максимальное влияние на «заранее определённую аудиторию, с которой мы как кинематографическая среда должны работать» [683].

Она консультировала секретные организации, такие как Комитет по координации операций, относительно фильмов для распространения за рубежом. В июне 1954 года ею были отобраны 37 фильмов для показа за железным занавесом, в том числе «Питер Пэн» (Peter Pan), «История Джолсона» (The Jolson Story), «История Гленна Миллера» (The Glenn Miller Story), «Парень из Оклахомы» (The Boy from Oklahoma), «Римские каникулы» (Roman Holiday), «Маленькие женщины» (Little Women), «Плавучий театр» (Showboat), «Мятеж на «Кейне» (The Caine Mutiny), «Вперёд, человек, вперёд» (Go, Man, Go; история Гарлем Глобтроттерс - Harlem Globetrotters), «Алиса в Стране Чудес» (Alice in Wonderland) и «Номер для директоров» (Executive Suite).

Кинематографическая служба, кроме того, курировала участие Америки в кинофестивалях за рубежом, заполняя, таким образом, постыдный вакуум каннского фестиваля 1951 года. Естественно, она всеми силами пыталась исключить участие в международных фестивалях «американских кинопродюсеров и фильмов, которые не поддерживают американскую внешнюю политику и являются в определённых случаях вредными» [684]. В связи с этим она популяризировала фильмы типа «История Боба Матиаса» (The Bob Mathias Story, 1954) как «почти идеальное отображение лучшей стороны американской жизни. Парень из небольшого городка имеет семью, возлюбленную, карьеру, увлекается спортом - благодаря этому он дважды становится одним из самых выдающихся спортсменов в истории Олимпийских игр... Если в фильме нет тех американских ценностей, которые мы хотим видеть на экране, нужно искать новую систему ценностей, на которую нужно обратить внимание общественности» [685].

Занимаясь поиском союзников в Голливуде, лучше других понимавшем «проблемы пропаганды США» и всегда готовым «умело вставить в свои сценарии и действия нужные идеи», Ч.Д. Джексон, как всегда, стоял перед

[682]C.D. Jackson to Henry Luce. 19 May 1953 (CDJ/DDE).
[683]Turner Shelton. Motion Picture Service, to Cecil B. DeMille, 11 May 1953 (CDJ/DDE).
[684]Geoffrey Shurlock to Andrew Smith. Motion Picture Service, 28 September 1954 WHO/ NSC/DDE.
[685]Там же.

выбором. В январе 1954 года он составил список «друзей», которые могли бы помочь правительству: Сесиль Б. ДеМилле, Спирос П. Скурас и Дэррил Занук от кинокомпании Fox; Николас Шенк (Nicholas Schenk), президент компании MGM, и продюсер Дор Шэри (Dore Schary); Барни Балабан (Barney Balaban), президент компании Paramount; Гарри и Джек Уорнер, Джеймс Р. Грейнджер (James R. Grainger), президент RKO; президент компании Universal Мильтон Рэкмил (Milton Rackmil); президент компании Columbia Pictures Гарри Кон; Херберт Йетс (Herbert Yates) из Republic; Уолт и Рой Дисней и Эрик Джонстон (Eric Johnston) из Американской ассоциации кинокомпаний.

Но самым ценным активом Ч.Д. Джексона в Голливуде был агент ЦРУ Карлтон Олсоп. Действуя под прикрытием на студии Paramount, Олсоп был одновременно продюсером и агентом. Он работал на MGM в середине 1930-х, а затем с Джуди Гарленд (Judy Garland) в конце 1940-х - начале 1950-х годов, вступив к тому времени в Мастерскую психологической войны Фрэнка Уизнера. В начале 1950-х годов он регулярно составлял «киноотчёты» для ЦРУ и Комитета психологической стратегии. Эти отчёты преследовали две цели: во-первых, мониторинг коммунизма и сочувствующих в Голливуде, а во-вторых, обобщение достижений и провалов секретной группы давления, возглавляемой Карлтоном Олсопом, которая занималась внедрением специальных тем в голливудские фильмы.

Секретные донесения Олсопа представляют чрезвычайный интерес. Они показывают, насколько далеко ЦРУ могло проникнуть в киноиндустрию, несмотря на уверения в отсутствии каких-либо стремлений действовать подобным образом. В одном из донесений, датированном 24 января 1953 года, Олсоп акцентировал внимание на проблеме стереотипного восприятия чернокожих в Голливуде. Под заголовком «Негры в картинах» Олсоп сообщил, что он добился договорённости с несколькими режиссёрами по подбору актёров для включения в картины «хорошо одетых негров как части американского общества, не делая их при этом слишком заметными. Одновременно следовало избегать разоблачений преднамеренности. Картина «Сангари» (Sangaree), съёмки которой ведутся сейчас, к сожалению, не позволяет такого включения, потому что посвящена определённому периоду истории и снимается на Юге.

Поэтому в ней будут показаны негры на плантациях. Однако образ таких негров будет до определённой степени трансформирован. В фильме будет показан достойный негр-дворецкий в одном из домов хозяина. Прозвучит диалог, из которого станет ясно, что он освобождён и может работать, где хочет» [686].

Олсоп также сообщил, что «некоторые негры будут участвовать в массовых сценах» в комедии «Кэдди» (Caddy) с Джерри Льюисом в главной роли. В то время, когда многие «негры» имели такие же шансы попасть в гольф-клуб, как и получить голоса на выборах, это выглядело воистину оптимистично [687].

---

[686]Carleton Alsop. Hollywood Reports, 1953 (CDJ/DDE).

В том же докладе Олсоп упоминает фильм «Остриё стрелы» (Arrowhead), который на этот раз свидетельствует о готовности к обсуждению вопроса отношения Америки к индейцам-апачам. Однако Олсоп указывал на «серьёзную проблему» в том смысле, что «коммунисты могут использовать её в своих интересах». К счастью, благодаря его вмешательству большинство оскорбительных сцен - депортация армией целого племени апачей против их воли во Флориду и маркировка людей как животных - были удалены или «значительно смягчены». Другие изменения были внесены путём повторной записи реплик после завершения съёмок. Представленные как «целесообразные с коммерческой и патриотической точки зрения», эти изменения Олсопа не встретили возражений у продюсера фильма Нэта Холта (Nat Holt)» [688].

Советский Союз никогда не упускал возможности указать Америке на расизм. В 1946 году Джеймс Бирнс (James Byrnes), государственный секретарь Трумэна, оказался в «тупике и потерпел поражение», когда пытался протестовать против отрицания Советским Союзом прав избирателей на Балканах. Ответ Советского Союза справедливо указывал на то, что «нефам в собственном штате господина Бирнса, Южной Каролине, было отказано в таком же праве» [689]. Действия Олсопа в Голливуде были частью более широкой кампании по дискредитации обвинений Советов в связи с господствовавшей в Америке дискриминацией, низкой заработной платой, неравенством и насилием в отношении афроамериканцев. В свою очередь, Ч.Д. Джексон хотел поставить вопрос ребром. Он утверждал, что «пора уходить от риторики «этого ужасного пятна на нашем гербе» и посмотреть в глаза всему миру» [690].

С этой целью специалисты по психологической войне Совета по координации операций (Operations Coordinating Board) в тесном сотрудничестве с Государственным департаментом создали тайный Комитет по культурной презентации (Cultural Presentation Committee). Его основная задача заключалась в планировании и координации турне чернокожих американских артистов. Появление на международной сцене Леонтины Прайс, Диззи Гиллеспи (Dizzy Gillespie), Мариан Андерсон, Уильяма Уорфилда (William Warfield), танцевальной труппы Марты Грэхем и целой плеяды других «цветных» и темнокожих американских талантов того периода было частью этой тайной «экспортной» программы. Она включала продолжительное турне, которое один секретный стратег назвал «великой негритянской народной оперой».

---

[687]Там же. Несмотря на то, что Национальная ассоциация содействия «цветному» населению заняла позицию против «стереотипного представления в фильмах негров как неуклюжих и комических героев», Голливуд не предпринял никаких позитивных шагов в улучшении отношения к афроамериканцам на экране. И действительно, с 1945 по 1957 г. число чернокожих артистов сократилось с 500 до 125. В фильме 1953 г. «Привет, красотки!» чернокожему музыканту Билли Экштайну запретили смотреть на белых актрис во время его игры.

[688]Там же.

[689]Walter L. Hixson. Parting the Curtain: Propaganda, Culture and the Cold Wan 1945-1961 (New York: Macmillan, 1997).

[690]C.D. Jackson to Abbott Washburn. 30 January 1956 (CDJ/DDE).

Представление «Порги и Бесс» (Porgy and Bess) публика могла видеть на сценах Западной Европы, Южной Америки, а затем и в странах советского блока на протяжении более 10 лет. Более 70 афроамериканцев были «живым свидетельством американского негритянского искусства как части культурной жизни Америки» [691].

Любопытно, что успех этих чернокожих американцев был прямо пропорционален падению популярности тех писателей, которые заявляли о низком статусе чернокожих в американском обществе. В 1955 году советский журнал «Иностранная литература» опубликовал два рассказа Эрскина Колдуэлла (Erskine Caldwell), которые заставили американских пропагандистов поперхнуться завтраком. «Первый рассказ называется «Бешеные деньги» (Crazy Money, впервые опубликован на английском языке под названием «Непредвиденная прибыль» - The Windfall), и он не опасен, - писал Джон Покер (John Pauker) из Информационного агентства США (USIA). - Однако второй рассказ порочен: он называется «Людская масса» (Masses of Men) и описывает мошенничество корпораций, бедность негров и изнасилование 10-летней девочки за 25 центов» [692]. Беспокойство US1A было подхвачено Американским комитетом за свободу культуры, который обещал оказать давление на Колдуэлла и заставить его публично отречься от этой истории.

Американский комитет разделял жалобу Сидни Хука от 1949 года, что писатели южных штатов способствуют негативному восприятию Америки своими «романами социального протеста и бунта» и «американского вырождения и глупости» [693]. В этот раз Комитет принял решение впредь «держаться подальше от склонных к кровосмешению южан. Их работы дают чрезвычайно однобокое и психологически окрашенное описание наших нравов и морали» [694]. Это было не единственное мнение. Его подхватили многие бойцы культурного фронта холодной войны, в том числе Эрик Джонстон, который руководил атаками на южан из своего офиса в Голливуде: «У нас больше не будет очагов гнева, у нас больше не будет бедных сельскохозяйственных районов. У нас больше не будет фильмов, показывающих изнанку американской жизни» [695]. Продажи книг Колдуэлла,

---

[691] C.D. Jackson to Nelson Rockefeller. 14 April 1955 (CDJ/DDE). В этом же письме Ч.Д. Джексон предупредил коллег из ЦРУ не применять «пижонскую» идею об использовании этих артистов в качестве источников для разведки. «Я не думаю, что эти люди эмоционально способны играть двойную роль... Но после возвращения они, конечно же, могут быть искусно допрошены».

[692] John Pauker. USIA, to Sol Stein, 20 October 1955 (ACCF/NYU).

[693] Sidney Hook. Report on the International Day Against Dictatorship and War, Partisan Review, vol. 16/7, Fall 1949.

[694] T.S. Colahan to Sol Stein. October 1955 (ACCF/NYU).

[695] Eric Johnston. Цитата из Walter L. Hixson. Цит. произв. Пропагандисты из американского правительства были осторожны со Стейнбеком, считалось, что вся школа американской литературы несет наполненную социальным смыслом информацию. В июле 1955 г. эксперт в области психологических войн посоветовал правительству прекратить спонсировать экспозицию фотографии «Семья человека» в Музее современного искусства, потому что она изображала американское общество по образцу фильма «Гроздья гнева», акцентируя внимание на «старом или состоятельном высшем классе», и производила «впечатление, что все американские рабочие притесняются и эксплуатируются», таким образом являлась «коммунистической пропагандистской мечтой». P.J. Corso. Operations Coordinating Board,

Стейнбека, Фолкнера и Ричарда Райта («копия Стейнбек») в этот период резко сократились.

Работая в Голливуде, Карлтон Олсоп всегда внимательно относился к отображению шероховатостей американской жизни. В одном из своих докладов он предупреждал о сценарии, написанном по «роману под названием «Гигант» Эдны Фебер (Edna Ferber)». По его мнению, это была «картина для одного просмотра», поскольку «затрагивала следующие три проблемы: 1. Нелицеприятное представление богатых, неотёсанных и безжалостных американцев (техасцев). 2. Расовая неприязнь к мексиканцам в Техасе. 3. Намёк на то, что источником богатства англотехасцев является эксплуатация мексиканской рабочей силы». Вердикт Олсопа было простым: «Я буду следить за тем, чтобы сорвать любую попытку кого-либо возобновить съёмки по этому сценарию в компании Paramount» [696]. Но ему лишь частично удалось это сделать: фильм, ставший последним в творчестве Джеймса Дина, сняла в 1956 году компания Warner Brothers, а не Paramount.

Отчёты Олсопа продолжали влиять на политический климат в Голливуде. Они включали описание сложной работы с продюсерами и студиями с целью заставить их принять то, что в ЦРУ называли «голливудской формулой» [697].

Уходили негативные стереотипы, их место занимали образы, представлявшие здоровую Америку. «Удалось убрать из последующих картин американских пьяниц, которые исполняли важные, если не главные роли, - заявил Олсоп. - «Гудини» (Houdini): пьяный американский репортёр вырезан полностью, это может потребовать повторной съёмки или доработки. «Легенда инков» (Legend of the Incas): из сценария удалены все упоминания о крепких напитках в местах, где говорится об американском лидерстве. «Прогулка слона» (Elephant Walk): сцены пьянства сохранены исключительно в целях, предусмотренных сценарием. «Лейнингери муравьи» (Leiningerand the Ants): все сцены с употреблением крепких напитков американскими лидерами в настоящее время удаляются из сценария» [698].

Олсоп наиболее остро реагировал на «картины, бьющие по религии». Когда одна из студий приступила к подготовке сценария по произведению Д'Аннунцио «Дочь Иорио» (Daughter of Iorio) в сотрудничестве с Альберто Моравиа, Олсоп был убеждён, что он будет «на сто процентов

July 1955 (OCB. Cen/DDE); Один из критиков усмотрел во всём этом «параноидальный поиск чистки». Тот Hayden. Цитата из Andrew Ross. No Respect.

[696]Carleton Alsop. Цит. произв.

[697]Reference to the CIA's Hollywood Formula is made in C.D. Jackson's log journal for 15 May 1953. Несмотря на то, что статья подверглась серьезной цензуре со стороны правительственных экспертов, она является единственным документальным подтверждением того, что ЦРУ разработало официальную стратегию по проникновению в киноиндустрию. Согласно дневникам Ч.Д. Джексон встречался в тот день с заместителем Трейси Барнес Джоном Бейкером (человеком, завербовавшим де Новилля), для того, чтобы обсудить «формулу для Голливуда» от ЦРУ, которая, по всей видимости, вызывала беспокойство у Бейкера, Бернеса и Визнера, а также Олсопа, который был их человеком на западном побережье.

[698]Carleton Alsop. Цит. произв.

антицерковным». В связи с этим он поинтересовался: «Как мы можем остановить его? Я полагаю, что Ватикан должен что-то предпринять. Не думайте, что я страстный приверженец прокатолической позиции, способной оказать влияние на мою точку зрения. В этой борьбе за умы первым шагом коммунистов будет разоблачение религии» [699].

Ещё большие опасения вызывал фильм «Франциск, шут Божий» (Francesco, Giullare di Dio) Роберто Росселлини, изображавший жизнь святого Франциска. «Это действительно вещь, - писал Олсоп. - Лучшей картины, разоблачающей религию, и не придумать... Святой Франциск и его спутники... изображены крайне упрощённо. Они кажутся просто кучкой дурачков. Не все из них способны мыслить, а некоторые, возможно, гомосексуалисты» [700].

Олсоп присоединился к Управлению координации политики (УКП) Уизнера в то же время, что и Финис Фарр (Finis Fair), писатель со связями в Голливуде. Он работал с Джоном О'Харой (John O'Нага). Принятые на работу в мастерскую психологической войны Олсоп и Фарр действовали под руководством Говарда Ханта, бывшего члена УКП. Пристрастие к чёрной пропаганде (позже он скажет, что «думал по-чёрному») помогло ему получить работу в ЦРУ на курсах по политической и психологической войне.

Вскоре после смерти Джорджа Оруэлла в 1950 году Говард Хант отправил Олсопа и Фарра в Англию для встречи с вдовой писателя Соней. Но не затем, чтобы утешить её, а чтобы уговорить передать права на экранизацию «Скотного двора» (Animal Farm). Она в полной мере оправдала их надежды, предварительно заручившись обещанием устроить встречу с героем Кларком Гейблом (Clark Gable). «Результатом {встречи), - писал Говард Хант, - стало появление мультипликационного фильма «Скотный двор» Оруэлла. Он финансировался ЦРУ и распространялся по всему миру» [701].

После приобретения прав Хант обеспечил безопасность продюсера, который мог служить прикрытием для ЦРУ. Он поселился у Луиса де Рошмона (Louis de Rochemont). Последний взял Ханта на работу в то время, когда шли съёмки «Хода времени» (The March of Time) - серии ежемесячных документальных фильмов. Материнской компанией была «Тайм Инкорпорейтед» [702].

---

[699]Там же.

[700]Там же.

[701]E. Howard Hunt. Undercover: Memoirsofan American Secret Agent (California: Berkeley Publishing Corporation, 1974).

[702]Де Рошмон получил признание как независимый продюсер фильма «Дом на 92-й улице», в котором агенты ФБР боролись с германскими шпионами. Фильм хвалили за его реалистичность — де Рошмон назвал его «документальным», говоря, что в его основу положены реальные события, описанные в документах Гувера. По словам одного историка, де Рошмон имел продолжавшуюся всю его карьеру «одержимость шпионами», что являлось полезным преимуществом для кого-либо, кто собирался работать с некоторыми из них. Лоуренс де Новилль, который встретил его в Англии во время съемок «Скотного двора», вспоминал приятное волнение де Рошмона от «общения с ребятами из ЦРУ, как будто он был героем одного из своих же фильмов». Lawrence de Neujville. Telephone interview, April 1997.

15 ноября 1951 года де Рошмон начал работу над «Скотным двором» с участием Ханта. Вопросы финансирования со стороны ЦРУ курировали Олсоп и Фарр. Для съёмок самого амбициозного мультипликационного фильма того времени - 80 художников-мультипликаторов, 750 сцен, 300 тысяч цветных рисунков - была выбрана британская фирма «Галас энд Батчелор Катун ФилмсЛтд»(На1а5апс1 Batchelor Cartoon Films Ltd). В 1936 году в Англию для работы над «Мюзик Мэн» (Music Man), первым английским мультфильмом в техниколоре, прибыл венгр Джон Халас (John Halas). В сотрудничестве со своей женой Джой Батчелор (Joy Batchelor) он выпустил более 100 фильмов для Центрального управления информации при правительстве Великобритании (British Central Office of Information). Многие из них помогали пропаганде «Плана Маршалла» и НАТО.

Издатель «Скотного двора» Фредерик Уорбург живо интересовался работой Галаса и информировал своих друзей из Конгресса за свободу культуры о ходе дел. Он побывал в студии несколько раз в 1952-1953 годах, чтобы посмотреть эпизоды и внести свои предложения по изменению сценария (возможно, именно с подачи Уорбурга старый майор, предсказатель революции, получил голос и внешность Уинстона Черчилля?). Одновременно он следил за новым изданием «Скотного двора», публикуемого Секером (Seeker) и Уорбургом, с фотокадрами, предоставленными «Галас энд Батчелор».

Кроме того, сценарий был также тщательно изучен Советом по психологической стратегии. Согласно комментарию от 23 января 1952 года сценарий показался сотрудникам комитета недостаточно убедительным. Они находили его «тему несколько запутанной, а эффект рассказа в мультфильме... несколько размытым. Хотя символизм очевиден, посыл выражен не вполне чётко» [703].

Любопытно, что критика бюрократов американской разведки подтвердила первоначальную озабоченность Т.С. Элиота и Уильяма Эмпсона (William Empson). Они писали об этом Оруэллу в 1944 году и указывали на недостатки или противоречия в основной аллегории «Скотного двора».

Проблемы сценария были решены путём изменения финала. В оригинальном тексте коммунистические свиньи и капиталист неотличимы друг от друга. Они сливались на фоне одной грязной лужи. В фильме такое сходство было тщательно завуалировано: Пилкингтон и Фредерик, главные персонажи, обозначенные Оруэллом как британский и немецкий правящий класс, едва заметны, а в финале их просто не было. По книге «находившиеся в саду животные поочерёдно переводили взгляд со свиней на людей и обратно и не могли сказать определённо, где люди, а где свиньи». Однако зрители фильма увидели совсем другую развязку. В ней одного только вида свиней достаточно, чтобы поднять других наблюдающих животных на штурм фермерского дома.

Фермеров из эпизода удалили. Оставили только свиней, наслаждающихся плодами эксплуатации. Благодаря этому удалось

[703]Richard Hirsch. PSB, to Tracy Barnes. Comment on Animal Farm script, 23 January 1952 (PSB/HT).

подчеркнуть связь между разложением коммунизма и упадком капитализма.

Когда ЦРУ обратилось к более поздней работе Оруэлла «Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый» (Nineteen Eighty-Four), оно могло действовать более свободно. Оруэлл умер, не успев оформить права на экранизацию. К 1954 году они оказались в руках продюсера Питера Рэтвона (Peter Rathvon). Рэтвон, хороший друг Джона Форда, был президентом RKO, пока его не сместил Говард Хьюз (Howard Hughes) в 1949 году. В том же году он был принят в компанию Motion Picture Capital Corporation, которая занималась съёмкой и финансированием картин. Корпорация и Рэтвон лично поддерживали тесную связь с правительством США, финансировавшим прокат кинофильмов. По словам Лоуренсаде Новилля, Говард Хант добивался помощи Рэтвона в экранизации классики Оруэлла. Через корпорацию Рэтвона были предоставлены государственные средства для начала съёмок фильма [704]. Он вышел на экран в 1956 году с Эдмондом О'Брайеном (Edmond O'Brien), Яном Стерлингом (Jan Sterling) и Майклом Редгрейвом (Michael Redgrave) в главных ролях.

Кошмарное будущее Оруэлла, изображённое в романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый», было обращено к культурным стратегам на всех уровнях. Сотрудники ЦРУ и Совета по психологической стратегии (которые обязаны были прочитать книгу) ухватились за изучение опасностей тоталитаризма. При этом они игнорировали тот факт, что Оруэлл подвергал жёсткой критике злоупотребления по отношению к своим гражданам всех контролирующих государств, независимо от правой или левой направленности. Хотя цели книги были достаточно сложными, общее послание выглядело чётко: это был протест против всякой лжи, против всяких хитростей, используемых правительством. Но американские пропагандисты поторопились определить жанр произведения исключительно как антикоммунистический памфлет. Это побудило одного критика утверждать, что «какими бы ни были представления Оруэлла, он способствовал появлению в холодной войне одного из самых мощных мифов... В 1950-х это был изумительный «ньюспик» (newspeak) НАТО» [705].

С другой стороны, «Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый» был романом, преисполненным недоверия к массовой культуре и ужасов повсеместного рабства. Последнее стало результатом безмятежного невежества (реакция Уинстона на популярную песню, которая приводит в восторг женщину пролетарского происхождения, вывешивающую бельё, завершает формирование этого страха «массовой культуры» с его убаюкивающей тупостью). Следует отметить, что политическая цель книги была в большей степени универсальной, нежели конкретной: злоупотребление языком и логикой - то, что Питер Ванситтарт (Peter

[704]Официальное финансирование за 1984 г. включало субсидию в 100 тысяч долларов от Информационного агентства США на то, что председатель этой организации называл «созданием самого ошеломительного антикоммунистического фильма всех времен». Топу Shaw. The British Cinema, Consensus and the Cold War 1917-1967 (неопубликованная рукопись).
[705]Alan Sinfield. Literature, Politics and Culture in Postwar Britain (London: Athlone Press, 1997).

Vansittart) называет «жалкой угрозой политкорректности», то, что вменялось в вину как одним, так и другим. В киноверсии это различие было завуалировано.

Манипулирование аллегорией Оруэлла в угоду предрассудкам и допущениям производителей фильма было, несомненно, полностью согласовано с постулатами культурной холодной войны. Помощь в создании основы для этого ангажированного толкования оказал не кто иной, как Сол Штейн, исполнительный директор американского Комитета за свободу культуры.

Он несколько раз консультировал Рэтвона при написании сценария. Штейн мог подсказать многое. Во-первых, сценарий «должен достаточно хорошо отображать специфику нынешнего тоталитаризма. Например, на плакатах «Большого брата» должна быть фотография реального человека, а не мультипликационная карикатура на Сталина. Другими словами, не нужно увязывать вероятность реального существования Большого брата с ныне покойным Сталиным» [706]. Штейн считал: ничто в фильме не должно быть карикатурой, «в нём должны получить отражение то, свидетелями чего мы сегодня являемся».

Это касалось того места, где «предполагается, что участники Антисексуальной лиги будут носить ленты через плечо». Штейн беспокоился о том, что «такие ленты не имеют никакого известного нам отношения к тоталитарному обществу. Они, скорее, ассоциируются с лентами, которые одевают дипломаты в торжественных случаях» [707]. Поэтому Штейн предложил, чтобы вместо лент они носили повязки на руках. То же самое касается эпизодов с рупорами, включёнными Оруэллом в роман в некоторых местах. Штейн пожелал «убрать» эти эпизоды, поскольку у американцев рупоры «ассоциировались с праздничным шествием» [708].

Но больше всего Штейна беспокоил финал. В связи с этим он сказал Рэтвону: «Проблема финала, на мой взгляд, состоит в том, что всё заканчивается полной безысходностью: Уинстон Смит лишается своей человечности, он капитулировал перед тоталитарным государством. Я думаю, мы согласимся с тем, что такая ситуация выглядит безнадёжно. На самом деле есть некоторая надежда... надежда на то, что человеческая природа не может быть изменена тоталитаризмом и что и любовь, и естественность могут уцелеть даже после вопиющих посягательств Большого брата» [709].

Штейн предложил Рэтвону изменить финал Оруэлла в пользу следующего решения: «Джулия встаёт и уходит от Уинстона. Почему бы Уинстону тоже не покинуть кафе, но пойти не за Джулией, а в противоположном направлении. И пока он уныло бредёт по улице, почему бы ему не увидеть детские лица, но не лицо ребёнка, который проболтался о её отце, а лица детей, которым удалось сохранить свою естественную

[706]Sol Stein to Peter Rathvon. 30 January 1955 (ACCF/NYU).
[707]Там же.
[708]Там же.
[709]Там же.

невинность... Он начинает идти быстрее под усиливающуюся музыку, пока наконец не оказывается рядом с тем уединённым местом, где они с Джулией нашли убежище от тоталитарного мира. Мы снова видим траву, ветер шумит в листве деревьев, и даже, возможно, на глазах у Уинстона уединяется другая пара. Подобные вещи и для Уинстона, и для нас означают постоянство, уничтожить которое не под силу даже Большому брату. И по мере того, как Уинстон удаляется в этой сцене, мы слышим удары его сердца на звуковой дорожке. Он, еле сдерживая дыхание, начинает понимать, что Большой брат не может отнять человеческие качества, которые всегда будут находиться в противоречии и конфликтовать с миром 1984 года. Чтобы укрепиться в этом убеждении, можно изобразить Уинстона, разглядывающего свои руки: он разогнул два пальца на левой руке и два пальца на правой. Ему известно, что дважды два - четыре. По мере того как он начинает осознавать это, мы продолжаем слышать удары его сердца. И так до конца фильма - биение человеческого сердца становится всё громче» [710].

На самом деле фильм имеет два разных финала: один для американской, а другой для британской аудитории. В них не учтены заманчивые предложения Штейна, хотя концовка британской версии повторяет идею концовки Штейна. В ней Уинстона расстреливают после возгласа «Долой Большого брата!».

Сразу после этого убивают Джулию. В книге Оруэлл, напротив, однозначно отрицал возможность возвышения человеческого духа над давлением Большого брата. Уинстон полностью побеждён, его дух сломлен: «Борьба закончилась. Он одержал победу над собой. Он любил Большого брата». Особые указания Оруэлла о том, что «Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый» нельзя изменять никоим образом, не были учтены из соображений целесообразности.

Фильмы «Скотный двор» и «Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый» были готовы к прокату в 1956 году. Сол Штейн заявил об их соответствии «идеологическим интересам американского Комитета за свободу культуры». Он пообещал проследить, чтобы фильмы были «как можно шире представлены в прокате» [711].

Предусматривались меры, направленные на благосклонный приём. Кроме прочего, «были подготовлены передовицы для нью-йоркских газет» и распространено «очень большое количество скидочных купонов».

Можно утверждать, что без «вымыслов» не обходится ни одно переложение текста на киноплёнку. Создание фильма само по себе - и в этом необязательно присутствует злой умысел - является актом перевода или даже повторного создания. Исаак Дойчер (Isaac Deutscher) в «Мистицизме жестокости» (The Mysticism of Cruelty), своём эссе о «Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом», утверждал, что Оруэлл позаимствовал

---

[710]Там же.

[711]Sol Stein. Memo to the American Committee for Cultural Freedom, 11 January 1955 (ACCF/NYU).

идею, сюжет, главных персонажей, символы и всю атмосферу своего романа из произведения Евгения Замятина «Мы» [712].

Вспоминая о личной встрече с Оруэллом, Дойчер писал, что тот «зациклился на «заговорах», и его политические рассуждения поразили меня сходством с сублимацией мании преследования по Фрейду». Обеспокоенный «отсутствием исторического значения и психологического понимания политической жизни» у Оруэлла, Дойчер предупреждал: «Было бы опасным закрывать глаза на тот факт, что на Западе миллионы людей, подгоняемых тоской и страхом, готовы бежать от собственной ответственности за судьбу человечества и срывать свою злость и отчаяние на гигантском призрачном козле отпущения. Последнего Оруэлл настолько хорошо обрисовал в своём романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый», что его легко можно было представить... Бедный Оруэлл, могли он предполагать, что его собственная книга станет таким значимым пунктом в программе Недели ненависти?» [713].

Не вышел чистым из перипетий холодной воды и сам Оруэлл. Как-никак он передал в Департамент информационных исследований в 1949 году список 252 лиц, подозреваемых в сочувствии. Он включал 35 сочувствующих (или FT в терминологии Оруэлла), подозреваемых подставных лиц или симпатизирующих. Среди них были Кингсли Мартин, редактор газеты «Нью Стейтсмен энд Нейшн» («Гнилой либерал. Очень непорядочный»), Поль Робсон («Очень враждебно настроен против белых. Сторонник Уоллиса»), Дж.Б. Пристли (J.B. Priestley; «Убеждённый сочувствующий, возможно, имеет какие-то связи с организациями. Очень враждебно настроен против американцев») и Майкл Редгрейв (как это ни парадоксально, позже он снялся в фильме «Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый») [714].

Будучи крайне подозрительным к каждому человеку, Оруэлл в течение нескольких лет всегда имел под рукой синюю тетрадь форматом 1/4 листа.

К 1949 году в ней было уже 125 имён. Это стало своего рода «игрой», в которую Оруэлл любил играть с Кёстлером и Ричардом Ризом. Они должны были оценить, «насколько далеко может зайти предательство наших любимых жупелов» [715]. Похоже, критерии для включения были довольно широкими. Это касается Стивена Спендера, чью «склонность к гомосексуализму» Оруэлл счёл нужным отметить (и добавил, что он был «очень ненадёжным» и «легко поддавался влиянию»). Американский сторонник реализма Джон Стейнбек был внесён в список всего лишь за то, что он являлся «кажущимся, псевдонаивным писателем», тогда как Элтон Синклер заслужил эпитет «очень глупый». Джордж Падмор (George Padmore, псевдоним Малкольма Нурса) был отмечен как «негр африканского происхождения», настроенный «против белых» и, вероятно,

---

[712]Isaac Deutscher. The Mysticism of Cruelty. Цитата из Alexander Cockburn. Corruptions of Empire (London: Verso, 1987).
[713]Там же.
[714]George Orwell in Peter Davison (ed.). The Complete Works of George Orwell (London: Seeker & Warburg, 1998).
[715]Richard Rees. Цитата из Michael Sheldon. Orwell: The Authorised Biography (London: Heinemann, 1991).

любовник Ненси Кунард (Nancy Cunard). Том Дриберг (Tom Driberg) вызывал сильную неприязнь, поскольку обладал всеми качествами, которых так опасался Оруэлл: «гомосексуалист», «по общему мнению, является членом подпольной организации» и «английский еврей» [716].

Но эта игра, которую Оруэлл называл своим «списочком», приобрела новое зловещее значение после добровольной передачи документа в Департамент информационных исследований, секретное подразделение (о чем было известно Оруэллу) Министерства иностранных дел Великобритании.

Хотя Адам Уотсон позже утверждал: «Его непосредственная польза заключалась в том, что он позволил выявить людей, которые не должны были писать для нас». Он также отметил, что «{их) связь с просоветскими организациям, возможно, придётся придать гласности на более позднем этапе» [717]. Другими словами, оказавшись в руках органа власти, деятельность которого не подлежала проверке, список Оруэлла потерял свою безобидность. Он перестал быть частным документом и превратился в досье. Возможность подорвать репутацию и карьеру людей становилась реальной.

По прошествии 50 лет официальный биограф Оруэлла Бернард Крик (Bernard Crick) решительно отстаивал его действия. По его утверждению, они «не отличаются от действий сознательных граждан в настоящее время, передающих антитеррористическим подразделениям информацию о людях в своей среде, которых они считают террористам и IRA. Конец 1940-х считался смутным временем» [718]. Его поддержали те, кто решил увековечить миф о группе интеллигенции, связанной с Москвой, которая намеревалась подготовить почву для сталинизма в Великобритании. Доказательства участия кого-либо из списка Оруэлла (в том объёме, в котором он был обнародован) в незаконной деятельности отсутствуют. Разумеется, в нём не было лиц, которых можно было сравнить с республиканскими террористами. «Гомосексуальность была единственным обвинением, связанным с возможностью привлечения к уголовной ответственности, хотя это, кажется, никак не отражалось на Оруэлле».

Британский закон не запрещал членство в коммунистической партии евреям, сентиментальным или глупым людям. «Находясь в правовом поле, Оруэлл не мог сделать ничего плохого, - писал Перегрин Ворсторн. - Его мнение по этим вопросам вызывает полное доверие. Поэтому, если он считал, что холодная война позволила одному писателю с благими намерениями «сдавать» другого, то ничего не поделаешь. Конец спора. Но

---

[716]George Orwell in Peter Davison. Цит. произв. Оруэлл был яростным антисионистом, веря, что «евреи-сионисты везде ненавидят нас и относятся к Британии как к врагу больше, чем к Германии». По этой причине он заявил Департаменту информационных исследований, что пытаться заискивать перед врагами - «плохая политика», и предупредил их о том, что «разыгрывание антисемитизма» не является лучшей стратегией антисоветской пропаганды». George Orwell to Celia Kirwan. 6 April 1949 (IRD/FOlllO/PRO).
[717]Adam Watson. Telephone interview, August 1998.
[718]Bernard Crick. Evening Standard, 11 July 1996.

это не должно быть концом спора. Бесчестный поступок не может считаться почётным только потому, что он был совершён Джорджем Оруэллом» [719].

Это не означает, что беспокойство Оруэлла относительно того, что он называл «отравляющим влиянием русских мифов на жизнь английской интеллигенции», было необоснованным [720]. Он лучше других знал цену идеологии и её искажений «либералами, которые боятся свободы, и интеллигентами, которые хотят осквернить разум» [721]. Но своими действиями он продемонстрировал, что перепутал роль интеллигента с ролью полицейского. Будучи человеком мыслящим, Оруэлл мог руководить атаками аудитории на британскую русоманию открыто, вовлекая своих оппонентов в дискуссии на страницах Tribune, Polemic и других журналов и газет. Чем отвечала идея свободы на (предполагаемую) нечестность интеллигенции?

«Если бы мне нужно было выбрать слова для собственного оправдания, я бы предпочёл высказывание Мильтона: «По известным правилам древней свободы», - писал Оруэлл в предисловии к «Скотному двору». - Эта фраза свидетельствует о его непоколебимой вере в «глубоко укоренившуюся традицию» «интеллектуальной свободы... без которой присущая нам западная культура вряд ли могла бы существовать». Далее следует цитата из Вольтера: «Я не разделяю ваших убеждений, но я отдам жизнь за то, чтобы вы могли их высказать» [722]. А за несколько месяцев до своей смерти Оруэлл добавил: «Но ни при любых обстоятельствах». Комментируя свои наблюдения за движением Оруэлла вправо, Мэри Маккарти отметила: ему просто повезло, что он умер таким молодым.

---

[719]Peregrine Worsthorne. The Spectator, 29 July 1996.
[720]George Orwell. The Prevention of Literature, Polemic, no. 2, 1945.
[721]George Orwell. The Freedom of the Press, 1944, in New Statesman, 18 August 1995.
[722]Там же.

18. Когда рак на горе свистнет

«Свобода стала просто набором клише. Клише «Ну да»: «Не все общества, кажущиеся свободными, действительно так свободны, как кажется». Клише «Сомнительное»: «Свобода неделима». Дуайт Макдональд (Dwight Macdonald). 1956

«Внимание, внимание! Дорогие слушатели, сейчас вы услышите манифест Федерации венгерских писателей: «Это Федерация венгерских писателей. Обращаемся к каждому писателю в мире, ко всем учёным, ко всем объединениям писателей, ко всем научным ассоциациям, к мировой интеллектуальной элите, мы обращаемся ко всем вам за помощью и поддержкой. Осталось мало времени. Вы знаете факты. Нет необходимости давать вам развёрнутый отчёт.

Помогите Венгрии. Помогите венгерскому народу. Помогите венгерским писателям, учёным, рабочим, крестьянам и нашей интеллигенции. Помогите, помогите, помогите!».

Воскресенье, 4 ноября 1956 года, в 8.07 утра, через несколько минут после передачи этого сообщения, радио «Будапешт» замолчало. Войдя в столицу под покровом ночи, советские войска начали жестокое подавление октябрьского восстания. В последующие несколько месяцев погибли 15 тысяч венгров, ещё 5000 были арестованы безо всякого суда. Когда советские танковые дивизии проходили по центральным бульварам Будапешта, это выглядело так, будто Советский Союз наказывает мир за негативные суждения о нём… Сталинизм умер? Да здравствует сталинизм! После десяти лет заговоров, анализа и сбора информации, разработки стратегии освобождения «порабощённых народов» Европы Америка вдруг встала неподвижно, явно поражённая демонстрацией советской силы.

«Венгерские революционеры погибли, потеряв надежду на свободный мир, который готов был разделить их триумф, но не их борьбу» [723], - с горечью написал Мане Спербер 11 ноября. Однако после союзного англо-франко-израильского вторжения в Суэц Эйзенхауэр оказался в затруднительном моральном положении, ведь ситуация стала явно напоминать имперскую агрессию.

Но Америку парализовал не только Суэц: несмотря на то, что правительственные стратеги и руководители разведки потратили годы только на планирование такого события как венгерское восстание, все их усилия оказались бесполезными. Операция «Фокус», в ходе которой, как казалось ЦРУ, были тщательно изучены венгерские дела с начала 1950-х, оказалась безнадёжно провалена. Лоуренс де Новилль, который в 1954 году работал на радио «Свободная Европа» вспоминал, как в свой первый месяц там он спрашивал: «Что будет, если сюда придёт человек в плаще и скажет: «Мы наслушались всего этого и готовы начать революцию»? Они обсудили вопрос на специальном заседании редколлегии и не могли решить, что делать. Это был карточный домик, о чём я им и сказал. Все были уверены,

[723]Manes Sperber. 11 November 1956, цитата из Michael Josselson to Shepard Stone. Undated (CCF/CHI).

что делают добро, и никто не занимался заговорами. Дальнейшие события застали их врасплох» [724].

Во время октябрьского восстания радио «Свободная Европа» неоднократно высказывалось в поддержку восставших. Некоторые утверждают, что оно даже обещало им вооружённую поддержку, хотя ЦРУ до сих пор это решительно отрицает. Однако, по словам де Новилля, ЦРУ не могло выступать с подобными опровержениями, поскольку, как это ни удивительно, оно не имело ни малейшего представления о том, что вещала венгерская группа. «Всё было обманом и иллюзией, - объяснял де Новилль. - Радио «Свободная Европа» регулярно извещало Вашингтон и Мюнхен о своих эфирах, но это было бессмысленно, поскольку там их извещения просто игнорировали. Более того, между правительствами США и Великобритании существовало соглашение о мониторинге и переводе радиотрансляций из Восточной Европы. Но, как ни странно, никто никогда не переводил передачи радио «Свободная Европа», поэтому Вашингтон не знал, что происходило на этой радиостанции. ЦРУ не могло опровергать венгерские сообщения, так как ничего про них не знало» [725].

Полные стенограммы венгерских передач радио «Свободная Европа» тех решающих дней октября 1956 года так и не были найдены.

Как только стало понятно, что октябрьская революция потерпела неудачу, тысячи венгров хлынули в Австрию, спасаясь от советских репрессий. Большинство из них направились в Вену. И вновь американцы оказались совершенно к этому не готовыми. В своём письме Шепарду Стоуну из Фонда Форда Джоссельсон предупреждал, что «ситуация с беженцами, судя по всему, приближается к состоянию полнейшего хаоса. Как наш офис в Вене, так и все те, кто вернулся оттуда за последние несколько дней, говорят о неизбежной катастрофе, которой не избежать, если немедленно не предпринять серьёзные шаги» [726].

Другим источником в Вене был Фрэнк Уизнер, приехавший из Вашингтона как раз вовремя, чтобы застать осколки потерпевшей крах революции. Уизнер впал в такую депрессию, что сильно запил. До того как отправить его в следующий пункт назначения - Рим, местные сотрудники ЦРУ занимались тем, что пытались отучить его от вечерних возлияний. В Афинах он съел каких-то сырых моллюсков, из-за чего заболел гепатитом, у него поднялась температура и начался бред. Родные и близкие Уизнера усмотрели причину отказа ему в должности старшего заместителя Аллена Даллеса в эмоциональном перенапряжении, случившемся с ним той осенью. Он вёл себя всё более и более раздражительно и безотчётно, и в результате в 1958 году у него произошёл нервный срыв, и его сняли с поста заместителя Даллеса [727].

Мелвин Ласки быстро взошёл на «сцену», носясь взад-вперёд между Веной и венгерской границей в состоянии крайнего возбуждения. В то время

---

[724]Lawrence de Neujville. Telephone interview, April 1997.
[725]Там же.
[726]Michael Josselson to Shepard Stone. Undated (CCF/CHI).
[727]Evan Thomas. The Very Best Men.

как Уизнер пребывал в собственном Гефсиманском саду, Ласки был преисполнен удовлетворением от осуществившегося пророчества. «Что ж, Венгрия сделала это ради нас, - вспоминал он с удовольствием. - Я имею в виду, что нам не потребовалось заплатить за это ни гроша. Оправдались наши ожидания, исследования показали, что тоталитаризм - это всего лишь фарс. Во главу угла встала свобода, буржуазная свобода» [728]. Объединив свои усилия с Фридрихом Торбергом, чья редакция «Форума» стала импровизированной штаб-квартирой венгерской кампании Конгресса, Ласки составил список интеллигенции и студентов из венгерских беженцев и занялся поиском мест для них (около 15 в день) в европейских университетах. Он также начал делать подборку документов с помощью друзей из радио «Свободная Европа» и «Голос Америки» и назвал это досье La Revolution Hongroise («Венгерская революция»). В Англии эту «белую книгу» выпустило издательство Seeker and Warburg, а в США - Praeger.

Парижское представительство Конгресса пребывало в крайней степени напряжения, его офис на бульваре Осман был переполнен людьми. «Это был пик возбуждённости и переживаний» [729], - сказал Джон Хант (John Hunt), всего несколькими месяцами ранее приехавший в Конгресс. Пользуясь разветвлённой сетью контактов и филиалов, Парижский офис координировал общественные протесты от Сантьяго до Дании, от Ливана до Нью-Йорка, от Гамбурга до Бомбея. В Швеции местный комитет убедил восемь нобелевских лауреатов подписать телеграмму протеста маршалу Булганину. Американский комитет организовал массовый митинг, в котором приняли участие Кёстлер и Силоне; они также хотели пригласить Хемингуэя и попросили Джоссельсона помочь разыскать его, но тот ответил, что «Хемингуэй, по-видимому, где-то в Европе, а где именно - неизвестно». К январю 1957 года Парижский офис мог сообщить, что «Никогда прежде действия различных национальных комитетов не были столь сплочёнными и эффективными» [730].

Другим результатом венгерского кризиса было образование Венгерской филармонии - оркестра, собранного по инициативе Джоссельсона. Музыкальным руководителем был назначен Антал Дорати, а дирижёром стал Золтан Рожняи. Рожняи бежал в Вену с сотней других участников будапештской филармонии, как только советские танки начали обстрел венгерской столицы. С начальным фантом в 70 тысяч долларов оркестр смог стать мощным оружием культурной борьбы, он гастролирует и по сей день.

Но, пожалуй, самым неожиданным событием для Джоссельсона и его «интеллектуальных ударных отрядов» был публичный разрыв Сартра с коммунистической партией, когда он назвал советское руководство «группой, которая в своих действиях превзошла сталинизм, хотя раньше его обличала». В своей статье «Двенадцать лет террора и тупости», опубликованной 5 ноября 1956 года в журнале «Экспресс» (L'Express), он осудил советскую политику послевоенных лет и жёстко раскритиковал вторжение в Венгрию. Самую отборную брань он оставил для коммунистов

[728]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.
[729]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.
[730]Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.

своей страны, заявив, что «нет и не появится ни малейшей возможности возобновить отношения с людьми, возглавляющими французскую коммунистическую партию. Каждая их фраза, каждое их движение есть результат 30 лет лжи и склероза. Их решения - это решения совершенно безответственных людей» [731].

Конгресс отпечатал тысячи копий заявления Сартра, распространив его вместе с заявлением Камю, в котором тот пригрозил возглавить бойкот ООН, если организация не проголосует за «немедленный вывод советских войск» из Венгрии, и «публично разоблачить её несостоятельность и никчёмность», если она проигнорируют это требование. «Похоже... французские интеллектуалы откололись от партии: коммунисты, их сторонники, прогрессисты, анти-анти-коммунисты, а теперь ещё и анти-коммунисты-коммунисты» [732], - ликующе резюмировал Джоссельсон. Поддерживаемый коммунистами Национальный комитет писателей был, по его словам, «виртуально торпедирован... Можно с уверенностью утверждать, что коммунистическая «мистерия» разрушена». Однако он отметил, что «французская социалистическая партия могла извлечь выгоду из положения, если бы не то злополучное вторжение в Египет» [733].

Правда о Суэцком конфликте уже сформировалась в уме Джоссельсона. «Понятно, что если бы Европа не уступила, ей бы пришлось лишиться своих ближневосточных источников нефти, - сказал он одному корреспонденту. - Интенсивная научно-исследовательская программа, нацеленная на замену нефти другими источниками энергии, могла бы стать решением» [734].

Конкретно Джоссельсон имел в виду ядерную энергию. Попытки добиться признания ядерной энергии долгое время были приоритетом американской внешней политики. В 1952 году Чарлз Дуглас Джексон отметил в своих записях: «Работы продвигались в направлении Жизни, чтобы избавиться от комплекса вины за применение Америкой атомной бомбы» [735]. Ч.Д. Джексон также принимал активное участие в подготовке знаменитого выступления Эйзенхауэра «Мирные атомы» в ООН 8 декабря 1953 года, в котором президент предложил одностороннее сокращение ядерных вооружений и обрисовал возможности перехода от военного к мирному использованию ядерной энергии. Не упустив удобного случая для пропаганды, в 1954 году Джексон представил Фрэнку Уизнеру меморандум, в котором предлагал расширить проект Эйзенхауэра, включив в него сообщение о плане строительства первого атомного энергетического реактора в Берлине. Как сказал Джексон, для этого были «как пропагандистские, так и вполне практические причины. Каждая унция топлива - жидкого или твёрдого, использованная в Берлине, должна быть доставлена в город через советскую территорию. Несмотря на созданные

[731]Jean-Paul Sartre. U Express, 9 November 1956.
[732]Michael Josselson to Shepard Stone. Undated (CCF/CHI).
[733]Там же.
[734]Там же.
[735]C.D. Jackson. Log Files (CDJ/DDE).

нами резервные запасы, новая блокада будет иметь серьёзные последствия» [736].

Атомный реактор, по его мнению, «сможет обеспечивать базовые энергетические потребности города при его осаде». Пропагандистская ценность - «немцы и Советы лицом к лицу» - была «очевидна». На самом деле как акт пропаганды это даже не требовало «окончательного решения действительно сооружать реактор. Идее можно было дать существовать как просто идее: выделить «исследовательскую группу» для осмотра окрестностей Берлина в поисках подходящего места; какой-нибудь каменистый участок обнести забором с таинственными табличками; сам же проект на какое-то время покрыть завесой тайны и распустить слухи, что с точки зрения берлинцев и советских наблюдателей будет равносильно действительно приступить к работе» [737].

У Джоссельсона не было ничего даже близкого к этим макиавеллиевским идеям, он искренне проникся идеей Эйзенхауэра «перековать ядерные мечи наорала» [738]. Его мотивы были искренними, если не сказать наивными. В своём письме Набокову он говорил: «Совершенно очевидно, что использование атомной энергии радикально изменит значительную часть человечества и общества. Я по-прежнему твёрдо убеждён, что это будет означать закат марксизма и создаст новую философскую и социологическую основу для человечества, так же как промышленная революция сформировала почву для теорий Маркса» [739].

Считая предложение Эйзенхауэра использовать атомные энергетические ресурсы в мирных целях «гениальным», Джоссельсон стремился распространить идею через журналы, выпускаемые Конгрессом, но наткнулся на стену равнодушия. «Я отчаянно пытался добиться того, чтобы за предложением Эйзенхауэра последовала серия статей в «Прев», откуда их перепечатают другие европейские журналы, - сказал он де Новиллю в январе 1954 года. - Увы, трое ведущих некоммунистических учёных во Франции отказали мне под тем или иным предлогом... Это типичный случай, когда хорошая идея не используется в полной мере из-за того, что люди или слишком ленивы, или слишком заняты или им просто наплевать [740]. И всё же это - та идея, которая способна вселить новую надежду и уверенность в некоторых отчаянных европейцев... Если у тебя есть какие-либо идеи, то, пожалуйста, не держи их при себе» [741].

То, что произошло потом, даёт редкую возможность увидеть скрытую бюрократию, ведущуюся в кулуарах Конгресса за свободу культуры. Письмо Джоссельсона было передано Ч.Д. Джексону в Белом доме. Джексон

---

[736]C.D. Jackson to Frank Wisner. 11 February 1954 (CDJ/DDE).
[737]Там же.
[738]Richard Crockatt. The Fifty Years War: The United States and the Soviet Union in World Politics 1941-1991 (London: Routledge, 1995).
[739]Michael Josselson to Nicolas Nabokov. 23 January 1954 (CCF/CHI).
[740]Интересно, что сам Эйзенхауэр, который позже признал, что «предложения были революционными», выдвинул идею ограничить дополнение к его речи в то время. Предложения встретили категорический отказ со стороны Советов.
[741]Michael Josselson to Lawrence de Neujville. Undated (CDJ/DDE).

передал его Трэйси Бэрнсу в ЦРУ, порекомендовав поручить Уильяму Тайлеру «подкинуть эту идею подходящему европейскому учёному с именем». Тайлер был ответственным по связям с общественностью в Американском посольстве в Париже (хотя многие его дела позволяют предположить, что это было только прикрытием). «Кроме безупречного академического французского, - комментировал Джексон, - у Тайлера есть преимущество в том, что он участвовал в составлении многих проектов этой речи и поэтому имеет полное представление о её философии». Джонсон посоветовал Бэрнсу безотлагательно поделиться этой идеей «непосредственно с Джоссельсоном», поскольку следующий выпуск «Прев» был почти готов [742].

В то время как Джоссельсон вынашивал планы о питаемой ядерной энергией Европе, объединённой концепцией демократической свободы, Дуайт Макдональд, по заданию «Инкаунтера», в котором он только что стал помощником редактора, находился в Египте, чтобы засвидетельствовать «недостойное» поведение европейских империй. Макдональд, похожий, по словам одного друга, на сумасшедшего профессора с сачком для ловли бабочек, был на пике своей карьеры: он только что завершил длинный очерк, заказанный Фондом Форда для журнала «Нью-Йоркер», и наслаждался возможностью поработать в таком высокоинтеллектуальном журнале, как «Инкаунтер». Поэтому было странно, что пребывание в Каире не стимулировало его сделать хороший репортаж.

В действительности, услышав разрыв снаряда в соседнем с его отелем здании, он вскочил и ринулся в пригород, где прятался в течение нескольких дней, не выходя на связь с редакцией «Инкаунтера». Макдональд, вспоминавший свой арест в 1940 году за пикетирование советского консульства в Нью-Йорке как «весёлое приключение», теперь, похоже, потерял вкус к риску, ни разу не решившись выбраться из города, чтобы увидеть театр военных действий. «Мы выложили несколько сотен фунтов за его билет и оплатили отель, чтобы Дуайт смог составить «некролог» о Суэце, - вспоминал Ласки, - но то, что он написал, было категорически невозможно публиковать. Там он впал в писательский ступор, затем вернулся и просиживал в офисе по несколько месяцев, и единственным его компаньоном был тот же ступор» [743].

Назначение Макдональда в «Инкаунтер» было спорным с самого начала. Джоссельсона никогда не удовлетворяла работа предыдущего редактора Кристола, и они спорили о том, каким должен быть журнал, с самого первого выпуска. Джоссельсон считал, что Кристола слишком интересовали особенности холодной войны, и требовал большего акцента на политическом аспекте журнала. «Мы не выпускаем журналы о культуре с большой буквы «К», и меня беспокоит твоё непонимание этого» [744], - выговаривал Джоссельсон Кристолу (делая при этом замечание, подтверждающее комментария одного критика, что «Инкаунтер» - это политический пропагандистский журнал с культурными декорациями).

[742]C.D. Jackson to Tracy Barnes. 5 January 1954 (CDJ/DDE).
[743]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.
[744]Michael Josselson to Irving Kristol. 1 December 1955 (CCF/CHI).

Ласки, как всегда, соглашался с Джоссельсоном: «В середине 1950-х нас беспокоило, что «Инкаунтер» не уделяет должного внимания отношениям Советов и Восточного блока. Но Кристол не хотел этого делать, у него был непреодолимый страх идеологических дискуссий» [745].

Несмотря на попытки «построить» Кристола на ряде встреч в Париже, к началу 1955 года терпение Джоссельсона окончательно иссякло. «Ты будешь помнить, что на собрании нашего Исполнительного комитета все согласились: время, которое провёл «Инкаунтер», пытаясь преодолеть скрытое и явное сопротивление, потрачено не зря, - таинственно писал Джоссельсон, - но теперь пришло время двигаться дальше» [746]. Ответ Кристола не демонстрировал согласия: «В сущности, мне приходится делать всё по-своему... если мой подход оказывается неподобающим, то всегда есть стандартное решение» [747].

В то время как Кристол спокойно ссылался на то, что его можно отстранить, Джоссельсон уже был на шаг впереди, напутствуя Набокова и Ласки посещать «своих» людей и спрашивать, кого бы они могли порекомендовать в качестве нового редактора. Исайя Берлин, обычно консультировавший по подобным вопросам, порекомендовал Генри Стюарта Хьюза (Henry Stuart Hughes). Также советовали взять Филипа Хортона (Philip Horton) - бывшего кадрового сотрудника Управления стратегических служб и первого руководителя представительства ЦРУ в Париже в 1947 году, который на тот момент работал в журнале «Репортер» (The Reporter). Спендер тем временем усердно занимался подрывом позиций Кристола. «Я полагаю, дело в том, что он настолько помешан на конкуренции, что воспринимает любую задачу как конфликт, в котором он должен одержать победу, оставляя решение за собой либо саботируя решение, принятое его коллегой» [748], - говорил он Джоссельсону, не оставляя у того ни малейших сомнений в необходимости отстранения Кристола.

«Когда Ирвинг уйдёт, мы сможем решать без промедления те вопросы, обсуждение которых он превращает в затяжные бои» [749]. Тем временем у Набокова был на примете свой кандидат. Набоков написал другу и доверенному лицу Артуро Шлезингеру, прося его «очень, очень тактично» прощупать Дуайта Макдональда. Шлезингер подошёл к делу с энтузиазмом. Был полон энтузиазма и Малкольм Маггеридж, чьё замечание, что Кристол - «отличный малый, но совершенно бесполезный и не способный никого здесь впечатлить», скрывало, по утверждению Ласки, то, что было «биологической ненавистью - он считал того варваром» [750].

Джоссельсон согласился переговорить с Макдональдом и в июне 1955 года приехал в Нью-Йорк для встречи с ним. Они неплохо ладили, однако Джоссельсон опасался, что с его придирчивым характером им будет трудно ужиться под крышей Конгресса. По словам Джоссельсона, он был «волком-

[745]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.
[746]Michael Josselson to Irving Kristol. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.
[747]Irving Kristol to Michael Josselson. Цитата из Peter Coleman. Там же.
[748]Stephen Spender to Michael Josselson. 10 July 1955 (CCF/CHI).
[749]Там же.
[750]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.

одиночкой». Когда Сидни Хук узнал об этой встрече, то пригрозил выйти из Исполнительного комитета и сказал, что «разнесёт Конгресс в пух и прах» [751], если Макдональд будет назначен на должность. Кристол, которого на протяжении всех этих переговоров держали в неведении, не поверил своим ушам, когда узнал, что на его место прочили Макдональда. «Это просто смешно - он ведь анархист и пацифист!» [752] - восклицал Кристол впоследствии.

К тому времени как Конгресс в сентябре 1955 года организовал в Милане конференцию «Будущее свободы», вопрос всё ещё не был решён. В течение всей той недели в середине сентября в отеле, где проживали делегаты, росла паутина интриг. Стюарт Хэмпшир занимался больше будуарным политиканством, нежели собственно дебатами (которые, по словам Ханны Арендт, были «ужасно скучными»). В то время как Джордж Кеннан акцентировал внимание на «Стратегии Свободы»: излюбленная тема Кеннана - свобода, как и внешняя политика, нуждалась в стратегической организации, - спальня Сидни Хука стала штабом ячейки, противостоявшей назначению Макдональда. Спустившись вниз по коридору, можно было попасть в спальню Артура Шлезингера, в которой собиралась фракция сторонников Макдональда. На кандидатуру Макдональда наложили вето, главным образом Сидни Хук, - вспоминал Хэмпшир. - И тогда я отчётливо понял, что тут не обошлось без вмешательства центра, это была работа аппарата. Безусловно, Дуайт свои слова не контролировал. Невозможно было предсказать, что он скажет или сделает в следующий момент. И они не собирались этого допустить» [753].

Однако Шлезингер настаивал: «Я поддерживал его. ЦРУ также. И они принуждали Джоссельсона согласиться, что он и сделал, хотя и с неохотой» [754].

В конце концов, был найден компромисс: Макдональда приняли в «Инкаунтер» на год на должность внештатного редактора, а Кристола же оставили на прежнем месте. Разъясняя в письме Маггериджу это соглашение, Джоссельсон сообщил, что «поговорил с Кристолом настолько откровенно, если не сказать жестоко, что можно ожидать благотворных перемен в его позиции» [755]. Однако через несколько месяцев эти надежды были разбиты. Нападки продолжились, и Джоссельсон гневно писал Кристолу: «Я ничего тебе не сделаю, если ты не будешь лезть на рожон. Я не знаю, где ты проводишь грань между редакторской критикой и делом принципа» [756]. Джоссельсон втайне признавался Даниэлу Беллу: «Иногда мне кажется, что Ирвин изменится, только когда рак на горе свистнет» [757].

---

[751]Неудивительно, что Майкл Джоссельсон был потрясен угрозой Хука разоблачить Конгресс. Но Джоссельсон стоял на своём в том, что «у него есть все причины, чтобы быть недовольным Ирвингом после всех усилий по его излечению в течение более двух лет». Michael Josselson to Sidney Hook. 18 August 1955 (CCF/CHI).
[752]Irving Kristol. Interview, Washington, July 1996.
[753]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.
[754]Arthur Schlesinger. Interview, New York, February 1997.
[755]Michael Josselson to Malcolm Muggeridge. 19 September 1955 (CCF/CHI).
[756]Michael Josselson to Irving Kristol. 10 December 1955 (CCF/CHI).

У Джоссельсона были подспудные опасения насчёт Макдональда. Не успели его принять на работу (и выделить щедрую зарплату в 12 тысяч долларов плюс компенсация расходов), как Дуайт передал в «Инкаунтер» статью под названием «В Милане чуда не произошло». Его описание роскошных условий, которыми наслаждались делегаты, и их неспособности сосредоточиться на дебатах по теме конференции встревожило Спендера и Кристола. Вопреки ожиданиям Макдональда - перед приездом в Лондон он написал Спендеру, что был «очень рад услышать об отношении Конгресса к «Инкаунтеру»: их политика невмешательства... звучит превосходно» [758], - статью обсуждали Набоков, Бонди, Ласки и Джоссельсон, перед тем как вернуть её Макдональду со множеством предложенных поправок. Она была опубликована в декабре 1955 года, через месяц после того, как появился куда более почтительный отзыв социолога-консерватора Эдварда Шилса. Но это вмешательство было только цветочками.

Громкие события 1956 года привели к значительному изменению структуры Конгресса. Хотя его члены и не считали себя «исключительно военной организацией, занимающейся идеологической борьбой, раскрытием преступлений, обличением лжи и инквизицией» [759], это было именно то, в чем Конгресс преуспел. Большая часть формальных приготовлений к ведению подобной деятельности была закончена в октябре 1957 года, когда Ласки возглавил создание «Информационной службы Конгресса», предлагавшей справочную информацию и аналитические материалы своим подписчикам во всём мире. По сути же, «Мировые информационные услуги» (Forum World Service), как позже стала называться компания, была классической операцией ЦРУ под прикрытием, где в главной роли вновь выступил Джон Хей Уитни, зарегистрировав компанию на своё имя как делавэрскую корпорацию с представительством в Лондоне. К 1960 году «Мировые информационные услуги» была самой активной и читаемой из всех новостных служб, которыми владело ЦРУ.

Тем не менее, под чутким руководством Джоссельсона Конгресс продолжал сохранять видимость единственной независимой международной организации, последовательно провозглашавшей ценность свободы. «Задачей было создать пространство культурной свободы как таковой, внутри которого могли бы создаваться величайшие произведения литературы, искусства и мысли, - говорилось в пояснении Конгресса. - Для того чтобы противостоять миру, в котором всё служит интересам политики, что для нас неприемлемо, необходимо было создать площадки, с которых культура могла выражаться вне связи с политикой и не смешиваться с пропагандой, где истинным интересом будут идеи и произведения искусства как таковые» [760].

---

[757]Michael Josselson to Daniel Bell. 29 October 1955 (CCF/CHI). Это выражение было заимствовано у Никиты Хрущёва, который однажды мрачно заметил, что холодная война закончится только тогда, когда рак на горе свистнет.
[758]Dwight Macdonald to Stephen Spender. 2 June 1955 (CCF/CHI).
[759]Congress for Cultural Freedom brochure, undated (CCF/CHI).
[760]Там же.

Это был критерий, от которого, в конечном счёте, зависело будущее Конгресса. Конечно же, необходимость пропаганды никогда не отрицалась тайными «ангелами» Конгресса. Задача Джоссельсона состояла в том, чтобы обеспечить скрытность этой необходимости, и по крайней мере на тот момент это удавалось - люди стекались в Конгресс. Если когда-либо и существовал антикоммунистический шик, то это он и был. Вновь Майклу Джоссельсону пришлось заплатить за это высокую цену.

В августе 1957 года он перенёс серьёзнейшую операцию, в ходе которой ему вырезали и заменили артерии на ноге. Когда он поправился, Мелвин Ласки порадовал его новостями про «Битву Брехта», в которой Конгресс обрушил всю мощь на коммунистических «идолопоклонников» «коммунистического миллионера» на проводившейся в Берлине конференции, заработав дополнительный балл в немецкой «культурной политике». Ещё больше порадовала новость о том, что Фонд Форда выделил Конгрессу новый грант в 500 тысяч фунтов стерлингов, а Фонд Рокфеллера возобновлял сотрудничество.

Но последнее слово в том году осталось за Советским Союзом, успешно осуществившим 4 октября запуск первого в мире спутника на орбиту. Весом менее 84 кг Спутник-1 имел огромное значение в международных отношениях. Разослав свой сигнал по всему миру, он тут же посеял панику в правительстве США. «Сдаётся мне, что Спутник похоронил репутацию старины Айка для всех потомков... первые в войне и в мире, первые на поле для гольфа, но вторые в космосе» [761], - сказал Ласки одному корреспонденту. Когда месяц спустя попытка США запустить гораздо меньший спутник закончилась тем, что он рухнул на землю перед телекамерами всего мира, горечь поражения была очень сильна.

[761]Melvin Lasky to Boris Shub. 6 November 1957 (CCF/CHI).

19. Ахиллесова пята

«Сила - первое, что пошло не так, как надо, с ЦРУ. Её оказалось слишком много, и было слишком легко пустить её в ход». Том Брейден (Tom Braden)

В конце 1950-х ЦРУ рассматривало «Инкаунтер» в качестве своего издания, разделяя мнение Джоссельсона о журнале как о «самом мощном активе». На жаргоне Управления «активом» являлся «любой ресурс в распоряжении агентства, который можно использовать в оперативных или вспомогательных целях» [762]. Рабочий принцип Управления, как его сформулировал Том Брейден, гласил, что от организаций, получающих поддержку ЦРУ, не требуется «поддерживать каждый аспект официальной американской политики» [763]. Это означало, что программы левых могли также выжить в таком издании, как «Инкаунтер».

Однако, хотя «это и было такое левое крыло, которое имело возможность выразить некоторые свои взгляды... оно не являлось свободной дискуссионной площадкой, как то подразумевалось, - вспоминал британский философ Ричард Воллхейм (Richard Wollheim). - Я думаю, что смысл его существования состоял в том, чтобы произвести впечатление, будто издание публикует весь спектр существующих мнений. Но, несомненно, они ограничивались в высказываниях, особенно там, где это касалось вопросов американской внешней политики. Это было сделано умело: были высказывания, которые критиковали Америку, но они никогда не звучали действительно критично» [764]. По словам Тома Брейдена, предполагалось, что именно так издание «Инкаунтер» и будет работать: «Это была пропаганда в том смысле, что всё сказанное редко отличалось от того, что говорил Государственный департамент о внешней политике США» [765]. Когда Брейден предложил дать определённую степень свободы изданию, он, конечно, не предполагал, что «Инкаунтер» будет свободно обсуждать любой аспект официальной американской политики. А в 1958 году журнал именно это и намеревался делать.

В начале 1958 года Дуайт Макдональд возвратился в Нью-Йорк после работы на «Инкаунтер». Прервав поездку, он остановился на два месяца в Тоскане, где был поражён европейскими традициями. Вернувшись в Нью-Йорк, с его бранящимися таксистами и «дикими» манерами общества, он перенёс серьёзный культурный шок. Он написал о появившемся у него ко всему чувстве отвращения - к насилию, безвкусице, «бесформенности» Америки, страны, не имеющей стиля, не ощущающей прошлого или настоящего, согнутой под бременем необходимости извлечения максимальной прибыли. «Национальный девиз должен быть не «Из многих - единое», не «На Бога уповаем», а «Я получил своё, и пошёл ты, Джек!» - утверждал он в сердцах [766].

---

[762]Final Report of the Church Committee, 1976.
[763]Tom Braden. I'm Glad the CIA is «Immoral», Saturday Evening Post, 20 May 1967.
[764]Richard Wollheim. Telephone interview, December 1997.
[765]Tom Braden. Interview, Virginia, June 1994.
[766]Dwight Macdonald. America! America! Dissent, Fall 1958.

То, что написал Макдональд, было плачем о стране, которую он увидел в состоянии упадка. С таким количеством интеллектуалов, стремящихся приобщиться к «американской культуре», индивидуалист Дуайт убеждённо выступал «против американского зерна». В январе он представил плоды своих размышлений в «Инкаунтере» в статье, названной просто «Америка! Америка!». Спендер, как он позже утверждал, принял материал, не прочтя его внимательно. Но Ирвинг Кристол был потрясён. Он назвал его «Джоном Осборном», а сам труд - нездоровым самотерзанием, к тому же плохо описанным. «Я считаю Дуайта замечательным журналистом, но совершенно непредсказуемым и иногда недалёким» [767], - сказал он, добавив, что, поскольку Дуайт родом из высшего американского общества, он ничего не знает о настоящей Америке, и это же воспрепятствовало тому, чтобы он понял Англию, с которой Америка так невыгодно сравнивалась в его статье.

«Он ничего не знал об Англии - он никогда не видел английского футбола, никогда не ходил на регби в Англии. Его знания об этой стране были родом из различных клубов в районе Сент-Джеймса. Он был провинциалом - представьте, он сказал: «Площадь Грос-Венор»!» [768]. Для человека, который носил цилиндр и ходил с зонтиком на работу, это было чересчур. Ласки также счёл статью «очень плохой» и повторил слова Кристола о том, что Макдональд ничего не знал о реальной Америке. «Он был человеком из Йеля и из Гринвич-Виллидж, и это всё, что он знал. Приехав в Англию, он начал демонстрировать все характерные черты наивного марк-твеновского американца за границей. Он полюбил всё британское. Он полюбил пабы, названия улиц и площадей и всё остальное. Нам стало стыдно за него. Американцы не могут быть настолько наивными и позволять себе подобное поведение. Это была ужасная статья. Я тогда сказал Майклу {Джоссельсону), что Дуайт стал ахиллесовой пятой Конгресса, и я был прав» [769], - самодовольно завершил Ласки.

Но грех Макдональда был намного серьёзнее, чем неправильное произношение Гровнер-сквер. Как критика жизни современной Америки его статья определённо имела свои недостатки. Восклицательная форма её названия ясно давала понять, что это была инстинктивная, а не серьёзно продуманная критика американских ценностей. Статья сравнивала Америку с Англией и Италией и в процессе демонстрировала романтичную слабость Макдональда к идеализации чужих культур. И всё же эта статья оказалась чрезвычайно уместной в то время, так как использовала разнообразные данные и новейшие исследования, затрагивая практически каждую сферу американской жизни, представляющую интерес для публицистов. Удивительно, как Макдональд умудрился задеть всех «священных коров» американского общества, будто он нашёл где-то список всех отрицательных стереотипов об Америке, которые сотрудники спецслужб стремились уничтожить.

Он осудил необузданный материализм в противопоставление духовному росту, тяжкие преступления, повсеместное распространение рекламных

[767]Irving Kristol. Interview, Washington, June 1994.
[768]Там же.
[769]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.

щитов, неразборчивость в литературных критиках, широкую расовую дискриминацию. Он нападал буквально на всех: Джона Фостера Даллеса назвал «ханжой и бестией», прекрасным наглядным образцом грубости и лицемерия Америки; Анри Люса - «бойскаутом с манерами гангстера»; обругал вице-президента Никсона за его неловкое поведение в Венесуэле (за что его заслуженно «периодически третировали»); президента Эйзенхауэра - за то, что он «бряцающий оружием реакционер»; Джорджа Уокера (George Walker), вице-президента компании Ford Motors, - за то, что он ведёт себя «как восточный властелин»; американские профсоюзы - за больший интерес к связям с общественностью, чем к классовой борьбе, а их лидеров Дэвида Дубински и Уолтера Рейтэра (Walter Reuther) - за то, что они «так раздражающе добродетельны» [770].

Бесконечно продолжался этот каталог современных американских грехов, враждебность Макдональда к декадентской американской власти опускалась до новых глубин отвращения: «Наблюдая, как жалуется европеец на американизацию Европы, хочется пожелать ему провести несколько недель здесь и получить опыт реальной жизни... Даже советские люди, при всей их жестокости, только прикрытой фиговым листком идеологии, кажется, проще находят общий язык с другими народами, чем мы» [771].

Считая статью «совершенно нелепой», Кристол всё же согласился опубликовать её, утверждая, что у него не было выбора, так она принята Стивеном. Едва её утвердили, как у Парижского бюро появилась своя копия. Спендеру и Кристолу тут же передали указание не печатать её и предупредили, что Юнки Флейшман сказал, что это повредит деятельности Конгресса и подвергнет опасности их дальнейшее финансирование. «Меня легко убедили не публиковать этот материал, так как он мне сразу не понравился, - говорил Кристол позже. - Стивен был более упорным. Но в результате мы сказали {Парижскому офису): если это действительно осложнит вам жизнь, мы обойдёмся без этой статьи. Позже Дуайт издал её в другом месте, жалуясь при этом на цензуру. Отказ напечатать статью не является цензурой. Я побывал редактором многих журналов за свою жизнь и отклонил множество статей, но я никогда не расценивал это как вид цензуры» [772].

Спендеру выпало сообщить Макдональду, что они не могут опубликовать статью без значительных изменений. Перечитав статью, Спендер нашёл её однобокой и слишком критичной. Он добавил, что Набоков прочитал статью и «очень расстроился». Макдональд был разъярён, узнав, что «генеральный секретарь и гроссмейстер международного этикета Николай Набоков» давал редакторам «Инкаунтера» «советы» насчёт

---

[770]Атаки Макдональда на руководство американского рабочего движения берут начало в 1930-х гг., когда он раскритиковал их как «сидячих забастовщиков, превратившихся в буржуазных прагматиков», в полной мере поглощенных капиталистической системой и потребительской культурой. В своём журнале «Политика» он обозвал Уолтера Ройтера «бойскаутским факиром рабочих».
[771]Dwight Macdonald. America! America! Dissent, Fall 1958.
[772]Irving Kristol. Interview, Washington, June 1994.

публикации материалов, а также предложил «Стивену-Ирвингу-Николаю-Майклу, или кто там у них за главного», чтобы с этого времени редакторы «при получении «спорных» материалов сразу консультировались с Парижским офисом и действовали соответственно полученным указаниям» [773]. Как оказалось, именно так редакторы и поступали.

Из-за Макдональда, отказывающегося принять любые сокращения текста, статью, в конечном счёте, отклонили. Она была сначала принята, потом отклонена, опять принята и снова отклонена. «Я ужасно сожалею об этом, - сказал Спендер в интервью незадолго до своей смерти. - Это единственная статья, которая так и не была опубликована в «Инкаунтере» из-за очень сильного давления на нас Конгресса за свободу культуры. Да, единственная за всё время работы. Когда решался вопрос о её публикации, статья мне казалась довольно глупой, и я думал, что, скорее всего, если бы я просматривал её изначально, то либо захотел бы изменить текст, либо вовсе отклонил бы. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что это единственное, о чем я очень сожалею, так как считаю, что если статья мне не понравилась, когда я прочитал её, я всё же должен был настоять и высказать тогда своё мнение, после чего любой ушёл бы в отставку: мы публикуем эту статью, потому что мы приняли её, а единственной причиной для отклонения был её антиамериканизм» [774].

Но это было не просто вмешательство Парижского офиса. По словам Дианы Джоссельсон, которая сочла «её {статью) очень разочаровывающей», это было «одним из примеров редакционного вмешательства ЦРУ, и Майкл боролся с ним очень упорно, но так и не победил» [775]. Как Управление сыграло в этой истории со статьёй главную роль? Если, согласно утверждениям людей, причастных к этой ситуации, публикации Конгресса не просматривались перед выходом Агентством, то каким образом информация о статье Макдональда дошла до них? Джоссельсон получал предварительные экземпляры «Прев» и, по крайней мере, знал содержание подготавливаемого к выпуску «Инкаунтера». Конечно, не в его интересах было передавать эту пламенную статью своим начальникам в Вашингтон? Джоссельсон всегда предпочитал решать проблемы независимо от Управления, взаимодействие которого с Конгрессом вызывало у него всё большее негодование. Однако, несомненно, что статья «Америка! Америка!» произвела немало шума в коридорах Вашингтона. Наиболее вероятно, статья попала туда через представителя ЦРУ в Конгрессе, которым тогда являлся Ли Уильямс.

Если единственным изъяном статьи являлась её отсылка к дешёвому антиамериканизму, почему Управление готово было рисковать воспринимаемой «объективностью» «Инкаунтера», своего «самого важного актива», подавляя его? Конечно, это была отличная возможность продемонстрировать «честность» «Инкаунтера», разрушить представление о том, что журнал не обращает внимания на промашки Америки, перенастроить звук, который, по заявлениям некоторых критиков, всегда

[773]Dwight Macdonald to Stephen-irving-nikolas-mike. 16 April 1958 (DM/STER).
[774]Stephen Spender. Interview, London, July 1994.
[775]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

звучал не так, как нужно. И главное, если статья была так «нелепа», как все говорили, тогда какой вред она могла нанести кому-либо, кроме её автора? В противоречие тому, что позже вспоминала Диана Джоссельсон, сам Джоссельсон был фактически против публикации статьи с самого начала. Он назвал её «самой антиамериканской статьёй, которую я когда-либо читал», и говорил, что её надлежало отдать в советскую «Литературную газету» [776]. Он знал, что Макдональд, «вероятно, поднимет шум и выступит против нас публично, но я готов к этому». Везде в решении отклонить материал прослеживается его рука. Публикация этого текста могла сильно подпортить репутацию «Инкаунтера» в Вашингтоне, а также выставить Джоссельсона предателем. На кону было доверие к нему лично [777].

Для тех матёрых кадров силовых секретных операций, которые смотрели на Отдел международных организаций как на несущественную ерунду, глумились над идеей поддержать или помочь людям и организациям и, как предполагалось, были «друзьями» или имели «аналогичную точку зрения», выходка Макдональда была подтверждением их правоты. Ричард Хелмс, заместитель Уизнера, а позже директор ЦРУ, высказывал эту скептическую точку зрения, когда сказал специальному комитету: «Тайному руководителю... вбивают в голову, что нельзя рассчитывать на то, что его агент будет ему беспрекословно подчиняться или своевременно всё докладывать, если не владеть его душой и телом» [778].

То, что кто-либо из работавших в ЦРУ, мог надеяться на «приручение» известного борца с устоями Макдональда, казалось чистым безумием. Все эти аргументы являются маскировкой настоящей причины отказа от публикации статьи Макдональда.

Антиамериканизм действительно был, но он мог быть допущен в разбавленной форме. Однако решив продолжить своё наступление длинной статей, суммирующей отчёт о поведении американских военнослужащих, попавших в плен во время Корейской войны, Макдональд зашёл слишком далеко. Отчёт, представленный Юджином Кинкидом (Eeugene Kinkead) в журнале «Нью-Йоркер» предыдущей осенью и одобренный американской армией, осуждал поведение американских военнопленных: они «часто становились неуправляемыми. Они отказывались повиноваться приказам, они вызывающе вели себя и иногда избивали офицеров, которые пытались давать им указания... зимними ночами беспомощных больных дизентерией вытаскивали из хижин их товарищи и оставляли умирать на холоде». Средний американский солдат «казался беспомощным без упаковки таблеток и туалета без электросмыва» [779]. Особенно беспокоил тот факт, что доклад также показывал высокий уровень сотрудничества (с противником) и

[776]Michael Josselson to John Hunt. 27 May 1958 (MJ/HRC).
[777]Джоссельсон, несмотря на то, что ему нравился Макдональд как человек, всегда опасался его склонности к критике. Когда в 1956 г. Спендер показал свои планы комиссии, являвшейся курируемой Макдональдом частью Европейского объединения угля и стали, Джоссельсон предупредил Спендера о необходимости добавить идее «чуть больше смысла. Она была бы в полной сохранности, если бы не было опасности, что он обрушится на неё с уничтожающей критикой». Спендер впоследствии отказался от этой идеи.
[778]Richard Helms. Цитата из Final Report of the Church Committee, 1976.
[779]Dwight Macdonald. America! America! Dissent, Fall 1958.

подверженности психологической обработке. Удивительно, что армия согласилась обнародовать этот отчёт, создав таким образом кошмар для правительственных пропагандистов [780].

Включение этих данных в статью Макдональда было одной из серьёзных причин того, что публикация в «Инкаунтере» будет гарантированно запрещена изданием и на неё наложено официальное вето. Именно из-за этого статья и была свёрнута. И всё же несколько лет спустя ни один из непосредственно причастных к запрещению статьи Макдональда не смог вспомнить материалы Кинкида. «Мне не известно ни о каком упадке морали в среде американских солдат на завершающем этапе Корейской войны, - сказал Ирвинг Кристол. - И даже если бы это было правдой, то Дуайт не мог знать об этом, и что вообще он знал о Корейской войне? Он сидел в Нью-Йорке, писал для «Нью-Йоркер» и не имел ни малейшего представления о корейских событиях, он даже никогда не был в Корее. Не думаю, что он когда-либо посещал расположение войск. Он не мог ничего знать о недовольстве в рядах военных, о котором я даже ничего не слышал. Я вообще не помню, чтобы это описывалось в статье Дуайта Макдональда» [781].

Аналогично Мелвин Ласки, когда его спросили, не смог припомнить ничего из этого. Как и Стивен Спендер, и Диана Джоссельсон. Это вообще можно причислить к редчайшему случаю коллективной исторической амнезии. В особенности стоит отметить провал в памяти Кристола: в письме к нему в октябре 1958 года - к тому времени эта, теперь уже бесславная, статья была напечатана в «Диссент» (Dissent), журнале более левом, чем «Партизан Ревью», а Кристол уехал из Лондона, чтобы начать работать на «Репортер» в Нью-Йорке, - Джоссельсон писал: «Теперь, касательно его страдающей эксгибиционизмом статьи об Америке, которую вы со Стивеном напрасно приняли в начале. Не припоминаете, как попросили его переписать её и целиком вырезать часть о Корее, которая теперь уже опубликована в «Нью-Йоркер»? Он ведь этого не сделал» [782]. В 1959 году Кристол был всё ещё втянут в противостояние с Кинкидом и критиковал его лично в телевизионных дебатах [783]. Этим самым он заработал (редкое)

---

[780]Правительственные чиновники в течение долгого времени знали о плачевном состоянии американских военнопленных, но изощренно трудились, чтобы скрывать эти факты от широкой аудитории. 23 апреля 1953 г. Ч.Д. Джексон отметил в своем регистрационном журнале: «Сегодня был шквал телефонных звонков по поводу возвращения на родину идеологически обработанных корейских военнопленных. Получил согласие от Даллеса и (Уолтера Беделля) Смита на то, что следует дать рекомендацию о необходимости рассмотрения Пентагоном того, что все эти индоктринированные военнопленные должны содержаться в одном месте и... опубликовать статью об этом, вместо того чтобы позволить этим индоктринированным шутникам делать поспешные выводы насчет нас». C.D. Jackson. Log Files (CDJ/DDE).

[781]Irving KristoL Interview, Washington, June 1994. «Я очень надеюсь, что вы пересмотрите своё отношение к корейскому эпизоду». Irving Kristol to Dwight Macdonald. 19 May 1958(DM/STER).

[782]Michael Josselson to Irving Kristol. 31 October 1958 (MJ/HRC).

[783]30 лет спустя Кристол признал, что американские солдаты, базировавшиеся в Германии после Второй мировой войны, вели бы себя отвратительно, если бы не власть военного закона. Когда его спросили, имел ли он подобные сомнения в то время, он ответил: «Нет. Из верности своей стране, не имел. Я американец и патриот».

одобрение Джоссельсона, а также новых и «постоянных читателей» «Репортера».

С запрещением статьи Макдональда (её запоздалое появление в Tempo Presente, когда её не опубликовал ещё только ленивый, стало слабой компенсацией), правдивость утверждения, что поддержка ЦРУ оказывается без сопутствующего контроля, была подвергнута сомнению. «Это всё было попытками создать механизмы, которые по определению были проводниками западных ценностей, свободных и открытых дебатов, - утверждал представитель Конгресса Ли Уильямс. - Мы не говорили им, что делать, это бы пошло вразрез с американскими традициями. Это не означает, что не существовало тем, которые мы бы хотели видеть на повестке дня, но мы не говорили им, что делать... Мы не навязывали им какой-то определённой линии. Мы полагали, что должны позволить фактам говорить за себя, дать возможность идти диалогу, позволить независимым голосам выразиться. Не было никаких «Думай таким образом», «Проводи эту линию», «Печатай эту статью». Это было абсолютно чуждо тому, что мы делали» [784].

Уильям Колби также решительно опроверг утверждение, что от таких журналов, как «Инкаунтер», ожидали роли «долларовых мегафонов» для ЦРУ «Не было никакого контроля со стороны ЦРУ, - сказал он. - Мы поддерживали и помогали, но не распоряжались и не указывали, что делать. Мы могли сесть и как хорошие друзья поспорить о том, годится это направление или нет. Не было ничего типа: «Вот! Это прислали из Вашингтона! Никаких обсуждений!». Нет. Это годится для Москвы, но совершенно не свойственно Вашингтону» [785].

И Управление, и интеллектуалы, которых оно субсидировало, сделали многое, чтобы защитить этот альтруистический миф. Дело Макдональда показывает иную действительность. «ЦРУ утверждало, что поддерживало и спонсировало свободу слова. Конечно, это было не так, - сказал Джейсон Эпштейн. - Когда Дуайт Макдональд написал свою статью для «Инкаунтера», редакторы журнала, предвидя реакцию {Конгресса), отказали в публикации. Это свидетельствует не в пользу продвижения свободы слова. {ЦРУ) продвигало политику и политическую линию: именно за это Управление платило и это ожидало получать взамен. К свободе слова это не имело никакого отношения» [786].

Сам Макдональд именовал Набокова и Джоссельсона «представителями Меттерниха» в «Инкаунтере». «Можно подумать, что США - это Венесуэла, такая чуткая национальная гордость, - отметил он сухо. - Особенно хорошо, что цензурой занимается Конгресс за свободу культуры»! [787] Американский социолог Норман Бирнбаум (Norman Birnbaum) поднял этот вопрос в открытом письме к Конгрессу, утверждая, что директива, запрещающая статью в «Инкаунтере», была «исключительной дерзостью» и ясно показала,

---

[784]Lee Williams. Interview, Washington, June 1994.
[785]William Colby. Interview, Washington, June 1994.
[786]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.
[787]Dwight Macdonald. Цитата из Hugh Wilford. The New York Intellectuals.

какова разница между тем, что проповедовал Конгресс, и те, чем он в действительности занимался: «Конгресс за свободу культуры в течение нескольких лет читает лекции интеллигенции о неделимости свободы.

Это правильно: свобода неделима, за неё нужно бороться по любому поводу, большому и малому, её нужно противопоставлять сотне догматов и мелкой тирании, включая, видимо, и некоторых из его самопровозглашённых чемпионов» [788]. Бирнбаум пошёл дальше, обвиняя Конгресс в подчинении «свободы» насущным потребностям американской внешней политики: «Это, кажется, очень похоже на сталинское представление о правде: «Правда - это то, что отвечает интересам партии» [789].

Заявление о том, что Конгресс опорочил то, что сам исповедовал, ударило сильно. Джоссельсон страдал, убеждал себя, что цель оправдывает средства, но всё же был глубоко обеспокоен обвинением, что Конгресс идентифицировал правду с указаниями Джона Фостера Даллеса или Аллена Уэлша Даллеса.

Он обрисовал проблему целиком в письме Макдональду в апреле 1958 года, которое всё же получилось водянистым и неубедительным: «Вы должны понять, что Ирвинг и Стивен тоже хотят есть, что нужно платить вам за ваши статьи, что «Инкаунтер» должен иметь возможность писать о том, в чём он лучше всего разбирается, не опасаясь за своё будущее» [790]. Ответ Макдональда гласил: «Вырезание неприятных замечаний об «американском образе жизни» в выпусках «Инкаунтера» только потому, что некто в сером костюме с Мэдисон-авеню может сократить финансирование, является действительно жалким делом» [791].

«Обязанность, от которой никакой интеллектуал не может уклониться, не уронив собственного достоинства, это обязанность обличать ложь и отказываться называть «полезную ложь» истиной», - заявил Никола Кьяромонте во втором выпуске «Инкаунтера». Хотя «Инкаунтер» никогда не уклонялся от обличения «полезной лжи», которой коммунистические режимы поддерживали себя, он сам никогда не был действительно свободен от «медвежьего капкана идеологии», от той доминирующей психологии холодной войны - «лжи во имя правды». «Храня молчание по любым горячим спорным вопросам, соблюдая чрезмерную дипломатичность и умалчивая о всякой подделке и мерзости, которые в течение многих лет укоренялись в нашей всецело интеллектуальной атмосфере» [792], «Инкаунтер» отказался от этой самой драгоценной из западных философских концепций - свободы

[788]Norman Birnbaum. Open letter to the Congress for Cultural Freedom, 3 November 1958, in Universities and Left Review, December 1958 (MJ/HRC).
[789]Там же. Бирнбауму показалось невероятным, что «оборона Запада находится в хороших руках, когда это руки нью-йоркских евреев, чья преданность Америке состоит лишь в явной жажде всех американских преимуществ, при этом им помогает та часть британской интеллигенции, большая часть которой, боюсь, завербована из ребят, не игравших в регби в школе-пансионе». Цитата из Hugh Wilford. Цит. произв.
[790]Michael Josselson to Dwight Macdonald. 28 April 1958 (DM/STER).
[791]Dwight Macdonald. Letter to editor Universities and Left Review, 16 December 1958 (DM/STER).
[792]Dwight Macdonald. Цитата из Michael Wreszin. A Rebel in Defense of Tradition.

думать и действовать независимо и убрал паруса, подставляясь преобладающим ветрам. Кто-то сказал, что «статья журнала говорит то, что говорит, и любой может, прочитав её, не согласиться с написанным - и тут не может быть никакого тайного умысла» [793].

Непонятное молчание «Инкаунтера», его преднамеренное укрывательство того, что выходит за установленные рамки, и запрещение материала, неугодного его секретным покровителям, предполагает, что обратное тоже возможно. Как сказал один историк: «Правильный вопрос о независимости «Инкаунтера» заключался не втом, отправлялись ли редакторам инструкции из Вашингтона, а в том, кто выбирал редакторов и кто установил границы «правильного» мнения, в пределах которого позволялось свободно обсуждать различия» [794]. В поддержку этого аргумента Джейсон Эпштейн заявил: «Это не история о подкупе или гонении на отдельных писателей и мыслителей, но вопрос подготовки произвольной и фальшивой системы ценностей, в которой академический персонал продвигали, редакторов журналов назначали, а мыслителей субсидировали и издавали не обязательно по их достоинствам, хотя они иногда были значительны, но по их лояльности» [795].

Джоссельсон всегда держал руку на пульсе «Инкаунтера». Он составлял первые проекты обложек, просматривал и проверял оглавления ранних выпусков и продолжал получать предварительное содержание журнала от его редакторов. Он делал выговоры, когда стандарты понижались, и постоянно подсовывал на рассмотрение статьи или подбрасывал темы для обсуждения.

Иногда это выглядело, как будто он передавал заказ: прилагая пресс-релиз по азиатской конференции Конгресса, которая будет проводиться в Рангуне в январе 1955 года, он просто сказал Кристолу: «Важно, чтобы эта конференция освещалась в «Инкаунтере» [796]. Иногда это был более тонкий подход: «У меня есть новогоднее желание: по-настоящему качественное обсуждение в «Инкаунтере» проблемы сосуществования. Многие из наших друзей, включая Маггериджа и Ирвинга Брауна, тоже хотели бы этого» [797]. Или идея убедить Спендера открыть литературные страницы для нового поколения американских писателей, таких как Сол Беллоу, Дж.Д. Сэлинждер (J.D. Salinger), Трумэн Капоте (Truman Capote) или Ширли Энн Гро (Shirley Ann Grau). Либо рекомендация Кристолу издать обзор книги «Панафриканизм или коммунизм» Джорджа Падмора («Я думаю, весьма важно, чтобы эта книга была рассмотрена в «Инкаунтере» одним из «наших» людей») [798]. Подход Джоссельсона к «Прев» был таким же и часто приводил его редактора Франсуа Бонди в негодование. В июне 1952 года Бонди фактически угрожал уходом в отставку, если Исполнительный

[793]Derwent May. The Times, 2 July 1996.
[794]Peter Steinfels. The Neoconservatives.
[795]Jason Epstein. The CIA and the Intellectuals, New York Review of Books, 20 April 1967.
[796]Michael Josselson to Irving Kristol. 6 December 1954 (CCF/CHI).
[797]Michael Josselson to Irving Kristol. 23 December 1954 (CCF/CHI).
[798]Michael Josselson to Irving Kristol. 9 August 1956 (CCF/CHI).

комитет продолжит обсуждать политику «Прев» в его отсутствие, и требовал права выпустить редакционные инструкции.

При этом Джоссельсон приложил все усилия, чтобы защитить журналы от вмешательства Управления. Но нельзя согласиться с утверждением, что запрещение статьи Макдональда было единственным подобным случаем в истории «Инкаунтера». Если бы это являлось правдой, то можно было бы заключить, что содержание «Инкаунтера» отвечало требованиям Управления, которое вследствие этого не испытывало потребности пользоваться своим правом вето. Один критик описал этот процесс как «неотъемлемую черту отношений между работодателем и сотрудником, когда пожелания первого не совсем верно выражаются в действиях второго» [799].

Но, согласно Тому Брейдену, Управление вмешивалось по крайней мере ещё один раз: «Время от времени мы испытывали некоторые трудности с журналом «Инкаунтер», и я всегда говорил: «Позвольте им издавать то, что они хотят». Но был один момент - обсуждался некий вопрос внешней политики, Ларри {де Новилль) отправил мне комментарии к статье, и нам пришлось запретить её. Я думаю, что это имело отношение к американской политике в отношении Китая. «Инкаунтер» должен был опубликовать статью, которая критиковала политику США, и у нас было просто адское противостояние в офисе. Я помню, как ходил беседовать с Алленом Даллесом, но он отказался участвовать в этом. Он просто сказал: «Сами решайте». В итоге мы запретили этот материал, и я сожалею, что мы это сделали» [800].

Монти Вудхаус, который связывался с де Новиллем в то время, «хорошо знал, что Конгресс за свободу культуры запрещал публикацию некоторых статей. Но я никогда не слышал ни о каких инструкциях на этот счёт, которые были бы официально изложены где-либо» [801]. Вудхаус не мог вспомнить, была ли статья Лесли Фидлера о Розенбергах просмотрена сотрудниками разведывательного ведомства перед публикацией, но кажется весьма вероятным, что такое вмешательство в жизненно важную для американского правительства область привлекло бы внимание ЦРУ.

Статья, о которой говорил Брейден, оказавшаяся на столе Джоссельсона 28 июля 1954 года и присланная ему из Лондона Спендером, - эссе Эмили Хан (Emily Hahn), эксцентричного спонсора «Нью-Йоркер» и бесспорного эксперта по Китаю (она жила в Гонконге в течение 1930-1940-х, а в 1941 году, когда Джозеф Олсоп приехал в Китай, настояла на том, чтобы отвести его в опийный притон; оба были интернированы водном Гонконгском лагере после японского вторжения 1942 г.). Джоссельсон написал в ответном письме, что «счёл его крайне шокирующим. И это, конечно, не добавит нам новых друзей в Англии. Я передам эссе Николаю и

[799]Jason Epstein. The CIA and the Intellectuals, New York Review of Books, 20 April 1967.
[800]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.
[801]Christopher Montague Woodhouse. Telephone interview, December 1997.

Франсуа и позвоню вам или Ирвингу прежде, чем это письмо достигнет вас» [802].

Два дня спустя Набоков написал Кристолу и Спендеру: «Прежде чем перейти к статье мисс Эмили Хан, позвольте мне повторить некоторые из принципов, которые были одобрены каждым из нас во время обсуждения запуска «Инкаунтера», как и во время наших последующих встреч. Мы договорились, что все статьи на спорные темы будем обсуждать прежде сами, а затем уже показывать их кому-либо со стороны. Мы согласились, что одним из основных принципов политики «Инкаунтера» должна быть направленность на улучшение взаимопонимания между Англией и Америкой, следовательно, все политические вопросы должны обсуждаться на высочайшем уровне и так, чтобы всякий раз, когда имеет место противоречие, это было представлено в такой манере, чтобы не оскорблять национальные чувства по обе стороны океана. Мы все прочитали статью мисс Хан... и у всех нас была одинаково отрицательная реакция на эту статью. Мы чувствуем, что мисс Хан даёт ошибочное, поверхностное и небрежное представление американской точки зрения о Китае. Мы чувствуем, что статья мисс Хан оскорбительна с точки зрения стиля, характера и содержания» [803]. Бонди согласился с Набоковым, сказав, что статья была полна «истеричной брани».

После уточнения, в чем же заключалась «истеричная брань», Набоков спросил: «Что же нам делать дальше?.. Мы предлагаем вам попытаться добиться от мисс Хан корректировки статьи, что предполагает полное изменение тональности и исключение из неё самых оскорбительных моментов. Помимо статьи мисс Хан вам следует опубликовать другую статью, раскрывающую ту американскую точку зрения на китайскую проблему, которая преобладает на высоком и достойном уровне, и написанную в более краткой форме. Если же это не представляется возможным, мы считаем, что статью мисс Хан следует отклонить, а этот важнейший вопрос повторно поднять позднее, доверив дело людям, которые сумеют более ответственно, чем мисс Хан, представить американскую точку зрения» [804].

На случай, если этого замечания было бы недостаточно, 19 августа недавно назначенный заместитель секретаря Конгресса, агент ЦРУ Уоррен Мэншел передал список предлагавшихся поправок к статье. «Мы все здесь согласны, что было бы неблагоразумно публиковать эту статью, - писал он. - Если же ваши намерения непоколебимы, и статье предстоит увидеть свет, то корректировка следующих разделов является минимальным условием её публикации» [805].

Далее следовал исчерпывающий список сомнительных разделов статьи с подробными ремарками, написанными рукой Мэншела. Тем не менее, он ещё раз предложил редакторам хорошенько всё обдумать, предупреждая,

---

[802]Michael Josselson to Stephen Spender. 28 July 1954 (CCF/CHI).
[803]Nicolas Nabokov to Irving Kristol and Stephen Spender. 30 July 1954 (CCF/CHI).
[804]Там же.
[805]Warren D. Manshel to Irving Kristol. 19 August 1954 (CCF/CHI).

что «Ханн может задать жару». Статья в итоге так и не была опубликована. Причины этого, о которых так и не узнали читатели и спонсоры «Инкаунтера», делают правдоподобными более поздние утверждения, что в журнале «в случае, если правда была неприятна для Советского Союза, она выпячивалась; там же, где она была невыгодна Соединенным Штатам, - смягчалась» [806].

[806]Conor Cruise O'Brien. Journal de Combat, New Statesman, 20 December 1963.

20. Культурный НАТО

«Г-н Ермилов, перевернитесь в гробу - вы взяли деньги ЦРУ!» Николай Набоков

Вскоре после событий с Макдональдом Мелвину Ласки предложили сменить Ирвинга Кристола в «Инкаунтере». Джоссельсон, который по-прежнему хотел занять место Кристола, был рад, когда Ласки согласился взять на себя работу в Лондоне. И Кристол принялся сибирать багаж. Джоссельсон наконец почувствовал уверенность, что политическая сторона журнала в надёжных руках. Не было бы никакого оправдания и никакой потребности для Управления, чтобы вмешиваться. Едва устроившись на редакционном стуле, Ласки узнал от Фредерика Уорбурга, что зарплата Спендеру выплачивалась Британским обществом за свободу культуры, «хотя такой организации в действительности не существовало» [807]. Учитывая, что «Инкаунтер» уже выполнял функции, под которые Британское общество и создавалось, оно вскоре прекратило функционировать. Но это была полезная ширма для субсидий МИ-6, основным проводником которых сейчас являлся Виктор Ротшильд.

Переписка между Ротшильдом, Уорбургом и Маггериджем демонстрирует, как деньги (750 фунтов стерлингов в квартал) сначала поступали на счёт Ротшильда в Сент-Эдмундском отделении Вестминстерского банка, затем переводились на личный счёт Секера и Уорбурга, после чего оказывались в банке «Барклайз» на счету Британского общества, которое уже в качестве «пожертвования» передавало такую же сумму в «Инкаунтер». В июле 1960 года Фредерик Уорбург предложил заменить «эту сумасшедшую процедуру оплаты через несуществующее общество с двумя участниками, Малкольмом Маггериджем и Ф. Дж. Уорбургом» «прямым переводом средств между домом Ротшильда и Пантон-хаус» [808] (адрес «Инкаунтера»).

Удивительно, но все годы, что Спендер работал в «Инкаунтере», его ежегодная зарплата неизменно составляла 2500 фунтов стерлингов. «Она никогда не изменялась в течение всего времени его работы там, - вспоминала Наташа Спендер. - Именно поэтому ему и пришлось взяться за всю эту работу в Америке».

Одним из следствий столь скудной зарплаты Спендера стало то, что ему пришлось искать другие способы повысить свой доход, в частности, он занялся международным обменом лекциями. Это означало длительные отсутствия в офисе «Инкаунтера», что вполне устраивало Ласки, давая ему возможность преспокойно заниматься политической стороной журнала. Основной целью Ласки, кажется, было подвести журнал поближе к той группе мыслителей и политиков от лейбористской партии, которых тайные стратеги давно признали «наконец осознавшими, что практического социализма в США, видимо, больше, чем в лейбористской партии, если под социализмом понимать личное благосостояние вместо доктринёрской

[807]Fredric Warburg to Melvin Lasky. 8 October 1958 (ENC/S&W/RU).
[808]Переписка, связанная с финансированием Ротшильдом Encounter, начинается в июне 1958 г. и заканчивается в октябре 1960 г. (ENC/ S&W/RU).

классовой борьбы, памятуя при этом, что американский рабочий зачастую является более обеспеченным, чем его британский коллега, и к тому же более свободным человеком. Другими словами, {они) сейчас приходят к пониманию американского динамического демократического капитализма» [809].

Престиж лейбористской партии достиг максимума в конце Второй мировой войны, принеся ей победу с подавляющим большинством голосов на всеобщих выборах 1945 года и отправив тем самым Черчилля в отставку. Но к трагической зиме 1947 года энтузиазм уже был на спаде, холодная война также внесла существенный раздор в партию. Левые силы разделились на антисталинистов и тех, кто хотел пойти навстречу Советскому Союзу, правые же верили в необходимость борьбы с коммунизмом. Вторая группа организовалась вокруг журнала Socialist Commentary и имела среди своих самых знаменитых участников ДэнисаХили, Энтони Крослэнда (Anthony Crosland), Риту Хинден (Rita Hinden) и Хью Гайтскелла.

Это была группа, известная как «ревизионисты» - за своё желание модернизировать лейбористскую партию, включая отмену знаменитого «IV пункта» положения о национализации, что позволило ЦРУ попытаться притянуть британскую политическую мысль к своему представлению о будущей модели Европы. Планы США были чётко обрисованы в последовавших американских внешнеполитических доктринах: консолидация Атлантического альянса и Европейского оборонительного сообщества и создание Единого торгового пространства - это были цели, которые требовали от стран Европы пожертвовать определённой частью национального суверенитета в пользу коллективной безопасности. Но вашингтонские стратеги хорошо знали традиционное отношение Англии к собственному суверенитету. Один из докладов Государственного департамента завершался такими пессимистическими словами: «...едва ли можно сказать, что Соединённое Королевство с удовольствием откажется от каких-либо суверенных прав в интересах коллективной безопасности, за исключением тех, от которых было вынуждено отказаться, следуя логике обстоятельств» [810].

Основной группой влияния, которая стала продвигать идею объединённой Европы в сотрудничестве с Америкой, было Европейское движение - сложно структурированная организация, выполняющая широкий диапазон действий, направленных на политическую, военную, экономическую и культурную интеграцию. Направляемое Уинстоном Черчиллем, Авереллом Гарриманом и Полем-Анри Спаком (Paul-Henri Spaak) движение тщательно контролировалось американской разведкой и практически полностью финансировалось ЦРУ через фиктивную структуру, именуемую Американским комитетом объединённой Европы (American Committee on United Europe), первым исполнительным секретарём которого был Том Брейден. Вопросами культуры в Европейском движении занимался

[809]C.D. Jackson to Nelson Rockefeller. 18 November 1954 (CDJ/DDE).
[810]Herbert F. Propps. American Embassy, London, Lack of Published Material on United Kingdom Willingness to Modify Sovereignty in the Interest of Collective Security, to State Department, 9 December 1952 (SD.CA/RG59/NARA).

французский Европейский центр культуры (Centre Europeen de la Culture), директором которого являлся Дени де Ружмон. Кроме того, в 1950 году Брейденом была запущена широкая программа выдачи грантов студенческим и молодёжным ассоциациям, включая Европейскую молодёжную кампанию (European Youth Campaign). Выполняя указания ЦРУ, эти организации находились в авангарде пропагандистской кампании, разработанной, чтобы вырвать зубы у левых политических движений и подготовить почву для умеренного социализма.

Что касается либеральных интернационалистов, охваченных идеей Европы, объединённой вокруг внутренних процессов, не согласуясь с американскими стратегическими интересами, они, по мнению Вашингтона, были не лучше, чем нейтралисты. Управлению и Совету по психологической стратегии дали подробные указания «направлять СМИ и программы на искоренение» этой особой ереси.

Ключевую роль в операции играл Джей Лавстон, начальник Ирвинга Брауна, который с 1955 года находился в подчинении у Джеймса Джизуса Англтона. Задача Лавстона состояла в том, чтобы внедряться в европейские профсоюзы, избавляться от сомнительных элементов и способствовать продвижению лидеров, угодных Вашингтону. В этот период Лавстон снабжал Англтона пространными отчётами о делах профсоюзов в Великобритании, составленными при помощи контактов в Британском конгрессе тред-юнионов и лейбористской партии. Англтон позволял своим коллегам из британской разведки (тем немногим, которым он доверял) ознакомляться с «неофициальной информацией» Лавстона.

По сути, это была «лавстонизация» (даже если они не думали о ней как таковой) британских лейбористских кругов, в которых его последователей к концу 1950-х было уже большинство. Чтобы ускорить проникновение в эту группу, Управление использовало Конгресс за свободу культуры, за счёт которого Гайтскелл совершал поездки в Нью-Дели, Берлин, на остров Родос и в 1955 году посетил конференцию «Будущее свободы» в Милане (которая также привлекла Риту Хинден и Дэниса Хили).

После потери места в парламенте в 1955 году Энтони Крослэнд (Anthony Grosland), чья нашумевшая книга «Будущее социализма» была прочитана как «проектамериканизируемой Великобритании» [811], привлекался Джоссельсоном к разработке программы международных семинаров Конгресса, отданной под руководство Даниэлю Беллу, который был приглашён для этого из Америки. К началу 1960-х Крослэнд протоптал себе дорожку в Международный совет Конгресса. Рита Хинден, южноафриканский академик, работающая в Лондонском университете, которую Джоссельсон называл «одной из нас», в середине 1960-х помогала ему в подготовке гранта, выделяемого на развитие Venture - журнала Фабианского общества. Преданность журнала идее создания сильной объединённой Европой стала синонимом «гайтскеллизма».

Дэнис Хили, которого искренняя вера в будущее единой Атлантики привела к тесному сотрудничеству с американскими «левыми

[811]Neil Berry. Encounter, London Magazine, February-March 1995.

некоммунистами» (он был лондонским корреспондентом «Нью Лидер»), стал очередным верным союзником Конгресса, в особенности «Инкаунтера». Хили был также одним из получателей и обработчиков материала, поступающего из Департамента информационных исследований (ДИИ). В свою очередь, он снабжал ДИИ данными о членах лейбористской партии и профсоюзов [812].

Из всех вышеперечисленных Хью Гайтскелл, лидер лейбористской партии, был ключевой фигурой, и Ласки, едва прибыл в Лондон, сразу присоединился к небольшой группке интеллектуалов, собравшейся в доме Гайтскелла в Хэмпстеде, на Фрогнал-гарденс. Гайтскелл, который специализировался на пропаганде, работая во время войны на Управление специальных операций (Special Operations Executive), и который также был близок к ДИИ, не мог не знать о связях «Инкаунтера». И так получилось, что, когда он начал произносить свою знаменитую обвинительную речь в адрес сопутствующих левых на конференции лейбористской партии 1960 года в Скарборо, некоторые спросили, кому же он сам сопутствует. Отписываясь по итогам конференции Майклу Джоссельсону, Ласки сообщил, что Гайтскелл лично поблагодарил его, Ласки, за поддержку политики в «Инкаунтере». Кроме того, по словам Ласки, «Инкаунтер» цитировали на конференции, что свидетельствует о «высоком престиже» журнала [813].

Когда лейбористская партия при Гарольде Уилсоне (Harold Wilson) побеждала консерваторов на всеобщих выборах 1964 года, Джоссельсон написал Даниэлю Беллу: «Мы все очень рады иметь столько друзей в новом правительстве» [814] (в новом кабинете Уилсона было полдюжины постоянных корреспондентов «Инкаунтера»). Ласки подвёл «Инкаунтер» намного ближе к политической программе его тайных ангелов.

Цена, по утверждению Ричарда Воллхейма, была высока. «Журнал представлял собой очень серьёзное вторжение в британскую культурную жизнь - и нёс ответственность за терпимое отношение многих британских интеллектуалов и лейбористской партии к вьетнамской войне» [815].

Именно культурная сторона журнала (не говоря уже о сборах) и продолжала привлекать лучшие материалы, и за это ЦРУ стоило благодарить Спендера. «Люди вообще не написали бы для «Инкаунтера», если бы не Стивен, - сказал Стюарт Хемпшир. - Весь хороший материал, который Ласки обычно называл «Элизабет Боуэн и всё это дерьмо», добывался Стивеном. Он сделал журнал респектабельным» [816]. Конечно, это

---

[812]Являясь руководителем международного отдела лейбористской партии в 1948 г., Дэнис Хили помогал распространять информацию Управления информационных исследований. Также он посылал регулярные отчёты Управлению о деятельности коммунистов в европейских профсоюзных движениях. Чуть позже он выполнял роль посредника в знакомстве полезных эмигрантов из Восточной Европы со служащими Управления (IRD/F01110/PRO).

[813]Melvin Lasky to John Hunt. 11 October 1960 (CCF/CHI).

[814]Michael Josselson to Daniel Bell. 28 October 1964 (MJ/HRC).

[815]Richard Wollheim. Цитата из Neil Berry. Цит. произв.

[816]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997. Таким же образом Исайя Берлин описывал роль Спендера как «дающего на время изданию Encounter сертификат уважения

помогло поддержать репутацию Конгресса - организации, ориентированной прежде всего на культуру, а не политику.

Но холодная война постоянно испытывала на прочность идею, что культура и политика могут существовать порознь. Действительно, как показало проведённое Конгрессом летом 1960 года мероприятие, посвящённое пятидесятой годовщине смерти Толстого, «культурная борьба» была ещё жива.

Американская разведка долго прибегала к имени Толстого как к символу «свободы личности». Это связано с днями, когда ещё существовало Управление стратегических служб, и эмигрант Илья Толстой, внук известного романиста, был сотрудником этого Управления. Другие члены семьи Толстого поддерживали регулярные отношения с Советом по психологической стратегии в начале 1950-х и получали средства от ЦРУ для своего мюнхенского Фонда Толстого. В 1953 году Ч.Д. Джексон отметил в своих записях, что пообещал одному просителю позвонить Фрэнку Линдси (бывшему заместителю Уизнера, который перешёл в Фонд Форда) насчёт выделения средств для Фонда Толстого.

В декабре 1958 года Кэсс Кэнфилд сообщил Набокову, что Фонд Фарфилда вызвался выступить спонсором «юбилея Толстого на Западе», чтобы тем самым ответить на фестиваль Толстого, готовящийся в СССР, где, как он точно предсказал, великий писатель будет представлен как предшественник большевизма. «Контраст между этими двумя мероприятиями будет очевиден для любого независимого наблюдателя, что послужит нам превосходной рекламой» [817], - рассуждал Кэнфилд. На долю Набокова выпало придумать «достойный ответ коммунистической пропаганде», что приняло форму большого события, проходившего на венецианском острове Сан-Джорджо в июне-июле 1960 года. Среди гостей было множество выдающихся писателей и мыслителей, включая Альберто Моравиа, Франко Вентури (Franco Venturi), Герберт Рид, Айрис Мёрдок (Iris Murdoch), Джордж Кеннан, Джаяпракаш Нараян и Джон Дос Пассос. Также были приглашены 16 советских мыслителей, но вместо них прибыли четыре «марионетки».

«Очень забавно было позже вспоминать, например, силуэты двух русских - тощего, высокого и низкого, коренастого, - писал Набоков. - Тощий был генеральным секретарём Союза советских писателей, низкий - одним из одиозных сукиных сынов по фамилии Ермилов, неприятный мелкий партийный работник. Они оба стояли в очереди, чтобы получить свои суточные и проездные у административного секретаря Конгресса за свободу культуры. Они прибыли, скорее были присланы, чтобы посетить

со стороны английской интеллигенции».

[817] Cass Canfield to Nicolas Nabokov. 23 December 1958 (CCF/CHI). В эти годы СССР и Америка бились за многих уважаемых деятелей культуры. Отвечая на то, что называлось «духовным вандализмом» Советов, когда они попытались в 1952 г. использовать мемуары Виктора Гюго и Леонардо да Винчи в качестве доказательства того, что эти великие люди были «приверженцами советского образа жизни», Американский совет за свободу культуры объявил Гюго и да Винчи апостолами свободной культуры, с которыми советская модель несовместима».

конференцию, посвящённую 50-й годовщине смерти Толстого». Набоков завершил воспоминание на ликующей ноте: «Господин Ермилов, перевернитесь в гробу - вы взяли деньги ЦРУ!» [818].

«Расходы, самое красивое слово в современном английском, - как-то сказал В.С. Причетт (V.S. Pritchett). - Если уж продавать свои души, то подороже». Те, кто не стоял в очереди за суточными в Венеции, могли получить их на другом мероприятии Конгресса, конференции «Прогресс в свободе», проходившей в июне того года в Берлине. Мэри Маккарти дала исключительно циничный отчёт в письме к Ханне Арендт о личной конкуренции и интеллектуальной путанице, которые витали в воздухе во время тайного совещания: «Главным эпизодом, с точки зрения чистейшего скандала, была серия разъярённых перепалок между г-ном Шилсом и Уильямом {Филлипсом) на тему массовой культуры. Я клянусь, что Шиле является перевоплощением доктора Пэнглосса (Pangloss), но без очарования и доброты последнего. Я так и сказала, почти столь же развёрнуто, когда сама вступила в дискуссию.

Другим занятным персонажем от Конгресса был {Роберт) Оппенгеймер, который пригласил меня на общий ужин и которого я сочла полностью и возможно даже опасно безумным. Страдающий параноидальной манией величия и уверенный в своём божественном предназначении... {Оппенгеймер) повернулся к Николаю Набокову... и сказал, что Конгрессом управляли «без любви». После того как он повторил это несколько раз, я заметила, что считаю слово «любовь» более подходящим для отношений между полами... Джордж Кеннан тоже присутствовал там и завершил наше заседание очень хорошей и проникновенной речью (которая должна была сокрушить г-на Шилса и весь его Люциферов лагерь навсегда), но про него ходил слух, что он также страдает сумасшествием, хотя лишь частично» [819]. Помимо этого и других подобных проявлений «общественной идиотии» Мэри Маккарти сообщила, что «сбор Конгресса проходил очень весело. Я наслаждалась обществом старых друзей и новых, которые владели тысячелетней мудростью и умели «отделять овец от козлищ» [820].

Щедростью ЦРУ в тот год также воспользовался ряд журналов, приглашённых ознакомиться с материалами информационно-аналитического центра Конгресса, который был создан как «эффективное и бесперебойное средство доведения до широкой международной общественности интереснейшей информации, доступ к которой сейчас имеет крайне ограниченный круг лиц» [821]. Помимо поиска способов распространения изданий, выпускаемых самим Конгрессом, информационно-аналитический центр должен был служить распределительным пунктом для других журналов о культуре, которые считались достойными членства в «мировой семье журналов Конгресса». В неё входили «Партизан Ревью», «Кеньон Ревью», «Хадсон Ревью», «Сивани

[818]Nicolas Nabokov. Bagazh.
[819]Mary McCarthy to Hannah Arendt. 20 June 1960. Цитата из Carol Brightman (ed.), Between Friends.
[820]Там же.
[821]Congress for Cultural Freedom press release, 1 July 1959 (CCF/CHI).

Ревью», «Поэтри», «Жарнал истории идей» (The Journal of the History of Ideas) и «Дедал» (Daedalus; журнал Американской академии искусств и наук), которые, состоя в Совете литературных журналов, также получили от Фонда Фарфилда гранты на увеличение тиража за границей. Кроме того, Конгресс договорился с «Советом литературных журналов» о ежегодном вручении 5000 долларов лауреату премии «Американский писатель». Кому было доверено вручать премию? Конечно, Роби Маколею, который в июле 1959 года сменил Джона Кроу Рэнсома на должности редактора «Кеньон Ревью» [822]. За годы, что «Кеньон Ревью» был привязан к Конгрессу, Маколей смог увеличить тираж с 2000 до 6000 экземпляров. Он особенно хвалился тем, что «нашёл способы делать деньги, о которых г-н Рэнсом и мечтать не смел» [823].

Но в других вещах «Кеньон Ревью» только проигрывал от редакторства Маколея. Его длительные отсутствия, обусловленные работой на ЦРУ, и своенравная манера поведения (в 1963 г. он внезапно разогнал Совет консультативных редакторов) оказали сильное негативное воздействие на журнал. Выгода же для Конгресса, напротив, была значительной. Формализовав свои отношения с этими престижными американскими журналами, Конгресс мог теперь похвастаться печатным станком невероятного размера и влияния, который стал чем-то вроде корпорации «Тайм-Лайф» для думающих.

«Мы не продавали фирменный знак, таким образом, мы не всегда настаивали на предварительном одобрении выпусков Конгрессом» [824], - пояснял Джон Хант. Так, многие из журналов Конгресса нелегко было признать таковыми. Среди них был Hiwar, арабский журнал Конгресса, чей первый выпуск в октябре 1962 года содержал интервью с Т.С. Элиотом и призыв Силоне к независимости писательства и автономии искусства. Попытки скрыть принадлежность журнала к Конгрессу оказались неудачными, и это немедленно сработало как «троянский конь». Одна мусульманская газета написала, что Конгресс пытается «распространить свои злые теории, швыряясь деньгами направо и налево, выпуская привлекательные журналы и давая большие приёмы и конференции», и призвала «осудить и бойкотировать» Конгресс [825].

Были и другие журналы Конгресса, запущенные в 1960-х, например «Транзишн» (Transition) в Уганде, который привлёк таких писателей, как Пол Тэру (Paul Theroux) и успел достичь внушительного тиража в 12 тысяч экземпляров, прежде чем в 1968 году по его офисам прокатилась череда чисток, и его редакторы были отправлены в тюрьму. В 1964 году в Лондоне

---

[822]В то время Маколи работал на Конгресс и не имел возможности приступить к новым обязанностям в Kenyon Review. Когда он принял предложение Рэнсома, он как раз получил должность в журнале Kenyon и уже был готов провести тот год за границей. К осени 1959 г. он всё ещё не вернулся в Kenyon, заставив Рэнсома чувствовать себя «измученным» и обязанным поддерживать «огонь в доме ещё в течение семи недель после моего выхода на пенсию в ожидании Робби». John Crowe Ransom. Цитата из Marian Janssen. The Kenyon Review.

[823]Robie Macauley. Цитата из Marian Janssen. Там же.

[824]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.

[825]Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.

начал издаваться журнал «Сенсоршип» (Censorship). Его редактором стал Мюррей Миндлин (Murray Mindlin), эклектичный человек, который перевёл роман «Улисс» Джеймса Джойса на иврит. Консультативными редакторами был Даниэль Белл, швейцарец Арман Гаспар (Armand Gaspard), Энтони Хартли, Ричард Хоггарт (Richard Hoggart) и Игнацио Силоне. Журнал стоил Конгрессу 35 тысяч долларов в год и являлся абсолютно убыточным предприятием. Когда зимой 1967 года он закрылся, «Нью Стейтсмен» был вынужден заявить: «Это плохая новость для всех писателей, издателей и художников». Джоссельсон, который никогда не ладил с Мюрреем Миндлином, был менее всех склонен носить траур (он сказал, что «относительный успех журнала был основан на статьях о сексе, которые публиковались в нём время от времени»). «Сенсоршип» послужил моделью для журнала «Индекс он Сенсоршип» (Index on Censorship), который в 1972 году Стивен Спендер основал при помощи гранта, выделенного Фондом Форда.

Но из всех журналов, связанных с Конгрессом, история «Партизан Ревью» кажется наиболее интригующей. «Самая главная загадка «Партизан Ревью» для меня всегда заключалась в том, как издание, нацеленное на столь малочисленную и специфичную аудиторию... сумело стать самым известным серьёзным журналом в Америке, и конечно, из всех американских журналов с интеллектуальными амбициями, наиболее читаемым в Европе», - размышлял Лесли Фидлер в 1956 году [826]. Он хитро намекнул: «Одна часть разгадки заключается в финансировании журнала... детальное изучение экономических взлётов и падений «Партизан Ревью» даст материал для полноценной статьи» [827]. В 1937-1943 годах журнал в основном спонсировался абстрактным художником Джорджем Моррисом; после 1948 года его главным источником финансирования был Аллан Б. Даулинг (Allan B. Dowling), который до 1951-м «содержал его без посторонней помощи и с тех пор является президентом и главным вкладчиком фонда, который в настоящее время и издаёт журнал» [828].

Фидлер не упомянул об Анри Люсе, чьё щедрое пожертвование в 1952 году было сохранено в тайне. Но не один он заметил, что на «Партизан Ревью» «ссылаются в таких многотиражных журналах как «Лайф» и «Тайм», с полной уверенностью в том, что он вызовет правильную реакцию у их обширной аудитории» [829].

Естественно, никогда не упоминалось ЦРУ, предполагаемая причастность которого к самому влиятельному интеллектуальному журналу Америки потом ещё долго озадачивала историков. Известно, что «Партизан Ревью» получал доллары Фонда Фарфилда (через Американский Комитет) в начале 1953 года и это при подстрекательстве Корда Мейера. В начале 1960-х он также получил «грант на расходы» от Фарфилда [830]. Но в жизни журнала, измотанного финансовыми кризисами, это едва ли было значимо.

---

[826]Leslie Fiedler. Partisan Review: Phoenix or Dodo? Perspectives, Spring 1956.
[827]Там же.
[828]Там же.
[829]Там же.
[830]Farfield Foundation Annual Report 1962-1963 (CCF/CHI).

В 1957 году вопрос безналогового статуса «Партизан Ревью» был снова поднят в Налоговой службе США: мало того что журнал имел шанс потерять этот статус, но речь также шла и о признании всех вкладов в «Партизан Ревью» с 1954 года и до настоящего времени подлежащими налогообложению. «Я считаю это абсолютно возмутительным!» - написал Ч.Д. Джексон Корду Мейеру [831].

Джексон и Мейер сплотились в вопросе «Партизан Ревью». Для начала они «замолвили словечко» о журнале в Отделении освобождения от налогов.

Спустя некоторое время Уильям Филлипс сообщил Джексону, что остался доволен, увидев предварительное решение Налоговой службы США. Затем Джексон обратился непосредственно к Аллену Даллесу. 12 ноября 1957 года Джексон отправил Даниэлю Беллу конфиденциальное письмо, описывающее позицию ЦРУ по данному вопросу: «У них нет прямых финансовых или оперативных планов на «Партизан Ревью». Нынешний редактор, однако, сочувствует Конгрессу за свободу культуры и сотрудничает с ним. Финансовые трудности журнала могут привести к смене его руководства, что не входит в интересы {ЦРУ). Следовательно, оно косвенно заинтересовано в том, чтобы просьба об освобождении от налогов была положительно рассмотрена» [832].

В апреле 1956 года проблемы «Партизан Ревью» обсуждались на заседании Совета по координации операций (СКО, Operations Coordinating Board). В последовавшем за этим обращении в штаб политического планирования Информационного агентства США СКО призвал к действиям, сообщив также о просьбе самого журнала помочь ему повысить свой доход. Не указывая имени её составителя (по мнению Фидлера, им был Сидни Хук, член редакционного и консультативного совета «Партизан Ревью» и «официальный представитель» журнала), СКО цитирует содержание поступившей просьбы: «Как вы знаете, в течение долгого времени я жаловался на тот факт, что специальное финансирование и прочая поддержка часто предназначаются для новых журналов, а старые рабочие лошадки, трудящиеся в антикоммунистической области, такие как «Нью Лидер» и «Партизан Ревью», не получают помощи или получают её не в должном объёме» [833].

После переговоров с Уильямом Филипсом казалось, что «идеальным вариантом {было бы), если бы американский Комитет за свободу культуры выступил в роли посредника, через которого подписка на такие журналы, как «Нью Лидер» и «Партизан Ревью», в качестве подарка передавалась наиболее заинтересованным в них заграничным интеллектуалам. Я думаю не только о тех, кто уже давно находится на нашей стороне... но также и той обширной армии интеллектуалов, которые не поддались коммунизму, но кто считает Америку в равной степени империалистической, материалистической, малокультурной и полуварварской страной» [834].

[831]C.D. Jackson to Cord Meyer. 1 November 1957 (CDJ/DDE).
[832]C.D. Jackson to Daniel Bell and Allen Grover. 12 November 1957 (CDJ/DDE).
[833]Цитата из Edward Lilly. Operations Coordinating Board, to Arthur Vogel, United States Information Service, 9 April 1956 (WHO/NSC/DDE).
[834]Там же.

Обращение завершалось словами: «Я думаю, что такого рода просьбы и предложения представляют большую ценность, особенно если не очевидна заинтересованность американского правительства в достижении целей, обозначенных в идеологическом подходе» [835].

В течение месяца «Партизан Ревью» смог выделить Элизабет Бишоп щедрый грант в 2700 долларов. Деньги стали поступать из Фонда Рокфеллера, примерно 4000 долларов в год, в течение трёх лет и расходовались по усмотрению литературных сообществ. Это, возможно, было случайным стечением обстоятельств, но любопытно, что, на протяжении следующих десяти лет на все повторные просьбы редакторов журнала о финансовой помощи Фонд Рокфеллера отвечал отказом.

В начале 1958 года Уильям Филлипс поехал в Париж, где встретился с Майклом Джоссельсоном, чтобы обсудить будущее «Партизан Ревью». 28 марта 1958 года Филлипс написал Джоссельсону, спрашивая, возможно ли, по его мнению, «осуществить что-либо из того, о чем мы говорили» [836]. За нескольких месяцев Американский комитет за свободу культуры, умирающий в результате фактической и позорной приостановки своей деятельности в январе 1957 года, был реанимирован для единственной цели - стать официальным издателем «Партизан Ревью», в рамках договорённости, заключённой на ближайшие десять лет. Комментируя это событие, Хук сказал Джоссельсону, что не было «никакой другой причины возобновлять функционирование Американского комитета, кроме как приспособить его для «Партизан Ревью»...

Филлипс пойдёт на всё, чтобы добыть помощь для «Партизан Ревью» [837]. Сам Джоссельсон позже вспоминал, что «Комитет исчез бы полностью, если бы в последний момент не было решено позволить редакторам «Партизан Ревью» воспользоваться его свободным от налогообложения статусом, и с тех пор вся «деятельность» Комитета сводилась к изображению из себя спонсоров « Партизан Ревью» [838]. Фактически Комитет не субсидировал «Партизан Ревью», но обеспечивал ему лазейку в налоговом законодательстве.

Тем не менее, по словам Даниэля Белла, «в течение нескольких лет «Партизан Ревью» имел некоторую финансовую поддержку от Конгресса за свободу культуры в виде подписок, оформленных для иностранцев, которые получали журнал бесплатно. Насколько я знаю, это финансирование также держалось в секрете» [839]. Благополучие «Партизан Ревью» теперь зависело от Конгресса, который с 1960 года повысил объёмы продаж журнала до 3000 экземпляров в год, которые теперь распространялись последним за пределами США. В то же время Конгресс начал оказывать аналогичную помощь и другим серьёзным журналам о культуре, с которыми имел давние связи: «Кеньон Ревью» (1500 экземпляров), «Хадсон Ревью» (1500), «Сивани

[835]Там же.
[836]William Phillips to Michael Josselson. 28 March 1958 (CCF/CHI).
[837] Sidney Hook to Michael Josselson. 8 December 1959 (MJ/HRC).
[838] Michael Josselson to Shepard Stone. 12 January 1968 (MJ/HRC).
[839] Daniel Bell to John Leonard (ed.). Sunday Times Book Review, 16 October 1972 (MJ/ HRC).

Ревью» (1000), «Поэтри» (750), «Дедал» (500) и «Журнал истории идей» (500).

В год закупка этих тиражей обходилась Конгрессу в 20 тысяч долларов. При программе помощи, рассчитанной изначально на три года, итоговые расходы Конгресса на эти журналы составили 60 тысяч долларов плюс ещё 5000 долларов на административные расходы. Распространять «Партизан Ревью» в Англии было поручено Фредерику Уорбургу [840]. Уорбург также получил право преимущественного приобретения антологии «Партизан Ревью» «Литература и современность» (отредактированной Филлипсом и Филипом Равом), почти все составители которой в какой-то момент поддерживали связь с Конгрессом за свободу культуры (включая Коэстлера, Кьяромонте, Мэри Маккарти и Альфреда Кэзина - Alfred Kazin).

Состояние «Партизан Ревью» продолжало улучшаться. «На днях вечером я повстречал Уилла Филлипса, - писал Кристол Джоссельсону в марте 1960 года, - и он пространно намекнул, что проблемы «Партизан Ревью» теперь полностью решены, хотя и не сообщил подробностей... Более того, он сказал, что у них теперь больше денег, чем, как они считали, им было необходимо!» [841]. Но Филлипс захотел большего: «Не думаю, что Конгресс согласится оплатить на основе какого-либо фанта мою деловую поездку в Европу в этом июне, ты как считаешь?» [842] - обратился он к Джоссельсону год спустя. Филлипс намекнул на желание получить грант, несмотря на свой позже описанный инстинкт «проверять бюрократическую маску {Конгресса) и его тайный контроль сверху». В 1990 году он гордо написал о том, что «ни Рава, ни меня не сочли достаточно персонально и политически благонадёжными, чтобы пригласить на открытие Конгресса 1950 года», представителей которого он описал как «легкомысленных, беспочвенных, необузданных, цинично антикоммунистических функционеров» [843]. Обмениваясь оскорблениями, Ласки позже назвал самого Филлипса неуправляемым: «Он не оправдал никаких ожиданий. Какого чёрта его послали в Париж? Он просто сидел без дела в Deux Magots» [844].

Уильям Филлипс позже утверждал, что он вообще ничего не должен Конгрессу. Признавая, что он был «непостоянным игроком в глобальной пропагандистской игре», он представил это как фактическое следствие его членства в исполнительном совете Американского комитета, в чьи «внутренние процедуры и расчёты, финансы», по его словам, он не был посвящён. Филлипс также утверждал, что был «потрясён - и возможно завидовал - роскошностью всей операции, шикарными квартирами чиновников Конгресса, казавшимися неистощимыми средствами для путешествий, крупными представительскими расходами и всеми другими

---

[840]Варбург, по всей видимости, был не очень активен в роли распространителя Partisan Review в Англии, заставив издателя Роджера Штрауса прибегнуть к его «официальным» полномочиям «консультанта» Partisan Review, чтобы поинтересоваться: «Какого чёрта вы, ребята, делаете с бизнесом по распространению, который я обсуждал с вашими переговорщиками?». Roger Straus to Fredric Warburg. 30 June 1959 (ENC/S&W/RU).
[841]Irving Kristolto Michael Josselson. 9 March 1960 (CCF/CHI).
[842]William Phillips to Michael Josselson. 10 May 1961 (MJ/HRC).
[843]William Phillips. The Liberal Conspiracy, Partisan Review, Winter 1990.
[844]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.

льготами, обычно предоставляемыми руководителям крупных корпораций. В конце концов, «Партизан Ревью» всегда пытался сводить концы с концами, и мой опыт вынуждал меня полагать, что бедность всегда была свойственна серьёзным политическим начинаниям и литературным журналам. Что касается секретного финансирования, мне кажется, это противоречит самой природе свободного интеллектуального предприятия, особенно когда финансирование осуществляется хорошо организованной рукой правительства, с учётом его собственных политических интересов» [845].

У других, конечно, было иное представление о секретном финансировании. Как только «Партизан Ревью» начал извлекать выгоду из сотрудничества с Американским комитетом за свободу культуры, так «Нью Лидер» снова стал получать щедрую поддержку от своих тайных покровителей. В феврале 1956 года К.Д. Джексон написал Аллену Даллесу, предлагая увеличить спонсирование журнала Сола Левитаса. С 1953 года корпорация «Тайм» ежегодно выдавала «Нью Лидер» субсидии в размере 5000 долларов в обмен на «информацию о международной коммунистической тактике, особенно о лицах, осуществляющих коммунистическую пропаганду в рабочем движении» [846]. Но это была лишь часть средств, необходимых для удержания журнала на плаву.

По расчётам Джексона, требовалось не менее 50 тысяч долларов для обеспечения его деятельности. «Если капиталистическое предприятие обладает достаточной мудростью, чтобы оценить, что тот особый тон голоса, с которым Левитас обращается к особой группе людей здесь и за границей, уникален и исключительно важен, и готово поддержать это несколькими тысячами долларов, - сказал он, Даллесу, - я надеюсь, вы сможете согласиться с текущим предложением. Мне это кажется наилучшей формулой из тех, которыми мы пользовались для того, чтобы иметь при себе Левитаса и содержать его» [847].

Даллес легко признал, как и в предыдущих случаях, что грант Управления для «Нью Лидер» «хорошо оправдывался высоким потенциалом отдачи». К лету 1956 года движение «Спасём «Нью Лидер» собрало для журнала 50 тысяч долларов, в которых он так нуждался: Информационное агентство Соединенных Штатов, Фонд Форда, Х.Дж. Хайнц (H.J. Heinz) и корпорация «Тайм» выделили по 10 тысяч долларов. Недостающие 10 тысяч долларов поступили в форме «пожертвований»: 5000 долларов от издателя «Вашингтон пост» Филипа Грэхэма (Philip Graham) и ещё 5000 доларов, которые были записаны просто как «манна небесная» [848].

---

[845]William Phillips. The Liberal Conspiracy, Partisan Review, Winter 1990.
[846]Time Inc. New Leader contract, 14 May 1964(CDJ/DDE). Этот контракт был составлен по образцу того, что был в 1953 г.
[847]C.D. Jackson to Allen Dulles. 21 February 1956 (CDJ/DDE).
[848]William Furth to Henry Luce and C.D. Jackson. Confidential memore. New Leader, 24 July 1956 (CDJ/DDE). Обязанности по организации кампании были переданы ветерану холодной войны Фрэнку Линдси, бывшему заместителю начальника Управления координации политики ЦРУ, далее исполнительному директору Фонда Форда, а ныне консультанту «Маккинси и Компани».

Как всегда Конгресс за свободу культуры предпринял новые меры как в отношении «Партизан Ревью», так и «Нью Лидер». Сотрудничество с Конгрессом, осуществлявшееся в форме совместных публикаций, официальных соглашений об ассоциации и обмена знаниями, принесло обоим журналам дальнейшие материальные блага. Плодовитая деятельность Конгресса в эти годы была неотъемлемой частью западной культурной жизни. С платформ его конференций и семинаров и через страницы научных обзоров интеллектуалы, художники, писатели, поэты и историки приобретали аудиторию для своих взглядов, которую не могла предоставить никакая другая организация, за исключением Коминформа. Парижский офис стал ферментом, притягивающим посетителей со всех континентов, и в 1962 году в его коридоре даже была взорвана бомба (событие, названное одним из участников «великим и великолепным, давно ожидаемым, действительно заслуживающим гордости и особого упоминания в летописи Конгресса») [849]. Для второго и третьего поколения потенциальных Хемингуэев Конгресс был теперь хранилищем всех романтичных мифов литературного Парижа, и они устремились в него толпами [850].

Но громкое имя Конгресса привлекало также и ненужное внимание. В 1962 году он стал предметом блестяще проницательной пародии Кеннета Тайнена (Kenneth Tynan) и команды из сериала «Такая выдалась неделька» с канала Би-би-си (BBC). «А теперь, горячие новости с фронта культурной холодной войны, - начиналось шоу. - На этой схеме показан советский культурный блок. Каждая точка на карте представляет собой стратегический культурный объект: театральные базы, центры кинопроизводства, группы танцоров, производящих в большом количестве межконтинентальные «баллистические» ракеты, издательства, выпускающие обширные тиражи классики для миллионов порабощённых читателей. Однако пока вы смотрите на неё, массивное наращивание культурной силы продолжается. А как же дела обстоят у нас, на Западе? Имеем ли мы мощное оружие для нанесения эффективного ответного удара на случай глобальной культурной войны? Да! Есть старый добрый Конгресс за свободу культуры, который на американские деньги построил множество передовых баз в Европе и не только, готовых выступить остриём культурного возмездия. Эти базы замаскированы под журналы и имеют закодированные

[849]Herbert Luthy to MichaelJosselson. 19 February 1962 (MJ/HRC).

[850]В некоторых случаях это проходило через Paris Review, журнал основанный Джорджем Плимптоном и агентом ЦРУ Петером Маттиссеном в 1953 г. Нельсон Элдрих работал там в качестве помощника редактора перед тем, как перешёл в Конгресс. Франсис Фитцжеральд, дочь руководителя подразделения ЦРУ, ответственного за операции против Кастро, работала в Paris Review до лета 1962 г., потом после отдыха с Визнерами в Танжере перешла на работу в Конгресс. Джордж Плимптон позже подчеркивал, что Paris Review никогда не получал финансовую помощь от Конгресса или других подобных агентств, равно как и не было очевидных политических или социологический указаний на некоего Петера [Маттиссена], работавшего редактором журнала. «Честно говоря, лично я бы приветствовал финансирование со стороны Конгресса, чтобы мы держались на плаву. Encounter, Preuves и другие журналы, финансируемые Конгрессом, имели блестящие публикации без каких-либо условий относительно того, что было опубликовано, насколько я мог видеть. Какой позор, что в эти дни всё это рассматривается в таком ужасном свете... репутация, испорченная ассоциацией, является наименьшим из зол. Мне кажется, нам повезло». George Plimpton. Letter to the author, 27 August 1997.

названия, например «Инкаунтер» - это сокращение от «Стратегии сил наступления». Затем слово взял «представитель Конгресса», который похвастался группой журналов, формирующей «культурное НАТО», чьей задачей являлось «Культурное сдерживание, или как некоторым мальчикам нравится выражаться - создание «кольца вокруг красных». Фактически, я не сказал бы, что у нас была цель. У нас была, скорее, историческая миссия: всемирное читательское доминирование... Но что бы ни случилось мы, в Конгрессе, считаем своим долгом поддерживать собственные базы в состоянии повышенной боевой готовности, постоянно наблюдая за действиями противника, вместо того чтобы впустую тратить бесценное время на тщательное изучение самих себя» [851].

Сатира была остра и безупречно составлена. Пока «представитель Конгресса» осуждал мещанство советского министра культуры, Тайней показал без тени иронии, кем были просвещённые покровители Конгресса: Окружной фонд Майами, Цинциннати, техасский Фонд Хоблитцелла и швейцарский Комитет помощи венгерским патриотам.

Столь точные указания спонсоров Конгресса хотя и не достигли основной цели, но вызвали у Джоссельсона бессонницу и подтвердили его страх, что настоящей ахиллесовой пятой Конгресса было ЦРУ. Напряжённость в отношениях между Джоссельсоном и его боссами из Управления нарастала, начиная с краха Американского комитета в начале 1957 года. Джоссельсон, в силу темперамента неспособный играть роль обезьянки шарманщика, теперь имел всё больше разногласий с Кордом Мейером, который отказывался отдавать свою власть. Мейер так никогда и не оправился от того кафкианского обращения с ним маккартистов в 1953 году. Дополняла всё это череда личных трагедий, которые делали его всё более и более мрачным и тяжёлым. Рассказ Мейера «Волны темноты» 1946 года о его участии в войне и чуть не оказавшемся фатальным ранении на пляжах Гуама также предопределял трагическое движение его дальнейшей жизни. В 1956 года его девятилетний сын Майкл был сбит несущимся автомобилем. Меньше чем через год после этого Корд развёлся с женой Мэри Пинчот Мейер [852].

Всё более упрямый и неблагоразумный Мейер стал неустанным, непримиримым защитником собственных идей, которые, казалось, вращались вокруг параноидного недоверия ко всем, кто не соглашался с ним. Его тон в лучшем случае был вызывающим, а в худшем - театральным и даже агрессивным. «Корд пришёл в Управление юным идеалистом и ушёл, когда Англтон высосал из него все соки, - сказал Том Брейден. - Англтон владел чёрной магией. Он раздражал всех в городе, включая меня. Независимо оттого, что Англтон думал, Корд считал по-своему» [853].

---

[851]Kenneth Tynan. Congress for Cultural Freedom, That Was The Week That Was, 1962.

[852]Мэри Пинчот Мейер была найдена мёртвой на бечевнике у Вашингтонского канала в 1964 г. Она имела романтическую связь с Джоном Ф. Кеннеди и написала об их романе в дневнике, который агент ЦРУ Джеймс Джисус Англтон украл из её дома, взломав замок, через день после её смерти.

[853]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996. Arthur Schlesinger, interview, New York, August 1996.

Артур Шлезингер, старый друг Мейера, теперь оказался жертвой этого идеалиста, превратившегося в сердитого интеллектуала-жандарма: «Он стал косным, непреклонным. Я помню, как однажды он позвонил мне и предложил вместе выпить. Я пригласил его в гости, и мы провели вечер за разговором на верхнем этаже дома. Несколько лет спустя, взяв в ЦРУ своё личное дело, я обнаружил, что последним документом в файле был отчёт обо мне Корда Мейера! Он выпивал со мной в моём собственном доме и написал после этого отчёт. Я не мог поверить в это» [854]. Точно так же, как персонаж Джеймса Стюарта в фильме «Окно во двор» Хичкока, Мейер и Англтон закончили тем, что отошли от нормы, с чем сами всю жизнь и боролись.

В октябре 1960 года Джоссельсон встречался с Кордом Мейером и группой сотрудников Отдела международных организаций в номере одного из вашингтонских отелей. Последовала горячая дискуссия, в которой, как рассказывал один из очевидцев, коллеги Джоссельсона из ЦРУ «напомнили ему, что яйца курицу не учат». Джоссельсон, у которого была, как её описывала Диана, «необычная связь разума и тела», почувствовал резкий скачок давления и стук в висках, после чего рухнул на пол. «Его эмоции всегда легко угадывались, - рассказывал Джон Томпсон. - Во время жаркого спора он мог лишиться чувств и получить сердечный приступ. Он был чересчур европейцем» [855].

Эти сердечные приступы были вполне реальными. Однажды в два часа ночи по местному времени Диану разбудил звонок Лу Латама (Lou Latham), начальника Парижского офиса (он находился в Вашингтоне, когда всё произошло), который сообщил, что Майкл был срочно доставлен в больницу с ударом. Диана первым же утренним самолётом вылетела из Парижа с четырёхлетней Дженнифер на руках. Ненадолго заскочив в отель, где она передала Дженнифер своей матери, Диана отправилась в больницу при Университете Джорджа Вашингтона. Там она нашла Майкла, лежащего в кислородной палатке. В течение нескольких следующих недель она дежурила у его кровати. Джоссельсон начал постепенно приходить в себя. И в этом беспомощном состоянии он продолжал выполнять свою безотлагательную миссию. «Всё время пребывания Майкла в больнице он «надиктовывал» мне, а я делала пометки, - вспоминала Диана. - Затем я подходила к двери палаты и «раздавала указания» Ли {Уильямсу) и другим подходившим болванам-исполнителям. Было забавно поменяться с ними ролями» [856].

Однажды, когда Джоссельсон всё ещё находился под кислородной маской, Билл Дёрки (Bill Durkee), заместитель руководителя подразделения Мейера, прогуливаясь с Ли Уильямсом по Вашингтону, повернулся к нему и сказал: «Теперь он там, где мы и хотели его видеть» [857]. Размышляя над этим несколько лет спустя, Диана пришла к выводу, что, хотя Управление и ценило Майкла за работу, которую он выполнял, «он, должно быть,

---

[854]Arthur Schlesinger. Interview, New York, August 1996.
[855] John Thompson. Telephone interview, August 1996.
[856] Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.
[857] Lee Williams. Interview, Washington, July 1996.

одновременно был и занозой в их заднице, идущий собственным путём и сопротивляющийся им всякий раз, когда они пытались установить контроль. Майкл старался вести с ними весёлые беседы и силой своей индивидуальности не давал им осознавать собственную никчёмность. Он дружил с ними, справлялся об их семьях и карьерных перспективах, и я считала, наивная, что они им восхищались. Дёрки, я теперь уже уверена, говорил за большинство из них. Они, должно быть, не доверяли всем этим интеллектуалам, к тому же иностранцам, и страдали от того, что у них были все эти деньги и власть, но не было признания... Кроме того, Майкл не был человеком из Йеля, он был фактически русским и евреем, и именно он дружил с известными людьми, а не они» [858].

Однако было ясно, что здоровье больше не позволит Джоссельсону отдавать столько сил Конгрессу. Было решено, что он переедет на постоянное жительство в Женеву, где продолжит работать на Конгресс, но уже удалённо.

Джону Ханту передали руководство Парижским офисом, включая поддержание связи с Управлением. Придя в Конгресс в 1956 году, Хант провёл первые два года, как он вспоминал позднее, ведя себя как «мальчик-уборщик, никогда ничего не говорящий, зато наблюдающий и запоминающий» [859]. Постепенно он стал тем, кого сам описал как «офицер для особых поручений» директора Майкла. По существу, эти роли никогда не менялись за время существования Конгресса. Но при Джоссельсоне, работающем через секретаря в своём доме в Женеве, Хант почувствовал, что получил административный контроль над парижской штаб-квартирой.

[858] Diana Josselson. Letter to the author, 4 April 1997.
[859] John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.

21. Цезарь Аргентины

«Я не скажу: езжай до Рима иль Москвы. Брось труд свой кропотливый и музу позови». В.Б. Йетс.

«Образы» Джон Хант принял Парижский офис в хорошее время. За «показным искусством при Эйзенхауэре» последовало заявление правительства Кеннеди о том, что оно желало «плодотворных отношений» с людьми от искусства. На это указывало и приглашение, отправленное Кеннеди 156 наиболее известным из них (включая Артура Миллера, Эндрю Уайта, Эрнеста Хемингуэя, Миса ван дер Роэ, Игоря Стравинского, Пьера Монтё, Пауля Хиндемита, Арчибальда Маклейша, Роберта Лоуэлла и Стюарта Дэвиса), присутствовать на торжественных мероприятиях в честь его инаугурации. «Инаугурация, должно быть, проходила весело, - писала Элизабет Бишоп Лоуэллу. - Я постоянно встречаю упоминания о ней в новостных выпусках. Но мне не нравится эта пышность, свойственная Римской империи - обзорная трибуна, например, выглядит чересчур роскошной и триумфальной» [860]. Но многих «рыцарей холодной войны» имперская атмосфера вдохновляла, один поклонник Кеннеди сказал в начале 1961 года: «Точно так же, как в древние времена римлянин, куда бы он ни пришёл, мог гордо объявить: «Я - римский гражданин» (civis Romanus sum), сейчас и мы, где бы ни оказались, с высоко поднятой головой и с гордостью можем объявить: «Я - гражданин Америки» (civis Americanus sum)» [861].

11 мая 1962 года Роберт Лоуэлл был снова приглашён в Белый дом, на сей раз на обед в честь Андре Мальро, в то время - французского министра культуры. Кеннеди шутил на приёме, что Белый дом превратился «практически в кафе для интеллектуалов». Но Лоуэлл был скептичен, записав после приёма: «Когда следующим утром читаешь, что Седьмой флот был отправлен куда-нибудь в Азию, появляется странное осознание того, насколько незначительную роль играли люди от искусства в действительности и что это было лишь оформлением витрины. Начинаешь понимать, что реальное правительство заседает где-то в другом месте и что нечто более близкое к Пентагону в действительности управляет страной… Я чувствую, что интеллектуалы выполняют лишь декоративную и поверхностную функцию - при том, что мы должны быть самим содержанием, а не витринами» [862].

Хотя это редко выражалось открыто, среди части интеллектуалов росла склонность смотреть на благодеяния правительства с подозрением. Но вопрос коррупции не особо беспокоил ЦРУ, руками которого и раздавалась большая часть этих щедростей. «Бывают моменты, когда чувствуешь, что можно и соблазниться, - сказал Дональд Джеймсон. - Я думаю, что почти все, занимающие значительное положение в Конгрессе {за свободу

---

[860]Elizabeth Bishop to Robert Lowell. 1 March 1961. Цитата из Ian Hamilton. Robert Lowell: A Biography.
[861]Frank Altschul to John F. Kennedy. 30 January 1961 (FA/COL).
[862]Robert Lowell to Edmund Wilson. 31 May 1962. Цитата из Ian Hamilton. Цит. произв.

культуры), знали, что так или иначе деньги приходили откуда-то, и если внимательно посмотреть - в конечном счёте, был только один логический ответ. И они согласились с таким ответом. Главное беспокойство большинства мыслителей и писателей в действительности состояло в том, как получить гонорар за свою работу. Вообще, я думаю, что они взяли бы деньги из любого источника, из какого только могли получить их. Таким образом, получалось, что Конгресс и другие подобные организации - как на Востоке, так на Западе - рассматривались как крупные кормушки, из которых всякий мог выхватить свой кусок при необходимости, а затем уйти и делать то, что душе угодно. Я уверен, что это - одна из главных причин успеха Конгресса: он позволял быть чувствительным интеллектуалом и одновременно прокормить себя. Единственными другими людьми, кто поступал так же, были коммунисты» [863].

Нравилось ли им это, знали ли они об этом, но множество западных интеллектуалов было теперь связано с ЦРУ «золотой пуповиной». Если Кроссман мог раньше написать в предисловии к своему «Богу, обманувшему надежды», что «для интеллектуалов материальные блага имеют относительно небольшое значение и интеллектуал, скорее, заботится о своей духовной свободе», теперь казалось, что многие из них были не в силах отказать себе в том, чтобы пристроиться к кормушке. Некоторые конференции Конгресса «являлись главным образом шоу, и их участники иногда напоминали тех представительных господ, которых можно наблюдать летом в Сен-Тропе или на курортах Сан-Морица, зимой - Гштада, - написал советолог Уолтер Лакёр, сам регулярный посетитель этих конференций. - Существовал снобизм, в частности в Великобритании; поверхностное проявление изысканности, остроумия и утончённости в сочетании с отсутствием смысла; разговоры о высоком и сплетни в Cafe Royal» [864].

«Эти элегантные и дорогие экскурсии, должно быть, были большим удовольствием для людей, получавших их за правительственный счёт. Но это были больше, чем удовольствие, потому что они пробовали власть на вкус, - сказал Джейсон Эпштейн. - Когда группа интеллектуалов прибывала в Нью-Йорк, её приглашали на светские приёмы с очень дорогими блюдами, прислугой и, Бог знает, чем ещё, - несоизмеримо большим, чем эти интеллектуалы могли бы сами себе позволить. Кто не хотел бы побывать в такой ситуации, где вы политкорректны и в то же время 289 получили хорошее вознаграждение за позицию, которой придерживаетесь? И это стало основанием для последовавшей коррупции» [865].

Те, кто не получал суточных в Нью-Йорке, могли приятно провести время на вилле Сербеллони в Белладжио, на севере Италии. Расположенная на мысе между северными озёрами Лекко и Комо, вилла завещалась Фонду Рокфеллера княгиней делла Торре и Тассо (урождённая Элла Уокер). Фонд сделал виллу неофициальным местом отдыха для наиболее выдающихся членов Конгресса - своего рода служебным курортом, где передовики

[863]Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994.
[864]Walter Laqueur. Anti-Communism Abroad: A Memoir of the Congress for Cultural Freedom, Partisan Review, Spring 1996.
[865]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.

«культурной борьбы» могли восстанавливать свои силы. Писателей, художников и музыкантов, прибывающих туда, встречал шофёр в синей униформе с нашивкой «V.S.» на лацканах. Гости не получали гранта как такового, но размещение было бесплатным, как и все путевые расходы, еда и пользование теннисным кортом и бассейном. В письме, написанном на гербовой бумаге виллы, Ханна Арендт сообщала Мэри Маккарти: «Такое ощущение, будто вас внезапно поселили в своего рода Версале. Штат местной прислуги насчитывает 53 человека, включая садовников... Всеми ими распоряжается метрдотель, который служит со времён «княгини» и имеет лицо и манеры знатного джентльмена из Флоренции XV столетия» [866]. Маккарти ответила, что по её мнению, столь роскошная обстановка не способствует тяжёлой работе. Вилла также стала подходящим местом для семинара «Условия мироустройства», организованного Конгрессом в июне 1965 года, который проводился при поддержке «Дедал» и Американской академии искусств и наук.

Немногим избранным также предоставлялась возможность попасть к Хэнси Ламберт (Hansi Lambert; миллионерше, другу Конгресса, устраивавшей приёмы во время своих зимних выездов в Гштад) или присоединиться к средиземноморским круизам на яхтах, которые организовывал Юнки Флейшман. Спендеры были гостями обоих. Когда Стивен рассказал Эрнсту Роберту Кёртису (Ernst Robert Curtius) о своём участии в одной из таких прогулок от острова Корфу до острова Искья в августе 1955 года, немец ответил просто: «Вы были коммунистом, а теперь катаетесь на яхтах по Средиземноморью» [867].

Для тех, кто предпочитал сушу, Конгресс организовывал проживание в наиболее престижных отелях Европы. В Лондоне это был Connaught, в Риме - Inghilterra, на Лазурном берегу - Grand. В Париже Ирвинг Браун продолжал развлекаться в королевском номере отеля «Балтимор».

Несмотря на имеющиеся сомнения по поводу получения благ от правительства, Роберт Лоуэлл смог заглушить их в пользу первоклассного билета в Южную Америку, предложенного ему Конгрессом за свободу культуры в мае 1962 года. В течение нескольких лет его хороший друг Элизабет Бишоп (Elizabeth Bishop), которая жила в Рио-де-Жанейро, уговаривала его приехать, и теперь предложение средств Конгресса побудило его к действию. Бишоп была рада. Люди Государственного департамента в Бразилии «поступают так глупо и примитивно, - писала она, - {они) обычно присылают довольно посредственных и унылых романистов и профессоров» [868]. Визит Лоуэлла обещал быть намного более интересным.

Конгресс пытался увеличить своё влияние в Южной Америке в течение нескольких лет. Его журналом там был «Куадернос», редактируемый Джулианом Горкином. Горкин основал Коммунистическую партию Валенсии в 1921 году и работал в нелегальной сети на Коминтерн, обучаясь, помимо

[866]Hannah Arendt to Mary McCarthy. 22 August 1972, in Carol Brightman (ed.). Between Friends.
[867]Ernst Robert Curtius. Цитата из Stephen Spender. Journals. Майкл Джоссельсон однажды пожаловался, что ему было сложно встретиться со Спендером, который вечно «отсутствовал, путешествуя где-то или читая лекции».
[868]Elizabeth Bishop to Marianne Moore. 17 August 1954. Цитата из Ian Hamilton. Цит. произв.

прочего, как подделывать паспорта. Порвав отношения с Москвой в 1929 году, он утверждал, что СССР пытался сделать из него своего наёмного убийцу.

К концу испанской гражданской войны он сбежал в Мексику, традиционное пристанище беглых большевиков, где пережил пять попыток покушения на свою жизнь, одна из которых оставила его с дыркой в черепе. Его работа в качестве редактора «Куадернос» заключалась в том, чтобы попытаться побороть «большое недоверие» Латинской Америки, где единственным способом достижения своих целей, как он шутил, будут постоянные выпады в адрес США и хвалебные песни Сартру или Пабло Неруде. Горкину не помог профинансированный ЦРУ переворот в Гватемале в 1953-м и кубинская революция 1958 года. Вслед за американским вмешательством в эти области наступил период «эйфории для латиноамериканских коммунистов и их союзников» [869], но Горкин боролся с противоречиями, предоставляя Конгрессу важную нишу во враждебном окружении.

Лоуэлл прибыл в Рио-де-Жанейро со своей женой Элизабет Хардвик и их пятилетней дочерью Харриет в первую неделю июня 1962 года. Набоков и Элизабет Бишоп встречали их в аэропорту. Дела шли прекрасно, пока 1 сентября семья Лоуэлла не села на корабль обратно до Нью-Йорка, а ему самому предстояло продолжить поездку на юг, в Парагвай и Аргентину. Его сопровождал Кит Ботсфорд (Keith Botsford), «постоянный бродячий представитель Конгресса» в Южной Америке, который был «отправлен в поездку» Джоном Хантом, чтобы следить за поэтом (на языке ЦРУ, Ботсфорд был «поводком» Лоуэлла). Именно в Буэнос-Айресе и начались проблемы. Лоуэлл выбросил свои таблетки от маниакальной депрессии, принял несколько двойных мартини на приёме в президентском дворце и объявил, что он «Цезарь Аргентины», а Ботсфорд - его «лейтенант». После своей «гитлеровской речи», в которой он расхвалил фюрера и идеологию сверхчеловека [870], Лоуэлл разделся донага и залез на конную статую на одной из главных площадей города. После нескольких дней подобного поведения по указанию Ботсфорда Лоуэлл был скручен, упакован в смирительную рубашку и отправлен в клинику «Вифлеем», где, связанный по рукам и ногам кожаными ремнями, он получал обильные дозы торазина. Обида Ботсфорда достигла апогея, когда Лоуэлл, пребывающий в положении связанного Прометея, приказал ему просвистеть мелодию из фильма Yankee Doodle Dandy или «Боевой гимн Республики» [871].

Позже, в том же месяце, Набоков позвонил Мэри Маккарти. Дрожащим и утомлённым голосом он сообщил ей, что Лоуэлл «попал в психиатрическую клинику в Буэнос-Айресе, что Мэрилин Монро совершила

---

[869]John Mander. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.

[870]Лоуэлл имел нездоровый интерес к Гитлеру. Джонатан Миллер, который был с ним в Нью-Йорке до конца 1950-х гг., обнаружил среди (подозрительно толстой) обложки экземпляра Les Fleursdu Mai, принадлежащей Лоуэллу, спрятанный старенький экземпляр «Майн Кампф».

[871]Ian Hamilton. Цит. произв.

самоубийство, потому что у неё была связь с Бобби Кеннеди и вмешался Белый дом» [872].

Разделяя чувства Набокова, Мэри Маккарти ответила: «Наше время начинает походить на какое-то ужасное эпическое кино о покойных римских императорах и их мессалинах и поппеях. Бассейн Бобби Кеннеди - ванна с молоком ослицы» [873]. Инцидент с Лоуэллом был катастрофой. Выбранный Конгрессом в качестве «выдающегося американца, который сможет противостоять... таким коммунистическим деятелям, как {Пабло) Неруда» [874].

Лоуэлл, оказалось, никуда не годился без воздействия больших доз торазина. Он ужасно подвёл тех, кто ему доверился (и, в свою очередь, получил по заслугам от Ботсфорда). Удивительно, но ни Хант, ни Джоссельсон не избавились от Ботсфорда, а продолжали пользоваться его услугам в качестве своего «представителя» в Латинской Америке. Ещё удивительнее, что менее чем через год они даже подумывали отправить Лоуэлла представлять Конгресс на конференцию в Мексику. Но Джоссельсон отбросил эту идею, опасаясь, что Лоуэлл будет «следовать рекомендациям своего психиатра так же мало, как это было в прошлый раз... и вообще, нет никакой гарантии, что он не начнёт снова произносить всякие безумные речи, восхваляя Гитлера» [875]. Ботсфорд, у которого не было желания повторять предыдущий опыт, также возражал против отправки Лоуэлла, и было решено, что Роберт Пени Уоррен и Норман Подгорец (Norman Podhoretz) будут более надёжными людьми для отправки за «занавес маисовой лепёшки» (Tortilla Curtain).

Хотя у Джоссельсона были свои сомнения насчёт Ботсфорда («Я даже не уверен, что он способен сообщать факты прямо») [876], протеже Ханта продолжал процветать в Конгрессе [877]. Он сказал Ханту, что бразильские интеллектуалы расценивают Конгресс в качестве фронта «янки» и предложил, чтобы Конгресс стал более осторожным, скромным и невидимым, берясь только за те проекты, которые имеют сильную местную поддержку. Но Хант отклонил такой подход, заявив, что никаким регионом мира нельзя пренебрегать, когда речь идёт о борьбе с коммунизмом [878].

Именно в этом ключе Хант и Ботсфорди продолжили решительную кампанию по дискредитации поэта Пабло Неруды. В начале 1963 года Хант получил сведения, что Пабло Неруда выдвинут кандидатом на получение Нобелевской премии в области литературы на следующий год. Подобная

---

[872]Mary McCarthy to Hannah Arendt. 28 September 1962. Цитата из Carol Brightman. Цит. произв.
[873]Там же.
[874]Keith Botsford. Цитата из Ian Hamilton. Цит. произв.
[875]Michael Josselson to John Thompson. 4 September 1963 (MJ/HRC).
[876]Michael Josselson to John Thompson. 10 July 1964 (MJ/HRC).
[877]Многообразие обязанностей Ботсфорда в Конгрессе включало наблюдение за организацией под названием Colombianum — управляемого иезуитами учреждения, воспитывавшего интеллектуалов левого толка в Латинской Америке под руководством падре Арпа, которого Джоссельсон описывал как «иезуита, коммуниста и гомосексуалиста, одетого от Диор».
[878] John Hunt to Keith Botsford. 29 March 1963 (CCF/CHI).

инсайдерская информация была чрезвычайно редка, поскольку заседания Нобелевского комитета проводились в обстановке полнейшей секретности. Всё же к декабрю 1963 года «процесс» распространения слухов против Неруды был запущен. Осторожно, скрывая участие Конгресса, Ирвинг Кристол спросил Ханта, правда ли, что Конгресс «распространяет слухи» о Неруде, на что Хант осторожно ответил, что выдвижение этого поэта на Нобелевскую премию неизбежно обещало вызвать противоречия [879].

Фактически ещё с февраля 1963 года Хант занимался подготовкой этого «нападения». Джулиан Горкин ранее написал «одному другу в Стокгольм» о Неруде и сказал Ханту, что «этот человек может подготовить небольшую книгу на шведском языке с названием типа «Дело Неруды» (Le cas Neruda)» [880]. Но Хант усомнился в полезности такой книги и дал указание активисту Конгресса Рене Таверньe подготовить документально подтверждённый отчёт на французском и английском языках с последующей отправкой его определённым людям [881]. Хант подчеркнул, что нельзя терять времени, если скандал с получением Нерудой Нобелевской премии ещё можно предотвратить, и попросил Таверньe вместе с Джулианом Горкином и его шведским «другом» составить отчёт в сотрудничестве [882].

В отчёте Таверньe в основном говорилось о политической деятельности Неруды и о том, что «невозможно отделить Неруду-художника от Неруды-политического пропагандиста» [883]. Неруда, член Центрального комитета Чилийской коммунистической партии, обвинялся в использовании своей поэзии в качестве «инструмента» политического воздействия, которое было «всесторонним и тоталитарным»; это было искусство человека, который являлся «бойцом и дисциплинированным сталинистом». Широкий резонанс вызвал тот факт, что Неруде была присуждена Сталинская премия 1953 года за стихотворение, посвящённое Сталину, «его господину», которое Таверньe обозвал «поэтическим рабством» [884].

В конце июня Таверньe отправил вёрстку статьи Ханту. Хант счёл, что требуется что-нибудь позубастее, и попросил автора сосредоточиться на политической деятельности Неруды и сделать акцент на анахроничности его просталинской позиции, не соответствующей современному толерантному настроению в СССР. Хант завершил письмо в профессорском тоне, указав Таверньe, что ожидает исправленный доклад в течение нескольких дней [885]. «Конечно, они вели кампанию против присуждения Неруде Нобелевской премии. Это очевидно», - говорила Диана Джоссельсон [886].

---

[879] John Hunt to Irving Kristol. 23 December 1963 (CCF/CHI).
[880] Rene Tavernier to John Hunt. 28 February 1963 (CCF/CHI).
[881] John Hunt to Rene Tavernier. 1 July 1963 (CCF/CHI).
[882]Там же.
[883] Rene Tavernier. Pablo Neruda, June 1963 (CCF/CHI).
[884]Там же.
[885] John Hunt to Rene Tavernier. 1 July 1963 (CCF/CHI).
[886] Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997. В 1963 г. ЦРУ также потратило 3 млн долларов, пытаясь повлиять на исход всеобщих выборов в Чили, что эквивалентно доллару за каждый голос - в два раза больше того, что Голдуотер и Джонсон потратили в 1964 г. на президентскую кампанию в США.

Далее Джоссельсон попросил вмешаться Сальвадора де Мадариагу, философа и почётного главу Конгресса. Мадариага на это с уверенность сказал, что «Стокгольму легко ответить так, как нужно: мы уже короновали чилийскую поэзию в лице Габриэлы Мистраль. Вот и всё, точка. Политика к делу не имеет никакого отношения» [887]. Политика, конечно, имела к делу самое прямое отношение.

Пабло Неруда не получил Нобелевскую премию 1964 года в области литературы. Но не было никакой причины для ликования в офисах Конгресса, когда назвали имя победителя - им стал Жан-Поль Сартр. Он картинно отказался принимать премию. Неруде пришлось ждать до 1971 года, когда его всё-таки почтила Шведская академия, в то время он был послом Чили во Франции, представляя демократически избранное правительство своего друга Сальвадора Альенде, который был недемократически свергнут и убит в 1973 году при помощи «длинной руки ЦРУ».

В 1962 году, через несколько месяцев после строительства Берлинской стены, Вилли Брандт, мэр западного Берлина, предложил Николаю Набокову стать советником по международным культурным связям в берлинском сенате. Это назначение укрепило старую дружбу и возвращало Набокова в город, который был особенно близок ему по духу. «Брандт и Набоков хорошо ладили, - вспоминал Стюарт Хемпшир. - Брандт и вся Берлинская культурная программа щедро финансировались американцами, и это его нисколько не беспокоило. Ники легко справлялся с этой обязанностью, он знал всех нужных людей и, таким образом, идеально подходил для работы по организации культурных дел Берлина» [888]. Для Набокова Западный Берлин потерял часть своего «космополитического очарования», и время казалось подходящим для возобновления «культурной игры». По словам Джона Ханта, Набоков «никогда не был готов принять мир таким, каков он есть, в силу своих убеждений», и он, казалось, теперь потерял интерес к старым парадигмам холодной войны.

Его планы и предложения по Берлину, который был теперь разделён бетонной стеной, не содержали ничего из старой антикоммунистической риторики. «Мне было ясно, что в такой игре нужно попытаться заручится поддержкой и привлечь к участию мыслителей и людей искусства из Советского Союза и социалистического блока» [889], - написал он в настроении, полном теплоты успокоения.

С этой целью он установил дружеские отношения с советским послом в Восточном Берлине Петром Андреевичем Абрасимовым. После двух проведённых вместе часов в советском посольстве Абрасимов в конечном счёте одобрил просьбу Набокова об участии советских художников в Берлинском фестивале искусств, директором которого он также являлся. Для Абрасимова это было смелым решением - советская разведка пристально следила за Набоковым. Со шпионом КГБ, приставленным к

[887]Salvador de Madariaga to Michael Josselson. 1 January 1963 (MJ/HRC).
[888]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.
[889]Nicolas Nabokov. Bagazh.

Брандту в качестве советника, русские знали всё о связях Набокова с поддерживаемым ЦРУ Конгрессом.

Джоссельсон не был очень уж доволен новым назначением Набокова, «но он проглотил это», как отметила Диана. Набоков, который проводил всё больше времени в Берлине, казалось, отстранялся от Конгресса, но не от его финансирования. Джоссельсон, всегда ведущий себя сдержанно, мало что мог сделать, чтобы ограничить врождённую расточительность Набокова. «Он отличался взыскательным вкусом, и за это нужно было платить» [890], - говорил Стюарт Хемпшир. Но связь, которая была формально установлена между Конгрессом и офисом Брандта, действительно давала Конгрессу возможность принять участие в фестивале Berliner Festwochen, и в 1964 году Конгресс профинансировал появление там Гюнтера Грасса (Guenter Grass), У.Х. Одена, Кита Ботсфорда, Клинта Брукса, ЛенгстонаХьюза, Роби Маколея, Роберта Пенна Уоррена, Джеймса Меррилла (James Merrill), Джона Томпсона, Теда Хьюза (Ted Hughes), Герберта Рида, Питера Расселла (Peter Russell), Стивена Спендера, Роже Кайлуа, Пьера Эммануэля (Pierre Emmanuel), Дерека Уолкотта (Derek Walcott), Хорхе Луиса Борхеса и Уола Сойинка (Wole Soyinka). Джон Хант и Франсуа Бонд и выступили в роли кураторов.

Но Джоссельсон не мог переступить через своё негодование по поводу того, что он считал дезертирством Набокова. «Он был ревнив, - сказал Хемпшир. - Он называл их «моя группа» интеллектуалов. Он льстил им и ожидал от них лояльности. Ники был частью этой «группы», но затем стал интересоваться чем-то другим. Джоссельсон почувствовал себя уязвлённым и оскорблённым» [891].

К концу 1964 года терпение Джоссельсона лопнуло, и он написал едкое письмо, спрашивая Набокова, почему тот счёл целесообразным требовать от Конгресса возмещения расходов за свою поездку в Лондон, которая, совершенно очевидно, была в интересах Берлина. Почему, получая щедрую зарплату от Конгресса (Джоссельсон взял почти 30 тысяч долларов из Фонда Фарфилда, чтобы покрыть расходы Набокова за четырёхлетний период, из которых 24 тысячи долларов предназначались на его зарплату), спрашивал Джоссельсон Набокова, тот не мог оплатить свою поездку из тех 50 тысяч немецких марок, которые он получал от налогоплательщиков Берлина? Задетый тем, что Набоков не сообщил ему о своих посещениях Абрасимова в советском секторе и визите Абрасимова в дом Набокова с Ростроповичем, Джоссельсон заключил сердито, говоря Набокову: «Я не хочу больше знать ничего о том, что вы делаете... Давайте просто приостановим наши официальные отношения до 1 мая {когда им предстояло встретиться) и будем держать пальцы скрещёнными, что своими действиями вы не повредите нашей дружбе» [892].

Боясь не справиться с ещё одним подобным пренебрежением, Джоссельсон понадеялся, что рождественские каникулы дадут Набокову

---

[890]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.
[891]Там же.
[892]Michael Josselson to Nicolas Nabokov. 10 December 1964 (NN/HRC).

«возможность поразмышлять... и сочинять музыку, вместо того чтобы безумно носиться и, возможно, мчаться к пропасти» [893].

Но чёрные тучи продолжали сгущаться над отношениями Набокова и Джоссельсона. Когда Джоссельсон узнал, что Набоков запланировал поездку в Москву с Абрасимовым, чтобы обеспечить участие советских художников в Берлинском фестивале, он написал ему в категоричном тоне, убеждая не совершать поездку. Набоков отменил поездку в последний момент, но потребовал объяснений от Джоссельсона. Ответ был довольно ожидаемым: «Я никоим образом не волновался о вашей безопасности, и при этом я не был обеспокоен какими-либо последствиями вашей связи с Конгрессом. Поверьте, я беспокоился только об очень неудобной ситуации, в которой вы могли оказаться, не сейчас, но, возможно, год или два спустя. Не хочу писать об этом, но убеждён: то, о чём говорю, я не взял просто из воздуха... Кроме того, пожалуйста, примите во внимание, что у вас много врагов в Берлине, которые только и ждут возможности, как бы вонзить вам нож в спину, и в ваших собственных интересах выбить почву из-под ног этих людей и покончить со сплетнями» [894].

Это было больше, чем просто беспокойство Джоссельсона по поводу нового карьерного продвижения его друга - Набоков стал угрозой безопасности. «Вы могли стать невольным инструментом советской политики в Германии, - предупредил он его. - Вы уже сделали первый шаг в этом направлении» [895].

Вскоре после этого письма, в августе 1964 года, сложилась очень неприятная ситуация. В ходе изучения безналогового статуса частных американских фондов конгрессменом Райтом Пэтменом (Wright Patman) произошла утечка, которая выявила много фондов (всего восемь, известные как «Восьмёрка Пэтмена»), связанных с ЦРУ: Фонд «Готэм» (Gotham Foundation), Мичиганский фонд (The Michigan Fund), фонд Прайса (The Price Fund), Фонд Эдсела (The Edsel Fund), Фонд Эндрю Гамильтона (The Andrew Hamilton Fund), «Борден Траст» (The Borden Trust), фонд Бэкона (The Beacon Fund) и Фонд Кентфилда (The Kentfield Fund). Эти фонды, как оказалось, были «почтовыми ящиками», часто состоящими только из адреса, созданными для получения денег ЦРУ, которые затем могли пересылаться в любое место, причём довольно легитимно.

После того как деньги попадали в «почтовый ящик», происходил «перевод между двумя участниками» или «прямая передача»: донор делал «вклад» в известный фонд, чья законная деятельность ни у кого не вызывала сомнений. Эти вклады затем аккуратно записывались как средства, полученные фондами, и ежегодно отчитывались по форме 990-А в Налоговой службе, что была обязана делать каждая освобождённая от налогов некоммерческая организация. Но именно это и делало всю систему уязвимой. «Возможно, действительно не было никакого другого способа, - сказал Дональд Джеймсон, - но эти фонды были обязаны предоставлять все

---

[893]Там же.
[894]Michael Josselson to Nicolas Nabokov. 29 June 1964 (MJ/HRC).
[895]Там же.

виды налоговых документов, что они и старались делать. Это означало, что... они находились на виду, можно было просмотреть налоговые отчёты и проследить всю цепочку, из-за чего всё и раскрылось» [896].

«Перевод между тремя участниками» происходил, когда легитимный фонд делал вклад в организацию, указанную ЦРУ. Уильям Хобби, президент Houston Post и попечитель Фонда Хобби (The Hobby Foundation), пояснил, как это работало: «Нам говорили, что... мы получим определённые средства от ЦРУ. Затем нам приходило письмо, скажем от организации XYZ, с просьбой о спонсорстве. Мы передавали им эти деньги. Мы полагали, {ЦРУ) знает, что делает» [897].

Формы 990-А четырёх других фондов иллюстрируют эту процедуру передачи: хьюстонский Фонд доктора Андерсона (M.D. Anderson Foundation), далласский Фонд Хоблитцелла, нью-йоркский Фонд Дэвида, Джозефин и Винфилда Байрд (The David, Josephine and Winfield Baird Foundation) и нью-йоркский Фонд Дж.М. Каштана (J.M. Kaplan Foundation). Все эти фонды были «активами», «ресурсами» Отдела международных организаций. За период с 1958 по 1964 год Фонд Андерсона получил от ЦРУ 655 тысяч долларов через фиктивные фонды, такие как «Борден Траст» и Фонд Бэкона. Затем он перевёл аналогичную сумму связанному с ЦРУ Американскому фонду свободных юристов (American Fund for Free Jurists, Inc.) - нью-йоркской организации, позднее известной как Американский совет международной комиссии юристов (American Council for the International Commission of Jurists).

Фонд Байрда получил в общей сложности 456 800 долларов между 1961 и 1964 годами в виде «прямых переводов» и перекачал деньги для программ ЦРУ на Ближнем Востоке и в Африке. Фонд Каштана - известный прежде всего как спонсор нью-йоркского сезона «Шекспир в Парке» - между 1961 и 1963 годами перевёл почти миллион долларов в Нью-Йоркский институт исследований в области международного труда (The Institute of International Labor Research, Inc). Институт занимался проектами ЦРУ в Латинской Америке. Его филиал в Коста-Рике - Институт политического образования (The Institute of Political Education), которым управляли Норман Томас и Хосе Фигерес (Jose Figueres), проводил подготовку демократических политических лидеров для стран этого региона. Финансирование шло из ЦРУ и поступало в Фонд Каплана через уже знакомые фонды: «Готэм», «Мичиган», Эндрю Гамильтона, Бордена, Прайса и Кентфилда - шесть из «Восьмёрки Пэтмена». Президентом и казначеем Фонда Каштана был Джейкоб М. Каплан, который в 1956 году предлагал свои услуги Аллену Даллесу. За период с 1959 по 1965 год Фонд Хоблитцелла получил от ЦРУ примерно такое же количество денег. Большая часть средств (430 700 долларов) была передана напрямую Конгрессу за свободу культуры.

Расследование Пэтмана приоткрыло люк машинного отделения тайного финансирования ЦРУ. Комплексная обработка полученных данных и находящейся в свободном доступе информации Налоговой службы

[896]Donald Jameson. Interview, Washington, June 1994.
[897]William Hobby. Цитата из Newsweek, 6 March 1967.

позволила нескольким образованным журналистам сложить части мозаики. В сентябре 1964 года в нью-йоркском левом еженедельнике «Нейшн» прозвучал вопрос: «Следует ли разрешить ЦРУ финансировать журналы в Лондоне и Нью-Йорке, которые позиционируют себя как «журналы, определяющие мнение», и соревнуются с аналогичными, но независимыми журналами? Правильно ли со стороны поддерживаемых ЦРУ журналов предлагать крупные суммы за отдельные стихотворения восточноевропейских и российских поэтов, которых все признали людьми со стержнем, но которые, может быть, и пишут лишь из-за того, что им дали взятку? В этом ли состоит главная задача ЦРУ - исподтишка финансировать различные конгрессы, съезды, собрания и конференции, посвящённые «свободе культуры» и схожим темам?» [898].

Корд Мейер вспоминал, что «эту историю поместили на последнюю страницу «Нью-Йорк Таймс» и она не вызвала большого резонанса в то время, хотя в Управлении это заставило нас с тревогой пересмотреть и попытаться улучшить безопасность {своих) механизмов финансирования» [899]. «Раньше у нас в Управлении были учения, когда мы себя спрашивали, что будет, если снять обратную сторону радио и попытаться понять, куда ведут все эти провода, - сказал Ли Уильямс. - А знаете, что было бы, если бы кто-нибудь сходил в Налоговую службу, посмотрел на один из фондов, выдающих фанты, и увидел бы, что цифры не совпадают? Когда слухи стали разрастаться, это действительно встревожило нас. Мы обсуждали возникшую проблему и пытались найти способ защитить людей и организации, которые могли пострадать от расследования» [900]. Но именно Хант и Джоссельсон, которые находились в Лондоне, когда всё произошло (Джоссельсон - в Stafford, Хант - в Duke's Hotel), внезапно оказались под ударом. «Мы попали», - отрезал Джоссельсон в телефонном разговоре с Хантом.

Джоссельсон почуял опасность задолго до открытий Пэтмена. Люди начинали шептаться на приёмах. «Половина проблемы заключалась в том, что люди в Вашингтоне не умели держать рты на замке», - сказала Диана Джоссельсон. В 1962 году Пол Гудмен (Paul Goodman) внезапно намекнул на истину, написав в «Диссент», что «Конгресс за свободу культуры и «Инкаунтер» являются инструментами ЦРУ». Едва ли можно сомневаться, что Джоссельсон не был осведомлён о расследовании Пэтмена два года спустя, и это объясняет его таинственное письмо Набокову в июне 1964 года.

Джоссельсон давно волновался, что прикрытие Конгресса было ненадёжным, и в 1961 года он убедил Корда Мейера в необходимости поиска новых «спонсоров». «В ответ на опасения Майкла и ЦРУ они пришли к разумному умозаключению, что диверсификация финансовых источников будет хорошим решением; так они и поступили» [901], - вспоминала Диана Джоссельсон.

---

[898]Editorial, The Nation, 14 September 1964.
[899]Cord Meyer. Facing Reality.
[900]Lee Williams. Interview, Washington, June 1994.
[901]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

Набоков отправился в Нью-Йорк в феврале 1961 года, чтобы поговорить с попечителями фонда. Любопытно, но ни в одном из фондов, которые он посетил, не проникли его словами. Кажется, его поездка была просто дымовой завесой, разработанной, чтобы сделать вид, будто Конгресс активно и открыто ищет финансовых партнёров, пока фактические, но закулисные соглашения уже заключались между ЦРУ и другими фондами. К 1963 году предъявляемые Конгрессом финансовые отчёты демонстрировали совершенно новую компанию дарителей. Это были фонды Кольта (Colt), Флоренса (Florence), Люциуса Литтауэра (Lucius Littauer), Благотворительный фонд Ронселима (Ronthelym Charitable Fund), «Шелтер Рок» (Shelter Rock, чьим «спонсором» был Дональд Стрэлем, член правления Фонда Фарфилда), фонды Соннабенда (The Sonnabend Foundation) и Саннена (The Sunnen Foundation).

Что касается Фонда Фарфилда, то его репутация «независимого» фонда таяла на глазах. «Он создавался, чтобы стать прикрытием, но фактически вёл свою деятельность открыто. Мы все смеялись над этим и называли его «неправдоподобным фондом, - говорил Лоуренс де Новилль. - Все знали, кто стоит за ним. Это было смешно» [902]. Легендарная скупость Юнки Флейшмана, казалось, гарантировала слухи, гуляющие теперь на каждой вашингтонской и нью-йоркской вечеринке, что он не был настоящим «ангелом» Конгресса за свободу культуры. Набоков позже сказал Джоссельсону: «Юнки был самым скупым богатеем, которого я когда-либо знал» [903]. Наташа Спендер также признала, что «Юнки был исключительным скрягой. На званом обеде в одном ресторане в Цинциннати с Юнки и другими мне пришлось попросить у него десять центов, чтобы сделать телефонный звонок. Когда мы возвращались в такси, Стивен сказал мне: «Вы должны отослать ему те десять центов завтра утром». Я подумала, что он шутил, но нет. В итоге, я вернула десять центов» [904].

Все пришли к единому мнению, что, если Фонд Фарфилда будет расходовать средства на американские и международные проекты, то его связь с ЦРУ станет менее заметной. «Фонд Фарфилда взялся за другую деятельность, так как должен был оправдывать звание фонда на случай, если кто-нибудь спросит, чем они занимаются» [905], - поясняла Диана Джоссельсон. В отчёте фонда Фарфилда за период с 1 января 1960 по 31 декабря 1963 года указаны несколько сотен грантов, сделанных в течение этого периода. В числе получателей - Американский совет научных обществ, Американская академия искусств и наук, Ассоциация современного языка, Мастерская танцоров, Фестиваль двух миров в Сполето в Италии (покрытие общих расходов, а также обеспечение участия американских студентов и поэта Теда Хьюза), Институт специальных исследований в театральных искусствах, Живой театр Нью-Йорка, New York Pro Musica, Ассоциация литературных журналов Америки, «Партизан Ревью» («грант на расходы») и

[902]Lawrence de Neufville. Telephone interview, February 1997.
[903]Nicolas Nabokov to Michael Josselson. 19 March 1977 (NN/HRC).
[904]Natasha Spender. Telephone interview, May 1997.
[905]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

Международный институт в Мадриде (грант на сохранение личных библиотек Лорки, Ортеги и Фернандо Альмальгро - Fernando Almalgro).

Фонд Фарфилда спонсировал участие в проекте «Путешествия и исследования» множества людей, включая Мэри Маккарти (для подготовки антологии нового Европейского письма), чилийского живописца Виктора Санчеса Огза (Victor Sanchez Ogaz), поэта Дерека Уолкотта (для поездки по Соединенным Штатам), Патрисию Блейк, Мархрита Бубер-Ноймана (Margerita Buber-Neumann), Лайонела Триллинга (для поездки в Польшу, Рим, Афины и Берлин) и Альфреда Шермана (Alfred Sherman), спонсора «Спектейтор» (для поездки на Кубу).

Как ни странно, именно широкая щедрость Фонда Фарфилда и сделала его особенно уязвимым к атакам. После открытий Пэтмена не нужно было обладать дедукцией Конана Дойля, чтобы понять, кто стоял за спиной фонда.

Удивительно, но ни один журналист даже не подумал посмотреть дальше. ЦРУ действительно «непредвзято смотрело на эту схему финансирования», но к удивлению Специального комитета, занимавшегося этим вопросом, ЦРУ не «сочло уместным поставить вопрос о независимости фондов Америки, хотя само использовало их в качестве каналов финансирования своих секретных операций» [906] - та самая ситуация, которая побудила Пэтмена обнародовать свои открытия в первую очередь. «Урок, который следует вынести из расследования Пэтмена, заключается не в том, что мы должны прекратить использовать фонды для прикрытия финансирования, а в том, что мы должны делать это более профессионально и осмотрительно» [907], - рассуждал руководитель программы обеспечения и группы оценки Управления секретных операций.

Эти взгляды были в высшей степени ошибочны, как показали более поздние события. Джоссельсон, конечно, не подписывался на это. Он знал, что текущие схемы финансирования были безнадёжно уязвимы и что он сидел в дырявой лодке. «Море становилось всё более и более суровым, а плыть всё труднее и труднее, но они продолжали свой путь, хоть и в обстановке постоянной опасности» [908], - вспоминала Диана Джоссельсон. С конца 1964 года Джоссельсон отчаянно пытался увести Конгресс за свободу культуры подальше от надвигающихся событий и последствий, к которым они приведут. Он подумывал изменить его название. Он снова задумался над тем, чтобы оборвать финансовые связи с ЦРУ и полностью перейти на финансирование Фонда Форда. Прежде всего, он попытался отвести Конгресс от участия в холодной войне и свести на нет всякие предположения о том, что он был инструментом американского правительства в этой самой холодной войне. На октябрьском съезде Исполнительного комитета в Лондоне он сказал: «Я искренне не хотел бы, чтобы основной задачей Конгресса являлось участие в холодной войне.

---

[906]Final Report of the Church Committee, 1976.
[907]Там же.
[908]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

Но у меня такое чувство, что в этом и заключается его задача, и, откровенно говоря, мне это не нравится» [909].

[909]Michael Josselson. Цитата из Congress for Cultural Freedom, Minutes of the Executive Committee Meeting, London, October 1964 (CCF/CHI).

22. ПЕН-друзья

«...новый тип человека появился к его счастью, закончить холодную войну рождён он был, против собственной плоти своей». Аллен Гинсберг (Allen Ginsberg). «К кому быть добрым...»

1964 год неудачно складывался для «воинов холодной войны». Мифы, на которые они полагались, систематически рассыпались. Сначала был опубликован детективный роман «Шпион, который вернулся с холода». Написан он был за пять месяцев в британском посольстве в Бонне младшим дипломатом под литературным псевдонимом Джон Ле Каре (John Le Karr). В 1964 году в США распродали первый тираж в 230 тысяч экземпляров. Ещё примерно два миллиона книг в мягкой обложке было продано в 1965 году, когда кинокомпания «Парамаунт» выпустила экранизацию романа. Ле Карре, которого тогдашний куратор тайных операций ЦРУ Ричард Хелмс (Richard Helms) на дух не переносил, объяснял происхождение романа «огромной печалью по поводу идеологического тупика Восток - Запад».

Автора «Шпиона...» теперь ставили в один ряд с Грэмом Грином (Graham Greene), чей роман 1955 года «Тихий американец» привёл в ужас секретные службы Америки. «Они выглядели простофилями, - сказал Фрэнк Уизнер, - желающими зла и затаившими злобу на весь мир».

Затем вышел фильм Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я научился не волноваться и полюбил атомную бомбу», в котором высмеивалась лишённая смысла идеология холодной войны. В письме, опубликованном в «Нью-Йорк Таймс», Льюис Мамфорд (Lewis Mumford) назвал его «первым перерывом в недвижимом трансе холодной войны, который так долго держал нашу страну твёрдой хваткой... Больно, что наша предположительно высокоморальная, демократическая страна позволила этой политике быть сформулированной и осуществлённой даже без оговорок в виде общественных дебатов» [910].

18 сентября 1964 года в нью-йоркской больнице умер Ч.Д. Джексон, выдающийся «рыцарь холодной войны». Незадолго до этого Эйзенхауэр прилетел из Геттисберга в Пенсильванию и увидел, как серьёзно подточила его болезнь.

Бостонский симфонический оркестр, получивший широкую известность благодаря Джексону, организовал мемориальный концерт в его честь с солистами Витей Вронским (Vitya Vronsky) и Виктором Бабиным, которые исполняли произведения Моцарта. Позже летняя школа оркестра «Танглвуд» учредила премию имени Ч.Д. Джексона и другие награды его памяти. Финансовую поддержку премии оказали многие выпускники той специальной школы холодной войны, в которой Ч.Д. Джексон председательствовал.

К 1964 году эти люди уже были ходячими анахронизмами, членами уменьшающейся секты, упадок которой, хоть и не полный, казался обеспеченным волной отвращения и протеста против ценностей, ими

[910]Lewis Mumford. Цитата из Stephen Whitfield. The Culture of the Cold War.

защищавшихся. Их стали называть whifflebirds - термин, изобретённый одним нью-йоркским интеллектуалом для вымышленного существа, которое «летит назад по всё уменьшающейся окружности, пока не попадёт в собственную задницу и не исчезнет» [911]. А потом появились «новые левые» и «битники» - культурные преступники, которые раньше скромно ютились на краю американского общества, а теперь вышли на авансцену, провозглашая презрение к тому, что Уильям Барроуз (William Burroughs) назвал «хнычущей, неискренней тиранией бюрократов, социальных работников, психиатров и чиновников профсоюза» [912].

Джозеф Хеллер (Joseph Heller) в романе «Уловка-22» предположил: то, что Америка считала здравомыслием, было фактически безумием. Аллен Гинзберг (Allen Ginsberg) в 1956 году в своём «Завывании» оплакивал потраченные впустую годы: «Я видел, что лучшие умы моего поколения, уничтоженного безумием, теперь защищали радости открытого гомосексуализма и галлюциногенного гриба Peyote solitudes. Чавкая LSD, наполняя тело электричеством, читая поэзию голыми, идя по миру сквозь туман амфетаминов и наркотиков, «битники» защищали Уолта Уитмана (Walt Whitman; они считали его настоящим хиппи) от нападок профессора Нормана Пирсона Холмса (Norman Pearson Holmes). Они были потрёпанными мятежниками, которые стремились возвратить хаос, чтобы противостоять идеологии, которую представляли такие журналы, как «Инкаунтер».

Раздражённый этими событиями, 20 апреля 1964 года Сидни Хук (Sidney Hook) написал Джоссельсону: «В Европе существует театр абсурда, и в экзистенциализме есть философия абсурда. В США последним достижением среди интеллектуалов является «политика абсурда» с лозунгами «Долой Америку!», «Америка воняет!», «Да здравствует секс!» и т.д. Это действительно очень забавно - Мэйлер, Подгорец и другие им подобные. И у них есть новый и пылкий ученик - Джек Томпсон, проницательность и интеллект которого оставляют желать лучшего» [913]. У Томпсона, правда, хватило проницательности, чтобы остаться исполнительным директором Фонда Фарфилда.

В 1964 году отметили первый день рождения «Нью-Йоркского книжного обозрения» (New York Review of Books; самое влиятельное и престижное книжное обозрение в США. - Прим. ред.). Мгновенный успех управляемого Джейсоном Эпштейном и Робертом Сильверсом (Robert Silvers) обозрения ясно сигнализировал, что не все американские интеллектуалы были рады вращаться вокруг национальной безопасности по орбите холодной войны.

Поскольку существующее единство взглядов стало на глазах распадаться, новый журнал сигнализировал о появлении новой, критически настроенной интеллигенции, могущей говорить о тех проблемах, по которым такие журналы, как «Инкаунтер», связанные «партийной дисциплиной»,

[911]Gwynne Nettler. Цитата из Michael Wreszin. A Rebel in Defense of Tradition.
[912]William Burroughs. Цитата из Taylor D. Littleton and Maltby Sykes. Advancing American Art.
[913]Sidney Hook to Michael Josselson. 20 April 1964 (MJ/HRC). Естественно, Хук ошибался насчёт Нормана Подгореца, который презирал мятеж «битников», называя его «восстанием духовно недоразвитых и моральных инвалидов».

хранили молчание. Если раньше говорили о том, что все нью-йоркские интеллектуалы посредством какой-то поразительной алхимии образовали единый сплав с ЦРУ и другими функционерами холодной войны, то сейчас наблюдалась обратная реакция. Интеллектуальная элита неожиданно приняла готовность «Обозрения» критиковать империализм так же, как раньше они осуждали коммунизм. И, к ужасу ЦРУ, критика империализма стала идеологическим стержнем для интеллектуальной оппозиции войне во Вьетнаме. «У нас были большие проблемы с аудиторией «Книжного обозрения», особенно тогда, когда журнал стал таким антивоенным, и таким левым» [914], - вспоминал Ли Уильямс, не раскрывая меры, предпринятые против «Книжного обозрения». Правда, он также заметил: «Мы не нападали, мы защищались» [915].

Даже Майкл Джоссельсон не остался в стороне от новых веяний. Хотя он изо всех сил старался скрывать растущее разочарование в «американской имперской идеологии», конфиденциально всё же признавал, что был потрясён формой, которую это приняло. Несколько лет спустя он писал: «Опыт работы «с» и «для» «команды» стал действительно травмирующим… В 1950-х мы хотели поддержать исторические обещания Америки… во второй половине 1960-х наши ценности и идеалы были разрушены вьетнамской войной и другими бессмысленными действиями американских политиков» [916]. Гонка вооружений, бесславный полёт U-2 над советской территорией, операция в заливе Свиней, кубинский кризис - все эти грубые ошибки американской администрации подорвали веру Джоссельсона в «американское предназначение» и Белый дом.

Даже Гарри Трумэн, при котором в 1947 году и появилось ЦРУ, сказал: «Средства, к которым прибегают спецслужбы, бросают тень на нашу страну, и я чувствую, что мы должны исправить это» [917]. С началом эры потепления во взаимоотношениях с социалистическим блоком Джоссельсон попытался отучить Конгресс от привычек холодной войны и подтолкнуть его к диалогу с Востоком. Повлиять на Конгресс можно было при помощи ПЕН-клуба (международная неправительственная организация, объединяющая профессиональных писателей и журналистов. - Прим. ред.), с которым Джоссельсон поддерживал тёплые взаимоотношения.

К середине 1960-х годов ПЕН-клуб имел 76 центров в 55 странах и был официально признан ЮНЕСКО самой представительной литературной организацией мира. Его задачи включали обещание избегать при любых обстоятельствах участия «в государственной или партийной политике». Именно декларируемая аполитичность и защита свободы слова гарантировали клубу международное расширение в годы холодной войны. Но правда и то, что ЦРУ прилагало все усилия, чтобы превратить ПЕН-клуб в проводник интересов американского правительства, аналогичный Конгрессу за свободу культуры.

---

[914]Lee Williams. Interview, Washington, July 1996

[915]Там же.

[916]Michael Josselson. The Story Behind the Congress for Cultural Freedom, неопубликованная рукопись (MJ/HRC).

[917]Harry S. Truman. 1963. Цитата из New York Times, 25 April 1966.

Конгресс долго интересовался ПЕН-клубом, несмотря на разглагольствования Артура Кёстлера о группе «придурков», опасающихся, что кампания за культурную свободу «раздувает огонь холодной войны» [918]. Так он отзывался о руководстве ПЕН-клуба. Первоначально, усилия Конгресса были направлены на изоляцию Клуба от участников из Восточного блока. Конгресс опасался, что «коммунисты проникнут в организацию и будут влиять на её дебаты». «Мы готовы говорить с русскими писателями, русскими художниками, русскими учёными, - написал Набоков Ричарду Кроссману в 1956 году, - но мы не хотим встречаться и говорить с советскими бюрократами или советскими чиновниками на их территории. К сожалению... нам слишком часто противостоит именно этот тип подневольного советского бюрократа, напоминающего полицейского (синий костюм из саржи с прямыми плечами и мешковатые штаны), которого мы хотим избежать» [919]. Заинтересованный в ограничении влияния советских аппаратчиков Конгресс нашёл поддержку в лице секретаря ПЕН-клуба Дэвида Карвера (David Carver). Когда в 1956 году Джоссельсон узнал, что коммунисты решили «сделать большой рывок» на конференции ПЕН-клуба в Японии в следующем году, он легко убедил Карвера, задействовать «тяжёлую батарею» Конгресса - Силоне, Кёстлера, Спендера, Милоша и других.

Джон Хант, состоявший в международном ПЕН-клубе после публикации дебютного романа «Поколения мужчин», поддерживал «дружеские отношения» с Дэвидом Карвером, который, в свою очередь, действовал как неофициальный агент «Инкаунтера», распространяя экземпляры журнала на встречах клуба. В 1964 году Хант решил, что Карвер переутомлён и нуждается в помощи. Конгресс предложил помощь в лице Кита Ботсфорда, который, прежде чем вернуться в США и стать соредактором Сола Беллоу в литературном журнале «Благородный дикарь» (The Noble Savage), бежал из Южной Америки после фиаско Лоуэлла. Теперь он «снова оказался под рукой», чтобы помочь своему другу Ханту, и таким образом появился в лондонском офисе ПЕН-клуба осенью 1964 года. «Мне никогда не приходило в голову задаться вопросом: почему Ботсфорд внезапно поменял род деятельности, - рассказывал активист ПЕН-клуба. - Но теперь я думаю об этом, и это выглядит несколько странным» [920].

Французское отделение ПЕН-клуба пришло в бешенство, узнав о назначении Ботсфорда, о чем не замедлило сердито написать Карверу, требуя объяснений. Защищая назначение, Карвер сказал, что работал с Ботсфордом некоторое время «в полной гармонии и тесном сотрудничестве... {его) положение довольно просто. Английский исполнительный комитет назначил его моим помощником и представителем, и поскольку я одновременно являюсь генеральным секретарём Английского отделения и секретарём всей организации, я надеюсь, что он поможет мне в целом спектре моих обязанностей» [921].

---

[918]Arthur Koestler to Michael Josselson. 24 July 1963 (MJ/H RC).
[919]Nicolas Nabokov to Richard Grossman. November 1956 (CCF/CHI).
[920]Elizabeth Paterson. Interview, London, July 1997.
[921]David Carver to Jean de Beer. Secretary General, French PEN, 10 March 1965(PEN/HRC).

Французы беспокоились не зря. Подозрения о характере связей Ботсфорда с Конгрессом за свободу культуры и о связях этой организации с американским правительством заставляли их бояться, что американцы пытаются подгрести ПЕН-клуб под себя. И они были правы.

Именно Кит Ботсфорд позвонил Артуру Миллеру в 1965 году и сказал, что хотел бы навестить его с Дэвидом Карвером. Миллер, который в это время был в Париже, немного знал Ботсфорда по «Благородному дикарю», в котором вышли два его рассказа. «Теперь он {Ботсфорд) говорил что-то о ПЕН-клубе, о котором я только что узнал», - вспоминал Миллер. На следующий день Ботсфорд прибыл в Париж с Дэвидом Карвером, который предложил Миллеру стать президентом международного ПЕН-клуба. «Ясно было, что их политика исчерпала себя, - писал Миллер позже. - Недавняя разрядка призывала толерантно относиться к Востоку, чего ПЕН-клуб в принципе не умел. Нужен был человек, чтобы начать всё с начала, и этим человеком стал я... Но я подозревал, что меня могут использовать и внезапно задался вопросом: могли ли наш госдепартамент, или ЦРУ, или аналогичные британские службы заварить эту кашу. Я решил выяснить это... основываясь на том, что я вскоре понял, ПЕН-клуб придерживался традиционной для холодной войны антисоветской позиции, но подобно западным правительствам пытался признать Восточную Европу, как устойчивую группу обществ, писателям которой можно разрешить новые контакты с Западом» [922].

Миллер позже рассказывал: «Мне казалось, что правительство хотело моего назначения президентом клуба потому, что они не могли иначе проникнуть в Советский Союз, и они полагали, что следом за мной туда могли отправиться их люди. Первого человека, который когда-то обратился ко мне по поводу ПЕН-клуба - я не помню его имени, - все считали «сотрудником». Люди говорили: «Да ведь ясно, что этот парень - агент». Но у меня не было доказательств, это были только слухи» [923].

Американцы хотели американского президента для ПЕН-клуба и собирались получить это место любой ценой. Карвер «делал всё возможное, чтобы заполучить Джона Стейнбека» (лауреат Нобелевской премии по литературе 1962 г.), но не получилось, а Миллер был хорошим «вторым номером». Французам между тем не нравился ни один кандидат. Они хотели любой ценой не пустить американцев в руководство организации. Как только они узнали о намерениях Карвера найти американского кандидата, французское отделение ПЕН-клуба выдвинуло своего известного латиноамериканского романиста Мигеля Анхеля Астуриаса (Miguel Angel Asturias). Джоссельсон говорил о нём с откровенным презрением: «...старая никарагуанская строевая лошадь Астуриас» [924].

---

[922]Arthur Miller. Timebends.

[923]Arthur Miller. Цитата из Natalie Robins. Alien Ink. Миллер узнал в 1986 г., когда ему наконец-то удалось получить его досье в ФБР, что причина, по которой его выбрали, — образ мышления: его считали приемлемым и для Востока, и для Запада, идеальным президентом ПЕН-клуба в то время, когда само существование организации было под большим вопросом.

[924]На самом деле Астуриас был гватемальцем. Он был яростным противником Конгресса и особенно Ботфорда, чьи «игры» в Южной Америке всей душой осуждал.

Позже он встревожено писал Мане Сперберу, который тогда жил в Париже, убеждая его обратиться к министру культуры в правительстве де Голля и давнему другу Конгресса Андре Мальро и заблокировать кандидатуру Астуриаса. Спербер колебался, написав в ответ, что «Министерству культуры нечего делать в ПЕН-клубе», который официально считается независимой организацией. Но Джоссельсон настаивал, говоря Сперберу, что под угрозой не что иное, как имидж Франции, и следовательно, правительство не может не интересовать данный вопрос. Если изберут Астуриаса, настаивал Джоссельсон, «это станет катастрофой», поскольку будет означать «конец нашего друга Карвера» [925].

Карвер при полной поддержке американских друзей продолжал проталкивать собственного кандидата. В апреле 1965 года он написал открытое письмо на восемь страниц членам ПЕН-клуба, оспаривая легитимность французской кандидатуры, «как человека, не имеющего достаточной квалификации, необходимой для работы президентом», и обвиняя французское отделение в фальсификации фактов. После получения копии письма Карвера член исполнительного органа американского ПЕН-клуба и ветеран холодной войны Льюис Галантир (Lewis Galantiere) предупредил своих коллег: «Французское наступление... разработано не только, чтобы помешать выборам американского международного президента, но также захватить международный секретариат... Я полагаю, что французское движение - это ещё один пример зазнавшейся гордости, которая захватила французский бюрократический аппарат (поскольку я не сомневаюсь, что политика французского отделения проводится с благословления французского МИДа)» [926].

Среди членов исполнительного органа американского отделения помимо Галантира было ещё несколько друзей Конгресса. Самый заметный, безусловно, - Роби Маколей, который был связан с ЦРУ и занимал руководящий пост в американском отделении ПЕН-клуба. Поэтому, когда Корд Мейер искал человека для внедрения в лондонское отделение организации, выбор пал на Маколея: его интерес к действиям ПЕН-клуба должен был казаться совершенно естественным. Тем не менее для большей надёжности легенды, Маколей получил грант Фонда Гуггенхайма (вручался тем, кто продемонстрировал высокие способности к искусствам) и в течение двух лет в Лондоне работал научным сотрудником по ещё одной научно-образовательной программе - Фуллбрайт. С Ботсфордом и Маколеем в Лондоне и Карвером, получавшим финансирование Конгресса (в частности, фонда Фарфилда), ЦРУ добилось полного контроля над ПЕН-клубом.

В сражении за президентство Карвер и Ботсфорд вырвались вперёд, представив план крупного форума ПЕН-клуба, который собирались провести в югославском местечке Блед летом 1965 года. Джон Хант согласился финансировать поездку группы писателей на форум, а Кену Дональдсону, лондонскому «генеральному контролёру» ЦРУ, приказали организовать оплату расходов за счёт Конгресса. Список предложенных делегатов был

[925]Michael Josselson to Manes Sperber. 24 November 1964 (MJ/HRC).
[926]Lewis Galantiere to Members of the Executive Board, American PEN, 26 April 1965 (PEN/HRC).

составлен Джоном Хантом со строгим условием: «Если какой-либо из этих людей не может поехать, секретариат ПЕН-клуба должен согласовать новую кандидатуру с парижским отделением» [927]. Список Ханта включал Дэвида Руссе, Гельмута Джэсрича (Helmut Jaesrich, преемник Ласки в качестве редактора «Монат»), Макса Хейварда, Спендера, Кьяромонте и Силоне. Отдельным фантом Фонда Фарфилда оплатили дорожные расходы Карлосу Фуентесу (Carlos Fuentes) и Уолу Сойинка [928]. Вместе с другими делегатами они выбрали Артура Миллера новым президентом ПЕН-клуба.

Одержав победу на конгрессе в Бледе, Джон Хант начал готовиться к следующему совещанию ПЕН-клуба, запланированному на июнь 1966 года в Нью-Йорке. Это первый раз за 42 года существования клуба, когда американское отделение должно было принять международный конгресс организации. Именно здесь ЦРУ решило применить весь свой тайный арсенал. Главную роль надлежало сыграть Конгресс за свободу культуры; в июне 1965 года Карверу уже была выделена сумма в 1000 фунтов стерлингов для организации нью-йоркской кампании, детали которой Карвер обсудил за обедом с Хантом в ресторане Чантерелле на Бромптон-роуд. В ситуацию с подготовкой американского конгресса своевременно вмешался Фонд Форда, в январе 1966 года наградив американское отделение ПЕН-клуба «существенным фантом» в 75 тысяч долларов. Фонд Рокфеллера выложил дополнительные 25 тысяч долларов. ЦРУ также направило деньги в американское отделение ПЕН-клуба через Фонд «Азия» и Комитет свободной Европы. Учитывая финансовые расходы, 9 февраля 1966 года Джон Хант написал Дэвиду Карверу, что будет мудро попытаться ограничить их личную ответственность [929].

Чтобы гарантировать успех, Хант предложил Конгрессу воспользоваться услугами Марион Бибер (Marion Bieber). Владеющая несколькими иностранными языками Бибер, которая работала на Институт новейшей истории в Лондоне, являлась ветераном таких кампаний: она с 1950-х годов была заместителем исполнительного секретаря Конгресса. С таким человеком, внедрённым в сердце английской или американской интеллектуальной элиты, Хант мог не беспокоиться за свои интересы.

В то же время Хант написал Льюису Галантиру, занимавшему пост президента американского ПЕН-клуба, сделав аналогичное предложение. Кто лучше Роби Маколея, недавно возвратившегося в Вашингтон, чьё прикрытие как редактора престижного «Кеньон Ревью» подразумевало, что он был выше подозрений, мог сделать это? Маколей был впоследствии передан в распоряжение американского ПЕН-клуба как своего рода «мастер на все руки» [930].

---

[927] Tim Foote to Kenneth Donaldson. 28 April 1965 (CCF/CHI).

[928] Согласно докладу ПЕН-клуба по конференции в Бледе, Комитет свободной Европы ЦРУ, активным членом которого был Льюис Галантир, также давал деньги. Скорее всего, именно Аллен Даллес организовал этот грант. Даллес, который хотя и ушёл в отставку из ЦРУ, продолжал играть активную роль в механизме холодной войны, который он создавал.

[929] John Hunt to David Carver. 9 February 1966 (CCF/CHI).

[930] John Hunt to Lewis Galantiere. 4 March 1966 (CCF/CHI).

Дополнительно Хант согласился оплатить путевые расходы знаменитых западных интеллектуалов (по его выбору) для участия в конгрессе.

34-й Международный конгресс ПЕН-клуба начал работу 12 июня 1966 года и продолжался шесть дней. Его организаторы - и явный, и тайный - поздравили себя с тем, что престиж организованного события позволил им «смыть пятна с американской репутации». В отчёте о конференции, захлёбываясь от эйфории, писали: «Лидерство США в современном культурном пространстве неоспоримо подтверждено тем фактом, что конгресс проводился в Нью-Йорке». Конгресс, выстроенный вокруг темы «Писатель как независимый дух» и «сконцентрированный на роли писателя в обществе и его проблемах как художника, безусловно, способствует росту доверия к нашей стране» [931].

Но не все наблюдатели пришли к аналогичному выводу. В лекции, прочитанной в Нью-Йоркском университете накануне конференции ПЕН-клуба, Конор Круз О'Брайен хорошенько прошёлся по идее интеллектуальной независимости. «Доктор Джекил конгресса, «писатель как независимый дух»... рискует превратиться в г-на Хайда, «писатель как общественный деятель», - сказал он (ссылка на «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда». - Прим. ред.). Писателей прошлого обвиняли втом, чтоони «непричастны к политическим страстям» (Жюльен Бенда - Julien Benda), теперь же, наоборот, «{они) склонны быть отвлечёнными или развращёнными ими» [932].

О'Брайен продолжил разбирать статью в «Инкаунтере», в которой Дэнис Броган (Denis Brogan) похвалил журнал за его борьбу против la trabison des clercs (дословно - предательство клерков) - фраза, с которой Бенда раньше нападал на талантливых авторов, политизировавшихся по материальным соображениям. О'Брайен считал, что «Инкаунтер» последовательно лоббировал идеи, ключевым элементом которых «было навязывание английскому обществу лояльного отношения к американской политике и её методам» [933].

«Нью-Йорк Таймс» опубликовала рассуждения О'Брайена, которые незримо парили над международным слётом ПЕН-клуба и сигнализировали о начале конца Конгресса за свободу культуры.

---

[931]PEN report, June 1966 (PEN/HRC).
[932]Conor Cruise O'Brien. Politics and the Writer, 19 May 1966, in Donald H. Akenson (ed.), Conor: A Biography of Conor Cruise O'Brien (Montreal, McGill-Queen's University Press, 1994).
[933]Там же.

23. Литературная «бухта Свиней»

«Помните как у Маркса - буржуазные политики 1840-х, после 48 - те, кто цеплялся за фалды впереди стоящего и пытался пнуть тех, кто цеплялся за их собственные фалды? Много фалд будет порвано в грядущем... и у меня есть серьёзные опасения, что в процессе вырывания фалд и раздачи пинков, могут пострадать и тестикулы, одна или две». Джеймс Т. Фаррем (James T. Farrell)

Обвинение Конора Круза О'Брайена, брошенное интеллигенции Запада в том, что она служит «режиму», вызвало настоящую бурю в то время, когда американские солдаты умирали во Вьетнаме. Прогнило что-то в Датском королевстве, а многие профессиональные антикоммунисты, объединившиеся вокруг Конгресса за свободу культуры, обнаружили, что не могут «избежать ловушки, в которую {их) загнали {собственные) самые глубокие убеждения» [934].

Как опекуны «американского века», они полагали, также как и консервативный обозреватель Джозеф Олсоп, что война во Вьетнаме была «логическим и справедливым расширением американского послевоенного видения и судьбы» [935]. «Пришёл Вьетнам, и наш антисталинизм привыкает оправдывать нашу собственную агрессию, - утверждал Джейсон Эпштейн. - Эти люди загнали себя в настоящий тупик. Их поймали со спущенными штанами: они вынуждены выступать за войну во Вьетнаме, потому что они следовали антикоммунистической линии так долго, что в противном случае они имеют шанс потерять всё. Это они помогли развязать войну во Вьетнаме; это они повлияли на нашу политику с Китаем; это они претворили в жизнь зверский антисталинизм, который олицетворяют собой такие люди, как сенатор Маккарти; это они способствовали застою интеллектуальной культуры в этой стране» [936].

Придя к тому же выводу, Роберт Мерри (Robert Merry), биограф братьев Олсоп, писал: «Через несколько лет станет модным рассматривать эту войну как политическое отклонение, национальную трагедию, которую, возможно, можно было бы предотвратить, если бы американские лидеры просто достаточно чётко увидели ситуацию, чтобы избежать втягивания в эту войну. Но такие рассуждения полностью игнорируют основные факты вовлечения США в войну во Вьетнаме - это было естественное и таким образом, вероятно, неизбежное расширение американской мировой политики, принятой на заре послевоенной эры» [937].

«Город буквально пропитан миазмами безумия. Я затрудняюсь подобрать слова, чтобы описать идиотизм того, что мы делаем» [938], - писал сенатор Уильям Фулбрайт, который совершил экстраординарный переход - от идеолога холодной войны к явному диссиденту. Яростно выступая против Pax Americana и безнадёжной нелогичности его внешней политики, Фулбрайт возглавил атаку «новых левых», к которым он никогда по-

[934]Robert W. Merry. Taking on the World.
[935]Там же.
[936]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.
[937]Robert W. Merry. Цит. произв.
[938]William Fulbright. In Thrall to Fear, The New Yorker, 8 January 1972.

настоящему и не принадлежал, против того, что он рассматривал как некритические уступки в американской абсолютной власти: «Ни в исполнительной власти нашего правительства, ни в Конгрессе никто, кроме немногих одиночек, не рассматривал возможность того, что советская политика в Европе могла быть мотивирована болезненными опасениями за безопасность Советского Союза, а не подготовкой к завоеванию мира. В сущности, никто в верхах не воспринимал всерьёз предположение, что советская резкость отражала не силу, а слабость, обострённую памятью о событиях 1919 года, когда западные державы вмешались во внутренние события, хотя и не слишком решительно, чтобы задушить «большевистского монстра» в его колыбели. Наша собственная политика была сформирована без получения выгоды от конструктивного решения спорных вопросов» [939].

Норман Мэйлер столь же убеждённо утверждал, что американская война во Вьетнаме была «кульминацией длинной последовательности событий, которые начались в конце Второй мировой войны. Общее мнение самых влиятельных представителей «станового хребта» американского общества, людей среднего возраста и старше - государственных деятелей, руководителей корпораций, генералов, адмиралов, редакторов газет и законодателей, - обещало интеллектуальный крестовый поход: они заявили с верой, достойной средневековых рыцарей, что коммунизм - смертельный противник христианской культуры. Если бы ему не противостояли в послевоенном мире, то само христианство погибло бы» [940].

На фоне такого разброда «Нью-Йорк Таймс» начала интересоваться тем, что было спрятано в самых тёмных углах чулана американского правительства.

В апреле 1966 года читатели издания были изумлены всплеском откровений о ЦРУ. «Нити деятельности ЦРУ как дома, так и за границей кажутся бесконечными. Несмотря на то что спутники, электроника и различные устройства взяли на себя большую часть самой тяжёлой работы, к разведке продолжают привлекать большое количество людей, которые ставят Управление в неловкое положение в различных дипломатических ситуациях, поднимая большое количество проблем, связанных с политикой и этикой. Именно поэтому множество людей убеждены, что ЦРУ - этакий монстр, вроде Франкенштейна, которого никто не в состоянии полностью контролировать... Неужели правительство гордых и благородных людей слишком полагается на «тёмные» операции, «грязные трюки», грубые и незаконные действия «на задворках» мира? Существует ли такая точка в мире, где ответ огнём на огонь, силой на силу, диверсией на диверсию, преступлением на преступление становится столь распространённым и принятым, что там больше не остаётся места для чести и гордости между безжалостными и непримиримыми противниками? Данные вопросы вызывают справедливое беспокойство у людей в США» [941].

---

[939]Там же.
[940]Norman Mailer. Armies of the Night.
[941]New York Times, 27 and 29 April 1966.

Одна из статей от 27 апреля 1966 года, повторила заявления Конора Круза О'Брайена, которые были теперь всем известны, что журнал «Инкаунтер» получал деньги от ЦРУ. Этим вопрос, возможно, и был бы исчерпан, но тут Ласки дал стремительный ответ. Он опубликовал статью Горонви Риса (Goronwy Rees) - человека, которого позже охарактеризовали как «смешного и впоследствии дискредитированного любителя половить рыбки в водах холодной войны» [942]. В этой статье вместо того, чтобы просто опровергнуть обвинения О'Брайена против «Инкаунтера», Рис оклеветал его, подвергая сомнению поведение О'Брайена на посту представителя ООН в Конго несколькими годами ранее. О'Брайен немедленно подал иск по делу о клевете против журнала. По причине отсутствия Ласки (он путешествовал по Южной Америке) и Спендера соредактор «Инкаунтера» Фрэнк Кермоуд, которому не показали колонку Риса перед публикацией, оказался один на один с этой проблемой.

В мае предыдущего года Спендер сообщил Джоссельсону, что он был назначен поэтом-консультантом в Библиотеку Конгресса, американский эквивалент поэта-лауреата (среди его предшественников были Фрост и Лоуэлл, но Спендер стал первым неамериканцем, которому оказали эту честь). Сначала Джоссельсон был в ярости, в июне он писал Маггериджу, что Спендер «был неспособен сопротивляться призыву первой же сирены» [943]. Было решено, что Спендер не будет получать зарплату в «Инкаунтере» в течение года, втечение которого намерен отсутствовать, но Джоссельсон, стремящийся сохранить некоторый финансовый контроль над Спендером, устроил так «чтобы продолжить заботиться о нём вполне красиво» [944]. Он предупредил Маггериджа, что это должно быть «строго конфиденциально». Спендер тем временем посчитал, что Фрэнк Кермоуд станет подходящей заменой, по крайней мере в течение времени, что он будет отсутствовать.

Ласки был рад такому решению. Его отношения со Стивеном (или Стефаном, как он называл его; возможно, по словам Кермоуда, это «своего рода лёгкий укор поэту за то, что он не произносит своего имени на американский манер с буквой «в») всегда были напряжёнными, а теперь и вовсе оказались на пределе. «Насколько хорошими были эти {прошлые) годы, полные работы и многих успехов, настолько плохой частью их являлся Стивен в соседнем офисе, - жаловался он Джоссельсону. - Как я ликовал при каждой потенциальной возможности его отсутствия - и как спокойно было тогда... Я всегда в прошлом (в прошлом году, пять лет назад) отвергал идею замены. Но я иногда даю волю пугающим меня предположениям о том, какова будет моя жизнь рядом с ним в следующие годы... Перспектива жить с этим нытьём, основанным на его собственной, ежедневно обеспокоенной, виноватой совести, получая максимум славы за минимум работы, делая только его собственные книги, пьесы, антологии, статьи, обзоры, передачи... погружает меня в отчаяние. Я не против делать всё это - ведь я люблю это. Я против того, чтобы постоянно быть измотанным этим неудобным чувством

[942]Karl Miller. Dark Horses: An Experience of Literary Journalism (London: Picador, 1998).
[943]Michael Josselson to Malcolm Muggeridge. 25 June 1965 (MJ/HRC).
[944]Там же. Наташа Спендер была смущена указанием Джоссельсона на подобное финансирование, которого, по её словам, никогда не было.

обмана... Неужели он стоит всего этого? Должны ли мы постоянно жить под облаком его неискренности и бесхарактерности?» [945] Джоссельсон в конечном счёте согласился с Ласки, что «чем больше времени Спендер проводит в Лондоне, тем больше существует шансов для развития конфликтов, нытья и сплетничанья с его внешним друзьям» [946].

Но у самых близких к Джоссельсону людей также были сомнения и относительно Кермоуда. Хотя никто даже и не приблизился к незабываемой характеристике, которую дал ему Филипп Ларкин (Philip Larkin), - «пьяный альфонс-выскочка» (он также дразнил его в стихе: «Я обернулся и показал свою задницу Кермоуду»). А Эдвард Шиле исчерпывающе охарактеризовал его: «посредственный маленький профессор» [947]. Роби Маколей говорил Джоссельсону, что он {Кермоуд) не нравился ему как человек, хотя ему и симпатична его манера писать. «Я благодарен за ваши замечания по Кермоуду, - ответил ему Джоссельсон. - Мне тоже нравится, как он пишет, но я не встречал его лично. Из того, что вы говорите о нём как о человеке, я могу предположить, что в дальнейшем с ним могут возникнуть проблемы... В то же время, если Кермоуд докажет, что он достаточно силён, он сможет многое сделать для журнала, так как литературная часть, включая раздел обзоров, очень слабая» [948].

В том же самом письме Джоссельсон сделал необычное признание: «У меня есть и свои проблемы с «Инкаунтером». Я начинаю уставать от него. Я не признавался в этом никому больше, кроме Дианы, которая чувствует то же самое. Я считаю, что «Нью-Йоркское книжное обозрение» намного более захватывающее и получаю большее удовольствие даже от «Комментария» [949].

Несмотря на протесты внутреннего круга Джоссельсона, летом 1965 года Кермоуд был официально приглашён в журнал на должность соредактора Ласки. Кермоуд, который понимал, что его пригласили заниматься только литературными вопросами, считал странным, что неоспорим босс Ласки не выбрал кого-то более квалифицированного, кого-то, кто по крайней мере жил бы в Лондоне (Кермоуд проживал в Глостершире и преподавал в Бристоле). Фактически именно удалённость Кермоуда от ежедневного управления журналом сделала его прекрасным кандидатом. «То, что я считал своим недостатком, была фактически моим основным достоинством. Где-то у меня в голове или сердце, смешиваясь с чистым тщеславием... моё нежелание игнорировать неправильный путь, я знал, на что настраивался» [950].

Тем не менее Кермоуд принял предложение. Он немедленно обнаружил, что «вся деятельность «Инкаунтера» была покрыта тайной». Он не мог выяснить ни тиража журнала, ни как он действительно

---

[945]Melvin Lasky to Michael Josselson. Undated (MJ/HRC).
[946]Michael Josselson. Memo for the Record: Talks with Muggeridge, London 25 and 28 February 1964, 3 March 1964 (MJ/HRC).
[947]Edward Shils to Michael Josselson. 2 November 1967 (MJ/HRC).
[948]Michael Josselson to Robie Macauley. 30 December 1965 (MJ/HRC).
[949]Там же.
[950]Frank Kermode. Not Entitled: A Memoir (London: Harper Collins, 1996).

финансировался. Его участие в вёрстке журнала было сильно ограничено, и скоро он пришёл к заключению, что «не было бы большого отличия, если бы я никогда не появлялся здесь вовсе» [951].

До Кермоуда, как и до всех прочих, доходили слухи о связях журнала и ЦРУ. Спендер сказал ему, что был «сильно расстроен такими обвинениями, но получил удовлетворение от того, что опровержения, которые пришли от Джоссельсона и Фонда Фарфилда, доказали обратное» [952].

Фактически к тому времени, когда Кермоуд пришёл в журнал, «Инкаунтер» больше не финансировался Конгрессом за свободу культуры, но издавался в «Дэйли Миррор Групп» (Daily Mirror Group) Сесила Кинга (Cecil King) - по крайней мере официально. Соглашение с Кингом было заключено в ответ на серию критических обзоров об «Инкаунтере», которая включала и передовицу «Сандэй Телеграф» (Sunday Telegraph) от 1963 года, упоминавшую о секретных и регулярных субсидиях «Инкаунтеру» от Министерства иностранных дел Великобритании. Такие статьи явно угрожали авторитету журнала, и в начале 1964 года начался поиск частных спонсоров. К июлю того же года редакторы смогли объявить, что в будущем все финансовые и коммерческие дела журнала будут осуществляться через «Интернэшнл Паблишинг Корпорейшн» (ИПК, International Publishing Corporation) Сесила Кинга. Как часть этого соглашения был создан управляющий фонд, в который входили Виктор Ротшильд, Майкл Джоссельсон и Артур Шлезингер.

Что касается Шлезингера, то он был приглашён в фонд, несмотря на предупреждение Шилса: «Это просто сократит время, в которое искажённая версия событий от Спендера достигла бы Шлезингера и от Шлезингера - «нью-йоркской банды» [953]. Джоссельсон имел более широкое представление о происходящем и аргументировал свою позицию: «Преждевременная смерть президента Кеннеди оставила Артура безработным... Я подумал, что это будет хороший жест с нашей стороны, обеспечить ему по крайней мере ежегодный выезд в Европу, что он не смог бы сделать самостоятельно» [954].

Об этой новой договорённости Малкольм Маггеридж пренебрежительно написал Джоссельсону: «Я теперь понимаю, что фактически предложение Кинга по финансовой ответственности ничего не изменит. Он (или скорее Государственная налоговая служба) будет платить наличными вместо Конгресса. Другими словами всё будет, как и было... Я частично принимал участие в открытии «Инкаунтера» и впоследствии пробовал помогать ему...

---

[951]Там же.

[952]Ричард Воллхейм помнит, как он ознакомил Ласки и Спендера с этими слухами за несколько лет до того, как его попросили войти в совет Encounter. «Мы обсуждали это весь обед в каком-то клубе, и я спросил про подтверждение слухов, которые тогда ходили вокруг ЦРУ. Ласки сказал: «Нет ничего проще. Ты можешь изучить мнения и решить сам для себя». А Стефан посмотрел с облегчением и сказал: «Слушай, там нет и доли правды». Но тогда Ласки добавил: «Конечно, мы не собираемся этого делать. Зачем нам раскрывать детали наших дел ради каких-то там Тома, Дика и Гарри, которые верят слухам?». Пребывая в шоке от этих слов, Стефан больше ничего не говорил. Воллхейм отверг предложение войти в совет». Richard Wollheim. Telephone interview, December 1997.

[953]Edward Shils to Michael Josselson. 28 February 1964 (MJ/HRC).

[954]Michael Josselson to Malcolm Muggeridge. 27 April 1964 (MJ/HRC).

{журнал был успешен, но) из-за обстоятельств, при которых он был основан - позднее вовлечение в фазу холодной войны, которая закончена; слишком близкая и откровенная связь с Конгрессом, хотя это и было основным условием его появления, которая теперь стала неудобной и ненужной. Я надеялся, что изменение в решении финансовых вопросов могло бы обеспечить возможность до некоторой степени обойти эти опасности. Я теперь вижу, что ошибался» [955].

Как Маггеридж хорошо знал, сделка с Кингом удерживала «Инкаунтер» в поле разведки. Для начала Конгресс за свободу культуры, вопреки общественным заявлениям, не стал полностью отказываться от редакторского и даже финансового контроля над журналом. Джоссельсон позднее пояснил в письме: «Один аспект проблемы, связанной с привлечением издателей для некоторых наших журналов, - заключается в том, что мы должны найти таких издателей, которые не будут ни вмешиваться в содержание, ни в основную линию журнала и не будут заменять выбранных нами редакторов. Нам повезло в этом отношении - найти Сесила Кинга в Англии и Фишер Ферлаг (Fischer Verlag) в Германии {которое купило «Монат»), но такие люди или издательства редки» [956]. Фактически соглашение с Кингом констатировало, что «редакционные зарплаты двух старших соредакторов и частично вознаграждение для заместителя редактора останутся в ведении Конгресса». Как заявил Джоссельсон «эти расходы и раньше не были напрямую связаны с расходами на «Инкаунтер», и они и далее будут отдельной статьёй расходов» [957].

Остальную часть регулярных дотаций журналу от Конгресса - 15 тысяч фунтов стерлингов ежегодно - должна была переадресовываться в форме прямого гранта «Инкаунтер букс Лтд» (Encounter Books Ltd). Соглашение с Фишер Ферлаг имело те же особенности: якобы «Интернэшнл паблишинг компани» взяла на себя издательскую деятельность «Монат». В действительности же Конгресс оставался владельцем журнала после того, как было куплено 65% акций в этой компании со «специальным фантом 10 тысяч долларов США». Эти акции были «переданы в управление {через посредника) Конгрессу» [958].

В обоих случаях Конгресс оставался редакционным арбитром, хотя и скрывал как своё влияние, так и финансовые обязательства. Более того, по словам Маггериджа, к 1966 году, имея в составе совета попечителей Виктора Ротшильда, сэра Уильяма Хэйтера (William Hayter) и Эндрю Шонфилда (Andrew Schonfield) - «ужасное трио», «Инкаунтер» оказался так тесно связан с британской разведкой, будто всегда был её частью. Прежде чем стать ректором Нью-колледжа, Хэйтер был послом в Москве, а затем помощником заместителя министра в Министерстве иностранных дел Великобритании. До этого он являлся главой Управления связи взаимодействия видов ВС и председателем британского Объединенного

[955]Malcolm Muggeridge to Michael Josselson. 9 June 1964 (MJ/HRC).
[956]Michael Josselson to James Perkins. 20 July 1966 (MJ/HRC).
[957]Michael Josselson to Cecil King. 10 May 1964 (MJ/HRC).
[958]Michael Josselson to Ulrich Biel. 14 May 1964 (MJ/HRC).

комитета разведывательных служб. На этом посту он работал со специалистами объединённого штаба по вопросам планирования, занимался вопросами разведки, посещал различные пункты британской разведки за рубежом.

Именно предложение Хэйтера, призывающее к использованию средств психологической войны в ходе холодной войны, датируемое декабрём 1948 года, помогло убедить кабинет Эттли создать Департамент информационных исследований, с которым впоследствии тесно работал и Хэйтер. В Винчестере он учился вместе с Ричардом Кроссманом, а в Нью-колледже - с Хью Гайтскеллом. Как и они, он был социал-демократом и симпатизировал лейбористскому крылу, которое «Инкаунтер» под руководством Ласки так усердно обхаживал. Эндрю Шонфилд, директор Королевского института международных отношений, был также хорошо известен разведывательному ведомству. Виктор Ротшильд, конечно же, выступал в качестве представителя Министерства иностранных дел. Члены этой сети чувствовали себя наиболее комфортное Сесилом Кингом, который, согласно «Спайкетчеру» (Spycatcher) Питера Райта, был сам «давним контактом» МИ-5 - организации, сотрудничество с которой сделало его сочувствующим тайным культурным операциям ЦРУ.

Но усилия Джоссельсона по спасению агентов Конгресса от дискредитирующих обвинений были обречены на неудачу. Теперь дыра была больше, чем лодка. Если раньше на регулярных дневных приёмах в Лондоне, Париже и Нью-Йорке в течение многих лет циркулировали лишь неопределённые слухи, то теперь они начинали превращаться в реальные факты. Позже Мэри Маккарти говорила своему биографу Кэролу Брайтману, что приблизительно в 1964 году Джоссельсон перехватил её письмо для «Нью-Йорк Таймс», в котором она отстаивала независимость журналов Конгресса, «потому что он знал, что это неправда». Он сказал: «Перестань, дорогая. Забудь это». Почему же Управление не оставило Конгресс в покое, а продолжало держать его под колпаком? Конгресс, который сам был способен в полной мере заботиться о себе и о своих собственных органах? Что это - спесь или тщеславие, что вдохновляло то злополучное решение цепляться за Конгресс, когда сам Джоссельсон умолял о независимости? По словам Дианы Джоссельсон, «они за него держались... потому что это был один из их немногих успехов. Но они должны были его отпустить, если действительно заботились о целостности Конгресса» [959].

Но у секретной операции есть и бюрократическая составляющая, которую трудно сломать. В течение двух десятилетий работа сотрудников ЦРУ обуславливалась проектной системой, которая поощряла расширение, а не сокращение. Управление, придавая чрезмерное значение развитию слоноподобной всемирной тайной инфраструктуры, не заметило, что риск вскрытия такой системы увеличивался по экспоненте. «Это - единственная страна в мире, которая не признаёт тот факт, что некоторые вещи лучше, если они меньше» [960], - прокомментировал позже Том Брейден.

---

[959]Diana Josselson. Interview, Geneva, May 1996.
[960]Tom Braden. What's Wrong with the CIA? Saturday Review, 5 April 1975.

«Никто, конечно, как предполагалось, не знал, откуда финансировался Конгресс, - утверждал Джейсон Эпштейн. - Но к середине 1960-х тот, кто не знал этого, был глупцом. Все знали. В то время директор Фонда Фарфилда {Джек Томпсон) был моим хорошим другом, и я поспорил бы с ним и сказал бы: «О, давай не будем, Джек, какой смысл притворяться?». А он бы ответил: «О нет, нет, нет. Это совершенно не так. Мы - независимое образование и ничего не имеем общего с ЦРУ» [961]. Однажды, обедая со Спендером, Эпштейн заметил: «Стивен, я думаю, что за всё платит Центральное разведывательное управление США, а вам не сказали, и вы должны выяснить прямо сейчас, что же происходит». Спендер ответил: «Я выясню, я собираюсь поговорить с Джеком Томпсоном и узнать прямо сейчас, правда ли то, что вы мне говорите».

Некоторое время спустя Стивен позвонил Эпштейну и сказал: «Ну, я действительно поговорил с Джеком, и он ответил мне, что это не так, и я думаю, что это неправда». «Так всё и пошло, - заметил Эпштейн позже. - Никто не хотел признавать, что финансирование действительно было. Но я думаю, что все всё знали, но никто не хотел ничего говорить» [962].

Спендер отслеживал слухи как минимум с 1964 года. Письмо от Джона Томпсона Спендеру, датированное 25 мая 1964 года (за три месяца до разоблачений Пэтмана), в котором Томпсон отклонил как смешное утверждение, что Фонд Фарфилда был прикрытием для американского правительства [963], является доказательством этого. Два года спустя Спендер написал письмо Юнки Флейшману, в котором поднял тот же самый вопрос о финансировании. Агент ЦРУ и директор фонда Фарфилда Фрэнк Платт переслал письмо Спендера Джоссельсону с примечанием на конверте: «Сожалею, что это письмо к Юнки добиралось до вас так долго, но оно дошло». Только после того как письмо Спендера было просмотрено ЦРУ, Флейшман добавил собственные яркие опровержения в письме к Спендеру: «Конечно, так как здесь участвует Фонд Фарфилда, мы никогда не принимали никакого финансирования ни от какого правительственного учреждения» [964]. Это было, конечно, грубым обманом.

Согласно истории, рассказанной Мэри Маккарти, Спендер когда-то услышал экстраординарное признание от Николая Набокова. Маккарти утверждала, что сам Спендер ей рассказал об этом случае: однажды, когда он ехал в такси с Набоковым, внезапно тот повернулся к нему и просто всё ему выложил, а затем выскочил из такси. «Это была история уже из вторых рук, переданная мне от Мэри, - признала биограф Маккарти Кэрол Брайтман. - Но вы можете вообразить себе, как это произошло. Вы можете предположить, что такие инциденты, как этот, происходят десятки раз, снова и снова. И это, должно быть, являлось своего рода шуткой» [965]. «Я думаю, что Набоков надул Стивена с самого начала» [966], - позже уточнила

---

[961]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.
[962]Там же.
[963]John Thompson to Stephen Spender. 25 May 1964 (MJ/HRC).
[964]Julius Fleischmann to Stephen Spender. 16 September 1966 (MJ/HRC).
[965]Carol Brightman. Interview, New York, June 1994.
[966]Natasha Spender. Interview, Maussane, July 1997.

Наташа Спендер. Конечно, Спендер знала о слухах с 1964 года и даже раньше, как показал подсчёт Воллхейма.

Тем не менее Спендер поставил свою подпись под именами Кристола и Ласки в письме, направленном в «Нью-Йорк Таймс» и датированном 10 мая 1966 года, в котором утверждалось: «Мы не знаем ни о каких «непрямых» пожертвованиях... мы - сами себе хозяева и не являемся частью чьей-либо пропаганды, отстаивали независимость Конгресса за свободу культуры в защите писателей и художников как на Востоке, так и на Западе против преступлений всех правительств, включая и США» [967]. Неофициально Спендер не был уверен, что всё это было правдой. «Я должен был быть раздражён отголосками всех ваших разговоров, которые я слышу со всех сторон по всему миру, - позже был обязан написать Джоссельсон. - Статья «Нью-Йорк Таймс», вероятно, ваша любимая тема для разговоров в эти дни, и вы поднимаете её со всеми, с кем говорите, и более того, кажется, добровольно предлагаете своё согласие с утверждением «Нью-Йорк Таймс» {относительно поддержки ЦРУ «Инкаунтера») без какого-либо доказательства» [968].

За неделю до того как письмо Кристола-Ласки-Спендера было опубликовано, из Парижа в Нью-Йорк прилетел Джон Хант. Он отправился прямо в Принстон, где встретился с Робертом Оппенгеймером, чтобы обсудить заявления «Нью-Йорк Таймс» и спросить, есть л и ещё какой-нибудь способ, чтобы он и ряд других людей согласились поставить своё имя под письмом, свидетельствуя о независимости Конгресса. Оппенгеймер был рад угодить.

Стюарт Хемпшир, который также находился в Принстоне, позже вспоминал, что «Оппенгеймер был удивлён моим удивлением и поражён моим расстройством от разоблачений, сделанных в «Нью-Йорк Таймс». Да, я был расстроен.

Были люди, которые оказались в ужасном положении. Оппенгеймер не был удивлён, потому что он сам был наполовину в таком же положении. Он всё хорошо знал. Он был частью аппарата. Я не думаю, что это доставляло ему моральные страдания. Если вы проимперски настроенный человек, какими были американцы в то время, вы не сильно думаете о том, правильно это или нет. Это похоже на британцев в XIX веке. Вы просто делаете это» [969].

Письмо ушло в «Нью-Йорк Таймс» 4 мая и было опубликовано 9 мая, буквально за день до письма Спендера - Ласки - Кристола. В письме, под которым стояли подписи Кеннета Гэлбрайта, Джорджа Кеннана, Роберта Оппенгеймера и Артура Шлезингера, утверждалось, что «Конгресс... был полностью свободным органом, который отвечал только на пожелания его членов, сотрудников и на решения его Исполнительного комитета» [970]. Но в письме связь с ЦРУ явно не отрицалась, что вынудило Дуайта Макдональда

---

[967]Melvin Lasky, Irving Kristol, Stephen Spender. Letter to New York Times, 10 May 1966.
[968]Michael Josselson to Stephen Spender. 2 October 1966 (MJ/HRC).
[969]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.
[970]Kenneth Galbraith, George Kennan, Robert Oppenheimer, Arthur Schlesinger, Jr. Letter to New York Times, 9 May 1966.

дать комментарий: «Был дан уклончивый ответ, не ложь, но и не решение проблемы» [971]. Шлезингер позже утверждал, что письмо было его идеей, и он связался с Оппенгеймером и другими, чтобы попросить их о сотрудничестве. Однако, учитывая временные рамки, текст письма был согласован с Хантом прежде, чем оно покинуло Оппенгеймера.

Только несколько человек смогли распознать эту хитрость. Ангус Камерон (Angus Cameron), редактор Говарда Фаста в «Литлл Браун», который ушёл в отставку в знак протеста, когда фирма отклонила книгу «Спартак» в 1949 году, прокомментировал: «Вообще говоря, я думаю о либералах как о людях, которые поддерживают существование истеблишмента, по мелочам критикуя его со стороны, и которые всегда могут положиться на поддержку этого истеблишмента, когда наступает решающий момент. Артур Шлезингер - классический пример либерала» [972]. Бумаги в собственных архивах Шлезингера также свидетельствуют об этом. Он был источником информации, консультантом (возможно, даже платным), другом, коллегой Фрэнка Уизнера, Аллена Даллеса и Корда Мейера. Он переписывался с ними больше двух десятилетий на темы Американского комитета за свободу культуры, «Инкаунтера», пастернаковского «Доктора Живаго» и многие другие. Он даже помогал ЦРУ организовывать освещение тем, которые оно хотело «подсветить», договариваясь в одном случае, по предположению Корда Мейера, что он, Шлезингер, предложит редактору итальянского журнала «публиковать ряд статей по проблеме гражданских свобод в советской системе как дополнение к статьям по статусу гражданских свобод в США» [973].

И кто же должен был сомневаться в честности Шлезингера, члена «кухонного кабинета Кеннеди» (группы влиятельных советников из числа друзей президента Кеннеди. - Прим. ред.)? Среди всех этих манёвров Фрэнк Кермоуд должен был увидеть отличную возможность, чтобы воспользоваться советом в деле по обвинению в клевете О'Брайена против «Инкаунтера». Юрисконсульт рекомендовал выстроить свои действия на основе скрытой юридической защиты, так называемой «квалифицированной привилегии» (привилегия или иммунитет под условием соответствия лица установленным требованиям. - Прим. ред.).

Общий друг Кермоуда и О'Брайена убеждал первого не отстаивать судебный иск. Кермоуд колебался. Затем, будучи приглашён на обед в «Гаррик клаб» (Garrick Club) с Джоссельсоном, он получил торжественное заверение, что никакой правды в утверждениях О'Брайена вообще не было. «Я достаточно стар, чтобы годиться вам в отцы, - сказал Джоссельсон, - и я не более буду лгать вам, чем я солгал бы собственному сыну». Джоссельсон, конечно, лгал. «Майкл был полон решимости защищать Конгресс от разоблачений, негативно влияющих на его репутацию, и я тоже, - вспоминала Диана Джоссельсон позже. - Я нисколько не сомневалась, когда лгала. Мы как будто совершали двойное действие» [974]. «Правда была только

[971]Dwight Macdonald to Michael Josselson. 30 March 1967 (MJ/HRC).
[972]Angus Cameron. Цитата из Natalie Robins. Alien Ink.
[973]Cord Meyer to Arthur Schlesinger. 1 February 1954(SCHLES/JFK).
[974]Diana Josselson. Interview, Geneva, May 1996.

для внутреннего пользования, - написал Том Брейден позже. - Для посторонних сотрудники ЦРУ приучены лгать, лгать сознательно и намеренно, без малейшего чувства вины, которое испытывают большинство людей, когда они говорят преднамеренную ложь» [975].

Что же ещё сделал Майкл Джоссельсон кроме того, что пригласил Кермоуда пообедать в «Гаррик клаб»? Судебное разбирательство с «Инкаунтером» выявило бы необычное финансирование журнала и особенности его издания, которые были бы особенно смущающими в свете повторных официальных опровержений. И ещё любопытно: Джоссельсон не гарантировал, что всё это будет улажено в суде, и вместо этого позволил Кермоуду продолжать действовать. О'Брайен даже предложил отозвать иск, если извинение будет напечатано. Конечно, у Джоссельсона была возможность всё остановить, но он не сделал этого.

Тем временем Конор Круз О'Брайен, принял решение подать иск о клевете в Дублинский суд. К ужасу Кермоуда, он узнал, что в Ирландии так называемая защита «квалифицированной привилегии» не действовала. Юрисконсульты «Инкаунтера» теперь рекомендовали просто проигнорировать этот иск, поскольку у журнала не было активов в Ирландии. Но прежде чем у Кермоуда появилось время, чтобы рассмотреть этот совет, его застали события, которые сделал защиту «Инкаунтера» просто ненужной.

---

[975]Tom Braden. What's Wrong with the CIA? Saturday Review, 5 April 1975. Корд Мейер выражал оптимистичное отношение. В своих мемуарах он написал: «Американская помощь демократическим политическим партиям и институтам казалась необходимой для выживания свободного и плюралистического общества в Западной Европе. Меня не беспокоило то, что наша помощь должна была держаться втайне. Европейские политические лидеры и деятели культуры, которые просили нас о помощи в неравной борьбе с финансируемым СССР системой, выдвигали условие, что эта помощь не будет предана огласке, так как машина коммунистической пропаганды могла использовать любые открытые доказательства официальной американской помощи в качестве подтверждения того, что они были марионетками американского империализма. Осторожность и секретность требовались для того, чтобы наша помощь не обернулась против нас самих». Cord Meyer. Facing Reality.

24. Вид с «Крепостного вала»

Девочка в Норфолке в штате Вирджиния предъявляла иск мужчине за предполагаемое насилие. Судья спросил её: «Когда произошло насилие?» «Когда это происходило, судья? - ответила она. - Да ведь, чёрт, это было насилие, насилие, насилие на протяжении всего лета». Майкл Джоссельсон (Michael Josselson)

В начале 1966 года, ЦРУ узнало, что калифорнийский журнал «Рампартс» (Ramparts, «Крепостной вал») в своих расследованиях вплотную подобрался к сети организаций, служащих прикрытием Управлению. Ричард Хелмс, заместитель директора по планированию, немедленно назначил специального помощника, чтобы собрать «информацию о журнале «Рампартс», включая любые доказательства подрывной деятельности {и) предложения {ЦРУ) по созданию противодействия» [976]. До мая 1966 года Хелмс предоставлял в Белый дом внутреннюю информацию по «Рампартсу» как часть кампании с целью оклеветать журнал, его редакторов и спонсоров. Большая часть информации, предоставленной Хелмсом, была собрана самим Управлением, с любезно предоставленной ФБР дополнительной грязью [977].

Хелмс был убеждён, что «Рампартс» использовался Москвой как локомотив советских интересов, и приказал провести полное расследование его финансирования, но не нашёл доказательств зарубежных связей издания.

После прочтения досье с информацией по «Рампартсу», помощник президента Питер Джессап (Peter Jessup) составил справку с запоминающимся названием «Правый кросс в левый висок», в которой, в частности, говорились: «Принимая во внимание ориентацию деятельности «Рампартса» на очернение правительства и неясности с его спонсорством, можно подумать, что некое правительственное агентство будет распутывать все связующие нити» [978].

А неделю спустя журнал «Хьюман ивентс» (Human Events) опубликовал грязную клеветническую статью под заголовком «Секретная история журнала «Рампартс». На журналистов издания навесили ярлыки «ищеек», «чудаков», «чревовещателей» и «бородатых новых леваков», одержимых лозунгом «Америка вон из Вьетнама!». Подписанная неким М.М. Мортоном (M.M. Morton), представленным «экспертом по вопросам внутренней безопасности», статья имела все признаки производства ЦРУ. Тоже напечатали «Ньюс Уикли» (News Weekly) - «Кто на самом деле сотрудники издания «Рампартс» ?», и «Вашингтон стар» (Washington Star); оба издания объявляли об имеющихся «серьёзных сомнениях относительно честности «Рампартса», который известен как «не только любитель сенсационных

---

[976]Final Report of the Church Committee, 1976.

[977]Ramparts, как и другая подрывная литература, обрёл своих главных читателей в штаб-квартире ФБР. В 25-страничной записке ФБР анализировались «темы» журнала, вероятно, для того, чтобы разработать план, как ему насолить. Доклад ЦРУ, сопровождавший записку, заключал, что большинство писателей, обозначенных в глоссарии издания Ramparts, чаще всего и наиболее неистово поднимали в публикуемых статьях коммунистические темы.

[978]Peter Jessup to Walt Rostow. 4 April 1967 (NSF/LBJ).

разоблачений, но и любитель сенсационных разоблачений с враждебными целями».

Больше года ЦРУ делало всё, что возможно, чтобы утопить «Рампартс». Как позднее признался заместитель генерального инспектора Эдгар Эпплуайт: «У меня в распоряжении были все виды грязных трюков, чтобы навредить их распространению и сорвать их финансирование. Люди, управляющие «Рампартсом», были беззащитны перед шантажом. Мы держали в уме много ужасных вещей, некоторые из которых реализовали... Нас не слишком сдерживал тот факт, что ЦРУ не должно заниматься вопросами внутренней безопасности в Соединенных Штатах» [979].

Удивительно, что, несмотря на жёсткость действий ЦРУ, «Рампартс» всё-таки выжил и досказал свою историю. Как и опасались в ЦРУ, «Рампартс» не свернул с курса и издал своё расследование тайных операций Управления. Расследования журнала, опубликованные в апреле 1967 года, были моментально подхвачены центральными газетами. Последовала волна разоблачений, которая привела, по словам одного комментатора, к тому, что «теперь очень долгое время каждое политическое общество, благотворительный фонд, студенческая организация и бейсбольная команда в Америке будут идентифицироваться как прикрытие Центрального разведывательного управления США» [980].

Конечно, раскрыты были не только внутренние американские организации, действующие как прикрытие ЦРУ. Как только появилась подробная информация по финансированию Управлением Конгресса за свободу культуры и его изданий, сразу выяснилось: всё, что говорил О'Брайен о журнале «Инкаунтер», оказалось правдой. Спендер, который на момент развития этой истории всё ещё находился в США, просто сломался. Отчаявшись удержать его, Джоссельсон и Ласки обратились к Исайе Берлину, который, как было известно, «успокаивающе влиял на темперамент Стивена» и в то время преподавал в Университете Нью-Йорка. «Уважаемый Исайя Менделевич, - писал Джоссельсон в своём письме от 8 апреля, - то, о чём я хотел бы поговорить с вами, не очень удобно обсуждать по телефону. Я серьёзно обеспокоен тем, что Стивен и «Инкаунтер» стали настоящими жертвами текущей неразберихи, и тем, продолжит ли Стивен (как и Наташа в Лондоне) подливать масло в огонь. Я по-настоящему люблю их обоих, поэтому и беспокоюсь, и я также знаю, что если кто-то и может повлиять на Стивена, так это вы. Ситуация действительно серьёзная, но определённо будущее «Инкаунтера» не может быть спасено путём принятия радикальных мер под давлением» [981].

«Действительно, проблема со Стивеном и «Инкаунтером» существует, а Артур {Шлезингер), который только что сообщил Ласки, что вопрос решён и нет необходимости встречаться по этому поводу в Лондоне, думаю, был несколько оптимистичен, - ответил Берлин в своём письме. - Независимо

[979]Edgar Applewhite. Цитата из Evan Thomas. The Very Best Men.
[980]Andrew Kopkind. CIA: The Great Corrupter, New Statesman, 24 February 1967.
[981]Michael Josselson to Isaiah Berlin. 8 April 1967 (MJ/HRC).

оттого, какая может быть реакция здесь... данный вопрос, вероятно, будет поднят и в Лондоне, так как и Стивен и Кермоуд, как говорят, встревожены.

Мне кажется, каким бы ни было будущее «Инкаунтера»... есть смысл опубликовать заявление, говорящее читателям, что редакторы «Инкаунтера» не знали об источниках финансирования Конгресса за свободу культуры - что будет правдой, во всяком случае, для большинства из них. Сколько Ласки знал или не знал, я, конечно, не скажу... Во всяком случае, я думаю, что вы, возможно, должны, порекомендовать провести встречу соответствующих сторон в Лондоне с целью урегулирования этой проблемы. Проведение телефонных переговоров со Стивеном в Чикаго, другими - в Лондоне, Артуром - в Нью-Йорке, вами - в Женеве и прочими будет недостаточным. Вы никогда не сможете видеть ситуации в целом, если не будет некоей встречи, чтобы уладить моральное, интеллектуальное и организационное будущее «Инкаунтера» [982].

В Лондоне тем временем Кермоуд безнадёжно проиграл дело по обвинению в клевете. Более того, он был убеждён, что хотя новое финансирование «Инкаунтера», проводимое Сесилем Кингом, «было совершенно законным», журнал «оставался всё ещё под непрямым (каким бы искусным он ни был) контролем ЦРУ». Кермоуд написал Ласки, чтобы уточнить свои жалобы и сообщить ему: «В отсутствие очень убедительных объяснений я не могу продолжать работать с ним. Он не ответил на письмо, но появился в Глостершире, чтобы поговорить обо всём. Когда мы прохаживались час за часом вокруг сада и загона, он дал мне самый полный отчёт, какой возможно было ожидать при его отношении к Конгрессу и истории с «Инкаунтером» [983]. Это был тот самый момент так называемого признания Ласки: он сказал Кермоуду, что знал о поддержке, осуществляемой ЦРУ на протяжении нескольких лет, но не мог объявить об этом публично.

Вскоре после этого - и при посредничестве Исайи Берлина - было созвано экстренное совещание совета попечителей «Инкаунтера» с участием Ласки, Кермоуда, Спендера (который прилетел обратно из Штатов), Эдварда Шилса, Эндрю Шонфилда и Уильяма Хэйтера. Они встретились в отдельном кабинете, в ресторане «Скотт» на Хеймаркет, на расстоянии всего нескольких метров от офиса «Инкаунтера». Шиле и Шонфилд защищали действия ЦРУ, но Кермоуд и Спендер заявляли о своём намерении уйти в отставку. Ласки отказался уходить в отставку и яростно выступил против Спендера, называя его лицемером. Затем Ласки сбросил на Спендера информационную бомбу.

Спендеру стоило перестать кичиться своей нетронутой добродетелью в вопросе о финансировании из ЦРУ и признать следующий факт: его зарплата в течение многих лет являлась скрытой дотацией Министерства иностранных дел. По воспоминания Кермоуда, «Спендер сильно

---

[982]Isaiah Berlin to Michael Josselson. 16 April 1967 (MJ/HRC).
[983]Frank Kermode. Not Entitled.

разволновался и объявил, что пойдёт в Национальную галерею, где ему нужно посмотреть на определённую картину, чтобы успокоиться» [984].

Когда Спендер вернулся домой на улицу Сент-Джонс-Вуд, он был, как сказала Наташа, «потрясён и сердит. Мелвин, видимо, что-то сказал Стивену о его зарплате, оказавшееся для него абсолютно непостижимым» [985]. Спендер решил прояснить этот вопрос раз и навсегда, поговорив с Маггериджем. «Малкольм был фактическим работодателем Стивена. Так получилось, что Спендер поговорил с Китти, которая сообщила, что Малкольм не может связаться с ним, так как он в Шотландии. В эту минуту Малкольм лежал плашмя лицом вниз в алтаре шотландского цистерцианского монастыря, снимаясь для телевизионной программы Би-би-си под названием «Жёсткое ложе» (A Hard Bed to Lie On). Как бы то ни было, спустя час Малкольм ему перезвонил. К этому времени Стивен уже был в ярости. Я по второму телефону смогла услышать их разговор. Стивен сказал: «Малкольм, вы всегда говорили мне, что моя зарплата приходит из «Дэйли Телеграф» (Daily Telegraph) от Александра Корда».

Малкольм ответил: «Да, я так говорил, дорогой мой, но кто может побиться об заклад, откуда она поступала в действительности». Вы знаете эту сцену из «Тридцати девяти ступеней», где герой ищет человека с недостающим пальцем? Там есть такой страшный момент, когда он понимает, кто этот человек. Вот это - то чувство, которое было у нас, когда Маггеридж наконец признал это» [986].

Позднее Эрик Бентли (Eric Bentley) сказал Спендеру, что Ласки также был в курсе: «Мэл сказал мне, что слухи, которые я слышал в течение многих лет, были беспочвенны. Когда же год назад началось всё это зудение, я попросил, чтобы он сказал категорическое «нет» в ясно сформулированном письме... Тишина. С того времени у меня следующее отношение: Мэл может продолжать свою холодную войну» [987]. После несдержанной вспышки против Спендера и допущенной оплошности в раскрытии источника зарплаты Спендёра положение Ласки сильно пошатнулось. Ласки заручился полной поддержкой Сесила Кинга, который отвергал все требования его отставки, утверждая: «Вне всякого сомнения, было бы безумием для нас вместе с водой выплеснуть и ребёнка» [988].

Он обратился к Исайе Берлину, написав ему 13 апреля елейное письмо: «Вы были такой значительной частью нашей истории - наших побед и, увы, наших падений, - и я думаю, что должны обладать полной информацией» [989]. Ласки написал о достигнутой договорённости: «Мы должны закончить эту историю, сделав достойное заявление, а также уладив дело с О'Брайеном... просто и быстро, если это возможно, на основании погашения выплат

---

[984]Там же.
[985]Natasha Spender. Telephone interview, May 1997.
[986]Там же.
[987]Eric Bentley to Stephen Spender. Undated. Я признательна Наташе Спендер за то, что она показала мне эти письма.
[988]Cecil King to Michael Josselson. 28 April 1967 (CCF/CHI).
[989]Melvin Lasky to Isaiah Berlin. 13 April 1967. Я признательна доктору Генри Харди за то, что он показал мне эти письма.

О'Брайену и публикации десяти строк с извинениями, которые он хочет. Почему бы и нет? Эмоции можно проявлять, но руководствоваться нужно только разумом». Ласки закончил своё письмо с просьбой к великому философу: «Черкните мне несколько слов с вашими мыслями и советом. Как вы знаете, они имеют для меня большое и глубокое значение!» [990].

Это был подхалимский тон по отношению к человеку, почитаемому многими как «пророк», и которого Ласки за глаза презрительно называл «большой шишкой» и «молчальником» (человеком, занимающим выжидательную позицию, опасаясь высказывать своё мнение. - Прим. ред.) [991]. Проблема с Берлином, сказал Ласки, была в том, что «он не был крестоносцем. Есть крестоносцы с характером, которые заявляют, что и дьявола потаскают за хвост, а есть и более осторожные. В накале борьбы вы чувствуете себя обманутым и хотите воскликнуть, как Генрих IV: «Где же вы были?» [992].

Но Берлин всегда был там, где нужно, - мудрец, к которому вашингтонская элита обращалась все эти годы, когда впервые возникла идея привлечь к себе левых некоммунистов. Возможно ли такое, что он яг знал о причастности ЦРУ к этому? Есть предположение, что знал, хотя и не изъявлял желания принимать активное участие. Стюарт Хемпшир вспоминал, что Берлина неоднократно обхаживали сотрудники разведывательного ведомства: «Они постоянно совершали различные подходы к Берлину, стараясь вовлечь его поглубже. Я помню, они как-то пытались найти к нему подход и в Аспене, в Колорадо - это было ЦРУ, без сомнения, потому что они считали его идеальным либералом, чтобы возглавить какую-нибудь организацию или что-то подобное. А он сказал, что ему это неинтересно, но он может порекомендовать {кого-либо ещё)» [993].

В другом случае, Берлина «когда-то спросил представитель одного из крупнейших американских фондов, который хотел произвести впечатление знатока в философии: «Что мы можем сделать, чтобы помочь вам? Прагматизм сделал большой вклад, но теперь он в прошлом; как насчёт экзистенциализма?». Берлин моментально представил себе сеть кафе в Париже, финансируемых из ЦРУ, и ответил, что единственное, что ему надо, это «бумага, ручка и случайная дискуссия» [994].

К своему письму Ласки приложил текст редакционного заявления, составленного членами попечительского совета журнала, которое должно было быть напечатано в следующем выпуске «Инкаунтера». «Ввиду недавних газетных сообщений относительно использования средств,

---

[990]Там же.
[991]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.
[992]Там же.
[993]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.
[994]Ben Whitaker. The Foundations: An Anatomy of Philanthropy and Society (London: Eyre Methuen, 1974); По словам Кристофера Хитченса, Исайе Берлину, «вероятно, было уготовано, судя по его происхождению, темпераменту и жизненному опыту, стать одним из тех остроумных и выдающихся «слуг власти», которые украшали и даже повышали её уровень. Но что-то было в нём, что признавало в этом неблагородные и неподходящие устремления и заставляло его противостоять этому там, где он мог». Christopher Hitchens. Moderation or Death, London Review of Books, 26 November 1998.

поступающих из ЦРУ, некоторыми американскими учреждениями, чтобы поддерживать культурные и общеобразовательные организации, мы хотим сделать следующее заявление, - писали они. - Мы встревожены новостью, что большая часть международной американской благотворительности, поступающая от американских организаций, исходила из непрямых и скрытых правительственных субсидий. Такая практика была неблагоразумной, необоснованной и вызывала сожаление. Нам было очень неприятно, когда мы узнали, что некоторые фанты, полученные в прошлом от Конгресса за свободу культуры в Париже, являлись частью таких субсидий, реальные источники которых были так завуалированы. Ведущие писатели и учёные, которые были связаны с Конгрессом в Париже, прояснили, что ни один из спонсоров, известный или неизвестный, никогда не вмешивался в их политику или действия. «Инкаунтер», в свою очередь, с самого начала был независимым и полностью свободным от любой формы вмешательства. В журнале за все издаваемые материалы всегда отвечали только редакторы, а Конгресс ни коим образом и ни в каком случае не принимал участия в редакционной политике... «Инкаунтер» продолжает реализовывать свою свободу издавать то, что ему нравится» [995]. Это заявление никогда не было опубликовано [996].

Берлин, который пока ещё не знал о тайном сговоре Ласки, ответил на его письмо 18 апреля. Он одобрил решение договориться с О'Брайеном без суда, а затем с большим прагматизмом и даже злорадством предложил возможный выход из сложной ситуации: «Вы прекрасно могли сказать, что, как и другие организации, нуждающиеся в финансовой помощи, пошли в Конгресс за свободу культуры; они обратились в другие организации, судя по имеющейся информации, достаточно респектабельные, которые не имеют привычки выяснять источники дохода уважаемых структур и компаний, поддерживающих их. Но в свете последних разоблачений вы оказались в затруднительном положении и чувствуете всеобщую неприязнь от того, что приняли эти средства. Это практически то же самое, что ответил фонд «Азия» {ширма ЦРУ), и это кажется мне вполне подходящим... правильным для «Инкаунтера» будет просто сказать, что вы действовали, не зная таких нюансов... и что теперь, когда вы признаёте как честный журнал тот факт, что вы получали непрямые гранты от ЦРУ, это просто ставит вас в равные условия с очень многими другими организациями, которые, возможно, также не знали, кто был первичным, основным источником их финансирования, или что-то вроде того. Здравомыслящие и доброжелательные люди поймут это; те же, кто к ним не относится - продолжат язвить в любом случае» [997].

Если Берлин и чувствовал какое-либо моральное отвращение к тому сложному обману, который он описывал, то он не показывал этого. Скорее, он заимствовал риторику открытого общества, чтобы защитить то, что в

[995]Melvin Lasky to Isaiah Berlin. 13 April 1967

[996]На последней странице июльского выпуска Encounter за 1967 г. было опубликовано сообщение об изменениях в редакции журнала. Подписанное членам совета попечителей, оно не содержало каких-либо упоминаний о ЦРУ. Isaiah Berlin to Melvin Lasky. 18 April 1967(MJ/HRC).

[997]Isaiah Berlin to Melvin Lasky. 18 April 1967 (MJ/HRC).

действительности было попыткой скрытого управления этого самого общества.

Публично, однако, Исайя Берлин должен был скоро выбрать другой подход. Когда история отношений «Инкаунтера» с ЦРУ раскрылась, он пренебрежительно отрёкся от журнала и обвинил Джоссельсона и Ласки в том, что они «скомпрометировали приличных людей». Его биограф Михаил Игнатьев утверждает, что Берлин был столь же потрясён этими тайными отношениями, как и кто-либо другой, и что «у него, конечно же, не было как официальных, так и неофициальных отношений ни с британской разведкой, ни с ЦРУ» [998].

Высмеивая это утверждение, Кристофер Хитченс (Christopher Hitchens) написал, что «отречение от «Инкаунтера», понятое буквально, означало бы, что Берлин был чрезмерно нелюбопытным, или более унылым, чем нас убеждали, или потратил впустую своё время в Вашингтоне». Двойственная позиция Берлина по этой проблеме в целом происходила от его преданности англоамериканскому наднациональному «взаимопониманию», которое, по словам Хитченса, «часто носило печать реальной политики и, в общем, расчёта» [999].

Встреча членов попечительского совета журнала в ресторане Скотта ничего не решила, и на 21 апреля была назначена вторая чрезвычайная конференция, на которую Артур Шлезингер прилетел из Нью-Йорка. Согласно воспоминаниям Наташи Спендер, на этой встрече было решено, что Ласки должен уйти в отставку, и он согласился. Об этом решение должно было быть объявлено в заявлении попечителей, чтобы потом опубликовать его в «Инкаунтере».

Ласки начал своё заявление с «мощной атаки на Стивена, утверждая, что он должен был знать то, что происходило. Все другие члены попечительского совета заявили Ласки, что это было совершенно неправильно и должно быть убрано из отчёта» [1000], - вспоминала Наташа. Эдвард Шиле сказал, что найдёт работу для Ласки в Чикаго, и на следующей

---

[998]Michael Ignatieff. Isaiah Berlin: A Life (London: Chatto, 1998).

[999]Christopher Hitchens. Moderation or Death, London Review of Books, 26 November 1998. Подлинная природа взаимоотношений Исайи Берлина с британской и американской разведкой, вероятно, никогда не будет распознана. Британский шпион Роберт Брюс Локхарт упомянул несколько встреч в военное время с молодым Берлином, который тогда работал на британское правительство в Вашингтоне. Локхарт был под впечатлением от того, что Берлин работал на руководителя психологическими операциями, но близкие Берлина категорически отрицают это. Также были указания на то, что во время войны Берлин был внесён в тайный список Секретной разведывательной службы (СРС), в специальный раздел, и это означало, что он оказывал услуги СРС в прошлом и согласился работать на неё во время войны. Поговаривали, что Фрея Старк, Грэм и Хью Грины, а также Малкольм Маггеридж также входили в этот список. Что касается американской разведки, по крайней мере можно говорить о том, что у Берлина были неформальные отношения с ЦРУ, чьи члены не постеснялись приблизить к себе философа за его поддержку, по воспоминаниям Стюарта Хемпшира и Лоуренса де Новилля, которые заявили, что Берлину говорили об участии ЦРУ в деятельности Конгресса за свободу культуры. Это всё не означает, что Берлин участвовал в заговорах и тайных операциях, но свидетельствует о степени его приближённости, которая может помочь в дальнейших исследованиях.

[1000]Natasha Spender. Telephone interview, May 1997.

неделе улетел обратно. Но через день после встречи Ласки передумал, говоря, что у него не было намерения уйти в отставку и он не собирался соглашаться на заявление вообще.

За несколько дней до этой встречи Наташе позвонил Майкл Джоссельсон из Женевы «и попросил меня не раскачивать лодку; он говорил и говорил о том, как пытался защитить Стивена. И я сказала: «Чья лодка? Я не думаю, что Стивен и Фрэнк находятся в той же лодке, что и Мэл» [1001].

Будучи не в состоянии успокоить ни Наташу, ни Стивена по телефону, Джоссельсон попробовал другую тактику. В попытке вывести их обоих из борьбы он намекнул Флейшману, что, возможно, Спендеры нуждаются в отпуске. Но это не прошло. «Я была абсолютно разъярена, когда Флейшман, кроме всего прочего, прислал нам телеграмму, спрашивая, не желаем ли мы провести неделю на его яхте, - кипятилась Наташа Спендер. - Мы послали ему его мерзость обратно, и всё. Больше мы никогда его не видели» [1002].

Предложение Флейшмана окончилось ничем, и Джоссельсон написал непосредственно Стивену. Во-первых, он сказал, что комментарии Ласки на встрече совета попечителей о финансировании из Министерства иностранных дел были неправильно поняты, и результатом стало то, что он ссылался на слухи, которые его глубоко встревожили. «Я боялся, что если бы Мэл был достаточно раздражён, он сделал бы то, что в конце концов сделал на встрече попечителей. Я пытался предотвратить это, как мог, вот почему обратился с просьбой к вам и к Наташе не раскачивать лодку слишком сильно и вот откуда мои заверения, что я только пытался защитить всех. Я был особенно встревожен после того, как получил сообщение от Бриджит Ласки (Brigitte Lasky), что Наташа обидела её на недавней вечеринке». Джоссельсон писал, что Наташа Спендер была открыто и чрезвычайно негативно настроена по отношению к Ласки. «Зная причину такого состояния, я прощаю Наташе всё. Но беседа с ней убедила меня, что это был не только вопрос её неприязни к Мэлу, но и её патологической - извините за резкое слово - ненависти к нему» [1003].

Джоссельсон продолжал приносить извинения за вспышку Ласки против Спендера: «Мэл уже сказал мне, как сильно он сожалеет, что позволил себе сорваться», и просил Спендера не уходить в отставку. «Я всё ещё полагаю, что «Инкаунтер» является действительно значительным успехом, и не хотел бы видеть, как он погибнет, причём позорно, если вы трое - потому что, очевидно, Мэл также уйдёт в отставку - не сможете посмотреть на произошедшее менее пристрастно, более философски» [1004].

Джоссельсон предложил паллиатив: он явно дал понять, что Ласки должен в карьерных целях сменить работу («рассмотреть должность в академическом мире») и что десятая годовщина его пребывания в должности редактора журнала, наступающая в 1968 году, «была бы в психологическом отношении хорошим моментом» для того, чтобы уйти.

[1001]Там же.
[1002]Natasha Spender. Telephone interview, May 1997.
[1003]Michael Josselson to Stephen Spender. 26 April 1967 (MJ/HRC).
[1004]Там же.

Джоссельсон также сказал, что испытывал «повторяющиеся приступы отчаяния» по этому делу, но что «намного большей проблемой» было «оставаться американским гражданином перед лицом войны во Вьетнаме».

Наконец, он отметил, что у него не было скрытых мотивов держать источники финансирования в секрете: «Я имел возможность помогать сотням людей во всём мире делать то, что они сами хотели: писать книги, картины, проводить исследования, поехать туда и тогда, куда они хотели, или быть редакторами журналов... Всё это я с удовольствием делал, и если вы думаете, что ЦРУ извлекло из этого что-либо... поверьте мне, пользу извлекали другие!» [1005].

8 мая 1967 года «Нью-Йорк Таймс» разместила на первой полосе статью под заголовком «Стивен Спендер покидает «Инкаунтер». В статье приводилась цитата Спендера, что в течение нескольких лет он слышал циркулирующие слухи, будто финансовая поддержка журнала осуществлялась из средств ЦРУ, «но я так и не смог подтвердить что-либо до прошлого месяца. Ввиду уже проведённых разоблачений и заявлений, которые ещё могут прозвучать по поводу источников финансирования «Инкаунтера», я думаю, что любой редактор, который осознанно или неосознанно участвовал в их получении, должен уйти в отставку. Я так и сделал» [1006]. Так же поступил и Кермоуд, который оставил у руля только Ласки. И тот в него вцепился, несмотря на требование его отставки и к испугу Джоссельсона, который знал, что игра закончилась.

Позже, в тот же день, сделал заявление и Сесил Кинг: «Мы полагаем, что «Инкаунтер» без г-на Ласки был бы также интересен, как Гамлет без принца».

«Когда всё это происходило, я был в Портофино с Исайей и другими друзьями, - вспоминал Стюарт Хемпшир. - Я помню, что мы вшестером телеграфировали в защиту Стивена в Лондон, но Мэри Маккарти отказалась поставить свою подпись, заявив: «О, вы просто ведёте себя как маленькие нью-йоркские мальчики». Стивен был очень расстроен, а Наташа ещё больше. Особенно поведением Ласки. Но почему они были удивлены его поведением? Они действительно ожидали, что он уйдёт в отставку? Он, конечно, этого не сделал бы. Конечно, нет» [1007]. В письме Спендеру несколько дней спустя Маггеридж отметил: «Чудовищно, что, несмотря на всё произошедшее, Мэл остаётся в своей должности» [1008].

Спустя несколько дней после отставки Спендера Наташа с другом пошли, чтобы забрать вещи из офиса «Инкаунтера». К своему ужасу она обнаружила, что «запертый шкаф Стивена был взломан, и {секретарь Ласки) сказал: «Ну да, нас обокрали на прошлой неделе, взломали дверь» [1009]. Стюарт Хемпшир, который просил Спендера «вести учёт всего, иметь

[1005]Там же.
[1006] Stephen Spender. Quoted in New York Times, 8 May 1967.
[1007]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.
[1008]Malcolm Muggeridge to Stephen Spender. 22 May 1967 (MJ/HRC).
[1009]Natasha Spender. Telephone interview, August 1997.

личный архив», не был удивлён, когда узнал об этом позже. Это, сказал он, было очевидно [1010].

[1010]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.

25. Дурное предчувствие

«Ты думаешь, что сам толкать умеешь, Глядишь - тебя ж толкают всё вперёд». Мефистофель из «Фауста» Гёте

13 мая, спустя пять дней после того, как Спендер и Кермоуд ушли в отставку, Майкл Джоссельсон и Джон Хант сидели в офисе Джоссельсона на втором этаже в отеле «Бульвар Осман». Джоссельсон, сопровождаемый Дианой и Дженнифер, приехал в Париж из Женевы, где из своей изящной квартиры в районе Плато-дю-Шампель на протяжении нескольких недель без устали боролся с негативными последствиями. На улицах ниже отеля «Бульвар Осман» открывались кафе навстречу субботним покупателям, выходящим под весеннее солнце. Где-то среди них Диана искала костюм к заключительному балетному выступлению Дженнифер. Но она была рассеяна и двигалась через толпу к галерее «Лафайет», чувствуя себя словно из другого мира.

В зале рядом с офисом, где находились Джоссельсон и Хант, Генеральная ассамблея Конгресса за свободу культуры проводила своё совещание. Под председательством Мину Масани (Minoo Masani), лидера оппозиционной партии в Индии, на собрание присутствовали Раймонд Арон, Даниэл Белл, Дени де Ружмон, Эдвард Шиле, Пьер Эммануэль, Луис Фишер, Энтони Хартли, К.А.Б. Джонс-Куорти (K.A.B. Jones-Quartey), Эзекиел Мфэхлеле (Ezekiel Mphahlele), Николай Набоков, Ганс Опрехт (Hans Oprecht), Майкл Полани, Йосихико Секи (Yoshihiko Seki), Игнацио Силоне и Мане Спербер.

Они прилетели со всех концов земного шара, и теперь их незавидная задача состояла в том, чтобы осудить Джоссельсона и Ханта, чьи прошения об отставке лежали на столе перед ними, и решить судьбу Конгресса. Сидя как философы-короли, они знали, что их слово будет последним.

Джон Хант вспоминал: «Мы с Майком просидели в его офисе большую часть дня прямо около конференц-зала. Мы сидели там одни - что делать в момент, когда за стеной вас судят?» [1011]. Майкл сидел в тишине, его тонкие, с хорошим маникюром пальцы барабанили по столу. Он выглядел усталым - от этого утреннего ожидания, от прошлых двух десятилетий неустанной работы. Его волосы были разделены пробором и зачёсаны набок, открывая высокий лоб и маленькие глаза с огромными чёрными зрачками.

«Присяжные заседатели» тем временем обсуждали доказательства. В течение двух десятилетий Майкл Джоссельсон отстаивал чудовищную ложь вместе с присоединившимся к этому обману на полпути Джоном Хантом. Такое укрывательство имело прямые и серьёзные последствия для сотен людей. Кроме того, дело представляло моральную дилемму, которую нелегко разрешить. Оба руководителя обратились к Конгрессу с заявлениями, в которых рассказали о своих связях с ЦРУ и связях ЦРУ с Конгрессом. Джоссельсон взял на себя всю ответственность за эту, как он настаивал, необходимую ложь.

[1011] John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.

Генеральная ассамблея была далеко не единодушна. Спербер, Полани и Силоне выступали в защиту Джоссельсона и Ханта и настоятельно убеждали ассамблею занять «позицию борьбы». Спербер произнёс речь в стиле; «К чёрту всё это, нас не должно заботить, что говорит «Нью-Йорк Таймс»! Мы помогли выстроить всё это и управляли этим в течение 15 лет, мы имели дело с более жёсткими вопросами в нашей политической жизни, чем сейчас, поэтому давайте продолжать как прежде» [1012]. Но не все его поддержали, особенно Арон и Эммануэль. Репутация французов, принадлежащих к организации, которая базировалась в Париже и теперь была скомпрометирована связями с американской разведкой, сильно пострадала. «Они имели огромную долю в деле» [1013], - позже сказал Хант. Арон был так сильно раздражён, что ушёл со встречи, громко хлопнув дверью.

Время подошло к обеду, но решение так и не было принято, и по предложению Масани они сделали перерыв. Возобновив работу после перерыва, заседание тянулось до шести часов, когда наконец Набоков и де Ружмон вышли к Джоссельсону и Ханту с проектом заявления ассамблеи. «Они зачитали его вслух Майклу, мне и Ханту, - сказала Диана, которая оставила Дженнифер с подружкой восхищаться её новой балетной пачкой, а сама пришла к мужу. - Это был позор. Никакого упоминания о вкладе Майкла и Джона. Майкл и Джон встали, побледнев, и вышли. Николай и Дени спросили меня: «Что вы думаете?». Я ответила: «Думаю, что это отвратительно». Полагаю, в тот момент я плакала» [1014].

Почему, спрашивала Диана сквозь горькие слёзы, не было никакого упоминания о преданности Майкла Конгрессу, его непоколебимом служении принципам свободы культуры? Почему они проигнорировали тот факт, что без Майкла и Джона действительно не было бы никакого Конгресса вообще? Так интеллектуалы отплатили человеку, которому они все были обязаны? Подхватили подолы и побежали при первом же признаке проблемы? Неужели никто не был готов остаться и бороться? Набоков, человек ярких жестов, схватился за грудь: у него случился сердечный приступ, а может, он притворился. Кого-то отправили за стаканом воды и аспирином. Его сильное волнение в тот момент, помимо приступа, было искренним. А чего, собственно, ожидал Майкл? Они были его друзьями, а он водил их за нос все эти годы. Он скрыл факт, что являлся сотрудником ЦРУ и что Конгресс за свободу культуры был плодом тайной деятельности ЦРУ.

Из какого металла он был сделан, чтобы теперь показывать такой праведный гнев? Неужели он действительно полагал, что против него совершили больший грех, чем он сам? Неожиданно Набоков, чьи успехи были так глубоко связаны с Джоссельсоном, увидел ситуацию более ясно. Это было жизнью Майкла, его верой - всё, что он имел. Ничего другого у него не было. Набоков и де Ружмон, испуганные предположением, что они вели себя слишком грубо, пообещали Диане, что убедят Генеральную ассамблею переделать заявление. Успокоенная Диана вышла, чтобы найти Майкла и Джона.

[1012]Manes Sperber. Цитата из John Hunt. Там же.
[1013]John Hunt. Там же.
[1014]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

Некоторое время спустя они вместе слушали пересмотренное коммюнике. На следующий день заявление было опубликовано в мировой прессе. «Генеральная ассамблея... выражает глубокое сожаление, что переданная ей информация подтвердила сообщения об использовании средств Центрального разведывательного управления США... и что директор принимал такую помощь, не ставя в известность своих коллег. Ассамблея гордится достижениями Конгресса, начиная с его учреждения в 1950 году, и выражает свою убеждённость в том, что его действия были полностью свободны от влияния или давления любых финансовых покровителей, и в верности принципам независимости и единства всех тех, кто с ним сотрудничал. Ассамблея жёстко осудила действия ЦРУ, которое намеренно ввело в заблуждение указанных людей и заставило подвергнуть сомнениям их достижения. Результатом таких действий стала компрометация интеллектуального дискурса. Ассамблея полностью отрекается от применения таких методов в мире идей... Ассамблея рассмотрела поданные заявления об отставке {Майкла Джоссельсона) и {Джона Ханта) и вновь выразила им свою благодарность за то, что, несмотря на трудности, возникшие из-за способа финансирования действий Конгресса, они сохраняли полную независимость и интеллектуальную целостность организации, и попросила их продолжить выполнять свои обязанности» [1015].

Формулировка заявления была во многом лицемерна. Во-первых, отставка Джоссельсона была принята ассамблеей. Позже этот факт подтвердили Диана Джоссельсон и Джон Хант, который сказал: «Я прекрасно помню, как Майк независимо от того, что указано в протоколах, в действительности сказал, что он не может остаться. Я, по их мнению, был в другой категории, и таким образом, это не относилось ко мне» [1016]. Во-вторых, что ещё более важно - заявления, что Джоссельсон принял помощь от ЦРУ, «не поставив в известность об этом кого-то из своих коллег», просто не соответствовали действительности.

«Я могу сказать вам, что несколько наиболее важных людей Конгресса знали правду, потому что их правительства сообщили им об этом, - позже показал Хант. - Арону сказали. Мальро явно знал. А также Маггеридж и Уорбург, которым сообщили из МИ-6 после того, как два управления (ЦРУ и МИ-6. - Прим. ред.) достигли соглашения по «Инкаунтеру» [1017].

«Интересно, и кто же не знал? Это был фактически секрет Полишинеля» [1018], - отметил Лоуренс де Новилль. Список тех, кто знал или думал, что знает, достаточно длинный: Стюарт Хемпшир, Артур Шлезингер, Эдвард Шиле (который признался Наташе Спендер, что знал обо всём ещё с 1955 г.), Дени де Ружмон, Даниэл Белл, Луис Фишер, Джордж Кеннан, Артур Кёстлер, Юнки Флейшман, Франсуа Бонди, Джеймс Бэрнхам, Вилли Брандт, Сидни Хук, Мелвин Ласки, Джейсон Эпштейн, Мэри Маккарти, Пьер Эммануэль, Лайонел Триллинг, Диана Триллинг, Сол Левитас, Роберт

[1015]General Assembly of the Congress for Cultural Freedom, Press Release, 13 May 1967 (CCF/CHI).
[1016]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.
[1017]Там же.
[1018]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.

Оппенгеймер, Сол Штайн, Дуайт Макдональд. Не все из них были «осведомлёнными», активными участниками обмана, но все знали, и в течение определённого времени.

А если не знали, говорили их критики, то они прилагали для этого усилия, под свою ответственность. «Майкл действительно пытался рассказать некоторым людям, но они сказали, что не хотят этого знать, - настаивал Хант. - Они знали, и знали ровно столько, сколько хотели знать, они понимали, что если бы узнали больше, то им пришлось бы уйти; таким образом, они отказались знать» [1019].

На Генеральной ассамблее в качестве наблюдателя присутствовал австралийский поэт Джеймс Маколей, основатель и редактор «Квадранта». Он отметил, что «там было явное расхождение между их желаниями: во-первых, поддержать Майка по дружбе - честно, потому что ни один из них не был в действительности обманут; и во-вторых, занять общественную позицию порушенной невинности» [1020]. Жена Ханта - Шанталь, которая работала в Министерстве культуры Франции и недолго в Конгрессе, отметала такую моральную чувствительность: «Все во Франции, в моём окружении по крайней мере, знали правду о том, кто стоял за Конгрессом, - утверждала она. - Они все говорили об этом и спрашивали: «Почему вы хотите работать там? Это же ЦРУ». Все знали, кроме, очевидно, тех, кто работал в Конгрессе. Разве это не странно? Я всегда так думала» [1021]. «Главным образом, они всё отрицали, что знали об этом, - сказала Диана Джоссельсон, - но лгуны из них отвратительные» [1022].

А что же Николай Набоков, который прошёл весь путь от первых шагов в Берлине до этой болезненной развязки в Париже бок о бок с Джоссельсоном? Неужели он сам верил в своё ярое опровержение причастности к ЦРУ, говоря: «Я отрицаю всё. У Конгресса за свободу культуры… никогда не было никакой связи, прямой или косвенной, с ЦРУ… всё это было подстроено Советами»? [1023]

Могли кто-нибудь серьёзно полагать, что Набокову за все эти годы никогда не говорили или он сам не понимал, что «за всем этим стоят большие пушки «Виргинских лесов», по его собственным словам («Виргинские леса» - штаб-квартира ЦРУ в штате Виржиния. - Прим. ред.). История Мэри Маккарти о том, как Набоков открыл Спендеру правду в лондонском такси, предполагает иное. Судя по воспоминаниям Шанталь Хант о Набокове, он говорил ей «однажды заговорщическим шёпотом за обедом», что знал. Стюарт Хемпшир позже отметил с некоторой иронией, что Набоков «не был особенно обескуражен разоблачением» [1024]. Стоя перед Джоссельсоном в тот несчастный день 13 мая и размахивая перед его лицом резолюцией, которая осуждала его за обман коллег, Набоков ничуть не

[1019]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.
[1020]James McAuley. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.
[1021]Chantal Hunt. Interview, Uzes, July 1997.
[1022]Diana Josselson. Interview, Geneva, May 1996.
[1023]Nicolas Nabokov. July 1966, unidentifiable clipping (CCF/CHI).
[1024]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.

смущался, что был чрезвычайно неподходящим человеком для передачи вынесенного решения.

В своих мемуарах Набоков проклинал «плачевную и бесполезную ошибочность образа мышления (или отсутствие такового), который предшествовал решению передать деньги культурным организациям через ЦРУ» [1025]. Он добавил, что это было «особенно явно, если считать холодную войну самой жёсткой, самой сложной идеологической войной с начала XIX века, и что эта ошибка произошла в стране, имеющей многовековую традицию того, что Камю назвал «моральными формами политических взглядов». Мне всё ещё больно думать о тех «бессмысленных синяках безнравственности» и о том факте, что изумительную структуру, построенную с любовью и заботой умными, посвящёнными и глубоко неподкупными вольнодумными людьми, окунули в грязь и разрушили из-за самой старой и самой глубокой спеси: непросчитанного действия» [1026]. В частном же порядке Набоков не показал своего внутреннего негодования: «Я не думаю, что нужно оправдываться по факту финансирования Конгресса ЦРУ, - сказал он одному корреспонденту. - Многие из нас подозревали какое-то финансирование с этой стороны, и это было притчей во языцех во многих столицах Европы, Азии, Латинской Америки и Африки. Вопрос не в финансировании, а в том, что делал Конгресс» [1027].

Чувствуя себя как современный Иов - «прекрасный и прямой» человек, обеспокоенный за своё достоинство, Джоссельсон уехал из Парижа после первого осмотра у врача и затем встретился с МакДжорджем Банди, по-видимому, чтобы обсудить степень значения для ЦРУ этих разоблачений (согласно «Вашингтон пост», Банди курировал операции ЦРУ при президентах Кеннеди и Джонсоне). Вернувшись в Женеву, он только успел распаковать чемоданы, как разразилась буря. В результате выпуска официального заявления Генеральной ассамблеи, в котором признавался факт получения Конгрессом субсидий от ЦРУ, газеты всего мира торжествовали. Джоссельсон упал духом, позволив Диане отвечать на вал сердитых телефонных звонков.

Она написала Спендерам, что «Джоссельсон круглосуточно, непрерывно сражается под постоянным напряжением, пытаясь спасти Конгресс в той или иной форме, держа меня в состоянии бесконечного беспокойства... Неприятности продолжаются, это похоже на гидру» [1028]. Совершенно подавленная, она объявила: «Я хочу уйти, хочу новую жизнь и никогда не иметь какого-либо отношения ко всем этим людям, за исключением дружбы с теми немногими, кто действительно является друзьями» [1029].

Но и сама дружба теперь стала безнадёжно запутанной. «Мой дорогой Майкл, - написала Наташа Спендер. - Больше всего беспокоит человеческий аспект. Оглядываясь назад, я вижу в свете вышедшей информации, что все

[1025]Nicolas Nabokov. Bagazh.
[1026]Там же.
[1027]Nicolas Nabokov to J.E. Slater. 11 August 1971 (MJ/HRC).
[1028]Diana Josselson to the Spenders. 18 May 1967 (MJ/HRC).
[1029]Diana Josselson to Stephen Spender. 26 May 1967 (MJ/HRC).

были заложниками этой ситуации в различной степени. Это, должно быть, было ужасно, обманывать друзей, к которым вы всегда были так доброжелательны. Но я уверена, что ЦРУ ошибалось, рассчитывая на это; последствия в личных терзаниях и отношениях бесконечны, и если дружба для вас важна, как для любого, тогда каждый переживает о разрушенном доверии, которое не может быть восстановлено... Таким образом, всё упирается в тот факт, что если кто-то отказывается раскрыть информацию, то он отнимает у своих коллег их свободу и честь, что, в свою очередь, разрушает их доверие как друзей, и, в конечном счёте, слишком много людей страдают... Я надеюсь, что и вы с облегчением вышли из лживой ситуации, которая отняла у вас право быть искренним с вашими друзьям... Настоящая проблема в молчании, наложенном на вас ЦРУ (с их точки зрения), состоит в том, что они заставили вас действовать как коммунисты и таким образом поставили методы Запада наравне с методами Востока» [1030].

«Буря в стакане воды», как Джоссельсон позже назвал разворачивающиеся события, только усугублялась. Невероятно, но именно Том Брейден подхлестнул накал страстей, написав статью для «Сетэдей Ивнинг Пост» (Saturday Evening Post). Вышедшая 20 мая статья под заголовком «Я рад, что ЦРУ «безнравственно», по мнению Брейдена, должна была опровергнуть «поток пустой болтовни и дезинформации», появляющейся в газетах. Но Брейден действительно сделал больше, чем просто исправил погрешности: он обнародовал информацию, бывшую до того времени секретной, которая никогда бы не была раскрыта другими средствами - весомый аргумент, чтобы исключить все двусмысленности (и возможность появления других опровержений). Поясняя, что левые силы в Европе 1950-х годов «были единственной группой людей, которой наплевать на борьбу с коммунизмом» [1031], он подробно изложил, как Отдел по международным организациям искал точки соприкосновения с этими людьми.

Он описал отношения отдела с американскими профсоюзными деятелями и даже обвинил Виктора Рейтэра (Victor Reuther) в том, что он тратит деньги ЦРУ «с недостаточной мудростью». Он подтвердил, что средства для издания «Инкаунтера» предоставлялись ЦРУ, и заявил: «Агент {ЦРУ) стал редактором «Инкаунтера». Он также добавил, что агенты ЦРУ, внедрённые подобным образом, «могли предложить официальным лидерам организаций не только антикоммунистические программы, но и пути решения их постоянных бюджетных проблем. Почему бы и нет, если необходимые деньги поступают из «американских фондов»? Как говорили агенты, финансируемые ЦРУ фонды были довольно щедры, когда речь заходила о национальных интересах» [1032]. Перечисляя список организаций, действующих как прикрытие ЦРУ и развёрнутых Отделом по международным организациям, Брейден отметил: «К 1953 году мы управляли или влияли на международные организации, занятые в каждой

[1030]Natasha Spender to Michael Josselson. Undated (MJ/HRC).
[1031]Tom Braden. I'm Glad the CIA is «Immoral», Saturday Evening Post, 20 May 1967.
[1032]Там же.

сфере деятельности» [1033]. Управляли? Влияли? Конечно, если бы он хотел, он мог просто написать поддерживали или оказывали дружескую помощь. Но это было, в конце концов, официальным курсом, которого всегда придерживалось ЦРУ.

Результатом статьи Брейдена стало окончательное и бесповоротное раскрытие тайных связей ЦРУ с левыми некоммунистами. Что же побудило его написать такую статью? Как он сам объяснил, его старый друг Стюарт Олсоп позвонил ему в Калифорнию и попросил написать статью для «Сетэдей Ивнинг Пост», которая бы внесла ясность в суть дела. «Я расценил это предложение как возможность погрузиться в историю, - сказал Брейден. - Я был связан с ней в начале, и вот двадцать лет спустя, когда события продолжались, я решил, что пора заканчивать этот цирк» [1034]. Брейден начал работать над статьёй в начале марта. Трёх предоставленных ему месяцев должно было с лихвой хватить на написание обстоятельной работы. Несколько раз Брейден и Олсоп совещались по телефону, после чего Брейден представлял свои варианты и каждый последующий был всё более разоблачающим.

Сам Брейден утверждал, что хотел «показать всё как есть», устранив неправду. Но в своей статье он преднамеренно изменил ключевые имена: например, Гомер Д. Хоски не (Homer D. Hoskins) стал Уорреном Г. Хэскинсом (Warren G. Haskins). Зачем, несмотря на свои разоблачения, Брейден позаботился о защите главных имён? Думал ли он об обязательстве о неразглашении, которое каждый агент ЦРУ давал при вступлении в должность? Когда его спросили об этой расписке, Брейден дал неожиданный ответ: «Они, может, и напомнили мне о моей расписке, но я не помню, чтобы когда-либо давал её. Можете вырвать мне сердце, но я не знал, что подписал соглашение о неразглашении. Я подписал его, но не помню этого. Если бы я помнил, то не сделал бы этого» [1035].

«Если бы Том поступил так, как и положено отставнику, ему пришлось бы получить разрешение на то, что он собирается написать, - сказал Лоуренс де Новилль. - Я не думаю, что он играл по правилам» [1036].

Есть другой сценарий, который позже приняли несколько агентов ЦРУ и даже сам Брейден. «Том был человеком фирмы, и он знал всё о неразглашении, - утверждал Джон Хант. - Эта расписка уже несколько раз приводила к серьёзным последствиям, и Брейдену, если он действительно действовал независимо, следовало по-настоящему этого опасаться. Я убеждён, что он был, в конечном счёте, инструментом тех, кто хотел избавиться от левых некоммунистов. Не ищите стрелка-одиночку - это безумие, так же как и в случае с убийством Кеннеди. В этом участвовало много заинтересованных сторон.

А Брейден был осведомлён только до определённой степени. Возможно, его вызвал Хелмс и сказал: «У меня есть работа для тебя». Я уверен, что

[1033]Там же.
[1034]Tom Braden. Interview, Virginia, August 1996.
[1035]Tom Braden. Telephone interview, October 1997.
[1036]Lawrence de Neujville. Telephone interview, April 1997.

существовало оперативное решение прикрыть Конгресс и свернуть все сопутствующие программы. Я обсудил статью Брейдена с Майклом, и мы предположили, что она была частью скоординированной, санкционированной операции по разрыву отношений между ЦРУ и левыми некоммунистами. Но мы так и не добрались до самой сути всей истории» [1037].

Джек Томпсон размышлял в том же ключе: «Это старый способ - когда вы хотите прервать операцию, вы от неё просто отказываетесь. Я даже предполагаю примерный сценарий: президент Джонсон сидит за своим столом в Овальном кабинете и перебирает различные бумаги. Наткнувшись на номер журнала «Инкаунтер», он спрашивает: «А это что такое?». Ему отвечают: «Это - ваш журнал, господин президент». А он говорит: «Мой журнал? Мой журнал! Эти парни, считающие, что моя война неправильная, пишут об этом в моём же журнале?». Вот и всё» [1038].

На выдуманный сценарий Томпсона действительно стоит обратить внимание. Линдон Бэйнс Джонсон - человек 1930-х, бедный парень из Техаса, попавший в мир, изобилующий восточными мудростями, у которого не было за спиной толпы интеллектуалов, никакого напыления гламура, окружавшего «афинскую интерлюдию» Джона Кеннеди. Идея Джонсона о культурном фестивале ограничивалась тем, что это должно быть всего лишь «приятным для дам» представлением. За два года до выхода статьи Брейдена, 14 июня 1965 года, американские интеллектуалы превратили Фестиваль искусств Белого дома, первоначально задуманный советниками Джонсона как «средство успокоения противников войны», в площадку для жарких споров по Вьетнаму. Роберт Лоуэлл отказался от приглашения - этот факт приложили к его досье в ФБР, как описал это Эдмунд Уилсон (Edmund Wilson), - с «резкостью», которая ошеломила организатора фестиваля Эрика Гольдмана (Eric Goldman). Дуайт Макдональд приехал на фестиваль, но принёс петицию, поддерживающую Лоуэлла и осуждающую американскую политику. Под этой петицией (из неприглашённых) поставили подписи: Ханна Арендт, Лилиан Хеллман, Альфред Кэзин, Ларри Риверс (Larry Rivers), Филип Рот (Philip Roth), Марк Ротко, Уильям Стирон (William Styron) и Мэри Маккарти. За обедом Макдональд собрал ещё девять подписей, дело почти дошло до драки с Чарлтоном Хестоном (Charlton Heston), который обвинил Макдональда в отсутствии «элементарных манер» и поинтересовался: «Вы считаете нормальным собирать подписи под петицией против хозяина дома, в котором вас принимают?» [1039]. У Джонсона создалось впечатление, что Белый дом был заполнен «бандой предателей» [1040].

По воспоминаниям Эрика Гольдмана этот случай стал настоящей катастрофой, и «реакция президента Джонсона упрочила стену, выстроившуюся между президентом и этими группами... К счастью, большая часть истории неизвестна. Но и того, что стало достоянием общественности, оказалось достаточно, чтобы сделать эту стену такой же непреодолимой, как

[1037]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.
[1038]John Thompson. Telephone interview, August 1996.
[1039]Charlton Heston. Цитата из /an Hamilton. Robert Lowell: A Biography.
[1040]Carol Brightman. Writing Dangerously.

бетонная стена с колючей проволокой, разделяющая Восточный и Западный Берлин» [1041].

Из заявления Джонсона о тайном сговоре между этими людьми, целью которого было оскорбить его самого и его кабинет и «навредить своей стране во время кризиса», взято много цитат [1042]. Они были «сукиными детьми», «дураками», «предателями», превратившими незначительное событие «в ситуацию, которая теперь была обречена на серьёзные последствия». Президент также сообщил двум своим помощникам - Ричарду Гудвину (Richard Goodwin) и Биллу Мойерсу (Bill Moyers), что «больше не собирается иметь ничего общего с либералами. Они не будут иметь ко мне никакого отношения. Они все придерживаются коммунистической линии - либералы, интеллектуалы, коммунисты. Все они одинаковые» [1043].

Джеймс Бэрнхам, который помог связать Конгресс за свободу культуры с ЦРУ в первые дни его появления, но поступил так в интересах очень консервативного вида реальной политики, видел в этом обмане доказательство того, в чем ещё давно разглядел «фундаментальный недостаток» образа мысли ЦРУ. «ЦРУ предпринимало большинство из этих действий с перспективой на левых некоммунистов, - писал он. - ЦРУ рассматривало их как явно антикоммунистическую силу, которая если и не будет прозападной или проамериканской, то, во всяком случае, не будет и настроена против Запада или против Америки. Такая политическая оценка оказалась ошибочной. Левые некоммунисты были ненадёжными. И в условиях напряжённой обстановки продемонстрировали свою слабость. Значительная часть - в этой стране, как и в других - качнулась в сторону антиамериканской точки зрения, и почти весь их блок смягчил своё отношение к коммунизму и коммунистическим государствам. Таким образом, организационный крах стал производной от политической ошибки. Эта политическая ошибка - доктрина, по которой глобальная борьба против коммунизма должна быть основана на левых некоммунистах, доктрина, связанная с ЦРУ через Аллена Даллеса.

Куба, Доминиканская Республика и прежде всего Вьетнам подвергли саму доктрину и её практику решающей проверке. Деятельность значительной части организаций и отдельных людей, взращённых ЦРУ в соответствии с их предписанием, привела к подрыву государственной воли, препятствуя или саботируя национальную безопасность» [1044]. Мнение, что Линдон Джонсон, возможно, впоследствии задумался над разрывом отношений ЦРУ с левыми некоммунистами, не выглядит невероятным.

Самое интересное предположение о том, что в действительности произошло, кроется в вопросе, связанном с подпиской Брейдена о неразглашении. В среду, 19 апреля 1967 года, в 14.00, Уолт Ростоу, помощник по особым вопросам президента Джонсона, передал ему секретную записку, в которой было сказано: «Я полагаю, вы знаете о

[1041]Eric Goldman. Цитата из /an Hamilton. Цит. произв.
[1042]Там же.
[1043]Lyndon B. Johnson. Цитата из Stephen Whitfield. The Culture of the Cold War.
[1044]James Burnham. Notes on the CIA Shambles, National Review, 21 March 1967.

готовящейся статье Брейдена о ЦРУ в «Сетэдей Ивнинг Пост». Вот история от Дика Хелмса. Статья Брейдена появилась в выпуске «Сетэдей Ивнинг Пост» 20 мая 1967 года, спустя целый месяц после того, как Ростоу уведомил президента о её предстоящей публикации. Ричард Хелмс, который был теперь директором ЦРУ, согласно записке Ростоу, знал о статье и, очевидно, её содержании. У ЦРУ же было достаточно времени, чтобы напомнить Брейдену о данной им расписке о неразглашении и предотвратить выход этой статьи.

Ростоу неуверено вспоминает это дело: «Я знал Брейдена только в порядке дружеского общения, как любезного человека. Я не помню эту записку. Я не помню его статью... Я предполагаю, что это Хелмс сказал мне, и допускаю, что я сам сказал об этом президенту. Но это не было чем-то серьёзным, и тогда не произвело на меня впечатления» [1045]. Почему же тогда Ростоу написал секретную записку президенту о чем-то, что не произвело на него впечатления? «Если бы это было что-то, имеющее политическое значение, затрагивающее интересы президента, я бы проинформировал его» [1046], - несколько противоречиво ответил Ростоу.

Фактически, у Ростоу и Хелмса было много возможностей информировать президента. По предложению Ростоу Дик Хелмс был приглашён на обед, проходящий по вторникам, - самую важную встречу на высоком уровне по вопросам национальной безопасности в годы президентства Джонсона.

«Я считал, что у президента должен быть человек из разведки, с которым он мог бы консультироваться» [1047], - вспоминал Ростоу. К 1967 году основным предметом обсуждения на этих еженедельных обедах почти всегда был Вьетнам.

Другой вопрос: почему ЦРУ было так обеспокоено историями с «Рампартс» - настолько, что они организовали полномасштабную разведывательную операцию, а в случае с Брейденом даже не предприняли попытки остановить его? Брейден вынес своё заключение: «Вероятно, они стремились избавиться от всех этих вещей... Стюарт {Олсоп), возможно, знал это. Я всегда предполагал, что к этому времени в ЦРУ должны быть люди, которые хотели бы избавиться от таких проблем, как эта, фактически раздутых проблем. Все знали - и любители искусства, и такие люди, как Стюарт, - что это всё было прикрытием ЦРУ. Я всегда знал, что они хотели всё это уничтожить, но не могу этого доказать» [1048].

Согласно признанию одного высокопоставленного офицера ЦРУ, Стюарт Олсоп был агентом. Другие источники утверждали, что Олсоп был исключительно полезен для Управления в вопросах проведения дискуссий с официальными лицами иностранных правительств: задавал вопросы, на которые ЦРУ искало ответы, распространял дезинформацию, выгодную для США, и оценивал возможности ЦРУ в деле вербовки высокопоставленных

[1045]Walt Rostow. Telephone interview, July 1997.
[1046]Там же.
[1047]Там же.
[1048]Tom Braden. Telephone interview, October 1997.

иностранцев. Брат Стюарта - Джозеф отрицал как «абсолютную ерунду» утверждение, что Стюарт являлся агентом, говоря: «Я был гораздо ближе к Управлению, чем Стюарт, хотя и Стюарт был очень близок... Должен сказать, он действительно выполнял некоторые задачи - как американец, он поступал правильно... Отцы-основатели {ЦРУ) были нашими близкими друзьями...

Это было общественным делом. Я никогда не получил и доллара, никогда не давал подписки о неразглашении. Меня никто не заставлял это делать... Я выполнял задачи для них, когда считал, что это было правильно. Я называю это моим гражданским долгом... ЦРУ не раскрывалось перед людьми, которым оно не доверяло. Мне и Стюарту они доверяли, и я горжусь этим». Стюарт Олсоп именовал Даллеса и его людей «храбрыми жителями северо-востока» и упивался своей причастностью к тем «узким влиятельным кругам, к братству» [1049].

В одном важном отношении статья Брейдена не получила ожидаемого результата. Его заявление, что Управление внедрило агента в «Инкаунтер», возможно, имело целью только подставить того агента и ускорить его отставку. Этот человек, как Брейден позже уточнил, «был одним из наших агентов, человек умный и обладающий литературным талантом, и мы платили ему зарплату» [1050]. Ирвинг Кристол, который был соредактором Даниэла Белла в журнале «Паблик интерест» (The Public Interest; журнал был запущен с помощью щедрого гранта в 10 тысяч долларов США, поступившего от Джоссельсона), попал как кур в ощип. «Когда Том Брейден опубликовал свою статью, говоря, что в «Инкаунтер» был внедрён агент ЦРУ, я был разъярён, потому что знал чертовски хорошо, что не я был агентом ЦРУ, и конечно, знал, что Стивен Спендер не был агентом ЦРУ, - отметил он позже. - Что подразумевал г-н Брейден, когда он писал ту статью, я не знаю» [1051]. Спендер, который никогда не был в структуре, сказал: «Я просто не могу предположить, что это был Кристол, действительно не могу. И знаю, что это был не я» [1052].

Ушёл Ласки. Несколько лет спустя, как и предсказывалось, его все презирали, после заявления Брейдена, называвшего его «трясущимся, глупым стариком». Разрушение целого дела, как в мелодраме с Джеймсом Бондом, по словам Ласки, «синдром шпионской сети... я никогда не редактировал журнал ЦРУ, не редактирую и никогда не буду» [1053]. Кто же был агентом ЦРУ? «Может, это были вы? Был ли это я? Кто это был? - спрашивал он. - Послушайте, мы сделали то, что сделали. Нет, нет, нет, это было фантазией, и к ней нельзя относиться серьёзно, особенно историкам» [1054]. Но Брейден 30 лет назад был категоричен: не было никакой фантазии.

[1049]Joseph Alsop. Цитата из Carl Bernstein. The CIA and the Media, Rolling Stone, 20 October 1977.
[1050]Tom Braden. I'm Glad the CIA is «Immoral», Saturday Evening Post, 20 May 1967.
[1051]Irving Kristol. Interview, Washington, June 1994.
[1052]Stephen Spender. Interview, London, July 1994.
[1053]Melvin Lasky. Interview, London, July 1994.
[1054]Там же.

Джоссельсоны были подавлены предательством Брейдена. «Я всегда хранила только хорошие воспоминания о вас с тех самых шестидневных гонок... вдобавок к уважению к вашему профессионализму, поэтому я была тем более огорчена вашим добровольным предательством Майкла и его друзей в вашей статье, - написала Диана. - Ваше полностью ложное заявление явно впутывает Ирвинга К. (Кристола), который, как вы, очевидно, забыли, был невольным участником событий... создало ситуацию хаоса и личного страдания, которое я полагаю, вы не можете себе вообразить, хотя можете понять, что нанесли смертельный удар хорошему журналу... Насколько позволяет оценить мой жизненный опыт этих тяжёлых лет и как вы, Том, должны ощущать в вашем сердце: если когда-либо и был человек, который был независимым и полагался только на то, что диктовала ему собственная совесть, это был {Майкл)» [1055]. Диана закончила письмо просьбой к Брейдену опубликовать извинение и отказаться от своего заявления, что Джоссельсон был внедрён в Конгресс. Он не ответил на её письмо.

Любопытно, что в самом Управлении происшедшее расценивали как «маленькую накладку в работе» [1056], Том Брейден вообще не подвергся какому-либо официальному порицанию. Более того, карьеры тех агентов, которые были близко связаны с программой некоммунистических левых, никоим образом не пострадали. Корд Мейер и его команда стремительно продвинулись на высокие посты (Мейер стал резидентом в Лондоне и отвечал за всю деятельность ЦРУ в Западной Европе). Только те, кто был завербован из рядов «некоммунистических левых движений», теперь стали не нужны. Роби Маколей немного покрутился вокруг, и, по словам Дианы Джоссельсон, «в конечном счёте они его выжили». Он ушёл из ЦРУ и из «Кеньон Ревью» ради должности редактора литературной части в журнале «Плэйбой». Джон Томпсон, который начал заигрывать с новыми левыми в середине 1960-х, был также отречён оттого, что сам называл «путешествием в страну сладостей» (On the Good Ship Lollipop - известная песня Ширли Темпле. - Прим. ред.). В процессе подготовки публикаций об Америке 1968 года он сказал Джоссельсонам, что все материалы о Вьетнаме про афроамериканцев (хотя стиль, который он использовал, чтобы описать их, был явно колониальным) [1057].

Джоссельсон, несмотря на то что он ушёл из ЦРУ перед созывом Генеральной ассамблеи, прошедшей 13 мая («Он ушёл раньше, чтобы защитить Конгресс, так, чтобы если бы его спросили, он мог бы сказать, что больше не был с ЦРУ», - отмечала Диана [1058]), был безнадёжно скомпрометирован.

Его пенсия оказалась смехотворна и, конечно, никак не соответствовала тому огромному вкладу, который он сделал. В 1965 году Джоссельсон был «принят» Фондом Фарфилда на должность международного директора сроком на два года с зарплатой 21 тысяча долларов, которая была

[1055]Diana Josselson to Tom Braden. 5 May 1967 (MJ/HRC).
[1056]Lee Williams. Interview, Washington, June 1994.
[1057]John Thompson to Michael Josselson. 7 July 1968 (MJ/HRC).
[1058]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.

выплачена за двенадцать взносов. Теперь по крайней мере у ЦРУ не было дальнейших финансовых обязательств перед Джоссельсоном. Но Фрэнк Платт и Джон Томпсон, осознавая, что Управление его просто выбросило, вытребовали Джоссельсону пенсию 30 тысяч долларов в год, подлежащих выплате из резервного капитала Фонда Фарфилда. Как рассказывал Томпсон, этот резерв составлял около миллиона долларов. Неспособный по некоторым причинам возвратить эти средства спонсорам, Томпсон предложил их израсходовать [1059]. Отступные Джоссельсона, весьма скромные, если сравнивать с его заслугами, составили часть резервного капитала. Записей о том, как была распределена остальная сумма, нет.

Прежде чем разоблачили «Рампартс», сенатор Майк Мэнсфилд (Mike Mansfield) потребовал всестороннего расследования в Конгрессе всех случаев проводимого ЦРУ секретного финансирования организаций. Президент Джонсон вместо этого назначил специальный комитет, включавший трёх человек: заместителя госсекретаря Николаса Каценбаха (Nicholas Katzenbach), министра здравоохранения, образования и благосостояния Джона Гарднера (John Gardner) и директора ЦРУ Ричарда Хелмса. В итоговом отчёте от 29 марта 1967 года комитет Каценбаха пришёл к заключению: «Политика американского правительства должна заключаться в том, что никакое федеральное агентство не может обеспечивать тайную финансовую помощь или поддержку, прямую или косвенную, ни одной из национальных образовательных или частных добровольческих организаций» [1060].

Отчёт устанавливал срок - 31 декабря 1967 года - для завершения подобного тайного финансирования. Это должно было позволить ЦРУ провести «несколько существенных последних грантов - технику, известную как «финансирование скачка», - ко многим его операциям. В случае с радио «Свободная Европа» этого было достаточно, чтобы обеспечить его работу в течение двух лет. Отчёт Катценбаха широко упоминался как инструмент, которым правительство «заставило» ЦРУ в будущем отказаться от этого типа деятельности.

Но у ЦРУ была совсем другая интерпретация того, что они могли сделать в «посткатценбаховскую эру». Согласно отчёту специальной комиссии по изучению правительственных операций в области разведывательной деятельности 1976 года, заместитель директора по планированию Десмонд Фитцджеральд (Desmond FitzGerald) распространил следующее руководство по всем местным управлениям после того, как отчёт был опубликован: «a) тайные отношения с коммерческими американскими организациями не запрещены, повторяю, не запрещены; b) тайное финансирование зарубежных международных организаций разрешено» [1061].

Другими словами, в области международных тайных операций ничего не изменилось. Поэтому, когда в 1967 году ЦРУ решило продолжить

[1059]John Thompson to Michael Josselson. 28 October 1967 (MJ/HRC).
[1060]Final Report of the Katzenbach Committee. Цитата из White House press release, 29 March 1967(NSF/LBJ).
[1061]Desmond FitzGerald. Цитата из Final Report of the Church Committee, 1976.

финансирование информационного агентства Forum World Features (FWF, по сути, являлось аналогом Конгресса за свободу культуры), оно сделало это без каких-либо проблем. Хотя Джонсон и утвердил отчёт Катценбаха как официальную государственную политику, он не был выпущен как правительственное распоряжение или предписан как «обязательный к исполнению».

У него не было конкретного правового статуса. Читая между строк (и отмечая, что никакого практического результата так и не было достигнуто), авторы передовицы «Нейшн» сделали вывод, что отчёт был «благим пожеланием», «уклончив по определению», и «призыв Джонсона «Великое общество» в результате прозвучал, как страшно циничное выражение, достойное времён монархии Бурбонов» [1062].

10 лет спустя правительственный запрос раскритиковал тот факт, что «многие ограничения, разработанные ЦРУ в ответ на события 1967 года, оказались мерами безопасности, направленными на предотвращение дальнейших публичных разоблачений, подвергавших опасности важные операции ЦРУ. Они не представляли собой существенный пересмотр мнения о том, как ограничиваются действия спецслужб в свободном обществе» [1063].

[1062]Editorial, The Nation, 10 April 1967.
[1063]Final Report of the Church Committee, 1976.

26. Невыгодная сделка

«В этом мерзком мире всё верно или ложно - согласно цвету стакана, через который вы рассматриваете его». Кальдерон де ла Барка (Calderon de la Barca)

Последние месяцы 1967 и весь 1968 год Джоссельсон чувствовал себя умственно и физически опустошённым - ему ежедневно напоминали о том унижении и горечи, к которым привели его действия. «Я не могу понять, как человек, который верил в свободу, в открытое общество, в этическую зависимость между целями и средствами, посчитал правильным принимать финансирование от службы международного шпионажа, - писал Джаяпракаш Нараян, председатель индийского филиала Конгресса за свободу культуры. - Недостаточно просто принять, что Конгресс всегда функционировал независимо... Управление делало то, что считало полезным для себя» [1064]. Объявив, что он оставляет индийский офис, К.К. Синха (K.K. Sinha) отметил: «Если бы я только мог догадываться... что под парижскую штаб-квартиру была заложена часовая бомба, я бы не стал связываться с Конгрессом» [1065]. Некоторым пришлось столкнуться с реальной угрозой: в Японии дом одного из активистов Конгресса подвергся нападению с применением зажигательных средств, и он был вынужден искать защиту у полиции. В Уганде редактор «Транзишн» (Transition) Райят Неоги (Rajat Neogy), едва успев понять, что ущерб для его журнала будет «неисчисляемым», был арестован и заключён в тюрьму.

«Многие серьёзно пострадали, - отмечала Диана Джоссельсон, - и Майкл мучился, раскаивался и время от времени обдумывал правильность своего решения. Мы сомневались в этой иезуитской идее, что цель оправдывает средства, но, в конце концов, решили, что всё было сделано так, как нужно.

Однако реальный ущерб, нанесённый репутации многих людей, ужасно его мучил» [1066]. «Люди в Индии, Ливане, Азии, Африке, сделавшие свой выбор и поверившие в Конгресс на основании того образа, который создали мы - я, Майк и другие, эти люди оказались в центре урагана, - отмечал Джон Хант. - И я знаю, что многие из них серьёзно пострадали, и никакие высокие оправдания и никакие обсуждения не изменят этого факта. Они поставили свою честь и жизнь на кон, и я не забыл этого. Вы не можете отмахнуться от этой моральной дилеммы, прибегая к таким понятиям, как «государственные интересы», «коварство истории» или что-либо ещё. Но я поступил бы так же, если бы мне снова пришлось выбирать. Можно сожалеть и при этом считать, что это того стоило» [1067].

В Европе и Америке, далёких от того, что К. К. Синха назвал «грохотом надвигающейся угрозы», мнения разделились. Майкл Полани счёл суету вокруг разоблачений деятельности ЦРУ «презренной» и заявил: «Я служил бы в ЦРУ (если бы знал о его существовании) в послевоенные годы с

[1064]Jayaprakash Narayan to Raymond Aron. 22 June 1967 (CCF/CHI).
[1065]K.K. Sinha to John Hunt. 1 June 1967 (CCF/CHI).
[1066]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.
[1067]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.

удовольствием» [1068]. Кёстлер охарактеризовал всё происходящее как «бурю в стакане», которая вскоре утихнет. Иегуди Менухин считал: «это слишком для ЦРУ», чтобы ассоциироваться с «такими людьми, как мы» [1069]. Джордж Кеннан, как и ожидалось, довольно громко выступал в защиту Управления, заявляя: «Паника вокруг денег, поступающих от ЦРУ, была ничем не оправданной и нанесла гораздо больше вреда, чем следовало. Я никогда не чувствовал ни малейших угрызений совести по этому поводу. У этой страны нет Министерства культуры, и ЦРУ было просто обязано создать то, что могло бы занять эту нишу. ЦРУ нужно благодарить за сделанное, а не критиковать» [1070].

Всё меньше и меньше людей разделяли мнение, что влияние ЦРУ на культурную жизнь Запада - это необходимое зло демократии. Эндрю Копкинд (Andrew Kopkind) писал «с глубоким чувством морального разочарования»: «Дистанция между риторикой открытого общества и реальным контролем была больше, чем кто-либо думал... Каждый, кто работал на американскую организацию за границей, становился так или иначе свидетелем теории, что мир поделён между коммунизмом и демократией, а всё, что между, было изменой. Иллюзия расхождения во мнениях сохранялась: ЦРУ поддержало разных сторонников холодной войны: и социалистов, и фашистов, и темнокожих и белых. Разносторонность и гибкость операций ЦРУ - вот что было главным преимуществом. Но это был ложный плюрализм, и он всё портил» [1071].

Такая позиция, многократно повторённая, привлекала своей нравственной простотой. Но это было слишком просто. В действительности дело заключалось не в том, что всякая возможность инакомыслия безвозвратно уничтожалась (аргументы Копкинда являются свидетельством этого) либо интеллектуалы были принуждены к чему-то или коррумпированы (хотя можно допустить и такое), но в том, что произошло вмешательство в естественный процесс интеллектуального поиска. «Больше всего нас раздражало то, - писал Джейсон Эпштейн, - что правительство, казалось, управляло подземным поездом, купе первого класса которого занимали не всегда пассажиры первого класса: ЦРУ и Фонд Форда, среди прочих агентств, создали и финансировали аппарат из выбранных интеллектуалов для освещения их правильных позиций по холодной войне как альтернативу тому, что можно было бы назвать свободным интеллектуальным рынком, где идеология значила бы меньше, чем отдельный талант и успех, и где сомнения в установленных ортодоксальных традициях были началом всего поиска... Наконец, тем, кто служит воле любого народа, стало понятно, насколько невыгодную сделку заключила интеллигенция, сделку, которая никогда не была в интересах литературы или искусства, каких-либо серьёзных размышлений и даже всего человечества» [1072].

[1068]Michael Polanyi. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.
[1069]Yehudi Menuhin to Nicolas Nabokov. 14 May 1966 (CCF/CHI).
[1070]George Kennan to Shepard Stone. 9 November 1967 (CCF/CHI).
[1071]Andrew Kopkind. CIA: The Great Corrupter, New Statesman, 24 February 1967.
[1072]Jason Epstein. The CIA and the Intellectuals, New York Review of Books, 20 April 1967. Утверждение Джейсона Эпштейна о пассажирах второго класса, путешествующих первым

«Вы думаете, я пошёл бы работать в «Инкаунтер» в 1956-1957 годах, зная, что он тайно финансируется американским правительством? - сердито спросил Джоссельсона Дуайт Макдональд в марте 1967 года. - Если да, то мы действительно друг друга не понимаем. Всякий бы засомневался, соглашаться ли на работу, даже в открыто финансируемом правительством журнале... Я думаю, что меня провели как младенца» [1073]. Младенцы или лицемеры?

Несмотря на разногласия с «представителями Меттернихса», когда они не приняли его статью в 1958 году, Макдональд в 1964-м без колебаний выяснял у Джоссельсона, не мог бы тот взять его сына Ника поработать на лето. И это в то время, когда каждый был в курсе непрекращающихся слухов о связи Конгресса и ЦРУ. А что же Спендер, который летом 1967 года разрыдался на вечеринке в Эванстоне в Чикаго, когда присутствовавшие гости ответили грубостью на его заявления о своей невиновности? «Они все там были, как карикатуры Дэвида Левина - Даниэл Белл и его жена Перл Кэзин Белл (Pearl Kazin Bell), Ричард Эллманн, Ханна Арендт, Стивен Спендер, Тони Таннер (Tony Tanner), Сол Беллоу, Гарольд Розенберг (Harold Rosenberg), г-жа Полани, - вспоминал один из менее именитых гостей. - Они все были связаны с Конгрессом так или иначе. После поедания спагетти все начали сердито обвинять друг друга в «наивности» за то, что не знали, кем в действительности были их покровители, и за то, что не передали эту информацию остальным. «Я никогда не доверяла Ирвингу», - говорила Ханна Арендт. Она говорила то же самое и о Мелвине Ласки. Даниэл Белл деловито защищал обоих друзей. Спор становился всё более жарким. Спендер разрыдался: его использовали, ввели в заблуждение, он никогда и ничего не знал. Некоторые гости утверждали, что Стивен был «наивен». Другие, казалось, сочли его наивность наигранной» [1074].

«Стивен был очень расстроен, - отмечал Стюарт Хемпшир. - Люди были очень жёстки с ним, говоря, что он наверняка всё знал. Я не думаю, что это так. Возможно, он не слишком старательно пытался это выяснить, но он действительно ничего не знал ни о правительстве, ни о разведке» [1075]. Лоуренс де Новилль, однако, считал иначе: «Есть люди, которые знали, что ему всё было известно, но вы не можете обвинять его в том, что он всё отрицал, потому что всё должно было правдоподобно отрицаться, таким образом, он мог очень хорошо и правдоподобно всё отрицать. Джоссельсон знал, что Спендер был в курсе всего, о чем он мне и сказал» [1076]. «После этого моё отношение к тому, что говорил Спендер, и к его задетым чувствам изменилось, хотя, возможно, это было обусловлено моим чувством вины -

---

классом, ранее было высказано Конором Крузом О'Брайеном, который утверждал, что успех таких операций, как Encounter, заключается в привлечении писателей высоких принципов для обеспечения своеобразного прикрытия для «писателей со скромными талантами и адекватными амбициями», которые, в сущности, играли роль «троянского коня», участвуя в «постоянной и значимой политической деятельности в интересах... властных структур в Вашингтоне». Conor Cruise O'Brien. Politics and the Writer, 19 May 1966, in Donald H. Akenson (ed.), Conor: A Biography of Conor Cruise O'Brien.

[1073]Dwight Macdonald to Michael Josselson. 30 March 1967 (CCF/CHI).

[1074]Richard Elman. Interview, New York, June 1994.

[1075]Stuart Hampshire. Interview, Oxford, December 1997.

[1076]Lawrence de Neujville. Telephone interview, February 1997.

действительно ли он всё знал, - отметил Том Брейден. - И я думаю, что он действительно всё знал» [1077].

Наташа Спендер, которая всегда защищала своего мужа, пришла к мрачному заключению, что ему досталась роль князя Мышкина в «Идиоте».

Младенцы или лицемеры? Когда Тому Брейдену показали известное «Заявление о ЦРУ», подготовленное Уильямом Филлипсом и опубликованное летом 1967 года в «Партизан Ревью», он рассмеялся. «Мы хотели бы публично заявить, что мы против тайного финансирования из ЦРУ литературных и интеллектуальных публикаций и организаций и убеждены, что такое регулярное финансирование может только дискредитировать такие издания и организации, - говорилось в заявлении. - Мы не доверяем журналам, которые обвиняются в получении средств от ЦРУ, и сомневаемся, что они правильно ответили на поднятые вопросы» [1078]. Просмотрев список подписавшихся - всего 17 человек, включая Ханну Арендт, Пола Гудмена, Стюарта Хемпшира, Дуайта Макдональда, Уильяма Филлипса, Ричарда Пойрира (Richard Poirier), Филипа Рава, Уильяма Стирона и Ангуса Уилсона (Angus Wilson), Брейден просто ответил: «Конечно, они знали» [1079]. Возможно, Джеймс Фаррелл был прав, когда сказал, что «те люди из «Партизан Ревью» боятся честности как чёрт ладана» [1080].

Из своей квартиры в Шампель, жилом квартале Женевы, тишина которого нарушалась только один раз в неделю открытием овощного рынка, Джоссельсон мог только наблюдать с горечью, как Конгресс, теперь переименованный в Международную ассоциацию за свободу культуры, продолжил путь без него, с новым директором Шепардом Стоуном. В первый год существования в организацию по приглашению Шепарда Стоуна, чтобы «помочь с бюджетом», пришёл Джон Хант. На первых порах Джоссельсон звонил своему бывшему «второму лейтенанту» каждый день. «Он предлагал: давайте сделаем это или то, - вспоминал Хант. - А я говорил: «Послушайте, Майкл, теперь за всё отвечает Шеп». Это было очень печально. А Майкл продолжал, как будто ничего не изменилось» [1081].

«Джоссельсон был довольно трагическим персонажем, - отмечал Стивен Спендер. - Я думаю, что он был в положении посла, который находится в стране пребывания слишком долго, и вместо того чтобы представлять там людей, отправивших его туда, он начинает представлять людей, к которым его послали, именно поэтому послам никогда не разрешают оставаться слишком долго в чужих странах - они имеют тенденцию переключаться подобным образом. Я думаю, такое переключение произошло и с Джоссельсоном. Если рассматривать всё произошедшее как своего рода операцию, то Джоссельсон был крёстным отцом, действительно любящим нас всех, он также был настоящим человеком культуры, чрезвычайно заботящимся о литературе и музыке, но в то же время страшным и властным человеком, который очень серьёзно относится к своим обязанностям и не

[1077]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.
[1078]Statement on the CIA, Partisan Review, vol. 34/3, Summer 1967.
[1079]Tom Braden. Interview, Virginia, July 1996.
[1080]James T. Farrell to Meyer Schapiro. 27 July 1942 (MS/COL).
[1081]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.

допускает фривольности. Я думаю, он был действительно сломлен, когда всё это оказалось выставлено напоказ» [1082].

Шепард Стоун, сотрудник Фонда Форда, который выполнял посреднические функции, перечисляя миллионы долларов благотворительных средств для Конгресса, был кандидатом Джоссельсона на пост преемника. По словам Дианы, «Майкл вскоре понял, что это было ошибкой. Майкла оставили консультантом, он отправлял множество записок с рекомендациями, но не получил на них ответов. Шеп оказался в затруднительном положении, потому что не хотел быть «мальчиком Майкла», номинальным руководителем. Но всё было сделано не очень элегантно. Майкл не соглашался с Шепом, когда тот сокращал не представлявшие для него интереса отделения иностранных и региональных ассоциаций: Индию, Австралию, всё, что не было европейским. Шеп не придавал этим странам значения - он никогда там не был, и таким образом, они просто для него не существовали. Шеп проявил глубокое непонимание интеллигенции. Когда из года в год в Фонде Форда требовалось делать презентации, чтобы получить финансирование, Шеп просил Майкла делать это, потому что сам он не справлялся» [1083].

Теперь полностью финансируемый Фондом Форда Конгресс, очевидно, достиг независимости, чего не удалось Джоссельсону. Но, по словам Джона Ханта, летом 1967 года между британскими, французскими и американскими секретными службами развязалось негласное жёсткое соперничество по сохранению лидерства в организации. «Опасения заключались в том, что одна из этих организаций, которым на раннем этапе помогали американцы, рано или поздно будет подмята союзнической службой, - объяснил он. - Неопытные, тихие американцы продолжат вкладывать деньги, а мы {европейцы) - мозги, и мы получим великолепно проведённую, чистую операцию, мы будем управлять всем» [1084]. В конечном счёте, каждый получил своё. Американцы провели своего кандидата на пост президента и исполнительного директора - Шепарда Стоуна. Вся его карьера от Высокой комиссии в Германии до Фонда Форда и теперь - Конгресса была связана с разведкой. В своих мемуарах глава восточногерманской разведки Маркус Вольф (Markus Wolf) утверждал, что Стоун был офицером ЦРУ. Французы провели своего человека на пост директора - Пьера Эммануэля; его причастность ко Второму бюро (разведслужбы Франции. - Прим. ред.) долго являлась пищей для различных слухов.

Британцы спустя некоторое время провели своего человека содиректором: им стал Адам Уотсон, офицер связи Секретной разведывательной службы Великобритании с ЦРУ, базировавшийся в Вашингтоне в начале 1950-х, эксперт по психологической войне; затем Уотсон координировал секретные отношения Отдела информационных исследований с Конгрессом за свободу культуры.

[1082]Stephen Spender. Interview, London, July 1994.
[1083]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.
[1084]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.

Всё изменилось, но в действительности осталось неизменным. За исключением борьбы между конкурентами и напряжённых отношений, которые Джоссельсону удавалось сдерживать на протяжении многих лет - это, несомненно, его заслуга. Злоба и мягкотелость, унаследованные от всех интеллигентских конклавов, теперь доминировал и в организации, потерявшей устремлённость, сделавшую её такой успешной в разгар холодной войны. Из Женевы Джоссельсон не мог сделать ничего, чтобы помочь воссозданному Конгрессу уйти с пути, который неизбежно вёл к краху и забвению. Набоков иногда присылал новости, называя своих новых руководителей «ловкачами».

Так же пренебрежительно отзывался и Эдвард Шилс, который порвал с организацией в 1970 году. Это была, по его словам, крайне дискредитированная «говорильня для самодовольных, пресыщенных интеллектуалов» [1085]. В другом письме Джоссельсону Шиле писал, что у него не было новостей о Конгрессе, хотя он получил приглашение встретить некоего «ведущего гоя», на которое он ответил отказом . Он разделял впечатление Сидни Хука о Стоуне как «о неуклюжем осле... дураке, который наслаждается абсолютно незаслуженными положением и льготами» [1086]. «Единственное, что Стоун понял в международных делах, - сказал Шилс, - это то, как проводить учёт расходов». Вопрос, который вызывал наибольшую обеспокоенность Шилса и на который, по его признанию, он никогда не будет в состоянии ответить, состоял в том, как коммунистам, несмотря на всё совершённое ими зло, удалось создать и поддерживать столь высокую мораль [1087].

Наконец, в январе 1979 года Международная ассоциация за свободу культуры со своей старой номенклатурой, более не заинтересованной в успехе, потеряв интерес своих покровителей, была упразднена.

В 1959 году Джордж Кеннан писал Набокову, что не знает «никакой другой группы людей, которая сделала больше для укрепления нашего мира за эти последние годы, чем вы и ваши коллеги. В этой стране, в частности, немногие будут когда-либо понимать масштабы и значение ваших свершений» [1088]. В течение многих десятилетий Кеннан был убеждён, что те догматы, на которых он помог спроектировать концепцию «мира по-американски», были правильными. Но в 1993 году он отрёкся от своего монистского кредо, заявив: «Я должен прояснить, что полностью и решительно отрицаю любую и каждую концепцию мессианской роли Америки в мире, отрицаю наш образ учителей и спасителей остальной части человечества, отрицаю все иллюзии нашей уникальности и превосходства, пустую болтовню об особой судьбе или американском столетии» [1089].

[1085]Edward Shils to Michael Josselson. 11 November 1975 (MJ/HRC).
[1086]Sidney Hook to Michael Josselson. 23 September 1973 and 2 November 1972 (MJ/HRC).
[1087]Edward Shils to Michael Josselson. 10 February 1976 (MJ/HRC).
[1088]George Kennan to Nicolas Nabokov. 19 June 1959. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.
[1089]George Kennan. Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy (New York: Norton, 1993).

Именно на суждении, что судьба Америки - занять место лидера вместо старой, увядающей Европы, были построены основные мифы холодной войны. Как оказалось, это была ложная концепция. «Холодная война - иллюзорная борьба между реальными интересами, - написал Гарольд Розенберг в 1962 году. - Шутка холодной войны заключается в том, что каждый из противников знает, что идея конкурента стала бы чрезвычайно привлекательной, будь она претворена в жизнь... Запад хочет установить свободу, чтобы она обеспечивала частную собственность и прибыль; Советы хотят установить социализм, отвечающий условиям диктатуры коммунистической бюрократии... {Фактически) революции в XX веке делались ради свободы и социализма... реалистическая политика имеет большое значение, политика, которая избавилась бы раз и навсегда от этого обмана - свобода против социализма» [1090]. С этими словами Розенберг проклял манихейский дуализм, из-за которого обе противоборствующие стороны сошлись в конвульсирующем па-де-де, пойманные в «деспотизме формул».

Милан Кундера (Milan Cundera) однажды встретил «человека принципов» и спросил: «Что такое принцип? Это мысль, которая... затвердела. Именно поэтому романист систематически должен десистематизировать свою мысль, пробивать брешь в баррикаде, которую он сам строит вокруг своих идей». Только тогда, утверждал Кундера, «будет появляться «мудрость сомнения».

Наследие разоблачений 1967 года было своего рода сомнением, но, тем не менее, далёким от «мудрости» Кундеры. Это было сомнение, выращенное, чтобы затенить то, что произошло, и минимизировать его воздействие. Романист Ричард Элман с чувством отвращения к тому, что он рассматривал как недостаток ответственности среди тех интеллигентов, которые «оказали пособничество и подстрекали манипуляции ЦРУ в сфере культуры», обнаружил «ложное пресыщенное отношение, заставляющее казаться подобным или, как некоторые ожидают, своего рода благопристойным для продажности и коррупции, которая рассматривает мир как парадигму для скуки... Ничто действительно не стоит различать, и никто не может быть действительно честным» [1091].

Ключевой роман Ренаты Адлер (Renata Adler) «Катер» (Speedboat) выявил нравственную проблему: «Умные люди, пойманные на чём-то, всё отрицали. Перед лицом явных доказательств своей лжи люди заявляли, что действительно делали это и не лгали об этом, не помнили этого, но если бы они всё же это делали или солгали об этом, они сделали бы это из соображений самых высших интересов, которые могут изменить саму природу как поступка, так и лжи, всего вместе» [1092].

Примо Леви (Primo Levi) в «Утопленном и спасённом» предложил подобное, хотя в психологическом отношении и более сложное понимание:

[1090]Harold Rosenberg. The Cold War, in Discovering the Present: Three Decades in Art, Culture and Politics (Chicago: University of Chicago Press, 1973).
[1091]Richard Elman. The Aesthetics of the CIA (unpublished manuscript).
[1092]Там же.

«Есть... те, кто лжёт сознательно, хладнокровно фальсифицируя саму действительность, но более многочисленны те, кто уходит, отдаляется на мгновение или навсегда от подлинных воспоминаний и создаёт для себя удобную действительность... Спокойный переход от неправды к хитрому обману полезен: любой, кто лжёт из добрых побуждении - лучше остальных, он играет свою роль лучше, ему проще поверить» [1093].

Если те, кто принимал участие в культурной холодной войне, действительно верили в то, что они делали, то про них нельзя сказать, что они сознательно обманывали других. Даже если всё это было вымыслом и искусственной действительностью, тем не менее оставалось правдой. Однажды кто-то сказал, что если собака пометила Нотр-Дам, это не означает, что с собором что-то не в порядке. Но есть другая пословица, которую Николай Набоков любил цитировать: «Невозможно выйти сухим из воды». Демократический процесс, который западные «рыцари культурной холодной войны» поспешили сделать легитимным, был подорван его собственной недостаточной искренностью.

Свобода, которую он обеспечил, оказалась скомпрометированной несвободой в том смысле, что всё это основывалось на противоречивом императиве необходимой лжи. Контекст холодной войны, как он понимался наиболее воинственной частью интеллигенции в Конгрессе за свободу культуры, заключался в том, что деятельность велась под знаком полнейшей верности идеалу.

Цели оправдывали средства, даже если приходилось лгать (напрямую или путём замалчивания) коллегам; этика подчинялась политике. Они перепутали свою роль, преследуя собственные цели, играя на душевном состоянии людей, выставляя вещи в нужном им свете, в надежде на достижение определённого результата. Это работа политиков. Задача интеллигента должна состоять в том, чтобы правдиво изображать политика, его скупость в раскрытии фактов, его защиту статус-кво.

Преследуя абсолютистскую идею свободы, они, в конце концов, предложили другую идеологию - свободоизм, или нарциссизм свободы, - которая превознесла доктрину над терпимостью за еретические взгляды. «И конечно, Истинная Свобода - намного лучшее название, чем просто свобода, - говорит Энтони в «Слепом в Секторе Газа». - Истина - одно из магических слов. Объедините его с волшебством слова «свобода» и получите потрясающий эффект... Умные люди не говорят об истинной истине. Я думаю, что это звучит слишком странно. Истинная истина... истинная истина... Нет, это явно не звучит. И сильно напоминает beri-beri (авитаминоз) или Wagga-Wagga (австралийский город Уогга-Уогга. - Прим ред.)» [1094].

[1093]Primo Levi. The Drowned and the Saved (London: Michael Joseph, 1988).
[1094]Aldous Huxley. Eyeless in Gaza (London: Chatto & Windus, 1936).

Эпилог

«Замороженность бывает и качеством человеческого мозга». Дэвид Брюс (David Bruce)

После рокового лета 1967 года Николай Набоков получил от Фонда Фарфилда щедрое вознаграждение в размере 34 500 долларов и переехал в Нью-Йорк, чтобы читать лекции «Искусство в социальной среде» в Городском университете, где он получил грант при содействии Артура Шлезингера. Набоков и Стивен Спендер обменивались сплетнями о своих бывших собратьях и шутили о написании «забавной, как у Гоголя, истории о человеке, который, независимо от того, что бы он ни делал, и кто бы ни был его работодатель, обнаруживал, что ему всегда платило ЦРУ» [1095]. В 1972 году между ними произошла небольшая размолвка. Исайя Берлин советовал Набокову позволить проблеме утихнуть. «Оставьте его», - сказал он. Берлин также предостерегал Набокова от публикации своих воспоминаний о Конгрессе. Дело в том, что Набоков в 1976 году то ли шутя, то ли всерьёз обещал написать книгу под названием «Лучшие времена ЦРУ» (Les Riches Heuresdu CIA). «Если вы серьёзно настроены сделать это, позвольте мне дать вам искренний совет - не делать этого, - предупреждал Берлин. - Память склонна нас подводить; предмет по меньшей мере серьёзный... Я сомневаюсь, что вы хотите весь остаток вашей жизни быть в центре бесконечного скандала... Таким образом, позвольте мне настоятельно посоветовать вам оставить это минное поле в покое» [1096].

Многие не хотели ворошить прошлое. Спендер, на дружбу которого с Набоковым не повлияла даже их ссора в 1972 году, записал в дневнике, что в марте 1976-го он посетил некую церемонию во французском консульстве в Нью-Йорке, на которой Набоков был награждён орденом Почётного Легиона. «Атмосфера комедийности - консул так построил свою речь, что, пройдясь по всей жизни {Набокова), провёл границу между «творчеством» и «карьерой». Консул перечислил все музыкальные фестивали, которые он организовал, но ловко избежал темы Конгресса за свободу культуры. Пустота французской риторики в таких случаях так прозрачна, что становится своего рода искренностью» [1097].

В последние годы Набоков продолжал преподавать и писать музыку. Его самый главный проект - музыка для «Дон Кихота» в постановке Джорджа Баланчина (исполнял Нью-Йоркский городской балет). В статье про «Дон Кихота» для журнала «Нью-Йоркер» Эндрю Портер написал: «Нет ничего, увы, что можно сделать с плохой партитурой Николая Набокова... Эта задыхающаяся, повторяющаяся, ничтожная в своих слабых попытках достичь бодрости музыка, то и дело пытающаяся поправить ситуацию, обращаясь к соло трубы или удару гонга» [1098].

[1095]Stephen Spender to Nicolas Nabokov. 26 August 1970 (NN/HRC).
[1096]Isaiah Berlin to Nicolas Nabokov. 18 December 1972, 21 December 1976 (NN/HRC).
[1097]Stephen Spender. Journals.
[1098]Andrew Porter. The New Yorker, 17 February 1973.

Девиз Набокова, вспоминал один из его друзей, мог быть такой: «Я иду на компромиссы». Возможно, он унаследовал это от своего отца. Молодой офицер разведки на одном из вечеров в послевоенном Берлине встретил девяностолетнего отца Набокова. «Старик, как все Набоковы, был либералом в царской России. Я увидел, как он подошёл к каким-то высокопоставленным советским представителям и сказал: «Вы знаете, я всегда был на стороне народа!», а затем перешёл на другую сторону комнаты {к хозяину вечера) и с той же самой обворожительной улыбкой заявил: «Я очень хорошо знал вашего дедушку, его императорское высочество великого князя Александра Михайловича!». Я задался вопросом: как такой пожилой человек мог чувствовать потребность в таком лицемерии!» [1099].

Набоков умер в 1978 году. Его похороны, вспоминал Джон Хант, «были настоящим театром. Присутствовали все пять его жён. Патрисия Блейк была на костылях после травмы на лыжах. Она говорила: «Я чувствую, что всё ещё замужем за ним». Мари-Клэр заняла всю первую церковную скамью, как будто она всё ещё была замужем. Его последняя жена Доминик сказала, что чувствует себя полностью опустошённой. Ещё одна бывшая жена наклонилась над его гробом и попыталась поцеловать его в губы» [1100]. Это были театральные похороны театрального человека, любившего яркие жесты.

Джон Хант покинул Международную ассоциацию за свободу культуры, как и было запланировано, в конце 1968 года. На секретной церемонии (её не поленились организовать на плывущей по Сене яхте) он был награждён медалью ЦРУ за заслуги. Позже он занял должность исполнительного вице-президента Института Солка в Калифорнии. Его позицию по Вьетнаму можно было выразить как «иди-ты-к-чёрту-Хо-Ши-Мин», и он с горечью смотрел, как Америка, которую он так хорошо знал, начала сходить с ума. Он пожаловался Джоссельсону, что чувствует себя иностранцем в собственной стране [1101].

Наигравшись с идеей поработать с Роби Маколеем в «Плэйбое», Хант стал исполнительным вице-президентом Университета Пенсильвании. В 1976 году он написал пьесу об Алгере Хиссе, которая была поставлена в Кеннеди-центре. Позже он уехал на юг Франции.

Ирвинг Кристол с Даниэлом Беллом основал журнал «Паблик интерест», а в 1969 году стал профессором в Нью-Йоркском университете. К тому времени он уже начал называть себя неоконсерватором, что определял как «либерал, который столкнулся с действительностью». Он присоединился к Американскому институту предпринимательства (American Enterprise Institute; правоконсервативный исследовательский центр в Вашингтоне. - Прим. ред.) и журналу «Уолл-стрит», читал лекции корпоративным группам, за которые получал огромные гонорары, и был известен как «святой

[1099]David Chavchavadze. Crowns and Trenchcoats: A Russian Prince in the CIA (New York: Atlantic International, 1990).
[1100]John Hunt. Interview, Uzes, July 1997.
[1101]John Hunt to Michael Josselson. Undated, 1969 (MJ/HRC).

покровитель новых правых». Его работы всё больше показывали, как этот молодой радикал с возрастом превращался в угрюмого, конфликтующего с окружающим миром реакционера - этим миром с сексуальной свободой, мультикультурализмом, матерями на госдотациях и бунтующими студентами. Он стал, как Ласки и многие другие, по определению Артура Кёстлера, «человеком XX века... политическим невротиком, несущим собственный железный занавес в своём черепе» [1102].

В 1981 году он написал открытое письмо Пентагону, в котором выразил сожаление, что американские солдаты не смогли правильно выполнить команду «смирно» во время исполнения государственного гимна. Он призвал к возобновлению «правильных военных парадов», потому что «ничего так не прививает населению уважение к вооружённым силам, как парад» [1103]. Оглядываясь назад, на вмешательство ЦРУ в культурную политику, он отметил: «Кроме того факта, что ЦРУ как секретная служба, кажется, укомплектована до экстраординарной степени неисправимыми трепачами, у меня нет причины презирать Управление больше, чем, скажем, почтовую службу» [1104]. Об «Инкаунтере» он сделал следующее заключение: «Я думаю, это довольно интересно, что единственный британский журнал, который стоило читать в то время, финансировался ЦРУ, и британцы должны быть чертовски благодарны за это» [1105].

Мелвин Ласки оставался редактором «Инкаунтера» до 1990 года, то есть пока журнал не прекратил существование. К этому времени немногие были готовы охарактеризовать его с положительной стороны. «Инкаунтер» часто казался чем-то вроде карикатуры на самого себя в более ранние времена: он рутинно продолжать запугивать холодной войной с многочисленными страшными предупреждениями об опасности ядерного разоружения» [1106]. Редактор отдела литературного приложения «Нью-Йорк Таймс» консерватор Фердинанд Мунт (Ferdinand Mount) действительно написал прощальную речь «Инкаунтеру» и провозгласил Мелвина Ласки как «однозначно бесчестного пророка его приёмной родины» [1107]. Но эта своеобразная дань уважения не привела к потеплению отношений с теми, кто полагал, что Ласки должен был остаться дома.

После прекращения финансирования ЦРУ «Инкаунтер» оказался в тяжёлом положении и переживал один финансовый кризис за другим, а Ласки тратил большую часть своего времени на поиск спонсоров. В 1976 году Фрэнк Платт, который остался в ЦРУ, написал Джоссельсону: «Замечательная картина... Мэл, говорящий с этими жестокими ультраправыми (он ещё хочет, чтобы старик Хант выглядел как Гэс Холл), с главой пивной империи «Корс» (Coors) в Денвере. Этот пивной магнат хотел встать у руля журнала, сделать его своим собственным. Носил наплечную

[1102]Arthur Koestler. A Guide to Political Neuroses, Encounter, November 1953.
[1103]Irving Kristol. Цитата из Hugh Wilford. The New York Intellectuals.
[1104]Irving Kristol. Neo-Conservatism: The Autobiography of an Idea, Selected Essays 1949-1995 (New York: The Free Press, 1995).
[1105]Irving Kristol. Interview, Washington, June 1994.
[1106]Neil Berry. Encounter, London Magazine, February-March 1995.
[1107]Ferdinand Mount. Там же.

кобуру и кольт 45 калибра в течение всей встречи! Нет, спасибо, хозяин Коре» [1108]. Пока Ласки был «у чёрта на рогах в поисках помощи», Платт внёс свою лепту и попросил деньги у Фонда Уильяма Уитни. Позже, когда они поспорили о поддержке «Инкаунтера» ЦРУ, Ласки ответил; «Ну, и кто собирается давать деньги? Маленькая старая леди из Айовы в тапочках на босу ногу? Она даст вам миллион долларов? Ну, это я полагаю, несбыточные мечты! Где взять деньги?» [1109].

Все английские соредакторы, работавшие с Ласки, ушли в отставку (Спендер, Кермоуд, Найджел Дэнис, Д.Дж. Энрайт), за исключением последнего - Энтони Хартли. Ласки сделал всё возможное, чтобы собрать всех, кто остался из старой команды, организовав «Последний Инкаунтер» (A Last Encounter) в Берлине в 1992 году. Он сделал это на церемонии празднования окончания холодной войны, на которой сам и председательствовал. Ласки бы настроен более чем воинственно: «Его борода, казалось, протыкала даже его сторонников» [1110].

Там собрались ветераны «культурной войны»: Ирвинг Кристол и его жена, консервативный историк Гертруда Химмелфарб, Эдвард Шилс, Франсуа Бонди, Роберт Конквест (Robert Conquest), Лео Лабедз, Питер Коулман (Peter Coleman), люди из радио «Свобода» и «Свободная Европа», больные и постаревшие, но у них всё ещё был порох в пороховницах. Это собрание, как сказал Бернард Левин, было «разношёрстной армией, которая без единого выстрела боролась за правду против лжи, за действительность против миражей, за стойкость против капитуляции, за цивилизацию против варварства, за мирное слово против зверского удара, за воспевание храбрости против проявления трусости - проще говоря, за демократию против тирании. Мы были правы: целиком и полностью, явно, радостно, терпеливо и истинно правы» [1111]. Ряды этой «армии правды» проредила смерть - Крюк, Кёстлер, Арон, Марло, Набоков, Спербер. Но их также сократил и Ласки, который не пригласил Марго Уолмсли, которая дольше всех проработала в «Инкаунтере», Диану Джоссельсон и Спендеров. Имя Майкла Джоссельсона не было упомянуто ни разу.

«Разношёрстная армия Левина» не проливала слёз, когда советская система развалилась. Но всё же радио-пропагандист Джордж Урбан сказал за всех, что «испытывал своеобразное чувство потери. Спарринг-партнёр, с которым было здорово тренироваться, сошёл с ринга. Тот противник за холмами, от которого знаешь, что ожидать, которого часто слышали, но редко видели, как это ни парадоксально, был источником уверенности. Иметь «великого врага» почти столь же хорошо, как и иметь «великого друга», а во времена разлада в собственных рядах - возможно, даже лучше. Друг был другом, но сильный противник был призванием. Возможно, я иногда и задавался вопросом: это моя долгая озабоченность «диалектикой»

[1108]Frank Piatt to Michael Josselson. 13 October 1976 (MJ/HRC).
[1109]Melvin Lasky. Interview, London, July 1994.
[1110]Bernard Levin. The Times, 15 October 1992.
[1111]Там же.

так сильно заразила меня, что я не мог вообразить жизнь вне соперничества?» [1112].

Вскоре после падения Берлинской стены Джордж Урбан встретился с бывшим сотрудником КГБ, который утверждал, что руководил пропагандистской школой Кремля. «А вы правда считали наши статьи в «Инкаунтере» полезными, как ключ к разгадке того, что готовил «враг»?» - спросил Урбан. «Очень полезными - они были такими захватывающими, что постепенно вы и ваши коллеги отвратили меня от моей присяги и моей идеологии и превратили в диссидента», - был ответ. «Видите, «Инкаунтер» был слишком убедителен. Он породил сомнение, случайное неповиновение и, наконец, открытое инакомыслие в уме матёрого шпиона!» [1113] Урбан рассказал про этот случай Ласки, который был в восторге, узнав, что враг изучал «Инкаунтер».

«Это ошеломило меня! Какой комплимент от КГБ! Мы считали его {«Инкаунтер») идеологическим лезвием, которым мы, бойцы холодной войны, поражали цель, и оказывается, были правы» [1114]. По словам Наташи Спендер: «Такие люди, как Ласки, думали точно так же, как и русские. Для них это всё было просто стратегической игрой» [1115].

Фрэнк Платт оставался в Фонде Фарфилда на посту директора до 1969 года (пока у фонда ещё были средства, перечисленные до 1967 г.). В сентябре 1976 года Платт действовал как казначей и связной для авторов ПЕН-клуба в Тюремном комитете (Prison Committee) в Лондоне. Два месяца спустя он сказал Джоссельсону: «Меня спросили Курт {Воннегут), Джек Мас {Майкл Скэммелл - Michael Scammell) и другие, что, если я рассмотрю вопрос о работе с авторами ПЕН-клуба в комитете и буду поддерживать контакт со Скэммеллом в лондонском «Индексе» {по цензуре), который делает всё это для международной сети ПЕН-клуба. То есть фактически в роли координатора. Я сказал, да, конечно. Интересная работа. Предполагает поездки» [1116].

В то же время Платт регулярно поставлял Джоссельсону самые горячие сплетни о ЦРУ, которое тот любил называть «шоколадной фабрикой». Когда в 1975 году Корд Мейер был публично раскрыт как лондонский резидент ЦРУ - 34 члена парламента от лейбористской партии потребовали его высылки, Платт написал, посмеиваясь: «В Земле Слепых одноглазый человек сказал, что видел на стене зловещее предзнаменование? Кто знает. Я знаю только, что Управление - это полный бардак» [1117]. Некоторое время спустя, встретив Мейера на одном из вечеров в Джорджтауне, один журналист с ужасом наблюдал, как тот донимает пожилого канадского дипломата проблемой канадского сепаратизма. «Дипломат, у которого были серьёзные проблемы с сердцем, выглядел обеспокоенным, но Мейер наседал без остроумия, вкуса или милосердия». Как выразился другой обозреватель:

[1112]George Urban. Radio Free Europe.
[1113]Там же.
[1114]Melvin Lasky. Interview, London, August 1997.
[1115]Natasha Spender. Interview, Maussane, July 1997.
[1116]Frank Piatt to Michael Josselson. 11 November 1976 (MJ/HRC).
[1117]Frank Piatt to Michael Josselson. 15 December 1977 (MJ/HRC).

«Поколение и класс Мейера никогда, как говаривал Кромвель, не признаются, что они могли ошибиться» [1118].

23 февраля 1983 года Джеймс Бэрнхам получил «Президентскую медаль свободы» от Рональда Рейгана, карьера которого в политике началась с крестового похода за свободу. «С 1930-х г-н Бернхам формировал мышление мировых лидеров. Его наблюдения изменили общество, а его работы стали маяком в поисках правды» [1119]. А неделю спустя Артур Кёстлер совершил самоубийство, приняв большую дозу барбитуратов и алкоголя в своей лондонской квартире.

Вместе с ним покончила с собой и его третья жена Синтия Джеффрис (Cynthia Jeffries). Ему было 77 лет, а его жене - на 20 лет меньше. В 1998 году Кёстлер был буквально «сброшен с пьедестала», когда его бронзовый бюст убрали из Эдинбургского университета после разоблачений, сделанных биографом Дэвидом Сесарани (David Cesarani). «Погрязшее в старых конфликтах, неэффективном перепроизводстве и плохом поведении, время Кёстлера ушло», - написал один рецензент после прочтения книги Сесарани [1120]. Бернхам умер в 1987 году, но его идеи остались с Уильямом Бакли, у которого Бернхам был редактором в «Нэшнл Ревью». В 1990 году Бакли объявил, что «длительное противостояние Соединенных Штатов коммунизму - одно из наших действительно благородных деяний» [1121].

Том Брейден продолжал успешную карьеру обозревателя и совладельца ток-шоу CNN «Перекрёстный огонь» (Crossfire). В 1975 году, пока правительственный комитет готовил самый полный (из когда-либо существовавших) обзор американской разведывательной деятельности, Брейден провёл ошеломительную атаку на ЦРУ. «Это позор - то, что произошло с ЦРУ, - написал он. - Управление могло бы включать несколько сотен специалистов для анализа разведданных, несколько сотен шпионов в ключевых точках и несколько сотен оперативников, готовых выполнить редкие по безрассудству задачи. Вместо этого Управление стало гигантским монстром, владеющим собственностью по всему миру и управляющим самолётами и газетами, радиостанциями и банками, армиями и флотами, искушая каждого последующего госсекретаря и подавая по крайней мере одному президенту {Никсону) блестящую идею: если существует специальный аппарат обмана, почему бы его не использовать?» [1122]. Брейден выступил за упразднение ЦРУ и передачу его функций (тех немногих, которые можно было оправдать) другим службам. «Я бы передал психологических борцов и пропагандистов «Голосу Америки».

Психологические борцы и пропагандисты, вероятно, никогда не принадлежали секретному агентству» [1123]. Он также написал сценарий фильма «Восьми достаточно» - комедия о многодетной белой американской семье, которая позже была адаптирована для телевидения - и вдохновил

[1118]Godfrey Hodgson. Superspook, Sunday Times Magazine, 15 June 1975.
[1119]Unidentifiable clipping, 23 February 1983 (MJ/HRC).
[1120]Michael Hofmann. Guardian, 23 January 1998.
[1121]William Buckley. Цитата из Gore Vidal. Palimpsest.
[1122]Tom Braden. What's Wrong with the CIA? Saturday Review, 5 April 1975.
[1123]Там же.

создателей ситкома «Семейка Брэди» (популярный в 70-х американский сериал о многодетном овдовевшем отце, который женится на вдове с тремя детьми). Наконец, он вышел в отставку и уехал в Вудбридж (штат Вирджиния), поселился в доме, охраняемом двумя огромными, но незлобными овчарками.

Лоуренс де Новилль ушёл из ЦРУ вскоре после венгерского восстания 1956 года. Он сменил множество мест, прежде чем стать биржевым маклером. Новилль остался верным другом Майкла Джоссельсона, которого он завербовал много лет назад в Берлине. Когда он давал интервью для этой книги в своём доме в Уэст-Хартфорде (штат Коннектикут), то посмеялся над мыслью, что его наконец рассекретят. «Я предполагаю, что мои друзья здесь, в этом городе, будут несколько удивлены» [1124], - шутил он. Он умер прежде, чем смог увидеть их реакцию.

Уильям Колби продолжал тайно руководить программой «Феникс» во Вьетнаме, в рамках которой пытали и убили более 20 тысяч солдат Вьетконга. Как директор ЦРУ с 1973 по 1976 год он отвечал за увольнение Джеймса Джисуса Англтона. Под его руководством Управление постоянно терпело фиаско в деле связей с общественностью. После выхода на пенсию и краха СССР он продавал свои услуги консультанта главам восточноевропейских разведывательных служб. Он умер в апреле 1996 года в результате падения в реку Потомак, известную своими водоворотами.

После ухода из «Инкаунтера» Стивен Спендер присоединился к «новым левым» и вновь открыл в себе революционное рвение. Мэри Маккарти увидела его в июне 1968 года на встрече в Сорбонне, созванной бунтующими студентами. «Стивен Спендер был очень хорош, - сказала она Ханне Арендт. - Я много где его видела. И думаю, что он искупал свою работу в ЦРУ» [1125]. Забавно, но его дом в Провансе являл для него целую моральную проблему: развалина, которую они купили и медленно ремонтировали на доходы, заработанные его американскими лекциями; он решил ещё в первые дни, что не «владел» этим домом и, если революция заберёт его, то и ладно. Всякий раз, когда он говорил с каким-либо особо яростным студентом, он повторял мысленно: «Да-да, вы можете забрать мой дом!» Он собирал деньги для группы американских «оппозиционеров», которых нашёл в полной изоляции в комнате на одном из факультетов и фактически, как он думал, голодающих» [1126].

В 1972 году он основал «Индекс цензуры» (Index on Censorship), который получил фант от Фонда Форда. Он был посвящён в рыцари в 1983 году. В более поздние годы Спендер признал, что люди говорили ему о связях «Инкаунтера» с ЦРУ в течение многих лет, «но это было как с людьми, которые приезжают и говорят вам, что ваша жена вам неверна.

[1124]Lawrence de Neufville. Telephone interview, April 1997.

[1125]Мэри Маккарти пришла к тем же выводам о Николе Кьяромонте. 22 мая 1969 г. она писала: «Возможно, он, несчастный человек, был серьёзно ранен или покалечен опытом работы с ЦРУ, и что бы ни писал или ни думал, всё является в каком-то смысле подтверждением этого, снова и снова». Кьяромонте умер в лифте после радиоэфира в Италии 18 января 1972 г.

[1126]Mary McCarthy to Hannah Arendt. 18 June 1968, in Carol Brightman (ed.), Between Friends.

Тогда вы спрашиваете её сами, и если она отрицает это, вы удовлетворены» [1127]. Спендер никогда не читал и не покупал других выпусков «Инкаунтера». Он умер в 1995 году, тогда же и прервалась одна из последних связей с тридцатыми годами XX века, этим красным рассветом, который должен был превратиться в самую тёмную из эпох. Его вдова Наташа Спендер вспоминала: «Все эти потраченные впустую годы, все споры, все расстройства» из-за связи Стивена с Конгрессом за свободу культуры, «это произвело ужасный эффект на него. Он так устал, так утомился от всех этих препирательств, и у него никогда, казалось, не было времени, чтобы писать стихи, к которым у него был талант» [1128].

Майкл Джоссельсон умер в январе 1978 года. Несмотря на его постоянные поиски работы, ему отказали фактически все его бывшие знакомые, с которыми он сотрудничал. В 1972 году ему отказали в Американском совете по научным обществам. Шепард Стоун написал сенатору Уильяму Бентону, владельцу и издателю Британской энциклопедии, рекомендательное письмо для Джоссельсона, но ему не предложили никакой работы. Даже «Джимбель-Сакс», старая фирма Джоссельсона, ничего не могла подыскать для него. В «Тайм» ему сказали, что они не могут найти место для него, несмотря на его «экстраординарные рекомендации». В марте 1973 года ему сообщили, что он не получит фанта Фонда Гуггенхайма. Ему также отказали и в Гуверовском институте войны, революции и мира.

За восемь лет до своей смерти он сел за биографию генерала Барклая де Толли, которого заменили фельдмаршалом Кутузовым на посту командующего русской армией в войне с Наполеоном 1812 года. Прямой потомок генерала - майор Николай де Толли служил в американской военной администрации в Берлине. Возможно, Джоссельсон встретил его и был впечатлён рассказом о великом русском полководце, несправедливо оскорблённом. Именно про него потом писал Пушкин:

Вотще! Преемник твой стяжал успех сокрытый

В главе твоей, а ты непризнанный, забытый

Виновник торжества почил - и в смертный час

С презреньем, может быть, воспоминал о нас!

Похороны Джоссельсона в январе 1978 года были скромными. Ласки так написал Хуку {Сиднею): «Умри он тогда, когда они починили ему сердце около 14 лет назад, его похороны стали бы громким европейским, западным событием - проститься с ним пришла бы тысяча людей» [1129]. По воспоминаниям Дианы, сам Ласки «пришёл на похороны Майкла и затмил всех» [1130]. Также был представитель от ЦРУ, который улучил момент, чтобы вручить Диане памятную медаль Майкла. «Это выглядело так, как будто они

[1127]Stephen Spender. Interview, London, July 1994.
[1128]Natasha Spender. Telephone interview, Maussane, August 1997.
[1129]Melvin Lasky to Sidney Hook. Цитата из Peter Coleman. The Liberal Conspiracy.
[1130]Diana Josselson. Interview, Geneva, May 1996.

говорили, что вы сделали это ради этой медали, ничто более не могло быть так далеко от правды. Я отказалась принимать её» [1131].

Диана продолжала жить в квартире в Шампель, окружённая сувенирами и фотографиями тех бурных дней, когда Конгресс за свободу культуры казался ей чем-то вроде Французской революции, Оксфордского движения или первых дней президентства Кеннеди. «Майкл, - сказала она, - жил для Конгресса, и в конце он умер за него. Но Конгресс был лучшим в моей жизни. Это были замечательные годы» [1132].

А что же единомышленники? Что же этот «мужской клуб тех, кому посчастливилось не умереть и быть при этом патриотами»? Меньшинство, которое знало то, что и все остальные должны были знать, но не знали? Меньшинство, которое выносило собственные секретные суждения от имени нового века просвещения? «Они хотели следовать двумя путями одновременно - идти с дьяволом тайно и в тени и идти на солнце» [1133], - сказал один из ветеранов ЦРУ. Для многих контраст был слишком велик. Сторонники холодной войны, они были также в какой-то мере её жертвами, уничтоженными моральными двусмысленностями «большой игры».

По воспоминаниям Джейсона Эпштейна, в поздние годы Конгресса Джек Томпсон, прежний протеже Джона Кроу Рэнсома, который стоял у руля «СС Фарфилд» («корабль» - так в ЦРУ называли Фонд Фарфилда), стал «одержим спасением африканцев от русских, и он много раз туда ездил... Он хотел предложить сотрудничество африканским специалистам и интеллектуалам, и их правительства позволили бы им принять его с условием, что они никогда не вернутся (они были рады избавиться от них). Таким образом, то, что Джек делал, не понимая этого, было прямой дорогой в ссылку всем африканским интеллектуалам. Вы должны ожидать беды, если будете воспринимать требования своей страны буквально» [1134].

Фрэнк Уизнер покончил с собой в 1965 году, так и не оправившись от нервного срыва после неудавшейся революции в Венгрии. Были и другие самоубийства, включая Ройалла Тайлера, одного из самых ярких ранних сотрудников Аллена Даллеса, который покончил с собой в 1953 году; и Джеймса Форрестэла (James Forrestal), министра обороны, занимавшего этот пост после Второй мировой войны (он тоже помогал проектировать тайные операции Америки). Джеймс Форрестэл совершил самоубийство в 1949 году. Издатель «Вашингтон пост» Филип Грэм застрелился в 1963 году. «Он боролся изо всех сил ради достижения самого обычного успеха. И он достиг его в самом большом масштабе. Затем так или иначе это всё для него обернулось в пыль и пепел» [1135], - этот ответ Джозефа Олсопа Исайе Берлину служит эпитафией для всех них.

За «неисследованной ностальгией по «золотым дням» американской разведки» лежит намного более разрушительная правда: те самые люди,

---

[1131]Там же.
[1132]Diana Josselson. Interview, Geneva, March 1997.
[1133]Edgar Applewhite. Цитата из Richard Elman. Interview, New York, June 1994.
[1134]Jason Epstein. Interview, New York, June 1994.
[1135]Joseph Alsop to Isaiah Berlin. Цитата из Robert Merry. Taking on the World.

которые читали Данте, поступали в Йельский университет и получали достойное образование, - принимали на работу нацистов, манипулировали результатами демократических выборов, подсаживали на ЛСД, люстрировали почту тысяч американских граждан, свергали правительства, поддерживали диктатуры, готовили убийства и планировали катастрофу в заливе Свиней. «Во имя чего?» - спросил один критик. «Не в интересах граждан, но в интересах империи» [1136], - был ему ответ.

[1136]Doug Henwood. Spooks in Blue, Grand Street, vol. 7/3, Spring 1998.

Примечания

Все интервью, не имеющие особых замечаний, были проведены автором.

Источники

AB/MoMA - Alfred H. Barr Papers, Museum of Modern Art, New York - Архив Альфреда Барра, Музей современного искусства, Нью-Йорк.

ACCF/NYU - American Committee for Cultural Freedom Papers, Tamiment Library, New York University, NY - Архив Американского комитета за свободу культуры, Библиотека Тамимент, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк.

AWD/PU - Allen Welsh Dulles Papers, Seeley Mudd Manuscript Library, Princeton University - Архив Аллена Уэлша Даллеса, Библиотека рукописей Сили Мад, Принстонский университет.

BC/F0924/PR0 - British Council Records, Public Records Office, Kew, London - Документы Британского совета, Управление общественных архивов, Кью, Лондон.

BCCB/F0924/PRO - British Control Commission, Berlin, Public Records Office, Kew, London - Британская контрольная комиссия, Берлин, Управление общественных архивов, Кью, Лондон.

CCF/CHI - Congress for Cultural Freedom Papers, Joseph Regenstein Library, University of Chicago, Illinois - Архив Конгресса за свободу культуры, Библиотека Джозефа Регенштайна, Чикагский университет, штат Иллинойс.

CDJ/DDE - C.D. Jackson Papers and Records, Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas CIA History Source - Архивы и документация Ч.Д. Джексона, библиотека Дуайта Эйзенхауэра, Абилин, архив исторических материалов ЦРУ в Канзасе.

CIA.HSC/RG263/NARA - CIA History Source Collection, National Archives & Records Administration, Washington, DC - Собрание исторических материалов ЦРУ, Национальное управление архивов и документации, Вашингтон, округ Колумбия.

DM/STER - Dwight Macdonald Papers, Sterling Memorial Library, Yale University - Архивы Дуайта Макдональда, Мемориальная библиотека Стерлинга, Йельский университет.

FA/COL - Frank Altschul Papers, Butler Library, Columbia University, New York - Архивы Фрэнка Алтшула, Библиотека Батлера, Колумбийский университет, Нью-Йорк.

GG/DDE - Gordon Gray Papers, Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas - Архивы Гордона Грея, Библиотека Дуайта Эйзенхауэра, Абилин, штат Канзас.

GO/UCL - George Orwell Papers, University College, London - Архивы Джорджа Оруэлла, Университетский колледж, Лондон.

HL/COL - Herbert Lehman Papers, Butler Library, Columbia University, New York - Архивы Герберта Лимана, Библиотека Батлера, Колумбийский университет, Нью-Йорк.

IB/GMC - Irving Brown Papers, American Federation of Labor-Congress of Industrial Relations, George Meany Center, Washington, DC - Архивы Ирвинга Брауна, Американская федерация труда - Конгресс производственных профсоюзов, Центр Джорджа Мини, Вашингтон, округ Колумбия.

IRD/FO1110/PRO - Information Research Department, Public Records Office, Kew, London - Департамент информационных исследований, Управление общественных архивов, Кью, Лондон.

MJ/HRC - Michael Josselson Papers, Harry Ransom Humanities Research Center, Austin, Texas - Архивы Майкла Джоссельсона, Центр гуманитарных исследований Гарри Рэнсома, Остин, штат Техас.

MS/COL - Meyer Schapiro Papers, Butler Library, Columbia University, New York - Архивы Мейера Шапиро, Библиотека Батлера, Колумбийский университет, Нью-Йорк.

NN/HRC - Nicolas Nabokov Papers, Harry Ransom Humanities Research Center, Austin, Texas - Архивы Николая Набокова, Центр гуманитарных исследований Гарри Рэнсома, Остин, Техас.

NSF/LBJ - National Security Files, Lyndon Baines Johnson Library, Austin, Texas - Документы по национальной безопасности, Библиотека Линдона Бейнса Джонсона, Остин, штат Техас.

NSF/JFK - National Security Files, John F Kennedy Library, Boston University - Документы по национальной безопасности, Библиотека Джона Ф. Кеннеди, Университет Бостона.

OCB/Cen/DDE - Operations Coordinating Board, Central File Series, Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas - Совет по координации операций, Серия центральных архивов, Библиотека Дуайта Д. Эйзенхауэра.

OMGUS/RG260/ - Office of Military Government United States, National Archives & NARA Records Administration, Washington, DC - Офис военного управления США, Национальное управление архивов и документации, Вашингтон, округ Колумбия.

PEN/HRC - International PEN Papers, Harry Ransom Humanities Research Center, Austin, Texas - Архивы ПЕН-клуба, Центр гуманитарных исследований Гарри Рэнсома, Остин, Техас.

SD.PPW/RG59/NARA - State Department, Political and Psychological Warfare, National Archives Records Administration, Washington, DC - Государственный департамент, Управление политической и психологической войны, Национальное управление архивов и документации.

PSB/DDE - Psychological Strategy Board Records, Dwight D. Eisenhower Library, Abilene, Kansas - Документы Совета по психологической стратегии, Библиотека Дуайта Д. Эйзенхауэра, Абилин, штат Канзас.

PSB/HT - Psychological Strategy Board Records, Harry S. Truman Library, Independence, Missouri - Документы Совета по психологической стратегии, Библиотека Гарри С. Трумэна, Индепенденс, штат Миссури.

RH/COL - Random House Papers, Butler Library, Columbia University, New York - Архивы Рэндом Хаус, Библиотека Батлера, Колумбийский университет, Нью-Йорк.

SCHLES/JFK - Arthur M. Schlesinger, Jr., Papers, John F. Kennedy Library, Boston - Архивы Артура М. Шлезингера-мл., Библиотека Джона Ф. Кеннеди, Бостон.

SD.CA/RG59/ - State Department, Cultural Affairs Office, National Archives & Records NARA Administration, Washington, DC - Государственный департамент, Управление по культурным делам, Национальное управление архивов и документации.

ENC/S&W/RU - Encounter Papers, Seeker & Warburg, MS 1090, Reading University, Reading - Архивы журнала «Инкаунтер», «Сикер & Уорбург», MC 1090, Университет Ридинг.

WHO/DDE - White House Office, Office of the Staff Secretaries: Records 1952-1961/Cabinet Series, Dwight D. Eisenhower Library, Kansas - Управление Белого дома, Управление кадровых секретарей, Документы 1952-1961 / Архивы администрации, Библиотека Дуайта Д. Эйзенхауэра, штат Канзас.

WHO/NSC/DDE - White House Office, National Security Council Staff Papers 1948-1961, Dwight D. Eisenhower Library, Kansas - Управление Белого дома, Внутренние архивы Совета национальной безопасности 1948-1961, Библиотека Дуайта Д. Эйзенхауэра, Канзас.